ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. Пушкина

XXX Царскосельские чтения

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции

21–22 апреля 2026 г.

Текстовое электронное издание

Санкт-Петербург
2026

УДК 378
ББК 74.48
Ц19

Редакционная коллегия: проф. В. А. Веременко,
доц. Е. А. Гаджиева,
проф. О. Р. Демидова,
проф. Н. М. Космачева,
доц. Л. В. Коцюбинская,
доц. Т. Е. Лебедева,
Е. В. Морозова,
проф. М. В. Рыбкина,
проф. С. Л. Слободнюк,
доц. М. В. Ягодкина

Ц19 **XXX Царскосельские чтения:** материалы международной научной конференции, 21–22 апреля 2026 г., Санкт-Петербург: в 2 т. – Т. 1 / под общ. ред. Ю. И. Бушеневой. – Санкт-Петербург: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2026. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: ПК (AMD, Intel, 1,5 ГГц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-8290-2330-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2329-4

В сборнике представлены материалы международной научной конференции «XXX Царскосельские чтения», в которой традиционно принимают участие ведущие российские и зарубежные учёные, преподаватели, специалисты-практики, представители общественных организаций и учреждений культуры, науки и образования.

Издание адресовано широкому кругу специалистов, в том числе научно-педагогическим работникам и административно-управленческому персоналу образовательных организаций всех уровней, аспирантам и студентам.

УДК 378
ББК 74.48

© Авторы, 2026
© Ленинградский государственный университет (ЛГУ) имени А. С. Пушкина, 2026

ISBN 978-5-8290-2330-0 (т. 1)
ISBN 978-5-8290-2329-4

Содержание

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Неизвестные и противоречивые страницы биографии Героя Советского Союза, легендарного разведчика – Николая Петровича Фёдорова
Т. В. АКСЮТКИНА 10

Экология пригородных императорских резиденций – городов дворцового ведомства: царских заказников, антропогенное воздействие и технический прогресс второй половины XIX – начала XX в.
Г. Ю. АФАНАСЬЕВ, Ю. Е. АФАНАСЬЕВ 16

Философское творчество П. Д. Успенского: периодизация и биографический очерк
Д. А. БАЛОВНЕВ 24

Деятельность Г. И. Фепонова в футбольной жизни Петрограда (Ленинграда) в 1922–1927 гг.
В. А. БОГДАНОВИЧ 29

Роль личности командира в организации повседневной жизни экипажа корабля в годы Великой Отечественной войны (на примере эсминца «Сокрушительный» Северного флота, 1941–1942 гг.)
С. Б. БОРИСОЧКИН 35

О пенсионном обеспечении советских граждан за участие в освоении районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей
О. В. КАПУСТИНА 41

Современная историография подготовки инженерно-технических кадров в Петрограде-Ленинграде в 1917–1927 гг.
А. А. КОНКИН, И. А. ТРОПОВ, К. А. ЗЕЛЕНЦОВА 46

Детерминанты старообрядческой благотворительности
Н. В. КУРКИНА 52

Психологическая зрелость личности: прошлое, настоящее, будущее
С. В. МАРИХИН, В. Н. ЗУБАРЕВ 57

Социально-экономическое положение учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.
В. Ю. ШЕВЕЛЁВ 61

Король как символ: личности королей у Юлиана Толедского и каролингских историков
С. В. ЩУКИН 66

Апробация методики рефлексивного выбора мировоззренческого ориентира (из опыта преподавания дисциплины «Основы российской государственности»)
А. Н. ЯРОСЛАВЦЕВА 72

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА В ФИЛОСОФСКОМ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Проблема единства в наследии В. В. Зеньковского
А. Н. БАЙРОН 77

Роль религии в обществе: функции интеграции и дезинтеграции
О. А. БОКОВА 81

Органы публичной власти в системе административного права:
философско-правовой аспект
Н. В. БУГЕЛЬ, Л. К. КУПРАВА 85

Взгляд русских мыслителей XIX в. на религиозный фактор
взаимодействия России и Европы
А. Н. ГРЕБЕНКИН 90

Неизвестный древнерусский трактат (1517 г.) Ф. И. Карпова о философии и астрономии
А. Ю. ГРИГОРЕНКО 96

Народ как ценность в творчестве А. С. Пушкина
О. А. КАНЫШЕВА, Е. П. СКРЫЛЕВ 101

Проблема единства знания и субъекта в раннем христианстве
в «Признаниях плоти» Мишеля Фуко
И. А. КОРКИШКО 106

Единство логоса и пафоса: роль оппозиций в работе Мики Киёси «Логика воображения»
М. А. ЛАНЦЕТОВ 110

Единство как компонент образа будущего: в контексте теории действия
А. Д. МАРКИТАНТОВ 114

Религиозный индифферентизм по отношению к вероучительной составляющей религии:
практика утерянного смысла
Н. В. МИРОНОВА 120

Религиозное многообразие и социальное единство
Е. М. МИРОШНИКОВА 124

Конфессиональное единство в условиях цифровизации религии
Э. А. НИМЯЕВ 128

Роль права в становлении единства народов
М. Н. ПРИГОН 134

Адаптация цыганского населения в Ленинградской области: медиакейс
Т. С. ПРОНИНА, В. А. СЛИВКИНА 140

Религиозный ритуал: путь к объединению или разъединению российской молодежи
Д. Э. ПРЫТКОВА 145

Психология любви и веры в творчестве русских писателей и поэтов
М. М. САТЫБАЛДИЕВ, Э. Т. ТУРДУБЕКОВА 149

Проблематизация понятий «гетто» и «анклав» в городских исследованиях
В. А. СЛИВКИНА 156

Проблема единства и множества в контексте концепции самобытности
российской культуры
О. И. СТАВЦЕВА 164

К вопросу о терпимости и вере (по материалам изданий переписки Екатерины II
и Вольтера в библиотечном собрании Государственного Эрмитажа)
Л. Э. СУТЯГИНА 169

Экзистенциальное единство познающего субъекта
А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ 173

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: ИСКУССТВО КАК ЯЗЫК ЕДИНСТВА

Многонациональная Бурятия: изобразительное искусство республики, художники разных поколений и стилей
М. В. АСАЛХАНОВА 177

Этнографические экспедиции И. Я. Билибина как основа «национального стиля»
Е. Т. БОГДАНОВА 185

Степан Эрьзя – русский Роден
С. А. КЛУБНИКИНА 189

Тема вечного в пейзажной живописи И. И. Шишкина: образ природы как форма национальной и духовной памяти
Н. Д. ЛУКШИН 194

Культурная память как фактор духовного единения советской молодежи (на примере кинофильмов «Я шагаю по Москве» и «Люди и звери»)
Н. А. МИШНЕВА 199

Немецкая практичность и русская душевность: феномен Ф. К. Сан-Галли в культурном пространстве Петербурга
Н. В. НАУМЕНКО 204

Формирование этнокультурной толерантности в российском образовании: подходы и проблемы
И. В. ФОТИЕВА 208

«Этнокультурное воспитание личности обучающихся воспитанников путем интеграции музейной педагогики в историю краеведения». Старший дошкольный возраст
И. Н. ХМЕЛЕВА 213

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ИСТОЧНИК УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Этнический компонент музыкального образования в многонациональном государстве
ВАН ЦЗЭВЭНЬ, М. Д. КОРНОУХОВ 220

Музыкальное сопровождение в семейно-бытовых обрядах народов Дагестана
Д. А. ПАШАЕВА 225

Тема России в оперном творчестве Р. К. Щедрина
Е. Р. РАУ 228

Феномен Ларин Параске как символ межкультурного диалога Ингерманландии
В. Я. РОМАНКО, А. И. ПРАВДИНА 234

Музыкальная культура России – ключ к национальному единству в детском саду
А. Г. РУДАКОВА, А. Р. ПЕТРЯХИНА, Н. В. ФАДИНА 239

Музыка как язык единства: диалог культур народов России в музыкальном искусстве
А. А. САНАТКАНОВА 243

Подготовка музыкантов для военного флота в закрытом музыкальном учреждении: по стопам Н. А. Римского-Корсакова
Л. Н. СЕМЕНОВА 247

Музыкальная полифония как модель единства: инвенции и симфонии Иоганна Себастьяна Баха в контексте диалога культур
И. Л. ТАГИРОВА 253

Бах и саксофон: полифония единства
Ю. П. ЧЕРКАСОВА 257

Использование национально-регионального музыкального материала
на уроках музыки в общеобразовательной школе
Ю. Д. ЯРОСЛАВЦЕВА 264

«СВОИ – ЧУЖИЕ – НАШИ»: НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МЕДИАТЕКСТЕ

Оппозиция «свой – чужой» в парижском тексте Саши Черного
М. А. ЖИРКОВА 268

Национальный характер как основа мира главного героя в малой прозе XIX столетия
О. Н. КРАСНИКОВА 275

Этнический маркер в заголовках новостного текста (по материалам интернет-СМИ)
Л. В. КУДРИНА 283

Кодовое переключение как маркер «своего» и «чужого»
в романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта»
Ю. И. ЛАПИНА 288

Образы Европы и России в очерке С. П. Шевырева
«Взгляд русского на современное образование Европы»
Я. О. САВИНА 293

Психологические основы изображения социальных и нравственных проблем
в творчестве М. Горького
М. М. САТЫБАЛДИЕВ, Э. Т. ТУРДУБЕКОВА 301

«Родное – чуждое» в отечественных видеоиграх,
опыт междисциплинарного исследования
А. И. ФЕДОСКИН 307

Русский национальный характер в деревенской прозе Ивана Бунина
Л. ЧЖАН 312

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

Безэквивалентные русские фразеологизмы
в коммуникативной практике студентов-филологов
Е. Н. АБРАШИНА 316

Лингвокультурологический анализ ключевых концептов (гора, река, конь)
в алтайских сказаниях
А. Н. АГАПОВА 321

Концепт «помощь» как константа русской ментальности (на примере отдельных
рассказов повести «Последний поклон» В. П. Астафьева)
Е. Л. КАЛИНИНА 326

Причастие в русской агиографии конца XVI–XVII в.: традиции книжного языка
в условиях полиэтнического пространства (на примере житий святых Русского Севера)
А. В. НИКОЛАЕВА 331

Формирование креативного мышления у иностранных студентов в полиэтнической
образовательной среде России: историко-педагогический аспект
Е. П. СПИРИДОНОВА 335

Типология китайских обучающихся по особенностям усвоения русских падежей (на основе кластерного анализа)
ЦЗИ ВЭЙДИ 343

РЕКЛАМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Этнические и культурные особенности в айдентике российских брендов (пилотное исследование территориальных знаков добровольной сертификации товаров и услуг)
В. А. МЕСЯЦ 349

Русский культурный код в современном рекламном пространстве
М. В. ЯГОДКИНА 354

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

Использование игровых технологий для совершенствования межкультурной компетенции на уроках английского языка в старшей школе
Е. И. КИРИЛЛОВА 358

Из опыта взаимодействия школы и вуза
Е. А. ЛИСТРАТКИНА 363

Освещение проблем Туркестанского генерал-губернаторства в Государственной думе на страницах газеты «Речь» (1906–1917 гг.)
В. А. МАСЛОВА 367

Передача лингвокультурной специфики комического при синхронном переводе политического дискурса
Л. В. СТАХОВА, Г. В. ХАУСТОВ 372

Религиозная идентичность молодого поколения (им)мигрантов в контексте миграционной политики
Е. Ю. ТАЛАЛАЕВА 378

Армянская диаспора в регионе Приангарья в 1990–2010-е гг.
Т. П. УРОЖАЕВА 382

Теоретическая модель процесса переживания
В. В. ШАПОВАЛОВ 387

ЭТНИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

Расселение бесермян в XVII–XXI вв.: историко-географический анализ
Б. А. ВЛАДЫКИН 394

Этнокультурное развитие школьника в условиях единого образовательного пространства России
В. И. КОЛЕСОВ 400

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА В РЕГИОНАХ

Трансформация культурно-исторического наследия в развитии сектора туризма: на примере западных регионов Азербайджана
Т. Т. АЛАКБАРОВ, С. Н. ГАСАНОВА, Т. А. АББАСЗАДЕ 405

Значение народных художественных промыслов
для развития туристской привлекательности региона
И. В. ЗЕМЦОВА 410

Развитие Всеволожского района Ленинградской области через призму гастрономии
И. В. ЗЕМЦОВА, В. Р. ЗАСЕДАТЕЛЕВА 416

Экодуховное ожерелье рек Южного Приладожья: новый туристский маршрут
Д. М. ЗЮКИНА, П. В. ЖУКОВ 421

Формирование субъектности российского туризма: история и современность
О. В. МИРОНОВА, Л. В. ЯРЧИКОВСКАЯ, В. И. ГРИГОРЬЕВ, А. В. ШАРОНОВА 425

Историко-краеведческое изучение географического центра:
«Объект туристского интереса "Остров Новая Голландия"»
А. А. ФОМИН, Д. Д. КУЛЕШОВА 430

ЕДИНОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНОВ РОССИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ценностно-мотивационные детерминанты предпринимательского самоопределения
в поликультурном российском обществе: теория и эмпирика
Е. А. АНТИПОВ 436

Материалы русских летописей XVII–XVIII вв. как источник сведений о характере
русско-польских отношений того же периода
И. А. ВЛАСОВ 441

Системный подход к пониманию устойчивости региональных экономических систем
Н. П. ЕМЕЛЬЯНОВ 447

Роль консалтинговых услуг в современном развитии регионов
М. С. ЗВЕРЕВА 452

Цифровой сдвиг: как онлайн-инструменты стали ключевым фактором
конкурентоспособности
Л. И. КОНОВ 458

Инновационная активность МСП как фактор экономического развития региона
Н. М. КОСМАЧЕВА 463

Подходы к рассмотрению экономического пространства: возможности и ограничения
В. П. КУДРЯШОВ 469

Приоритетные направления развития культуры:
государственные механизмы реализации
Н. М. ПУРИНА, А. В. ЧЕРЯПИНА 473

Реализация государственной национальной политики: информационный аспект
Ю. Н. СТЕЦЮНИЧ, Ю. И. БУШЕНЕВА 477

Роль социальной сферы в обеспечении конкурентоспособности региона:
постановка проблемы
Г. В. ЧЕРКАССКАЯ 482

РУССКИЙ НАРОД КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ НАРОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трансформация понятия «насилие» в уголовном праве: от физического воздействия к психологическому и цифровому (кибербуллинг, киберсталкинг)
Д. В. АКСЕНОВ, А. А. КАРАВАЕВА 486

Советский народ как квазисубъектное формирование в социалистической правовой системе
Н. Г. ДАШКЕВИЧ 491

Русский язык как консолидирующий фактор современной России (правовые аспекты)
А. В. ЕВСЕЕВ 496

Русский народ как основа населения мегаполиса
М. А. КУРБАЦКАЯ 502

Особенности политической борьбы в многонациональном государстве на примере Византийской империи
Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА 509

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ ФОКУСЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).084.8
ГРНТИ 78.09.19

Неизвестные и противоречивые страницы биографии Героя Советского Союза, легендарного разведчика – Николая Петровича Фёдорова

Т. В. АКСЮТКИНА

В статье описываются события Великой Отечественной войны, подчеркивается роль личности в истории. На примере жизненного пути Героя Советского Союза, военного разведчика Николая Петровича Федорова, рассмотрены неизвестные и противоречивые факты его биографии, в частности, руководящая роль разведчика Фёдорова в операции «Возмездие» по уничтожению генерального комиссара Белоруссии – Вильгельма Кубе. Поднимается вопрос о недопустимости переписывания истории Великой Отечественной войны, память о которой консолидирует общество, формирует национальное самосознание и укрепляет единство народов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военный разведчик РУ ГШ РККА Николай Петрович Фёдоров, операция «Возмездие», гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе, высшая военная награда Польской Народной Республики – Золотой Крест ордена «Виртути Милитари», историческая память.

Великая Отечественная война – одно из самых значимых событий в истории нашей Родины. Исторический период 1941–1945 гг. является отрезком времени, когда единство народа стало ключевым фактором Великой Победы. С первых дней войны представители разных национальностей, вероисповедания и социального происхождения объединились в борьбе с общим врагом – фашизмом. Они героически сражались в рядах Красной армии, самоотверженно трудились в тылу. Единство народов союзных республик и областей Советского Союза стало важной основой партизанского движения на территории Белоруссии, Украины, Прибалтики и РСФСР.

Память о Великой Отечественной войне бесценна. Она хранит тайны жизни целых поколений, сведения об исторических событиях, судьбах конкретных людей. Память должна быть живой и постоянной, чтобы не допустить переписывания отечественной истории, не утратить информацию о наших героях. И сегодня особенно важно, чтобы современная молодежь знала правду о настоящем Подвиге, гордилась своими героями разных национальностей.

В контексте настоящей действительности следует отметить, что не все герои войны названы, не каждый подвиг, который по праву должен называться бессмертным, таковым именуется. Множество людей, которыми мы могли бы гордиться, остаются почти неизвестными обществу, и назвать их имена является одной из главных задач современного российского общества. Это, в частности,

военные разведчики, партизаны и местное население, проживавшее на оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях.

Память о прошлом требует постоянного к ней обращения. Чтить память о героях, отдавших свои жизни за свободу нашего Отечества, это означает проявлять уважение и признание к их подвигу. Настоящая научная статья представляет собой дань памяти участнику Великой Отечественной войны, Герою Советского Союза – Николаю Петровичу Фёдорову. На основании опубликованных и неопубликованных исторических источников, научных трудов и примеров дискуссионной полемики в статье рассмотрены неизвестные и противоречивые факты биографии легендарного разведчика Н. П. Фёдорова, возникшие в связи с засекреченностью его профессиональной деятельности.

Так, по состоянию на сегодняшний день

– не установлена точная дата его рождения;

– имеется неоднозначная оценка руководящей роли Н. П. Фёдорова в организации операции «Возмездие» по ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе;

– в российских информационных источниках отсутствуют сведения о награждении Н.П. Фёдорова высшей военной наградой Польской Народной Республики – Золотым Крестом ордена «Виртути Милитари», посмертно;

– существует неясность с воинским званием Николая Петровича. В учетно-послужной карточке указано, что он майор. На памятной доске дома в п. Малаховка Московской области, где проживала семья Героя и на памятнике его могилы в Польше (г. Хелм) – подполковник.

Николай Петрович Фёдоров родился в деревне Кайвакса Тихвинского района Ленинградской области, в семье крестьянина Петра Фёдорова 15 июня 1915 г. Эта дата рождения указана в свидетельстве об образовании и других официальных документах. Однако на мемориальной доске, установленной ещё при жизни его матери на доме № 9 в деревне Кайвакса, где он родился, указана другая дата рождения – 6 марта 1915 г., что противоречит официальным документам.

Некоторую ясность в дату рождения Н.П. Фёдорова вносят материалы Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) из фонда 19 – Петроградская духовная консистория. Петроград. 1744–1918, который содержит метрические книги Введенского женского монастыря г. Тихвина[1]. В метрической книге за 1915 год находится информация о дате крещения Н.П. Фёдорова.

Родители – Петр и Анна Фёдоровы, крестили маленького Николая 26 мая 1915 г. (по ст. стилю), в честь Николая Мирликийского Чудотворца, в стенах Тихвинского Введенского женского монастыря. Следовательно, рожден он был до 15 июня 1915 г. Неясность с датой рождения Фёдорова Николая Петровича требует дальнейшего исследования, но на данный момент есть все основания полагать, что родился Николай Петрович 6 марта 1915 г., как и было указано на мемориальной доске его родного дома № 9 в деревне Кайвакса.

[1] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 129. Д. 317.

Жизненный путь Николая Петровича Фёдорова и описание совершенных им подвигов в отечественной историографии представлены в незначительной степени. Но в то же время имя его часто упоминается в контексте операции «Возмездие», свершившейся в ночь на 22 сентября 1943 г., в ходе которой был уничтожен генеральный комиссар Белоруссии – Вильгельм Рихард Пауль Кубе. Данная ликвидация стала выразительной демонстрацией проявления высшего мастерства советской разведки.

После завершения операции «Возмездие» командиры сразу нескольких разведывательно-диверсионных партизанских отрядов доложили в Москву о своей причастности к ликвидации гауляйтера, в результате чего противостояние между ними достигло наивысшей точки. Имевший место конфликт интересов между 4-м Управлением НКВД СССР, Разведывательным управлением Генштаба Красной армии и Центральным штабом партизанского движения привел к тому, что руководитель (руководители) операции «Возмездие» конкретно не были названы. И по состоянию на сегодняшний день главные организаторы и руководитель этой операции официально не установлены.

В данной связи постепенно происходит утрата памяти об организаторах, участниках и белорусских партизанах, отдавших свои жизни в ходе проведения данной ликвидации, а имя Николая Петровича Фёдорова может быть вообще забыто.

В противоположность существующему положению дел, имя Вильгельма Кубе не предается забвению, образ его год от года вырисовывается все более положительным. Так, в газете «Комсомольская правда» от 28 апреля 2005 г., было опубликовано интервью с вдовой Кубе, Анитой, в котором она представляет своего мужа чуть ли не антифашистом: «…Незадолго до смерти он написал письмо Гитлеру и Гимлеру, в котором говорилось, что не может принять те методы, используемые против евреев. Можно евреев снимать с постов, но не убивать…»; в конце интервью она резюмирует: «Если бы Кубе не взорвали, он закончил бы в концлагере»[1].

После прекращения существования СССР произошла переоценка многих событий Великой Отечественной войны и исторических личностей указанного периода. «Новый» взгляд появился и на операцию «Возмездие», свершившуюся в ночь на 22 сентября 1943 г., в ходе которой был уничтожен генеральный комиссар Белоруссии – Вильгельм Рихард Пауль Кубе.

Благодаря некоторым «историческим источникам» и литературе, появившихся в перестроечное и постперестроечное время, плюрализму мнений в оценке исторической памяти, на данный момент существует несколько версий

[1] Табаков В., Валькович Е., Малишевский В., Яковенко В. Если бы Кубе не взорвали, он закончил бы в концлагере? // Комсомольская правда от 28 апреля 2005 г.: сайт. URL: https://www.belarus.kp.ru (дата обращения: 20.12.2024).

убийства Кубе. *Одна из них, что якобы за смертью Кубе стоит гестапо[1] (минское СД[2]),* которая сводит к нулю подвиг советских разведчиков и партизан в годы Великой Отечественной войны по ликвидации гитлеровского ставленника. Данная версия, к удивлению, заняла собой немалую часть информационного пространства, став одной из самых обсуждаемых исторических тем на российском телевидении[3] и в интернет ресурсах.

Все эти домыслы и предположения развенчиваются содержанием документальной повести Е. Г. Мазаник «Возмездие», в которой Елена Григорьевна называет главным организатором этой операции Николая Петровича Фёдорова, о чем однозначно говорится как в первом издании книги (1981 г.)[4], так и во втором, дополненном и переработанном (1988 г.)[5]. Воспоминания М. Б. Осиповой подтверждают сказанное Еленой Григорьевной: «С такой же неукротимой жаждой мщения принялся за выполнение задания и наш дорогой "Колокол" – Николай Петрович Федоров. Под его началом были отработаны все детали операции …»[6].

О руководящей роли Н. П. Фёдорова в проведении операции «Возмездие» указывается и в других изданиях, авторами которых являются непосредственные участники или свидетели произошедшего в ходе операции «Возмездие»[7].

В пользу такого мнения говорит тот факт, что после успешно проведенной операции по ликвидации Кубе, Н. П. Фёдоров был отправлен в Ровно с заданием уничтожить гитлеровского ставленника на Украине – Эрика Коха[8].

Замалчивание и недоговоренность имен настоящих исполнителей такой разведывательно-диверсионной операции, как «Возмездие», приводит к искажению исторической действительности. Данное положение дел «на фоне слабой заинте-

---

[1] Шпаковский В. Операция по ликвидации гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Нациста Вильгельма Кубе уничтожило гестапо? // Правда.ру: сайт. URL: https://nasledie.pravda.ru/1207457-kube/ (дата обращения: 24.05.2025).

[2] Москаленко Г. Л. «Убийство Кубе: чего мы не знаем» Белорусская мысль. № 9 / 2008. С. 84–91.

[3] Загадки века с Сергеем Медведевым / Кто убил Вильгельма Кубе? 15 февраля 2021 г. URL: https://tvzvezda.ru/video/programs/201608171125-c7qn.htm/2021215652-K2Nns.html? Ysclid = m 7n0lrxwev919873295 (дата обращения: 15.12.2024).

[4] Мазаник Е. Г. Возмездие. Мн., 1981.

[5] Мазаник Е. Г. Возмездие. Документальная повесть. Издание второе, дополненное и переработанное. Мн., 1988.

[6] Сгибнев А., Московский О. «Колокол» принимает бой. Из рассказа Героя Советского Союза М. Б. Осиповой // Красная звезда. 18 ноября 1975 г.

[7] Бринский А. П. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Книга вторая. Литературная запись Б. Пильника. М., 1961; Волков Ю. С. Война без прикрас и героических подвигов: сайт. URL: https://vvu-library.ru/papa/index.html (дата обращения: 12.01.2025); Казаченок В. С. Когда Родина в опасности: записки о Минском подполье. Мн. 1961.

[8] Сгибнев А., Московский О. «Колокол» принимает бой. Из рассказа генерал-полковника в отставке Ф. Ф. Кузнецова бывшего заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии // Красная звезда. 19 ноября 1975 г.

ресованности молодого поколения в изучении истории собственного государства»[1] и незнания российским обществом в большинстве своем отечественной истории[2] в дальнейшем может привести к полному забвению истинных участников данного исторического события, что имеет место по отношению к заслугам перед Родиной Героя Советского Союза Н. П. Фёдорова.

Освещение других фактов, касающихся военной составляющей биографии Н. П. Фёдорова, отмеченных в Книгах Памяти, интернет-энциклопедиях, на сайтах: «Память народа», «Подвиг народа», «Мемориал», «Дорога Памяти» представлены в сжатой и противоречивой форме.

Так, сведения о наградах Николая Петровича отражены в неполном объеме. В вышеперечисленных энциклопедических печатных изданиях[3] и в большинстве российских электронных платформ[4] не указано, что он кавалер высшей военной награды Польской Народной Республики – Золотого Креста ордена «Виртути Милитари». Эта информация отражена только в электронной энциклопедии «Знание. Вики»[5] и частично в онлайн-энциклопедии «Википедия»[6] – в лентах орденов и медалей, и в разделе «Ссылки», вместо раздела «Награды».

Во многих библиографических ресурсах, кроме электронной энциклопедии «Знание. Вики»[7], указано, что воинское звание Н. П. Фёдорова – майор, однако на памятнике его могилы в Польше и на памятной доске дома, в котором прожи-

---

[1] Филенко К. В. Прошлое, которое не уходит». К вопросу об исторической памяти современной молодежи о Великой Отечественной войне // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2020. № 1 (18): сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/proshloe-kotoroe-ne-uhodit-k-voprosu-ob-istoricheskoy-pamyati-sovremennoy-molodezhi-o-velikoy-otechestvennoy-voyne (дата обращения: 26.02.2025).

[2] Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. № 2: сайт. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-prichiny-plyuralizma (дата обращения: 01.03.2025).

[3] Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. М., 1988. Т. 2. С. 644; Север А., Колпакиди А. Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия. М., 2012. С. 606–607; Колпакиди А. И., Кочик В. Я., Алексеев М. А. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 790–791.

[4] Энциклопедия Руниверсалис: сайт. URL: https://руни.рф/ Фёдоров,_Николай_ Петрович_ (Герой_ Советского_Союза) (дата обращения: 20.01.2025); Российская онлайн-энциклопедия РУВИКИ: сайт. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Фёдоров,_Николай_ Петрович_(Герой_ Советского_ Союза) (дата обращения: 20.01.2025).

[5] Электронная энциклопедия «Знание. Вики»: сайт. URL: https://znanierussia.ru/articles/Фёдоров,_Николай_Петрович_(Герой_Советского_Союза)?ysclid=m8sjsthbiq845217077 (дата обращения: 20.01.2025).

[6] Онлайн-энциклопедия Википедия: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Фёдоров,_ Николай_ Петрович_ (Герой_Советского_Союза) (дата обращения: 20.01.2025).

[7] Электронная энциклопедия «Знание. Вики»: сайт. URL: https://znanierussia.ru/articles/Фёдоров,_Николай_Петрович_(Герой_Советского_Союза)?ysclid=m8sjsthbiq845217077 (дата обращения: 20.01.2025).

вала его семья в подмосковном поселке Малаховка, отмечено, что он подполковник. В некоторых источниках[1] и электронных базах данных, таких как Герои страны, Бессмертный полк, Память народа, неверно указано место гибели Николая Петровича – Войсковице, правильно Войславице.

Таким образом, ознакомление с биографией военного разведчика РУ ГШ РККА Николая Петровича Фёдорова свидетельствует о том, что рассматриваемая тема имеет ещё достаточно малоизученных проблем и вопросов. Поэтому возникает необходимость специального и более глубокого исследования жизненного пути Н. П. Фёдорова, чей ратный подвиг представляет собой яркую страницу истории Великой Отечественной войны, которая является основой духовного единства народов.

Список источников

1. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 129. Д. 317.

2. Бринский А. П. По ту сторону фронта. Воспоминания партизана. Книга вторая. Литературная запись Б. Пильника. – М., 1961.

3. Казаченок В. С. Когда Родина в опасности: записки о Минском подполье. – Мн., 1961.

4. Колпакиди А. И., Кочик В. Я., Алексеев М. А. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. – М., 2012. – С. 790–791.

5. Мазаник Е. Г. Возмездие. – Мн., 1981.

6. Мазаник Е. Г. Возмездие. Документальная повесть. Издание второе, дополненное и переработанное. – Мн., 1988.

7. Москаленко Г. Л. «Убийство Кубе: чего мы не знаем» Белорусская мысль. № 9 / 2008. – С. 84–91.

8. Папонин П. По закону верности (О Федорове Н. П.). Люди легенд / Очерки о партизанах и подпольщиках – Героях Советского Союза. Выпуск пятый. – М., 1974. – С. 401.

9. Сгибнев А., Московский О. «Колокол» принимает бой. Из рассказа Героя Советского Союза М. Б. Осиповой // Красная звезда. – 18 ноября 1975 г.

10. Сгибнев А., Московский О. «Колокол» принимает бой. Из рассказа генерал-полковника в отставке Ф. Ф. Кузнецова бывшего заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии // Красная звезда. – 19 ноября 1975 г.

11. Север А., Колпакиди А. Спецназ ГРУ: самая полная энциклопедия. – М., 2012. – С. 606–607.

12. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / пред. ред. коллегии И. Н. Шкадов. – М., 1988. Т. 2. – С. 644.

Сведения об авторе

Аксюткина Татьяна Викторовна – магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: tvaks28@yandex.ru

[1] Мазаник Е. Г. Возмездие. Документальная повесть. Издание второе, дополненное и переработанное. Мн., 1988. С. 180; Папонин, П. По закону верности (О Федорове Н. П.). Люди легенд / Очерки о партизанах и подпольщиках – Героях Советского Союза. Выпуск пятый. М., 1974. С. 401.

УДК 94(47).082
ГРНТИ 03.23.31

Экология пригородных императорских резиденций – городов дворцового ведомства: царских заказников, антропогенное воздействие и технический прогресс второй половины XIX – начала XX в.

Г. Ю. АФАНАСЬЕВ, Ю. Е. АФАНАСЬЕВ

Создание в XVIII в. крупных загородных дворцово-парковых резиденций для императорской семьи в округе Санкт-Петербурга для рекреационных целей способствовало выделению вокруг них в ограниченное пользование больших природных массивов и административному отделению дворцовых городов от общей структуры местного управления. Значительное увеличение сезонного населения пригородных дворцовых городов во второй половине XIX в., заинтересованного в отдыхе на природе, возникновение в пригородной зоне промышленных предприятий, отравляющих ресурсы царских заказников, способствовало обострению комплекса локальных санитарных и экологических проблем, ухудшая оздоровительные условия летних царских резиденций и делая неизбежным последующий отказ от их использования в этом качестве.

Ключевые слова: дворцово-парковый ансамбль, дворцовые города, дачники, экология, загрязнение, гигиена, оздоровление.

За годы промышленной революции (1830–1880 гг.) Санкт-Петербург и губерния существенно трансформировали свой хозяйственно-экономический и природно-ландшафтный облик. Столица Российской империи стала крупнейшим индустриально-промышленным центром страны. Население города выросло в 1,9 раза и достигло к 1895 г. 1,1 млн жителей [Списки…, т. XXXVII, с. 46, 48, 49; Брокгауз и Ефрон…, т. 56, с. 278]. Подобный же рост населения отмечается и в губернии, и прежде всего пригородных уездах столицы, в период 1862–1897 гг., увеличившись на 70 % и достигший 398 тыс. 261 жителей. В основном рост происходил за счет городских поселений губернии, увеличивших численность жителей в полтора раза. К середине XIX в. до 40 % всего населения пригородов проживало в пунктах городского типа. К 1912 г. количество жителей в них увеличивается на 80 % и относительно 1897 г., в общем составив 196 тыс. 191 человек [Барсуков].

Предместья столиц государств XVII–XIX вв., служащих местопребыванием монархов, формировали особый тип локаций в пригородах – дворцовых поселений, отличавшихся выраженной доминантой временного или рекреационного характера проживания (дворцово-парковые комплексы-усадьбы, лагеря военных соединений и казарменные слободы, крестьянские поселения). Специфика таких поселений, тесно связанных с большим городом, во многом формировала внутреннюю среду под влиянием столичных тенденций. Будучи личными владениями царской семьи, Петергоф, Царское Село, Гатчина, Павловск, Стрельна и Ораниенбаум были основаны как дворцово-парковые комплексы, устройством которых занимались дворцовые правления – органы местного управления, напрямую подчиненные императорскому двору. Большое влияние на развитие

дворцовых городов оказывали и непосредственно члены царской фамилии: распоряжения по строительству дворцов, установке фонтанов и проведению водопроводов часто отдавались лично монархами [Большакова, с. 37]. Ареалом этих поселений являлись места или природные угодья, использовавшиеся императорским двором для разного рода придворных и рекреационных мероприятий (императорская охота в Гатчине, Лисинская лесная дача, Ропшинские ключевые источники, рыбные ловли в Заречье и др.) и бывших заказниками редких пород леса и зверя, имевших свои управления и бывших на особом положении [Михайлов, с. 103–124; ПСЗ…, Собр. III, т. XII, 1892, № 8301, с. 81; Столетие…, с. 143–144].

Возникновению в XVIII в. дворцово-парковых комплексов, являвшихся воплощением архитектурного и ландшафтного таланта интернациональной команды мастеров, способствовали не только трансформации природного пространства в декоративных целях (например, гидросистемы фонтанов Петергофа, водоснабжения Царского Села, Гатчины, запруды р. Славянка в Павловске), но и появление вокруг обеспечивающих нужды двора и военного охранения производств и промышленности. Сезонное увеличение населения дворцовых городов, сопровождавшего в различном качестве царский двор, способствовало проецированию на пригородные поселения запросов, требований и идеалов городской жизни. Уже с 1840-х гг., прежде всего, с развитием сети транспортных сообщений (дилижансов и железных дорог) значительному увеличению населения пригородов способствует и потребность жителей крупного, состоящего из нескольких сотен тысяч людей города, в дачно-рекреационном отдыхе. Стимулом к этому выступает и неблагополучие санитарной обстановки столицы, характеризовавшееся частыми вспышками с 1830-х гг. смертоносных эпидемий (холеры, 1831–1832; 1848–1849; 1850; 1852, 1854–1855, 1866, 1872, 1893, 1908; тифа 1849, 1886, 1901; дифтерита, 1863), но сопровождающееся заявлениями авторитетов врачебного дела, рекомендующего рекреационные преимущества дворцовых местностей, издавна оцененных царской семьей (Царское Село и Павловск, Ф. А. фон Герстнер, 1836; Гатчина, С. П. Боткин, 1870-е гг.) [Гестнер, с. 2; Епанчин, с. 175]. Увеличение сезонного населения дворцовых предместий способствовало порождению тенденций к демократизации пользования природно-ландшафтной, жилой, промысловой окружающей средой, заострению внимания на вопросах коллективной доступности к ресурсам жизнедеятельности дворцовых поселений (паркам, водоемам, лесным угодьям) со стороны обычных обывателей, а также их санитарному состоянию (допустим, водных ресурсов р. Славянка в Павловске, р. Ижоры и озер Гатчины, Ораниенбаума) [Симанский, 1892, с. 49].

Дачники-горожане, приехавшие в пригородную местность за «отдыхом на природе», зачастую становились главными жалобщиками, внедрявшими соответствие санитарно-оздоровительным порядкам в общественное мнение столицы, и опосредованно, правление дворцовых поселений. В начале 1880-х гг. в справочно-рекламной литературе по пригородному дачному отдыху начинает звучать тема ограниченности доступа обитателей округи к садово-парковым,

лесным массивам, водным ресурсам дворцовых городов и местностей, примыкающих к императорским резиденциям, антигигиенического состояния жилого пространства поселений (мощение, уборка улиц, очистка прудов), игнорирования санитарных проблем поселений (ассенизация, канализация, водопровод) [Симанский, 1881, с. 56]. Это способствовало в 1881–1882 гг. ряду санитарных обследований хозяйства дворцов и поселений (Царское Село, Гатчина, Петергоф) [Вильчковский, с. 45; Материалы…, с. 7–8; Заключение]. Ко второй половине XIX в. управление дворцовыми хозяйствами и городами было неотделимо друг от друга. Санитарный надзор за городами дворцового ведомства отличался от обычных городов. После утверждения Городового положения 16 июня 1870 г. предпринималось несколько попыток разграничить управление резиденциями и городами, что не удалось ввиду их тесной взаимосвязанности друг с другом. 29 июля 1892 г. министром императорского двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым были утверждены положения о санитарных учреждениях в городах дворцового ведомства и санитарные правила самих городов, учреждавшие в них, как и в других крупных поселениях, санитарные комиссии и попечителей [Докладная записка инспектора врачебной части; Распоряжение министра императорского двора]. В январе 1898 г. было утверждено «Положение о Придворной медицинской части», по которому в поселениях регламентировался порядок работы санитарных комиссий, создавались лаборатории для химических и бактериологических исследований [Всероссийская гигиеническая выставка, с. 1–9].

В этот же период дворцовыми правлениями были предприняты масштабные строительные работы по улучшению водоснабжения Царского Села (1887–1888; 1901–1905), Петергофа (1898–1911), Гатчины (1888–1895), военных лагерей в Красном Селе (1910–1913), обеспечившие поставку воды от 40 до 57 % жилого фонда; а также канализации и ассенизации Гатчины (1885–1888), Царского Села (1901–1910), в которые внедрялись современные технологии фильтрации, очистки и дезинфекции, утилизации мусора [Кокоткина, с. 41–42; Журнал комиссии…, Унтербергер]. К началу XX в. в пользование населения дворцовых городов передаются многие парковые пространства дворцов (Приоратский в Гатчине, Отдельный и Баболовский парки в Царском Селе, Английский и Колонистский парки в Петергофе) расширяющие их рекреационные возможности.

Наряду с городскими поселениями нельзя не отметить роль и царских парковых комплексов в агротехническом, лесовосстановительном, акклиматизационном деле, способствующих сохранению редких древесных пород и видов животных. Несмотря на то что императорские фермерские комплексы Гатчины, Царского Села, Павловска, Петергофа XIX – начале XX в. в первую очередь обслуживали царские нужды и потехи, существовали исключительно на казенном содержании и не всегда были успешны в деле разведения популяции видов животных [Гельт, с. 109, 112], тем не менее они способствовали некоторой культивации и акклиматизации новых типов на местном уровне (акклиматизация фазанов вокруг Дудергофской возвышенности [Диц; Мальческий, Пукинский]). Особая экосистема садово-парковых пространств способствовала интересу к ним

со стороны научно-экспериментальных организаций страны, вылившегося в попытках в конце 1890-х гг. предложений дворцовым правлениям проектов селекции биологических видов на территории императорских парков и водоемов [Докладная записка Хребтова], а в революционный период – и требований о полной передаче их в распоряжение всероссийских научно-исследовательских сельскохозяйственных организаций [Обращение совещания петроградских ученых учреждений].

Увеличение населения и формирование в столице и ее округе новых технологических инфраструктур (железные дороги, пароходства, промышленный пояс производств), повышение бытовых потребностей жителей способствовало проекции потребительских целей на пригородные массивы в качестве площадки для размещения предприятий. К началу XX в. в Петергофе и уезде размещалось 65 фабрик и заводов, в Ораниенбауме – 46, в Царскосельском уезде располагалось 30 кирпичных заводов. В границах дворцовых поселений к началу XX в. наиболее крупными промышленными предприятиями становятся бумажные и обойные фабрики (Царское Село), железоделательный (Гатчина) и газовый заводы (ж/д станция Павловска), Петергофская гранильная и Красносельская бумажная фабрики у Дудергофского озера, насчитывая от 80 до 800 рабочих на предприятии [Барсуков].

Развитие промышленного производства по течению рек, обеспечивавших работу заводов и транспортировку материалов, негативно отражалось на состоянии водных и рыбных ресурсов округи дворцовых поселений. Если до середины XIX в. главной проблемой местной речной сети становилось регулирование лесосплавных операций [Воды…, с. 61–65], то уже с конца 1860-х гг. все более и более заметным становится промышленный фактор, влияющий на сокращение и исчезновение природных ресурсов. С 1870-х гг. общественными деятелями (Н. И. Либерих), и земскими организациями поднимается вопрос о загрязнениях реки Ижоры [Либерих]. В 1900–1903 гг. по результату произведенного химико-бактериологического анализа воды реки санитарными врачами Царскосельского земства Г. А. Карповым, И. А. Дмитриевым загрязненность Ижоры фабрично-заводскими предприятиями, использующими нефтяное топливо, была подтверждена [Кислов, с. 57, 63]. К началу XX в. появляются сведения и об ухудшении состояния воды р. Оредеж отравлящими токсичными стоками (нефть, кислоты, соли металлов меди и цинка) расположенного на ней меднопрокатного завода купцов братьев И. И. и А. И. Чикиных, известных владельцев рыбоводных хозяйств для поставок форели императорскому столу [Дворец и парк, с. 362]. Несмотря на подтверждение факта загрязнения реки комиссией царскосельской земской управы осенью 1910 г., предписавшей заводу принять меры к «возможно меньшему загрязнению реки» [Акт комиссии], экспертиза фабричного инспектора была не столь однозначной, отмечая, что вред, наносимый заводом окружающей среде, земской комиссией был серьезно преувеличен и не мог быть приписан лишь одному предприятию, касаясь и бань, и прачечных, стоящих по течению реки [Заключение Санкт-Петербургского фабричного инспектора]. В 1913 г. царскосельская уездная земская управа создала комиссию по принятию

мер к оздоровлению берегов р.Оредеж у истоков и в пределах императорских зареченских рыбных ловлей [Докладная записка Царскосельской земской управы]. Негативное воздействие на воду реки Дудергофки, главного питательного источника для одного из крупных водоводов южных районов Санкт-Петербурга, имело соседство с Красносельской бумажной фабрикой, отмечаемое еще лабораторными обследованиями химиков начала 1820-х гг., продолжало быть актуальным и в 1890-е гг., вызывая нарекания со стороны дачников [Рапорт; Симанский, 1892, с. 112]. В июне 1909 г. жители поселения Стрельны подали жалобу на загрязнение воздуха работой писчебумажной фабрики Г. Харламова, однако не удовлетворенной властями [Перевезенцева, с. 23–24]. По анкетным сведениям МВД, 1910 г. в Ораниенбауме бытовыми и железнодорожными стоками и отходами загрязнялась река Кароста [Водоснабжение, с. 137].

Все это способствовало неоднократному поднятию вопроса о необходимости обследования санитарно-гигиенического состояния промышленности в пригородах и разработке ограничительных постановлений, запрещающих фабрикам и заводам окрестностей столицы портить воду (в т.ч. известными химиками и гигиенистами России А. П. Доброславиным, М. Я. Капустиным, IV санитарный съезд земства Санкт-Петербургской губернии, 3–13 апреля 1885; И. А. Дмитриевым на VIII-й санитарном съезде земства, 1901) [Протоколы IV санитарного съезда, с. 224; Веселовский, с. 353]. 15 мая 1898 г. земским собранием Санкт-Петербургской губернии было утверждено обязательное постановление «Об охране чистоты воздуха, воды и почвы», по правилам которого было воспрещено сбрасывать мусор в канавы, воспрещен «спуск всякого рода нечистот» в воду, а спуск «очищенных грязевых вод» с фабрик и боен разрешался только после осмотра очистительных сооружений специальной комиссией (участковый попечитель, врач, техник, полицейский) [Обязательное постановление]. Однако непроработанность технически-процессуальной стороны дела способствовала трудностям в применении постановления.

Вторая половина XIX – начало XX в. становится этапом существенных изменений в повседневности загородных императорских резиденций и образовавшихся при них дворцовых поселений. Изменение их социального облика в результате резкого увеличения доли сезонного населения, – столичных обеспеченных слоев, заинтересованных в комфортном и оздоровительном отдыхе и не связанных долговременными обязательствами со структурами двора, провоцировали актуализацию вопросов санитарного состояния пригородов, способности коллективного пользования окультуренными природными ресурсами, ранее представлявшими собой закрытые царские угодья и доступные лишь узкому кругу лиц. Развитие и распространение в пригородной зоне промышленных предприятий на новой технологической основе способствует первым локальным проявлениям вреда окружающей среде, наносимого в том числе и ресурсам, активно используемым императорской фамилией.

Несмотря на принятие дворцовыми управлениями программы благоустройства жилых пространств, водоснабжения, канализации, ассенизации городов,

осуществляемых исключительно на казенный счет, а также существенных уступок в пользовании ранее заповедными природно-культурными пространствами, прибавление техногенного фактора не способствовало решению проблем, а наоборот, ставило вопрос соответствия меняющихся условий окружающей среды рекреационным запросам первых лиц государства.

Список источников

1. Акт комиссии химиков и техников Царскосельской земской управы, направленных к прекращению сброса отработанных вод латунного и меднопрокатного завода братьев Чикиных в р. Оредеж от 25 августа 1910 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 1095-а. Л. 10–12.
2. Барсуков А. Ю. Санкт-Петербургская губернская администрация и развитие промышленности в губернии в конце XIX – начале XX века // Промышленность Ленинградской области: История и современность: материалы научно-практической конференции. – СПб.: Лики России, 2000. – С. 20–21.
3. Большакова Л. З. Дворцовый город Царское Село во второй половине XIX – начале XX в.: хозяйство и благоустройство // Ярославский Педагогический Вестник. – 2012. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 36–39.
4. Веселовский Б. Б. Исторический обзор деятельности земских учреждений Санкт-Петербургской (ныне Петроградской) губернии / сост. Б. Б. Веселовским по поручению Петрогр. губ. зем. управы. – Пг.: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1917. – 621 с.
5. Вильчковский С. Н. Царское Село. Репринт изд. 1911 г. – СПб.: Титул, 1992. – 276 с.
6. Водоснабжение и способы удаления нечистот в городах России. – СПб.: Тип. МВД, 1912. – 215 с.
7. Воды общего пользования по русскому законодательству. Историко-юридическое исследование Ф. Никольского. – СПб.: Тип. МПС, 1883. – 154 с.
8. Всероссийская гигиеническая выставка в С.-Петербурге. Отд. М-ва имп. двора: [Описание экспонатов Выст.] / сост. Инспекцией Придвор. мед. части. – СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1913. – 24 с.
9. Гельт Б. Императорский зверинец в Гатчине // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1860. – Т. 74. – № 8. – Отд. III. 107–120.
10. Гестнер Ф. А. О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское село. – СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1836. – 72 с.
11. Дворец и парк Гатчины в документах, письмах и воспоминаниях. 1801–1881. – СПб.: ООО «Союз-Дизайн», 2007. – 431 с.
12. Диц В. Р. Сведения о приплоде дичи в Гатчинской охоте с 1886 по 1909 гг. включительно // Охотничья газета. – 1911. – № 11-12.
13. Докладная записка инспектора врачебной части МИДв. Кабинету е.и.в. от 3 июля 1893 г. // РГИА. Ф. 468. Оп. 14. Д. 907. Л. 63+-64 об., 65–67 об. 105–106 об., 117–118, 120–122.
14. Докладная записка министру императорского двора, графу И. И. Воронцова-Дашкова от члена Патриотического общества Канцелярии императрицы Марии А. Хребтова о возможности разведения жемчужных раковин в озерах Гатчинского парка от 2 апреля 1897 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 95. Л. 11.
15. Докладная записка Царскосельской земской управы в департамент земледелия ГУЗиЗ о назначении управой комиссии по оздоровлению р. Оредеж и включении в нее экспертом по рыбоводству чиновника от министерства статского советника А. С. Старикова от 21 октября 1913 г. // РГИА. Ф. 398. Оп. 69. Д. 23648. Л. 4–6.
16. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания генерала от инфантерии. – М.: Изд. журн. «Наше наследие», 1996. – 573 с.
17. Журнал комиссии по ликвидации эпидемических последствий брюшного тифа и оздоровлению условий Царского села. 1901 // РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1472. Л. 1-8 об.

18. Заключение по осмотру всех зданий, принадлежащих Дворцовому ведомству в г.Гатчино составленная на основании предписаний Контроля Министерства Императорского двора от 6 марта 1882 г техниками архитектором Харламовым, гражданским инженером Николя и младшим врачом городского госпиталя Сидельниковым 7 марта 1882 г. // РГИА. Ф. 482. Оп. 3 (134/2468). Д. 34. Л. 26 об.-27 об.

19. Заключение Санкт-Петербургского фабричного инспектора о загрязнении р. Оредеж сточными водами от 12 ноября 1910 г. // ЦГИА СПб. Ф. 1229. Оп. 1. Д. 1095-а. Л. 34–37 об.

20. Кислов В. А. Старая Гатчина. Летопись и очерки медицинской жизни. Ч. 4. 1892–1904. – Гатчина, 2007. – 84 с.

21. Кокоткина С. В. Водные инфраструктуры в городах дворцового ведомства: устройство городских водопроводов и канализаций Царского села, Гатчины и Петергофа к началу XX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 6 (75). – С. 36–47.

22. Либерих Н. И. Гатчинская форель. Фельетон // ОР РНБ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

23. Мальчевский А. С., Пукинский Ю. Б. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1983. – 573 с.

24. Материалы о городах придворного ведомства. Город Петергоф. – СПб.: Тип. Голике, 1882. – 140 с.

25. Михайлов А.И. Император Александр Николаевич на звериных охотах (с 1849 по 1876) // Русская Старина. – 1888. – Т. 58. – № 4. – С. 103–124.

26. Обращение Совещания представителей Петроградских ученых учреждений и высших учебных заведений товарищу народного комиссариата имуществ РСФСР И. В. Киммелю о передаче Сельскохозяйственному Ученому комитету Гатчинских, Царскосельских и Ропшинских угодий от 9 апреля 1918 г. // РГИА. Ф. 382. Оп. 6. Д. 6258. Л. 15-15 об.

27. Обязательное постановление об охране чистоты воздуха, воды и почвы, принятое земским собранием Санкт-Петербургской губернии и подписанное губернатором С. А. Толем, опубликованное в «Прибавлении к Санкт-Петербургским губернским ведомостям», 10 июня 1898 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–7 об.

28. Перевезенцева Н.А. По Балтийской железной дороге от Петербурга до Гатчины. – СПб.: ОСТРОВ, 2004. – 149 с.

29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XII. 1892. № 8215–9216. – СПб.: Гос. Тип., 1895. – 1386 с.

30. Протоколы 4-го санитарного съезда земских врачей С.-Петербургской губернии 3–13 апреля 1885 г. – СПб.: С-Петерб. губ. зем. управа, 1885. – 330 с.

31. Рапорт начальника 1-го округа водных сообщений, инженер-генерал-майора П. П. Базена главному директору путей сообщения по вопросу действительно ли вода, вытекающая из кожевенных и других заводов близ Лиговского канала лежащих, вредна человеческому здоровью в соединении своем с проточной водой сего канала и возможность отведения вредных стоков посредством труб в другое место от 27 марта 1821 г. // РГИА. Ф. 206. Оп. 1. Д. 368, Л. 6, 7 об. – 8 об.

32. Распоряжение министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова об учреждении комиссии для выработки Положения о дворцовых городах и рассмотрения вопроса их оздоровления от 21 октября 1893 г. // РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 442. Л. 129–130 об.

33. Симанский В.К. Петербургские дачные места в отношении их здоровости. – СПб., Тип. В. В. Комарова, 1881. – 60 с.

34. Симанский В.К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные места в отношении их здоровости. Выпуск II. – СПб.: Тип. В. В. Войцицкого и С. Корнатовского, 1892. – 124 с.

35. Списки населенных мест Российской империи. Санкт-Петербургская губерния. T.XXXVII. – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. вн. дел, 1864. – 254 с.

36. Столетие города Гатчины / под ред. С. И. Рождественского. – Гатчина, 1896. Т. 1. – 95 с.

37. Унтербергер С. Ф. Красносельский лагерь в санитарном отношении. – СПб.: Тип. В. Эрикс, 1910. – 67 с.

38. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб.: Терра, 1992. – Т. 56.

Сведения об авторах

Афанасьев Григорий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6482-5912, e-mail: afanasev-gy@ranepa.ru

Афанасьев Юрий Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6995-5417, e-mail: afanasev-ye@ranepa.ru

УДК 1(091)
ГРНТИ 02.91.91

Философское творчество П. Д. Успенского: периодизация и биографический очерк

Д. А. БАЛОВНЕВ

В данной статье раскрываются основные периоды жизни русского мыслителя П. Д. Успенского, оказавшие влияние не только на его жизненный путь, но и на становление его личности как философа. Приводится авторская периодизация философского творчества П. Д. Успенского в целях знакомства и популяризации его трудов.

Ключевые слова: русская философия, мистическая философия, П. Д. Успенский, периодизация, философское творчество, биографический очерк.

Пётр Демьянович Успенский родился в Москве 5 (19) марта 1878 г. в семье чиновника геодезического департамента. Его семья не имела дворянских корней или какого-либо привилегированного положения, но однозначно может быть охарактеризована как принадлежавшая к классу творческой интеллигенции. Мать Успенского по профессии была художницей и содержала небольшой литературный салон. Дедушка также был художником, специализировавшимся на церковной живописи. Впрочем, судьба Успенского уже в детстве начала складываться довольно трагично: его отец и дедушка умерли рано (точно датировать эти события невозможно, но Успенский определенно был в это время ещё ребёнком), а в юности его постигла ещё и утрата матери и сестры (последняя оказалась случайной участницей печально известных событий «кровавого воскресенья» 1905 г.). В результате к 30 годам Успенский остался единственным живым представителем своей семьи.

Оставшись без материальной и психологической поддержки семьи, официально высшего образования Успенский не имел. Учась во Второй московской гимназии, он серьёзно увлёкся физикой и математикой, и в 1894 г. из-за расхождения собственных интересов со школьной программой (ориентированной на гуманитарные дисциплины) он покинул гимназию. Однако считать Успенского необразованным человеком было бы крайне неверно. Он просто предпочёл заниматься самообразованием, посещая лекции в Московском университете в качестве вольнослушателя. И, как можно понять из ряда фрагментов его ранних сочинений (см. ниже), самообразование принесло свои плоды: он весьма преуспел в математике, физике и теоретической биологии.

В остальном о ранних годах жизни Успенского мало что известно, в особенности о периоде с 1894 по 1905 гг. По-видимому, став совершеннолетним, Успенский получил по завещанию сбережения отца и истратил их на путешествия по Европе, где продолжил заниматься самообразованием посещая лекции в Парижском университете [Лахман, с. 16–27].

В 1905 г., вернувшись из Европы, он стал работать в качестве независимого журналиста и переводчика английских газет, сотрудничая с несколькими московскими изданиями. Новый период его жизни начался в 1907 г., когда русский мыслитель заинтересовался идеями «сверхчеловека» и феномена «мистического опыта», понятыми им по-своему после знакомства с только появившейся в то время в России оккультной и теософской литературой. Этой, по-своему понятой, идеей стал для него поиск школы «забытого знания»: теории и практики духовной эволюции человека, методик преображения самого себя в «сверхчеловека»; знания, «забытого» современной ему западной цивилизацией, фрагменты которого, впрочем, сохранились в школах Пифагора, гностиков, ессеев, каббалы, суфизма и йоги. Все они, по его убеждению, являлись носителями богатых традиций исследований мистического опыта, отвергнутых современной цивилизацией, основанной на механицизме и позитивизме [Ровнер, с. 28–37].

В период с 1908 по 1915 гг. он переселяется в Санкт-Петербург, предпринимает ряд путешествий по Востоку, а также начинает серьёзно заниматься философией, работая над своими первыми философскими трудами по проблемам ницшеанства, эволюционизма, позитивизма, теории познания и достижений физико-математического естествознания своего времени.

Весьма любопытен момент биографии Успенского этого периода: с 1912 г. он становится постоянным гостем петербургского кафе «Бродячая собака», ставшего в эти годы своеобразным неформальным клубом встреч творческой интеллигенции. Среди его частых посетителей были К. Малевич и другие представители нового поколения художников, поэты и литераторы, среди которых фигурировали А. Ахматова, В. Маяковский, А. Блок, А. Белый. Успенский же читал в этом клубе лекции по математике «четвертого измерения», психологии и мистицизму [Лахман, с. 54–56]. Вполне закономерно, что видные представители русской культуры начала XX в. были знакомы с идеями Успенского хотя бы частично. Как минимум двое представителей русского искусства цитировали Успенского напрямую: поэт Алексей Кручёных и композитор Михаил Матюшин [Там же].

Творчество П. Д. Успенского отчетливо разделено на три периода, которые можно условно охарактеризовать как ранний, средний и поздний. Их классификация тесно соприкасается с периодом увлечения Успенского идеями одного из самых загадочных мистиков XX в. – Г. И. Гурджиева, бывшего до встречи с Успенским абсолютно неизвестной фигурой. В результате периоды творчества Успенского можно классифицировать следующим образом:

1. Период раннего творчества («догурджиевский») – до 1915 г. Это период самообразования, философских и духовных поисков молодого Успенского, все еще не сформировавшего собственной целостной системы.

Основными философскими трудами этого периода являются «Третий органон» – основная работа Успенского о попытке реформы теории познания, небольшая работа «Внутренний круг» (или «О сверхчеловеке») о попытках переосмысления идей Ницше и эволюционизма, а также значительная часть «Новой модели вселенной».

Впрочем, этот период никак нельзя назвать завершенным. К примеру «Новая модель вселенной» была написана до 1914 г., однако издана лишь в 1930 г. после ряда доработок, вдохновленных периодом работы с Гурджиевым в 1915–1919 гг. Таким образом, в конечном виде книга предстаёт перед читателем уже как дополнение самостоятельных трудов Успенского идеями, подчерпнутыми у Гурджиева. Ещё одним важным событием этого периода является длительное путешествие Успенского в 1913–1914 гг. по Египту, Индии и Цейлону. По его словам, мотивами и одновременно целями путешествия были два обстоятельства: во-первых, это поиск философско-мистической «школы», целью которой являлась бы духовная эволюция, поскольку к этому моменту Успенский пришёл к убеждению, что работа человека над самим собой невозможна без школы, что индивидуальные, самостоятельные усилия недостаточны для достижения значимых результатов (имеется в виду духовно значимых результатов). Во-вторых, Успенский приходит к этому времени к окончательному убеждению, что бессмысленно искать «школы» среди традиционных религий, опирающихся на конкретную конфессию. Подлинный путь к состоянию «духовного сверхчеловека» должен являться достоянием всего человечества, а не какой-либо избранной конфессии [Успенский, 1992, с. 5–7].

Поиски, впрочем, не увенчались успехом, во всяком случае таким, который бы удовлетворил искания Успенского. В своем путешествии он пришёл к выводу, что все школы, которые ему удалось отыскать, были либо слишком ориентированы на определённую конфессию, либо чрезмерно увлекались моральной или догматической стороной своего учения в ущерб «истинному знанию», либо как, например школы йоги, основывались на технике обретения мистического транса (что, по мнению Успенского, являлось не более чем самообманом) [Там же, с. 6]. Результаты путешествия приводят Успенского ещё к одному важному выводу: что «школа тайного знания» не должна отказываться от реального мира, уделяя внимание только духовному. «Мне казалось, что должны существовать школы более рационального вида, что человек имеет право – хотя бы до определённого пункта – знать, куда он идёт. Одновременно с этим я пришёл к заключению, что какое бы название ни носила школа – оккультная, эзотерическая или школа йоги, – она должна находиться на обычном физическом плане, как и всякая иная школа, будь то школа живописи, танцев или медицины. Я понял, что мысль о школах на "ином плане"есть просто признак слабости, свидетельство того, что место подлинных исканий заняли мечты» [Там же, с. 6–7].

2. «Средний» период творчества – с 1915 по 1921 гг. является временем не сколько самостоятельного творчества Успенского, сколько его работой под вдохновением своего наставника Г. И. Гурджиева, лекции которого он и несколько его единомышленников регулярно посещали.

Основные труды данного периода: «В поисках чудесного» (не опубликованная при жизни) и «Четвертый путь» (изначально сборник лекций, читаемых им перед учениками, также вышедший посмертно) касаются не столько самостоятельных изысканий Успенского, сколько его стремлений изложить максимально

полно учение Г. Гурджиева, хотя и не без явного стремления попытаться осмыслить и представить его в виде философской системы.

Успенский познакомился с Гурджиевым весной 1915 г. Встреча эта, впрочем, стала судьбоносной и для самого Гурджиева, поскольку, вероятно, именно ей современная история мысли обязана тем, что вообще знает о существовании уникальной мистической философии и хотя бы некоторые подробности о жизни самого легендарного мистика. В результате Успенский выполнил ту же историческую роль для Гурджиева, что и Платон и Ксенофонт для Сократа (без которых, как известно, даже о существовании выдающегося афинского мыслителя также едва ли бы что-то знали потомки). Занимаясь самообразованием в российских и западных университетах, Успенский смог преобразовать учение Гурджиева в форму более понятную для образованного общества России и Европы своего времен (хотя, при этом он, скорее, создал свою интерпретацию учения Гурджиева, чем просто изложил его). Кроме того, Успенский, несомненно, обладал более системным и аналитическим умом, чем Гурджиев, что позволило упорядочить и обобщить идеи Гурджиева, разрозненные по различным устным лекциям, сформировать из них системное и более доступное для западного человека учение.

Также стоит указать, что, строго говоря, период творчества и сотрудничества с Гурджиевым может быть датирован лишь 1915–1918 гг., поскольку события революции 1917 г., а затем и ссоры с наставником привели к первому разрыву совместной работы. В конце 1918 г. Успенский оказался втянут в события Гражданской войны: сначала устроившись учителем в школу в Ростове, а затем и вовсе, буквально выживая случайными заработками, вплоть до иммиграции в Англию в 1921 г. Однако именно с этого момента начинается его самостоятельное творчество [Успенский, 1997, с. 208–243].

3. Третий – поздний «зрелый» период становится этапом самостоятельного творчества Успенского и построения его собственной системы. В этот период у Успенского появляются единомышленники и даже собственные ученики в Англии.

В 1924 г. Успенский окончательно поссорился с Гурджиевым, порвав все связи, причём даже запретил своим ученикам в Лондоне даже общаться с Гурджиевым и кем-либо из его прямого окружения. Причиной этому, по словам Успенского, являлось то обстоятельство, что о новой школе Гурджиева, открытой во Франции, в Фонтебло, ходили слухи, которые были «чистой выдумкой или ложью, распускаемой злыми языками» [Лахман, с. 130–131].

Основными философскими трудами позднего периода являются «Психология возможной эволюции человека», «Совесть: поиск истины» (не опубликованная при жизни), а также завершение работы над «Новой моделью вселенной», в которых предпринимается попытка переосмыслить собственные наработки раннего периода, дополнив их некоторыми идеями Гурджиева, но уже переосмысленными на собственный лад.

Список литературы

1. Лахман Г. В поисках Успенского. Гений в тени Гурджиева. – СПб.: Изд-во «Весь», 2011. – 224 с.

2. Ровнер А. Б. Гурджиев и Успенский. – М.: Гелиос, 2002. – 512 с.

3. Успенский П. Д. В поисках чудесного. – СПб.: Изд-во Чернышёва, 1992. – 523 с.

4. Успенский П. Д. Письма из России 1919-го года // Совесть: поиск истины. – СПб.: Невский курьер, 1997. – 256 с.

Сведения об авторе

Баловнев Даниил Александрович – соискатель, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-9152-9003, e-mail: DAN-balovnev@mail.ru

УДК 94(47) 084.5
ГРНТИ 03.09.55

Деятельность Г. И. Фепонова в футбольной жизни Петрограда (Ленинграда) в 1922–1927 гг.

В. А. БОГДАНОВИЧ

В статье рассматриваются основные аспекты деятельности секретаря и председателя коллегии футбольных судей Петрограда (Ленинграда) Г. И. Фепонова в 1922–1927 гг. Анализируются наиболее важные проблемы организации работы арбитров в футбольных городских соревнованиях.

Ключевые слова: футбол, судейство, коллегия, управление, председатель.

Г. И. Фепонов родился 11 (23) апреля 1893 г. в Санкт-Петербурге в семье крестьянина. Высшее образование получал на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета [Личные…, л. 2]. Карьеру футбольного арбитра Фепонов начал в 1908 г. [Лукосяк, с. 88]. К 1922 г. он стал постоянным судьей Петроградской футбол-лиги, выступая фактически одним из главных соратников своего учителя Г. А. Дюперрона, который с 1918 г. был бессменным председателем лиги. В ходе футбольного сезона 1922 г. Г. И. Фепонов фактически стал руководить делами футбольной коллегии судей Петрограда, занимая формально должность секретаря. К концу сезона им и его коллегами были признаны значительные проблемы в работе футбольных судей в городе. Основными из них стали низкая квалификация судей и значительно упавший уровень рабочей дисциплины среди арбитров. Попытки решить данную ситуацию внутри самого судейского коллектива были в целом предприняты поздно. Предлагалось сократить коллегию судей до 10-15 человек, оставив самых качественных арбитров. А до обновления коллегии создать временную комиссию, куда войдут пять наиболее уважаемых и опытных судей, прошедших строжайший экзамен на знание новых футбольных правил. Все кандидаты в новую коллегию также должны были подвергнуться процедуре экзамена [Старик, с. 308]. Меру Фепонов и его коллеги считали строгой, но необходимой для фильтрации и отбора самых достойных людей на роль арбитров.

26 апреля 1923 г. состоялось собрание судейской коллегии при футбольной секции Петрограда. Был принят новый устав, определяющий автономный характер судейской организации. Председателем избран Д. А. Лагунов, секретарем избран автор нового устава Г. И. Фепонов [Петроград…, с. 27]. Проблему положения судей в условиях давления извне и меняющихся правил игр Фепонов поднял в статье «О футбольных судьях и правилах» в журнале «Всевобуч и спорт». Как отмечал секретарь коллегии футбольных судей, изменение правил налагает большую ответственность на судей, так как в условиях быстрого темпа игр времени на принятие решения нет [Фепонов, с. 237]. Идея о приглашении в Петроградскую футбол-лигу иностранных арбитров была отвергнута судейским

корпусом по причине целого ряда серьезных ошибок, которые допускали арбитры за границей в международных матчах. Но необходимость значительных организационных изменений в системе футбольного судейства Г. И. Фепонов всецело осознавал.

Учитывая опытность Фепонова и его относительную политическую благонадежность, подкрепленную статусом красноармейца, новые футбольные власти Ленинграда из числа представителей Ленинградского губернского совета физической культуры (далее – ЛГСФК) в начале 1924 г. доверили ему полное управление коллегией судей [Устав…, л. 24]. Кроме наведения порядка в организации работы арбитров, Фепонову предстояло неоднократно защищать позиции арбитров в ходе проявления внешних и внутренних кризисных ситуаций. Одна из первых подобных историй случилась после матча между сборными Ленинграда и Москвы за право представлять РСФСР в футбольном турнире Всесоюзного праздника физкультуры 1924 г. Московские футбольные деятели оказались недовольны работой судившего матч ленинградского арбитра В. П. Бутусова. В пользу бывшего капитана сборной Российской империи по футболу в определенный момент пришлось высказаться самому Фепонову, так как критика в адрес Бутусова серьезно ударяла по имиджу всей ленинградской организации футбольных судей. Кроме этого, Фепонов должен был ответить на обвинения в том, что плохое судейство Бутусова стало следствием поспешного выбора арбитра из-за отказа самого Фепонова судить ответственную игру [Тараскин, с. 1]. Он мотивировал отказ проведением в качестве арбитра двух ответственных междугородних игр незадолго до игры между сборными двух столиц [Фепонов, с. 2]. Решения Бутусова о пенальти и линейных арбитров об отсутствии офсайда при первом голе ленинградцев были признаны верными. Председателя коллегии судей Московского губернского совета физической культуры В. И. Тараскина Фепонов обвинил в неэтичности, которая была недопустима для статуса ответственного работника Высшего совета физической культуры. Конфликт закончился без негативных последствий для Фепонова и всей ленинградской коллегии судей, что вместе с относительно успешным первым годом работы обновленной городской футбольной организации позволило ему в апреле 1925 г. быть переизбранным на свою должность.

Новой проблемой, с которой столкнулся Фепонов и вся коллегия судей в 1925 г., стал значительный рост проявлений футбольного хулиганства на полях и трибунах. С целью фиксации нарушений и недопущения их в дальнейшем при научно-техническом комитете ЛГСФК (далее – НТК ЛГСФК) была создана дисквалификационная (в ряде источников – Дисциплинарная) комиссия. В нее входило пять членов (председатель, заместитель председателя и три представителя от коллегии судей) [Дисквалификационная…, л. 21]. На обжалование решений комиссии давался срок в три дня, что фактически снимало с надзорного органа ответственность за принятие спорных решений. Согласно её данным, только за осенний футбольный сезон 1925 г. было дисквалифицировано 125 игроков, из них 83 % было подвергнуто наказанию за грубую игру, споры с арбитром и драки

на поле [Всякая…, с. 30]. Большинство подвергнутых дисквалификации были игроками старших команд, что создавало опасность плохого влияния на начинающих футболистов и добавляло негативный фон вокруг жизни футбольного Ленинграда. Вместе с этим опасным признавалось поведение болельщиков на стадионах и площадках, что считалось прямым следствием грубой игры футболистов, а также само по себе влияло на футболистов во время матчей. Вопиющая конфликтная ситуация во время футбольного матча случилась 15 ноября 1925 г. В этот день играли коллективы двух заводов-гигантов – «Большевик» и «Красный путиловец». Матч, решавший судьбу чемпионства в старшей группе первенства ЛГСФК, закончился дракой с участием болельщиков «Большевика», игроков «Красного путиловца» и арбитра матча [Финальный…, с. 6]. Нужно отметить, что за месяц до этого инцидента администрация «Большевика» уже получала предупреждение от коллегии судей в связи с проблемами в обеспечении безопасности на одной из предыдущих игр [Общее…, л. 3]. Сложившаяся ситуация серьезно ударила по имиджу футбола в городе. Вскоре после матча в «Красной газете» вышла статья с кричащим заголовком – «Нездоровые уклоны в физкультуре». В ней автор отмечал наличие болезненной мании футболом в городе и трату крупных денег на данный вид спорта [Нездоровые…, с. 8]. Именно эти обстоятельства породили проблемы с недисциплинированностью игроков и болельщиков. Г. И. Фепонову предстояло полноценно заняться решением этой острой проблемы.

В ходе следующего футбольного сезона были расширены меры воздействия арбитров на игроков, что позволило сократить количество дисквалификаций. За основную часть сезона 1926 г. было наказано 67 футболистов, из которых 42 представляли команды высшего дивизиона [Что говорит…, с. 6]. Новой сложностью стало то, что игроки часто подвергались наказанию не за грубую игру или агрессию на поле, а за вмешательство в работу судей (15 случаев из 67). Возникла очевидная ситуация с падением авторитета арбитров и ростом вседозволенности игроков. С целью улучшить положение в вопросе борьбы с хулиганством на футбольных полях перед концом сезона 1926 г. было решено увеличить сроки наказания для футболистов-хулиганов. Как сообщала «Красная газета» в заметке «Спорт-хулиганству – никаких поблажек», наказания для провинившихся футболистов были увеличены в два-три раза [Спорт-хулиганству…, с. 6]. Кроме этого, ЛГСФК постановил футболистов-хулиганов отправлять в дежурную камеру милиции для привлечения к ответственности в общем порядке. Проблема футбольного хулиганства вышла за пределы чисто спортивных соревнований, приобретая характер общественно опасного деяния, с которым нужно было бороться при поддержке сил правоохранительных органов. Подобное решение отражало стремление спортивных партийных структур не допускать излишних вольностей для футболистов в условиях периодически возникавших споров о целесообразности футбола и его соревновательного аспекта в системе массовой физкультурной работы.

В начале 1927 г. Г. И. Фепонов вместе с другими руководящими лицами ЛГСФК стал активным участником противостояния за власть над футбольным

пространством Ленинграда. За последние два года значительно усилились позиции футбольной секции Ленинградского губернского совета профсоюзов (далее – ЛГСПС). К началу весны 1927 г. руководителями футбольной секции ЛГСПС был подготовлен проект создания отдельной судейской коллегии, не подчиненной коллегии судей ЛГСФК [Профсоюзная…, с. 11]. Подобная позиция ответственных лиц футбольной профсоюзной ячейки привела к отчаянному сопротивлению со стороны Фепонова, которое было им выражено прямо или косвенно сразу в двух публикациях. 31 марта 1927 г. в «Красной газете» была опубликована статья «Не переманивать судей». В ней анонимный автор от лица всего ЛГСФК выступил против создания коллегии судей при ЛГСПС, так как этот шаг способствовал бы нарушению методической линии руководства ЛГСФК, проводником которой являются судьи [Не переманивать…, с. 6]. С целью недопущения переманивания судей было предложено увеличить судейский корпус и улучшить качество работы судейского аппарата. Не исключено, что автором статьи был не сам Фепонов, а кто-то из людей, находившихся в его подчинении. Данную публикацию можно считать официальной позицией коллегии судей ЛГСФК по вопросу потенциального создания альтернативного судейского органа в ленинградском футболе. Общую негативную оценку планам ЛГСПС по установлению контроля над важнейшими футболистами и командами города Фепонов дал через несколько дней в московской газете «Красный спорт». Отмечались попытки перетянуть ведущих спортсменов за счет предоставления им больших денег, что фактически бы означало быстрый развал районных кружков, с которыми Фепонов в качестве председателя коллегии судей ЛГСФК работал на протяжении последних трех лет [Гиф, с. 4]. Подход футбольной секции ЛГСПС и её руководителей Фепонов осудил в связи с нарушением принципов массовой физкультурной работы. Давление профсоюзной футбольной секции продолжалось. Очевидно, что в последующие две-три недели шел поиск договоренностей с главными критиками действий ЛГСПС и заинтересованными в конфликте лицами со стороны ЛГСФК – заместителем председателя ЛГСФК А. Н. Пановым и Г. И. Фепоновым. Спортивным функционерам было предложено сохранение своих должностей после ликвидации районных кружков и передачи власти над спортивными и футбольными организациями Ленинграда спортивным структурам ЛГСПС в случае отказа от критики ЛГСПС. Подобную точку зрения косвенно может подтвердить статья самого Фепонова, опубликованная через две недели после предыдущей публикации в «Красном спорте» [Гиф, с. 4]. В ней было отмечено, что Панов назначен ответственным по физкультурной работе в ЛГСПС. А 22 апреля 1927 г. на заседании президиума НТК ЛГСФК за Фепоновым была сохранена должность председателя коллегии судей [Заседание…, л. 20]. Это означало, что проект создания альтернативной коллегии судей при ЛГСПС на время будет отвергнут, что было подтверждено в начале следующего месяца [Львов, с. 4]. Организационный кризис в ленинградском футболе весной 1927 г. пагубно сказался на работе судейских структур. Дисквалификационная комиссия фактически заморозила свою деятельность. Новый орган надзора за иг-

роками ЛГСПС создать в течение сезона не успел. Это привело к росту нарушений дисциплины. Г. И. Фепонов требовал в отдельной статье в журнале «Спартак» возобновить работу дисквалификационной комиссии под эгидой ЛГСФК или ЛГСПС и суровее наказывать футболистов за удаления, особенно в междугородных выставочных матчах [Фепонов, с. 5]. Главными виновниками он считал руководителей клубов, которые ради результата закрывали глаза на выходки игроков.

Трудности в работе судейской коллегии после кризиса в начале 1927 г. были подтверждены и в итоговом докладе о работе коллегии судей по футболу на заседании НТК ЛГСФК 11 ноября 1927 г. [Заседание…, л. 15–17]. Отмечались проблемы с подготовкой молодых судей, налаживание контактов с футбольной секцией ЛГСПС и сохранявшиеся сложности по вопросу борьбы с футбольным хулиганством. Среди мер для улучшения ситуации председателем коллегии судей было предложено организовать более продуманную работу по обновлению судейских кадров, усилить прямое общение с футбольной секцией ЛГСПС, вернуть практику суровых дисциплинарных взысканий с игроков и руководителей команд и наладить воспитательную работу среди арбитров. Количество неявок на матчи в отдельные периоды сезона достигало 25 %, что Фепонов и его коллеги объясняли назначением игр в неудобное время, проведением двух и более игр в одно и то же время и общими проблемами в организации календаря соревнований. Работа коллегии судей была признана удовлетворительной в условиях общего организационного беспорядка в ленинградском футболе в 1927 г. [Резолюция…, л. 21].

Таким образом, за первые шесть лет работы в качестве секретаря и председателя городской коллегии футбольных судей Г. И. Фепонову пришлось столкнуться с разными трудностями и вызовами в рамках своей деятельности. Сохранить свое положение ему во многом удавалось за счет постоянного стремления к улучшению работы коллегии судей, авторитета среди арбитров и игроков, и ровных отношений с партийно-государственными структурами (за исключением конфликта с руководителями спортивной организации при ЛГСПС в начале 1927 г.). В последующие годы Г. И. Фепонов продолжил работу по улучшению качества футбольного судейства в Ленинграде и обновлению кадрового состава коллегии судей.

Список источников

1. Всякая всячина. 125 футболистов «доигрались» // Спартак. – 1925. – № 24 (35). – С. 30.

2. Гиф. Бой продолжается // Красный спорт. – 1927. – № 13 (141). – С. 4.

3. Гиф. На новые рельсы // Красный спорт. – 1927. – № 15 (143). – С. 4.

4. Дисквалификационная комиссия при научно-техническом комитете Ленинградского губернского совета физической культуры // ЦГА СПб. Ф. Р-9011. Оп. 1. Д. 78. Л. 21.

5. Заседание научно-технического комитета Ленинградского губернского совета физической культуры // ЦГА СПб. Ф. Р-6208. Оп. 1. Д. 2. Л. 15–19.

6. Заседание президиума научно-технического комитета Ленинградского губернского совета физической культуры // ЦГА СПб. Ф. Р-9011. Оп. 1. Д. 125. Л. 19–20.

7. Личные дела студентов Ленинградского государственного университета // ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 1. Д. 1736.

8. Лукосяк Ю. П. Последователи Дюперрона. 110 лет Коллегии футбольных арбитров Федерации футбола Санкт-Петербурга. 1909–2019. – СПб.: Арт-экспресс, 2019. – 264 с.
9. Львов Е. Матч двух судейский коллегий // Красный спорт. – 1927. – № 17 (145). – С. 4.
10. Не переманивать судей // Красная газета. – 1927. – № 73 (2719). – С. 6.
11. Нездоровые уклоны в физкультуре // Красная газета. – 1925. – № 269 (2312). – С. 8.
12. Общее собрание членов коллегии судей Ленинградского губернского совета физической культуры 12 октября 1925 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-8646. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
13. Петроград // Известия спорта. – 1923. – № 10-11 (21-22). – С. 27.
14. Профсоюзная хроника за неделю // Спартак. – 1927. – № 9(92). – С. 11.
15. Резолюция по докладу коллегии футбольных судей // ЦГА СПб. Ф. Р-6208. Оп. 1. Д. 2. Л. 21.
16. Спорт-хулиганству – никаких поблажек // Красная газета. – 1926. – № 245 (2588). – С. 6.
17. Старик. Один из итогов осеннего футбольного сезона // Всевобуч и спорт. – 1922. – № 20. – С. 307–308.
18. Тараскин В. Еще несколько слов о судействе // Красный спорт. – 1924. – № 8 (22). – С. 1.
19. Устав Коллегии судей при научно-техническом комитете Ленинградского губернского совета физической культуры // ЦГА СПб. Ф. Р-9011. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
20. Фепонов Г. На борьбу с хулиганством // Спартак. – 1927. – № 40 (123). – С. 5.
21. Фепонов Г. О футбольных судьях и правилах // Всевобуч и спорт. – 1923. – № 16 (41). – С. 237.
22. Фепонов Г. Ответ Ленинграда // Красный спорт. – 1924. – № 12 (26). – С. 2.
23. Финальный футбольный скандал // Новая Вечерняя газета. – 1925. – № 16 (206). – С. 6.
24. Что говорит дисциплинарная комиссия? // Спартак. – 1926. – № 37 (72). – С. 6.

Сведения об авторе

Богданович Виктор Александрович – аспирант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-8986-1744, e-mail: komrad.bogdanovich16@yandex.ru

УДК 359.11(470.1) «1941/1942»:355.123
ГРНТИ 78.09.15, 04.71

Роль личности командира в организации повседневной жизни экипажа корабля в годы Великой Отечественной войны (на примере эсминца «Сокрушительный» Северного флота, 1941–1942 гг.)

С. Б. БОРИСОЧКИН

В статье анализируется повседневная жизнь экипажа эсминца «Сокрушительный» в 1941–1942 гг. в условиях Заполярья, с акцентом на личность командира М. А. Курилеха. Рассматривается влияние его управленческих качеств на организацию службы, дисциплину и боеготовность корабля. Показано взаимодействие уставной системы и индивидуального стиля руководства в экстремальных природно-климатических условиях региона, а также противоречивость оценки личности командира при ограниченности источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Заполярье; Северный флот; эсминец «Сокрушительный»; М. А. Курилёх; личность командира; повседневная жизнь экипажа.

Эскадренный миноносец «Сокрушительный» (проект 7) был построен в 1938–1939 гг. на ленинградском заводе № 189 им. С. Орджоникидзе и 7 ноября 1939 г. вошёл в состав Военно-морского флота СССР. Переход корабля на Северный флот осуществлялся по внутренним водным путям, что было характерной практикой[1].

В предвоенный период экипаж «Сокрушительного» усиленно готовился к боевым действиям. В июне 1940 г. во время учений эсминец столкнулся с подводной лодкой «М-171». Несмотря на вину командира подлодки, опытный моряк капитан 3-го ранга П. В. Глазовский, командир «Сокрушительного», был отстранен от должности, понижен в звании и переведен на береговую службу по приказу народного комиссара ВМФ Н. Г. Кузнецова. Дальнейшая судьба офицера сложилась трагически. Корабль был поставлен на ремонт в Молотовске (г. Северодвинске), который завершился только в начале Великой Отечественной войны[2].

Данное событие иллюстрирует принцип абсолютной ответственности командира корабля в системе Военно-морского флота СССР, согласно которому он нёс персональную ответственность за все происшествия, связанные с вверенным ему кораблем, независимо от степени непосредственной вины. Его роль в поддержании дисциплины, боеготовности экипажа и обеспечении повседневной безопасности была исключительной. К морально-деловым, личностным, организаторским качествам и морской выучке в условиях жесткой командной вертикали предъявлялись самые высокие требования.

Приказом народного комиссара ВМФ Н. Г. Кузнецова от 19 июня 1940 г. новым командиром эсминца был назначен Михаил Алексеевич Курилех. На момент вступления в должность корабль находился на судоремонтном заводе, где

[1] ФГБУ «Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого» МО РФ (ЦВММ). Рукописно-документальный фонд. В-37533.

[2] Боевая летопись Военно-Морского флота, 1941–1942 гг.: сб. М.: Воениздат, 1992. 631 с.

проходил длительный ремонт. Это ставило перед новым командиром сложную задачу: помимо приемки корабля, ему предстояло сформировать боеспособный экипаж в условиях ограниченной эксплуатации [Щедролосев, с. 143].

Согласно материалам аттестации, в январе 1941 г. М. А. Курилех зарекомендовал себя дисциплинированным и выдержанным командиром, способным принимать взвешенные решения и поддерживать высокую организованность экипажа. В характеристике было указано, что он «с любовью командует кораблём», отмечались его личная выносливость и ответственность. В качестве недостатка указывалось лишь отсутствие достаточного опыта управления в критических условиях, требующих практической апробации [Шигин].

После назначения командиром эсминца М. А. Курилех получил соответствующее должности звание капитан-лейтенанта. Под его руководством с 9 июля 1941 г. корабль приступил к активным боевым действиям, обеспечивал безопасность морских коммуникаций в Белом и Баренцевом морях [Козлов, Шломин]. Деятельность М. А. Курилеха на посту командира продемонстрировала прямую зависимость между личными качествами руководителя и эффективностью организации повседневной жизни экипажа, обеспечившими боеготовность эсминца в суровых условиях Арктического региона. В этот период на корабле формировалась устойчивая система повседневной службы, включавшая усиленную боевую подготовку, организацию вахтенной службы и поддержание высокой технической готовности.

Управление кораблём строилось по чёткой иерархической системе. Командир являлся непосредственным начальником всего личного состава и нёс персональную ответственность за техническое состояние, боеспособность и внутренний порядок на корабле. Через своих помощников, командиров боевых частей и начальников служб он осуществлял руководство всеми аспектами жизни экипажа. Старший помощник командира обеспечивал доведение приказов до личного состава и контроль за их исполнением[1]. Такая система требовала от командира умения эффективно координировать действия различных подразделений. Аттестационные материалы свидетельствуют о ярко выраженных организаторских способностях М. А. Курилеха. Умение командира поддерживать жесткую дисциплину и неукоснительно выполнять поставленные боевые задачи позволяет сделать вывод о высокой эффективности его работы по выполнению уставных требований в области боевой подготовки, повседневной жизни и управления экипажем [Головко].

Практическим подтверждением этого служит боевая деятельность «Сокрушительного». В 1941–1942 гг. корабль выполнил целый комплекс боевых задач, включая регулярное сопровождение союзных конвоев, постановку мин, артиллерийские обстрелы береговых объектов, набеговые и поисковые операции, сбил 5 самолётов противника и в морском бою сильно повредил немецкий эсминец[2].

[1] Корабельный устав Рабоче-крестьянского Военно-Морского Флота СССР. М.: Воен.-мор. изд-во НКВМФ, 1940. 376 с.

[2] ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-37534.

Такой объем боевой работы свидетельствует о высокой степени подготовки экипажа и его способности действовать в сложных условиях. Быстрое присвоение М. А. Курилеху звания капитана 3-го ранга в марте 1942 г. косвенно подтверждает положительную оценку его деятельности командованием флота[1].

24 июня 1942 г. командир эсминца «Сокрушительный» капитан 3-го ранга М. А. Курилех был награждён орденом Красного Знамени «за образцовое выполнение боевых заданий командования». В представлении к награде отмечалось: «Выполняя операции в чрезвычайно сложных метеорологических условиях, особенно операции, связанные с проводкой конвоев, проявил мужество, отвагу и твёрдость воли»[2].

Однако документы свидетельствуют и о некоторых недочётах в его командирской практике. В частности, зафиксированы дисциплинарные взыскания за недостатки в организации хозяйственной деятельности. В одном случае отмечалось несвоевременное выполнение административных мероприятий, в другом – более серьезные нарушения, связанные с управленческими ошибками и попыткой скрыть происшествие [Шигин]. Эти данные свидетельствуют о несбалансированности подходов командира к организации службы: при высоком уровне боевой подготовки отдельные аспекты повседневной жизни корабля не находились под должным контролем. Между тем корабельная служба включает в себя широкий спектр задач – от технического обслуживания до поддержания морально-психологического состояния экипажа. Недостаточное внимание к любой из этих сфер могло снижать общую эффективность системы управления [Кузнецов].

Особое значение имели действия командира в нештатных и кризисных ситуациях. Уставы предусматривали, что в условиях, не регламентированных нормативными документами, командир принимает решения самостоятельно, руководствуясь интересами службы[3]. Это делало его ключевой фигурой в критические моменты, когда от его решений зависела судьба корабля и экипажа.

Трагическим завершением карьеры М. А. Курилеха стала гибель эсминца «Сокрушительный» в ноябре 1942 г. и последующий приговор военного трибунала Северного флота. Документально подтвержден факт расстрела командира 13 января 1943 г. по обвинению в трусости и оставлении гибнущего корабля [Христофоров]. Существуют различные версии, включая утрату управления, тяжёлое физическое состояние командира или его эвакуацию с корабля по инициативе других лиц.[4] Причинами недостаточной изученности обстоятельств катастрофы остаются ограниченная доступность и засекреченность архивных материалов, относящихся к данному происшествию.

Официальная реакция командования отличалась исключительной оперативностью. Уже 26 ноября 1942 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал директиву о расследовании, в которой предписывалось «установить виновных офицеров и

[1] ЦВМА Ф. 1321. Оп. 10. Д. 5.
[2] ЦВМА Ф. 3. Оп. 1. Д. 548.
[3] ЦВМА Ф. 1146. Оп. 06533. Д. 44, 45, 46.
[4] ЦВМА. Ф. 1321. Оп. 10. Д. 9.

предать их суду». Четыре дня спустя, 30 ноября, главнокомандующий подписал следующую директиву – о подготовке приказа по факту гибели корабля. Столь сжатые сроки и изначальная ориентация на поиск виновных, а не на всестороннее выяснение причин катастрофы, могут свидетельствовать о предвзятости в подходах к расследованию[1].

Особый интерес представляет реакция членов экипажа на действия командира. Спасенные моряки, находясь в госпитале, составили и направили командованию два коллективных обращения. В первом содержалась просьба предоставить новый корабль для продолжения боевой службы под командованием М. А. Курилеха. Во втором – текст приветствия и поддержки, адресованный непосредственно капитану 3-го ранга М. А. Курилеху и подписанный всеми членами экипажа[2]. Эти документы однозначно свидетельствуют о высоком уровне доверия и личной преданности, которыми М. А. Курилех пользовался у подчиненных даже после катастрофы. Готовность моряков продолжать службу под его командованием, а также инициатива по отправке коллективного послания в поддержку командира в момент, когда он ожидал суда, опровергают официальные обвинения в трусости и предательстве интересов экипажа. Этот факт позволяет предположить наличие существенного противоречия между формальной судебной оценкой действий командира и его реальным авторитетом среди матросов и старшин. Это свидетельствует о глубоком уважении экипажа к своему командиру, сложившемся в ходе совместной боевой службы.

Вместе с тем ограниченная доступность архивных материалов не позволяют однозначно оспорить решение военного трибунала 1943 г. Таким образом, историческая оценка деятельности М. А. Курилеха остается неполной из-за фрагментарности документальных свидетельств.

Дополнительную сложность представляет упоминание о возможном представлении командованием Северного флота М. А. Курилеха к высшим государственным наградам (званию Героя Советского Союза) летом 1942 г., а эсминца «Сокрушительный» – к званию гвардейского [Шигин]. Однако эти сведения, основанные преимущественно на устных воспоминаниях офицеров Северного флота, не подтверждаются открытыми архивными документами и потому не могут рассматриваться как достоверный аргумент в исследовании.

Анализ повседневной жизни экипажа эсминца «Сокрушительный» позволяет выявить определяющее влияние личности командира на организацию корабельной службы в условиях Арктики. М. А. Курилех реализовывал уставные требования, адаптируя их под индивидуальный стиль командования кораблём, что обеспечило формирование боеспособного экипажа с высоким уровнем оперативной подготовки и воинской дисциплины. При этом выявленные недостатки в организации хозяйственной деятельности и работе с личным составом свидетельствовали об ограниченности командирского опыта, характерной для молодых офицеров в военный период.

---

[1] ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-37545, В-37546, В-53310.

[2] ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. В-37533.

На примере судьбы М. А. Курилеха показана принципиальная зависимость боеготовности корабля от личных качеств командира в экстремальных условиях. Повседневная служба, при всей ее кажущейся рутинности, становилась фундаментом для действий в критических ситуациях: именно в ходе текущей деятельности отрабатывались командирские практики, поддерживалась дисциплина и формировались навыки, которые определили поведение экипажа при гибели корабля.

Созданная командиром система повседневной деятельности обеспечила не только оперативное восстановление боеспособности после длительного ремонта, но и поддержание морально-психологического состояния личного состава в условиях интенсивных боевых действий. Этот случай подтверждает тезис о решающей роли человеческого фактора в военно-морской практике, где от личных качеств командира напрямую зависела эффективность всей системы управления кораблем. Таким образом, несмотря на формальную регламентацию корабельной жизни уставами ВМФ СССР, ее практическое функционирование определялось личными качествами командира, что особенно ярко проявилось в экстремальных условиях Заполярья в начальный период Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Боевая летопись Военно-Морского флота, 1941–1942 гг.: сб. – М.: Воениздат, 1992. – 631 с.
2. Головко А. Г. Вместе с флотом. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 287 с.
3. Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознамённый Северный флот. – М.: Воениздат, 1983. – 295 с.
4. Корабельный устав Рабоче-крестьянского Военно-Морского Флота СССР. – М.: Воен.-мор. изд-во НКВМФ, 1940. – 376 с.
5. Кузнецов Н. Г. Курсом к Победе. – М.: Вече, 2005. – 560 с.
6. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации – Архив Военно-Морского Флота (г. Гатчина) (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 548 Документы о награждении.
7. ЦВМА. Ф. 1146. Оп. 06533. Д. 44. Вахтенный журнал эсминца «Сокрушительный».
8. ЦВМА. Ф. 1146. Оп. 06533. Д. 45. Вахтенный журнал эсминца «Сокрушительный».
9. ЦВМА. Ф. 1146. Оп. 06533. Д. 46. Вахтенный журнал эсминца «Сокрушительный».
10. ЦВМА. Ф. 1321. Оп. 10. Д. 5. Отчет о боевой деятельности эсминца «Сокрушительный».
11. ЦВМА. Ф. 1321. Оп. 10. Д. 9. Отчет об операции по оказанию помощи эсминцу «Сокрушительный».
12. ФГБУ «Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого» МО РФ (ЦВММ). Рукописно-документальный фонд В-37533. «Эсминец «Сокрушительный». Воспоминания машиниста-турбиниста П. И. Никифорова».
13. ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-37534. Участие эсминца «Сокрушительный» в Великой Отечественной войне.
14. ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-37545. Второй Дневник вице-адмирала А. Г. Головко.
15. ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-37546. Воспоминания вице-адмирала А. Г. Головко.
16. ФГБУ «ЦВММ» МО РФ. Рукописно-документальный фонд. В-53310. Первый Дневник вице-адмирала А. Г. Головко.

17. Христофоров В. С. Секреты Российского флота из архива ФСБ. – М.: Вече, 2014. – 442 с.
18. Шигин В. В. «Погибаем, но не сдаёмся!»: морские драмы Великой Отечественной войны. – М.: Вече, 2015. – 352 с.
19. Щедролосев В. В. Командиры эсминцев Северного флота. – СПб.: Гангут, 2009. – 448 с.

Сведения об авторе

Борисочкин Станислав Борисович – аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; научный консультант, Фонд сохранения исторической памяти «Международный центр Северных конвоев», Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-0351-3092, e-mail: s.borisochkin@mail.ru

УДК 94(47).084.9+349.3
ГРАНТИ 03.23.55+10.67.33

О пенсионном обеспечении советских граждан за участие в освоении районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей

О. В. КАПУСТИНА

В статье показаны особенности установления пенсионного обеспечения советских граждан, участвовавших в освоении природных богатств Крайнего Севера и приравненных к нему местностей.

Ключевые слова: районы Крайнего Севера, местности, приравненные к районам Крайнего Севера, тяжелые климатические условия, пенсионное обеспечение, система льгот, стаж.

Пенсионное обеспечение за работу в районах Крайнего Севера (РКС) и приравненных к ним местностях (МПКС) является одной из важнейших государственных гарантий для граждан Российской Федерации, принимающих участие в освоении природных богатств страны в тяжелых климатических условиях. Сегодня ученые достаточно подробно анализируют состояние современного пенсионирования северян [Бровчак, Кибовская, Широких]. Особенно следует отметить периодизацию введения системы льгот и гарантий в XX в. и начале XXI в., предложенную В. В. Фаузер, Г. Н. Фаузер и Т. С. Лыткиной [Фаузер, Лыткина, Фаузер]. Действительно, механизм привлечения населения в северные регионы был заложен еще царским правительством. Как подчеркивает А. Ф. Волков, «гражданским чиновником выслуга лет сокращалась за службу в сибирских и дальневосточных территориях: за 10 лет службы полагалась пожизненная пенсия в размере половины жалованья, за 20 лет – полное жалованье пожизненно. <…> Существовали также персональные пенсионные льготы для высшего дальневосточного чиновничества» [Волков, с. 41]. Однако данные преференции распространялись на весьма незначительную часть населения Российской империи, поэтому следует согласиться с И. Р. Маматказиным, по мнению которого «право на льготную пенсию в связи с работой в северных территориях начало формироваться в советское время» [Маматказин, с. 94]. Тем не менее советское пенсионное обеспечение северян в настоящее время остается практически без внимания исследователей.

Задача данной работы – определить причины ввода пенсионного обеспечения за работу в северных территориях в 1967 г., показать его основные нормы и первые итоги действия.

Само понятие «Крайний Север» впервые было введено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г., утвердившим «Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР»[1]. Ранее в Советском государстве северные территории назывались «отдаленными местностями РСФСР»[2]. Речь

[1] Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 // СУ РСФСР. 1932. № 62. Ст. 278.

[2] О льготах для командируемых в отдаленные местности РСФСР: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 69. Ст. 673.

идет о тех районах, «где местное население практически отсутствовало или не могло быть привлечено к основным работам» [Кузьмин, Железная, Халченя], т.е. о малонаселенных районах с суровым климатом (зимой до – 40–50º и даже до – 60º С) в арктической зоне, тундре, лесотундре и тайге. Например, в 1940 г. на сотнях тысяч километров в Якутской АССР проживало всего 414 тыс. человек, в Чукотском автономном округе – 22 тыс., в Таймырском (Долгано-Ненецком) АО – 18 тыс., в Эвенкийском АО – 10 тысяч[1]. При этом ряд важнейших месторождений необходимых государству полезных ископаемых находился за Полярным кругом, т.е. выше 66º 33′северной широты.

Установленные постановлением 1932 г. льготы распространялись на работников всех государственных, кооперативных, общественных учреждений, предприятий и организаций, а также смешанных акционерных обществ союзного, республиканского и местного значения. При этом работники данных учреждений, в свою очередь, были разделены на две группы. К первой относились высший и средний административный персонал, специалисты высшей и средней квалификации всех отраслей народного хозяйства и социально-культурного строительства, в том числе работники здравоохранения, просвещения и научные работники, а также прокуроры, судьи, следователи и нотариусы; ко второй – все прочие работники учреждений, предприятий и организаций. Работники второй группы пользовались льготами только в случае направления их в РКС из других местностей СССР. Однако данное постановление не предусматривало пенсионных льгот, только льготы по заработной плате, проезду, обучению, снабжению, налогообложению и жилищные. Впоследствии система северных льгот и преференций видоизменялась в соответствии с требованиями времени.

Здесь следует заметить, что значительный вклад в освоение северных территорий страны внесли заключенные, которые зачастую были заняты в производствах с подземными, вредными или тяжелыми условиями труда. После сокращения их количества во второй половине 1950-х гг. проблема с привлечением рабочих кадров в РКС и МПКС усугубилась.

В 1956 г. была проведена широкомасштабная реформа пенсионного обеспечения рабочих и служащих, однако в законе «О государственных пенсиях»[2] статья о пенсионном обеспечении северян отсутствовала, но были предусмотрены льготы для граждан, занятых в подземных, вредных и тяжелых условиях труда, без уточнения территориальных условий. Многие бывшие заключенные-северяне обращались в органы социального обеспечения СССР за назначением льготных пенсий именно в связи с работой во вредных и тяжелых условиях труда. Как докладывал председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину председатель Магаданского облисполкома П. Я. Афанасьев: «большинство реабилитированных лиц, находившихся в заключении на территории Магаданской области и теперь освободившиеся в преклонном возрасте, не могут получить льготные пенсии за работу на подземных работах, так как места заключения не

[1] Народное хозяйство в СССР в 1982 году. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 10.

[2] О государственных пенсиях: Закон СССР от 14 июля 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313.

выдают соответствующих справок. <…> Все это вызывает многочисленные повторные жалобы не только в местные, но и в центральные партийные и советские органы»[1]. Также Павел Яковлевич просил «время содержания в Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерях в период с 1941 по 1949, а в подразделения особого лагеря до 1952 г., для реабилитированных граждан засчитывать в трудовой стаж на подземных работах»[2]. Советом Министров СССР это предложение было признано нецелесообразным, так как «по данным, полученным в Главном управлении исправительно-трудовых колоний МВД, шахты имелись только в 3 из 10 Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей и не все заключенные содержались на строгом режиме, т.е. с преимущественным использованием на тяжелых физических работах»[3].

Все изменилось во второй половине 1960-х гг., когда XXIII съезд КПСС (29 марта – 8 апреля 1966 г.) провозгласил важной народнохозяйственной задачей восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) «развитие производительных сил в районах Сибири и Дальнего Востока»[4]. В частности, требовалось: «расширить Норильский комбинат на базе освоения богатых медно-никелевых руд Талнахского месторождения. <…> Ускорить строительство и ввод новых энергетических мощностей в Магаданской области, обеспечивающих дальнейшее увеличение добычи золота, олова и других цветных металлов в районах Северо-Востока СССР. <…> начать освоение новых месторождений природных алмазов в Якутской АССР»[5] и т.п.

Через полтора года, в сентябре 1967 г., Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера»[6]. Согласно данному указу, гражданам, проработавшим в РКС не менее 15 календарных лет или в МПКС – не менее 20 календарных лет, пенсионный возраст снижался на пять лет, т.е. пенсии по старости назначались мужчинам по достижении 55 лет и женщинам – по достижении 50 лет. Важно, что право на пенсию определялось с учетом только территориально-климатических условий без учета занятости в подземных, вредных или тяжелых условиях труда.

---

[1] ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 2912. Л. 95, 96.

[2] ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 2912. Л. 90.

[3] ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 2912. Л. 90.

[4] Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. // Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Издательство политической литературы, 1966. С. 267.

[5] Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970 гг. // Материалы XXIII съезда КПСС. М.: Издательство политической литературы, 1966. С. 268–269.

[6] О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. № 1908-VII // Ведомости ВС СССР. 1967. № 42. Ст. 544.

В ноябре этого же года Советом Министров СССР был утвержден Перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей[1], опираясь на который сотрудники органов социального обеспечения устанавливали так называемые «северные» пенсии. В дальнейшем данный перечень расширялся: ряд «приравненных» местностей получил статус РКС, ряд территорий с тяжелыми климатическими условиями, первоначально не вошедших в перечень, – статус МПКС.

По данным Министерства социального обеспечения РСФСР, уже в первом полугодии 1968 г. в связи со снижением пенсионного возраста на пять лет только в этой республике свое право на льготные пенсии по старости реализовали 47,5 тыс. работников Крайнего Севера. Средний размер такой пенсии составил 89 р.[2] (максимальный размер пенсии равнялся 120 р.).

Для тех, кто не смог выработать положенное количество календарных лет и получить право на назначение «северной» пенсии, были предусмотрены «стажевые» льготы. При назначении им пенсий по старости и по инвалидности трудовой стаж исчислялся в льготных размерах: за период работы с 1 августа 1945 г.[3] до 1 марта 1960 г. один год работы в РКС и МПКС засчитывался за два года; за период, начиная с 1 марта 1960 г.[4] – как один год работы за один год и шесть месяцев. Первый период был более льготным, так как приходился на время послевоенного восстановления народного хозяйства.

В итоге, возможность более раннего ухода на пенсию наряду с другими производственно-бытовыми льготами сыграла положительную роль в привлечении советских граждан на работы по освоению северных районов страны.

Список источников

1. Бровчак С. В. Северные пенсии в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2007. – № 9. – С. 161–165.

2. Волков В. Ф. Развитие системы пенсионного обеспечения в Дальневосточном регионе России (середина XIX – начало XXI века): дис… канд. ист. наук. Владивосток, 2024. – 252 с.

3. Кибовская С. В. Современное состояние пенсионного обеспечения в районах крайнего Севера // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2011. – № 7. – С. 11–14.

4. Кузьмин С. И., Железная Ю. Ю., Халченя Е. А. Особенности правового регулирования труда осужденных в 1930–1940 гг. // История государства и права. – 2014. – № 12. – С. 59–64 // СПС КонсультантПлюс.

5. Маматказин И. Р. Возникновение и развитие пенсионного обеспечения в связи с работой и проживанием в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к районам Крайнего Севера // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 10(202). – С. 94–96.

---

[1] О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 сентября 1967 г. “О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера”: Постановление Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029 // СП СССР. 1967. № 29. Ст. 203.

[2] ГАРФ. Ф. А413. Оп. 1. Д. 4463. Л. 43.

[3] О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1945 г. // Ведомости ВС СССР. 1945. № 51.

[4] Об упорядочении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 4 февраля 1960 г. № 131 // СП СССР. 1960. № 5. Ст. 26.

6. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. – 2017. – № 29. – С. 90–127.

7. Широких С. В. Актуальные проблемы законодательства, регулирующего пенсионное обеспечение граждан, работающих в районах Крайнего Севера // Арктика 2019: традиции, инновации, экология, безопасность, проблемы коренных малочисленных народов: материалы международной научно-практической конференции. КГАУ, 2019. – С. 111–114.

Сведения об авторе

Капустина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела организации заблаговременной работы, Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Владимирской области, г. Владимир, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3473-5916, e-mail: olga.kapustina209@yandex.ru

УДК 93/94
ГРНТИ 03.23.55

Современная историография подготовки инженерно-технических кадров в Петрограде-Ленинграде в 1917–1927 гг.*

А. А. КОНКИН, И. А. ТРОПОВ, К. А. ЗЕЛЕНЦОВА

В статье проводится анализ трудов отечественной историографии последних десятилетий, в которых нашли отражение вопросы, связанные с деятельностью Петроградского (Ленинградского) горного института и подготовкой инженерно-технических кадров в период 1917–1927 гг.

Ключевые слова: Горный институт, советская власть, Д. И. Мушкетов, В. В. Никитин, горный инженер, геология, историография.

Первое в нашей стране высшее техническое учебное заведение – Санкт-Петербургский горный университет – в 2023 г. отпраздновал свой 250-летний юбилей. В ознаменовании этого события указом Президента Российской Федерации № 396 от 24 мая 2023 г. университету присвоено почетное наименование его основательницы – императрицы Екатерины II. Любая памятная дата, безусловно, является поводом для осмысления исторического пути, возможностью по-новому взглянуть на сложные процессы прошлого.

Горный университет по праву считается колыбелью высшего технического образования в России, помимо этого являясь одним из мировых лидеров в подготовке кадров для минерально-сырьевого комплекса. В 2025 г. университет занял 4-е место в мире в предметном рейтинге QS по направлению «Инженерное дело – добыча полезных ископаемых и горная промышленность». Это лучший результат среди всех российских вузов в данной специализации.

Следует отметить, что в научной среде история развития и становления Горного университета не теряет своего исследовательского интереса. За последние десятилетия в свет вышли десятки работ российских ученых, которые не только расширили академическое знание об истории университета, но и затронули многочисленные частные вопросы, связанные с развитием минерально-сырьевого комплекса в нашей стране и вкладе преподавателей и выпускников Горного университета в формирование устойчивого технологического суверенитета России.

Отметим, что история Горного университета (как и образования в целом) неразрывно связана с историей государства. Периоды социально-политической или экономической нестабильности напрямую влияли на вопросы образования и подготовки кадров. Одним из наиболее тяжелых периодов для Горного университета стало первое послереволюционное десятилетие (1917–1927 гг.), вобравшее в себя революционные потрясения, ужасы Гражданской братоубийственной войны, а после окончательной победы советской власти – необходимость

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01966, https://rscf.ru/project/25-28-01966/

встраивания в новые реалии, основанные на догмах марксистско-ленинской идеологии.

К 250-летнему юбилею университета вышел коллективный труд исследователей С. Н. Рудника, Е. А. Самыловской, В. Г. Афанасьева, где подробно рассматривалась история становления учебного заведения – от указа императрицы Екатерины II «Об учреждении Горного Училища при Берг-Коллегии» до событий сегодняшнего дня. В контексте данной темы наиболее ценными являются сведения об изменении структуры учебного процесса, открытии новых факультетов, численности обучающихся и сотрудников Петроградского горного института в период постреволюционного лихолетья. Так, на основе комплекса документальных материалов, были проанализированы изменения в социальной структуре обучающихся после 1917 г. Если перед Великой российской революцией львиную долю студентов составляли дети привилегированных и полупривилегированных сословий, а дети пролетариев и крестьян только небольшую часть, то в 1921/22 учебном году из 984 учащихся выходцы из рабочего класса составляли 11 % (108 чел.), крестьян – 34,45 % (339 чел.), советских служащих – 25,4 % (250 чел.). К 1925 г. доля рабочих выросла до 27,30 %, служащих – до 36,11 %, а крестьян немного уменьшилась – до 30,67 % [14, с. 814]. Подобные изменения были вызваны новыми принципами формирования классового общества молодого Советского государства, что накладывало отпечаток и на систему подготовки инженерно-технических кадров.

Фундаментальным исследованием следует также признать работу коллектива авторов кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета об основных вехах биографий директоров университета. В рамках рассматриваемой темы, наиболее ценными представляются сведения о руководителях учебного заведения первого послереволюционного десятилетия – В. В. Никитине и Д. И. Мушкетове. Если крупный ученый-минеролог Василий Васильевич Никитин директорствовал меньше года, то Дмитрий Иванович Мушкетов занимал эту должность на протяжении восьми лет. Отдельно отмечается, что Д. И. Мушкетов возглавил институт в сложный период, связанный с реформированием высшего образования, реконструкцией его в связи с новыми задачами, вставшими перед народным хозяйством. Под его руководством происходило изменение структуры института, вводился новый устав, пересматривались образовательные программы, менялись методы и сроки подготовки специалистов. Высоко оцениваются организаторские способности Д. И. Мушкетова на посту директора Петроградского (Ленинградского) горного института [6, с. 9].

Жизненный путь и биография В. В. Никитина освещается в работе И. Ю. Матвеева. Исследователь отмечает, что после февральских событий 1917 г. для Горного института наступили новые времена. Учебное заведение потеряло имя своей основательницы императрицы Екатерины II, став Петроградским горным институтом. Опираясь на авторитет и заслуги В. В. Никитина, 13 марта 1917 г. Совет института единогласно избрал его на должность директора сроком на три года. Однако политическая нестабильность в стране набирала обороты. Горный институт потерял финансирование, часть студентов оказалась

на фронтах Гражданской войны, полноценные выпуски квалифицированных кадров в сложившихся условиях были фактически невозможны. Главной заслугой В. В. Никитина является сохранение института как учебного заведения. При таких катастрофических условиях В. В. Никитин 1 февраля 1918 г. подал в отставку, предложив избрать нового директора, которым стал Д. И. Мушкетов [9, с. 460].

Так, исследователь С. О. Никиташина подробно изучила документальный материал, хранящийся в личном деле Д. И. Мушкетова. К сожалению, в деле не сохранился значительный пласт документов о деятельности Дмитрия Ивановича как директора Петроградского горного института. Поэтому основное внимание уделяется вехам биографии Мушкетова. Так, в копии удостоверения от 26 мая 1922 г. указано, что помимо чина директора и профессора Петроградского горного института, он также одновременно занимал должности директора Горного музея, геолога Геологического комитета ВСНХ, члена научно-технического совета Геологического управления Горной промышленности ВСНХ. После своей отставки в 1926 г., работая директором Всероссийского геологического комитета, он продолжал преподавать в Горном институте. К сожалению, судьба Дмитрия Ивановича сложилась трагично. В 1937 г. он был обвинен в организации контрреволюционного заговора и приговорен к высшей мере наказания. Посмертно реабилитирован [11, с. 114].

Помимо директоров Горного института, ряд трудов исследователей касается крупных учёных, которые внесли неоценимый вклад в историю развития отечественной науки и минерально-сырьевого комплекса. Должное внимание в современной историографии уделено учёному-геологу и палеонтологу Дмитрию Васильевичу Наливкину [5], выдающемуся горному инженеру-металлургу Тихону Александровичу Оболдуеву [10], крупному специалисту в области горного дела и маркшейдерии Ивану Михайловичу Бахурину [16].

При рассмотрении истории Горного института в первое послереволюционное десятилетие необходимо, безусловно, учитывать контекст времени и эпохи, что в значительной степени наложило отпечаток на повседневную жизнь института. В связи с этим закономерным представляется появление научных работ, в той или иной мере освещающих вопросы политизации общественной и научной жизни. Так, А. Ю. Стефаненко, говоря о внутрипартийной оппозиции в Ленинградском горном институте в 1920-е гг., отмечает, что оппозиция в институте возникла еще в ходе дискуссий 1923–1924 гг., но не обладала организационным и теоретическим единством. Во время споров о полномочиях ленинградской делегации противостояние шло между инициативной группой и партийным бюро вуза. Члены последнего воспринимали своих оппонентов как прямых нарушителей, людей, стремящихся подменить собой бюро. Это совпадает с аналогичными мнениями в других партийных комитетах Ленинграда, где возникали инициативные группы. Споры, очевидно, были вызваны существенным урезанием свобод высших учебных заведений после революции, попыткой внедрения марксистско-ленинской доктрины и сокращением автономии институтов [15, с. 399].

Схожим является исследование Д. А. Баринова, который, впрочем, отметил, что Горный институт был в числе немногих (наряду с Электротехническим, Институтом народного хозяйства и пр.), где дискуссия в принципе сумела вылиться в некие организационные формы. В то же время мелкие вузовские коллективы, где количество членов измерялось не сотнями, а десятками, и вовсе почти не затрагивали проблемы актуальной политики [3, с. 95].

Несмотря на трудности послереволюционных лет и организационные изменения, институт продолжал функционировать как образовательное учреждение. Открывались новые факультеты, реорганизовывались кафедры, с каждым годом увеличивалось количество выпускников. В этой связи представляют интерес исследования, рассматривавшие повседневную образовательную жизнь Горного института. К числу таковых, например, следует отнести работы о становлении горно-электромеханического факультета [7; 17]. Он был открыт осенью 1919 г. для подготовки специалистов по горнозаводскому машиностроению, специальному оборудованию рудников, обогатительных фабрик и горных заводов. Особое место отводится деятельности Феликса Николаевича Шклярского – доктора технических наук, профессора, фактического основателя отечественной горной электротехники. В 1926 г. он был приглашен в Ленинградский горный институт на кафедру горной электротехники – на тот момент единственную подобную кафедру в стране. Трудясь на благо Горного института и всей отечественной промышленности, Феликс Николаевич занимался исследованиями в области электрификации рудничных подъемов, компрессоров, насосов, транспорта, экскаваторов, буровых станков и других машин горной промышленности [7, с. 9].

Проводились в Горном институте и ежегодные практики для студентов. В монографии А. Ю. Романчикова освещается история создания геодезических станций Ленинградского горного института в Токсово и в Вышегороде, организация на них геодезических практик, их развитие в период с 1923 по 1996 г. Практики проводились по инициативе и под руководством профессора, одного из создателей отечественной фотограмметрии и маркшейдерско-геодезической школы Николая Георгиевича Келля [13].

Истории горного музея в первые десятилетия советской власти касается работа Н. В. Боровковой. По мнению автора, после революции музей, превращенный в политический пропагандистский центр, оказался включенным в общий процесс идеологического воспитания. В центре колонного зала была установлена гипсовая статуя В. И. Ленина. Главную лестницу декорировали карты недр СССР, всюду были развешаны лозунги, соответствующие доктрине Советского государства. Вывод Боровковой о том, что из образовательного и просветительного центра Горный музей был превращен в политический институт, пропагандирующий официальную идеологию государства [4, с. 41], нуждается в уточнении. Горный музей и в сложный период 1917–1920-х гг. продолжал функционировать как крупный научный и учебно-вспомогательный центр, пополнявшийся различными экспонатами минерально-сырьевого комплекса.

Историю развития и становления журнала «Записки горного института» рассматривает И. Г. Ребенщикова, последовательно анализируя основные этапы

развития печатного издания, отдельно уделяя внимание первому послереволюционному десятилетию. В 1917 г. издание «Записок» было приостановлено из-за революционных событий в России вплоть до 1926 г., когда вышел том, посвященный 150-летию Горного института. В нем же была сформулирована основная цель издания – «…дружное, совместное с другими подобными же органами, содействие развитию наук, связанных с техникой горного и горнозаводского дела и с определенными областями естествознания». Особенностью первого после почти десятилетнего перерыва номера были опубликованные в нём воспоминания о своем обучении в Горном институте академика РАН, профессора А. П. Карпинского [12, с. 776].

Наконец, отдельного упоминания заслуживают исследования, в которых внимание уделено вкладу Горного института в развитие отечественной промышленности и науки. Так, А. Х. Кагарманов отмечает, что первые восемь лет директорами открывшегося в 1917 г. Уральского горного института были «питомцы» Петербургского горного института (П. П. Веймарн, Н. Г. Келль и А. А. Гапеев) и подчеркивает, что в активном развитии в 1920-е гг. отечественной геологии есть прямая заслуга выпускников Горного института. В 1919 г. выпускник Горного института И. М. Губкин организует Горную академию в Москве, в которой многие профессорско-преподавательские должности заняли «горняки» – А. А. Гапеев, А. Н. Рябинин и др. Становлению геологии в Ташкентском государственном университете, открывшемся в 1920 г., в значительной степени способствовали профессора Д. В. Наливкин и Н. И. Толстихин, прочитавшие в 1926–1927 гг. ряд основополагающих дисциплин [8, с. 73].

Таким образом, анализ современной историографии последних десятилетий наглядно демонстрирует неугасающий интерес в научной среде как к Горному университету в целом, так и к отдельным этапам его развития в частности. Исследователей в значительной степени интересуют перемены, происходившие в Горном университете на переломных этапах его развития, личности директоров и выдающихся ученых, внесших неоценимый вклад в развитие отечественной горной науки и промышленности. Помимо этого, развитие получают темы, ранее не становившиеся объектами специальных исследований. К числу таковых следует отнести публикации о становлении и развитии журнала «Записки Горного института», пополнении коллекции музея Горного института и об идеологических изменениях, произошедших в нем после Великой российской революции.

Список источников

1. Афанасьев В. Г. Директорский корпус Горного института // Записки Горного института. – 2005. – Т. 163. – С. 7–9.

2. Афанасьев В. Г. Из истории подготовки и использования горных инженеров в 20-е–30-е годы XX в. // Записки Горного института. – 2010. – Т. 187. – С. 160–164.

3. Баринов Д. А. Ленинградская оппозиция 1925–1926 гг. и высшая школа // История повседневности. – 2021. – № 2 (18). – С. 81–100.

4. Боровкова Н. В. Горный музей в первые годы советской власти (1917–1930-е гг.) // Музей. Памятник. Наследие. – 2019. – № 1. – С. 31–41.

5. Волошинова И. В. Становление ученого: молодые годы академика палеонтолога Д. В. Наливкина (1889–1982) // Вопросы истории. – 2022. – № 1 (2). – С. 152–167.

6. Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1918–1994 гг.) / В. Г. Афанасьев, И. В. Волошинова, А. И. Лейберов, А. Б. Мокеев, С. О. Никиташина, С. И. Подольский, С. Н. Рудник, В. Н. Шайдуров. – СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2021. – 231 с.

7. Иванов С. Л., Козярук А. Е., Кулешов А. А., Семенов М. А. Горно-электромеханический факультет Санкт-Петербургского горного института // Записки Горного института. – 2004. – Т. 157. – С. 7–12.

8. Кагарманов А. Х. Горный институт в становлении и развитии высшего геологического образования в России – СССР // Записки Горного института. – 2005. – Т. 163. – С. 72–74.

9. Матвеев И. Ю. Жизненный и научный путь В. В. Никитина // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2023. – № 5 (50). – С. 458–464.

10. Мокеев А. Б. Тихон Александрович Оболдуев – выдающийся горный инженер-металлург // Цветные металлы. – 2026. – № 2. – С. 67–73.

11. Никиташина С. О. Личное дело выдающегося учёного Д. И. Мушкетова как исторический источник // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 409. – С. 110–114.

12. Ребещенкова И. Г. «Записки Горного института»: их история и модернизация (к 110-летию выхода в свет) // Записки Горного института. – 2016. – Т. 221. – С. 773–780.

13. Романчиков А. Ю. Геодезические практики в Ленинградском горном институте (1923–1996). – СПб.: Лань, 2023. – 100 с.

14. Рудник С. Н., Афанасьев В. Г., Самыловская Е. А. 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // Записки Горного института. – 2023. – Т. 263. – С. 810–830.

15. Стефаненко А. Ю. Инициативные группы и внутрипартийная оппозиция: случай Ленинградского горного института (1925–1939 гг.) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2021. – № 4 (37). – С. 397–401.

16. Тропов И. А., Подольский С. И. Иван Михайлович Бахурин (1880–1940) – выдающийся ученый-маркшейдер // Вопросы истории. – 2022. – № 11-1. – С. 38–45.

17. Фокин А. С. Горно-электромеханический факультет. История становления и современное состояние // Записки Горного института. – 2003. – Т. 155. – Вып. 1. – С. 284–287.

Сведения об авторах

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2926-9914, e-mail: i-tropov@yandex.ru

Конкин Андрей Алексеевич – кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5341-2741, e-mail: aspid8889@rambler.ru

Зеленцова Кира Андреевна – студентка, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: kira.zelentsova04@mail.ru

УДК 2-9
ГРНТИ 03.23.31

Детерминанты старообрядческой благотворительности

Н. В. КУРКИНА

В статье рассматривается феномен старообрядческой благотворительности, обусловленной религиозными, моральными и прагматическими мотивами, а также стремлением к социальным преимуществам. Также изучается эволюция благотворительности в Российской империи, начиная с истоков, когда помощь нуждающимся была проявлением христианского милосердия, и заканчивая формированием организованной, нормативно регулируемой системы общественного призрения. Анализируются ключевые этапы развития благотворительной деятельности: от доминирующей роли монастырей и церкви до активного участия государства и общественных институтов. Особое внимание уделяется реформам Петра I, заложившим основы государственной системы призрения и развитию сети благотворительных учреждений в XIX в. Показано, что филантропическая деятельность стала неотъемлемой частью общественной жизни и важным инструментом социальной интеграции и мобильности.

Ключевые слова: благотворительность, старообрядчество, общественное призрение, мотивация.

История благотворительности в Российской империи представляет собой многогранный и динамичный процесс, тесно связанный с социальными, экономическими и духовными трансформациями общества: от истоков, когда помощь нуждающимся воспринималась преимущественно как проявление христианского милосердия, до заключительного этапа имперской эпохи, когда благотворительная деятельность приобрела черты организованной, системной и нормативно регулируемой практики.

Можно выделить несколько ключевых направлений, по которым развивалась благотворительная деятельность. Хронологически первым выступает церковный канал, где основная помощь оказывалась через монастыри и храмы. Впоследствии к нему присоединились государственный и общественный секторы [2].

На протяжении длительного периода монастыри на Руси играли центральную роль в системе общественного призрения, обеспечивая поддержку тем, кто оказался в нужде. Однако по мере укрепления российской государственности становилась все более очевидной необходимость в систематическом и государственном регулировании этой сферы. Активное развитие данного процесса началось при Петре I, когда был издан ряд указов, предписывающих создание государственных структур для организации общественного призрения во всех губерниях страны. На эти структуры возлагалась как организационная, так и финансовая ответственность. Среди таких законодательных актов можно отметить «Об определении в домовые Святейшего Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых» 1701 г. и «Об учреждении во всей Губерниях гошпиталей» 1712 г. [10].

В соответствии с этими указами, местные органы власти были обязаны приступить к созданию разнообразных учреждений: больниц, богаделен, сиротских

домов, а также заведений для призрения незаконнорожденных младенцев. Кроме того, предусматривались «дома смирительные» для лиц, ведущих праздный образ жизни, и дома для безработных. В общей сложности было издано около двадцати указов, направленных на борьбу с таким социальным явлением, как нищенство [1]. Эти меры заложили фундамент для формирования государственной системы общественного призрения и создали предпосылки для профессионализации деятельности в соответствующих учреждениях. Это стало значимым шагом к формированию более организованного и эффективного подхода к решению социальных проблем, существовавших в обществе, и оказало влияние на последующие реформы в данной области.

В итоге ко второй половине XIX в. в России сформировалась обширная сеть благотворительных заведений, действовавших под эгидой учреждений и ведомств так называемого общественного призрения. Эта система охватывала всю территорию России. В 1818 г. Министерством полиции было издано первое собрание узаконений «Об общественном призрении», которое систематизировало законодательные источники, определяло категории лиц, подлежащих общественному призрению, и устанавливало границы оказания благотворительной помощи. Высшим органом власти по делам общественного призрения в империи являлось Министерство внутренних дел, представленное Главным управлением по делам местного хозяйства и отделом народного здравия и общественного призрения, а также другими структурами [9]. Учреждения общественного призрения оказывали материальную помощь беднейшим слоям населения, бездомным, инвалидам, больным, сиротам, детям и семьям погибших солдат и полицейских. Помощь предоставлялась в различных формах: ночлег, пища, медицинское обслуживание, обучение, трудоустройство, приют и др.

Спектр благотворительных организаций был весьма широк и охватывал разнообразные формы помощи: от приютов для детей и богоделен для престарелых до медицинских учреждений, образовательных заведений с благотворительной направленностью, доступных столовых и ночлежных домов. Также существовали дома трудолюбия, призванные обеспечить работой нуждающихся, странноприимные дома для путников, ясли для самых маленьких, а также недорогое жилье и народные читальни. Финансирование таких учреждений, как правило, осуществлялось из многообразных источников, включая государственные ассигнования, общественные пожертвования и частные взносы.

Старообрядчество, уникальное явление русской духовной жизни, всегда отличалось не только приверженностью к древним обрядам и строгим моральным принципам, но и глубоко укоренившейся традицией благотворительности. Однако в своих действиях старообрядцы руководствовались не только духовными и моральными принципами, но и материальными, финансовыми соображениями [3, с. 25]. Важно отметить, что в большинстве случаев наблюдалось сочетание как альтруистических, так и эгоистических побуждений. Можно выделить четыре ключевых стимула, лежащих в основе филантропической деятельности.

Первый – это религиозные мотивы. Здесь необходимо остановиться подробнее, поскольку религиозные побуждения старообрядцев к «дарению блага» включали в себя несколько скрытых аспектов.

Во-первых, нормы нравственности «старой веры», ставившие во главу угла помощь всем нуждающимся, доминировали в среде сызранского торгового сословия. Помощь бедным и обездоленным, согласно мировоззрению старообрядцев, считалась богоугодным делом и одним из способов искупления грехов. Их философия предполагала, что «добрые дела» – это не просто акт милосердия, а скорее естественное проявление веры и любви к ближнему, постоянная, повседневная забота о тех, кто нуждается в поддержке, будь то сосед, член общины или даже незнакомый человек, оказавшийся в беде.

Во-вторых, старообрядцам были присущи следующие черты: личная ответственность не только за судьбу своей души, но и за судьбу всего христианского мира; полное и последовательное воплощение в повседневной жизни морально-нравственного кодекса христианской веры; опора личности на общину и учет интересов общины в индивидуальной деятельности; ценность отдельной личности; противопоставление незыблемости своего быта изменчивости окружающего мира [4]. Иными словами, это был, скорее, образ жизни, основанный на взаимной ответственности.

В-третьих, благотворительная деятельность тесно переплеталась с задачей сохранения старой веры. Взаимопомощь также служила одним из эффективных методов вовлечения в раскол [4].

Кроме того, было важно формировать позитивное общественное мнение о старообрядцах среди горожан: «раскол держится с одной стороны готовностью раскольников к взаимному вспомоществлению; ибо из них богатые надляют бедных деньгами и даже вносят за них подати» [8]. Состоятельные купцы и промышленники тратили значительные средства на поддержку монастырей и скитов, строительство новых часовен и храмов. Помимо этого, они привозили в монастыри со всего света редкие православные реликвии. Да и заниматься промышленностью и торговлей, оставаясь замкнутой общиной, было затруднительно.

Второй мотив к благотворительной деятельности коренился, скорее, в прагматичных настроениях населения. Так, страх быть разоблаченным как в расколе, так и просто в «недостаточной вере» в конце XVIII – начале XIX в. побуждал торговцев отчислять значительные суммы на призрение бедных из опасения быть отлученным от церкви по обвинению в стяжательстве и других пороках. Это резко понизило бы их социальный статус и негативно сказалось прежде всего на их коммерческой деятельности.

Третьим важнейшим побудительным фактором в деятельности благотворителей, несомненно, был их патриотизм. Наиболее крупные пожертвования купеческого сословия были связаны с проявлением монархических чувств купечества, как правило, приуроченных к празднованию дней рождений импера-

торов или войнам [6]. Казалось бы, какая связь между старообрядцами и монархом? Однако не стоит забывать, что на территории России проживало немало старообрядцев, признававших монархическую власть и молившихся за царя.

К концу XIX столетия среди старообрядческих течений наблюдалось значительное разнообразие в отношении к государственной власти. Так, представители австрийского духовенства (Белокриницкая иерархия) [5], а также поморский толк (даниловцы), поморцы, поповцы и нентовцы (Спасово согласие) сохраняли верность царской власти и возносили молитвы о здравии монарха. В то же время беспоповцы, включая федосеевцев и филипповцев, а также молокане, придерживались позиции полного неприятия молитв за царя и отрицали божественное происхождение любой светской власти [7].

Одним из ключевых мотивов, побуждавших людей к филантропической деятельности, являлось стремление к обретению социальных преимуществ и почестей: чинов, званий, орденов и даже дворянства. Получение чинов и орденов не только повышало общественный статус и респектабельность предпринимателя, но и открывало возможности для выхода за рамки своего сословия.

Во второй половине XIX в. сословная принадлежность в Российской империи по-прежнему играла определяющую роль. Купечество, обладая значительными, а порой и колоссальными капиталами, превращалось в одну из наиболее влиятельных социальных групп. Однако, несмотря на экономическую мощь, оно существенно уступало дворянству и чиновничеству по ряду престижных социальных показателей. К ним относились «благородство происхождения», сословные привилегии и возможности для социальной мобильности, то есть продвижения в высшие эшелоны власти. В ту эпоху знатность рода, обширные общественные связи, а также уровень образования и воспитания зачастую имели большее значение, чем финансовое состояние.

Система, при которой путь к успеху пролегал через общественное служение, где ценилось «отдавать людям», а не «брать» и творить добро для ближнего, свидетельствовала о социальном и нравственном благополучии общества. Престижность идеи «служения» и ее воплощение лучшими представителями купеческого сословия отражали эффективность системы воспитания, укорененной в народных традициях. Именно поэтому благотворительность стала одним из традиционных направлений общественного служения купечества [3, с. 26].

Подтверждением значимости борьбы за чины и социальные привилегии для купцов служит тот факт, что в конце XIX – начале XX в. ежегодные расходы купеческого сословия на благотворительность в России достигали 1 123 000 р. В то же время мещанское сословие в тот же период тратило на эти цели 258 673 р. Это различие указывает на то, что мещанство, как правило, удовлетворялось возможностью зарабатывать и избегать высоких налогов, не стремясь к особому социальному статусу [6].

Таким образом, развитие старообрядческой благотворительности было обусловлено как религиозными и моральными мотивами, так и прагматическими соображениями, включая стремление к социальным преимуществам и укреплению общественного положения. В итоге благотворительная деятельность старообрядцев стала важным элементом общественной жизни Российской империи.

Список источников

1. Вольф С. П. Благотворительное законодательство в Российской империи: камень преткновения или прочная основа для развития благотворительности? // Вестник СИБИТа. – Омск, 2016. – № 1 (17). – С. 93.
2. Жердева Н. И. Деятельность органов прокуратуры по обеспечению законности в сфере благотворительности: вопросы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11. – М., 2006. – С. 17.
3. Казанцева С. Г. Развитие благотворительности в Самарской и Симбирской губерниях во второй половине XIX – начале XX века: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Самара, 2000. – С. 25, 26.
4. Каменева Е. А. Благотворительная деятельность петербургских старообрядцев в XVIII – первой половине XIX в. – СПб., 2008. – С. 197.
5. Монастырев М. Я. Исторический очерк австрийского священства после Амвросия. – Казань, 1877. – 330 с.
6. Павлова О. К. Сословное призрение и благотворительность петербургского купечества во второй половине XIX – начале XX века // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. – СПб., 2008. – С. 289.
7. Павел Прусский, архим. (Леднев). О молении за царя: Против федосеевцев и филипповцев. – М., 1900. – 15 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 135. Д. 98. Л. 41.
9. Стог А. Г. О общественном призрении в России: в 4 ч. Ч. 2: Свод законов приказов общественного призрения. Отделение 2. – СПб., 1818. – 132 с.
10. Чеснокова Ю. В. «Политика Петра I в области общественного призрения в первой половине XVIII века» // Наука и современность. – Тамбов, 2010. – № 5-3. – С. 359–360.

Сведения об авторе

Куркина Наталья Викторовна – магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

УДК 159.922.62
ГРНТИ 15.31

Психологическая зрелость личности: прошлое, настоящее, будущее

С. В. МАРИХИН, В. Н. ЗУБАРЕВ

В статье раскрыт сложный и многосторонний процесс становления зрелости личности. Рассмотрено описание человека как «носителя» качества «зрелость». Сделана попытка сведения критериев зрелости в единую научную картину. Выделены аспекты зрелости в различных психологических направлениях. Но, несмотря на частое употребление в современной науке дефиниции «зрелость», это понятие остаётся неоднозначным и часто используется для описания различных характеристик и состояний человека.

Ключевые слова: личность, Я-концепция, самоактуализация, саморазвитие, зрелость, психологическая зрелость.

Дефиниция «эмоционально-психологическая зрелость личности» системно изучена в процессе психолого-педагогических исследований как многогранная структура. Сторонники многих психолого-педагогических научных школ в своих трудах отмечают некоторые элементы данного понятия.

Для того чтобы разобраться в особенностях понятия, мы рассмотрим основополагающие идеи.

В гуманистическом направлении зрелость рассматривается как стремление к полному раскрытию своих личностных возможностей, т. е. к самоактуализации.

Предложенная А. Маслоу пирамида потребностей, которая расскрывает основополагающее уровни потребностей людей, до сих пор актуальна и раскрывает процесс личностного развития. А. Маслоу утверждает, что если люди поднимаются по предложенной пирамиде, то большей эмоционально-психологической зрелости они достигают. «В том случае, когда человек внутренне чувствует себя свободным и при возникающей необходимости прислушивается к себе и может опереться на себя, всецело доверяя себе и отражая происходящее в его внутреннем мире, его стремление к верхней ступени – самоактуализации реализуется в полную силу и он достигает большей зрелости» [1].

В своих трудах исследователи связывают самодостаточность личности с Я-концепцией. Многие утверждают, что на самодостаточность личности влияют неосознанные реакции личности, сформированные в раннем возрасте, обдуманные модели поведения, а также механизм идентификации.

«В процессе развития у человека складывается субъективная картина окружающей действительности, которая основывается на индивидуально пережитом опыте. Этот опыт и становится значимой частью образа «я», и чем больше он выражен и творчески реализован, тем больше психологическую зрелость человек обретает» [3].

Одной из предложенных научных теорий, которая наилучшим образом описывает структуру психологической зрелости, является гипотеза Г. Олпорта о том, что взросление человека – это непрекращающийся процесс, который продолжается на протяжении всей жизни [2]. Личность приобретает зрелость при

столкновении с трудными жизненными ситуациями и преодолениями их. Учёный зрелость личности характеризовал такими критериями, как широкие границы «я», положительная оценка себя.

В гештальт-терапии Ф. Перлз главным критерием психологической зрелости выделял автономность. Автономность в его теории выступает как способность человека полагаться на себя, доверять себе и опираться на свой внутренний опыт.

Ученый Э. Фромм соотносил такую дефиницию, как «зрелость» со способностью человечества понимать. Он интерпретировал зрелую любовь как способность человека заботиться о других, уважать их интересы и брать на себя ответственность за них.

Очень близка к концепции данного автора теория межличностных отношений Г. Салливана. Психологическое здоровье он рассматривал вместе со зрелыми межличностными взаимоотношениями. Соответственно, зрелость по его мнению – это способность человека устанавливать близкие отношения с другими людьми.

Зрелость личности является непосредственным объектом исследования в психологии развития. Авторы направления считают, что психологическая зрелость формируется в процессе онтогенеза человека. На каждом жизненном этапе закладывается определённый фундамент характеристик зрелости личности. В частности, Э. Эриксон видит основным компонентом зрелости личности чувство идентичности.

По мнению учёного, зрелость формируется благодаря развитию индивидуальности, автономности, способности ставить цели и достигать их. Примечательным фактом в нашем исследовании является то, что каждый последующий этап развития сложнее предыдущего. Зависимость этапа от возраста не является обязательной, но ни один из этапов нельзя пропустить в процессе развития. По мнению Эриксона, лишь небольшое количество людей достигают более высоких стадий и, следовательно, зрелости.

Еще один представитель психологии развития, Дж. Ловингер, изучая психологическую зрелость личности, объединяет развитие ЭГО и когнитивное развитие как ее определяющие составляющие. В своей теории он сопоставляет психологическую зрелость с целостностью личности, достигнутой к концу жизни.

Таким образом, психологическая зрелость, согласно психологии развития, наступает при формировании у личности таких аспектов, как индивидуальность, способность к близости, ответственность и мудрости.

Социальная зрелость индивида рассматривается российскими и зарубежными учёными, во многих исследованиях основной акцент переносится с межличностных отношений на субъективные характеристики личности.

Исследователи данного понятия К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова и Д. А. Леонтьев рассматривают ценностные ориентации личности и умение человека устраивать персональный уклад жизни в соответствии с собственным видением.

Известные исследователи, такие как П. Я. Гальперин, В. И. Слободчиков и А. Г. Асмолов акцентируют самостоятельность как личностное развитие и зрелость.

Наряду с данными авторами, психолог Б. С. Братус определяет зрелость личности как способность человека различать реальные и воображаемые жизненные ориентиры.

С. К. Нартова-Бочавер, изучая феномен психологической зрелости личности, приходит к выводу, что зрелость проявляется в устойчивости поведения человека в социуме, а также в способности личности принимать решение, основанное на внутреннем представлении об окружающем мире.

Г. С. Сухобская отмечала значимые показатели психологической зрелости, связанные с самообразованием и с самоопределением личности в социуме. Важным критерием зрелости личности выделялась рефлексия и умение извлекать уроки из собственного поведения.

На наш взгляд, понятие «социальная зрелость» является интересным фактом в исследовании внутренней гармонии индивида. Сухобская считает, что психическая, социальная зрелость и умственное развитие могут сочетаться с незрелостью социального развития у одного и того же индивида.

«Автор предлагает рассмотрение личности, использующей хорошо развитую рефлексию и практический интеллект с целью оправдания социально неблаговидных поступков; либо личности, полностью разделяющей ценности социума и соблюдающей их в поведении, что не всегда свидетельствует об осознанном ценностном выборе, а зачастую говорит о высоком уровне конформизма личности» [4].

Зрелость личности в научном мнении основывается на гуманистическом подходе к изучению норм и правил поведения человека в обществе.

Известный психолог А. Л. Журавлев выделяет многозначительность и ценность межличностных отношений и стремления к социально значимым целям как основных критериев психологической зрелости.

На основе анализа различных психологических подходов можно сделать вывод, что понятие «психологическая зрелость» в современной психологии многогранно и четко не определено.

Теоретический анализ научной литературы позволил нам выделить следующие психологические теории в соответствии с определениями.

1. Пирамида потребностей (А. Маслоу).
2. Любовь и забота (Э. Фромм).
3. Целостность, эго-идентичность (Э. Эриксон).
4. Способность строить межличностные отношения (Г. Салливан).
5. Ответственность (П. Я. Гальперин).
6. Рефлексия, умение извлекать уроки из жизни (Г. С. Сухобская).
7. Управление и организация собственной жизни (К. А. Абульханова-Славская).
8. Толерантность, гуманистичность (А. Л. Журавлёв).

Нами была предпринята попытка раскрыть суть дефиниции «психологическая зрелость личности». Названные факторы позволили установить содержание и компоненты.

В ходе исследования установлено, что зрелость личности приобретается индивидом примерно в возрасте 40–45 лет. В этот временной промежуток переживается кризис среднего возраста, происходит интенсивное развитие и формирование основных аспектов психологической зрелости.

Изучение вопросов зрелости личности в будущем может поспособствовать решению множества проблем, таких как отсутствие стремления к саморазвитию, учебной мотивации, безответственность и социальная пассивность, а также может актуализировать у подрастающего поколения потребность к личностному росту.

Список источников

1. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер. с англ. – СПб.: Питер, 2019. – 400 с.
2. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
3. Роджерс Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию. 2-е изд. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2018. – 240 с.
4. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. – 2002. – № 4. – С. 17–20.

Сведения об авторах

Марихин Сергей Васильевич – кандидат психологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0793-5672, e-mail: serg_marihin@mail.ru
Зубарев Василий Николаевич – магистрант факультета психологии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: zubarev1978@yandex.ru

УДК 94 (47)
ГРНТИ 03.29.00

Социально-экономическое положение учителей Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В. Ю. ШЕВЕЛЁВ

В статье на основе широкого круга материалов исследуется процесс эволюции материального положения и социального статуса учителей в России в конце XIX – начале XX в. Анализируются динамика оплаты труда, условия работы и система социального обеспечения преподавателей средних и начальных учебных заведений. Особое внимание уделяется сохранявшимся в этот период диспропорциям в доходах и статусе между разными категориями педагогов: учителями мужских и женских гимназий, городскими и сельскими учителями, преподавателями земских, министерских и церковно-приходских школ. Делается вывод о том, что, несмотря на общую тенденцию к улучшению материального положения и унификации правового статуса, разрыв между элитой учительского сословия и массой народных учителей оставался значительным, что служило источником социального недовольства и влияло на кадровое обеспечение системы образования.

Ключевые слова: учительство, материальное положение, социальный статус, Российская империя, гимназии, земские школы, оплата труда, пенсионное обеспечение.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали временем глубоких социально-экономических преобразований в России, затронувших и систему народного образования. Реформы 1860–1870-х гг. и последующее развитие школьной сети привели к значительному росту численности учительства, которое превратилось в заметную социальную и профессиональную группу. Однако этот процесс сопровождался сложной динамикой изменения их правового и материального положения.

Процесс сближения правового статуса педагогов различных типов школ, начавшийся в пореформенный период, вел к постепенному устранению наиболее вопиющих различий в условиях труда и социальном обеспечении. Тем не менее на всем протяжении рассматриваемого периода сохранялась существенная дифференциация внутри самого учительского сословия. Разница в оплате труда между учителями средней и начальной школы, городскими и сельскими педагогами, мужчинами и женщинами оставалась значительной и являлась предметом острых общественных дискуссий. Цель данной статьи – проанализировать материальное положение и социальный статус российского учительства на рубеже XIX–XX вв., выявив основные факторы, определявшие уровень доходов, и проследить сохранявшиеся в этот период диспропорции.

По своему правовому и материальному положению учителя мужских гимназий и реальных училищ были близки к среднему чиновничеству. Государство гарантировало им стабильный заработок, увеличивавшийся по мере выслуги лет. Согласно штатам 1871 г., директора гимназий получали годовой оклад в 1200 р. и 800 р. столовых с казенной квартирой, инспекторы – 900 р. и 600 р. столовых с казенной квартирой, законоучители – оклад 900 р. Аналогичные штаты имели

реальные училища, где законоучители получали 750 р. при меньшей учебной нагрузке [1, с. 231; 2, с. 263].

Преподаватели основных наук и языков делились на четыре разряда в зависимости от выслуги лет: 750, 900, 1250 и 1500 р. при стандартной нагрузке 12 уроков в неделю. Перевод в следующий разряд происходил через пять лет, однако повышение из третьего во второй и из второго в первый зависело от наличия вакансий. Учителя чистописания, пения и гимнастики получали значительно меньше – по 250 р. в год [1; 2]. Уставы 1871–1872 гг. предусматривали и возможности для дополнительного заработка: ведение уроков по нескольким предметам, содержание пансионеров, классное наставничество (160 р. в год), проверка письменных работ и участие в экзаменационных комиссиях.

Материальное положение женских гимназий было менее устойчивым, так как они содержались преимущественно на плату за обучение, субсидии от земств и городов, а также частные пожертвования. К 1900 г. лишь 36 % женских гимназий имели достаточные бюджеты, а 16% находились в бедственном положении [3, с. 12]. Уровень оплаты труда педагогов определялся попечительскими советами и сильно варьировался. Например, в Курской Мариинской гимназии в 1908 г. начальница получала 1200 р., а годовой урок оплачивался в 60 р. [4, с. 112]. В Казанской гимназии им. Ксении Александровны ставки составляли 50–60 р. за урок, а начальница получала 1200–1500 р. [5, с. 6–7]. В то же время в Ростовской Мариинской гимназии оплата была значительно ниже: от 30 в младших классах до 60 р. в старших, а начальница получала 800 р. [6, с. 9, 15]. После 20 лет службы преподаватели имели право на пенсию в 50 % оклада, после 25 лет – 100 % [7, с. 220]. Для преподавателей женских гимназий в 1900 г. был установлен пенсионный оклад в 300 р. [8, с. 693].

Высокий уровень доходов позволял относить преподавателей гимназий к обеспеченным слоям населения. По классификации Б. Н. Миронова, они вместе с офицерами, чиновниками и представителями свободных профессий входили в среднюю страту среднего класса, составлявшую около 12–16 % населения [9, с. 463–464].

Материальное положение учителей начальной школы, особенно в сельской местности, было значительно скромнее. Недостаточная оплата труда долгое время препятствовала привлечению квалифицированных кадров. Как замечал директор народных училищ Олонецкой губернии Д. П. Мартынов, «грошовые жалования приводят и к грошовым учителям, а грошовые учителя дают и грошовые успехи» [10, с. 29–30].

Низкий уровень оплаты был следствием системы финансирования, сложившейся после Земской реформы. Губернские земства занимались подготовкой учителей, а уездные – выплатой жалования, которое долгое время зависело от их скромных бюджетов. В 1860-х гг. жалование учителя могло составлять 150 р. и менее [11, л. 18]. К 1870-м гг. оклады выросли до 120–150 р., в 1880-х – до 150–200 р., в 1890-х – до 200–240 р. [12, с. 66].

Закон 1908 г. о введении всеобщего начального обучения установил минимальный оклад учителя в 360 р. в год, который теперь гарантировался казной. К

1911–1913 гг. заработная плата в земских школах выросла в среднем до 390 р. [13, с. 624]. Однако за этими цифрами скрывалась значительная дифференциация. Оплата труда в министерских (образцовых) школах была выше, чем в земских и церковно-приходских (ЦПШ), а школы грамоты находились на самом низком уровне. В Вологодской губернии в 1898–1899 гг. средняя плата в министерских школах составляла 253 р., в земских – 230 р., в ЦПШ – 144 р., а в школах грамоты – лишь 63 р. [14, с. 188].

Земства пытались компенсировать низкие оклады надбавками за выслугу лет, но их размер сильно различался. В Вологодской губернии надбавки варьировались от 10–15 до 60 р. за определенный период службы, составляя от 10 % до 20 % оклада [15, с. 70]. Несмотря на это, доходы сельских учителей оставались недостаточными. По некоторым подсчетам, «достойный» образ жизни для одинокого учителя требовал не менее 509 р. в год, а для семейного – 1200 р., что было недостижимо для большинства [16, с. 67].

Бедность сельского учителя была относительной. По сравнению с квалифицированными рабочими, к 1913 г. их доходы были в полтора раза выше [13, с. 588]. Однако сравнение с другими представителями интеллигенции было не в их пользу. Так, в Олонецкой губернии учитель получал 300–400 р., тогда как земский врач – 2000–2200 р. [10, с. 25]. Это несоответствие порождало чувство несправедливости и способствовало радикализации сельской интеллигенции.

Созданная в 1900 г. пенсионная касса для учителей начальных школ охватывала лишь небольшую их часть (8–10 тыс. человек) [17, с. 19]. Лишь с 1910 г. к обязательному участию в ней были привлечены все учителя начальных училищ Министерства народного просвещения [18, с. 36]. Дополнительную поддержку оказывали общества взаимопомощи, существовавшие к концу XIX в. не менее чем в 30 губерниях, но они не могли заменить собой полноценного государственного обеспечения [19, с. 5].

Учителям полагались казенные квартиры или «квартирные деньги». Их размер и качество жилья сильно различались по регионам: от 44–48 кв. аршин в центральных губерниях до 72 кв. аршин в Варшавском округе [20]. Однако условия проживания часто были неудовлетворительными. В Гдовском уезде «учительские помещения... тесны и холодны», а иногда учителям приходилось жить прямо в классах [21, с. 10]. Условия труда также были тяжелыми: на одного учителя приходилось в среднем 40–50 учеников, что при переполненности школ создавало колоссальную нагрузку [14, с. 186].

Проведенный анализ показывает, что материальное положение и социальный статус российского учительства в конце XIX – начале XX в. характеризовались глубокой внутренней неоднородностью. С одной стороны, преподаватели мужских гимназий и реальных училищ, опираясь на государственное жалование, надбавки и пенсии, входили в число наиболее обеспеченных слоев общества. Их статус был закреплен законодательно и сопоставим со статусом среднего чиновничества. С другой стороны, народные учителя, особенно в сельской местности, находились в значительно более уязвимом положении. Несмотря на постепенное повышение оплаты труда, ее уровень оставался недостаточным для комфортной

жизни и создания семьи, особенно в сравнении с доходами других специалистов на селе (врачей, агрономов).

Выявленные региональные и типологические различия (между министерскими, земскими и церковно-приходскими школами) свидетельствуют о незавершенности процесса унификации образовательной системы и сохранении элементов «сословности» внутри самой профессии. Низкая оплата, тяжелые условия труда и неопределенность социальных перспектив толкали сельских учителей к поиску дополнительных форм самоорганизации (общества взаимопомощи) и, в ряде случаев, к политической активности.

При этом феминизация начальной школы, вызванная в том числе и ограниченными карьерными возможностями женщин в других сферах, стала важным фактором, смягчавшим кадровый голод в деревне. Однако она же консервировала относительно низкий уровень оплаты, так как женский труд традиционно оценивался ниже мужского. В целом к началу Первой мировой войны учительство представляло собой сложную социальную страту, верхушка которой была прочно интегрирована в элиту общества, а основная масса (народные учителя) находилась в состоянии экономической и социальной нестабильности, что стало одним из факторов роста общественного напряжения в предреволюционные годы.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 46. Ч. 3. СПб., 1874. 863 с.

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 47. Ч. 3. СПб., 1873. 942 с.

3. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения: 1858–1905 / издание Департамента народного просвещения. – СПб., 1905. – 139 с.

4. Танков А. А. Исторический очерк Курской Мариинской женской гимназии, 1861–1911 гг. – Курск: Попечительский совет гимназии, 1911. – 222 с.

5. Извлечение из отчета о состоянии Казанской женской гимназии имени Ее Императорского высочества Великой Княжны Ксении Александровны за 1908 год. – Казань: Лито-типография И. Н. Харитонова, 1909. – 31 с.

6. Отчет о состоянии Ростовской Мариинской женской гимназии за 1907 гражданский год. – Ростов-Ярославский: Типография А. Х. Оппель, 1908. – 22 с.

7. Свод законов Российской империи: в 5 кн. / под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. 3. – СПб.: Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. – 1030 с.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 20. Ч. 1. – СПб., 1902. № 18787. – 1168 с.

9. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. – 896 с.

10. Илюха О. П. Повседневная жизнь сельских учителей и школьников Карелии в конце XIX – начале XX века / Очерки. Документы. Материалы. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. – 145 с.

11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1152. Оп. 6 (1866 г.). Д. 762.

12. Чарнолуский В. И. Земство и народное образование: очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования: формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области. Ч. 1. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. – 186 с.

13. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – М.: Весь мир, 2012. – 848 с.

14. Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1898–1899 гг. Т. 2. – Ярославль, Вологда: Издание Вологодского губернского земства, 1902. – 161 с.

15. Лосев С., директор народных училищ Вологодской губернии. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1911 год. – Вологда: Тип. П. А. Цветова, 1911. – 142 с.

16. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 62–77.

17. Мутьев В. Д. Пенсионная касса народных учителей и учительниц // Журнал Министерства народного просвещения. – 1904. Июль. – С. 1–30.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 30. Ч. 1. – СПб., 1913. – № 32915. – 1408 с.

19. Отчет Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Псковской губернии за 1899 год. – Псков: Тип. Г. А. Румеля, 1900. – 36 с.

20. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. 1-15. Вып. 10. – Петроград: Типо-литография М. П. Фроловой, 1913–1916. – 33 с.

21. Успенский М. И. Начальное народное образование в С.-Петербургском учебном округе: статистический очерк. – СПб.: Коммерческая скоропечатня, 1914. – 53 с.

22. Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып. 2. – Владимир на Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1911. – 97 с.

Сведения об авторе

Шевелёв Виталий Юрьевич – старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2643-8903, e-mail: shevelev_vitalik@mail.ru

УДК 94
ГРНТИ: 03.09.25

Король как символ: личности королей у Юлиана Толедского и каролингских историков

С. В. ЩУКИН

В статье рассматриваются образы монархов в источниках Вестготской и Каролингской эпохи. Делается вывод, что готская текстологическая традиция заметно повлияла на каролингскую, однако франкские авторы больше внимания уделяли личности монарха и обоснованию права руководить страной.

Ключевые слова: Вестготы, Юлиан, Эйнхард, Нитард, Каролингское возрождение.

Важнейшим для понимания причин крушения вестготской Испании является произведение конца VII в. – «История короля Вамбы» [Pizarro, с. 20]. Данный труд был составлен архиепископом Толедо Юлианом и является во многом хвалебной одой королю, занявшему трон в 672 г. Источник повествует в большей степени о начале правления Вамбы, его приходе к трону. Также данный источник интересен тем фактом, что именно Юлиан в будущем и поспособствовал свержению Вамбы с престола. Исследование данного вопроса – эволюция взгляда на Вамбу с идеального правителя в сторону узурпатора, власть которого заслуживает дальнейшего свержения.

«История короля Вамбы», как считает И. М. Никольский, осталась в тени по сравнению с «Историей готов» Исидора [Никольский, с. 318], но тем не менее изучалась многими современными исследователями, такими как Р. Коллинз [Collins, p. 1], называвший произведение исключительно дидактическим [Collins, p. 22]; С. Тейе [Teillet, p. 586], считавшая, что произведение является и историческим сочинением, и пропагандистским инструментом, и панегириком Вамбе; И. Гарсия-Лопес, описывавшая «Историю Вамбы» как панегирик, имевший цель приписать черты поддержанного Юлианом будущего короля Эрвигия Вамбе [García López, p. 121]. Сам же Никольский считает, что данное произведение носило в высшей степени дидактический характер, из-за чего пострадала историческая достоверность: Юлиан стремился сконструировать, а не восстановить реальность, а также поддержать терпящий крушение институт монархии в Испании [García López, p. 121].

Несмотря на то что его копии относятся к XVI в., и установить прямое копирование в каролингских монастырях не удалось, данный источник являлся единственным свидетельством ритуала помазания, которое в следующий раз было применено уже при Каролингах, из чего можно сделать вывод о том, что распространение «Истории Вамбы» имело место в Каролингской империи. Сакрализация монарха не была активным компонентом испанских хроник, она началась именно при Вамбе и его хронисте Юлиане Толедском. В связи с этим

необходимо рассмотреть образ монарха как помазанника Божьего и сравнить интерпретацию государя вестготским летописцем с франкскими историками, тексты которых больше касались именно личности монарха.

Начать стоит с рассмотрения ритуала помазания. Итак, вот как начинается описание событий, предшествовавших ритуалу: «Был в наши дни преславнейший правитель Вамба, которому Господь предначертал достойное правление, который был провозглашен епископским помазанием, которого избрали народ и родина, который был отмечен любовью подданных, которому было предназначено царствовать многими откровениями еще до того, как он занял престол. Когда этот светлейший муж совершал погребальные обряды и оплакивал короля Рекцесвинта, тут же все пришли к согласию, как в душе, так и на словах, и заявили, что хотят видеть его правителем; они единодушно кричали, чтобы готами правил только Вамба и никто другой, и всей толпой бросились к его ногам, дабы он не отказал умоляющим»[1]. Таким образом, мы видим, что Вамба в версии Юлиана предстаёт достойным процедуры помазания, которая ранее была распространена лишь в Иудее, ещё до своего избрания. Данное описание необходимо сравнить с таковым у Эйнхарда.

Изложение причин, предшествовавших помазанию монарха, у Эйнхарда более лаконичное: он сообщает, что римляне были вынуждены молить короля о защите[2]. Если учитывать, что в предыдущей главе о Карле говорится как об истовом христианине, тем не менее не оставляющим своё государство и посещавшим Рим лишь четыре раза[3]. Эйнхард развивает его образ как защитника веры, выступившим как заступник Папы от народа. Здесь мы видим, что испанская историческая традиция была куда больше ориентирована на народ как gens и носителя государства (отчего Вамба предстаёт здесь как заступник и народный избранник), тогда как каролингская традиция больше акцентировалась на образе пастыря.

Любопытно сравнить и реакцию Вамбы и Карла на необходимость коронации. Вот как описана реакция Карла: «Именно тогда он принял имя Императора и Августа, чего вначале совершенно не желал и утверждал, что если бы знал заранее о замысле папы, то в тот день не пошел бы в церковь, несмотря на то, что это был один из главных праздников»[4]. Эйнхард описывает Карла как всё ещё истового католика, но ставящего скромность на первый план по сравнению с возможностью стать правителем.

Конечно же, такая же характеристика даётся Юлианом Толедским и Вамбе, только более развёрнуто: он сообщает, что Вамба «перестал противиться и, приняв королевскую власть, примирился с собравшимися, и назначил помазание на девятнадцатый день, чтобы не быть провозглашенным правителем вне древней

[1] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

[2] Эйнхард «Жизнь Карла Великого» // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus11/Einhard/frametext.htm (дата обращения: 28.02.2026), с. 27.

[3] Там же.

[4] Там же.

кафедры»[1]. Также Юлиан сообщает об угрозах, исходивших от одного из полководцев, обещавших зарубить Вамбу[2]. Такой образ, описанный Юлианом, несколько контрастирует с образом Карла от Эйнхарда – тому пришлось, как описывается, лишь преодолевать собственное нежелание, но не сталкиваться с угрозами. Тем не менее слова про нежелание быть правителем вне древней кафедры довольно сильно перекликаются со словами каролингского историка и также дают образ Вамбы как религиозного человека. Угрозы, которые получал Вамба, намекают на политическую нестабильность Вестготского государства и большое число переворотов, которые ранее происходили в Вестготской Испании, поэтому такие конструкты не могли быть уместны в повествовании о стабильном династическом положении Каролингов у Эйнхарда.

Описание обстоятельств помазания у Эйнхарда довольно драматично, поэтому сильно отличается от таковых в «Анналах королевства франков». В данном источнике процедура описана лаконично: «В этом году по благословению римского понтифика Пипин был назван королём франков и в честь этого звания помазан святым маслом рукою святой памяти архиепископа и мученика Бонифация и по обычаю франков возведён на престол королевства в городе Суассоне»[3]. Как мы видим, в тексте отсутствуют какие-либо указания на принуждение к процедуре или мольбы, так как «Анналы» создавались раньше, а Эйнхард, пользуясь описаниями Юлиана, сделал текст куда более драматичным. У Юлиана же помазание описано более подробно, чем у автора «Анналов»: «Прибыв туда, где он должен был принять помазание, в церковь свв. Петра и Павла при претории, окруженный королевскими почестями, стоя перед священным алтарем, по закону он принес клятву народу. Затем, когда преклонил он колени, на темя его святой рукой и епископа Квирика был излит благословенный елей, передалась ему сила благословения»[4]. Юлиан здесь описывает библейскую процедуру достаточно подробно, а монарх у него выступает практически как мессия, что вновь находит контраст с пониманием монархии у более ранних авторов.

В целом процедуры коронации и помазания в данных текстах различаются, но Эйнхард стремился практически уравнять их. Образ монарха как носителя Божественной воли виден в описаниях событий, происходивших накануне смерти Карла: в тот год происходили затмения, пожары, в частности сгорел мост через Рейн[5]. Карл здесь предстаёт как всё ещё помазанник, кончину которого Бог пытается предупредить. Знамение, пусть и с иным уклоном, описано ещё в моменте помазания Вамбы: «Тут же Вамба получил следующее знамение, говорящее о

[1] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

[2] Там же.

[3] Анналы королевства Франков. // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus17/Annales_regni_francorum/frametext1.htm (дата обращения: 28.02.2026).

[4] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

[5] Эйнхард «Жизнь Карла Великого» // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus11/Einhard/frametext.htm (дата обращения: 28.02.2026), с. 27

его грядущем благоденствии: немедленно с его макушки, <…> слетела пчела, возвестившая о благополучии, которое должно было быть в будущем»[1]. Образ божественного провидения и отметки монарха Богом пронизывает оба этих описания.

Тем не менее, как можно заметить, Юлиан практически не даёт описания личных качеств Вамбы. Из приведённых отрывков можно понять о вестготском монархе лишь один факт – он глубоко оплакивал почившего Реккесвинта. Об истинной причине избрания Вамбы было рассказано в другой статье автора, вероятно, таковой была уверенность в связи Вамбы с церковью [Щукин, с. 118], посему Юлиан с его рассказом о монархе практически не даёт представления, чем же готам так полюбился данный претендент.

Это глубоко контрастирует с описаниями, которые Эйнхард даёт Карлу Великому, помимо уже упомянутых. Так, он описывает, что тот был знатоком латыни, свободных искусств, учил греческий[2]. Эйнхард описывает Карла как любознательного, образованного и образцового монарха, даже в привычках, сообщая о том, что он был умерен в питье и еде, поскольку больше всего ненавидел чревоугодие[3]. Такие описания больше всего роднят апологию Карла от Эйнхарда с той апологией, которую Исидор использовал в отношении Свинтилы[4], но сказать что-то о личных качествах Вамбы становится невозможно.

Описания кризиса государства, данные в «Истории» Нитарда, связаны с таковыми у Юлиана, рассказавшего о галльском мятеже. Вот как описаны предпосылки у вестготского автора: «В его славные времена земля галлов, кормилица вероломства, имела дурную славу: охваченная всеобщим мятежом, подобным лихорадке, она пожирала порожденных ею самой предателей<…> И, когда уже долго металась она в приступах лихорадки волнений, вдруг, с грехопадением одной мятежной головы, поднялся вихрь восстания, и предательский заговор распространился с одного на многих»[5]. Также в данном отрывке акцент делается и на иудеях, что является типичным антииудейским выпадом в вестготской историографии.

У Нитарда причины описанных им гражданских войн более прагматичны. Так, он сообщает, что государство из-за жадности отдельных правителей пришло в упадок [Тимофеев, с. 99]. Роль личности как объединяющего фактора также является важной: «Но больше всего, признаюсь, вызывает изумление тот факт, что он один при помощи умеренного страха так обуздал свирепые и железные

---

[1] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

[2] Эйнхард «Жизнь Карла Великого» // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus11/Einhard/frametext.htm (дата обращения: 28.02.2026), с. 27.

[3] Там же.

[4] Isidorus Hispalensis. Historia de regibus Gothorum, Vandalorum etSuevorum // thelatinlibrary [Электронный ресурс]. URL: https://www.thelatinlibrary.com/isidore/historia.shtml (дата обращения: 28.02.2026).

[5] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

сердца франков и варваров, которые не смогло укротить даже римское могущество, что те не смели открыто предпринимать в империи ничего, что не соответствовало бы общественной пользе» [Тимофеев, с. 97]. Таким образом, Карл здесь, как и у Эйнхарда, преподносится как спаситель, способный обуздать всю народную массу, без которого государство мгновенно скатилось в агонию гражданской войны.

Тем не менее, как отмечает Нитард, кризис начал поднимать голову ещё до смерти Карла: «В это же время Аквитанию отняли у Пипина и отдали Карлу, и первые лица из народа, которые были заодно с отцом, поклялись в верности. Те, о ком мы говорили выше, перенеся это с досадой, кричали повсюду, что, мол, государство дурно управляется, и склоняли народ к якобы справедливому правлению» [Тимофеев, с. 101]. Речь здесь идёт об очередных разделах государства, которые были частым явлением при Карле, и одним из которых оказался и Верденский раздел, не устранивший саму империю, а установивший лишь «первого среди равных». Довольно мягкой является и характеристика Лотаря: «Ибо Пипин и Людовик, видя, что Лотарь хочет присвоить себе всю империю, а их сделать ещё слабее, восприняли это с явной досадой» [Тимофеев, с. 101]. Таким образом, Нитард говорит о возникновении кризиса с довольно естественных причин, тогда как у Юлиана Галлия он предстаёт как земля, где послушание и иные добродетели чужды местному населению.

Окончание кризиса у Нитарда описывается так: «Здесь каждый может заключить, насколько безумие пренебрегает общественной пользой и насколько оно одержимо частными и личными желаниями, в то время как по обеим этим причинам оно так прогневило Творца, что Он обратил против этого безумия все стихии. <…> Ныне же, напротив, всюду открылись ссоры и раздоры, ибо каждый ступает по той тропе, по какой хочет. Тогда повсюду были изобилие и радость, а теперь везде – нужда и уныние» [Тимофеев, с. 140].

Стоит сравнить таковое описание с обвиняющей речью Юлиана в адрес Галлии, где он называет её непомерно и спесиво высокомерной, злобной, клеветнической[1]. В этой довольно негативной характеристике на Галлию возлагается вина за все беды Испанского государства, из-за чего описание мятежа носит обвинительный характер с разделением свободных испанцев и фальшиво-свободных галлов. И если ярко выраженный религиозный посыл из начала произведения выставляет галлов как антихристианское и чуждое добродетелям сообщество, то у Нитарда образ мятежников не персонализируется непосредственно на ком-то одном. Каждая из враждующих сторон показывается как сторона заблудшая, но со своими мотивами, а ошибки выступают как что-то обыденное для монарха.

Таким образом, если подводить итоги сравнений сакральных образов в персоналистских произведениях эпохи поздних Вестготов и эпохи Каролингов, то можно увидеть эволюцию. Юлиан описывал короля Вамбу будто бы без каких-либо обоснований, почему именно этот монарх является святым помазанником

[1] Юлиан Толедский – История короля Вамбы // vostlit.info [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/rus14/Julian_Toledo/text2.phtml (дата обращения: 11.04.2026).

для своего народа, все причины сводились к тому, что Вамба был религиозен, а Бог лично благословил его. Образ Карла у Эйнхарда описан значительно подробнее и выделяет множество личных качеств монарха, за которые действительно можно было бы назвать его достойным правления. Нитард же подошёл к описаниям с более правдоподобных позиций и охарактеризовал участников политического кризиса без ярко выраженной неприязни или симпатии, тогда как «История короля Вамбы» – обвинительное произведение, выделяющее в кризисе 672 г. и галльско-септиманском восстании положительных и отрицательных акторов. Тем не менее, как мы видим, труды Исидора и Юлиана значительно повлияли на работы франкских хронистов и позволили им сконструировать образы идеальных монархов IX в. без излишних акцентов на той или иной стороне.

Список литературы

1. Collins R. Julian of Toledo and the Education of Kings // Idem. Law, Culture and Regionalism in Early Medieval Spain. Brookfield, 1992. T. III. P. 1–22.

2. García López Y. La cronologia de la Historia Wambae // Anuario de estudios medievales. 1993. P. 121–139.

3. Pizarro J. M. The Story of Wamba: Julian of Toledo's Historia Wambae regis // Catholic University of America Press, 2005. 262 p.

4. Teillet S. Des Goths à la nation gothique: les origins de l'idée de nation en Occident du V e au VII e siècle. Paris, 1984. 687 p.

5. Никольский И. М. Историописание как инструмент политической пропаганды в вестготской Испании конца VII в.: «История короля Вамбы» Юлиана Толедского // Средние века. – 2012. – Вып. 73 (3–4). – С. 315–325.

6. Тимофеев М. А. Историки эпохи Каролингов. – М.: РОССПЭН, 1999. – 416 с.

7. Щукин С. В. Вамба против Вестготского духовенства: окончательное поражение сильной королевской власти в Готской Испании // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – № 02. – 2026. – С. 118–123.

Сведения об авторе

Щукин Сергей Владимирович – аспирант 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-7039-1897, e-mail: wlad0951602@yandex.ru

УДК 378.147.34
ГРНТИ 03.01.45

Апробация методики рефлексивного выбора мировоззренческого ориентира (из опыта преподавания дисциплины «Основы российской государственности»)

А. Н. ЯРОСЛАВЦЕВА

В статье анализируются итоги проведенного в рамках семинарских занятий по курсу «Основы российской государственности» мониторинга личностей в отечественной истории, так или иначе влияющих на мировоззрение первокурсников разных специальностей. Затрагиваются такие аспекты, как герой для семьи; человек, повлиявший на выбор специальности; гордость страны. При помощи компаративного анализа и синтеза результатов проведенного опроса студентов сформированы наглядные графики, демонстрирующие вариативность выбора, а также уровень заинтересованности студентов в рамках изучения третьего раздела «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации». Подчеркивается значимость анализа этой формы работы с точки зрения новизны, функции социализации, а также вовлеченности студентов.

Ключевые слова: лидер мнений, мировоззрение, основы российской государственности, личность в истории, студенты.

Определение роли личности, способной повлиять на мировоззрение первокурсника, важно для выстраивания диалога между преподавателем и студентами, определения связи поколений и точек их соприкосновения в культурном и профессиональном поле. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности», имеющей межпредметный характер, помогает студентам лучше понять взаимодействие между различными аспектами общественной жизни.

В октябре-декабре 2025 г. в рамках курса «Основы российской государственности» на пяти факультетах ЛГУ им. А. С. Пушкина студентам было предложено подготовить доклад на тему «Личность, повлиявшая на ваше мировоззрение». При этом пояснялось, что главным условием является самостоятельный выбор героя из числа соотечественников. Вместе с возможностью выбора, его рамки были определены ярко выраженными качествами героя, положительным вкладом в любую сферу жизни государства, патриотической позицией.

Цель исследования – проанализировать рефлексивный выбор студентами личности соотечественника – мировоззренческого ориентира.

Среди задач можно выделить следующие:

1. Выделить категории выбираемых личностей.

2. Определить уровень заинтересованности студентов, исходя из содержательности и эмоционального контекста доклада (ответы на вопросы, отстаивание точки зрения, глубина владения информацией).

3. Проанализировать полученные данные с привязкой к факультетам.

Введение в 2023 г. в систему высшего образования дисциплины «Основы российской государственности» явилось продолжением действий, направленных

на возрождение идей воспитания традиционных ценностей в российском обществе. Кратко обозначим: в 2020 г. внесены изменения в Федеральный закон РФ «Об образовании»[1], где вводилось понятие воспитания, 1 января 2021 г. стартует федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан РФ»[2], в 2022 г. издан указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809»[3]. Обратим внимание на тот факт, что не всегда педагог (родитель) является авторитетом для подрастающего поколения (если обратиться к возрастной психологии, для подросткового возраста роль педагога и родителя как авторитетов снижается, бывает и вовсе замещается из-за сложившихся определенных условий), а лидеры общественного мнения (журналисты, блогеры, политологи, артисты и пр.) часто оказывают сильное влияние на формирование взглядов и ценностей у аудитории [Есешкин]. Особое внимание в этой связи требуется уделить изучению раздела «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации». В нём даётся объяснение понятию «российское мировоззрение» и связанным с ним теоретическим моделям, в которых так или иначе присутствует ценностный каркас российской цивилизации, базирующийся на таких структурных элементах, как гражданин, семья, общество, государство, страна. За каждым из этих компонентов стоят определённые идеи, символы, нормы, ритуалы, институты. Погружение студентов в эту тематику призвано помочь им составить цельное представление о таких чертах и принципах российской цивилизации, как многообразие, суверенность, созидание, взаимодоверие и согласие [Рыбаков].

В рекомендованных учебных пособиях отмечается важность знакомства детей и молодежи с образами героев и подвижников для воспитания общественных добродетелей и формирования гражданской идентичности и мировоззрения[4]. Анализ представленности темы героического в пособиях демонстрирует отсутствие у авторов единого взгляда на ее реализацию в рамках дисциплины «Основы российской государственности», а также неразличение понятий «герой», «подвижник», «выдающаяся личность», что, впрочем, вполне объяснимо для начального этапа разработки курса и первых лет его преподавания. Какой из вариантов окажется наиболее эффективным, покажет только опыт работы со студентами [Телькунова].

---

[1] Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" по вопросам воспитания обучающихся». Статья 1. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007310075 (дата обращения: 26.03.26).

[2] Патриотическое воспитание молодежи. URL: https://rospatriotcentr.ru/rospatriot/patriotic/ (дата обращения: 26.03.2026).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 26.03.26).

[4] Основы российской государственности: учеб. пособие / А. Д. Харичев, А. В. Полосин, А. В. Селезнева. М.: РАНХиГС, 2024. 448 с.

Мониторинг особенностей восприятия обучающимися и преподавателями курса «Основы российской государственности» на современном этапе характеризуется разнообразием опросов, предпринятых исследователями и инициативными группами разных вузов; результаты изучения мнения заинтересованных акторов данного процесса донесены до общественности в виде опубликованных научных работ. Представляет значимость тот факт, что некоторые из исследований характеризуются сходными формулировками вопросов и демонстрируют совпадение результатов. Однако такое разнообразие исследовательских ресурсов сложно назвать богатым [Брега].

Базой исследования выступила группа студентов первого курса из 216 человек, обучающихся по девяти специальностям на пяти факультетах ЛГУ им. А. С. Пушкина.

При проведении занятий стало очевидным, что вектор выбора обусловлен, с одной стороны, медиасферой, а с другой – особенностями личности и воспитания каждого из студентов. Отдельно стоит отметить, что студенты трактуют понятия «традиционные ценности», «российское мировоззрение» и «мировоззренческий ориентир» больше на интуитивном уровне, не опираясь на теоретические знания. Эффективным способом восприятия сути этих дефиниций является пример конкретной личности, вызывающей эмоциональный отклик у молодёжи, и демонстрация одной или нескольких обозначенных традиционных ценностей в процессе презентации и группового обсуждения. Такой метод наглядно показывает, что в этом процессе происходит не только глубокий анализ выбранного героя, но и эмоциональное продвижение в социальную группу ценностей, которые он олицетворяет.

В первую очередь отметим, что примененный подход показал высокий уровень заинтересованности студентов процессом и живой интерес к предмету. По итогу представления всем докладам была присвоена категория, для оценки уровня заинтересованности – фильтрующая «Доклад для доклада», отражающая факт выполнения задания без эмоционального отклика у выступающего. В большинстве случаев студент на вопросы аудитории ответить затруднялся. Результаты анализа уровня заинтересованности представлены в таблице.

Факультет	Уровень заинтересованности, %
Факультет философии, культурологии и искусства	100,0
Факультет иностранных языков	95,2
Юридический факультет	81,4
Факультет физической культуры	80,6
Факультет естествознания, географии и туризма	60,8

Категории остальных докладов были определены в зависимости от контекста доклада и эмоционального отклика:

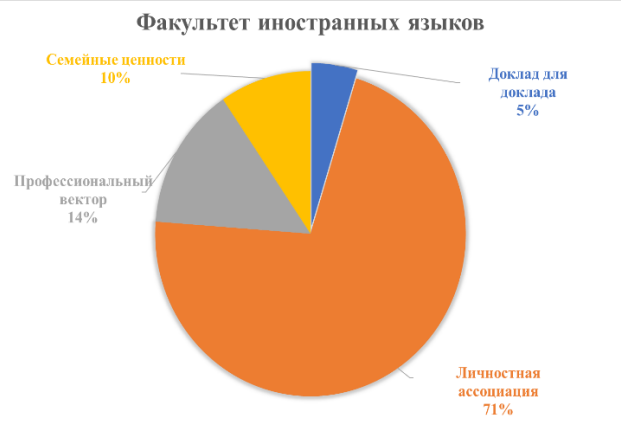
«Профессиональный вектор» – личность, повлиявшая на выбор профессии;

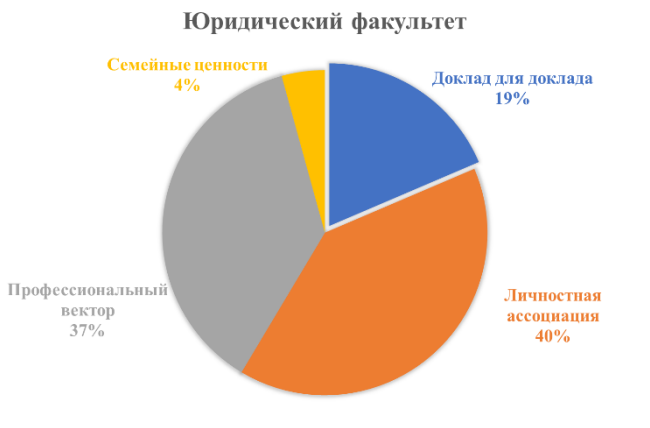
«Семейные ценности» – родственник, вызывающий гордость и благодарность;

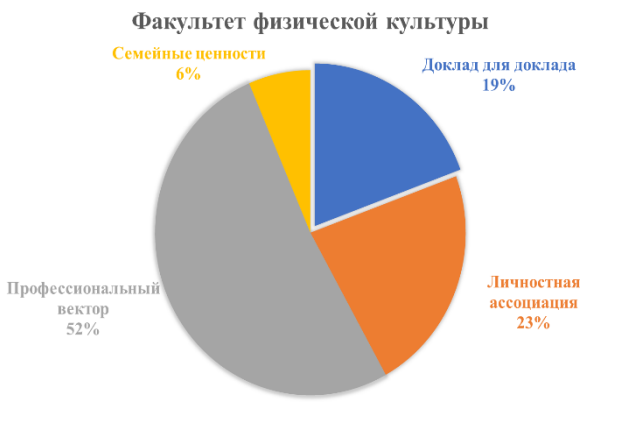
«Личностная ассоциация» – герои прошлого и современности, на которых студенту хотелось быть похожим.

Результаты с привязкой к факультетам представлены на диаграммах:

Полученные результаты показывают высокую долю категории «Личностная ассоциация», что говорит о том, что для молодых людей на первый план выходят качества личности, отражающей приверженность традиционным ценностям.

Второй по величине является категория «Профессиональный вектор», что указывает на сознательный выбор получаемой специальности.

Доля категории «Семейные ценности» показывает, что в кругу семьи формирование мировоззрения, основанного на традиционных ценностях, происходит довольно редко. Вместе с этим герой их семьи стоит на одном уровне с выдающимися деятелями страны.

Список источников

1. Брега Г. В. Мониторинг восприятия курса «Основы российской государственности» в контексте политической социализации студентов // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 2. – С. 30–35.
2. Есешкин К. И. Использование интегрированной модели медиаобразования при освоении дисциплины «Основы российской государственности» // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 5 (108). – С. 168–172.
3. Рыбаков С. В. Предпосылки создания, цели и задачи учебного курса «Основы Российской государственности» // Казачество. – 2024. – № 74. – С. 98–107.
4. Телькунова А. В. Образ героя и подвижника в трактовке современной молодёжи (из опыта преподавания дисциплины «Основы российской государственности») // Общество. Среда. – 2025. – № 1 (74). – С. 131–137.

Сведения об авторе

Ярославцева Анна Григорьевна – ассистент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-5414-0676, e-mail: Aqannet@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЕДИНСТВА В ФИЛОСОФСКОМ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УДК 141.4
ГРНТИ 02.15.61

Проблема единства в наследии В. В. Зеньковского

А. Н. БАЙРОН

Статья посвящена анализу проблемы единства в философии В. В. Зеньковского. Рассматриваются онтологический, гносеологический, антропологический и социальный аспекты единства как изначальной основы бытия и цели духовного преображения человека и мира.

Ключевые слова: единство, русская религиозно-философская мысль, В. В. Зеньковский, антропология, онтология, социальная философия.

Одно из центральных мест в наследии В. В. Зеньковского занимает проблема единства, имплицитно пронизывающая все его религиозно-философские построения. В системе мыслителя обозначенная тема раскрывается на разных уровнях: онтологическом, гносеологическом, антропологическом и социальном. В рамках представленной работы мы рассмотрим развертывание данной проблемы в различных аспектах, тем самым формируя границы для дискуссионного пространства.

Мы начнем свое изложение с онтологического аспекта, хотя, следует отметить, именно он является наименее разработанным с философской точки зрения. Учение о бытии, вполне закономерно, в рамках религиозно-философской мысли исходит из догматических положений и, в силу этой предзаданности, наименее подвергается рефлексии.

В построениях В. Зеньковского единство понимается как изначальная онтологическая данность: мир в своей первооснове не раздроблен и не противоречив, но представляет собой целостное творение, укоренённое в Боге. Эта исходная целостность предполагает внутреннюю согласованность всех уровней бытия – от космического до человеческого. Именно в этом контексте становится понятной идея человека как микрокосма: он не просто часть мира, но в некотором смысле повторяет его структуру, являясь концентрированным выражением космического целого. Соответственно, макрокосм и микрокосм соотносятся не внешне, а органически, что свидетельствует о фундаментальном единстве.

Созерцаемая же раздробленность бытия понимается как результат грехопадения, приведшего к «поврежденности» мироздания: «Зло в природе (страдания, мучения, взаимное уничтожение) есть факт, оправдывающий применение наших моральных понятий, – но источники зла лежат не в природе, как таковой, а в той космической катастрофе, которая возникла вследствие грехопадения прародителей» [Зеньковский, 1992, с. 164]. Нам важно подчеркнуть, что речь не идёт об уничтожении единства как такового: оно сохраняется, но в искажённом виде.

Мир остаётся целостным, но эта целостность становится трагической, внутренне напряжённой. Этим формируется проблема должного и сущего: чувствование должного человеком (изначального единства) / наблюдение наличествующего (раздробленности и разобщенности).

Итак, единство в онтологическом аспекте понимается как изначальная характеристика бытия, ныне находящаяся в поврежденном состоянии и нуждающаяся в восстановлении. Нам важно подчеркнуть тот момент, что именно возможностью видения изначального единства во многом формируется не только рефлексивный духовный мир человека, но и его дорефлексивная возможность действования.

На основе выявленных онтологических предпосылок вытекает учение о познании, которое можно также осветить на двух уровнях: 1. человек, ощущая разлад в мире и действуя в рамках наличествующего, одновременно сохраняет внутреннее чувство правды, указывающее на утраченную целостность. Познание тем самым оказывается не просто исследованием фактов, но стремлением к восстановлению единства – к постижению мира не только в его действительном состоянии, но и в его подлинной, не повреждённой основе; 2. внутреннее единство человека (его духовных и познавательных сил) также оказывается поврежденным и разобщенным. В. Зеньковский отстаивает то положение, что познавательная природа разума подразумевает под собой единство веры и знания, заданность которых также является «поврежденной» и нуждающейся в восстановлении. Хоть иерархичность строения человеческой души неоспорима (чего мы коснемся в рамках рассмотрения антропологических построений), но неверно понимать эту иерархию как некоторую градацию. Человеческая природа интерпретируется как природа познающая, и никакие «отношения подчиненности» выстроить невозможно: каждый элемент есть необходимая составляющая процесса, из чего складывается гармоничная система, состоящая из взаимосвязанных, различных по объему элементов.

Итак, из гносеологического аспекта мы можем подчеркнуть следующее: познающая природа человека в рамках явленного мира сталкивается сразу с двумя ограничениями: поврежденность как внешнего мира, который является объектом познания, так и гармонического единого устройства внутреннего мира человека, который выступает, соответственно, субъектом. На путях гносеологии перед человеком, в соответствии с изложенным, встают следующие задачи: 1. гармонизация собственных духовных сил, не ограниченных сухим рационализмом: «Мы должны в виду этого сказать: при всей неизменности логических операций ума, живая познавательная работа духа настолько связана с внутренним нашим миром, что мы должны признать возможность расширения и углубления наших познавательных сил при развитии духовной жизни в человеке. Разум должен быть понять динамически – он вовсе не равен всегда сам себе. Конечно, законы логики остаются неизменными, и дважды два при всех условиях будет четыре, но познание не состоит в автоматическом действовании логических функций духа, но связано со всей жизнью личности. То, что принято называть рационализмом и в чем действительно сказывается ограниченность нашего ума, часто не способного

подняться до постижения высших истин, которые не поддаются упрощенной рационализации, – есть как раз остановка духа на упрощенных формах мышления. Рационализм, несущий с собой известные выгоды в смысле стройности в познании, в то же время является ограничением силы постижения.» [Зеньковский, 1992, с. 29]; 2. объектом познания должен выступать не только ограниченный явленный мир, но и его неискаженная природа.

Отсюда вполне закономерно выстраивается и антропологическое раскрытие темы единства. Внутренний мир человека в наследии В. Зеньковского понимается как единая системная взаимосвязь различных начал (интеллектуального, телесного, душевного и духовного), гармония которых нарушена и, как и в ранее рассмотренных положениях, нуждается в восстановлении. Внутренний мир человека становится ареной борьбы, где светлое и тёмное начала сосуществуют в напряжённом взаимодействии, из чего следует, что человеческое развитие предполагает гармонизацию всех сил души при сохранении их гармоничной иерархии.

Этим диктуются и положения социальной философии мыслителя. Вопросы, связанные с тем, как человеку следует жить в «поврежденном» мире, в силу деятельностного склада мысли В. Зеньковского и христианского мировоззрения, одни из наиболее подробно рассматриваемых. Верный путь социальных преобразований мыслитель усматривал в построении православной культуры, понимаемой как культура, стремящаяся к свободе и любовному единению людей. Таким образом, единство приобретает характер цели, к которой должна быть направлена человеческая деятельность. Следует отметить, что единство не может быть навязано извне; оно должно вырастать из преображения человеческой личности: «Исцеление мира идет через человека. Я не хочу этим отвергать полезность разнообразных социальных реформ, но думать, что этим что-нибудь делается для мировой болезни – невозможно. Дай Бог всем получать больше денег, чтобы всем хватало пропитания, всем обеспечить тепло, все эти основные вещи, дай Бог чтобы они были, но это не изгладит зла. Оно таится в глубине души и никакие социальные реформы не могут изгнать его» [Зеньковский, 1995, с. 33]. Таким образом, формируется идея «деятельной парадигмы»: человек призван не столько бороться со злом напрямую, сколько созидать добро. Увеличение добра в мире естественным образом ведёт к уменьшению зла, поскольку зло не имеет собственной онтологической основы. Таким образом, единство здесь выступает как результат совместного творческого усилия, направленного на раскрытие светлого начала в мире. Это единство носит органический характер: оно не устраняет различий, но соединяет их в гармоническое целое.

Из этого вытекают и педагогические установки мыслителя, где задача воспитания видится не в подавлении «тёмных» сторон, но в их осмыслении и включении в общий процесс духовного роста (как отдельного члена общества, так и некоторой общности). Единство личности не может быть достигнуто путём вытеснения зла; напротив, необходимо научить человека правильно относиться к собственной повреждённости, принимать ответственность за свои поступки и стремиться к внутреннему преображению. Таким образом, антропологическое

единство у Зеньковского имеет динамический характер: оно требует постоянного усилия по его восстановлению.

И в завершение нашего рассмотрения отметим, что особый интерес представляет эстетический аспект проблемы единства. Красота, по мысли В. Зеньковского, сохраняет свою силу даже в условиях повреждённого мира, но утрачивает связь с добром, что делает возможным феномен «злой красоты». Тем не менее, именно красота остаётся важнейшим свидетельством утраченного единства: через эстетическое переживание человек прикасается к глубинной гармонии, даже если она не реализована в явленном мире. Отсюда вытекает идея «спасения красоты», которая возможна лишь в контексте духовного преображения личности, общества и мира.

Таким образом, проблема единства в наследии В. В. Зеньковского раскрывается в нескольких взаимосвязанных измерениях: на онтологическом уровне она выражает изначальную целостность бытия, нарушенную, но не уничтоженную актом грехопадения; в гносеологическом и антропологическом ключе отстаивается положение, что полноценное познание и развитие являются невозможными, покуда не восстановлено внутреннее единство человека; в социальных построениях демонстрируется, что только любовное единство людей способно к действительным шагам на путях преображения.

В совокупности все эти аспекты позволяют говорить о проблеме единства как системообразующего принципа в религиозно-философском наследии В. В. Зеньковского: поврежденное единство микро- и макрокосма побуждает человека к его восстановлению, которое, конечно, начинается с конкретного индивида, но неизбежно перетекает в коллективные усилия, основанные на движении свободы.

Список источников

1. Зеньковский В. В. Основы христианской философии – М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1992. – 268 с.

2. Зеньковский В. В. Проблема зла в мире и пути борьбы с ним // Православная община. – 1995. – № 2 (26). – С. 26–36.

Сведения об авторе

Байрон Александра Николаевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-5652-7721, e-mail: zwibel1709@gmail.com

УДК 304.2
ГРНТИ 21.41.41

Роль религии в обществе: функции интеграции и дезинтеграции

О. А. БОКОВА

В статье рассматриваются теоретические наработки религиоведения, а именно понимание функций религии, прежде всего интегративной и дезинтегративной. Также внимание уделено характерным чертам государственной политики в отношении религии в современной России.

Ключевые слова: религия, функции религии, религия и общество, интеграция, дезинтеграция.

Характеристика функций религии в обществе и жизни человека – это классическая тема религиоведения (особенно социологии религии и в определенной степени психологии религии). «Энциклопедический словарь социологии религии» содержит три статьи, посвященные функциям религии, и одну статью о функциях религиозных организаций. Так, в статье И. П. Давыдова со ссылкой на московскую академическую школу в лице И. Н. Яблокова обозначены следующие семь функций религии – мировоззренческая, компенсаторная, коммуникативная, регулятивная, интегрирующе-дезинтегрирующая, культуротранслирующая, легитимирующе-разлегитимирующая [Энциклопедический словарь социологии религии, с. 468]. В статье Е. С. Элбакян интегрирующая/стабилизирующая и дезинтегрирующая/дестабилизирующая функции религии указаны и проанализированы первыми [Там же, с. 469]. Именно эти взаимосвязанные функции религии и будут нас интересовать прежде всего в этой статье.

Религия амбивалентна в своей консолидирующей и конфликтогенной роли. Е. С. Элбакян отмечает соприсутствие в ней интегрирующей и дезинтегрирующей функций в разных ситуациях. Она пишет: «Выступая в качестве источника социокультурного единения на базе тех или иных ценностей, нормативных установок, вероучения, культа и организации, религия одновременно противопоставляет эти общности другим общностям, сформировавшимся на базе иных ценностно-нормативных систем, вероучений, культов и организаций. Такое противопоставление может служить источником конфликтов между различными конфессиями, усиливая внешнюю дезинтеграцию, в то время как внутренняя интеграция в результате такого противостояния «чужакам», как правило, лишь укрепляется – борьба с «чужими» и «чуждыми» создает внутригрупповое чувство общности, формируя изоляционизм. Интегрирующая функция религии, проявляющаяся в сплочении единоверцев, дополняется в то же время и дезинтегрирующей функцией, противопоставляющей членов религиозной общины остальному миру, что нередко выражается в агрессивной форме. Эффективность социальной интеграции на основе религии велика в обществах традиционного

типа, где поддерживается коллективная идентичность и солидарность социальной группы. В социально дифференцированных и сложных обществах, в условиях религиозного и национального плюрализма, традиционные религии уже неспособны в заметной мере выполнять эту функцию, так как религия не является универсальным интегративным фактором, ибо «общественная солидарность» может устанавливаться и поддерживаться на иной основе, например, принципе права» [Там же]. Когда политики рассуждают о роли религии в обществе, отмечают, как представляется, в большей мере ее интегрирующую функцию, нежели дезинтегрирующую. Именно на этой функции сосредоточивает свое внимание российское государство, видя в «традиционных религиях» оплот духовно-нравственных ценностей и своеобразный клей, скрепляющий в единое целое такую сложную страну, как Россия. Но религия диалектична в отношении функции интеграции/дезинтеграции по сути своей. Авраамическим, монотеистическим религиям (как минимум им), как известно, свойственен эксклюзивизм, представление о своем исключительном истинном понимании Бога и пути к нему, скрытое или явное непризнание иного понимания. Отсюда вытекает непродуктивность диалога между конфессиями и религиями по догматическим вопросам. В текущей политической ситуации, видимо, дезинтегративная функция религии, предполагающая противостояние «мы – они», тоже оказывается в определенной мере востребована. Упование же на то, что религия является непременным условием нравственности постоянно звучит, но опровергается многочисленными религиозными войнами, конфликтами в истории человечества и прочими событиями из жизни разнообразных конфессий.

Россия – огромная, очень сложная страна, крайне неоднородная, поликонфессиональная, полиэтничная, с определенным процентом людей светских, для которых свойственны индифферентизм в отношении религии, агностицизм. Создается иногда впечатление, что об этой части российского общества забывают совсем, формулируя идеологические положения, а ведь согласно Конституции Российской Федерации, Россия – светское государство.

Сама религия в современном обществе трансформируется, переживает процесс цифровизации, переходит в виртуальное пространство. Имеет место девальвация сотериологических смыслов религии. На первый план выходит наряду с интегрирующей/дезинтегрирующей функцией религии сопряженная с ней идентификационная функция. Религия становится маркером гражданской, культурной, этнической идентичности. Религия в России все более становится (да и в прошлом была) этноконфессиональной, в том числе православие, несмотря на наднациональную интенцию первоначального христианства.

Существуют как минимум два сценария взаимодействия государства и религии. Первый, как представляется, сейчас реализуется. Для него характерны реанимация и использование религиозного фактора; инструментальное, прагматическое отношение к религии; выбор и поддержка государством тех направлений, которые принято называть традиционными конфессиями, акцент на интегративной функции религии, ожидание от традиционных конфессий

улучшения нравственного климата в обществе, поддержания единства социального целого; борьба с определенными НРД (как зарубежными, так и отечественными); внедрение с помощью административного ресурса религиозной культуры в школьное образование [Бокова, 2019, 2021], теологии в высшее образование и науку [Бокова, 2019]; игнорирование взвешенной религиоведческой оценки и знания реального религиозного ландшафта страны и секуляризационных процессов [Смирнов, 2024, с. 41, 44, 45]. Эта политика российского государства в определенной степени продиктована его стремлением удержать единство огромной страны и историческими особенностями самой власти и ее взаимоотношений с религией. Для государственной власти России во все времена был характерен этатизм, примат интересов авторитарной государственности и социального целого над правами и интересами отдельного человека [Смирнов, 2013, с. 27], понимание порядка как унификации и контроля, централизации. Исследователи многократно указывали на опасность реанимации религиозного фактора в сложном мировоззренчески неоднородном обществе [Смирнов, 2024, с. 78].

Такая политика вызывает определенные вопросы. Приведем один пример. В СВО российские неоязычники (германо-скандинавская ветвь) играют определенную роль наряду с представителями авраамических религий и теми, кто равнодушен к религиозным вопросам или занимает атеистическую позицию. Они оказываются одной из эффективно воюющих сил [Шиженский]. СВО рассматривается государством как наиважнейшее дело национальной безопасности. При этом неоязычники скептически оценивают перспективы их признания государством по окончании СВО [Там же]. Неоязычеству (сейчас речь идет о германо-скандинавской разновидности) свойственны синкретизм и индивидуализм, анархизм. Такие черты не соответствуют интегрирующей роли религии, как ее мыслит государственная власть, но они востребованы на уровне отдельных людей, в том числе, участвующих в СВО. Наряду с одинизмом (асатру) в России существует масса дохристианских верований и практик, которые вполне традиционны, но не рассматриваются в качестве таковых государством. Этот пример показывает многообразие религиозных верований и практик в России, которое надо бы учитывать, и значение тех из них, которые государство официально не признает традиционными.

Многие религиозные объединения в сложившейся ситуации демонстрируют свою лояльность власти, подчеркивают свою патриотическую позицию, переименовываются, дабы дистанцироваться от вызывающих вопросы названий (так, в конце 2025 г. Синод Церкви Ингрии принял решение о переименовании ее в Российскую Лютеранскую Церковь), если есть возможность, подчеркивают свою традиционность, пытаются встроиться в существующие направления государственной политики, например, активно стремятся принять участие во внедрении теологии в систему высшего образования и науки. Есть и те религиозные объединения, которые принципиально не желают иметь дела с государством (например, не признают государственную регистрацию).

Второй сценарий видится как равноудаленность государственной власти от религиозных объединений, главенство закона (правда, закон не является панацеей, он принимается людьми и зависит от конъюнктуры), реализация принципа свободы совести, неиспользование религиозного фактора для идеологических целей, взаимодействие различных религиозных организаций и государства в социальной сфере. Этот сценарий во многих своих чертах менее характерен для российской истории и политической культуры. В настоящее время реализуется не он, и насколько он может быть реализован – сложный вопрос.

Список источников

1. Бокова О. А. Религия в образовательных стратегиях современной России (Глава 6) // Трансформации религий в современном обществе и культуре / моногр. под науч. ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. – С. 113–129.

2. Бокова О. А. Религия в современном российском школьном образовании: стратегия государственной политики // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 191–204.

3. Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2013. – 365 с.

4. Смирнов М. Ю. Своевременное религиоведение. Вопросы теории и методологии российских исследований религии: монография. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – 188 с.

5. Шиженский Р. В. Российские язычники в специальной военной операции (опыт индивидуального интервью) // Вестник Мининского университета. – 2023. – Т. 11. – № 4. – С. 13. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-4-13

6. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское философское общество, 2017. – 508 с.

Сведения об авторе

Бокова Ольга Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3773-2232, e-mail: bokovaO2008@yandex.ru

УДК 342.51 + 1
ГРНТИ 10.17.21
02.15.99

Органы публичной власти в системе административного права: философско-правовой аспект

Н. В. БУГЕЛЬ, Л. К. КУПРАВА

В статье рассматриваются органы публичной власти как объект философско-правового осмысления в системе административного права. Раскрывается соотношение категорий власти, публичной власти, государства, права и публичного интереса. Обосновывается, что органы публичной власти следует понимать не только как элементы государственного и муниципального аппарата, но и как правовую форму реализации публичного интереса.

Ключевые слова: публичная власть, органы публичной власти, административное право, публичный интерес, философия права, государство.

Органы публичной власти занимают центральное место в системе административного права, поскольку именно через них осуществляется практическая реализация публичной власти, обеспечивается управление общественными процессами и выражается публичный интерес. Вместе с тем исследование органов публичной власти не может ограничиваться только отраслевым юридическим подходом. Для раскрытия их сущности необходимо обратиться и к философско-правовому уровню анализа, позволяющему рассмотреть власть не только как совокупность полномочий и институтов, но и как особую форму организации общества, связанную с правом, государством и публичным интересом. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современной юридической науке отсутствует полное единство в понимании самой категории публичной власти, ее субъектного состава, признаков и форм реализации. Особенно заметным это стало после конституционного и доктринального усиления внимания к проблематике публичной власти в российском праве, когда вопрос о ее природе оказался в центре не только конституционно-правовых, но и административно-правовых исследований [6, с. 168–169]. В связи с этим органы публичной власти представляют интерес не только как элементы государственного и муниципального аппарата, но и как объект философско-правового осмысления.

Исходным для понимания публичной власти является более общее представление о власти как социальном явлении. Власть возникает в обществе и служит средством придания взаимодействиям между людьми целесообразности, организованности и устойчивости [3, с. 172]. В наиболее общем виде она может быть определена как способность одной воли оказывать определяющее воздействие на поведение другой. Такое понимание выводит исследование власти за пределы исключительно государственного контекста и позволяет рассматривать ее как универсальное свойство социальной организации. Социальная власть присуща любой устойчивой человеческой общности и выступает фактором порядка, координации и регулирования совместной деятельности. Однако именно пуб-

личная власть занимает в системе социальной власти особое положение, поскольку она ориентирована не на частный интерес отдельных лиц или объединений, а на обеспечение интересов общества в целом. В этом смысле публичная власть представляет собой разновидность социальной власти, распространяющуюся на все государственно организованное общество и обеспечивающую порядок и стабильность посредством экономического, идеологического и организационно-правового воздействия, реализуемого с помощью специального аппарата [5, с. 28].

Философско-правовой анализ позволяет увидеть, что публичная власть не сводится к принуждению или политическому господству. Ее сущность значительно сложнее. С одной стороны, публичная власть действительно предполагает возможность обязательного воздействия и наличие механизма принуждения, без которого невозможны ни устойчивость правопорядка, ни исполнение общеобязательных решений. С другой стороны, публичная власть выполняет интегративную функцию, поскольку направлена на согласование интересов, координацию общественной жизни и обеспечение целостности общества. Именно поэтому она должна рассматриваться как сложное явление, соединяющее организационное, правовое и ценностное начала. Здесь особенно показательна позиция В. Е. Чиркина, который предлагает рассматривать государство как организацию, как арбитра и как легализованное принуждение [9, с. 107]. Эта триада важна не только для характеристики государства, но и для понимания самой публичной власти, поскольку она показывает, что власть в правовом обществе существует не только как средство подчинения, но и как механизм организации, регулирования и разрешения социальных противоречий.

Особое место в философско-правовом понимании публичной власти принадлежит праву. Публичная власть не может существовать в юридически нейтральном пространстве: для того чтобы она приобрела легитимный, общеобязательный и устойчивый характер, она должна быть объективирована в праве. Именно право придает власти нормативную определенность, закрепляет компетенцию ее органов, устанавливает пределы ее действия и создает механизмы контроля и ответственности. По мысли С. С. Алексеева, право в самом широком значении выступает регулятором и стабилизатором общественной жизни, определяя, кто и что вправе или не вправе делать [1, с. 303–304]. В условиях цивилизации право становится особым регулятором, обеспеченным не только общественным мнением или обычаем, но и публичным авторитетом государственной власти, мерами юридической ответственности и государственным принуждением [1, с. 305–306]. Следовательно, право не только оформляет публичную власть, но и делает возможным ее существование как устойчивой и институционально организованной формы общественного порядка.

Вместе с тем право выполняет и ограничительную функцию по отношению к публичной власти. Власть, лишенная правовых границ, неизбежно тяготеет к произволу, тогда как право по своему назначению устанавливает меру допустимого и обязательного. В этом аспекте существенное значение имеет концепция В. С. Нерсесянца, рассматривавшего право как форму формального равенства,

свободы и справедливости. В его подходе государство предстает как правовая организация публичной власти свободных индивидов [4, с. 14]. Это означает, что публичная власть в правовом государстве должна быть не просто эффективной, но и соразмерной правовым принципам. Она существует не ради самой себя, а ради поддержания такой формы общественной организации, в которой свобода, равенство и справедливость получают институциональное выражение. Именно поэтому исследование органов публичной власти требует обращения не только к административному праву, но и к философии права.

Не менее важной для рассматриваемой темы является категория публичного интереса. Публичная власть существует не как самодовлеющий институт, а как способ выражения и реализации общезначимых интересов общества и государства. А. С. Емельянов обоснованно указывает, что общественное осознание публичных интересов стало базовой предпосылкой зарождения административного права, а последующее усложнение системы таких интересов обусловило развитие соответствующих публично-правовых институтов [2, с. 48–51]. Из этого следует, что публичная власть не может быть понята вне связи с публичным интересом, а административное право – вне связи с институционализацией этого интереса. В таком контексте органы публичной власти оказываются не просто административными структурами, а юридическими инструментами выявления, закрепления и реализации публичного интереса.

Современное понимание публичной власти требует также разграничения ее с государственной властью. Долгое время в отечественной доктрине данные категории либо отождествлялись, либо различались лишь условно. Однако современное состояние публичного права показывает, что подобное отождествление является чрезмерным упрощением. А. А. Кашкаров подчеркивает, что публичную власть нельзя полностью сводить к государственной, поскольку в демократическом государстве часть публичных функций реализуется органами местного самоуправления [3, с. 172–173]. Это означает, что государственная власть составляет ядро публичной власти, но не исчерпывает ее содержания. Соответственно, и органы публичной власти не ограничиваются только государственными органами: в систему их институционального выражения включаются также органы местного самоуправления, действующие в интересах населения соответствующих территориальных образований.

Именно здесь вопрос об органах публичной власти приобретает центральное значение. Публичная власть не существует в отвлеченной форме, а получает реальное выражение через систему специально организованных органов, наделенных властными полномочиями и действующих в пределах установленной компетенции. В современной юридической науке система органов публичной власти рассматривается как совокупность органов государственной власти и органов местного самоуправления, действующих в едином публично-правовом пространстве [3, с. 174]. Это понимание позволяет рассматривать органы публичной власти как институциональную форму существования самой публичной власти. Через них она приобретает не только организационный, но и юридический характер.

Сложность данной системы обусловлена многоуровневым характером публичной власти. В. Е. Чиркин связывает ее с различными территориальными публично-правовыми сообществами и подчеркивает, что организационные формы публичной власти зависят от уровня соответствующего публично-правового образования [8, с. 30]. Следовательно, органы публичной власти действуют не только на общегосударственном уровне, но и в рамках субъектов федерации, автономных образований, муниципальных структур. Это особенно важно для административного права, поскольку именно многоуровневая организация публичной власти требует правового разграничения компетенции, процедур взаимодействия и механизмов координации различных органов. На одной и той же территории могут действовать разные виды публичной власти и их органы, однако суверенной остается только государственная власть; иные виды публичной власти получают свои полномочия юридически именно от нее [8, с. 19]. Тем самым органы публичной власти образуют не механическую совокупность структур, а иерархически организованную систему.

Особое значение в этой системе принадлежит органам исполнительной власти. Если представительные органы обеспечивают политико-правовую легитимацию публичной власти, а судебные органы – защиту права и разрешение споров, то именно исполнительные органы реализуют повседневное публичное управление, принимают конкретные управленческие решения и обеспечивают исполнение законов. В этом смысле административное право наиболее тесно связано именно с их деятельностью. Однако было бы ошибкой сводить органы публичной власти только к органам исполнительной власти. Законодательные и судебные органы также участвуют в реализации публичного интереса, хотя их функции отличаются по содержанию и юридической форме. Поэтому органы публичной власти следует понимать широко – как систему институтов, через которые публичная власть получает нормативное, организационное и практическое выражение.

В философско-правовом смысле органы публичной власти важны не только потому, что они реализуют публичную власть, но и потому, что они выступают формой соединения власти и права. Право закрепляет их компетенцию, определяет порядок формирования, устанавливает процедуры принятия решений и пределы вмешательства в общественные отношения. Благодаря этому деятельность органов публичной власти становится легитимной, предсказуемой и подконтрольной. Без правовой формы их деятельность была бы сведена либо к политической целесообразности, либо к административному произволу. Следовательно, органы публичной власти выступают не просто как носители власти, а как правовые институты, обеспечивающие цивилизованное осуществление публичных функций.

Не менее важно и то, что органы публичной власти реализуют публичный интерес не в отвлеченном теоретическом смысле, а в конкретных сферах общественной жизни. Именно через их деятельность обеспечиваются общественный порядок, безопасность, социальная защита, управление в сфере образования, здравоохранения, градостроительства, финансов и иных областей. Тем самым

публичный интерес получает не только нормативное закрепление, но и практическое воплощение. В этом и состоит особая роль органов публичной власти в системе административного права: они связывают общую идею публичной власти с реальной юридической и управленческой практикой.

Органы публичной власти следует рассматривать как институциональную и правовую форму реализации публичной власти и публичного интереса. Они представляют собой не просто элементы организационной структуры государства и местного самоуправления, а ключевой механизм соединения власти, права и управления. Их исследование позволяет глубже понять природу административного права как отрасли, регулирующей организацию и функционирование публичной власти, а также раскрыть философско-правовые основания современной публично-правовой организации общества. Именно поэтому органы публичной власти должны рассматриваться как один из центральных объектов философско-правового осмысления в системе административного права.

Список источников

1. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: Статут, 2000. – 256 с.

2. Емельянов А. С. Публичный интерес и генезис административного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – Т. 14. – № 5. – С. 48–76.

3. Кашкаров А. А. К вопросу об определении содержания «публичная власть» в современном демократическом обществе // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 172–174.

4. Нерсесянц В. С. Основные типы правопонимания: история и современность // Общая теория государства и права: академический курс / под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2015. – С. 3–48.

5. Самойлюк Р. Н. Соотношение государственной и публичной власти // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2015. – № 4. – С. 27–37.

6. Филиппова Н. А. Правовая природа публичной власти: доктрина и закон // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 167–176.

7. Чиркин В. Е. Публичная власть в современном обществе // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 2–8.

8. Чиркин В. Е. Публичная власть: современная концепция // Studia Politologiczne. – 2015. – Vol. 39. – Pp. 13–33.

9. Чиркин В. Е. Три ипостаси государства // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 107–115.

Сведения об авторах

Бугель Николай Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: bugel54@mail.ru

Куправа Леван Кахаевич – аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lev@lkuprava.ru

УДК 930.1
ГРНТИ 03.01.06

Взгляд русских мыслителей XIX в. на религиозный фактор взаимодействия России и Европы

А. Н. ГРЕБЕНКИН

В статье дана характеристика трактовки религиозного взаимодействия России и Европы в трудах российских мыслителей XIX столетия (П. Я. Чаадаева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева). Сделан вывод о цивилизационнообразующей роли религиозного фактора.

Ключевые слова: Россия, Европа, религиозное взаимодействие, П. Я. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев.

Девятнадцатый век для Российской империи в идеологическом плане – это время господства «теории официальной народности». Граф С. С. Уваров и его единомышленники пытались истолковать все явления российской действительности через призму трех основных, по их мнению, понятий – Самодержавия, Православия и Народности. Весь исторический путь, который преодолела Россия к тому времени, и ее будущее должны были быть уложены в прокрустово ложе патриархальных заветов, органически чуждых западноевропейскому миру. Несмотря на четко выраженную патриотическую направленность, особенно выгодно выделявшуюся на фоне поголовной галломании знати, эта теория была по сути своей реакционной, и искусственное обособление России в духовном плане не могло не сказаться отрицательно на ее будущем.

Глубже всего это понимали представители духовной элиты России. Не будучи слепыми поклонниками всего иноземного, они могли по достоинству оценить положительные стороны европейской цивилизации, и прежде всего науку, просвещение и искусство. Терять это было нельзя. Стремясь сохранить положительные заимствования, русские мыслители XIX в. пытались разрешить непростой вопрос о том, что сближало и что разделяло Россию и Запад, что могло служить «мостом» между ними. И, разумеется, в первую очередь их внимание было обращено на феномен, в течение многих веков игравший роль духовного водораздела, – на религию.

Еще в конце 20-х гг. XIX в., до провозглашения в 1833 г. «теории официальной народности», у одного блестяще образованного бывшего лейб-гусара, чудом избежавшего участи своих друзей-декабристов, возник замысел создания «Писем о философии истории». В 1836 г. вся Россия узнала имя мыслителя – именно в этом году надеждинский «Телескоп» опубликовал первое из «Философических писем» Петра Яковлевича Чаадаева. За пять лет до этого события, знаменательного и печального одновременно, из-под пера Чаадаева вышла записка на французском языке, адресованная графу А. Х. Бенкендорфу, но, по всей видимости, так и не нашедшая адресата. В ней, помимо всего прочего, Чаадаев писал: «…я желал бы для моей страны, чтобы в ней проснулось религиозное чувство, чтобы религия вышла из того состояния летаргии, в которое она погружена в настоящее

время» [Чаадаев, 1991а, с. 518]. Эта мысль, однако, занимала пока еще подчиненное положение; она шла после предложений содействовать распространению серьезного классического образования и освобождению крепостных.

Растущая реакция и особенно обнародование уваровских идей, активно подхваченных представителями официальной власти, не могли не повлиять на радикализацию политических и религиозных взглядов Чаадаева. Духовный переворот был поистине революционным: за два-три года ранее высказывавшиеся мыслителем идеи получили трактовку, ошеломляющую читателя даже в XXI в. В николаевской России они не могли произвести никакого другого эффекта, кроме эффекта взорвавшейся бомбы. Русский аристократ в первой половине XIX в. мог плохо говорить по-русски, но даже ему не приходило в голову усомниться в истинности православия и тем более высказать свои мысли в печати.

Чаадаев же осмелился публично утверждать, что все беды России исходят от того, что «мы обратились за нравственным учением…к растленной Византии» [Чаадаев, 1991б, с. 33]. Став духовной и политической восприемницей империи ромеев, Россия, по мнению Чаадаева, «выпала» из исторического времени и, пройдя стадии дикого варварства, грубого суеверия, иноземного владычества, не смогла унаследовать ничего из «традиционных идей человеческого рода» [Чаадаев, 1991б, с. 27]. В головах русских «нет решительно ничего общего, всё там обособленно и всё там шатко и неполно» [Чаадаев, 1991б, с. 31]. Приговор, вынесенный Чаадаевым России, был суров: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно… Здесь сведен на нет всеобщий закон человечества» [Чаадаев, 1991б, с. 31–32].

Глубокий пессимизм, не позволивший мыслителю увидеть в русской истории ни одного сколько-нибудь положительного факта, привел его к парадоксальным выводам. «Темное время» средних веков Чаадаев не только реабилитировал, но и объявил эпохой выяснения религиозной истины и напряженной духовной жизни. Ренессанс, наоборот, был расценен им как регресс, выразившийся в возврате к языческому, материальному началу и приведший к тому, что плоть вновь подчинила себе дух. Роль католичества в мировой истории заключалась, по мнению Чаадаева, в том, что оно сплотило европейские народы и направило их по пути прогресса.

Именно неумеренные восхваления в адрес католичества и послужили поводом к объявлению Чаадаева сумасшедшим. Соотечественники Чаадаева, в большинстве своем «Философических писем» не читавшие, воспринимали их на слух, причем весьма искаженно: «…подьячие и чиновники, потонувшие в казнокрадстве и взяточничестве, тупоумные, невежественные, полупомешанные святоши и изуверы или ханжи, поседевшие и одичавшие в пьянстве, распутстве и суеверии, молодые отчизнолюбцы и старые патриоты, – все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения к человеку, дерзнувшему оскорбить Россию...» [Жихарев, с. 32]. Человека, который видел конечную цель мировой истории в слиянии православия с католичеством, предали анафеме, хотя Чаадаев никогда не призывал к проповеди католицизма в Российской империи.

Парадокс заключается в том, что общество активно осуждало Чаадаева за мнимое содействие распространению католичества, в то время как он заслуживал осуждения совсем по другому поводу – за очернение русской истории. Активный протест против «теории официальной народности» привел к тому, что Чаадаев вместе с водой выплеснул и ребенка. Яростно клеймя «реакцию против просвещения», он отрицал величие самобытной русской культуры, умалчивал о славном прошлом России, ее воинах, ученых, государственных деятелях… Поразительное по своей силе высказывание Пушкина о том, что просвещенная Европа была спасена от верной гибели растерзанной монголами Россией, отброшенной затем на несколько веков назад, было подменено ложным тезисом о реакционной сущности православия. Чаадаев не мог не знать, что просвещенная «растленной Византией» Киевская Русь в культурном и экономическом плане стояла на порядок выше современных ей европейских монархий, где неграмотность королей была явлением вполне обыкновенным. Борясь против грозящей России культурной изоляции, он слишком сгустил краски и, вольно или невольно, оболгал Россию и ее прошлое.

В «Апологии сумасшедшего», сочинении, которое при жизни автора не было опубликовано, Чаадаев, пытаясь смягчить резкость своих прежних суждений, высказал мысль, что у России великое будущее: ей надлежит развить идеи, созревшие у «народов исторических» (т. е. католической Европы – А. Г.) и даже стать «совестным судом» для участников Истории. Но в той же «Апологии…» он обрушился на славянофилов, высмеивая их преданность Востоку и утверждая, что начало русской истории было положено Петром I, который «нашел у себя дома лист бумаги и своею мощною рукою написал на нем: Европа и Запад». Внук известного историка М. М. Щербатова (считавшего, кстати, что покорение Руси монголами можно объяснить чрезмерной набожностью русских, убившей прежний воинственный дух), Чаадаев оказался неспособен по достоинству оценить положительные стороны допетровской Руси. Распространение его идей грозило России отрывом от собственных корней.

Значительно более объективную и взвешенную трактовку религиозного взаимодействия России и Европы предложил почти 35 лет спустя в своем главном труде «Россия и Европа» естествоиспытатель и публицист Н. Я. Данилевский. Подробно рассматривая каждый из выделенных им культурно-исторических типов, Данилевский отмечал, что доминировавший в середине XIX в. романо-германский культурно-исторический тип находился в состоянии системного кризиса и «не может считаться успешным представителем ни религиозной, ни общественно-экономической стороны культурной деятельности» [Данилевский, с. 461].

Если П. Я. Чаадаев в своем «Философическом письме» давал истории европейской цивилизации явно завышенную оценку, то Данилевский отмечал, что католицизм еще до раскола западной и восточной церквей допустил существенное отклонение от христианских догматов, что привело к торжеству схоластики и политическому деспотизму папства. Многовековая борьба с этими явлениями, в свою очередь, привела к возникновению протестантизма, материалистических

учений и политического радикализма, а они, в свою очередь, способствовали тому, что Запад пришел в состояние анархии [Данилевский, с. 461].

В отличие от Чаадаева, считавшего выбор православия исторической ошибкой, имевшей системообразующие последствия, автор книги «Россия и Европа» высоко ценил ту роль, которую православие сыграло в отечественной истории. Он отмечал, что религия составляла «самое существенное, господствующее содержание древней русской жизни» [Данилевский, с. 462], «русскому и большинству прочих славянских народов достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины – православия и таким образом быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, – быть народами богоизбранными» [Данилевский, с. 462].

Последствие принятия христианства из рук Византии – это не изоляция от «передовой» Европы и невежество, а путь к богоизбранности. Вся история России, изобилующая знаменательными датами и славными деяниями как на поле боя, так и в сугубо гражданской сфере, высокая культура, которую не смогли подавить и уничтожить многочисленные завоеватели, свидетельствуют о том, что российская цивилизация – это не тупиковый вариант развития, а тот путь, которым рано или поздно должна пойти и Европа, запутавшаяся в собственных противоречиях и утратившая религиозные и нравственные ориентиры.

Если Чаадаев говорил о необходимости подчинения православия католицизму, то Данилевский отмечал, что противостояние и даже открытое вооруженное столкновение России и Запада неизбежны. Для грядущего политического торжества свободного славянства необходимо формирование под эгидой России грандиозного Всеславянского союза со столицей в освобожденном от мусульман Царьграде [Данилевский, с. 419]. Религиозной основой этой общности будет, разумеется, православие [Данилевский, с. 451].

Как полагает современный исследователь С. И. Бажов, «наряду с утверждением существования отдельных культурно-исторических типов в свою философско-историческую концепцию Н. Я. Данилевский вводит линию религиозной и культурной преемственности» [Бажов, с. 121]. Враждебное отношение Европы к России, которое в конце концов должно разрешиться масштабным противостоянием и торжеством объединенного славянства над Западом, можно рассматривать в качестве продолжения противостояния «града земного» и «града божия».

Наконец, наиболее парадоксальную трактовку религиозных взаимоотношений России и Европы дал в своих произведениях «разочарованный славянофил» К. Н. Леонтьев.

Реакционер, веривший в социализм, и отшельник, высказывавший идеи, достойные пера Ницше, К. Н. Леонтьев реанимировал основные понятия теории «официальной народности». Православие при этом он трактовал как религию, направленную на максимальное абстрагирование человека от сиюминутных забот. Вместе с тем православное мировоззрение, с точки зрения Леонтьева, не было застывшим. Оно постепенно трансформировалось «не в какую-то национально-протестантскую сторону, а скорее в сторону противоположную, или действительно сближаясь с Римом, или еще лучше, только научась многому у Рима,

как научаются у противника заимствуя только силы, без единения интересов» [Леонтьев, 2009, с. 166–167]. Таким образом, концепция Леонтьева представляет собой некую «золотую середину» между взглядами Чаадаева, который считал отказ от принятия католицизма источником всех бед России, и позицией автора «России и Европы», полагавшего, что католицизм являлся главным виновником загнивания Запада и его неизбежной гибели в ближайшем будущем.

По мнению Леонтьева, единственно приемлемой идеологией для России являлся византизм, «который в государственной организации есть самодержавие, в религии – православное христианство, в нравственном смысле – антитеза идее всеобщего равенства и всеобъемлющей свободы» [Косик, с. 6]. Известный религиозный мыслитель Вл. Соловьев, анализируя взгляды К. Н. Леонтьева, полагал, что он стремился вписать христианство в свою теорию византизма и подчинить христианские принципы основным положениям византизма [Соловьев, с. 24].

Как и Данилевский, Леонтьев считал, что Россия должна всеми мерами препятствовать трансляции идей, генерируемых Западом. В этом залог и нравственной чистоты славянства, и его грядущего политического лидерства. Обеспечить решение задач, лежащих в духовной и геополитической сферах, может только торжество идей византизма в России во всех проявлениях политики, идеологии, социального развития, художественного творчества. Не восприняв византизм в качестве основы своего существования, Россия не сможет достичь экономического благосостояния и политической мощи.

Являясь одним из основоположников концепции экуменизма, Леонтьев вместе с тем считал, что лучшее противоядие от атеизма и нигилизма – не основанная на христианстве мораль, а сама религия [Леонтьев, 1991, с. 172]. Ход рассуждений мыслителя при этом в известной степени парадоксален: он полагал, что католицизм обладает большим потенциалом в отношении борьбы с деструктивными политическими учениями, нежели православие, но в то же время само католическое учение он считал врагом византизма, а устои современной ему европейской цивилизации последовательно критиковал.

В настоящее время, в контексте гибридной войны, которую коллективный Запад ведет против России, анализ идейного наследия отечественных мыслителей, пытавшихся выявить влияние религии на взаимоотношения России и Европы, становится насущно необходимым. Различия между православием, католицизмом и протестантизмом сохраняют роль одного из ведущих цивилизационнообразующих факторов, поэтому религиозная экспансия, поддержка сект и деструктивных культов, пропаганда разврата и аморального поведения продолжают занимать видное место в арсенале наших противников. В этих условиях, как и в предыдущие периоды нашей истории, необходимо, основываясь на концепциях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, использовать православие в качестве одного из средств сохранения устоев российской цивилизации, сплочения граждан нашей страны во имя духовной, а затем и политической победы над Западом.

Список источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. – М.: Эксмо, 2003. – 639 с.
2. Бажов С. И. Философия истории Н. Я. Данилевского. – М.: ИФ РАН, 1997. – 215 с.
3. Жихарев М. И. Петр Яковлевич Чаадаев. Из воспоминаний современника // Вестник Европы. – 1871. – № 9. – С. 9–54.
4. Косик В. И. Константин Николаевич Леонтьев: реакционер, пророк? // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М.: Республика, 1996. – С. 5–12.
5. Леонтьев К. Кто правее? Письма В. С. Соловьеву // Наш современник. – 1991. – № 12. – С. 170–176.
6. Леонтьев К. Н. Кто правее? // Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. – Т. 8. – Кн. 2. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – С. 57–179.
7. Соловьев Вл. С. Памяти К. Н. Леонтьева // в кн.: К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей. 1891–1917 гг. Антология. Книга 1. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 20–26.
8. Чаадаев П. Я. Записка графу Бенкендорфу // Чаадаев П. Я. Полное соббрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991. – С. 516–522.
9. Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. – М.: Правда, 1991. – 556 с.

Сведения об авторе

Гребенкин Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9873-0092, e-mail: angrebyonkin@mail.ru

УДК 1(091)
ГРНТИ 02.91.91

Неизвестный древнерусский трактат (1517 г.) Ф. И. Карпова о философии и астрономии

А. Ю. ГРИГОРЕНКО

Ф. И. Карпов – выдающийся деятель Руси позднего средневековья. Дипломат, публицист. Размышлял над вопросами философии, астрономии, соотношением веры и знания, философии и богословия. Эта его деятельность вызвала критику со стороны Максима Грека, митрополита Даниила, старца Филофея. В данном трактате Карпов настаивает на идее полезности и востребованности философии и астрономии для богословия и практических нужд.

Ключевые слова: философия, астрономия, астрология, вера, знание.

Ф. И. Карпов – выдающийся русский мыслитель конца XV – начала XVI в. Ему принадлежит ряд посланий известным общественным и церковным деятелям Руси – митрополиту Даниилу, старцу Филофею и Максиму Греку. Его творчество достаточно подробно и глубоко исследовано рядом отечественных ученых [Витлин, Михайлова, с. 3–12; Зимин, с. 364–370; Клибанов, с. 206–239; Синицына, 1977]. В их трудах подчеркивается интерес Карпова к изучению философии и астрономии. Обращается внимание на то, что сохранившиеся до нашего времени послания Карпова не раскрывают конкретной сути его воззрений в области философии или же астрономии. О них мы можем получить какое-либо представление, очень ограниченное, лишь из сочинений его оппонентов. Известен также его интерес к изучению античной культуры: Карпов ссылался, например, на «Никомахову этику» Аристотеля, приводил выдержки из «Метаморфоз» Овидия.

Максим Грек в своих посланиях Карпову (написанных, предположительно, по мнению большинства исследователей, в 1518–1519 гг.) решительно, но с некоторыми оговорками, осуждал его интерес к изучению философии, астрономии и других наук, как противных церковному вероучению, писал, что он напрасно в оправдание этих своих увлечений ссылается на ветхозаветную «Книгу Премудростей» Соломона и труды Григория Богослова. Не менее решительно критиковал и его увлечение философией Аристотеля. Помимо этого, Максим Грек подчеркивал недопустимость использования тех или иных геометрических образов для иллюстрации богословских догматов.

В этой связи заслуживает большого интереса рукописный сборник XVII в. (здесь и далее ссылки по рукописи РГБ, фонд 178, № 38, листы 346–370), в котором находится текст Послания к некоему Ивану Юрьевичу, которое было написано, как об этом сказано в самом послании, в 1517 г. (К сожалению, начало и конец Послания не сохранились). В нем последовательно и недвусмысленно подчеркивается необходимость изучения античной философии и астрономии. Более того, автор Послания оправдывает ее ссылками именно на «Книгу Премудростей» Соломона (также на одного «от седми мудрецов греческих») и Григория

Богослова, утверждает о полезности использования «геометрических фигур» для иллюстрации тех или иных церковных догматов.

Отметим также, что само Послание написано высоким и витиеватым литературным стилем, местами с ироничными замечаниями, а его автор явно стремился подражать и использовать в своем тексте приемы античной риторики, что было характерной чертой сочинений Карпова.

Все это убеждает нас в том, что автор Послания Ивану Юрьевичу – Федор Иванович Карпов.

«Поспешу ответить на твой вопрос», – обращается Федор Иванович Карпов к Ивану Юрьевичу – как относиться к «еллинским дохторам», за что могут быть «истинные философи похвалени» – о чем, впрочем, мы уже чуть выше писали, замечает он, – в разных «местехъ сего писания». Религиозные воззрения эллинов большею частью можно охарактеризовать как идолослужение, – они обоготворили и даже Богом назвали «не токмо убо небо и землю, солнце и месяц и звезды и землю и воды, но и зверя и птица и гады».

Впрочем, были среди них, отмечает Карпов, и «истинные философи». Их учение может быть полезно и нашему «церковному учению потребна», а во многом и «к земским делом прилична по мере же бывают».

Для более глубокого ответа на вопрос Ивана Юрьевича, Карпов предлагает обратиться к наследию Григория Богослова, к его знаменитому Второму Слову на Пасху. И приводит далее пространный отрывок из этого сочинения: «Се убо восхотевъ Хитрецъ показати слово и животно едино от общих, невидимы еже глаголю вещи и видимые, соделывает человека. И от вещи убо приемъ тело, юже прежде бывше, от себе же дыхание вложив, еже убо умну душу и образ Божии весть слово, яко се некую утварь вторую, в мале велику на земли поставляет, – аггела, иного поклонника, назирателя видимей твари, таинника умне и царя сущим на земли, царствуема свыше земльна и небесна».

И сразу после этого отрывка добавляет, вполне в духе эпохи Возрождения: «Сим объяви Вседостоинство» человека.

Карпов обращает внимание на то, что Григорий Богослов полагает, что человек не только должен уподобиться ангелам, заключить в свою природу ангельское естество, но и соединить тем самым «небесное и земное», примирить духовное и материальное. А поскольку природа ангелов включает в себя «умное естество», то и человек должен к тому стремиться. Везде, отмечает Карпов в связи с этим, - писание «глаголет аггелом подобитися» человеку следует, а потому необходимо как можно больше «смышляти и размышляти и износным словом преподавати друг другу сердечные смыщления».

Поэтому и мы «устремимся», отмечает Карпов, к изучению «ученых дохторов». Сперва к «еллинским» пойдем, а после и к «Божественнымъ дохторомъ приступимъ вкратце и узримъ – како оне мудрствуютъ».

До Христа «естественные философы» имели знание о Боге как о Всемогущем и путем «естественных рассмотрений» пытались понять его как «первопричину», «перводвигателя» или же как «перворазумение».

«Первым двигателем» назвали Бога ради его «неподвижства, зане недвижим пребывая, дает вся двизатися. Всяко бо двизание земное и небесных круговъ тому строящу».

А «первую вину нарекоща его того ради, зане той есть всех вещей, видимых и невидимых, земных и небесных – первая вина (первопричина – А. Г.) и источникъ и начало всех вещей тако на земли, яко на небесе выще».

Поскольку Бог все создал по образцу предваряющей все сущее Премудрости – «перворазумение нарекоша того».

Также называли его, добавляет далее Карпов, и «перводухом», главным над всеми прочими духами, то есть ангелами, которых естественные философы понимали как «разумевания (интеллигенции, или умы – А. Г.) и кругов небесных двизатели».

Также Карпов отмечает, что свои представления о Боге античные мудрецы нередко иллюстрировали с помощью тех или иных геометрических образов: «И якоже средняя точка круга укончевает все строки от окружения к очки производящие, тако Богъ пределы, полагает и изводить все вещи и твари от себе, аки от начала и вины первая, – аки Творецъ всемогий». Правит же всем, по их мнению, «численный разум». Чтобы выразить Его беспредельность и самодостаточность, чаще всего использовали понятие круга или окружности. О том же пишется и в «книге Екклезиаст», как во временном круге вечности все изменяется, появляется и исчезает, повторяется и пребывает, лишь один Бог един и постоянен, даруя единство всей твари и Космосу в целом. Заканчивая эти размышления, Карпов замечает: «Зане сия логична суть, дражайши Иоанне, ушемъ твоимъ необычна», потому следует тебе просто верить реченному выше философами древности и «верити мне».

После этого краткого экскурса в античную философию Карпов излагает святоотеческое учение об ангелах (в основном «по Дионисию Ареопагиту»): ангелы, – пишет он, – «действуют идеже имъ будет повелено, – скоро и силно – тако на небесех, яко в мире по укончанию божественные воли. Везде скоро обретаются, идеже божественное повелит мановение… волным действом, зане Богу работают без принужения». Далее излагаются задачи ангельского служения и даются характеристики ангельских чинов.

Несколько увлекшись темой ангелов, Карпов вновь возвращается к описанию космоса у естественных философов.

Кратко излагаются представления о структуре космоса в античности: «Естественные философы» сначала «восмь токмо на небесе кругов» полагали. И это было ими установлено эмпирическим путем: «И те восмь кругово поставлены суть отъ философь естественныхъ, по разуму, обращенному к чювству, зане все ощущаеми суть чювством вида». Но, далее, «разумом, обращеннымх к доумышлению» они посчитали необходимым существование и девятого круга, который «от нас чювствомъ не достизается, ниже видится», а также и десятого. Девятый круг называется «вторым двигательным» или небом кристальным или водяным, а десятый – «первое двизательное глаголется по тому доумышлению книжному».

Святые же отцы к этим кругам после Рождества Христова добавили также и одиннадцатый круг, где обитают святые и все ангельские чины, а также еще один небесный круг – двенадцатый, круг Святой Троицы.

И обо всем этом неопровержимо свидетельствует астрономия – «видение краснейшее, в нем же ничто суетно или тщетно».

Далее Карпов составляет в хвалу астрономии целый гимн, написанный вполне «в духе эпохи Возрождения». Вот краткая выдержка из него: «Оная астрономия – веселейшая, светлейшая и краснейшая. Та бо о числе небесных кругов и двизании, и величестве, и разстояниянии их беседует. Призывает бо нас от сей тмы и дебелаго аера и мирских вещей к вышней и светлей стране, многими светилы украшены, благодатию и добротою Божию, очи и умъ вводитъ.

О коль радостно есть утверженых звездъ образы разсмотряти! И, и их блудящие планиты своими месты и мены показати и их настатья и ущербы, и солнце задолго преже предвозвещати. И действа и знамении их предвидети, – преже, даже не приидутъ, – и убречи, да не како смертных человекомъ вредятъ, и в страхъ и удивление имат власти разумевы та».

Наблюдая за движением планет и звезд, отмечает Карпов, человек может знать, «что есть в настоящемъ, и случай, иже бываетъ в будущемъ». Поэтому астрономия – учение учений, «и хитростей и хитростей (так – А. Г.), и видение видений, мудрость мудростемъ, и премудрость премудростемъ имянуется». Она «укрепляетъ сердце премудраго, светится на лице его, и в домъ превечный внити творитъ». И помогает избавиться «от страха и боязни, тесноты и брани, и избавит знающего ее от всяких напастей». (Данные мысли, с почти дословным совпадением, решительно критикует Максим Грек, противопоставляя подобному умонастроению благочестивую жизнь святых отцов и утверждая, что только таким путем можно «соединится с Богом», «а не созерцанием дивных путей солнца и луны, и светлости звезд, небесной красоты и разстояния планет и зодиака, как ты утверждаешь, наслаждаясь повествованиями о видимых тварях и безмерно удивляясь их доброте и правильному движению». И также ставит в упрек Карпову, что он эту «лжеименную мудрость» называет «художеством художеств».) [Максим Грек, с. 209–210].

Далее речь снова идет о двенадцати небесных кругах и вновь подчеркивается, что одиннадцатый круг – это место пребывания святых и ангелов, а на двенадцатом пребывает Святая Троица, «творяй вся, елико хощет, на небесе и на земли, в мори и во всехъ безнахъ». И «никое царство, никая власть воли его не можетъ противится». И действует Бог посредством ангелов, понуждая их исполнять свои веления. Никто не может противиться его воле. Как наказан был первый падший ангел – Денница за непослушание, так будет наказан каждый властитель и его царство, противящиеся воле Божьей: «в Писании чтется – всяко бо царство на ся разделимо запустеет».

Подобно этому следует понимать, замечает Карпов, и размышления «Аристотеля философа во 12 книзе Метафизики». Поскольку «един токмо Богъ правитель всяческих и всемогий над всеми Богови».

Для исполнения своей воли «сый державнейший Господь представилъ всемъ царствомъ и странамъ и всемъ человеком аггелы своя, иже хранятъ сия и

насъ по всех путехъ нашихъ по свидетелству псалма 90-го». Потому и каждым небесным кругом правят ангелы, утверждается далее в тексте.

Таким образом, внимательно читая данное Послание Ф. И. Карпова, можно прийти к выводу о росте интереса на Руси позднего средневековья к изучению астрономии и философии, в определенной мере соответствующего умонастроениям многих деятелей эпохи Возрождения. Данное Послание о философии и астрономии можно по сути дела назвать первым по времени самостоятельно написанным русским религиозно-философским трактатом. Также следует обратить внимание и на определенное сходство воззрений московского боярина и Николая Кузанского. Тот и другой интересовались астрономией и астрологией, часто прибегали для иллюстрации своих богословских размышлений к тем или иным «геометрическим фигурам».

Список источников

1. Витлин В. Э., Михайлова И. Б. Идеальный государь в представлении Ф. И. Карпова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012, Сер. 2. – Вып. 2. – С. 3–12.

2. Зимин А. А. Федор Карпов, русский гуманист XVI в. / Прометей. Сб. 5. – М.: Молодая гвардия, 1968.

3. Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. – М.: Аспент Пресс, 1996.

4. Максим Грек. Творения. Ч. 2. – М.: Свято-Троицкая Лавра, 1996.

5. Синицына Н. В. Максим Грек в России. – М.: Наука, 1977.

Сведения об авторе

Григоренко Анатолий Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: natolygrig@gmail.com

УДК 13
ГРНТИ 02.41.31

Народ как ценность в творчестве А. С. Пушкина

О. А. КАНЫШЕВА, Е. П. СКРЫЛЕВ

В статье рассматривается актуальная тема современной культуры, которая задана проблемой ценности народа как источника русской культуры, нравственных ценностей, православности, веры в высший закон. А. С. Пушкин формирует ценностное отношение к народам как членам одной большой семьи, имеющей богатое многообразие языков, культур, религий, фольклора, мифологии, сказок, эпоса, песен.

Ключевые слова: народ, свобода, рабство, братство, род, семья.

Немеркнущая слава русского поэта А. С. Пушкина связана с его пониманием души народа, который является хранителем духовных ценностей. Необходимо обратиться к истокам народности поэта и вспомнить няню Арину Родионовну, которая юному Александру рассказывала русские народные сказки и былины, пела песни. Поэт впитал духовные напевы своей няни, вдохновился на создание образов русского характера, вдохнув в них новое содержание. В письме П. А. Вяземскому от 9 ноября 1826 г. поэт с любовью отзывается о милой деревне Михайловское, где живет его няня, которую он любит больше славы и тщеславия. Пушкин не скрывает к ней своей любви и пишет с чувством юмора: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом» [Пушкин, т. 10, с. 216].

Народность души русского поэта обрела славу среди народов, населяющих Россию, он становился родным каждому, кто так или иначе прикасался к его творчеству, пробуждая в его душе любовь, душевное тепло и глубину чувств, вызванных тонким, похожим на психоанализ, осмыслением смысла личного бытия. Интимность творчества Пушкина заключается в том, что он раскрывает неосознаваемые, но переживаемые чувства, делая человека нравственно сильнее. Поэт, рассуждая о народности в литературе пишет о необходимости видеть ее в климате, образе правления, вере, которые создают особенность народной физиономии. «Есть образ мыслей, чувствований, есть тьма обычаев, поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-то народу» [Пушкин, т. 7, с. 39–40]. В поэтической сказке «Руслан и Людмила» Пушкин раскрывает беззлобие Руслана к поверженным врагам как черту характера русского народа, которых прощает Руслан, как только достигает морального и физического превосходства над ними. Руслан затихает перед молящей о пощаде живой головой, сбивает спесь Черномора, отрубая ему волшебную бороду, прощает злодейства Фарлафа, чтобы не омрачить своего счастья от встречи с пробужденной им ото сна Людмилой [Пушкин, т. 4]. «Сказка о попе и о работнике его Балде» рассказывает о смекалистости русского народа [Пушкин, т. 4]. Балда работает «за бесплатно» на попа, но ему и это жалко, так что поп отправляет его к чертям за оброком, да и

тут Балда смог перехитрить чертей так, что за свою жадность поп лишился рассудка. «Сказка о рыбаке и о золотой рыбке» повествует о безмерности желаний старухи и о доброте рыбака, отпустившей рыбку на волю. Рыбка здесь олицетворяет кармический закон, где безрассудство и злобность старухи возвращают ее к разбитому корыту [Пушкин, т. 4].

В творчестве поэта скрыта глубинная философия народного духа, которая дает ощущение свободы, полноты бытия, смелости поступка, воссоединения с миром и переживания духовной реальности как подлинной, на фоне бренной повседневности, прозябающей в скуке от нереализованности желаний. Итак, одним из главных моментов творчества поэта, является осуществление свободы народного духа, на которое решается читатель русского поэта. В одном из стихотворений поэт признается в том, что его творчество основано реализацией желаний и любовью к мечтам как условии счастья. Человек, живущий в социальной паутине отношений, боится не только сказать, но и подумать вопреки общественному мнению. Известное крылатое выражение из произведения Л. С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!» показывает архетип русской повседневности, против чего восстает Пушкин.

Поэт выступает против крепостного права, своим отношением к няне демонстрирует дружескую любовь и привязанность, тем самым является предтечей диалогической философии в творчестве Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина. Пушкин реализует любовь к Другому через творчество, которое позволяет определить множество оттенков чувственных переживаний, показывает его равную любовь ко всем и каждому, что напоминает любовь Иисуса Христа, где понимание Другого становится высшей ценностью. Схваченная идея народной русской души отражается в добротолюбии как повседневной практике народного бытия. Схваченная мысль и развернутая в поэзии позволяет поэту избежать прямых конфликтов с общественностью.

Дружба Пушкина и П. Я. Чаадаева ведет к философизации поэтического творчества, к решению проблем сближения Европы и России, народа и самодержавия, интеллигенции и русской культуры. Чаадаев формирует русскую идею, которая должна воплотить закон разума, повелевающий «поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами» [Чаадаев, т. 1, с. 349]. По мнению философа, духовный порядок бытия предписывает русской цивилизации осуществление нравственного закона на земле.

В отличие от Чаадаева, который был далек от народа и даже побаивался его стихии, хотя и рассуждает в «Философических письмах» о необходимости русского просвещения, Пушкин глубоко переосмысляет душу народа и не боится говорить ему правды о самом себе, потому что не испытывает страха перед ним и, более того, черпает силу для создания своих произведений. Пушкин, можно сказать, воспитывался в народной среде и в детском самосознании был заодно с народом, что отражается на его любви к сказкам, сказочным персонажам, к ценностям народного духа. Это и неудивительно, потому что, по описанию современников, философ и поэт сравниваются как огонь и лед. «Характер Пушкина

потому и светоносен, что он дипластичен, эмоционален. Амбивалентность Пушкина разогревает его до состояния плазмы. Пушкин двусмысленен, изменчив. Он живой. Чаадаев схематичен, однообразен, как застывшая кора огненной лавы» [Гиренок, с. 33]. Трудность восприятия современниками характера Пушкина делает его неоднозначным и многоликим. Его любовь к истине выражается в чувстве справедливости, которое эмоционально отражено в оде «Вольность» (1917), где поэт отражает идеи А. Н. Радищева. В ней поэт не скрывает ненависти к тиранам, которые держат народ в рабстве, несправедливости, с одной стороны, а с другой – народ, который от бессилия льет слезы, живет в страданиях, что приводит поэта к выводу о существовании вечного закона, который выше законов тиранов, возвышающих их над народом. Любовь к народу и сострадание к нему из-за причиняемой несправедливости делает Пушкина неумолимым в своем решении казнить «самовластительных злодеев».

Понятие свободы для Пушкина многогранно и связано с идеями европейского Просвещения, но при этом оно наполнено многими значениями и смыслами. В нем отражается безграничная любовь поэта к человеку вообще, поскольку у Пушкина нет национальной предвзятости, поэт стоит на стороне любого народа и взывает к любви и справедливости к нему. В стихотворении «Воевода Милош» (1835 г.) поэт стоит на стороне сербов, которую «заедают волки янычары», так называет поэт турков, и совершают преступление против сербского народа. Братское отношение ко всем народам Пушкин выражает в своем признании любой народности, любой культуры, любой веры, где конфликты между народами воспринимаются как семейные и преходящие, где все народы являются одной большой семьей и представляют людской род.

Любовь к народу напрямую связана с темой любви к Отечеству. При этом нужно заметить, что Пушкин переживает множество оттенков, от любви к презрению, где последнее тоже связано с любовью к Отечеству, но имеет смысл чаяний и надежд на улучшение его, а не на забвение. В одном из своих писем поэт пишет, что при всем своем возможном презрении к Отечеству он в то же время не сможет его разделить с иностранцем, что выглядит довольно курьезно. В письме П. А. Вяземскому от 27 мая 1827 г. Пушкин пишет: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство» [Пушкин, т. 10, с. 208]. Это презрение нравоучительно и имеет пожелание исправления и улучшения отношений в семье – отечестве. С темой Отечества тесно переплетается любовь к Москве:

«Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!» [Пушкин, т. 5, с. 156].

Признание в любви к Москве звучит на фоне пережитой разлуки с любимой родиной, олицетворением которой является столица. Русская душа отдельного человека является частью души русского народа и местоположение столицы

имеет сакральный смысл, связанный с переживанием русской идеи, в которой воплощена душевная щедрость, сердечность, любовь и сострадание, а также бесконечная воля к жизни.

Поэт одинаково воспевает: молдаванку, грузинку, чеченку, татарина, калмыка, тунгуса, башкира, литовца, украинца, горца, цыгана. Нужно подчеркнуть стремление поэта к объективности изображения характер этносов, что вызывает еще большее восхищение и уважение к творчеству поэта. Свою принадлежность к русскому этносу Пушкин рассматривает как индивидуальное своеобразие наряду с другими индивидуальностями – народами, нравы и обычаи которых он изучает.

Поэт везде свой, он перевоплощается из одного характера в другой, где замечаются возрасты культуры, дикости и зрелости. Пушкин наблюдает во взрослении народов рост человечности и гуманности к другим народам. «Когда Пушкин в своем поэтическом завещании выражал веру, что будет «любезен народу», в частности тем, что в свой «жестокий век» «восславил свободу», он, во-первых, под словом «народ» имел в виду союз народов, населяющих Россию, а во-вторых, славил, конечно, свободу социальную, которая, по его мнению, обеспечивает и свободу национальную» [Лазарев, с. 18]. Идеи поэта отражают социально-политические проблемы народов и выводят читателя на саморефлексию народного бытия, что позволяет каждому этносу лучше себя понимать и уважать и через любовь к своему народу любить другие. Ф. М. Достоевский в своей знаменитой «Пушкинской речи» замечает, что Пушкин обнаружил болезнь своего времени, связанного с оторванностью интеллигенции от народа, с беспочвенностью. Русский народ обладает гениальным даром «всечеловеческого единения», который раскрылся в гении Пушкина. «Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека» [Достоевский, с. 717]. Прикоснувшись к русской душе, поэт обрел неувядаемую любовь и непреходящую славу, которая говорит о всемирной отзывчивости Пушкина и народности его поэзии.

Любовь поэта к русской культуре сопровождается неприятием иностранных слов с одновременным уважением к русскому языку, самокритикой по отношению к себе из-за чрезмерной любви своего Я и пренебрежением к Другому; отмечается гостеприимный характер и добродушие русского характера, особая проникновенная любовь к природе. В. Г. Белинский высоко оценивает творчество поэта, подчеркивает его способность передавать русский дух с особой реалистичностью, которая сближает героев и читателей своей интимностью в раскрытии внутреннего мира души. «Пушкин писал о России и для России» [Белинский, с. 211]. Белинский особо отмечает, что народность заключается не в страхе потерять самостоятельность, взаимодействуя с другими народами, а в способности понять и принять другую народность и через это сделать свою народность еще сильнее. Свобода Пушкина выражается в универсальной любви его гения, которая есть способность быть своим среди чужих без предпочтений, что говорит о пробудившемся в русском самосознании поэта чувства собственного достоинства, самобытности и универсализма.

Список источников

1. Белинский В. Г. Сочинения А. С. Пушкина // Избр. филос. соч. – М.: ОГИЗ,1941. – С. 202–266.

2. Гиренок Ф. И. Пушкин и Чаадаев: ум в поисках слова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2006. – № 6. – С. 33–41.

3. Достоевский Ф. М. Пушкин // Дневник писателя. – М.: Ин-т русск. цивилиз., 2010. – С. 706–724.

4. Лазарев А. И. А. С. Пушкин и национальный вопрос // Вестник Челябинского государственного университета. – 1999. – Т. 2, № 1. – С. 6–21.

5. Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 4. – М.-Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. – С. 7–100.

6. Пушкин А. С. Сказка о попе и о его работнике Балде // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 4. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 409–416.

7. Пушкин А. С. Сказка о рыбаке и рыбке // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 4. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 451–457.

8. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Соч. в 10 т. Т. 5. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – С. 9–214.

9. Пушкин А. С. О народности в литературе // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 7. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 39–40.

10. Пушкин А. С. П. А. Вяземскому. 27 мая 1826 г. Из Пскова в Петербург // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 10. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 207–208.

11. Пушкин А. С. П. А. Вяземскому. 9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Москву // Полн. собр. Соч. в 10 т. Т. 10. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С. 216–217.

12. Чаадаев П. Я. Философические письма // ПСС и избр. письма в 2 т. Т. 1. – М.: Наука, 1991. – С. 320–440.

Сведения об авторах

Канышева Ольга Альбертовна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1202-6553, e-mail: k-55o@yandex.ru

Скрылев Егор Павлович – магистрант 1 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: st000026096@lgu-mail.ru

УДК 130.2
ГРНТИ 02.41.41

Проблема единства знания и субъекта в раннем христианстве в «Признаниях плоти» Мишеля Фуко

И. А. КОРКИШКО

В статье на материале Мишеля Фуко «Признания плоти» (2018) показано, что в раннем христианстве формируется особое единство знания и субъекта: истина достигается через практики покаяния, исповеди и самонаблюдения, преобразующие самого субъекта.

Ключевые слова: Мишель Фуко, «Признания плоти», субъект, практики себя, знание, истина.

В четвертом томе «Истории сексуальности» Мишеля Фуко, под названием «Признания плоти» (2018) продолжается проект исследования исторических форм субъективации и отношения субъекта и истины. В более ранних работах Фуко обращается к различным практикам древнегреческой и римской Античности, описание которых представлено в большом корпусе произведений философов, медиков и ораторов. Анализируя наставления и рекомендации по супружеской жизни, правильному питанию, физическим упражнениям и пр., он выявляет формы дискурса, касающиеся использования удовольствий. Фуко описывает, как формируется первоначальный перечень предписаний правильного поведения, на который в дальнейшем во многом будет опираться христианство, но применять совершенно иначе. Христианская этика субъекта не носит рекомендательный характер, подобно Античности, а предполагает строгую регламентацию поведения. В таком контексте исследование раннего христианства позволяет Фуко проследить важный исторический сдвиг: в практическом смысле истина оказывается не просто объектом знания, но результатом особо регламентированной работы субъекта над самим собой. В более широком смысле Фуко исследует тему генеалогии субъекта желания, создавая основу для концептуальной взаимосвязи субъективности, истории и сексуальности вплоть до современности, что хорошо описано в статье Гашкова С. А. [Гашков, с. 61].

По мнению Фуко, носителями «знания о себе» в античной традиции выступали мудрецы и философы [Фуко, 2004, с. 59–60]. Это знание носило общепризнанный характер и заключалось в правильном использовании удовольствий: будь то умеренность в еде или супружеской жизни. Мудрецы во многом формировали дискурс «практик себя», являясь ориентиром для окружающих. В раннем христианстве эту роль берет на себя церковь в виде монашества. Несмотря на то что монашество было изолировано от мирской жизни, по Фуко, оно было «… зафиксировано, по крайней мере, как идеал для всякого доброго христианина» [Фуко, 1996, с. 115]. «Знание о себе» становится не просто инструментом мудрости и эстетизации собственной жизни, а необходимым условием спасения, практики которой формируются именно в монашестве. Фуко утверждает смену самой формы субъективности: теперь она предполагает испытание и познание себя собой, превращение себя в предмет исследования и изречения, очищение и

спасение себя через процедуры вынесения самых сокровенных тайн на свет искупительного явления [Фуко, 2004, с. 59–60].

Французский философ выделяет «Плоть» как новую форму опыта в процессе самопознания и преобразования, которая является связующим звеном между уничтожением зла и проявлением истины [Там же, с. 60]. В отличие от античного понимания общего кодекса правильной жизни, проблема плоти в христианстве пронизывает всю жизнь человека и является основанием для тех правил, которые ей предписываются. «Плоть» выступает как форма опыта присутствия для себя и схема преобразования себя.

Проблема плоти в первую очередь связана со смертностью, приобретенной в результате грехопадения. Способом освободиться от этой изначальной смертности является крещение, перед которым необходимо усвоить учение и совокупность правил, которые определяют «путь жизни» в противоположность «пути смерти». Рассеивая мрак зла и в то же время мрак неведения, крещение становится актом света, который впервые открывает для верующего доступ к истине [Там же, с. 63]. В раннехристианской духовной практике истина перестает быть лишь объектом теоретического познания и становится результатом особых практик субъекта. Через крещение, исповедь, анализ помыслов и духовное руководство формируется знание, связанное с раскрытием внутреннего состояния человека перед Богом. Доступ к истине оказывается неотделимым от участия субъекта в определенных духовных практиках, в которых он должен постоянно выявлять и артикулировать истину о самом себе. В интерпретации Мишеля Фуко именно в этих практиках возникает специфическое единство знания и субъекта [Там же, с. 109].

Следующим важным шагом доступа к знанию о себе является акт «правдоизъявления»: исповедь и покаяние. Этот акт не должен сводиться к какому-то одному эпизоду, его следует принять за принцип, согласно которому приводится в исполнение любое внешнее действие. Этот принцип описывался понятием «Экзомологезы»: «Таким образом, оно обозначает некоторую «дисциплину», некоторый образ бытия и жизни, режим, регулирующий «habitus atque victus» (лат. привычки и жизнь)» [Там же, с. 103]. Практики экзомологезы не только публично предъявляли и исполняли покаяние, но в то же время удостоверяли его. Помимо изречения прегрешений, публичность являлась необходимостью, чтобы кающийся предстал перед другими верующими. Процесс представлял собой коллективный ритуал, в котором покаяние обязано было проявляться определенными движениями тела: рядом жестов, поз, рыданий, криков. Степень драматичности не должна быть соизмерена проступку, напротив, следовало сделать ее как можно более выразительной и преувеличенной, поскольку все эти действия призваны не обнаруживать совершенный грех, а выносить на свет кающегося таким, каков он есть в этом акте. Происходит пересечение изрекаемых субъективных ощущений с объективной зримостью изрекаемого, составляя вместе избавление от грехов. Именно это соединение внутреннего переживания и публичного проявления покаяния, по мнению Фуко, является важной характеристикой раннехристианских процедур истины.

На этом же пересечении субъективного и объективного находится другая христианская практика, присущая монашеству – «экзагореза». Она заключалась в особой аскезе под руководством наставника и требовала от ученика не только соблюдения жесткого режима питания, сна и ручного труда, но и постоянного наблюдения за своими мыслями. Мысль должна постоянно стремиться к чистоте, избегать смуты и неподконтрольных движений, чтобы прийти к состоянию созерцания бога. Именно практика экзагорезы призвана осуществить эту чистоту, через признание и беспрекословное подчинение перед старцем-наставником.

В отличие от античных учителей, монашеские наставники не просто передавали учение, наставничество предполагало постоянный анализ намерений и помыслов ученика, о которых тот должен говорить с максимальной откровенностью. Если в Античности экзамен представлял собой проверку усвоенного с целью преобразования ученика в настоящем, научив его «практикам себя», то христианская экзагореза связана с постижением истины и приобретением знания о себе через другого. Человек не мог преобразовать себя в одиночестве, поскольку даже самые благие, на первый взгляд, намерения могут на самом деле представлять собой прегрешение, которое может обнаружить только наставник: «экзаменовка состоит в постоянном наблюдении за непрерывным и неуправляемым потоком всех помыслов, которые беспорядочно устремляются в душу, и служит механизмом отбора, позволяющим отделить те помыслы, которые можно принять, от тех, которые нужно отбросить» [Там же, с. 146]. В этом анализе не было ничего несущественного, у этого процесса не было никакого предела. Практика признания должна была двигаться вплоть до высказывания самой мельчайшей частицы помысла самого себя.

Для приобретения знания необходимо абсолютное послушание и безоговорочное доверие как к анализу помыслов, так и непосредственным повелениям, обращенным к ученику. Недопустимым являлось любое критическое осмысление наставлений, поскольку важен был сам принцип подчинения и отказа от собственного «я». Этим во многом объяснялся столь тяжелый режим в монастыре, предполагающий ручной труд, часто малоэффективный или бессмысленный. В нежелании подчиняться усматривались гордыня, препятствие к полному опустошению души, необходимое для созерцания божественной истины. Подчинение являлось необходимостью для всех, каждый наставник также находился в отношениях подчинения и духовного руководства, поскольку это являлось условием приобретения знания.

Рассмотренные положения Фуко анализирует в основном на материале трудов Кассиана, Тертуллиана и Иоанна Златоуста. В этот период раннего христианства только формируются базовые принципы отношения к субъективности. По мнению Фуко, законченный вид это отношение приобретает у святого Августина, который окончательно закрепил установки, определившие «практики себя» для дальнейшей истории христианства.

Августин во многом аккумулирует опыт своих предшественников, придавая ему в своих трудах завершенную форму. Согласно его учению, плоть изначально не была греховной, данное свойство она приобрела в результате грехопадения.

Греховность плоти проявляется в автономных, неконтролируемых движениях, над которыми воля утратила власть. Ключевым выражением подобных состояний выступает «libido», или похоть: «Так или иначе, сейчас libido обнаруживает себя в виде непроизвольности. Оно проявляется в добавочном элементе, который выходит за пределы воли, будучи при этом лишь коррелятом некоторой нехватки и следствием некоторого лишения» [Там же, с. 103]. Августин приходит к выводу, что эта непроизвольность не является внешним следствием, а укоренена в самой структуре человеческой воли. Избежать этой непроизвольности возможно лишь отказавшись от собственной автономности, признав желание блага лишь с помощью силы благодати. Непроизвольное движение плоти становится постоянным свидетельством падшего состояния человека, указывая на двойственную природу воли.

Истина желания теперь неразрывно связана с сексуальностью. Чтобы познать себя, субъект должен постоянно выслеживать малейшие движения этого непроизвольного желания в своей душе. Похоть сама по себе является законом греха, но в полной мере она реализуется лишь в тот момент, когда человеческая воля дает на нее согласие. Субъекту необходимо постоянно анализировать себя, чтобы дать свое согласие на желание или нежелание греховного акта, что в конечном итоге конституирует специфическую форму себя.

Раннехристианские «практики себя», в отличие от античных, направлены не на укрепление власти над собой, а на самоотречение и раскрытие истины о себе перед Богом и Другим. Через изречение истины и постоянный анализ себя субъект устанавливает знание о себе и истине. В таком контексте формируется новый «режим истины», в котором доступ к истине предполагает не только знание определенных доктрин, но и участие субъекта в особых духовных практиках, направленных на раскрытие его внутреннего состояния. В этом процессе возникает специфическое единство знания и субъекта, которое впоследствии окажет значительное влияние на развитие западных форм субъективности.

Список источников

1. Гашков С. А. «Признания плоти» М. Фуко: к осмыслению методологии и значения // История философии. – 2021. – № 2. – С. 57–68.
2. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
3. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с франц. В. Каплуна – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.
4. Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти / пер. с франц. – М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 416 с.

Сведения об авторе

Коркишко Илья Анатольевич – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7084-8136, e-mail: 2dragow2@gmail.com

УДК 1(520) (091)
ГРНТИ 02.91.91

Единство логоса и пафоса: роль оппозиций в работе Мики Киёси «Логика воображения»

М. А. ЛАНЦЕТОВ

В статье исследуется специфика преодоления оппозиции «логос – пафос» в «Логике воображения» Мики Киёси. На основе теории партиципативных оппозиций доказывается, что «воображение» выступает в тексте не термином-нейтрализатором, а расширенным единством членов оппозиции.

Ключевые слова: Мики Киёси, логика воображения, логос и пафос, партиципативная оппозиция, японская философия.

Одной из важнейших работ японского философа Мики Киёси (1897–1945) считается его незаконченный magnum opus «Логика воображения» (構想力の論理 *Ко:со:рёку-но ронри*, 1939/1946 гг.) [Мики, 1967]. Первоначально сочинение публиковалось с 1937 по 1938 г. в виде серии эссе в журнале «Мысль» (思想, Сисо:), а затем было скомпилировано и выпущено как книга «Логика воображения. Часть первая» в 1939 г. Вскоре после публикации монографии Мики занялся написанием продолжения, которое получило название «Логика воображения. Часть вторая», однако работа над ним так и не была завершена. Сочинение было опубликовано уже после смерти философа, в 1946 г. и добавило к трём главам первой части ещё одну – «Опыт». Впоследствии обе части стали издаваться единым томом с предисловием Мики Киёси, написанным ещё для первой книги. В нём философ предупреждает читателя о том, что получившаяся работа является, скорее, исследовательским наброском, чем готовой системой [Мики, 1967, с. 3]. Тем не менее ценность «Логики воображения» не теряется в связи с её незаконченностью: избранное проблемное поле, а также попытка связать эпистемологические, социально-исторические исследования и наработки по философии техники воедино позволяют рассматривать данное сочинение как итог всего позднего периода творчества японского мыслителя [Krummel, 2016, p. 14].

Каждая глава «Логики воображения» («Миф», «Институт», «Техника» и «Опыт») касается разных аспектов функционирования человеческого *воображения*. В тексте Мики для понятия, которое в русском языке передаётся как «воображение», существует два взаимозаменяемых японских эквивалента: 想像 *со:дзо:* и 構想力 *ко:со:рёку*. Если первое слово несёт в себе более привычное значение (воображение как фантазия – *Phantasie*), то термин *ко:со:рёку* был выбран Мики специально для передачи немецкого понятия *Einbildungskraft* [Мики, 1967, с. 4–5]. Этот выбор обусловлен не только отсылкой к кантовской «Критике чистого разума», но и стремлением подчеркнуть продуктивную, творческую сущность воображения, понятую им в значительно более широком смысле, чем

простая способность фантазировать. Значение воображения для Мики заключается не только во внутреннем синтезе чувственного (пафоса) и рассудочного (логоса), но и в историческом, техническом, институциональном – иными словами, внешнем проявлении этой творческой силы. Философ стремится показать, что созидание воображением «форм» (形 *катати*), или «форм-образов» (形像 *кэйзо:*) есть не только психологический, но и социально-исторический процесс, подчиняющийся особой логике – логике воображения [Мики, 1967, с. 46; Krummel, 2016, p. 16].

Переход от внутреннего (субъективного) к внешнему (объективному) характеру воображения Мики совершает не сразу. Его первоочередной задачей стало обоснование необходимости создания иной логики, которая, в отличие от формальной, не игнорировала бы пафос. Идея важности пафоса – чувственной, импульсивной, телесной стороны человека – разрабатывалась им с начала 1930-х гг. [Stromback, p. 113]. И если в более ранних «Философской антропологии» и эссе «О пафосе» [Мики, 1968] задача обеспечить единство логоса и пафоса лишь намечалась, то «Логика воображения» с самого начала строится на методологическом фундаменте преодоления данной оппозиции.

Ключевой для методологии Мики является «подготовительная» глава «Миф». В ней он, опираясь на антропологические концепции Л. Леви-Брюля и социологические труды Ж. Сореля [Мики, 1967, с. 54], ищет ответ на вопрос: является ли разделение логоса и пафоса чем-то фундаментальным для нашего сознания? Миф представляется философу идеальным объектом для анализа этой проблемы. Мышление первобытного человека, согласно Леви-Брюлю, является дологическим, что, однако, не означает его неразумности. Для объяснения этого феномена Леви-Брюль формулирует закон партиципации (сопричастия), согласно которому предмет для первобытного ума может одновременно быть как самим собой, так и чем-то другим. Этим законом объясняется, например, феномен тотемизма: члены племени считают себя в равной степени и людьми, и тотемными животными, что не воспринимается ими как метафора. Возникающие противоречия попросту не осмысляются, ведь первобытное мышление не подчиняется законам формальной логики.

Для Мики Киёси закон партиципации становится наглядной иллюстрацией того, что логос и пафос фундаментально едины. Он определяет миф как «символизацию внутренних состояний посредством внешних образов» и одновременную «витализацию внешней действительности внутренними состояниями» [Мики, 1967, с. 34]. Мифы становятся особенно востребованными в эпохи, когда эта непосредственная партиципация начинает ослабевать из-за роста индивидуального самосознания [Krummel, 2017, p. 263]. В таком случае миф служит средством восстановления связи с коллективным прошлым и природой. Цитируя Сореля, Мики утверждает, что через мифы люди конструируют историю и будущее [Мики, 1967, с. 48]. Механизм партиципации сохраняется в процессе воображения даже в современности, участвуя в созидании и трансформации форм общественной жизни: искусства, религии, институтов. Перейдя во второй главе («Институт») к анализу примеров внешнего проявления продуктивного вообра-

жения, Мики заключает, что логика воображения на самом деле является «логикой форм» [Мики, 1967, с. 7]. Следовательно, применительно к логике воображения было бы некорректно говорить о простом «соединении» логоса и пафоса. Логика воображения изначально строится на их единстве в сопричастности (партиципации).

Установив через обращение к Леви-Брюлю механизм «доформальнологического» мышления и выведя из него фундаментальное единство оппозиции «логос – пафос», Мики Киёси внедряет партиципативный принцип в саму структуру своей работы. В современных структурно-семиотических исследованиях уже сделаны попытки показать, что тексты учителя Мики, Нисиды Китаро, структурно организованы вокруг установления сущностной эквивалентности между противопоставленными единицами (субъект/объект) путём введения «терминов-нейтрализаторов» (таких как *чистый опыт*, *факт*, *интеллектуальная интуиция*) [Романенко, 2023, Вопросы философии, с. 199; Романенко, 2023, Вестник ЛГУ, с. 67]. Однако текст Мики сложно свести к подобной схеме. Признавая влияние Нисиды, Мики критикует его за излишнюю абстрактность [Stromback, p. 111]. Преодоление этой абстрактности потребовало от Мики не только привязки воображения к объективным формам «исторического мира», но и принципиально иного подхода к построению концептуальных оппозиций.

Вместо классической бинарной оппозиции, которая в текстах Нисиды снимается посредством введения третьего «термина-нейтрализатора», Мики Киёси обращается к логике сопричастия. Современная чешская исследовательница-семиотик Людмила Лацкова, опираясь на работы Л. Ельмслева, предлагает использовать теорию партиципативных оппозиций (которая также была вдохновлена идеями Леви-Брюля) в широком спектре научных дисциплин [Lacková, p. 267]. Суть теории заключается в отказе от принципа взаимоисключения в пользу сосуществования противоположностей. В отличие от классической бинарной оппозиции, работающей согласно закону исключенного третьего (*А* против *не-А*), партиципативная модель заменяет эту формулу на «*А* против *А* + *не-А*». Это означает, что один из членов оппозиции не просто противостоит другому, но и выступает как их расширенное единство [Lacková, p. 269]. В партиципативной логике всегда наличествует интенсивный (узкий) и экстенсивный (широкий) термины. Поскольку одной из главных интенций Мики Киёси было преодоление излишнего рационализма неокантианской традиции, крайне популярной в современной Мики среде японских философов, за термин *А* в формуле партиципативной оппозиции в фундаменте структуры «Логики воображения» следует принять именно этот немецкий «чистый логос», исключающий пафос. Тогда как логос в правой части формулы, соединённый с пафосом (*не-А*), будет близок к стоическому logos spermatikos, «логосу семени», который Мики рассматривал в своём «Разъяснении философских и литературных терминов» как «движущую силу <…>, рационально, целенаправленно и гармонично формирующую все вещи» [Мики, 1967, с. 393]. Итого получим: *логос* против *логос* + *пафос*. Тем самым, чистому логосу (*А*) Мики противопоставляет не голый пафос (*не-А*), а сопричастное единство логоса и пафоса (*А* + *не-А*), имя которому – продуктивное воображение.

Таким образом, преодоление таких дихотомий, как «субъективное – объективное», «рациональное – иррациональное», «интеллектуальное – рациональное», которые Мики Киёси сводит к фундаментальной оппозиции «логос – пафос», несёт на себе отпечаток не только философии Нисиды Китаро, «подсказавшего» структуру текста и постановку проблемы, но и стремления Мики поместить «логосное» и «пафосное» начала в контекст исторического изобретательства, созидания материальных и социальных форм. Этот проект остался неоконченным, однако дошедшие до нас главы демонстрируют глубину проработки методологии. Для содержания текста концепт партиципации служит объяснением изначального единства логоса и пафоса в дологическом мышлении. Для структуры же текста – если применить теорию Л. Ельмслева в трактовке Л. Лацковой – сопричастие становится основанием для трансформации бинарной оппозиции «логос – пафос» в партиципативную «*логос* против *логос* + *пафос*». Данная формула демонстрирует, каким образом совершается переход от унаследованного из немецкой философии излишне рационального «логоса» к *logos spermatikos*, и одновременно сохраняет эвристическое «напряжение» между концептуальными единицами, вызывая к жизни центральные для сочинения идеи Мики Киёси о логике продуктивного воображения.

Список источников

1. Мики К. Ко:со:рёку-но ронри [Логика воображения] // Мики Киёси дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мики Киёси]. В 19 т. Т. 8. – Токио: Иванами сётэн, 1967. – 513 с.
2. Мики К. Патосу-ницуитэ [О пафосе] // Мики Киёси дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мики Киёси]. В 19 т. Т. 19. – Токио: Иванами сётэн, 1968. – С. 580–585.
3. Мики К. Тэцугаку-бунгаку ё:го кайсэцу [Разъяснение философских и литературных терминов] // Мики Киёси дзэнсю: [Полное собрание сочинений Мики Киёси]. В 19 т. Т. 12. – Токио: Иванами сётэн, 1967. – С. 391–402.
4. Романенко А. С. «Исследование блага» Нисиды Китаро: модусы преодоления эмпирических оппозиций // Вопросы философии. – 2023. – № 7. – С. 196–202.
5. Романенко А. С. Преодоление концептуальных оппозиций как структурообразующий принцип «Исследования блага» Нисиды Китаро // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2023. – № 3. – С. 60–73.
6. Fujita M. Logos and Pathos: Miki Kiyoshi's Logic of Imagination // Japanese and Continental Philosophy: Conversations with the Kyoto School / ed. by B. Davis. – Bloomington: Indiana University Press, 2011. Pp. 305–318.
7. Krummel J. W. M. Creative Imagination, Sensus Communis, and the Social Imaginary: Miki Kiyoshi and Nakamura Yūjirō in Dialogue with Contemporary Western Philosophy // The Bloomsbury Research Handbook of Contemporary Japanese Philosophy / ed. by Michiko Yusa. – New York: Bloomsbury Academic, 2017. Pp. 255–284.
8. Krummel J. W. M. Introduction to Miki Kiyoshi and his Logic of the Imagination // Social Imaginaries. – 2016. – Vol. 2, № 1. – Pp. 13–24.
9. Lacková Ľ. Participative opposition applied // Sign Systems Studies. – 2022. – Vol. 50. № 2/3. – Pp. 261–285. URL: https://doi.org/10.12697/SSS.1
10. Stromback D. Miki Kiyoshi and the Overcoming of German and Japanese Philosophy // European Journal of Japanese Philosophy. – 2020. – № 5. – Pp. 103–143.

Сведения об авторе

Ланцетов Максим Алексеевич – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-7144-0312, e-mail: lantsetovmaxim@gmail.com

УДК 122
ГРНТИ 02.41.51

Единство как компонент образа будущего: в контексте теории действия

А. Д. МАРКИТАНТОВ

В статье исследуется образ будущего как многокомпонентный практико-ориентированный нарратив. Единство понимается как специфическое субъективное отношение и преимущественно рассматривается в качестве необходимого элемента коллективной практики (в контексте теории действия Д. Дэвидсона).

Ключевые слова: действие, образ будущего, намеренное действие, философия сознания, теории действия, единство.

В гуманитарных науках существует множество теорий человеческого действия: социальные, политические, юридические и пр. Поскольку такое действие может быть крайне разнообразным, оно зачастую «изолируется» в рамках определённой классификации и рассматривается как можно более специализированно. Действие как объект исследования разворачивается одновременно в нескольких контекстах, вследствие чего одно и то же действие может быть рассмотрено как явление, состоящее из разных компонентов. В теориях действия образ будущего зачастую не является столь же распространённым компонентом как, например, «цель», хотя он может быть соотнесен с этим понятием, все же не исчерпывается им. При этом вопрос о действии является настолько значительным, что самые разнообразные философские работы вынуждены его учитывать. Исследуя практически любую целостную мировозренческую систему, мы могли бы обнаружить вполне определённый набор представлений о крайне широком спектре действий. Так, например, богохульство может быть рассмотрено как форма девиантного поведения или проявление истерического расстройства личности, как тяжкий грех или безвредная ирония и даже как прогрессивная социальная критика.

Идеологические системы зачастую стремятся приписать определённым действиям фиксированные значения, научные же подходы, напротив, призваны выявить механизм действия посредством как можно более универсального описания. Однако убедительные научные модели практически неизбежно используются политизированным или идеологизированным дискурсом. Таким образом, вслед за политизацией теории действия следует политизация реального поведения субъектов. При этом представление о действии, в том числе в рамках философии, продолжает развиваться, что также составляет актуальность настоящей статьи.

С учётом изложенного можно заключить, что для оценки степени изученности рассматриваемой проблемы следует проанализировать весьма обширное предметное поле.

Во-первых, нельзя не отметить многочисленные философские, культурологические, религиоведческие и искусствоведческие работы, по исследованию

«будущего» в различных культурах (В. Я. Пропп, К. Леви-Стросс и пр.), в религиозных нарративах (Г. Т. Сардарян, Т. А. Алексеева и пр.), в искусстве, в частности в утопиях и антиутопиях (Э. Я. Баталов, Н. В. Ковтун и пр.). Кроме того, полезны могут быть теории элитарной и массовой культуры (Ж. Бодрийяр, Ги Дебор, Л. Фидлер и пр.), парадигмальные подходы (Ж.-Ф. Лиотар, И. П. Ильин и пр.), а также соответствующие исследования в сферах лингвистики и семиотики (нарратологии). Во-вторых, существует целый спектр социально-философских концепций идеологии (С. Жижек, Л. Альтюссер и пр.) и исторического развития (А. Тойнби, К. Маркс, Н. Ф. Фёдоров и пр.) Вероятно, в той или иной степени каждая из них вынуждена использовать определённые средства для характеристики современности и, соответственно, обосновывать их посредством специфического описания процессов, которые сводимы к конкретным действиям. В-третьих, проблема имеет большой потенциал для междисциплинарных исследований, поскольку многие её аспекты рассматриваются в рамках отдельных гуманитарных дисциплин: социологии, политологии, психологии, футурологии и пр. В особенности «зависимы от будущего» социальные науки, поскольку зачастую рассматривают современность в качестве своего объекта. Так, мы могли бы рассмотреть самые разнообразные теории социального действия (М. Вебер, П. Бурдьё и др.), чтобы выявить в них роль представлений о будущем. В-четвёртых, стоит также отметить перспективность современной философии сознания в развитии теории действия (Д. Дэвидсон, К. Сандис и пр.). В-пятых, время всегда было одним из первейших объектов философского интереса, и, конечно же, здесь вновь возможно упомянуть о целом спектре теорий и подходов (особенно в рамках классической немецкой философии, экзистенциализма, феноменологии и психоанализа), целью которых является прояснение отношений между субъектом, практикой, историей и временем (Г. Гегель, М. Хайдеггер, С. де Бовуар и пр.) Кроме того, мы могли бы обратиться непосредственно к философским онтологическим подходам, разработанным в рамках осмысления природы времени (презентизм, «растущий блок», этернализм), поскольку они вынуждены непосредственно исследовать категорию «будущего». Вероятно, одна из «первейших» классификаций это выявление несознательных (ненамеренных, физиологических, «аффективных», «традиционных» и пр.) и сознательных (намеренных, интенциональных и пр.) действий, в настоящей статье речь пойдет именно о последних. Будем считать действие сознательным в том случае, если оно, будучи субъективно осознаваемым, совершается исходя из представления о будущем.

Понятие «образ будущего» в первую очередь отражает собой некий результат, возникающий от взаимодействия субъекта со временем, объективной физической величиной, неотделимой от практики. Такие результаты могут рассматриваться в качестве чрезвычайно распространённых элементов культуры, при этом один образ будущего может использоваться в процессе создания научной гипотезы, художественного творения и политического требования, хотя этот образ, действуя в науке, искусстве или политике, будет всякий раз обретать свои уникальные функции. Если бы существовали лишь субъект и время, то полное

знание их природы, включало бы в себя также и полное знание об образе будущего, но поскольку существует также неопределённое множество феноменов, которые развиваются во времени и подлежат субъекту, то всякий образ будущего не может быть рассмотрен вне знания о феноменах, ставших его компонентами. Таким образом, субъект и время являются конституирующими переменными в процессе формирования образа будущего, а феномены – предикативными переменными. Будучи осознанным и сформулированным с помощью языковых средств, образ будущего представляет собой нарратив, фактором которого является субъективное убеждение (вера), либо объективная воля (желание). Интерпретация такого нарратива обусловлена эпистемологическим контекстом. Так, если исходить из того, что объективного будущего не существует (презентизм, «растущий блок»), то образ будущего становится формой утверждения объективной воли, в противном случае (этернализм) – субъективным предвидением. Вполне разумно исходить из того, что знание о будущем невозможно, однако сознательные действия совершаются в ситуации до некоторой степени парадоксальной – мотивированной образом будущего, который фундирован знанием о прошлом.

Нарратив о будущем может являться большим систематизированным учением (идеологией) или, вероятно, локальным (имплицитным) знанием. Подразумевая некую иерархию действий, мы зачастую рассматриваем большие нарративы как конструктивное знание, которое не только упорядочивает практики, но также и утверждает их. Чем более «оторванным» от большого нарратива, «изолированным» является сознательное действие, тем более имплицитен его образ будущего, он более субстантивен (независим) и одновременно импликативен («сжат» внутри контекста).

Уже классификация Вебера предполагает существование целерационального и ценностно-рационального, а также аффективного и традиционного социальных действий. В то время как первые два типа фактически обусловлены прагматичной или «иррациональной» целью (религиозной, эстетической и пр.), вторые – реактивны, в значительной степени автоматичны, продиктованы эмоцией или, например, навязанной привычкой, а значит зачастую не являются осмысленными и, вероятно, в некоторых случаях находятся «на гране» сознательного. Одна из задач веберовской теории, очевидно, состоит в том, чтобы продемонстрировать обусловленность человеческого действия социальной средой, однако на этом же основании она подвергалась критике как нивелирующая роль индивидуального, «субъективно-трансцендентного», «свободного» действия, представляющая индивида в качестве «продукта», преимущественно детерминированного социальными отношениями [Осеев]. В социологии одним из значительных преобразований веберовского подхода стала теория действия, развитая П. Бурдье, в рамках которой вводятся понятия социального поля, габитуса, индивидуальной стратегии действия и пр. Она, вероятно, предлагает более «нюансированную» методологию для анализа образа будущего, поскольку, помимо агентности индивида и социальной обусловленности, составляющих габитус

диспозиций, учитывает также «творческие» возможности субъекта в микро- и макродинамике социокультурной жизни.

Несомненно, сложная социальная жизнь человеческих обществ во многом обусловлена особыми способностями психики к прогнозированию, предвосхищению, антиципации. Так, если условный субъект «a» каким-либо образом приобретёт твёрдую убеждённость в том, что некий субъект «b» имеет агрессивные намерения в его отношении, то поведение субъекта «a», очевидно, может значительно измениться. Отношения между субъектами реализуются в условиях наличия у каждого из них своего субъективного образа будущего, однако социальная жизнь была бы совершенно иной, если бы между этими образами не существовало сложнейших процессов синхронизации. В случае, например, тяжелого психического заболевания, препятствующего формированию устойчивого и «подходящего» образа, коммуникация и взаимодействие по меньшей мере значительно усложняются [Петрова, с. 7], а социальные возможности индивида зачастую снижаются.

Едва ли вне представления о будущем возможны не только устойчивые социальные отношения, но даже конкретное индивидуальное сознание – и такая позиция не нова, уже М. Хайдеггер предложил рассматривать будущее в качестве «первичного смысла экзистенциальности» [Хайдеггер, с. 327]. Впоследствии по этому вопросу аналогичную позицию займут многие экзистенциалисты, например С. де Бовуар рассмотрит «полагание себя через определенные проекты» как форму трансценденции и основание субъективной свободы [Бовуар, с. 39]. Такую свободу можно понимать даже как ощущение, сопутствующее рефлексии, развивающейся во времени, при этом время субъект может осознавать по-разному, однако его сознание немыслимо вне длительности, вне какой-либо динамики.

Итак, все стратегии сознательного поведения имеют неизбежное и необходимое оправдание в будущем (прагматика, интенция). Вероятно, образ будущего в своей крайне имплицитной форме может быть обнаружен даже внутри таких специфических состояний, как покой, медитация или, например сновидение. На таком субъективном уровне работа образа будущего может быть проанализирована с использованием теоретико-методологических подходов, развитых в рамках экзистенциализма, феноменологии, психологии и философии сознания.

В психологии представления об образе будущего развивались самым широким кругом исследователей. А. Н. Леонтьев, вслед за Д. Брунером, объединял образ будущего с процессом построения и верификации гипотез, К. Г. Юнг понимал его как часть процесса «восприятия заключенных в ситуации возможностей», Ж. Пиаже связывал понимание будущего с «освоением отношений между реально существующим и потенциально возможным» [Петрова, с. 8]. Образ будущего, рассматриваемый в рамках способности психики к прогнозированию и установлению причинности, становится также важным элементом в теории атрибуции (социальная психология), в которой, помимо прочего, подробно рассматриваются упомянутые «процессы синхронизации».

В философии сознания, зачастую рассматривающей основной свой объект как эмерджентное свойство, за последние десятилетия также сложилось множество подходов к исследованию человеческого действия. Так, весьма известны работы Дэвидсона «Действия, причины и основания» (1963), «Эссе о действиях и событиях» (1980) и др. Важнейшей проблемой в них стала субъективная рационализация действия, под которой понимаются убеждения, желания, вера, «позитивные установки» и пр. Дэвидсон утверждает, что они являются не только субъективным «оправданием» намеренного действия, но также и его первичной причиной [Санженаков].

Таким образом, соглашаясь с Дэвидсоном, следует признать знание необходимым условием намеренного действия, которое в таком случае невозможно в условиях абсолютной неопределённости («изолированного» неизвестного, «вещи в себе») – положенная в оппозицию образу будущего, она формирует, кажется, столь же непростые онтологические отношения как те, которые в рамках «классического» философского интереса констатируются между бытием и ничто. Так, описывая диалектику бытия, Г. Гегель использовал именно понятие неопределённости (а также непосредственности, неразличенности и пр.). Примечательно, что критика Л. Фейербаха заключалась главным образом в том, что гегелевская неопределенность бытия – предопределена [Болдырев, с. 5]. Однако отношения между неопределённостью и образом будущего не всегда бинарны, если не принципиально небинарны вообще, поскольку сама она зачастую включается в образ будущего в качестве «пресуппозиции», так как субъекту необходимо действовать, учитывая неопределённость последствий. При этом неопределённость представляется весьма закреплённым понятием в аксиоматике гуманитарных и социальных наук: в экономике, социологии, политологии, психологии и пр. В этом широком контексте она зачастую связывается с «неуверенностью в будущем», «социальной тревогой», «кризисным периодом», «дезориентацией» и пр. [Мозговая]. В связи с этим можно утверждать, что экономические, социальные, политические и субъективные интересы требуют развития образа будущего.

Всякая сложная коллективная практика, помимо прочего, требует единства, специфического субъективного отношения, которое, в зависимости от своего качественного и количественного выражения, детерминирует общественно-политические события и состояния. Единство, безусловно, имплементируется посредством «синхронизации» представлений о будущем – оно, таким образом, также является необходимым элементом всякого институционального действия, фундирует его, а значит составляет неразрывную инклюзию с образом будущего, «управляющим» таким действием. Ощущение единства, очевидно, является сложносоставным градиентным выражением, зависимым от прагматики, культурной общности, доверия и пр. Если неопределённость слишком высока, единство невозможно, а значит невозможна кооперация. Кроме того, субъективное ощущение единства может быть самоценным, и в таком случае полностью выражать действие.

Итак, образ будущего следует рассматривать как один из наиболее универсальных компонентов намеренного человеческого действия, при этом в данном контексте зачастую используются более узкоспециализированные понятия: «цель», «намерение», «желание» и пр. Однако стоит понимать, что сложное действие может иметь, например, политическую цель, но совершаться без политического образа будущего, или иметь эстетическое намерение, но при этом политический образ будущего. Представления о будущем, заложенные в самых разнообразных нарративах (религиозных, философских, политических и пр.), ориентированы на распространение практик, осуществляемое посредством популяризации нарративов, а также их последующей социальной «синхронизации». «Деактивация» образа будущего в соответствующей мере «деактивирует» нарратив, а значит можно предполагать, что прагматическая составляющая феноменов культурной жизни в значительной степени «управляет» их содержанием. Образы будущего, претерпевая столкновения, слияния и поглощения, развиваются в рамках социальной борьбы, имеющей не только экономическое, но и культурологическое измерение. Последовательный анализ конкретного образа будущего позволяет увидеть не только нюансы в последовательностях действий, но также их более общую структуру, соподчинённую социальной ситуации и субъективной стратегии.

Список источников

1. Бовуар С. де. Второй пол / пер. С. Г. Айвазовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Болдырев И. А. Диалектика бытия и ничто в «Науке логики» Гегеля: основные черты и проблемы спекулятивного метода // Вестник Московского университета. – 2006. – № 3. – С. 3–10.
3. Мозговая А. В. Личная жизненная среда в социально-политическом контексте современной России: статус по признаку определённости // Социологическая наука и социальная практика. – 2024. – Т. 12. – № 2. – С. 169–187.
4. Осеев А. А. Идеальные типы социального действия М. Вебера: утопия или реальность? Методология и методика исследований // Социология. – 2022. – № 3. – С. 125–148.
5. Петрова В. Н. Изучение образа будущего: методологические проблемы и пути их решения // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 6–10.
6. Санженаков А. А. О главном аргументе Дэвидсона // Respublica Literaria. – 2024. – Т. 5. – № 4. – С. 39–51.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.

Сведения об авторе

Маркитантов Артём Дмитриевич – аспирант кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-2178-0480, e-mail: periovemadastra@mail.ru

УДК 291.1
ГРНТИ 02.71

Религиозный индифферентизм по отношению к вероучительной составляющей религии: практика утерянного смысла

Н. В. МИРОНОВА

В статье проанализированы причины появления и формирования особого типа религиозного индифферентизма – индифферентизма по отношению к религиозному вероучению.

Ключевые слова: религиозный индифферентизм, религиозная идентичность, вероучение, структурные компоненты религии.

Несмотря на то, что религия в современном мире существует в пространстве социальной множественности, она сохраняет за собой право на формирование образа этой множественности. Религиозный выбор стал одним из вариантов идентификационного выбора. Тем не менее, религиозная самоидентификация является важным фактором, определяющим отношение человека к миру, к социуму и к себе. Вовлечённость человека в социальную жизнь, где религиозность становится лишь одним из её аспектов, одним из атрибутов множественности, так или иначе провоцирует некоторую адаптацию религиозности к тем социальным условиям, в которых она себя утверждает и презентует.

По образу того, как пространство социальной жизни человека заполняется различными ролями, взаимоотношениями, обязанностями и ориентирами, религиозность человека также включает в себя множество смыслов, действий, возможностей. В составе самого тела религиозности есть место для нерелигиозных смыслов, которые органично вплетаются в систему религиозного опыта. Говоря о целостной религиозности, мы подразумеваем присутствие основных структурных элементов религии (вероучение, религиозная практика, институт, община) в жизни отдельного человека, идентифицирующего себя как верующего. Но при этом процентное соотношение внимания к каждому из элементов религии в каждом конкретном случае может существенно отличаться. Например, если для верующего большую ценность представляет общение внутри церковной общины, это не всегда предполагает то, что такую же ценность будет представлять для него само вероучение. Верующий, искушённый в богословских вопросах, ориентирующийся в догматических тонкостях религии, не обязательно принимает активное участие в приходской, общинной жизни церкви, религиозной организации или группы. Чаще всего индифферентное отношение к определённому компоненту религиозности не осознаётся верующим как таковое. Элемент религиозности выпадает из повседневности человека, лишается смыслового статуса. Предполагается, что религиозность, усечённая с какой-либо из сторон (соответствующих структурным элементам религии), может сохранять жизнеспособность и быть достаточной для самоидентификации верующего. Го-

ворить о религиозном индифферентизме по отношению к определённому аспекту религиозной жизни мы можем в том случае, когда этот компонент воспринимается самим верующим как лишённый смысла, когда он видит свою религиозность как полноценную без присутствия этого элемента. Религиозный индифферентизм можно представить в таком случае как некоторый заместитель, который закрывает пробел в религиозном целом. Религиозный индифферентизм, в отличие от индифферентизма по отношению к религии, не предполагает самопрезентации. Он невидим, он не называется. При этом он способен вступать во взаимодействие со структурными компонентами религиозности. Под воздействием этих взаимоотношений зачастую меняется и сам характер религиозности человека. Данная статья посвящена одному из вариантов религиозного индифферентизма – индифферентизму по отношению к вероучительной составляющей религии.

Индифферентизм по отношению к религиозному вероучению можно охарактеризовать как равнодушное отношение к фундаментальным догматическим определениям религии, к основным вопросам веры, выделяющим её в уникальное учение, отличное от иных религиозных учений, к религиозной истине как таковой, к истории происхождения вероучительных положений, к значению религиозных символов.

Причины формирования такого рода религиозного индифферентизма могут носить как субъективно-мировоззренческий, так и социальный характер.

Вне зависимости от того, о какой религиозной системе или о какой конфессии идёт речь, вероучение всегда является смысловым ядром, концентрирующим в себе содержание веры. Знакомство с религиозным вероучением, освоение его базовых положений – не одномоментный процесс. Как правило, он сопровождает человека на протяжении очень долгого периода времени, а то и всей жизни. Для того, чтобы ориентироваться в догматических вопросах веры, требуются значительные интеллектуальные и эмоциональные усилия, в особенности, если речь идёт о религиях с развитой богословской системой. Чтение текстов, размышление над прочитанным, обращение к литературному корпусу, собранному религиозной традицией, являются составными частями процесса погружения верующего в религиозное учение. Новые формы религиозности, активно трансформирующие саму религиозность и принимающие участие в формировании новой религиозной среды, встраиваясь в повседневную жизнь общества, разрабатывают свои вероучительные системы в диалоге с современностью. Здесь элементы вероучения используются для придания смысла повседневной жизни и реалиям высокомодернизированных дифференцированных обществ [Gabriel, p. 46]. Но и в ситуации такой доктринальной адаптивности в новых религиозных движениях, процесс усвоения вероучения требует от верующего достаточно большого количества времени, гибкости, умственных усилий.

Основные ресурсы, необходимые человеку для изучения вероучения, – интерес и время. Социальная множественность современного мира вынуждает человека играть огромное количество разнообразных ролей, выполнять разнообразные задачи в разных областях жизни. Реальность повседневной жизни

всё менее пересекается с религиозной повседневной реальностью, обособляя религиозную повседневность в некую автономную социальную ячейку. Следовательно, время, затрачиваемое на выполнение социальных задач, не может быть синонимично времени, посвящённому религиозной жизни. Большинство ролей (трудовых, гендерных, семейных) утратили характер предопределённости и самоочевидности. При наличии большого количества социальных альтернатив, профессиональная деятельность человека, семья становятся объектами сложного выбора. В ряду альтернатив оказывается и религия. Это положение религии меняет характер процесса погружения верующего в религиозное учение. Религиозность человека становится всё более изолированной от социальных систем, даже в том случае, когда она идентификационно присутствует в пространстве этих систем.

Современная экономическая реальность вынуждает человека находить защиту уникальности своего внутреннего мира и своих религиозных взглядов в абстрагировании от внешнего мира, с одной стороны, и презентовать свою религиозность во внешнем мире таким образом, чтобы оставаться социально конкурентоспособным, с другой. Способность дистанцироваться становится для современного человека, идентифицирующего себя как верующего, важным условием для нахождения баланса. Образ жизни, провоцируемый и поощряемый коммерческими и культурными индустриями, не может решить проблему постоянной нехватки времени на рефлексию человека по поводу собственной веры. Ни принцип максимизации индивидуальной полезности, ни принцип максимизации индивидуальных эмоций и опыта не могут дать правдоподобного объяснения тому, почему в одних ситуациях вытеснение религиозного вероучения из религиозного целого приводит к трансформации религиозности в индифферентное отношение к религии, а в других не разрушает тела религиозности, преобразовываясь в религиозный индифферентизм по отношению к религиозному вероучению.

Одной из причин распространённости религиозного индифферентизма по отношению к вероучению является то, что вероучение само по себе, сформированное и развившееся под воздействием множества духовных и исторических факторов и определяющее собой все остальные структурные элементы религии, далеко не всегда детерминирует действия верующего человека напрямую. Те структурные компоненты, которые сформировались в разных религиозных традициях под воздействием вероучения, оказываются в большей степени подверженными адаптивным трансформациям по отношению к современной социально-дифференцированной множественности. Поэтому зачастую эти компоненты в большей степени определяют действия человека. Вероучительная сторона религии может не касаться жизни человека так же непосредственно, как касается её, например, социальная активность религиозной общины. В ситуации постоянной нехватки времени, верующий может жертвовать образовательным процессом, связанным с постижением религиозного вероучения, в пользу религиозной практики и непосредственного участия в жизни церкви или общины.

Моменты первой встречи человека с религией и первичной самоидентификации себя как верующего всегда встроены в определённый исторический контекст. Самоидентификация происходит на фоне событий, происходящих как во внешнем мире, так и в личной биографии верующего. Ещё до обращения человек может обладать такими склонностями и чертами, которые впоследствии окажут влияние на формирование определённого типа его религиозности. Отсутствие интереса к религиозному вероучению может быть обусловлено целым рядом биографических причин: отношениями в семье, профессиональными интересами, социальными сложностями и т. д.

Минимальное знакомство с основами веры часто оказывается достаточным для того, чтобы интегрироваться в общину верующих. В каждом конкретном случае мы можем лишь предполагать, даст ли это знакомство стимул для дальнейшего погружения в вопросы вероучительного характера, станет ли платформой для социализации верующего, повлияет ли на формирование и развитие структурных элементов религиозного опыта.

Список источников

1. Gabriel K. Kirche und Glauben im gesellschaftlichen Wandel. Münster: Universität Münster, FB Erziehungswissenschaft und Sozialwissenschaften, Institut für Politikwissenschaft Civil-Society-Network. – 25 p.

Сведения об авторе

Миронова Наталья Владимировна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-9667-0474, e-mail: stprostaya@gmail.com

УДК 314.1
ГРНТИ 04. 51.23

Религиозное многообразие и социальное единство

Е. М. МИРОШНИКОВА

Автор обращает внимание на значимость совокупности количественных и качественных показателей религиозного фактора при анализе проблем социального единства. Амбивалентные последствия демографических и миграционных процессов непосредственным образом влияют на трансформацию религии в современном мире, усиливая религиозное и мировоззренческое многообразие. Автор подчеркивает отличие религиозного многообразия от религиозного плюрализма и рассматривает процесс перехода в контексте учения Э. Дюркгейма о механической и органической солидарности.

Ключевые слова: георелигия, религиозное многообразие, религиозный плюрализм, механическая солидарность, органическая солидарность.

Современная эпоха выявила две основные линии трансформации религии как социокультурного феномена: как принадлежность к семейной, национальной, культурной традиции и как индивидуальный выбор на основе свободы совести. Находясь в одном географическом ареале, они часто вступают в конфликты. Вот почему для анализа роли религиозного многообразия и социального единства важно представлять не только целостную геополитическую картину (геополитика как целое), но и религиозную картину мира как его часть. Я предлагаю назвать это георелигией (совокупность количественных и качественных показателей религиозного фактора в разных частях нашей планеты).

Современная религиозная картина мира отличается не только количественными параметрами, но и качественными характеристиками, среди причин которых особое значение приобретают демографические и миграционные процессы. К сожалению, социологические исследования по проблемам демографии и миграции обходят вниманием георелигию и не учитывают проблемы и возможности, которые обусловлены религиозными и мировоззренческими убеждениями.

Согласно исследованиям религиозного многообразия в 201 стране Pew Research Center[1], опубликованным в 2025 г., мир разделен на семь основных категорий: христианство, ислам, индуизм, буддизм, иудаизм, другие религии и религиозно индифферентные. Первое место в десятке стран в контексте религиозного многообразия занимает Сингапур: 31 % буддисты, религиозно неаффилированные 20 %, христиане 19 %, мусульмане 16 %, индусы 5 % и другие религии 9 %. Затем идут Суринам, Тайвань, Южная Корея, Австралия и субсахарские африканские страны: Маврикий, Гвинея-Бисау, Того и Бенин; замыкает десятку Франция: христиане 46 %, религиозно индифферентные 43 %, мусульмане 9 %.

[1] Religious Diversity Around the World Singapore is the most religiously diverse country overall, while the U.S. ranks first among nations with very large populations [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/20/2026/02/PR_2026.02.12_religious-diversity-around-the-world_report.pdf (дата обращения: 01.04.2026).

Россия стоит в одном ряду с США, Нигерией, Индией, Бразилией. В этих странах религиозное многообразие развивается на фоне большой численности населения. Россия – одна из самых многонациональных стран мира, насчитывает 190 этнических групп; хотя есть государства с еще большим этническим разнообразием (например, в Индии проживает более 2 тыс. этнических групп)[1]. Согласно последней переписи населения 2021 года крупнейшими народами России являются: русские (71,7 %), татары (3,2 %), чеченцы (1,14 %), башкиры (1,07 %), чуваши (0,72 %), аварцы (0,69 %). Данные показатели тесно связаны с показателями рождаемости и смертности. Регионы, где рождаемость превышает смертность, – это регионы с преимущественно мусульманским населением: Дагестан, Чечня, Ингушетия; или регионы, где роль мусульманской популяции весьма значительна: Тюмень, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Якутия. В то же время убыль населения характерна для регионов с преимущественно православным населением: Нижегородская, Ростовская, Воронежская, Тульская, Саратовская, Тверская, Ленинградская, Владимирская области[2]. К большому сожалению, не удалось найти в открытых источниках статистических данных о сегодняшней религиозной картине в нашей стране. Так, например, в статье коллег из МГУ за 2025 г. приводятся данные Института социологии РАН 2014–2017 гг.[3] Согласно этим данным к православным себя причисляет 66–69 % населения, к мусульманам – 5–6 %; 2 % относятся к представителям других религий, 6–9 % – к внеконфессиональным верующим, 10–13 % считают себя атеистами, 5–8 % затрудняются с ответом. Несколько иные, но в целом близкие данные дает опрос, проведенный в 2022 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ): православные – 63 %, другие христианские конфессии – 2 %, мусульмане – 8 %, иные религии – 2 %, атеисты – 23 %, не определились – 2 %.

Как бы то ни было, но основная тенденция очевидна: в нашей стране помимо ведущей религиозной организации РПЦ МП существует много других религий, особенно увеличивается роль самой быстрорастущей религии в мире ислама, и, что также важно подчеркнуть, значительная доля населения не относит себя ни к какой религии.

Возможно ли при таком мировоззренческом многообразии сохранить социальное единство? Ведь разнообразие как феномен способно создавать изоляцию религии(й) как своего рода закрытые субкультуры. Ответ на этот вопрос далеко

---

[1] Какие народы живут в России: список и названия. Сколько в России народов и какова их численность [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/68d8678a9a794764f813352a (дата обращения: 01.04.2026).

[2] Демография в России: пошли на убыль. Почему падает численность населения? // Аргументы и Факты. № 40. 03/10/2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/society/people/demografiya_v_rossii_poshli_na_ubyl (дата обращения: 01.04.2026).

[3] Буданов М. А., Полунов А. Ю. Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности// Государственное управление. Электронный вестник Выпуск No 108. Февраль 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-religioznaya-situatsiya-v-rossii-vyzovy-i-vozmozhnosti(дата обращения: 01.04.2026).

не однозначен. И прежде всего следует отметить отличие религиозного многообразия от религиозного плюрализма, хотя довольно часто эти два понятия считаются синонимами[1].

Можно выделить несколько принципиальных отличий религиозного плюрализма от религиозного многообразия. Во-первых, плюрализм – это не просто констатация, признание разнообразия, а активное взаимодействие с этим разнообразием, то есть рефлексия на многообразие. Во-вторых, плюрализм – это не только терпимость к другому. Плюрализм предполагает необходимость знания об этом другом. В-третьих, важнейшим отличием является понимание единого не как единообразия, искусственно создаваемого для сглаживания различий, а как достижения единства на базе гражданской общности.

Очевидно, что переход от религиозного многообразия к религиозному и мировоззренческому плюрализму возможен при уважительном отношении к другим участникам сосуществования в одном ареале при наличии соответствующего социально-экономического базиса.

Классическое объяснение способов построения социального единства принадлежит основоположнику социологии религии Э. Дюркгейму. Его знаменитое учение о механической и органической солидарности характеризует сложную взаимосвязь людей в условиях многообразия, причем особую роль он отводил религиозному фактору. Характеризуя механическую солидарность, Дюркгейм отмечал, что «Сходство сознаний порождает юридические правила, которые под угрозой карательных мер налагают на всех однообразные правила и обычаи; чем оно резче выражено, тем полнее социальная жизнь сливается с религиозной, тем ближе экономические институты к коммунизму» [Дюркгейм, с. 214]. Для органической солидарности характерна достаточно развитая регламентация, определяющая взаимные отношения функций. «Для существования органической солидарности недостаточно, чтобы была система органов, необходимых друг другу и ощущающих в целом свою солидарность. Нужно еще, чтобы способ, которым они должны сотрудничать, был определен заранее если не для всех возможных случаев, то, по крайней мере, для наиболее распространенных» [Дюркгейм, с. 339]. Исследуя основания социального единства, Дюркгейм подчеркивал значимость его этиологической классификации. «В случае механической солидарности эти основания состоят в сходствах, в растворенности индивидуальных сознаний в коллективном; в случае органической – в индивидуальных, структурных и функциональных различиях, в дифференциации и взаимообмене» [Гофман, с. 119].

Понимание людей с разными мировоззрениями и убеждениями как единого целого способны укрепить промежуточные институты: семья, партия, религия и т.д. Одним из таких промежуточных институтов является школа как важнейший

[1] Giordan G, Pace V. Religious Pluralism: Framing Religious Diversity in the Contemporary World. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/292356244_Religious_Pluralism_Framing_Religious_Diversity_in_the_Contemporary_World October 2014 (дата обращения: 01.04.2026).

социальный институт солидарности. Религиозная символика в контексте передачи знаний о религии в государственной школе как никогда стала актуальной в самых разных частях света, в том числе и в нашей стране. Настоятельная необходимость всестороннего обсуждения проблемы с приглашением ученых, политиков, представителей религиозных организаций требует осмысления и рефлексии государства и общества на внешнее выражение религиозных взглядов и убеждений. Дихотомичный процесс практической реализации передачи знаний о религии в РФ приобретает все новые характеристики и актуальность. С 1 сентября 2026 г. в школьную программу будет включен отдельный предмет «Духовно-нравственная культура России», который станет обязательным для учеников 5–7-х классов.

Осмысление современных подходов к публичному присутствию религиозных традиций и новаций с учетом возрастающей роли идентификационных маркеров конфессиональной принадлежности, анализ последствий религиозного и культурного плюрализма, включающего в себя исследование процесса культурализации религии, указывает на необходимость реструктуризации значений религиозного фактора. Прежде всего это относится к новым вызовам по отношению к государству, его политике по регулированию религиозного плюрализма с целью укрепления социального единства. По сути своей религиозное многообразие является выражением механической солидарности, в то время как религиозный плюрализм – органической солидарности. Как совершенно верно подчеркивал Смирнов М. Ю., мировоззрение «вырабатывается у индивида личностно, как сплав социальных, ментальных и нравственных интенций восприятия мира, которые возникают в жизненных ситуациях на протяжении всего бытия конкретного человека. И ценности из декларируемых становятся реальными, когда они осознаются как необходимые для существенных жизненных потребностей людей.» [Смирнов, с. 166]

Список источников

1. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник. 2012. Сб. научных трудов / ред. Н. Е. Покровский, Д. В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97–167.

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 3–390.

3. Смирнов М. Ю. Своевременное религиоведение. Вопросы теории и методологии российских исследований религии: монография. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2024. – 188 с.

Сведения об авторах

Мирошникова Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3612-3016, e-mail: miroshnikovaem@gmail.com

УДК 2 : 004.9
ГРНТИ 21.01.11

Конфессиональное единство в условиях цифровизации религии

Э. А. НИМЯЕВ

Цифровизация религии двояко влияет на конфессиональное единство в России: в межрелигиозные отношения она ничего нового не привносит, тогда как внутри конфессий позволяет верующим ощущать принадлежность без оглядки на территориальные ограничения.

Ключевые слова: религия, цифровизация религии, межконфессиональные отношения, конфессиональное единство, религиозная коммуникация.

Цифровизация религиозной жизни россиян началась несколько десятилетий назад и продолжается до сих пор. Учитывая темпы технологического прогресса, можно предположить, что в обозримом будущем этот процесс вряд ли прекратится. Соответственно, вряд ли прекратятся и попытки дать оценку тому воздействию, которое цифровые технологии, прежде всего Интернет, оказывают на деятельность религиозных организаций, религиозные практики, поведение верующих и так далее.

Среди прочего, внедрение Интернета в религиозную сферу рассматривают в разрезе его влияния на внутри- и межконфессиональные коммуникации и отношения. Переходя к рассмотрению данного вопроса, отметим, что отношения цифровых технологий с аутентичностью религиозного опыта и религиозных практик мы оставляем за рамками обсуждения.

Еще в нулевых Сеть называли «единственной на сегодняшний день площадкой межрелигиозного диалога не на официальном уровне, а на уровне рядовых членов религиозных организаций и активистов» [Лученко[1]]. Е. Гаврилов, рассуждая о цифровизации религии через призму идей глобальной деревни М. Маклюэна и сетевого общества М. Кастельса, характеризует Интернет как «область осуществления религиозных интеракций, в определенной степени замещающих непосредственное общение». Глобальная сеть, пишет он, дает верующим возможность взаимодействовать с единоверцами и представителями других религий и мировоззрений без территориальных ограничений и предоставляет им доступ к инструментам религиозной самоидентификации, но в то же время нарушает традиционную иерархичность конфессиональной коммуникации, позволяя пользователям не зависеть в своих суждениях напрямую от официальной позиции религиозных организаций, и приводит к некоторому растворению религиозной идентичности в условиях высокоскоростных информационных потоков и религиозного плюрализма, рискам замещения ее реальной ипостаси на виртуальную [Гаврилов].

Всемирная паутина в целом и Рунет в частности в этом смысле представляются неким пространством, способным объединить в себе религиозную публику, что, помимо прочего, должно поспособствовать налаживанию горизонтальной

[1] Лученко Ксения Валерьевна признана иноагентом решением Минюста РФ.

коммуникации между последователями разных религий России. И действительно, нечто подобное в сети и происходит. Верующие всех толков «сидят» на одних и тех же платформах, общаются в одних и тех же социальных сетях и мессенджерах, пользуются одними и теми же приложениями и так далее. Технически, они могут вступать в дискуссии на форумах и в секциях комментариев, обсуждать различия и точки соприкосновения в своих учениях, выстраивать приятельские отношения или оппонировать друг другу по острым вопросам.

Такая виртуальная консолидация, однако, в сегодняшнем Интернете подчас оказывается весьма условной. Современный онлайн-опыт в значительной степени формируется рекомендательными алгоритмами, которыми пользуются практически все популярные отечественные и зарубежные платформы для удержания внимания пользователей. Эти технологии анализируют поведение каждого отдельного юзера – что он лайкает, что репостит, на каких страницах задерживает внимание и так далее, – и показывают ему контент, который соответствует его интересам (об этом, например, открыто говорит ВКонтакте[1]). На практике это означает, что православный пользователь будет видеть преимущественно записи на православную тематику, а пользователь-мусульманин – на исламскую. Кроме того, и сами юзеры в своей повседневной жизни склонны в основном посещать уже знакомые ресурсы и общаться со знакомыми людьми. В результате, человек может оказаться в так называемой «социальной эпистемической структуре», находясь в которой он будет взаимодействовать только с близкими к его убеждениям источниками и пропускать мимо всю остальную информацию, либо вовсе в «эхо-камере», в которой противоречащие его позиции данные будут восприниматься им с враждебностью [Nguyen].

Ш. Жандоссова с коллективом авторов полагают, что в контексте цифровизации религии технологии ранжирования контента могут приводить к религиозной изоляции и даже радикализации верующих пользователей, погружению их в «эхо-камеры» [Zhandossova]. Впрочем, необходимо отметить, что сами по себе рекомендательные алгоритмы к радикальной позиции, например, религиозному фундаментализму, человека привести не могут, если тот изначально не разделял, хотя бы отчасти, такие убеждения, не интересовался соответствующими темами и не искал контакта с носителями такого мировоззрения [Нимяев]. Кроме того, как справедливо подчеркивает К. Миссиер, большинство пользователей Сети, привычные к переизбытку информации, достаточно хорошо умеют ее фильтровать [Missier].

Сама архитектура современной онлайн-среды, таким образом, создает условия для фрагментации верующих пользователей – каждый из них по умолчанию видит версию Интернета, соотносящуюся с той религиозной традицией, с которой он сам себя идентифицирует. Мы не утверждаем, что, например, буддист в Рунете никогда не сталкивается с баптистами или не видит записи о различиях

[1] Правила применения рекомендательных технологий социальной сети ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/legal/recommendations (дата обращения: 17.03.2024).

протестантских деноминаций, однако вероятность случайного, немотивированного контакта с такими пользователями и такой информацией в нынешних цифровых условиях для него достаточно мала.

Это делает Сеть не столько площадкой для развития межконфессиональной коммуникации, сколько местом, в котором верующие друг с другом попросту сосуществуют – точно так же, как делают это в оффлайне. С той лишь разницей, что связаться с последователями другой религии или получить доступ к информации об их учении и традициях в Интернете можно проще и быстрее. Конечно, при желании можно найти корреляцию между цифровизацией религии в России и улучшением межконфессиональных и межнациональных отношений, равно как и с ростом негатива в этой сфере – и то и другое фиксирует, например, мониторинг ФАДН за 2025 г.[1], – но проводить прямую причинно-следственную связь тут, очевидно, будет некорректным, поскольку эти процессы обусловлены огромным количеством факторов, включая государственную политику, миграцию, то, как преподносят информацию светские СМИ и так далее.

Но если на межконфессиональном уровне цифровизация религиозной коммуникации как таковая укреплению связей не способствует, то внутри религиозных групп наблюдается иная картина. Как уже отмечалось ранее, современный верующий пользователь, выходя в Интернет, оказывается в информационном поле, которое соответствует его вероисповеданию и которое сформировано как рекомендательными алгоритмами на основе его предпочтений, так и его осознанной активностью: членством в группах, общением в чатах, посещением определенных сайтов и так далее. Иными словами, человек получает доступ в индивидуализированное гомогенное цифровое религиозное пространство, существующее в виртуальных границах его конфессии. Это пространство не зависит от территориального местоположения юзера и позволяет ему оставаться в контакте со своим религиозным сообществом вне стен мечети или церкви и непосредственных оффлайн-интеракций.

Так, внутриконфессиональное общение верующих в Сети – между рядовыми последователями, между духовными лицами и между первыми и вторыми – осуществляется посредством различных онлайн-ресурсов, в том числе мессенджеров, форумов и социальных сетей. Продолжает, например, действовать сайт «Азбука веры»[2], где православные пользователи могут общаться друг с другом и со служителями РПЦ, а также смотреть видеотрансляции богослужений.

С. Белоруссова цитирует священника из Магнитогорской епархии, который говорит, что «взаимодействие внутри православной структуры происходит преимущественно онлайн» – в чате священников, группе собора и других виртуальных собраниях. С прихожанами епархия на момент публикации

[1] Около 84 % россиян положительно оценивают состояние межнациональных отношений. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/02/12/1175710-sostoyanie-mezhnatsionalnih-otnoshenii (дата обращения: 21.03.2026).

[2] Азбука Веры. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).

взаимодействовала через страницу в «ВКонтакте» и блог в Instagram [принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ], где на комментарии пользователей иногда отвечал местный епископ. При этом исследователь отмечает, что помимо церковно-административных единиц блогингом занимаются и индивидуальные онлайн-проповедники – свою деятельность они понимают как миссионерскую, продолжение пастырского служения [Белоруссова].

Собственно, использование цифровых технологий сегодня можно не без оснований назвать обязательным условием для успеха любой проповеднической деятельности, которая ставит целью охватить широкую аудиторию. Как показывают результаты опроса Г. Гузельбаевой, популярность или хотя бы какую-никакую известность среди молодежи Москвы, Казани и Саратова получают только духовные лица, которые в той или иной форме ведут блог в Интернете – остальных молодые россияне, как правило, не знают, за исключением общеизвестных личностей вроде Папы Римского, Патриарха Кирилла или Далай-Ламы [Гузельбаева]. Отметим, что продвижению онлайн-проповедников в соцсетях способствуют в том числе и рекомендательные алгоритмы – они подхватывают религиозный контент и доносят его до пользователей платформы, заинтересованных в данной тематике. Цифровые технологии, таким образом, как бы стихийно образуют канал связи между духовенством и последователями конфессионального учения.

Помимо онлайн-площадок, где пользователи в блогах, чатах и группах так или иначе взаимодействуют друг с другом и распространяют контент, конфессиональное виртуальное пространство включает в себя и ресурсы, которые выполняют другие функции. Так, в нем присутствуют сайты религиозных организаций, на которых те публикуют записи о своей деятельности и транслируют свою официальную позицию – например, Официальный сайт Московского патриархата РПЦ[1]. Информированием верующих россиян также занимаются религиозные Интернет-СМИ. Качество их работы не всегда соответствует идеалам журналистики – исследователи отмечают, что редакции зачастую состоят из энтузиастов без профессиональных навыков, а также не имеют четкого понимания своей миссии и целевой аудитории, не получают финансирования от религиозных организаций и избегают сложных тем – однако ориентированы они прежде всего внутрь своей конфессии. Особенно ярко такая направленность ad intra проявляется у онлайн-изданий относительно малочисленных религиозных групп, например, российских католиков и протестантов, которые работают в основном на локальные приходы [Khroul]. Есть, наконец, и разнообразные сервисы, разработанные специально для последователей того или иного религиозного учения. Например, в мусульманской онлайн-среде это мобильные путеводители по мечетям страны, приложения для знакомств, утилиты, напоминающие время совершения намаза и ориентирующие пользователя в сторону Киблы и так далее [Чеснова].

[1] Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. [Электронный ресурс]. URL: https://www.patriarchia.ru/ (дата обращения: 22.03.2026).

В Сети, таким образом, формируется виртуальная инфраструктура, перемещаясь по которой верующий юзер получает возможность воспроизводить свою религиозную идентичность и подтверждать принадлежность к своей конфессии, общаясь с единоверцами и духовенством, потребляя соотносящийся с исповедуемой верой контент и пользуясь специальными цифровыми инструментами. За рамками этой инфраструктуры, как правило, остается лишь сфера сакрального – администрация ранее упомянутой «Азбуки веры», например, под видеотрансляциями богослужений пишет, что «полнота богообщения, дарованная нам Творцом в Таинстве Святого Причащения на главном православном богослужении – Божественной Литургии, невозможна на расстоянии, но молитвенное участие в богослужении доступно всем»[1].

Тем не менее, ощутить причастность к конфессии без оглядки на территориальные ограничения цифровые технологии все же позволяют. В исследованиях цифрового ислама этот феномен обозначают термином «виртуальная умма», который определяют как «непостоянное сообщество индивидов в Интернет-пространстве, идентифицирующих себя мусульманами» [Хабибуллина].

Подводя итог, отметим, что цифровизация религии оказывает двоякое влияние на конфессиональное единство в России. На межконфессиональном уровне заметных подвижек не происходит – тут чаще преобладает фрагментированное сосуществование верующих пользователей с эпизодическими пересечениями, что с незначительными оговорками аналогично тому, как последователи разных религий соседствуют в офлайн-мире. Если под единством разных конфессий понимать именно взаимную толерантность и отсутствие распрей, то цифровые технологии, в сущности, ничего нового в их отношения не привносят. На внутреннем же уровне цифровизация религии приводит к расширению конфессионального участия в виртуальное измерение, что может способствовать укреплению идентичности верующих и ощущения единства – или единения, – с сообществом через интеграцию религиозных сервисов и онлайн-ресурсов в повседневную жизнь и выстраивание отношений с единоверцами и духовенством в опосредованном формате.

Список источников

1. Белоруссова С. Ю. Религия в виртуальном пространстве // Этнография. – 2021. – Т. 4. – № 14. – С. 94–118.

2. Гаврилов Е. О. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3 (46) – С. 344–346.

3. Гузельбаева Г. Я. Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи // Историческая этнология. – 2024. – Т. 9. – № 4. – С. 620–637.

4. Лученко К. В. (признана иноагентом решением Минюста РФ) Интернет и религиозные коммуникации в России // Медиаскоп. – 2008. – № 1.

[1] Прямая трансляция богослужений. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/bogosluzhenie-online (дата обращения: 22.03.2026).

5. Нимяев Э. А. Роль цифровых рекомендательных алгоритмов в распространении религиозных фундаменталистских нарративов // Вестник РХГА. – 2025. – Т. 26. – № 3. – С. 117–130.

6. Хабибуллина З. Р. Виртуальный ислам: основные этапы становления, формы проявления и трансформация традиционных укладов мусульман // Историческая этнология. – 2024. – Т. 9. – № 4. – С. 604–619.

7. Чеснова Е. Н. Цифровизация религии: ислам // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2021. – № 4 (40). – С. 70–82.

8. Khroul V. Digitalization of Religion in Russia: Adjusting Preaching to New Formats, Channels and Platforms // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – Pp. 187–204.

9. Missier C. Framing of Fundamentalism in the Digital Media Space // Intercultural Communications Studies. – 2021. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 20–41.

10. Nguyen C. Echo Chambers and Epistemic Bubbles // Episteme. – 2018. – Vol. 17. – No. 2. – Pp. 1–21.

11. Zhandossova S. Exploting Internet Space on the Formation of Religious Identity // Journal of Social Studies Education Research. – 2025. – Vol. 16. – No. 2. – Pp. 316–324.

Сведения об авторе

Нимяев Эдуард Арсланович – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6978-630X, e-mail: smith109@mail.ru

УДК 340.11
ГРНТИ 10.07.01

Роль права в становлении единства народов

М. Н. ПРИГОН

Актуальность статьи состоит в сформулированных выводах о роли права в становлении единства народов Российской Федерации, предложениях по совершенствованию законодательства. Обосновано наличие проблемных вопросов в осуществлении мер социальной поддержки коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: право, мораль, культура, единство народов.

Право, равно как мораль и религия, является институтом культуры и определяется сложившейся в обществе системой социальных отношений. В рамках настоящей статьи под культурой в широком смысле понимаются результаты сознательной и бессознательной деятельности людей во всех сферах общественной жизни. Право формируется в обществе под влиянием своеобразия цивилизации, во многом зависит от традиций, религиозно-этических учений и других компонентов культуры.

Поскольку культура есть результат человеческой деятельности, право, мораль и религия, будучи подвержены воздействию общественных отношений, в то же время, и сами содержат социальные нормы, влияющие на поведение людей. При рождении ребенок не может изменить сложившуюся систему общественных отношений и принимает ее как должное и постоянное. В период сознательной жизни решение о конкретном действии человек принимает самостоятельно, руководствуясь социальными нормами в собственном восприятии, но не всегда следует им, например, совершает проступок или преступление, несмотря на прямой запрет, содержащийся в норме права.

Целью проведения в Российской Федерации года единства народов России заявлено укрепление национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации. В настоящей статье вместо термина «укрепление» используется понятие «становление», акцентирующее внимание на динамике явления, протекающем процессе, преодолении препятствий на этом пути. Приведенные ниже научные публикации подтверждают наличие проблем, в том числе, в сфере сохранения языков коренных малочисленных народов, социальной поддержке указанных социальных групп, содержат предложения по совершенствованию государственной деятельности. Не вызывает сомнений, что без внимательного и бережного отношения к языкам коренных малочисленных народов, становление единства народов России не достигнет поставленной цели.

Институты культуры по-разному воплощаются в осязаемой форме. Право проявляется на материальных носителях в виде законов, принимаемых законодательным органом по установленной процедуре и публикуемых для всеобщего сведения, религия – в основополагающих священных религиозных текстах, ко-

торые, в отличие от законов, менее подвержены изменениям, в то время как мораль остается, главным образом, в личном и общественном сознании, передается ребенку в семье, в воспитательных и образовательных учреждениях. Особенное значение морали определяет И. Кант: «две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением … – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [Кант, т. 4, с. 562].

Существенным отличием права является его позитивное выражение в нормативно-правовых актах. В отличие от морали и религии, право в современном обществе обеспечивается силой государственного принуждения, которое позволяет обязать члена общества соблюдать норму права, либо привлечь его к ответственности за совершенное противоправное действие. Социальные нормы права, морали и религии действуют в личном и общественном сознании.

Наблюдая за общественными отношениями, действиями других людей, органов государственной власти, человек сопоставляет свое понимание правил поведения с фактическими действиями других лиц, руководствуясь собственным пониманием справедливости, свободы и других общепризнанных естественных (неотъемлемых, прирожденных) прав, сформировавшихся в ходе развития цивилизации. И. Фихте, рассуждая о назначении человека, отмечает, что «мне преподносятся в пространстве представления, на которые я переношу понятие меня самого: я представляю их человекоподобными существами» [Фихте, с. 162], полагает, что даже для человека, который не думал о своем нравственном назначении, либо вообще о своем назначении, «чувственный мир и вера в его реальность возникают из понятия о моральном мире» [Фихте, с. 165], заключает, что то, чего от себя такой человек, может быть, никогда не потребует, он потребует от других, чтобы они относились к нему обдуманно, рассудительно и целесообразно, как свободные и самостоятельные существа [Там же, с. 165].

Становление единства народов осуществляется при бережном отношении к отдельным народам, в том числе, коренным малочисленным народам, осуществлении государством мер социальной поддержки. Язык малого народа является одной из важнейших ценностей социальной общности людей, возможность общения на своем языке позволяет члену социальной общности идентифицировать себя в составе малого народа, сохранить языковые и культурные традиции.

Право позволяет позитивно определить общую цель и задачи в сфере становления единства народов. Правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов установлены Федеральным законом РФ от 30.04.1999 № 82-ФЗ[1]. В указанном федеральном законе сформулированы основные понятия, полномочия федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления в сфере социальной поддержки коренных малочисленных народов (ст. 5–7), права малочисленных народов (ст. 8).

[1] Российская газета. № 90. 12.05.1999.

Государственная защита языков народов Российской Федерации установлена Законом РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»[1]. Вводная часть указанного закона определяет языки народов РФ как национальное достояние Российского государства. Закон устанавливает гарантии использования, развития языка каждому народу, право каждого на использование родного языка, гарантии защиты языков народов Российской Федерации, гарантии прав граждан, правовой статус языков, компетенцию Российской Федерации в сфере охраны, изучения и использования языков и другие вопросы использования и развития языков.

Системный подход предполагает рассмотрение единства народов как сложной социальной системы, в которой составляющие элементы обладают свободой и соединены друг с другом взаимными связями. Право предоставляет обществу возможности для нормативной организации такой системы.

И. Кант определяет право как «совокупность условий, при которых произволение одного лица совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Кант, т. 6, с. 253]. Выделяя в структуре права так называемое строгое право, которое опирается на принцип возможности внешнего принуждения на основании закона, И.Кант приходит к заключению, что право позволяет непосредственно сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого.

Г. Гегель определяет гражданское общество как «дифференциацию, которая выступает между семьей и государством» [Гегель, с. 228]. Государство проявляет себя как система всесторонней зависимости, в которой «средства к существованию и благо единичного и его правовое наличное бытие переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены» [Там же, с. 228].

Гражданское общество содержит, по мнению Г. Гегеля, в себе три момента: систему потребностей – «опосредование потребности и удовлетворение единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных», систему правосудия – «действительность содержащегося в этом всеобщего свободы, защиты собственности посредством правосудия», и систему полиции и корпораций – «забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций» [Там же, с. 233].

Право взаимодействует с моралью особым образом. С точки зрения общей системы ценностей, сложившихся в современном обществе, право должно отвечать требованиям морали, при этом не всем, а только наиболее существенным: «общепринятым, общечеловеческим, элементарным этическим требованиям, соответствующим основным началам христианской культуры, или культуры однопорядковой с христианской, в том числе, культуры буддизма, ислама» [Алексеев, с. 63].

[1] Ведомости СНД и ВС РСФСР. 12.12.1991. № 50. Ст. 1740.

С. С. Алексеев заключает, что мораль и право являются самостоятельными, значительно отличающимися друг от друга нормативными системами, глубоко взаимодействующими, равным образом являющимися нормативно-ценностными регуляторами [Алексеев, с. 63]. Наиболее существенные различия между моралью и правом проявляются в том, что мораль воздействует на человека изнутри, влияет на сознание, духовный мир, в то время как право является в большинстве ситуаций внешним регулятором, позитивно закрепленным в законах и иных нормативно-правовых актах [Алексеев, с. 65].

Мораль не требует позитивного закрепления, поскольку она находится в сфере сознания, в то время как существенным качеством права в современном обществе является выражение в форме позитивного права – законодательства. Требование морали сфокусировано, в основном, на обязанности человека, его долге и ответственности за свои поступки, тогда как право призвано определять субъективные права отдельных лиц, определять их юридические возможности и свободу поведения, обусловленную правом.

Один из «отцов-основателей» американской демократии Томас Джефферсон отмечает, что «моральное чувство, сострадание, великодушие – врожденные свойства человеческой природы; что в мире существует право независимо от силы; …что справедливость – это фундаментальный закон общества; … что большинство, подавляющее индивидуальность отдельного человека, виновно в преступлении: оно злоупотребляет своей силой и, действуя по закону сильнейшего, порывает с фундаментальными законами общества» [Томас Джефферсон, с. 36].

Сравнивая право и мораль, Г. Радбрух делает вывод, что «нет области внутреннего и внешнего поведения, которая не могла бы подлежать как моральной, так и правовой оценке; различие предметов регулирования морали и права проявляется прежде всего в различии направленности их интересов: внешнее поведение интересует мораль постольку, поскольку оно подтверждает внутреннее поведение; внутреннее поведение попадает в сферу действия права лишь в той мере, поскольку оно позволяет предположить поведение» [Радбрух, с. 51].

Проблемы гарантий реализации прав представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации исследуются рядом авторов. А. В. Нечкин отмечает неравномерность мер социальной и экономической поддержки представителей коренных малочисленных народов, что влечет зависимость гарантий от проживания в том или ином субъекте федерации [Нечкин, с. 97].

Анализируя результаты социологического опроса коренных жителей поселка в Магаданской области, внесенного в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, Доржеева В. В., Слепцова О. Ю., Степанова Ю. Г. отмечают, что сформированная региональная нормативная база не оказала решающего воздействия на процесс сохранения языков коренных народов в рамках

проведенного исследования, предполагают, что «можно говорить о фазе консервации языков, фиксации и сохранении существующих языков, но не об их развитии» [Доржеева, Слепцова, Степанова, с. 23].

Мочалов А. Н., Кузнецова С. С., рассматривая проблемные вопросы правового регулирования статуса языков коренных малочисленных народов в региональном законодательстве, предлагают закрепить в законе обязанность субъектов федерации принимать меры по сохранению и развитию языков народов России, места компактного проживания которых расположены в границах соответствующего субъекта, поскольку действующая редакция закона о языках народов России предоставляет субъекту решать, есть ли необходимость в мерах защиты [Мочалов, Кузнецова, с. 67].

Взаимодействие религии с правом требует рассмотрения широкого круга вопросов, выходящих за рамки настоящей статьи. Отметим только, что религия, как и мораль, содержит исходные ценности данной социальной общности, большая часть которых нашла свое отражение в праве. В отличие от морали, религия, хотя и находится в сознании личности и общества, проявляется в материальном мире, в том числе в форме обособленной группы исповедующих религию, наличия организационной системы управления, совершения публичных служб и обрядов. Социальные религиозные нормы воздействуют на поведение людей, но в современном обществе религия не обладает силой принуждения, сравнимой с правовым.

Подводя итоги, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

- право, являясь институтом культуры, играет собственную, особенную роль в становлении единства в обществе, взаимодействует с другими социальными институтами, в том числе, моралью и религией, не подменяет их, взаимодействие между ними носит системный характер;

- право обеспечивает возможность позитивно в законодательстве сформулировать цель и задачи государственных действий, направленных на становление единства, определить права и обязанности исполнителей мероприятий, источники финансирования, необходимые для достижения поставленной цели органами государственной власти;

- право позволяет применять государственное принуждение в случае неисполнения предусмотренных нормативными актами требований, в то время как религия и мораль не обладают такими ресурсами;

- прогресс на пути становления единства трудно измерить, поскольку становление единства проявляется в ощущениях членов общества, в сознании как отдельных людей, так и общественном сознании, тем не менее, право позволяет позитивно в законодательстве установить измеряемые критерии для оценки действий уполномоченных органов власти и прогресса на пути решения поставленных задач;

- рассмотренные работы ряда авторов по вопросу исполнения мер социальной поддержки коренных малочисленных народов показывают, что принятие закона само по себе не является достаточным, результаты его исполнения

отличаются в разных регионах Российской Федерации, научное сообщество заинтересовано в преодолении препятствий, выявляются проблемы, формулируются конкретные предложения по совершенствованию сохранения языков коренных малочисленных народов;

- Федеральный закон РФ от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» не содержит конкретно сформулированных обязанностей органов государственной власти федерального, регионального и местного уровней по социальной поддержке коренных малочисленных народов, что снижает эффективность применения юридических гарантий, поскольку именно конкретно сформулированные в нормативном акте требования к субъектам обеспечивают эффективность механизма правового регулирования, применения юридических средств защиты прав, принуждения к исполнению требований закона.

Список источников

1. Алексеев С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. Философия права и теория права. – М., 2010. – 519 с.

2. Гегель Г. Философия права. – М., 2021. – 292 с.

3. Доржеева В. В., Слепцова О. Ю., Степанова Ю. Г. Сохранение и развитие родного языка коренных малочисленных народов // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 2. – С. 16–25.

4. Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. – М., 1994. – 613 с.

5. Мочалов А. Н., Кузнецова С. С. Нормативно-правовое обеспечение прав и интересов коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока в языковой сфере (федеративный аспект) // Современные проблемы конституционного, трудового и предпринимательского права: сборник научных статей. – Екатеринбург, 2026. – С. 56–70.

6. Нечкин А. В. Дополнительные гарантии реализации прав для представителей малочисленных народов в России // Современные проблемы конституционного, трудового и предпринимательского права: сборник научных статей. – Екатеринбург, 2026. – С. 92–99.

7. Радбрух Г. Философия права. – М., 2004. – 240 с.

8. Томас Джефферсон о демократии / сост.: Сол К. Падовер. – СПб., 1992. – 335 с.

9. Фихте И. Сочинения в двух томах. Т. 2. – СПб., 1993. – 798 с.

Сведения об авторе

Пригон Максим Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2282-4863, e-mail: mprigon@yandex.ru

УДК 327
ГРНТИ 21.41.41

Адаптация цыганского населения в Ленинградской области: медиакейс*

Т. С. ПРОНИНА, В. А. СЛИВКИНА

В статье анализируются материалы региональных СМИ в контексте формирования образа цыганского населения, негативных стереотипов и положительных характеристик. Выводы также опираются на исследования Центра религиоведческих и этнополитических исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина сообщества цыган-кэлдэраров, компактно проживающих в Ленинградской области.

Ключевые слова: цыганское население России, цыгане-кэлдэрары, образ представителей цыганского населения в СМИ, Ленинградская область.

По данным Всероссийской переписи населения за 2021 г. на территории Российской Федерации проживало 204 958 цыган, что составляло 0,14 % от общего числа жителей страны. При этом «в России живут около двадцати цыганских народностей» [Джанджугазова, Пятнов, 2012, с. 124]. Согласно данным переписи 2010 года цыганское население Ленинградской области составляло 3885 чел.[1] В компактном поселении (таборе) в Верхних Осельках проживало около 1300 представителей цыганского населения, из них около 800 – взрослые.

Цыганские общины существуют *в двух измерениях*: как самостоятельные обособленные этнические общности и как часть общества в каждой стране [Марушиакова, Попов, 2007, с. 12]. При этом как единая общность, имеющая абстрактный образ цыган, поддерживаемый литературой и константами бытовой культуры, они существуют только в представлении окружающего населения, на деле являясь (даже в пределах бывшего СССР) *рядом общностей*, имеющих единое происхождение, но различные этнокультурные характеристики, связанные с историческими условиями формирования общности в том или ином регионе [Там же].

Цыганское население сохраняет в различных формах особенности доиндустриальной хозяйственно-культурной модели с соответствующими особенностями коммуникации, ментальности и социальными связями.

Верхние Осельки – российская деревня, административный центр Лесколовского сельского поселения Всеволожского района Ленинградской области. В 1970-е годы здесь в результате миграционного (кочевого) движения появляется большая ортодоксальная группа цыган-кэлдэраров, которые пришли под Петербург с территории Молдавской ССР. Кэлдэрары (самоназвание котляры) традиционно были лудильщиками и занимались изготовлением металлической посуды, откуда и получили свое название (рум. caldare «ведро»):

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00202 «„Homo post-Sovieticus“ в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности».

[1] Численность цыганского населения ЛО, по данным экспертного сообщества, несколько выше. Она составляет 5000 чел., а районами расселения обозначаются: Всеволожский р-н, Гатчинский р-н, Тосненский р-н, Волховский и Лужский р-ны [Якимов, 2022].

«Они консервативны и ревностно охраняют традиции. Женщин котлярок легко узнать в толпе, их отличают непременные косы, широкий фартук, цветастый платок <...> У котляров всегда много детей – это показатель высокого статуса семьи. Свадьбы играют рано и денег на них не жалеют, ведь "цыганская свадьба" – это самое большое торжество» [Джанджугазова, Пятнов, 2012, с. 125].

Встраивание цыган в макрообщества традиционно связано с *экономической* интеграцией, которая носит *групповой* характер при сохранении внутриэтнических норм. Местные кэлдэрары не занимаются торговлей, среди субэтносов цыганского этноса они относятся к группе с наиболее низким материально-имущественным уровнем. Они все граждане России, у них есть документы, но они сохраняют таборную организацию жизни, общинный строй, коллективное принятие решения, коллективные суды и другие особенности. У котляров основным источником дохода всегда было ремесло и физический труд. Торговля была им не свойственна.

Они поселились на окраине деревни «табором», состоящим из многодетных семей, сохраняя эндогамию (практика заключения браков внутри этнической группы). Поддерживают двуязычие.

Таким образом, с середины XX в. в их жизни начинается наиболее значимая социальная трансформация, что связано с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, что сопровождается и изменениями в «традиционной хозяйственной модели».

Сегодня, с одной стороны, во взаимодействии с российской культурой цыганское население сохраняет баланс между культурной ассимиляцией и поддержанием своей культурной идентичности и традиций. Это позволяет говорить о цыганах, в восприятии местного населения, как о третьей группе, стремящейся обладать нейтральным статусом в отношениях «свой»-«чужой», и готовых к использованию бесконфликтной модели взаимодействия и социальной интеграции. С другой стороны, по оценкам исследователей, в силу ряда причин «цыгане являются одной из самых социально уязвимых групп населения, и сегодня их культура претерпевает глубокий кризис» [Смирнова-Сеславинская, Цветков, 2009, с. 21–22].

Для лучшего понимания причин сегрегации цыганских сообществ, проблем, препятствующих интеркультурации представителей цыганского населения в основное общество, важно провести анализ региональных СМИ, медиа на предмет формирования образа цыган. Во-первых, сегодня СМИ, медиа являются важнейшим актором формирования представлений о том или ином этносе, под влиянием которых формируются и поведенческие установки, позитивное отношение или неприязнь к этим этносам [Хьярвард, 2020]. Во-вторых, СМИ и медиа могут быть использованы для формирования позитивного образа представителей цыганского населения. Приведем обзор материалов основных изданий.

Анализ был сделан на примере трех изданий (в описании будут обозначены как К 1. К 2, К 3): К 1 (92 статьи за период с 2000 г. по 2025 г.), К 2 (291 номер за период с 2020 г. по 2025 г. – к анализу отобрано 9 статей), К 3 (425 выпусков

газеты с января 2021 по август 2025 г. – к анализу было отобрано 22 статьи). Критерием отбор статей к анализу стало упоминание в текстах слова «цыган» и других производных от него.

К 1. Рассмотренные нами новостные сообщения можно классифицировать следующем образом, выделив три основные категории, вокруг которых группируются новостные блоки:

(1) криминализация и негативные стереотипы – 29 статей;

(2) культурный код и этнические особенности – 39 статей;

(3) социальные проблемы, бытовые и межнациональные конфликты, дискриминация – 19 статей.

Важно отметить, что несмотря на то что наибольшее количество статей группируется вокруг категории «культурный код и этнические особенности», в оценке образа цыган криминальные нарративы остаются доминирующими, т.е. темы, связанные с «разгульным» образом жизни, наркоторговлей, попрошайничеством, кражами и насилием формируют устойчиво негативный образ исследуемой группы.

По характеру эмоциональной окраски все новостные сообщения можно также разделить на три типа: негативные, нейтральные, позитивные. Их примерное соотношение будет соответственно: 60, 30 и **10** %. Надо сказать, что позитивная динамика все-таки наблюдается: если в начале 2000-х гг. в новостной ленте большая часть эпизодов о цыганском населении была связана с криминальной тематикой, в 2010-х гг. стала появляться информация об участии цыганских коллективов (особенно музыкальных, танцевальных) в фестивалях/праздниках и об их культурном вкладе, то в 2020-х гг. в статьях уже поднимаются вопросы интеграции/дискриминации/конфликтов. Однако прослеживается в целом уменьшение количества упоминаний о цыганском населении к 2020-м гг. и изменение тона сообщений (доля новостей составляет 17 % от общего числа новостных сообщений), что подтверждает наше наблюдение о медленном переходе в восприятии местного населения от резко негативной оценки в сторону более нейтральной или сдержанной (третий статус группы – не «свой», не «чужой»).

К 2. Печатная газета, выпускаемая во Всеволожске тиражом от 3 до 6 тыс. экз., и распространяемая на территории города Всеволожска. Имеет информационно-политическую направленность. Была учреждена Советом депутатов муниципального образования «Всеволожское городское поселение» Всеволожского муниципального района Ленинградской области. В онлайн доступе архив с 2020 г. Всего рассмотрен 291 выпуск газеты. (2025 – 36 вып., 2024 – 50 вып., 2023 – 52 вып., 2022 – 51 вып., 2021 – 52 вып., 2020 – 50 вып.).

Частота упоминания о цыганском населении, проживающем на территории Всеволожского района, крайне низкая – статьи группируются вокруг двух блоков: культурная жизнь и творчество – шесть статей; и интеграция – три статьи. С точки зрения проблем интеграции, например, цыгане упоминаются по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. как один из народов, проживающий на территории 47 региона. В другой публикации дается информация о том, что

представители цыганской общины входят в состав локального Совета по межнациональному сотрудничеству. Отдельная статья, касающаяся фонда «Дикони», помогающего детям в трудной жизненной ситуации, сообщает о поддержке фондом также детей из цыганских семей, получающих среднее образование и нуждающихся в помощи. Таким образом можно сказать, что данная региональная газета транслирует модель «мягкой интеграции», с акцентом на многонациональность и культурный вклад, не затрагивая проблемных/сложных вопросов и оставаясь в рамках сдержанного и формального тона.

К 3. Газета освещает локальные события во Всеволожском районе ЛО. Всего к анализу было принято 458 выпусков газеты, с января 2021 г. по август 2025 г., из которых только в 22-х случаях так или иначе упоминалось о цыганах/цыганском население. Анализируемые статьи можно сгруппировать вокруг четырёх основных категорий: культурная жизнь и творчество – 15 статей/упоминаний; социальные проблемы и интеграция – 5 статей; межнациональные проблемы – 1 статья; криминал - 1 статья. Основные темы, поднимаемые в статьях, – «культура», «образование», «интеграция». Основной акцент публикаций – гармонизация межнациональных отношений, конфликты освещаются в исключительных случаях. Обобщенная позиция администрации Лесколовского сельского поселения в отношении цыганского населения описана в словах его главы А. Сазонова: «*Являясь гражданами Российской Федерации, они (цыганское население) пользуются всеми правами, но упорно игнорируют обязанности*» (23.07.21). В отличие от К 1, К 3 практически не касаются тем, связанных с криминалом. Так, например, в рассмотренной нами статье основной акцент сделан на профилактику правонарушений со стороны цыганского населения, а не на обвинение.

Основной вывод: в публикуемом контенте превалирует негативная информация, которая по объему значительно превышает информацию позитивного содержания. Таким образом, объективно региональные медиа, СМИ пока, скорее, формируют негативный образ цыган, чем своими средствами способствуют преодолению негативных стереотипов, бытующих в массовом сознании в отношении цыганского населения. Мы не стремимся упрощать проблему и не отрицаем, что чаще всего обнародованные негативные сюжеты основаны на реальных фактах. Однако необходимо учитывать механизмы воздействия медиа и СМИ – один представленный негативный факт может перечеркнуть десятки позитивных событий. В рамках задач нашего исследования важно указать на средства преодоления потенциальной конфликтности, негативных стереотипов.

Список источников

1. Джанджугазова, Пятнов. Мир цыган – параллельный мир // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2012. – № 4. – С. 123–128.

2. Марушиакова Е., Попов В. Историческа съдба и съвременна картина на циганските общности в Източна Европа // StudiiRomani. Т. VII. – София: Парадигма, 2007. – С. 11–24.

3. Смирнова-Сеславинская М. В. К истории «Большой цыганской миграции» в Россию: социокультурная динамика малых групп в свете материалов этнической истории // Культурологический журнал. – 2012б. – № 2 (8). – С. 1–12.

4. Хьярвард Стиг. Три облика медиатизацизированной религии в публичном пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 2. – С. 41–75.

5. Якимов А. Н. Некоторые аспекты интеграции цыганских этнических групп Ленинградской области: опыт комплексного исследования 2016–2017 // Библиотека цыгановедческих исследований. 2022. – С. 208–236.

Сведения об авторах

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, доцент, заведующая Центром религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8902-9154, e-mail: tania_pronina@mail.ru

Сливкина Варвара Александровна – PhD в области международных отношений и политических наук (Папский университет им. Св. Фомы, Рим), младший научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2925-5002, e-mail: v.slivkina@gmail.com

УДК 215
ГРНТИ 21.31.55

Религиозный ритуал: путь к объединению или разъединению российской молодежи*

Д. Э. ПРЫТКОВА

В статье предпринимается попытка выявить первенство объединяющей или разъединяющей роли религиозного ритуала для современной российской молодежи. По итогу исследования делается вывод о теоретическом равенстве этих двух ролей, однако культурные, семейные и исторические факторы склоняют чашу весов в пользу объединяющей роли.

Ключевые слова: религиозный ритуал, объединение, разъединение, российская молодежь, религия.

Согласно теории религии классика социологии религии Эмиля Дюркгейма, совершение религиозного ритуала способствует интеграции субъекта в социум, самоидентификации с той или иной социальной группой, а также коллективной солидарности. То есть религиозный ритуал в его системе выполняет такие функции, которые обозначены в «Энциклопедическом словаре социологии религии» как интегрирующая, социализирующая, солидаризующая (функция психологической интеграции) и инициационная [Энциклопедический словарь …, с. 309]. Все это указывает на объединяющую силу и роль ритуала.

Однако необходимо понимать следующее: что служит основанием для объединения и сплочения субъекта с одним коллективом, будет служить основанием для разъединения и разобщения субъекта с другим коллективом, нескольких коллективов между собой или представителей различных коллективов между собой. И в данном случае можно говорить о разъединяющем потенциале религиозного ритуала.

В настоящей статье мы решили выяснить, какую роль (объединяющую или разъединяющую) играет религиозный ритуал в сообществе российской молодежи, что позволит лучше понимать роль религиозного ритуала в современном мире в целом, современных молодых людей, а также позволит заниматься прогностическим моделированием их будущего и будущего нашей страны.

Поскольку речь идет о религиозном ритуале, для достижения поставленной цели вначале необходимо обозначить религиозный контекст среды современной российской молодежи.

Согласно различным исследованиям, религиозность современной российской молодежи имеет следующие характеристики:

- вписанность в общемировой тренд на секуляризацию;
- синкретизм, эклектичность и инклюзивизм религиозного сознания, в котором сочетаются идеи из различных религиозных доктрин, философских систем,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00202 «„Homo post-Sovieticus“ в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности».

парарелигиозных учений и других областей знания, что можно также обозначить терминами «мозаичность» или «бриколаж»;

- снижение доверия и интереса к ортодоксальным религиям и традиционным институтам церкви;

- эклектичность, размытость, индивидуальный подход к религиозности, при котором личный духовный опыт и интерпретация религиозных идей важнее, чем формальное следование религиозным нормам (социологическое исследование с использованием метода анкетного опроса московской молодежи в возрасте от 18 до 28 лет Н. С. Зимовой и Е. А. Мацневой [Зимова, Мацнева]);

- акцент на самостоятельном духовном поиске, рост значимости культурной составляющей религии (всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», в котором приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет[1]);

- культурологический взгляд на религию, при котором последняя репрезентируется в различных составляющих культуры, фрагментарное и прагматически ориентированное отношение к религии, религиозным практикам (исследование 1200 человек учащейся молодежи г. Тамбова, проводимое Центром религиоведческих исследований Тамбовского государственного университета с участием Т. С. Прониной [Пронина, 2015, с. 62–74; Пронина, 2016]);

- проявление религиозного интереса в отличных от традиционных формах: участие в духовных практиках вне церковных институтов, духовное самообразование через различные источники, поиск сакральности в повседневной жизни, принятие персонализированных форм религиозной практики, соответствующих индивидуальным потребностям и убеждениям (опрос, проведенный по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человек в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны Ю.Л. Ореховым [Ореханов]).

Отметим, что религиозность современной российской молодежи несет в себе как объединяющий, так и разъединяющий потенциал: индивидуализация как магистральная характеристика подразумевает конструирование собственной уникальной религиозности (разъединяющий потенциал), но в то же время совокупность этих индивидуальных современных религиозностей может быть противопоставлена религиозности, характерной для ортодоксальных религий и традиционных институтов церкви, для не-молодежи (объединяющий потенциал).

Место религиозного ритуала в религиозности современных российских молодых людей может быть следующим:

1) религиозный ритуал может быть одним из элементов формирования религиозности и религиозной идентичности (что характерно для ситуации изначально механического, неосознанного повторения религиозных ритуалов за авторитетными или влиятельными для определенного человека людьми, после чего происходит их интериоризация, усвоение и присвоение, встраивание в конструируемую целостную религиозную систему);

[1] Богомазова Л. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ НОВОСТИ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 12.04.2026).

2) религиозный ритуал может быть одним из проявлений религиозности и религиозной идентичности;

3) религиозный ритуал может совершаться, но при этом не иметь связи с религиозностью, не отражать ее (в случае ситуативного следования ритуалам, когда человек совершает те или иные публичные религиозные ритуалы в силу различных обстоятельств (профессиональных, семейных и т.д.), но при этом внутренне придерживается иных религиозных или даже нерелигиозных идей, ценностей и норм. Например, при участии светского или неправославного человека в распространенных сегодня ритуалах жизненного цикла: венчания, крещения или отпевания. Также возможна ситуация исполнения религиозного ритуала нерелигиозным человеком, когда ритуал лишь по форме является религиозным: его религиозное ядро выхолощено и заменено светским содержанием).

Исходя из религиозного контекста молодежной среды современных россиян и места религиозного ритуала в ней, можно сделать вывод, что в парадигме «объединение – разъединение» религиозный ритуал играет следующие роли для современной российской молодежи:

- объединяющую при совпадении ритуалов в качестве элементов формирования и проявления религиозности, религиозной идентичности (как индивидуальной, так и коллективной);

- разъединяющую при несовпадении ритуалов в качестве элементов формирования и проявления религиозности, религиозной идентичности (как индивидуальной, так и коллективной);

- объединяющую или разъединяющую при исполнении религиозного по форме ритуала в зависимости от вкладывания в него религиозного или светского содержания, религиозности или светскости человека;

- объединяющую или разъединяющую в зависимости от степени вовлеченности в религиозные практики.

Таким образом, согласно нашему исследованию, для современной российской молодежи объединяющий и разъединяющий потенциалы религиозного ритуала теоретически оказываются равнозначными, а их фактический вес зависит от важности той или иной роли ритуала для каждого конкретного человека. Однако необходимо отметить стабильно высокий для нашей страны уровень распространения и вовлечения в отмечание религиозных праздников, исполнение обрядов жизненного цикла, семейных обычаев и этнокультурных традиций, что подтверждают исследования Т. С. Прониной [Пронина, 2014; Пронина, 2015, с. 210–220; Пронина, 2015, с. 62–74; Пронина, 2016; Пронина, 2018] и ВЦИОМ[1], поэтому это все же может склонить чашу весов на сторону объединяющего потенциала религиозного ритуала.

[1] Богомазова Л. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ НОВОСТИ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring-09062025 (дата обращения: 12.04.2026).

Список источников

1. Зимова Н. С., Мацнева Е. А. Особенности конструирования религиозной идентичности в эпоху цифровизации // Научный результат. Социология и управление. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 85–101. DOI 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-6. EDN: GJWEPG

2. Ореханов Ю. Л. Секуляризация и постмодерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. – 2014. – № 6 (56). – С. 101–118. DOI: 10.15382/sturI201456.101-118. EDN: TJQXJD

3. Пронина Т. С. Вера и конфессиональная самоидентификация в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 5 (145). – С. 62–74. EDN: TYFZSN

4. Пронина Т. С. Религиозные практики в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – Т. 2, № 2(6). – С. 40–48. EDN: WLSSMD

5. Пронина Т. С. «Гражданско-религиозный» тип идентичности современных россиян // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2015. – Т. 2. № 2. – С. 210–220. EDN: UIXHUV

6. Пронина, Т.С. Религиозная идентичность россиян и конкуренция религий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2018. – Т. 4, № 14. – С. 28–37. EDN: NOMWOO

7. Пронина Т. С. Религия в структуре идентичности современных россиян // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 2, № 4. – С. 189–200. EDN: TKJOIJ

8. Федорова М. В. Религиозная идентичность в концептуальном пространстве наук о религии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4-2 (66). – С. 168–171. EDN: VQULZL

9. Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М. Ю. Смирнова. – СПб.: Платоновское общество, 2017. – 508 с. EDN: ZXBLHH

Сведения об авторе

Прыткова Дарья Эдуардовна – аспирант, специалист по учебно-методической работе научного отдела, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3388-2439, e-mail: dariya.prytkova@yandex.ru

УДК 821.161.1–31:159.9
ГРНТИ 17.01

Психология любви и веры в творчестве русских писателей и поэтов

М. М. САТЫБАЛДИЕВ, Э. Т. ТУРДУБЕКОВА

В статье рассматриваются психологические аспекты проявления любви и веры в произведениях русских писателей и поэтов. Анализируются внутренние переживания персонажей, их эмоциональные состояния, нравственные и духовные ценности. Особое внимание уделяется тому, как авторы через художественные образы, символику и диалоги раскрывают психологию любви, духовную веру и моральные ориентиры личности. Отмечается, что изучение психологических мотивов в литературных произведениях позволяет глубже понять духовный мир героев и культурное наследие русской литературы.

Ключевые слова: любовь, вера, психологические аспекты, внутренняя психология героев, духовные ценности, моральные ориентиры.

Изучение литературы в контексте психологии любви и веры позволяет рассмотреть, как авторы через художественные образы, внутренние переживания и поведение персонажей раскрывают эмоциональные, нравственные и духовные аспекты человека. В русской литературе тема любви и веры часто тесно связана с моральными и философскими исканиями личности, духовной зрелостью и отношением к обществу.

Любовь как психологическое явление. *Романтическая и семейная любовь* – это два важных направления эмоциональных отношений человека, которые активно исследуются в русской литературе с точки зрения психологии [7, с. 96]. *Духовная и платоническая любовь* – это формы отношений, где главную роль играют моральные, духовные и интеллектуальные связи, а не физическая привязанность [6, с. 82]. В русской литературе эти типы любви помогают раскрыть внутренний мир героев и их ценности. *Проявления любви в трудных жизненных обстоятельствах* показывают, как литературные герои сохраняют привязанность, заботу и моральные ценности, несмотря на бедность, бедствия, социальное давление или личные трудности. В психологии это связано с устойчивостью личности, эмоциональной зрелостью и духовной стойкостью. *Вера в Бога, справедливость и человеческое добро* – это ключевые духовные и психологические ориентиры личности, которые помогают героям литературы сохранять моральные ценности, внутреннюю силу и устойчивость в трудных обстоятельствах.

В литературе вера раскрывается как источник смысла жизни, нравственной опоры и духовного развития. *Вера в Бога* – источник духовной поддержки и моральной опоры для героев; помогает сохранять внутреннюю силу, стойкость и нравственные ориентиры даже в трудных жизненных обстоятельствах. *Вера в справедливость* стимулирует активное противодействие социальным несправедливостям и помогает сохранять моральное достоинство; *вера в человеческое добро* поддерживает способность к состраданию, взаимопомощи и укрепляет эмоциональные связи между людьми. Ф. Достоевский: «Братья Карамазовы» – вера в Бога как источник нравственных ориентиров [2, с. 56], Л. Н. Толстой:

«Война и мир» – вера в добро и справедливость как мотив духовного выбора героев [9, с. 64], М. Горький: «На дне» – герои сохраняют веру в человеческое достоинство, мораль и доброту, несмотря на нищету и унижение [1, с. 55]. *Внутренняя сила и моральная устойчивость* – способность героев сохранять нравственные принципы, стойкость и самообладание в трудных жизненных обстоятельствах. *Связь веры с поиском смысла жизни* – вера помогает героям осознать цель своего существования, найти духовный и моральный ориентир в жизни. *Глубокий внутренний монолог* – показывает мысли и переживания героев; *диалоги* – раскрывают философские и нравственные идеи; *символические образы* – через предметы или действия передаются духовные и эмоциональные состояния; *реализм* – точное изображение жизненных обстоятельств и социальных условий.

Влияние психологических мотивов любви и веры показывает, как внутренние переживания и духовные ориентиры формируют характер героев и определяют их поступки. *Связь внутреннего мира героев с социальной и духовной средой* – показывает, как окружение и духовные ценности влияют на мысли, чувства и поведение персонажей. *Нравственные и моральные ориентиры личности через призму литературы* – изучение того, как герои формируют свои ценности и моральные принципы под влиянием жизненных обстоятельств и духовных поисков. У А. С. Пушкина – романтическая любовь и вера в идеалы; у Л. Н. Толстого – духовная вера, моральная ответственность, любовь к ближнему; у Ф. М. Достоевского – психологические конфликты, вера и нравственные дилеммы; у М. Горького – социальная любовь, моральная стойкость, вера в человеческое достоинство. *Понимание психологических и духовных мотивов героев* дает возможность погрузиться во внутренний мир персонажей и осознать причины их поступков и моральных выборов; развивает навыки анализа художественных текстов с точки зрения психологии и нравственности. *Изучение культурного наследия через духовное и нравственное развитие* – позволяет понять ценности, мораль и духовные ориентиры русской литературы через внутренний мир героев [4, с. 24].

Самопожертвование в трудных обстоятельствах – герои жертвуют собой ради близких, духовных идеалов или моральных принципов, проявляя эмоциональную зрелость и высокие нравственные ценности. *Эмоциональная зрелость и высокие моральные стандарты* проявляются через поступки героев, их способность к самопожертвованию, состраданию и нравственной ответственности. *Вера как опора* помогает героям преодолевать внутренние конфликты, сохранять моральные ценности и справляться с социальными трудностями. *Моральная стойкость* формирует у героев способность сохранять нравственные принципы, проявлять терпение и прощать, даже сталкиваясь с трудностями. *Взаимосвязь любви и веры* – любовь мотивирует духовные поиски, а вера укрепляет способность любить, сострадать и сохранять моральные принципы. *Духовная гармония и моральный выбор* – в русской литературе любовь и вера проявляются через внутреннюю гармонию героев и их осознанный нравственный выбор. *Символика* – использование света, природы и предметов быта помогает показать духовные и эмоциональные состояния героев**.** *Внутренние монологи и диалоги*

позволяют читателю глубже понять психологические мотивы и моральный выбор героев. *Влияние жизни и социальной среды* – жизненные обстоятельства, социальная несправедливость и исторические события формируют моральные и духовные качества героев. *Сохранение любви и веры* – писатели показывают, как герои сохраняют способность любить и верить, несмотря на внешние трудности и жизненные испытания.

В русской литературе тема нравственного выбора и духовного поиска тесно связана с мотивами любви и веры, которые выступают внутренними опорами личности [5, с. 36]. Любовь к людям, к Родине, ближнему и вера – религиозная или нравственная – становятся источником духовной силы героя. Именно они помогают персонажам преодолевать жизненные испытания, сохранять человеческое достоинство и находить смысл существования даже в условиях страдания и социальной несправедливости. В произведениях Ф. М. Достоевского любовь и сострадание рассматриваются как путь к нравственному возрождению личности. Герои проходят через внутренние кризисы, но способность любить и верить возвращает их к духовной гармонии. В творчестве Л. Н. Толстого нравственный поиск связан с идеями всепрощения, милосердия и христианской любви, которые помогают человеку обрести внутреннюю целостность и нравственную ясность. Таким образом, любовь и вера в русской литературной традиции выступают не только эмоциональными переживаниями, но и нравственными ориентирами, направляющими героя на путь духовного роста и морального самосовершенствования. Любовь и вера выступают источником внутренней силы героя, помогая ему преодолеть духовные кризисы, сохранить человеческое достоинство и обрести гармонию с самим собой и окружающим миром. Через переживание глубоких чувств персонажи приходят к осознанию истинных ценностей, выходящих за пределы материальных интересов. Нравственный выбор героев нередко разворачивается как внутренняя борьба между личной выгодой и высшими моральными принципами. Писатели показывают, что путь к духовному росту требует самоотверженности, сострадания и ответственности перед другими людьми. В таких ситуациях любовь становится проявлением милосердия и жертвенности, а вера – опорой, позволяющей сохранить надежду и нравственную устойчивость даже в условиях тяжелых испытаний. Таким образом, мотив любви и веры в русской литературе раскрывается как важнейший фактор духовного становления личности: он помогает героям преодолевать внутренние противоречия, делать нравственно значимый выбор и утверждать гуманистические идеалы. В русской литературе духовный рост героя часто раскрывается через переживание страдания, осознание собственной вины и последующее внутреннее очищение. Писатели показывают, что испытания и жизненные трудности становятся важным этапом нравственного становления личности: через боль, утраты и внутренние кризисы персонажи приходят к переоценке ценностей и духовному обновлению. В произведениях Ф. М. Достоевского страдание выступает как путь к нравственному прозрению: герои проходят через чувство вины и раскаяние, что ведёт их к духовному возрождению и восстановлению человеческого достоинства. В твор-

честве Л. Н. Толстого внутреннее очищение связано с нравственным самоанализом, стремлением к правде и принятием христианских ценностей, таких как прощение, смирение и любовь к ближнему. Таким образом, страдание, покаяние и внутреннее очищение в русской литературной традиции выступают важными ступенями духовного роста героя, помогая ему обрести нравственную ясность, внутреннюю гармонию и способность к моральному самосовершенствованию. Испытания и жизненные трудности в русской литературе выступают важным фактором внутреннего развития личности. Столкновение с болью, утратами, социальной несправедливостью и моральными конфликтами заставляет героев переосмысливать свои ценности, осознавать собственные ошибки и искать духовную опору. Через преодоление испытаний персонажи приходят к самопознанию, раскрывают глубинные стороны своего характера и обретают нравственную зрелость. В произведениях Ф. М. Достоевского жизненные страдания становятся путем к духовному прозрению и нравственному возрождению личности. Герои проходят через внутренние кризисы, что приводит их к осознанию ответственности за свои поступки и стремлению к моральному очищению. В творчестве Л. Н. Толстого испытания помогают персонажам прийти к пониманию истинных ценностей – любви, милосердия и духовной гармонии. Таким образом, жизненные трудности в русской литературной традиции служат катализатором самопознания и нравственного преображения личности, способствуя духовному росту, укреплению внутренней силы и формированию моральной устойчивости. Образ совести в русской литературе играет ключевую роль в осмыслении поступков и формировании моральной ответственности личности. Совесть выступает внутренним нравственным судом, который побуждает героя анализировать свои действия, переживать чувство вины и стремиться к нравственному очищению. Через голос совести персонажи осознают границу между добром и злом, принимают ответственность за совершённые поступки и ищут пути духовного обновления. В произведениях Ф. М. Достоевского совесть становится мощным психологическим механизмом, вызывающим внутренние страдания и ведущим героя к раскаянию и нравственному возрождению. В творчестве Л. Н. Толстого внутренний голос совести связан с нравственным самоанализом, стремлением к правде и духовной гармонии. Таким образом, образ совести в русской литературной традиции выступает важнейшим элементом духовного становления личности, способствуя развитию моральной ответственности, самоконтроля и способности к нравственному выбору.

В русской литературе прощение и сострадание рассматриваются как высшие проявления духовной зрелости личности. Эти качества свидетельствуют о нравственной глубине героя, его способности преодолеть эгоизм, отказаться от мести и проявить милосердие даже к тем, кто причинил боль. Прощение помогает персонажам освободиться от внутренней тяжести обид, а сострадание формирует гуманистическое отношение к людям и укрепляет духовную гармонию [8, с. 55]. В произведениях Ф. М. Достоевского сострадание выступает основой нравственного возрождения: герои через милосердие и прощение обретают внут-

ренний покой и духовное очищение. В творчестве Л. Н. Толстого идея всепрощения и любви к ближнему становится важнейшим нравственным идеалом, ведущим человека к духовному совершенствованию. Таким образом, прощение и сострадание в русской литературной традиции являются показателями духовной зрелости личности, способствуют нравственному очищению, укреплению гуманистических ценностей и достижению внутренней гармонии. В русской литературе герои часто приходят к осознанию истинных ценностей через переживание утрат, совершение ошибок и переосмысление жизненного опыта. Эти жизненные уроки служат стимулом для духовного роста, помогают понять значение любви, веры, нравственной ответственности и человеческого достоинства. Через подобные испытания персонажи формируют внутреннюю зрелость, учатся отличать добро от зла и делают осознанный нравственный выбор. В произведениях Ф. М. Достоевского жизненные ошибки и страдания героев становятся источником их нравственного прозрения и духовного обновления. В творчестве Л. Н. Толстого утраты и внутренние конфликты помогают персонажам переосмыслить свои ценности и обрести гармонию с самим собой и окружающими. Таким образом, утраты, ошибки и рефлексия над жизненным опытом в русской литературе выступают важнейшими средствами духовного и нравственного формирования личности.

В русской литературе вера в добро и нравственный идеал играет ключевую роль в сохранении духовной целостности персонажей даже в условиях социальной несправедливости. Она служит внутренней опорой, позволяя героям противостоять давлению среды, сохранять моральные принципы и поступать согласно своим убеждениям, несмотря на внешние трудности. В произведениях Ф. М. Достоевского вера в нравственное начало помогает героям противостоять несправедливости и сохранять человеческое достоинство. В творчестве Л. Н. Толстого идеалы добра и духовной чистоты становятся ориентиром, направляющим персонажей на путь нравственного совершенствования и духовного роста. Таким образом, вера в добро и нравственный идеал в русской литературной традиции является фундаментом для духовной устойчивости и нравственного выбора личности, позволяя герою сохранять внутреннюю гармонию и целостность [3, с. 69].

В русской литературе духовный поиск героев отражает глубинное стремление человека к истине, внутренней гармонии и нравственному совершенству. Через переживания, сомнения и внутренние конфликты персонажи осознают смысл жизни, переосмысливают свои ценности и делают нравственно значимый выбор. В произведениях Ф. М. Достоевского духовный поиск связан с поиском истины и моральной справедливости, что ведет героев к нравственному возрождению. В творчестве Л. Н. Толстого путь духовного поиска проявляется через стремление к моральной чистоте, состраданию и гармонии с окружающим миром. Таким образом, духовный поиск в русской литературе служит механизмом нравственного и духовного развития личности, позволяя герою достигать внутренней гармонии, высоких моральных стандартов и совершенства характера. В русской литературной традиции путь к духовному обновлению героев часто проходит через возвращение к христианским нравственным ценностям. Любовь, вера, прощение,

милосердие и сострадание становятся основой внутренней гармонии и нравственного самоопределения персонажей. Эти ценности помогают героям преодолеть внутренние и внешние трудности, восстановить духовную целостность и совершить осознанный нравственный выбор. В произведениях Ф. М. Достоевского духовное возрождение героев тесно связано с христианскими принципами, такими как покаяние, смирение и милосердие. В творчестве Л. Н. Толстого возвращение к христианской нравственности становится источником просветления, духовной зрелости и нравственного совершенства персонажей. Таким образом, христианские ценности в русской литературе выступают ключевым ориентиром духовного развития личности, позволяя героям сохранять нравственные ориентиры и внутреннюю гармонию даже в условиях жизненных испытаний.

Психологический анализ темы любви и веры в русской литературе демонстрирует, что данные категории являются ключевыми средствами раскрытия внутреннего мира личности и формирования нравственных ориентиров. Через художественные образы, внутренние монологи, диалоги и символику авторы исследуют эмоциональные, нравственные и духовные аспекты человеческой жизни. В произведениях Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и М. Горького любовь и вера выполняют интегративную функцию: любовь проявляется как нравственный ориентир, способствующий развитию сострадания, самопожертвования и моральной ответственности, а вера обеспечивает устойчивость личности, внутреннюю силу и духовную опору в условиях жизненных трудностей. Структурно, психологические мотивы любви и веры воздействуют на формирование характера героев и их нравственный выбор, отражая взаимосвязь внутреннего мира личности с социальной и духовной средой. Испытания, страдания и внутренние конфликты выступают катализатором духовного роста, нравственного самосовершенствования и переоценки жизненных ценностей.

Таким образом, любовь и вера в русской литературной традиции представляют собой не только эмоциональные переживания, но и фундаментальные механизмы нравственного и духовного становления личности. Их исследование позволяет глубже понять психологические и духовные основы человеческого поведения, а также роль литературы в формировании культурных и моральных ценностей общества.

Список источников

1. Горький М. На дне: пьеса. – М.: Художественная литература, 1985. – 96 с.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. – М.: Эксмо, 2019. – 800 с.
3. Культурные и нравственные ценности русской литературной традиции. – М.: Юрайт, 2020. – 200 с.
4. Методы художественного анализа и психологизма в русской литературе. – СПб.: Питер, 2017. – 150 с.
5. Проблема совести в русской литературе. – М.: Просвещение, 2015. – 130 с.
6. Психология любви и духовных отношений в литературе. – М.: Наука, 2018. – 120 с.
7. Пушкин А. С. Сочинения: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1: Стихотворения; Сказки; Евгений Онегин. – 735 с.

8. Роль символики и эмоциональных переживаний в литературе. – Казань: Изд-во КФУ, 2016. – 140 с.
9. Толстой Л. Н. Война и мир. – М.: АСТ, 2021. – 1225 с.

Сведения об авторах

Сатыбалдиев Мусабек Маматович – старший преподаватель, Ошский государственный педагогический университет, г. Ош, Кыргызстан, ORCID ID: 0009-0007-6326-4184, e-mail: michurinsk59@inbox.ru

Турдубекова Эльвира Турдубековна – преподаватель, Ошский государственный университет, г. Ош, Кыргызстан, ORCID ID: 0009-0004-5422-7988, e-mail: e-turdubekova@mail.ru

УДК 314.742
ГРНТИ 04.01

Проблематизация понятий «гетто» и «анклав» в городских исследованиях*

В. А. СЛИВКИНА

В социологической литературе формой социально-экономического и культурного разграничения городского населения принято считать пространственную сегрегацию – дистанцию, воспроизводящую неравенство между «бедными» и «богатыми» районами города, которая обусловлена как особенностями городского планирования, так и социальными практиками расселения горожан. Способами описания этой дистанции являются следующие понятия: «городское гетто», «гиппергетто», «этнический анклав», «маргинальные (социальные) районы», «особо уязвимые районы», «иммигрантские пригороды» («*banlieue*»), «серые зоны». Сдвиг в теоретической концептуализации от исследований территориально-локализованного неравенства к изучению режимов «включения/исключения» в разных городских и культурных средах меняет понимание этих понятий на теоретическом уровне. Введение в российский социологический контекст данной проблематики представляется важным для последующей реализации исследовательских проектов в области социологии миграции и городских миграционных исследований.

Ключевые слова: сегрегация, пространственное неравенство, городское гетто, этнический анклав, миграция.

В социологии понимание процессов, происходящих в обществе, тесно связано с языком их теоретического описания. Так как язык социологической теории во многом пересекается с языком повседневного общения, а иногда и с языком политической практики, это приводит к зависимости существующих теоретических моделей от политически нагруженного дискурса, к размытости логических границ и связей между используемыми в них понятиями. Поэтому попытка унификации используемого теоретического языка, объясняющего социальную реальность, является одной из первостепенных задач современной социологии. Это касается и определения рассматриваемых нами понятий «гетто» и «анклав». Использование этих понятий в социологической практике в строгом соответствии с определённой научной традицией и ее развитием позволяет выйти за пределы простых эмпирических обобщений и заимствований к созданию более общей теоретической конструкции описания этих явлений в разных эмпирических контекстах.

В городских социологических исследованиях понятия «гетто» и «анклав» имеют разную смысловую нагрузку. Обратимся к краткому рассмотрению «классических» подходов анализа этих понятий в академической литературе (Л. Вирт, У. Дж. Уилсон, Д. Мэсси и Н. Дентон, Э. Андерсон, А. Портес).

Понятие «гетто» в научный оборот было введено Л. Виртом в 1928 г. в одноименной работе [Wirth]. Вирт внимательно анализировал историю появления

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00202 «„Homo post-Sovieticus“ в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности».

и развития социального института «гетто»: от еврейских гетто средневековой Европы до современных ему чикагских кварталов – мест расселения иммигрантских сообществ. Для Вирта «гетто» – это в том числе и социологический инструмент, объясняющий механизмы добровольной и принудительной социальной изоляции в современном ему городе. Описываемое им «гетто» складывается как путем сопротивления иноэтнической группы внешнему культурному давлению, так и практикой поддержания внутригрупповой солидарности и единства (о разрушении которых, как мы увидим позже, скажет французский социолог Л. Вакан, употребляя понятие «гиппергетто»). Встречаясь с новым обществом, мигранты первого поколения редко полностью ассимилируются, тогда как их дети, как правило, будут вынуждены сделать свой выбор определеннее, оказавшись в пространстве между новой культурой и «гетто» [Ibid, p. 290]. Вписав институт «гетто» в социальный анализ городской среды, Вирт открыл возможность к новым социологическим исследованиям в области территориально локализованных сообществ.

Идеи Вирта получили развитие в работах другого американского социолога Уильяма Джулиуса Уилсона, наблюдавшего за изменениями, происходившими в американском обществе под воздействием процессов экономической глобализации и последующей деиндустриализации городов в период после 1970-х гг. и изучавшего явление городской бедности и социальной изоляции. В отличие от Вирта, Уилсон анализировал структурные изменения в экономической и классовой модели, наблюдаемые им в «городских гетто» – местах расселения маргинализированных меньшинств. Такие изменения были вызваны, с одной стороны, оттоком из этих районов рабочего среднего класса, а с другой – снижением спроса на низкоквалифицированный труд, ростом безработицы и «социальной дезориентации» в среде «андеркласса» [Wilson]. Исследования Уилсона позволили сместить фокус внимания с анализа проблем расовой дискриминации как причины формирования афроамериканских гетто к рассмотрению классовых отношений и экономического неравенства в городской среде. В частности, его волновала проблема роста социальной дистанции между афроамериканцами, представителями среднего класса, покидавшими «гетто», и теми, кто в нем оставался и формировал «андеркласс», делая эти районы местами расселения и изоляции бедных и ведя к снижению доступных возможностей социальной мобильности для их жителей.

Другая позиция была озвучена социологами Дугласом Мэсси и его коллегой Ненси Дентон [Massy, Denton]. Мэсси и Дентон как раз и подчеркивали важность структурных последствий расовой сегрегации в американских городах, более влияющих на формирование «андеркласса», «городских гетто» и культуры бедности, чем глобальные сдвиги в экономике, о которых пишет Уилсон. Ими также в социологический оборот было введено понятие «гиперсегрегация», понятие, объясняющее процесс сегрегации, объединяющей в себе не один, а сразу несколько параметров (например, ограничение доступа к здравохранению/образованию и рынку труда, под воздействием которого происходит разрушение социальных связей между группами).

Развивая идеи У. Уилсона, американский социолог Элайджа Андерсон изучал повседневную жизнь улиц в бедных районах, населенных афроамериканцами. Одна из значимых работ в этой области – «Уличный кодекс» (1999) – исследование улиц афроамериканских «гетто», проведенное в лучших традициях Чикагской школы [Anderson]. В этой работе автор анализирует уличную культуру и практики насилия, основанные на неформальных правилах поведения («кодексе улиц»), действующих в общественном пространстве и возникающих в ответ на болезненные и неразрешенные вопросы безработицы, расовой стигматизации, наркомании и отчуждения.

В свою очередь, понятие «этнический анклав» в американскую социологию ввел Алехандро Портес и его коллеги. Они анализировали модели поведения кубинских иммигрантов, используя это понятие для описания практик их экономической адаптации и последующей успешной интеграции («социального лифта») для первых и вторых поколений[1] [Portes, Shafer]. Сформулированная авторами концепция «этнических предпринимательских анклавов» получила свое развитие в серии других исследований экономического поведения мигрантов (например, исследование китайских кварталов Нью-Йорка), демонстрирующих позитивное влияние этнических связей солидарности и сетей экономической взаимопомощи на процесс интеграции. Переосмысление концепции и соотнесение понятия «этнический анклав» в сопоставлении с понятием «этническая экономика» произошло в ответ на критику этнического предпринимательства и самого существования предпринимательских анклавов. А. Портес и его коллеги определили понятие «анклав» как «форму экономической адаптации иммигрантов», локализованную территориально в рамках одного определенного района; имеющую развитую структуру предприятий и социально-экономических сетей солидарности; объединяющую работников, занимающих разные экономические ниши; характеризующуюся преимущественно моноэтнической занятостью [Ibid]. Анализируя модель «кубинского анклава», Портес и его коллеги доказали на широком эмпирическом материале, что подобная модель занятости и взаимопомощи содействует благоприятной экономической адаптации и вертикальной мобильности иммигрантов первого поколения и их детей. Однако здесь (как в случае с кубинцами, прибывшими позже, после 1980-х г. и не поддерживающими связей с первой волной иммиграции) важно учитывать исторический контекст, внутреннюю неоднородность группы и динамику «режимов включения» мигрантов в принимающее общество. Однако анклав, выступая основой сети экономической взаимопомощи, может быть и препятствием на пути процесса ассимиляции для иноэтнических групп.

[1] В отличие от американской традиции, использующей понятие «анклав» для описания моделей экономической адаптации иноэтничных групп населения, в европейских социологических исследованиях и политической практике под «этническим анклавом» понимается район проживания с высокой концентрацией иммигрантов одной этнической группы. С этой точки зрения понятие «анклав» определяется через показатель этнической плотности населения района (ethnic density).

Итак, обобщая, скажем, что к задачам «классической» социологии в городских исследованиях добавилось объяснение явлений пространственного неравенства, бедности, маргинализации и исключения путем анализа территориальной локализации этих явлений. Тем не менее эта теоретическая «оптика», несмотря на свою популярность, очень скоро оказалась недостаточно точной для объяснения городской бедности и маргинальности в контексте современных миграционных вызовов. Это привело к актуализации потребности в определении сходства и различия режимов пространственного неравенства в разных культурных средах; к сдвигу аналитического внимания в сторону поиска основ для междисциплинарного подхода и к уходу от классических концепций «гетто»/«анклав»; к учету новых параметров, влияющих на воспроизводство режимов маргинализации и пространственной сегрегации. Так появились работы исследователей городской маргинальности «новой волны» Д. Харви, Л. Вакана, О. Ифтахеля.

Работа англо-американского географа Дэвида Харви «Социальная справедливость и город» (1973) построена на основе развития идей марксизма. Харви переносит проблему «гетто» в социальный анализ. Своей задачей первостепенной важности он называет разработку «новой парадигмы социальной географии» и критику существующих экономических и социальных теоретических моделей как «контрреволюционных» [Харви]. То есть его идея заключалась в создании и использовании новой парадигмы, направленной не только на объяснение, но и на преобразование окружающей действительности на более справедливых началах. Такая парадигма, по мнению Харви, должна сама предложить способы решения проблемы социальной справедливости в городе.

Свое дальнейшее развитие эта идея получит в обосновании концепции «право на город», введенной в научный оборот А. Лефевром в 1968 г. «Право на город» мыслится Харви как динамичная концепция, способная объединять людей вокруг призыва к демократическому переосмыслению процесса урбанизации, исходя из логики более справедливого перераспределения благ между всеми группами городского населения. Другими словами, Харви предлагает разработать более общую концепцию социальной справедливости, учитывающую на практике интересы всех жителей города через их расширенное демократическое участие[1].

Французский социолог Лоик Вакан в своих работах также обращается к проблеме социального неравенства, а именно к анализу жизненных траекторий в неблагополучных районах в современном глобальном мегаполисе. В ответ на наблюдаемый рост бедности в американских и европейских городах Вакан исследует «новые режимы городского неравенства и маргинализации», вызванные в том числе интенсификацией миграционных потоков в западные страны (так

[1] По мнению профессора географии Рикки Сандерс (Rickie Sanders), предложенная Д. Харви теоретизация социальной справедливости, несмотря на всю актуальность этого вопроса, была обречена на неудачу. Это касалось и его позиции в отношении явления гетто, которое Харви рассматривал без учета анализа проблем расизма и расовой справедливости [Don Mitchell].

называемые страны первого мира). Он, например, детально описывает четыре структурных фактора, определяющие, по его мнению, существование этих режимов в современной Европе и США:

(1) «*макросоциальная динамика и возрождение социального неравенства»*: прогресс капиталистической экономики и наблюдаемый экономический рост постиндустриальной эпохи негативно влияют на структуру низкоквалифицированного труда, лишая бедных людей доступа к рабочим местам и делая явление бедности постоянным спутником городской жизни;

(2) «*экономическая динамика и трансформация наемного труда»*: изменение структуры рынка труда под влиянием инновационных процессов в экономике и притока новых миграционных сил ведет к сокращению рабочих мест, в том числе мест постоянной работы для низкоквалифицированного персонала, а также изменению базовых гарантий защиты труда;

(3) «*политическая динамика и реконструкция государства благосостояния»*: сокращение государственных программ в сфере социальной поддержки малоимущего населения и отсутствие единой (обсуждаемой) модели государства всеобщего благосостояния ведут к росту социального неравенства в городах и мегаполисах западных стран;

(4) «*пространственная динамика, выраженная в концентрации и стигматизации»:* «ослабление территориальных общинных связей (…) подрывают местную солидарность», которую можно было наблюдать в бедных рабочих кварталах в послевоенное десятилетие. Это ведет к внутренней трансформации неблагополучных городских районов, появление которых вызвано государственной жилищной политикой и развитием программ планирования[1].

Далее Вакан сравнивает две модели пространственного воспроизводства социального неравенства (европейскую и американскую). В частности, говоря о феномене «новой бедности», Вакан различает районы проживания иммигрантов в европейских странах и «гетто» в США, считая, что процесс «геттоизации» несмотря на наличие районов с повышенной концентрацией иноэтнического населения, проблем дискриминации и насилия в этих районах и проблемы роста безработицы, – не верифицируется в европейском случае. Он называет такие кварталы – места проживания иммигрантов разной этнической принадлежности – «антигетто». В европейских странах они, оставаясь центрами городской маргинализации, динамичны (подвижны / не имеют четких границ) и не испытывают на себе институционального принуждения к сегрегации. О сближении американской и европейской модели можно говорить, по мнению Вакана, лишь в случае рассмотрения проблемы «этнорасового разделения и напряжения». Однако с учетом того, что иммигрантские общины (меньшинства), несмотря на их стигматизацию, не являются действующими политическими субъектом в европейских обществах, а возникающее напряжение может быть понято в терминах реструк-

[1] Вакан Л. Городская Маргинальность грядущего тысячелетия // Научно-просветительский журнал Скепсис [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3665.html (дата обращения: 03.04.2026).

туризации существующей классовой системы, Вакан вводит понятие «этническое вытеснение». Он указывает на близость автохтонного рабочего класса к иммигрантам, так как они настолько близки друг к другу, что, оказываясь «внизу» социальной иерархии в европейских городах, они вынуждены конкурировать между собой за существующие ресурсы и блага[1].

Вакан контекстуализировал понятие «гетто», рассматривая его в качестве инструмента институционально-политического контроля одной группы за другой, ведущего к ее замыканию и изоляции и, как следствие, воспроизводству социального неравенства. Его работы позволяют более обдуманно использовать понятие «гетто» в других институционально-правовых контекстах. В своих поздних работах Вакан вводит в научный оборот понятие «гиппергетто» [Wacquant]. Для него классическая модель гетто, описанная Л. Виртом, является относительно стабильной и автономной городской структурой, с развитой, хотя и специфической системой жизнеобеспечения (экономической, социальной, культурной). Появление нового пространственного явления – «гиппергетто» – возникло, по мнению Вакана, под давлением курса неолиберальной политики, исключением из рынка труда малоимущих граждан и «бездействием» государственных социальных программ. Его жители – беднейшие из беднейших, они утратили связь с экономической структурой города, живут в худших социальных условиях и деградирующих пространствах города, воспроизводят модель социального исключения при распаде внутренних связей солидарности и взаимопомощи. Вакан ищет сходство и различие между американскими «гиппергетто» и европейскими территориями пространственной маргинализации и исключения, считая их разным явлением, так как в их основе лежат разные механизмы воспроизводства социального неравенства.

Вопрос сосуществования пространственного неравенства и институтов маргинализации в современном городе поднимался также в работах израильского географа, урбаниста Орана Ифтахеля, автора концепции «городских серых зон» [Yiftachel]. Как замечает Ифтахель, несмотря на то, что вопросы неформальной логики городского планирования возвращаются в академическую литературу, они все еще находятся на периферии научного дискурса. Ифтахель предлагает ускорить этот процесс, развивая новый язык теоретического и практического понимания сложных урбанистических процессов социального включения/исключения. В частности, он вводит в научный оборот понятие «серые зоны» и/или «серые пространства». «Серая зона», как пишет О. Ифтахель, – это неформальное городское пространство, находящееся между зонами легальной интеграции и зонами городского исключения. Такие пространства неустойчивы, они находятся постоянно в процессе переопределения между принятием и ограничением, усугубляя проблему «гражданской стратификации» в крупных городах и мегаполисах. Это места, в которых происходит институализация повседневных дискриминационных практик и утверждение различных структур

[1] [Ibid].

пространственного неравенства, создающие сложные модели легального управления этим неравенством в рамках мегаполисов.

В ответ на вызовы урбанизма (рост социального и пространственного неравенства, маргинализация и т.д.) автор предлагает концепцию «planning citizenship» («спланированного гражданства»), связывающую политику городского планирования и переустройства с социальными и культурными проблемами современности (бедность, маргинализация, экология, идентичность, городское участие) и ведущую к академическому и политическому переопределению «серых зон» с учетом интересов маргинализируемых групп.

Итак, условно можно выделить два направления в изучении процессов пространственной сегрегации и неравенства: исследования чикагской социологической школы (Р. Парк, Л. Вирт) и их последователей, использовавших в своей работе такие понятия, как «гетто» и «анклав», и более современные или альтернативные теории, отказывающиеся от этих понятий и объясняющие существующие режимы пространственного неравенства по-другому. Оба этих подхода заложили основу современных исследований городской среды.

В контексте Российской Федерации модель исследования режимов воспроизводства пространственного неравенства, на наш взгляд, все еще требует своей теоретической разработки и последовательной эмпирической верификации. При этом главным отличием российского контекста от европейского и американского становится зачастую временный характер миграционных процессов. В область аналитического внимания социологов и урбанистов уже сегодня попадают районы расселения мигрантов и малоимущих жителей: городские промышленные зоны, общежития, рынки и близлежащие кварталы, новостройки и кварталы на периферии города. В теоретический оборот вводятся такие понятия, как: «протогетто», «территориальная уязвимость», «воображаемая маргинальность», «районы деградирующего жилищного фонда», «этнизация бедности». Однако все еще существует потребность в разработке более общего теоретического подхода, учитывающего механизмы формирования режимов пространственного неравенства в российском городе – не только локальный территориальный фактор, но и подвижность территориальных границ, динамику режимов социального включения/исключения бедных жителей и низкоквалифицированных трудовых мигрантов, существующие пространства правовой и институциональной неопределённости («серые зоны»), проблему «временного статуса» жителей воспроизводимого в качестве постоянного, пролонгированного явления.

Список источников

1. Харви Д. Социальная справедливость и город. 2-е изд. – СПб.: Новое литературное обозрение, 2019. – 440 с.

2. Anderson E. Code of the Street: Decency, Violence, and the Moral Life of the Inner City. – New-York: W. W. Norton and Company city, 1999. – 352 p.

3. Don Mitchell. Beautiful Impossibility: a Fifty-Year Retrospective on Social Justice and the City and David Harvey's – and Geography's – Journey into Marxism // Scottish Geographical Journal. – 2023. – V. 139 (3-4). – Pp. 363–372.

4. Massy D. S. and Denton N. A. American Apartheid: Segregation and Making of Underclass. – Cambridge, London: Harvard University Press, 1993. – 312 p.

5. Portes A. and Shafer St. Revising the Enclave Hypothesis: Miami Twenty-Five Years Later // The Center for Migration and Development. Princeton University. Working Paper Series. – 2006. – 06.10. – Pp. 3–52.

6. Yiftachel O. Theoretical Notes on 'Gray Cities': the Coming of Urban Apartheid? // Planning Theory. – 2009. – Vol 8 (1). – Pp. 88–100.

7. Wacquant L. Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality. – Cambridge: Polity Press, 2008. – 360 p.

8. Wilson W. The Ghetto Underclass and the Social Transformation of the Inner City // Journal of Black Studies and Research. – 1988. – Volume 19. – Pp. 10–17.

9. Wirth L. The Ghetto. – Chicago: University of Chicago press, 1928. – 328 p.

Сведения об авторах

Сливкина Варвара Александровна – PhD в области международных отношений и политических наук (Папский университет им. Св. Фомы, Рим), младший научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-2925-5002, e-mail: v.slivkina@gmail.com.

УДК 130.2 (470) 141.319.8
ГРНТИ 02.41

Проблема единства и множества в контексте концепции самобытности российской культуры

О. И. СТАВЦЕВА

В статье представлен анализ проблемы единства и множества в социальном контексте. Изложены представления европейских и русских философов о массах, толпе, народе, множестве. Приведен анализ концепции «Остров Россия» В. Л. Цымбурского, обосновывающего самобытность российской цивилизации как фундамент единства народов России.

Ключевые слова: единство, множество, массы, народ, критика капитализма, В. Цымбурский, «Остров Россия», «похищение Европы».

Тема единства с древности была в центре философских рассуждений. Попытку досократиков определить первоначальную субстанцию мира (архэ) можно рассматривать как стремление найти единое начало бытия. В философии Платона проблематика Единого занимает ведущее место, закладывая основу онтологии, фундированной на единстве, унаследованной позже неоплатонизмом и христианской метафизикой. В философии конца XX – начала XXI в. тематика единства вытесняется проблемой множества, характеризующего так называемые нестабильные онтологии [Шалагинов]. Плюралистичность связывается теоретиками нестабильных онтологий (П. Вирно, М. Хардт, А. Негри, Ф. Б. Берарди) с капиталистическим хаосом, а грядущее общество, о котором можно мечтать, с Единством, пока данным как отсутствие.

Онтологическая проблематика Единства отражается в социальной, т.е. в представлениях о единстве общества. Единству противостоит раздробленность, множество, понимаемое в том числе и как вражда всех против всех, фиксируемое понятиями «толпа», «массы». Эти неструктурированные общими интересами и смыслами объекты всегда исследовались философами особенно в контексте связи власти и масс. Античные философы подходили к проблеме толпы с точки зрения воспитания масс, пытались обучить массы. Сократ и Платон утверждали, что от самокритичности, способности масс к обучению зависит улучшение политической жизни. Философы Просвещения были объединены верой в разум как инструмент исторического развития, в возможность изжить невежество масс с помощью образования, развития разума. Воспитание разума должно помочь преодолеть иррациональные импульсы, страсти, которые всегда движут массами.

В конце XIX в. научная мысль подходит к исследованию масс. Г. Лебон показывает, что толпа – не просто собрание индивидов, это нечто новое, это единое образование, наделенное коллективной душой, в которой берут верх бессознательные качества, неспособность к критическому мышлению [Хевеши, 40]. Поэтому на поведение масс и толп оказывают влияние идеи, изложенные в простой и яркой форме, не связанной с их реальным смыслом, чаще всего это иллюзии и

заблуждения. Г. Тард различает толпу, которая всегда была в обществах, и публику, которая складывается с XVIII в. под влиянием объединяющих структур – книгопечатания, железных дорог, телеграфа, телефона, которые делают возможным публицистику. Толпа, в отличие от публики, эмоциональна, нетерпелива, живет подражаниями, некритична.

В русской философской и публицистической мысли XIX – начала XX в. центральной темой становится проблема народа, которая рассматривается в просвещенческом подходе. Русская интеллигенция осознает бедственное положение народа, чувствует боль и стыд за такое состояние [Хевеши, 61], пытается не только просветить, но и спасти народ, улучшить его жизнь. Такая ответственность за судьбу народа в XIX в. питала движение народничества и даже приводила к народопоклонничеству, когда народ понимался как «объект спасительного воздействия»[1]. Это вело к идеализации народа, своеобразному культу народа, который ярко выражен у Достоевского: «мы должны преклоняться перед народом и ждать от него всего, и мысли, и образа, преклониться перед правдою народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если бы вышла бы отчасти и из Четьи Минеи» [Достоевский, 38]. Народное единство понималось как единство религиозное, а политические задачи – как мессианские.

В XX в. почти все европейские философы пишут о массах, о человеке массы. М. Шелер отмечает гомогенность массового общества, его подверженность иррациональным влияниям, О.Шпенглер отмечает бездушие массового общества (цивилизации), затухание культуры, лишенность корней городской массы, господство прагматизма. К. Ясперс считает массовое общество болезнью века, масса не обладает самосознанием, она беспочвенна, пуста. Х. Ортега-и-Гассет констатирует, что массы не приобщены к ценностям культуры, для человека массы исчезают нормы, традиции, образцы прошлого. Это не все философы, анализирующие феномен массы в XX в. Можно обобщить изучение масс таким образом: народ превращается в массу, теряя единство, связь с традицией, прошлым, отказываясь от культуры и морали.

Если обратиться к современной ситуации, мы встретим подобный же анализ масс, например у итальянского марксистского философа П. Вирно. Понятию «народ» он противопоставляет понятие «множество». Надо отметить, что еще у основателя новоевропейского дискурса о государстве и обществе Т. Гоббса понятие «множество» рассматривается в негативном смысле, указывая на естественное состояние, из которого необходимо выйти, приняв моральные правила и правовые законы, т.е. став общество и государством. Основной опыт множества – пересечение тревоги и страха. «Современным проявлением множеств как формы жизни является опыт "неукорененности", мобильности, неопределенности, тревоги и поиска безопасности в изменившихся социально-политических условиях», – так описывает множество российский исследователь Пензин [Пензин, 173]. Вирно поясняет эту специфику множества, обращаясь к Хайдеггеру,

[1] С. Н. Булгаков, цит. по [Хевещи, 61].

который различает страх и тревогу [Хайдеггер, 184–190]. «Страх размещается внутри общества, внутри его форм жизни и связей. Тревога… появляется тогда, когда мы удаляемся от исходного общества с его разделяемыми большинством привычками и общеизвестными “языковыми играми”. Вне общества опасность повсеместна, непредсказуема, постоянна и, суммируя, тревожна» [Вирно, 24]. Особенность традиционной культуры, по Вирно, – отчетливость границы между «своим», привычным, и «чужим», враждебным. В современном мире такая граница исчезает, общность рискует перестать быть единой. Мы называем нечто чуждым только в той степени, в которой мы сохраняем приверженность к своей традиционной культуре. В глобальном мире в силу связанности между собой многих процессов и погруженности в информационную реальность мы находимся всегда под воздействием нового, необычного, непривычного, отсутствия стабильного. Эта ситуация может быть описана как совмещение страха и тревоги, т.е. повышение общей рискованности существования человека. Множество – собрание отделившихся от традиционных культур единиц, «результат бегства от Единого», – пишет Вирно [Там же, с. 40].

Общее, которым обладает множество, связано с едиными для всего человеческого рода лингвистическими и познавательными способностями, знанием, которое используется в современном производстве, Интернетом. Маркс называл это «всеобщим интеллектом» (General Intellect). Это иной тип универсальности, нежели социальное, государственное, политическое единство. Широкая доступность искусственного интеллекта в виде языковых моделей приводит к унификации знания и основывающихся на нем решениях и действиях, т.е. к некоторому однообразию поведения, Интернет и ИИ объединяет всех пользователей – нет чужих, но и нет своих, все одинаковы. Такое культурное однообразие нельзя описывать в терминах идентичностей, определять через противопоставления своего и чужого, речь не идет об уважении к другим культурам, практике культурного многообразия. Унифицированное, однообразное множество, структурные единицы которого пользуются одними и теми же технологиями и знаниями, объединяет глобальный капитализм, основанный на расчете, получении прибыли. С. Жижек примерно так же описывает постсовременную мультикультуралистскую политику идентичности, скрывающую глобальный капитализм, приводящий к размыванию и исчезновению идентичности [Жижек, с. 286–287].

Однообразию и размыванию постсовременной идентичности противостоит самобытность и целостность культуры как основа социального и государственного единства. Русская философия представила разные вариации понимания своеобразия России и осмысления ее исторического пути. В конце XX в. возник еще один аргумент в этом споре – концепция «Острова России», сформулированная российским филологом, историком и политическим философом В. Л. Цымбурским, который отстаивает геополитическую и цивилизационную самобытность России.

Согласно его идеям, на протяжении различных исторических этапов Россия сохраняет особую геополитическую идентичность[1], идущую еще от Московского царства. Россия с XVI в. превосходила Европу площадью, Россия отделена от романо-германской Европы, родины либеральной цивилизации, поясом лимитрофа («территорий-проливов»), которые межцивилизационны и маневрируют между внешними центрами силы. Описывая Россию, Цымбурский применяет метафору Острова, окруженном на западе территориями – проливами, на востоке «трудным пространством», отделяющим ее от цивилизаций Азии. Метафора Острова символизирует неприступность и целостность России.

Отделенность России от цивилизаций Азии была связана с принятием православия, в XVII–XVIII вв. усилена культурным выбором российской элиты в пользу западной картины мира. В начале XVIII в., после победы в Северной войне и переноса столицы на Северо-Запад, геополитический вектор российской политики оказался смещенным. Но россияне не отказались от своей религии и культуры, а, по образному выражению В. Л. Цымбурского, осуществляли поэтапное "похищение Европы" – двуединый процесс с цивилизационно-стилевым и геополитическим изменением, выражающийся в том, что Российская империя имитирует европейские государства в культурном и политическом стиле, а также присутствует в виде военной силы на европейском континенте» [Цымбурский, 41].

В этом аспекте концепция Цымбурского перекликается с идеями О. Шпенглера, прямо назвавшего петровскую Русь псевдоморфозом [Шпенглер, 197]. И Шпенглер, и Цымбурский подчеркивают неевропейскую цивилизационную идентичность России. Приближение к Европе в культурных формах угрожает России как островной целостности. Цымбурский предупреждает о смертельной опасности растворения «Острова России» в Европейском континенте, отмечая принципиальный антиатлантизм России. Лимитрофные территории, связывающие «островную» Россию с Европой, могут в различные эпохи в зависимости от исторических обстоятельств, то включаться в «тело» России, то отслаиваться от него. Распад СССР был завершением очередного этапа западноцентристского цикла российской истории.

Цымбурский подчеркивает важность федерализма в устройстве «Острова России», поскольку Россия представляет собой совместное пребывание многих народов как Центральной России (Московии), так и народов Северо-Запада, Поволжья, Заволжья, Зауралья, Сибири, Приморья. Этнический национализм несет угрозу как целостности России, так и миропорядку в целом [Межуев, 36–54]. Критическое мышление В. Л. Цымбурского уходит от национальных метафор и приходит к обоснованию идеи цивилизации. Россия как цивилизация «выступает

[1] См. Цымбургский: «Геополитическая идентичность – комплекс географических признаков государства, которыми несмотря на исторические изменения его границ определяется не только его место на карте, но и основные особенности его внутренних и внешних связей». Цымбурский В. Л. Идентичность геополитическая. Новая философская энциклопедия. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH1a1f1a895c2070879b541a (дата обращения: 25.03.2026).

носителем таких религий, идеологий, социальных практик и культурных стилей, которые в совокупности составляют особый образ человечества, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость»[1].

Таким образом, единство народов России основывается на геополитической и цивилизационной идентичности, связанной с культурой России как самобытной цивилизации (федерации), объединяющей разные народы в неразрывную целостность.

Список литературы

1. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 144 с.

2. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1876. – СПб., 1879. – 336 с.

3. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 528 с.

4. Межуев Б. В. Политическая критика Вадима Цымбурского. – М.: Европа, 2012. – 199 с.

5. Пензин А. Паоло Вирно: «грамматика множеств» как антропология капитала // Синий диван. – 2006. – № 8. – С. 171–183.

6. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ад Маргинем Пресс, 1993. – 452 с.

7. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: историко-философский очерк. – М.: ИФРАН, 2001. – 223 с.

8. Цымбурский В. Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 372 с.

9. Шалагинов Д. С. Преодоление единства и онтологическая нестабильность // Философские науки. – 2015. – № 5. – С. 67–79.

10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М.: Мысль, 1998. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 606 с.

Сведения об авторе

Ставцева Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0257-3430, e-mail: stavtseva_olga@mail.ru

[1] Цымбурский Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHfa8f52a5682673891d14fa (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 291.16
ГРНТИ 02.71.00

К вопросу о терпимости и вере (по материалам изданий переписки Екатерины II и Вольтера в библиотечном собрании Государственного Эрмитажа)

Л. Э. СУТЯГИНА

В статье рассматриваются первые издания переписки императрицы Екатерины II и французского философа Вольтера, хранящиеся в научной библиотеке Государственного Эрмитажа. Изучаются вопросы веротерпимости и религиозной дискуссии в приватной переписке русской императрицы и известного французского просветителя, отмечая особенность первых переводов переписки Екатерины II и Вольтера, опубликованных в 1802–1803 гг. в Санкт-Петербурге и в Москве.

Ключевые слова: Екатерина II, Вольтер, переписка, приватность, эпистолярный жанр, веротерпимость, религиозность, перевод, Просвещение, самодержавие.

Благодарности: автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам научной библиотеки Государственного Эрмитажа за помощь и поддержку в научно-исследовательской работе по данной теме. *Статья посвящена памяти выдающегося религиоведа и философа Михаила Юрьевича Смирнова.*

Переписка между российской императрицей Екатериной II (1729–1796) и французским философом Франсуа Мари Аруэ Вольтером (1694–1778) в конце XVIII в. имела не только европейское значение, но и оказала влияние на политические события той эпохи. Интрига вокруг «Северной Семирамиды», как называли русскую царицу, способствовала привлечению общественных симпатий к России, развитию культурных связей между Россией и Европой.

Вольтер оценивал российских самодержцев Петра I и Екатерину II как просвещенных правителей, полагая, что концепт «философа на троне» сыграл важную роль в государственных преобразованиях России в XVIII в. Екатерина Великая считала себя преемницей дел Петровых, о чём свидетельствуют не только многочисленные документы, но и памятник императору Петру Великому «Медный всадник» со знаменитой фразой «Petro primo – Catharina secunda», открытый в 1782 г. Скульптора Этьена Мориса Фальконе посоветовал Екатерине II ещё один её корреспондент − французский философ Дени Дидро (1713−1784).

В контексте переписки с господином Вольтером Екатерина II обсуждала вопросы внутренней и внешней политики, военные события, законодательную деятельность, строительные проекты в Санкт-Петербурге, аспекты духовности и терпимости (фр. tolerance), восстание Емельяна Пугачева (1742−1775) и многие другие проблемы той эпохи. Таким образом, освещалась не только просветительская миссия Екатерины II, амбиции правящих элит Европы, России, Османской империи, Китая, но и влияние антропоцентрических идей Вольтера на Европейских монархов.

Переписка Екатерины II и Вольтера на французском языке длилась с 1763 по 1771 г., затем продолжилась до 1778 г. Исследователи эпистолярного насле-

дия Екатерины II полагают, что письма императрицы к Вольтеру были продуманы, выверены, порой даже «перебеленные», как пишет Ж. К. Павлова, хранитель Научной библиотеки Эрмитажа в 70-е гг. XX в. [Павлова, с. 14]. Уникальность переписки в том, что письма философа и императрицы, являясь субъективным фактором, дают характеристику многим объективным событиям и взглядам XVIII в. При этом размышления корреспондентов созвучны нашему времени − проблемы веры, религиозной терпимости, власти, закона, взаимоотношений между священниками и паствой, между религиозными конфессиями, и даже тема "проэктов" звучит в этом диалоге. Императрица и философ излагают свои мысли о либеральных ценностях, общественной морали, роли абсолютизма, уважая мнение друг друга. Не обошлось без лести и лукавства, но в целом в ретроспективе времени и событий читатель переписки погружается в эпоху, представляя знаменитых корреспондентов в ином амплуа.

Переписываясь с Вольтером, Екатерина II высказывала своё мнение по поводу развития русской культуры, популяризации философской мысли в русском обществе. Стиль переписки не только официальный, но и дружественный. В письме от 9 июля 1766 г. императрица писала Фернейскому затворнику о том, что «...ничего не значит дать своему ближнему и самую часть из всего того, в чем имеем мы великое изобилие; но быть ходатаем рода человеческого, защитником угнетенной невинности − это достойно бессмертия» [Переписка, 1803, с. 18]. Тем самым Екатерина II подчеркивала уважение к позиции Вольтера по защите справедливости в борьбе с суевериями, фанатизмом и невежеством.

Вольтер в переписке с русской императрицей оставался верен идеям о религиозной терпимости, высказанным в знаменитом трактате, опубликованном в Женеве в 1863 г., где он осуждал нетерпимость, суеверия и пороки священнослужителей. В приватной переписке философ обвинял капуцинов и Св. Франциска, на что императрица увещевала философа относиться терпимо к священникам, исполняющим свои обязанности. Екатерина II подчеркивала в письме от 28 ноября 1765 г., что читала трактат «О веротерпимости» фразой «признайтесь, − вы, которому человечество обязано за покровительство добродетели и невинности в особе Каласов, – признайтесь, что несправедливо, и жестоко было бы разлучить ученого с его книгами» [Переписка, 1803, с. 13]. Речь здесь идёт о покупке библиотеки Дидро для Зимнего дворца (в письмах он указан как Дидерот − прим. авт.). О беседах с Дидро Екатерина упоминала в письме к Вольтеру от 27 декабря 1773 г. Тем самым императрица хотела показать своё отношение к идеям Просвещения [Переписка, 1803].

Отвечая на колкое замечание Вольтера по поводу некомпетентности священников, Екатерина II писала, что «терпимость всех вер у нас законом установлена, следовательно гонение запрещается», защищая тем самым представителей священства в православии и парадигму ортодоксальной церкви [Переписка, 1803, с. 14]. В каком-то смысле Вольтер сам нетерпим к представителям католического Рима, когда пишет о том, что «никогда не хотел я быть в Риме − я всегда чувствовал отвращение видеть в Капитолии монахов − и гробницы Сципионов, попираемыя ногами священников» [Там же, с. 17]. Возвращаясь к теме терпимо-

сти, в письме от 27 мая 1769 г. Вольтер справедливо заметил, что «колонии, художества всякаго рода, хорошие законы и терпимость всех вер составляют страсть моего сердца» [Там же, с. 50].

В ответ на сетования Вольтера Екатерина указывала в письме VII от 9 (20) июля 1766 г. на то, что в «Великой империи, которая простирает владычество на столько различных вер между людьми – нетерпимость религий их вреднее всего для мира и спокойствия граждан. Одна только благоразумная терпимость, равно одобряемая и законом православным и политикою, может привесть к истинной вере всех овец заблудших. Гонение ожесточает души, терпимость смягчает их...» [Переписка, 1803, с. 20]. На эти размышления императрицы Вольтер в письме от 22 декабря 1766 г. отвечал, что готов вместе с Дидро и д᾽Аламбером «возвести алтарь» ей за щедрость, великодушие, рассуждения о терпимости [Переписка, 1803, с. 22]. Во второй части переписки в письме от 16 декабря 1774 г. Вольтер обращается к Екатерине с просьбой «...внести в Уложение Ваше особливый закон, который бы не позволял целовать руки священников никому» [Переписка, 1802, с. 203]. Вопрос по поводу целования руки священству обсуждался между императрицей и философом и раньше. Императрица ответила Вольтеру с юмором, написав, что этот обычай ввели ещё в Греческой церкви, а если Вольтер приедет, то она от всего сердца поцелует его руку, которая «написала столько превосходного» [Переписка, 1802, с. 201]. При жизни императрица Екатерина II запретила публиковать Кельское издание Бомарше, где впервые была опубликована переписка императрицы и философа, хотя в Москве и в Санкт-Петербурге знали об этом. Екатерина II не приветствовала перевод приватной переписки с Вольтером. Павел I поступил также, опасаясь вольнодумства.

В Научной библиотеке Государственного Эрмитажа хранится несколько первых изданий переписки Екатерины II и господина Вольтера, переведенных на русский язык и опубликованных в 1802–1803 гг. для широкой аудитории. Первые переводы переписки Екатерины II и Вольтера были выполнены с Кельского издания «Oeuvres completes de Voltaire» Бомарше (1785–1789) в правление императора Александра I. Известный исследователь и хранитель библиотеки Вольтера В. С. Люблинский считал, что в 1872 г. П. Пекарский, а затем Я. Грот опубликовали письма Екатерины II и Вольтера по подлинникам [Люблинский, с. 266].

Интрига состоит в том, что не во всех экземплярах изданий переписки, хранящихся в Научной библиотеке Эрмитажа, есть титульный лист с указанием авторов перевода. Их было несколько – М. И. Антоновский, библиотекарь Императорской Публичной библиотеки, И. А. Фабиан, переводчик Герольдмейстерской конторы, А. И. Подлисецкий, переводчик и издатель, И. И. Мартынов, редактор журнала «Северный Вестник». В одном из изданий «Переписки... » из собрания Эрмитажа титульный лист отсутствует, поэтому мы не можем определить точный год издания и автора перевода. Однако по оформлению текста издания, бумаге верже, переводу сносок можно предположить, что это издание 1802 г. в переводе М. И. Антоновского или И. И. Мартынова. В публикации часть писем Вольтера удалена или перечеркнута красными чернилами, письма Екатерины II полностью сохранены. Возникает вопрос: кто мог это сделать и зачем? С учетом того, что данная книга хранилась в личной библиотеке императора Николая II, о чём свидетельствует экслибрис царя, выполненный бароном

А. Е. Фелькерзамом в 1907 г. [Сутягина, с. 70–88]. Это издание представляет особый интерес для исследования, так как не ясно, кто перечеркивал и удалял письма Вольтера − цензор, редактор или просто читатель Собственной Его Величества библиотеки.

В Отделе редкой книги Государственного Эрмитажа представлена переписка Екатерины II и господина Вольтера в переводе А. И. Подлисецкого, изданная в 1803 г. в Москве в Губернской типографии у А. Решетникова с дозволения Московского гражданского губернатора. В собрании Эрмитажа также хранится «Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II и господина Вольтера с 1763 по 1778 гг.», изданная в 1802 г. в Императорской типографии в Санкт-Петербурге. Автор перевода не указан. Книга поступила в фонд библиотеки Эрмитажа из историко-бытового отдела Русского музея. На внутренней обложке издания − экслибрис князей Бобринских. Эти издания представляют интерес не только с библиографической точки зрения, но и как источники толкования переписки французского философа и русской императрицы.

Многолетняя приватная переписка Екатерины II и Вольтера является своеобразным феноменом во взаимоотношениях российского Престола и французского Просвещения, хранит много тайн и загадок. Публикации и переводы переписки интересны отношением к ней не только современников, но и представителей императорского дома Романовых. Многие загадки предстоит ещё изучить, исследовать и разгадать.

Список источников

1. Вольценбург О. Э. Библиотека Эрмитажа. Краткий исторический очерк. – Л., 1940. – 80 с.

2. Люблинский В. С. Подлинники переписки Вольтера с Екатериной II // Французский ежегодник. Статьи и материалы по истории Франции. – М.: Наука, 1967. С. 267–272.

3. Переписка Екатерины Великия с господином Волтером / пер. А. Подлисецкий. М.: В Губернской типографии у А. Решетникова, 1803.

4. Переписка Екатерины Великия с господином Волтером. в 2 ч. Ч. 1–2. Б.Г. –220 с.

5. Павлова Ж. К. Из истории книжного собрания Эрмитажа // Труды Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Т. XVI. – Л., 1970. – 164 с.

6. Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины Вторыя с г. Волтером, с 1763 по 1778 год / пер. с фр.: в 2 ч. Ч. 1–2. С дозволения С.П.Б. Цензуры в Санкт-Петербурге. Отпечатано в Императорской типографии, 1802. – 220 с.

7. Сутягина Л. Э. Императорская семья и русские философы на рубеже XIX–XX столетий. Мнения и размышления // Воспитатели и учителя в российской императорской семье: сборник материалов научной конференции (7–8 декабря 2023 г., Санкт-Петербург) / Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный музей истории Санкт-Петербурга; ред.: Т. В. Глушенкова, Е. С. Степченко. – СПб.: Издательство ГМИ СПб., 2024. – 145 с.

8. Щеглов В. В. Собственные его императорского величества библиотеки и арсеналы: краткий исторический очерк 1715–1915 гг. – СПб.: Государственный Эрмитаж. 2018. – 264 с.

Сведения об авторе

Сутягина Людмила Эдуардовна – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: lousia@yandex.ru

УДК 165.22
ГРНТИ 02.15.99

Экзистенциальное единство познающего субъекта

А. П. ЧЕРНЕЕВСКИЙ

В работе исследуется природа познающего субъекта и проблема единства экзистенциального познавательного опыта через призму классической и современной философии. Анализируются принципы существования познающего субъекта в связи с проблемами онтологии, гносеологии, антропологии. Особое внимание уделяется вопросу экзистенциальной единичности (от телесного единства до идеи трансцендентного) и механизмам объединения социального субъекта. Единство познающего субъекта одновременно зависит от его внутренней экзистенциальной самодостаточности и от внешнего объединяющего принципа.

Ключевые слова: познающий субъект, онтология, экзистенция, единство, единичность, теория познания.

Вопрос первый. Возможно ли существование не-познающего субъекта? Замечание о том, что субъект может сам стать объектом изучения (познания) содержит противоречие – в этом случае субъекта не существует, это объект. Если отличать познавательную мыслительную деятельность от бессознательных волевых актов, то можно говорить о субъект, как о социальном акторе без необходимости какого-либо познания или самопознания. С позиции экзистенциализма познание – это *проживание и опыт* в первую очередь и лишь затем – логическое, мыслительное оформление мысли. В таком случае субъект – это всегда познающий субъект, если познанием считать любое взаимодействие с окружающим миром. Однако такой подход идеализирует человека и потому некорректен. Например, понятие Хайдеггера «Das Man» (усредненный человек, человек среднего рода) сообщает о людях, которые не проживают мир, но скорее прячутся от него. Примерно тот же смысл Кьеркегор вкладывал в понятие «язычник» – человек, который не просто отрицает спасительную силу христианства, но человек, который в отчаянии, не находит ничего большего, не ищет смысл бытия в христианской истине. «Язычник» остается в бесконечном бессмысленном отчаянии. Таким образом, субъект не всегда находится в экзистенциальном состоянии и не всегда познает мир. Тем не менее, сохраняется вопрос о жизненности и единстве не-познающего субъекта, поскольку отсутствие экзистенциального познания – это отсутствие взаимодействия с миром, следовательно, путь к экзистенциальному самоуничтожению.

Вопрос второй. Что подразумевается под *познанием*? Классическая система «онтология vs гносеология» (различие бытия и познания) в современности не работает, поскольку философию интересует онтология и гносеология в единстве. Кант строго разделил эти сферы, но последующая история философии показала, что авторы не оставляют попытки найти объединяющие понятия для онтологии и гносеологии, например, понятие «Абсолютный дух» Гегеля. Ту же задачу ставит экзистенциализм, объединяющий онтологию и антропологию в субъективном экзистенциальном опыте иного [бытия], например в понятии dasein Хайдеггера.

Проблему единства познающего экзистенциального субъекта формулирует Кьеркегор, заявляя, что познание начинается с «единичности», с человека («Den Enkelte» – отдельный человек, индивид) [Кьеркегор, с. 29]. Вопрос в том, является ли субъект чем-то единым в момент именно *познания*, коль скоро познание – не только экзистенция? В экзистенциализме речь не идет о формальной истине, речь идет о фокусировке внимания на себе и одновременно на окружающем мире в зеркале себя. Это хорошо показал Мартин Бубер в формуле «Я-Ты создает мир отношения» [Бубер, с. 5]. Сартр формулирует эту мысль таким образом, что «Другое» – это необходимое условие самосознания, которое ограничивает свободу субъекта, выступая зеркалом и источником оценки [Сартр]. В экзистенциальном акте познания (взаимоотношения субъекта и мира) единство эго (субъекта) сохраняется, оно теряется в ситуации умножения сущностей в Эго (например, шизофрения).

Вопрос третий: проблема психологизма. Как можно говорить о безличности, не-субъективности и ценности познания, если условием начала познания является личный (единичный) экзистенциальный опыт? Э. Гуссерль пытался построить полностью безличную, логическую систему, отражающую интенциональные акты сознания. Один из существенных недостатков этой системы – солипсизм, в некотором смысле противоположный психологизму: либо мы допускаем этику, как критерий истины, и ставим критерием истины счастье человека (или границы счастья и его невозможность, как у Кьеркегора или Шопенгауэра), либо мы ограничиваемся монадологией (невозможность вывести безличную науку из субъективности логического акта сознания). Таким образом, решение проблемы психологизма мы здесь сформулируем через этику: счастье – это единство человека как экзистенциального познающего субъекта. Например, понятие Единого Плотина, во-первых, ассоциируется с Благом, во-вторых, из трансцендентального Единого эманирует последовательно Ум, Душа и Материя и это онтологические постулаты. Однако «Эннеады» Плотина – это скорее антропология, автор постоянно задается вопросом о человечности и об истине, причем залогом Истины становится *единство* трансцендентного Блага, воплощенного в видимом мире. Плотин ищет что-то незыблемое, бессмертное в человеке и находит его в онтологическом Едином.

Вопрос четвертый. Что такое единство и единичность в экзистенции? Первый пример единичности – это наше тело. Единство мира изначально не осознается как «мир в целом», для архаики не существует законов природы, единства людей, государства, одного мира вокруг. Можно предположить, что экзистенциальным пред-основанием принципов логики также является единство тела (принцип тождества) и противоположность тела и окружающего мира (принцип исключенного третьего). Ключевой момент в познании – способность сознания человека к анализу и синтезу, которая актуализируется в восприятии иного через самого себя. Единство «мира в целом» возможно только через представление о трансцендентном, через метафизику, через нечто иное по отношению к видимому. В истории западной философии эту проблему впервые обсуждает Платон в диалоге «Парменид»: «Единому не принадлежат никакие определения; про

него нельзя сказать даже, что оно существует и познаваемо. Чистое бытие есть нечто равное небытию» [Радлов, с. 7]. Для того, чтобы постулировать единство мира, его сначала нужно собрать воедино, что невозможно из самого мира, но только через нечто запредельное этому миру.

Возьмем в качестве примера христианство. Идея трансцендентного Бога формируется в иудаизме. Христианство реформирует иудаизм, добавляя этическое (человеческое) измерение, но сохраняя принцип невидимости Бога. Бог запределен этому миру, это является гарантом его единства и общности для всех людей, но Бог явлен в трех Лицах, одно из которых Бог-Сын – Христос. Христос – гарант спасения, поскольку соединяет мир людей и Божественный мир. Изначально проповедь Христа распространялась только на иудеев, но апостол Павел принимает в христианскую церковь буквально всех. Так христианство становится мировой религией, объединяющей людей под единым символом невидимого, трансцендентного Бога.

Другой пример единства субъекта через *иное*. Переворот в теории познания, который совершил И. Кант заключается в том, что прежде чем постулировать онтологические принципы мы обращаем внимание на способности *сознания* к доопытному синтезу. Однако сознание – не сознание отдельного человека, но это трансцендентальный субъект – его способности к априорному синтезу определяются не личным «субъективным», но безличным субъективным чистым разумом (свободным от опыта). Так субъект как личность становится безличным познающим субъектом, объединенным самим принципом разумности, но этот принцип запределен субъекту (не зависит от него самого). Позднее А. Шюц сформулирует принцип интерсубъективности, который показывает, что пространство жизненного мира для людей относительно одинаково [Шюц]. Из принципа интерсубъективности мы можем делать выводы о единстве субъектов: государство, научное сообщество, трудовой коллектив, семья.

Вопрос пятый. Как происходит объединение социального субъекта? Буддийский принцип анитья – непостоянство, не-вечность – непостоянны все внешние и внутренние элементы потока сознания. Из этого принципа следует, что все, поделенное на части, непостоянно, смертно, подлежит уничтожению. Другой буддийский принцип – анатмавада – сообщает вообще о нереальности атмана (души или эго). Таким образом, в буддизме личность – это иллюзия, видимый мир также иллюзия. Тем не менее, мы наблюдаем в окружающем мире (равно как и в самих себе) субъектов социального или психологического действия, которых отличает именно единство самих себя. Буддизм в культурном смысле «противоположен» христианскому западному принципу «реальности» души, но в перспективе смертности тела этот подход лишь обратная сторона, противоположность, то есть экзистенциальный субъект и реален, и не-реален одновременно. Субъект реален в своей экзистенциальной единичности, но нереален, поскольку принцип его объединения неясен для него самого (исходит из внешнего принципа).

Существует концепция Б. Спинозы о непрерывности и реальности единой субстанции, которая есть причина самой себя. В этом подходе Спиноза этически обожествляет и объединяет весь мир: от видимого и ощутимого до невидимого

Бога (пантеизм). С точки зрения границ чистого разума (онтологически) эта концепция не выдерживает критики (И. Кант), однако антропологически мы можем (по аналогии с субстанцией Спинозы) сформулировать так: экзистенциальный единый субъект – это причина самого себя, которая самодостаточна. Любой единичный человек либо коллектив, семья или даже государство является самоопределяющим, самовоссоздающим самого себя субъектом в постоянном синтезе. Любое разделение, размежевание приводит к смерти, исчезновению. Здесь не может быть никаких научных, математических (логических) или онтологических критериев правильности.

Приведем пример. Современное научное сообщество – это единый познающий субъект. Несмотря на разрозненность подходов, несмотря на множество гипотез и споров вокруг методологии науки, сохраняется *одна* наука, одно естествознание (физика, химия, биология). С другой стороны, гуманитарное познание не едино в мире, и мы не можем говорить о единой истории или культурологии. Религиоведение и психология «западная» и «восточная» не просто различаются, но, например, в Китае может вообще отсутствовать религиоведение или психотерапия в западном классическом понимании. Дело в том, что естествознание исходит из законов природы, которые принципиально не зависят от человека, являются чем-то внешним, и только потому – единым. Это объединяет научное сообщество.

Единство сообщества во всех смыслах – от человека до человечества определяется его экзистенциальной единичностью. Единство познающего субъекта экзистенциально зависит от него самого, и одновременно, от внешнего ему объединяющего принципа.

Список источников

1. Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. П. С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – 173.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. Н. Исаевой – М.: ТЕРРА, 1998. – 383 с.
3. Радлов Э. Введение // Полное собрание творений Платона: в 15 т. Л.: Academia, 1929. – 192 с.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. – М.: АСТ, 2024. – 925 с.
5. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова. – М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. – 334 с.

Сведения об авторе

Чернеевский Алексей Петрович – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: cherneevski@gmail.com

МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: ИСКУССТВО КАК ЯЗЫК ЕДИНСТВА

УДК 76.03
ГРНТИ 18.31.51

Многонациональная Бурятия: изобразительное искусство республики, художники разных поколений и стилей

М. В. АСАЛХАНОВА

Исследуется изобразительное искусство многонациональной Бурятии и творчество русских и бурятских художников. Отдельное внимание уделено живописи А. В. Казанского и скульптуре Д. Б. Намдакова, ярких представителей разных национальностей, поколений и стилей.

Ключевые слова: изобразительное искусство Бурятии, художники республики, А. Казанский, Д. Намдаков.

Союзу художников Бурятии в апреле 2026 г. исполняется 93 года со дня образования. Данное объединение было сформировано 23 апреля 1933 г. после Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций». В состав Союза вошли художники – представители разных национальностей. Подготовка к празднованию десятилетия образования республики (Бурят-Монгольской АССР) в 1933 г. явилась предпосылкой к этому событию. К подготовке были привлечены лучшие мастера Иркутска, Москвы, Ленинграда и деятели искусства Бурятии, в совместном творческом общении которых появилась идея создания объединения художников в единую организацию. Первым председателем Союза был назначен Георгий Ефимович Павлов. Его соратниками стали Ц. С. Сампилов, Р. С. Мэрдыгеев, А. А. Окладников, Ф. И. Балданов, И. А. Аржиков, А. П. Ажигиров и др.

Изобразительное искусство Бурятии многонационально. Среди художников республики представители разных национальностей (русские, буряты, монголы). В их произведениях (живописцев, графиков, скульпторов, мастеров декоративно-прикладного искусства), представителей разных поколений проявляется многообразие стилей, жанров, традиций различных этнических групп, их культурные ценности и идеалы[1]. Среди известных русских художников, работавших в Бурятии и входивших в разное время в состав СХ республики: Г. Е. Павлов, А. А. Окладников, А. В. Казанский, А. И. Тимин, М. Е. Шестакова, Е. И. Неволина, М. Я. Метелкина и многие другие. Известные бурятские художники: Ц. С. Сампилов, Ф. И. Балданов, Р. С. Мэрдыгеев, А. Н. Сахаровская, Д. Д. Дугаров, С. Р. Ринчинов, Д. Г. Пурбуев, Ч. Б. Шенхоров, Т. С. Манжеев,

[1] Асалханова М. В. Истоки сценографии бурятского театра: от обряда до первых профессиональных спектаклей: дис. … канд. искусствоведения: 17.00.01 / Санкт-Петербургская академия театрального искусства. СПб., 2005. 200 с.

Д. Т. Олоев, Е. А. Болсоноев, Г. Г. Васильев, В. Б. Бухаев, А. О. Цыбикова, Д. Б. Намдаков и многие другие. Основоположник бурятского профессионального искусства – народный художник Бурят-Монгольской АССР Цыренжап Сампилович Сампилов, получивший образование в Москве (живописный факультет, ВХУТЕИН). Автор сотен рисунков, этюдов, иллюстраций и картин («Арканщик» 1938 г., «Гэсэриада», 1940 г., «Свадьба хоринских бурят», 1943 г. и др.). Монгольские художники, работавшие в Бурятии – Пурэвын Мэлс, Иннокентий Налабардин. Эти авторы интересны разнообразием жанров и техник, гармонией цвета и лаконичностью в портрете, натюрморте, композиции. Монгольский художник бурятского происхождения Пурэвын Мэлс – автор не только живописных работ («Материнское сердце», «Вдвоем», «Добро пожаловать!»), но и эмблемы Международного бурятского фестиваля «Алтаргана–2000» (с изображением лебедя – праматери хори-бурят).

Основные темы в творчестве художников: национальные образы, мотивы Родины, тема мира и труда, фольклорно-эпическая тема, традиционные праздники. Многие из авторов обращались в своем творчестве к теме подвига и образу главного богатыря из героического эпоса бурят «Гэсэр». Известно, что основы живописной «Гэсэриады» заложены художником и мыслителем Николаем Константиновичем Рерихом (серия «Замки Гэсэра», варианты картины «Меч Гессар-хана», «Гэсэр-хан»)[1]. В работах художников Бурятии разных поколений героический эпос и образ его главного богатыря занимают особое место (могучий защитник со сверхъестественной силой, воин-труженик в иллюстрациях Ц. С. Сампилова, этнографически точные работы Р. С. Мэрдыгеева с изображением Гэсэра – младенца; сказочно-возвышенный образ героя в эскизах Г. Е. Павлова, лаконичное обобщение и метафоричность образа богатыря в линогравюрах А. Н. Сахаровской; седовласый мудрый старик Гэсэр в ассоциативных композициях Д. Г. Пурбуева и др.) [Асалханова, 2025].

В 2023 г. в Москве (музейно- выставочный комплекс Российской Академии Художеств, галерея искусств Зураба Церетели) был представлен масштабный выставочный проект художников Бурятии, приуроченный к столетию образования республики. Основной задачей проекта являлось «укрепление престижа культуры Бурятии, искусство которой занимает достойное место в многонациональном пространстве России»[2]. В рамках проекта были представлены живописные полотна, графические листы, скульптурные композиции и произведения декоративно-прикладного искусства русских и бурятских авторов, академиков Российской академии художеств (РАХ), членов-корреспондентов и почетных членов РАХ, членов Союза художников Бурятии (В. Б. Бухаева, Г. Г. Васильева, Д. Д. Дугарова, А. В. Казанского, Ю. Е. Мандаганова, А. А. Миронова,

[1] Белогурова С. А. Образ Гэсэра в творчестве художников XX–XXI веков: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/obraz-gesera-v-tvorchestve-hudozhnikov-xx-xxi-vekov-k-postanovke-problemy (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Выставка «Художники Бурятии. Российская Академия художеств» в МВК РАХ. [Электронный ресурс]. URL: https://rah.ru/exhibitions/detail.php?ID=59682 (дата обращения: 11.03.2026).

Д. Б. Намдакова, С. Р. Ринчинова, Ч. Б. Шенхорова) из фондов Художественного музея имени Ц. С. Сампилова (г. Улан-Удэ) и нескольких частных собраний. Многообразие работ, стилей, традиционных и современных техник и материалов позволило продемонстрировать органическую взаимосвязь традиционной культуры и академической школы, синтез народного искусства и современного изобразительного языка. Классическое художественное образование авторов позволило совершенствовать собственный стиль и профессиональные навыки в различных жанрах (портрет, пейзаж, анималистика и т. д.).

Среди ярких имен выдающихся авторов данного проекта – А. В. Казанский и Д. Б. Намдаков, занимающих особое место в многонациональном изобразительном искусстве республики. Оба художника родились в Бурятии. Они представители разных национальностей, возрастных поколений и стилей. Александр Владимирович Казанский (1935–2011) – советский и российский живописец, педагог, общественный деятель, первый академик РАХ в Бурятии, народный художник России, председатель Союза художников Бурятской АССР (1964–1969). Родился в г. Улан-Удэ, получил образование в Иркутском художественном училище и в Московском государственном художественном институте им. В. И. Сурикова. После окончания учебы в институте вернулся в родную Бурятию. Вся творческая жизнь мастера связана с Бурятией, ее людьми и природой. Казанский принадлежит к направлению так называемых шестидесятников и является продолжателем традиций русских романтиков. Для его живописи характерны масштаб полифонического звучания, крупные живописные отношения, цветотональное напряжение, равномерное освещение и четкий пространственный ритм.

Байкал – одна из главных тем в творчестве мастера. Он – автор серии работ, получивших название «Байкальские хроники», создатель более 300 живописных пейзажей Байкала («Байкал. Малое море», «Баргузинские хребты», «Байкал», «Байкальские горы», «Вечер на Байкале», «На Байкале штиль», «Осень на Байкале», «Скала Шаман. Байкал», «Полуостров Святой Нос» и др.). В 1972 г. за цикл произведений, посвященных Байкалу, художник удостоен Государственной премии Бурятской АССР[1]. Одна из самых известных работ мастера – «Рыбаки Байкала» (1964 г.). Позднее после многочисленных зональных и международных выставок картина получит заслуженное признание и станет «программным произведением сурового стиля в искусстве»[2]. В тщательно продуманном композиционном решении масштабного полотна – авторские находки не только в пейзаже (противопоставление надвигающейся на рыбаков тяжелой волны и огромных лодок с поднятыми к небу носами), но и в портрете (вместо привычной для многих рыбацких сцен богатого улова в живописи этого периода показан обычный сюжет из рыбацкой жизни – починка сетей; вместо пафоса по-

[1] Бороноева Т. А. Александр Казанский – первый академик РАХ в Бурятии. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-kazanskiy-pervyy-akademik-rah-v-buryatii/viewer (дата обращения: 13.03.2026).

[2] Там же.

беды – живые, сосредоточенные лица рыбаков). Цветовым решением подчеркивается связь стихии с людьми (выцветшие робы рыбаков согласованы со светлыми барашками на воде, черно-красные лодки на песке – с синей волной). Для художника Байкал – источник бесконечного вдохновения и кладезь сюжетов. Сам Александр Владимирович отмечал: «Я много где побывал на побережье Атлантики, Тихого океана, на Каспии, Севане… Все это прекрасно, и все же нигде не видел и не ощущал той необыкновенной ауры, которая исходит от Байкала» [Нехорошев, с. 46].

В поисках новых методов работы автор разрабатывает новые приемы письма (например, эффект оптического смешения цветов достигался за счет наращивания слоев краски, подготовки основы в виде живописной подкладки контрастных тонов, родственных или дополнительных)[1]. Художник – автор не только пейзажей, но и монументальных работ (росписей, мозаик), натюрмортов и многочисленных портретов своих современников («Портрет народного художника Бурятской АССР скульптора Г. В. Васильева», 1980 г., «Табунщик», 1980 г., «Портрет Героя СССР заслуженного художника РФ Г. Н. Москалева», 1985 г.). Мировоззренческие принципы мастера близки идеям буддизма: человек у Казанского – часть природной системы. И для автора важно передать не портретное сходство, а внутреннее состояние человека.

Даши (Дашинима) Бальжанович Намдаков (1967 г.р.) – бурятский и российский скульптор, график, дизайнер, народный художник Республики Бурятия, заслуженный художник РФ, член-корреспондент РАХ, член Академии киноискусства России, почетный академик Академии искусств г. Флоренция. Родился в бурятском селе Укурик (Забайкалье), выпускник Красноярского Государственного художественного института. После окончания учебы вернулся в Бурятию. Его творчество– яркий пример сочетания традиции и новации, преображения традиций бурятской культуры в новой, современном, профессиональной форме. Стиль мастера – обращение к традициям художественной культуры бурят, к архетипическим образам искусства кочевников и попытка найти новую современную пластику, истоки которой заложены академической русской школой скульптуры.

Скульптура – традиционный вид творчества бурятского народа. Интерес к скульптуре характерен и для современного искусства Бурятии. Этому способствовали два обстоятельства: появление профессиональных скульпторов (выпускников центральных российских художественных вузов) и повышенный интерес к станковой скульптуре и скульптуре малых форм [Асалханова, 2022].

Истоки современной бурятской скульптуры – в национальной пластике предметов быта и культа (традиционная резьба по дереву, металлические и деревянные маски «личины», буддийская алтарная скульптура). Своеобразие современного профессионального искусства скульптуры Бурятии связано с возрождением национального самосознания и творческим переосмыслением

[1] Бороноева Т. А. Александр Казанский – первый академик РАХ в Бурятии [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-kazanskiy-pervyy-akademik-rah-v-buryatii/viewer (дата обращения: 13.03.2026).

национальных традиций. В наши дни данное искусство представлено практически всеми основными направлениями (монументальная, ландшафтная, станковая скульптура, авторская пластика малых форм). Современные художники Бурятии активно обращаются к традиционному опыту как к богатейшему источнику для вдохновения. Знание традиций и культуры прошлого позволяет им преобразить реальность и сделать ее выражением собственных идей.

Для авторского стиля Намдакова характерны две важнейшие составляющие: прекрасная профессиональная школа и (как источник вдохновения) образы древних восточных культур. Все это в одинаковой степени относится и к его монументальным скульптурным комплексам, станковой скульптуре, графике, и к мелкой ювелирной пластике и дизайнерским объектам. Его творчество, синтезирующее несколько источников и традиций – гармоничное соединение наследия мирового изобразительного искусства (скифо-сибирского звериного стиля, японской гравюры и нэцке, ренессансной графики, монгольской, центрально-азиатской и средневековой европейской пластики, африканской скульптуры). Но это не автостилизация, не набор заимствований и реплик известных мотивов, а его собственное мироощущение, живая пластика с мощным творческим началом [Боровский]. Вместе с тем творчество мастера тесно связано с культурными традициями его родины (Забайкалья), имеет ярко выраженные национальные истоки, которые проявляются как в тематических, жанровых, композиционных формах, так и в технико-технологических особенностях его работ. Намдаковы – творческие люди, фамилия которых принадлежит к древнему роду кузнецов-дарханов *(«дархатэ»),* который известен своими прекрасными мастерами, ювелирами и художниками. Сам Даши часто отмечает, что всем, что он умеет, он обязан своим родителям и своей Родине.

Характерная особенность многих работ Намдакова: названия произведений образуют связующую нить с легендами (образами) прошлого. В станковых произведениях художника множество зооморфных мотивов мифологического характера («Буха-нойон», 2002 г., «Апис», 2005 г., «Минотавр», 2010 г.). Вытянутые пропорции, некоторая несоразмерность фигур, пластика хищников («Царица», 2001 г., «Мать», 2007 г., «Хранитель» 2001 г., «Хранительница», 2003 г.) напоминают образы скифо-сибирского звериного стиля первого тысячелетия до н.э., искусство Древнего Востока, зооморфные образы древнего Ирана, античные керамические изображения VII в. до н.э., образы европейского средневековья. Многое из скифо-сибирского звериного стиля (служившим зооморфным кодом для выражения важнейших мировоззренческих концепций древних племен евразийских кочевников) воспринято художником. И вместе с тем имеет сугубо авторское звучание. Кони в произведениях художника занимают особое место, имея в основе разные прототипы. Всадник на коне, герой, скачущий на коне – символы Великой степи и культуры кочевых народов. А образ батора и его коня – один из главных в героическом эпосе и изобразительном искусстве бурят. В скульптурах «Сэтэр» (2002 г.) и «Конь Модэ» (2004 г.) с очевидным обращением автора к изображениям греческой архаики, работа с формой, объемом, пластикой животных совершенна. А контраст хрупкой человеческой фигурки и мощной

силы коня в композиции «Полет» (2007 г.) отсылает к древним наскальным изображениям животных, лошадей и оленей [Асалханова, 2022].

Одно из направлений творчества художника – религиозное. Сакральные образы, ритуалы шаманов, мистерии буддийских монахов становятся темами скульптурных, графических, ювелирных произведений («Ритуал», 2001 г., «Лама с литаврами», «Лама с бубном», «Лама с барабаном», 2003 г., медальон-барельеф на мемориальной доске буддийского храма в Санкт-Петербурге, 2004 г., «Маленький Будда», «Шаман», 2004 г., скульптурная группа-пирамида «Четверо дружных», 2008 г., «Маски мистерии Цам. Гаруда. Черепа. Дракон», 2008 г.).

Образы воинов и кочевников («Всадник», 1999 г., «Просветленный», 2002 г., «Страж», «Чингисхан», 2003 г., «Свет Шамбалы», 2004 г.) – из истории, легенд, мифов и преданий. В 2012 г. монументальная скульптура Чингисхана (2011 г.) Д. Намдакова была установлена в Лондоне. Его Чингисхан – всегда образ легендарного воина, властелина и народно-мифологический образ (аллегория с эпическим героем Гэсэром). Эта конная статуя – своего рода дань своему Учителю и школе Российской Академии; произведение, в котором органично соединены классические принципы построения скульптуры и основное достоинство авторского стиля Намдакова – выявление духовной сущности народа, ее визуализация традиционным языком профессионального художника и мастерство построения скульптурной работы.

Художник не боится экспериментировать со многими материалами, используя в их обработке старинные традиции. Из грандиозных монументальных скульптурных композиций мастера следует отметить «Ханшаим» (памятник-символ Казахстана), «Казан» (проект здания Центра семьи «Казан» и скульптуры, Республика Татарстан), «Царская охота» (монумент, установленный на набережной Енисея в Кызыле, Республика Тыва), посвященные традиционным культурам народов этих регионов. Сюжеты этих скульптур мифологичны, стиль исполнения также основан на пластических приемах прошлого. Вместе с тем внутренняя энергия образов, наполнение эпическим символизмом делает эти произведения важными культурными объектами больших географических территорий[1].

Творчество художника характерно активным поиском новых форм и выразительных средств. Обращаясь к теме Байкала, мастер создает инсталляцию «Хранитель Байкала» в современных технологиях (биоразлагаемый материал, печать 3D, очки виртуальной реальности). Инсталляция участвовала в основном проекте «Заоблачные леса» 7-й Московской Биеннале современного искусства (2018 г., Третьяковская галерея на Крымском валу). Это уменьшенная копия более традиционного бронзового варианта «Хранитель Байкала» (общей высотой 8,5 м), установленного на мысе Хобой острова Ольхон в Бурятии. Тема биеннале 2018 г.: найти точки соприкосновения между верным традициям «поколением лесов» и молодёжным «облачным поколением», которое не представляет свою

[1] Арт – фонд Даши Намдакова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dashiart.com/news/ russianmuseumopening (дата обращения: 11.03.2026).

жизнь без современных технологий[1]. Инсталляция Намдакова в виде Хранителя-Шамана-Дерева была призвана обратить внимание на экологические проблемы озера Байкал. В основе экспрессивного формообразования сакрального образа инсталляции –народная традиция бурят (взаимосвязь места поклонения природному объекту и художественного образа скульптуры). Все это созвучно вековой традиции бурят – сохранение и передача потомкам своего мифопоэтического мышления (как основы философии жизни): в поклонении природе, в ритуалах, в *«улигерах»* (сказаниях о подвигах героев), в танцах-хороводах *«ехор»,* в «оберегах» – орнаментах, в костюмах и т.д.

На персональной выставке Д. Намдакова 2018 г. в Государственном Русском музее было представлено 63 произведения скульптуры, графики и декоративно-прикладного искусства. Поиск новых методов реализации своего таланта, смелость использованных образов («Гаруда», 2010 г., «Единорог», «Энергия», 2018 г.), фактурность скульптур, яркие цветовые решения экспонатов – мощное и цельное высказывание мастера, его обращение к универсальным понятиям, общечеловеческим и культурным ценностям [Боровский].

Среди его проектов последних лет – скульптура Храмового комплекса вооруженных Сил РФ, скульптурная композиция «Матерям победителей» в парке «Патриот» (г. Москва, 2020 г.), Ленд-арт парка Тужи (Забайкальский край, 2021 г.), коллекция скульптур из дерева «Ясновидение» (2024 г.), рисунки тушью на рисовой бумаге (г. Иркутск, выставка «Тушь», 2025 г.). В творчестве Намдакова произведения различных направлений раскрывают лучшие черты авторского почерка, современного по форме и традиционного по содержанию. Некоторые исследователи называют подобное качество «археоавангардным» [Боровский]. Европейское классическое представление о гармонии сочетается с традиционным искусством, восточными идеалами красоты, знанием своих этнических корней, переработкой современных ценностей. Подобное сочетание поддерживается собственной мощной энергетикой, авангардной пластикой мастера, которая легко вписывается в современную (выставочную, городскую, ландшафтную) среду, особым динамичным способом работающей в пространстве, придавая ему экзотическое своеобразие и символическую значимость.

В заключение следует отметить, что изобразительное искусство Бурятии и многогранное творчество ее талантливых художников-живописцев, графиков, скульпторов, мастеров ДПИ разных поколений и стилей уже давно стали явлением большого культурного значения в многонациональном пространстве России, наглядно показывающим возможности расцвета национального искусства любого народа, живущего в нашей стране.

[1] Арт – фонд Даши Намдакова. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dashiart.com/news/ russianmuseumopening (дата обращения: 11.03.2026).

Список источников

1. Асалханова М. В. Творчество Даши Намдакова: традиции и новации // Отечественное искусство конца XIX – начала XXI вв. В диалоге эпох: идеи, стили, мастера: сб. тр. научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры искусствоведения СПГХПА им. А. Л. Штиглица. – СПб., 2022. – С. 367–379. EDN: GVYIEI

2. Асалханова М.В. Гэсэр: образ народного героя-богатыря в творчестве бурятских художников//XXIX Царскосельские чтения: сб. тр. международной научной конференции. – СПб., 2025. В 2 т. Т. 1. – С. 187–194. EDN: XQMQII

3. Боровский А. Даши Намдаков в контексте современного искусства // Русский музей представляет: Даши Намдаков. – СПб.: Palace Editions, 2018. Вып. 548. – С. 10–23.

4. Нехорошев Ю. П. Художник Александр Казанский. Жизнь и творчество: альбом. – Улан-Удэ: Нова-принт, 2013. – 136 с.

Сведения об авторе

Асалханова Марина Викторовна – кандидат искусствоведения, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: m.v.asalhanova@mail.ru

УДК 7.041:39(470)
ГРНТИ 17.81.23

Этнографические экспедиции И. Я. Билибина как основа «национального стиля»

Е. Т. БОГДАНОВА

Исследование анализирует роль этнографических экспедиций И. Я. Билибина по Русскому Северу в формировании его «национального стиля»: сбор фольклора, орнаментов и сказочных образов стал основой визуальной иконографии. Показано современное продолжение традиции и педагогический потенциал метода как инструмента сохранения культурного многообразия.

Ключевые слова: Иван Билибин, этнографические экспедиции, национальный стиль, культурная идентичность, традиционные орнаменты, этнография в искусстве.

В контексте современного поиска общенациональной культурной идентичности в России, особенно актуальным становится вопрос о том, как локальные, часто забытые традиции народов страны могут стать основой для создания единого, но не однородного визуального языка. Одним из первых и наиболее последовательных проводников этой идеи стал Иван Яковлевич Билибин – художник, чей «исконно русский» стиль был сформирован не через абстрактные национальные мифы, а через упорную, научно-ориентированную работу на местах [1].

Поверья, легенды, сказки – произведения устного народного творчества передаются из поколения в поколение и служат надежным проводником в мир древних обычаев и традиций. Такие яркие сказочные образы, как Иван-царевич, Жар-птица, Василиса Прекрасная и Баба-яга, прочно закрепились в современном сознании во многом благодаря таланту художника и иллюстратора Ивана Яковлевича Билибина. Стиль его произведений безошибочно узнаваем и отличается невероятной выразительностью.

В начале XX в. в период национального возрождения Билибин не ограничивался изучением книг и гравюр. Летом 1902 г. он отправился в Вологодскую и Архангельскую губернии [2]. В своем эссе «Народное творчество Севера» художник писал: «Это – край бесконечных лесов и больших и спокойных рек, катящих свои воды на север» [14]. Позднее Иван Билибин повторил свою экспедицию в 1903, 1904 гг., но уже с заданием от Русского музея: собрать для этнографической коллекции старинные вещи и национальную одежду. После поездок художник стал документально точно относиться к деталям: архитектурные детали, костюмы, утварь теперь выписывались им с опорой на исторические материалы. Под впечатлением от Севера он взялся за иллюстрации к былине «Вольга» и одновременно выполнял небольшие заказы от частных издательств: рисовал открытки с видами Архангельской губернии [3].

Этнографические экспедиции Билибина, начавшиеся в 1898 г. и продолжавшиеся более десяти лет, стали катализатором его художественной трансформации. Художник писал о русском Севере: «И вот таким-то углом, где еще

теплится, загасая, последняя искра древних русских укладов, и является наш Север. Для всякого русского исторического художника непосредственное ознакомление с Севером имеет громадное значение. Это – его Рим, это – главное место его специального художественного образования» [4].

Его альбомы, хранящиеся в Русском музее и в фондах Института этнологии и антропологии РАН, содержат тысячи зарисовок, включая детали резных наличников, узоры на ложках, мотивы на костюмах поморов и изображения духов из северных легенд. Именно эти элементы, а не общие стереотипные изображения, легли в основу его иллюстраций к сказкам, операм и книжным изданиям – от «Сказки о царе Салтане» до «Волшебной лампы Аладдина» [5]. Его стиль с плоскостной, строгой симметрией, чёткими контурами и геометризованными формами, стал не просто художественным приёмом, а визуальным кодом, в котором народная эстетика была трансформирована в универсальный язык. Это был не «народный стиль» в смысле упрощённого фольклора – это был «стиль народной культуры», осмысленный через научное поле [6].

Одним из основных факторов формирования категории «национального стиля» стало возникновение в XVIII в. современной идеи нации – исторически сконструированной системы ценностей, объединяющей язык, культуру и национальный характер. Этот процесс в Европе сопровождался кризисом латинского языка как универсального кода знания: Реформация, развитие науки и рост национального самосознания привели к триумфу родных языков, что усилило связь языка с национальной идентичностью. Среди современных авторов, практикующих этнографические экспедиции как метод художественного поиска, – Иван Билибин. Его поездки по Русскому Северу были не просто сбором фольклора, а осознанным актом включения народной эстетики в рамки национального художественного дискурса, продолжая ту же логику (от языка к визуальному коду), но уже в сфере изобразительного искусства [13].

Современные художники и дизайнеры (например, Татьяна Мартынова, Мария Гусева, Илья Кривцов и коллектив «Сибирь. Культура») продолжают переосмысление традиции через этнографические экспедиции: живут в деревнях, записывают песни, учатся у мастеров и изучают символику [7]. Казанские дизайнеры Натальи Гимадиева (основатель бренда «Гуселек») и Мира Рахмат (дизайнер бренда «MIRA RAKHMAT») создают дизайнерскую одежду и аксессуары с элементами татарского народного искусства. Якутская художница Кюннэй Иванова создала экологическую инсталляцию «Генерация», используя конский волос.

Эти практики в сотрудничестве с местными сообществами сохраняют традиции (не «фальшивый фольклор») и формируют гибридный, аутентичный визуальный язык – диалог поколений [8].

Метод Билибина ценен в художественном образовании: он учит через путешествие, наблюдение и диалог с носителями культуры [9; 10]. Во многих учебных заведениях и сегодня (например, в Суриковском институте, Казанском и Сибирском университетах) студенты, обучающиеся изобразительному искусству и дизайну, занимаются зарисовками орнаментов, беседуют с мастерами, записывают сказки, расширяя визуальный словарь и формируя уважение к

культурному многообразию. Метод представляет собой не только художественный приём, но и этическую позицию: искусство как форма культурной этики [11; 12].

Исследование показывает, что «национальный стиль» Ивана Билибина – это не результат импровизации или идеологического нарратива, а продукт глубокой, системной и уважительной работы с реальными культурными практиками народов России. Его этнографические экспедиции стали не просто источником вдохновения – они стали методом, который позволяет искусству не отрываться от корней, а «вырастать» из них. Современные художники и дизайнеры, следуя его примеру, доказывают, что культурная идентичность не может быть искусственно создана в студии или в мастерской – она рождается в деревнях, на рынках, в домах мастеров, в звуках песен и в ритме резца. Педагогическая трансформация этого подхода открывает новые горизонты для художественного образования: он учит не только рисовать, но и слушать, не только создавать, но и уважать. В эпоху глобализации и культурной унификации именно такой подход (обращение к корням и культурному наследию) становится стратегией выживания и обновления национальной культуры.

Билибин не просто создал стиль – он показал, как искусство может быть формой культурного диалога, и именно его наследие сегодня особенно актуально.

В условиях современной глобализации и интенсивного развития цифровых технологий наблюдается масштабное распространение сувенирной продукции, репрезентирующей культурные символы одних этносов в контексте других социокультурных традиций. Это приводит к формированию феномена эстетического подражания и возникновению так называемого псевдорусского стиля, в рамках которого затруднена чёткая дифференциация аутентичных элементов национального художественного языка – с присущими ему эстетической сложностью, символикой и семантической глубиной – от стилизованных имитаций что ведёт к размыванию культурной идентичности и утрате подлинного значения традиционных символов. В результате сувенирная продукция, изначально призванная популяризировать культурное наследие, зачастую способствует его упрощению и коммерциализации, подменяя глубину традиции внешней декоративностью.

Творчество И. Я. Билибина выступает в качестве значимого эстетико-методологического ориентира, демонстрирующего принципы корректной интерпретации и трансляции этнохудожественного наследия. Его работы иллюстрируют возможность глубокой интеграции фольклорных и этнографических источников в профессиональное искусство без утраты культурной аутентичности.

Современные технологические возможности открывают новые перспективы для изучения национального искусства. К числу таких инструментов относятся:

- виртуальные туры по этнографическим музеям и коллекциям;
- цифровые архивы и базы данных археологических находок;
- методы 3D-моделирования и реконструкции артефактов;
- технологии визуализации и анализа орнаментальных систем;

• междисциплинарные исследования на стыке археологии, этнографии и искусствознания.

Эти ресурсы позволяют углубить исследовательский подход по сравнению с практикой И. Я. Билибина, опиравшегося преимущественно на полевые этнографические экспедиции и изучение сохранившихся образцов декоративно-прикладного искусства. Расширение источниковой базы за счёт археологических данных и современных методов обработки информации способствует более комплексному пониманию генезиса и эволюции национального художественного стиля.

Список источников

1. Абрамова И. С. Этнографические практики в художественном образовании: опыт междисциплинарного подхода // Искусство и образование. – 2023. – № 2. – С. 33–45.
2. Билибин И. Я. Народное творчество русского Севера // Мир искусства. – 1904. – Т. 12. – С. 303–318.
3. Билибин И. Я. Северные сказки: этюды из экспедиций 1898–1900 гг. – СПб.: Государственный музей этнографии народов России, 2021. – 144 с.
4. Гайда С. Национальный стиль как стилистическая категория // Жанры речи. – 2016. – № 2 (14). – С. 33–40.
5. Гусев Д. А. Национальный стиль в русском искусстве рубежа XIX–XX веков: от этнографии к модерну. – М.: Искусство-XXI век, 2020. – 256 с.
6. Касьянова Н. Ю. Билибин и современность: как народный орнамент стал основой визуального языка брендинга // Дизайн-исследования. – 2024. – № 1 (18). – С. 67–80.
7. Козлова М. В. Художественная этнография Ивана Билибина: визуальные коды русской северной традиции // Вопросы искусствознания. – 2022. – № 3 (46). – С. 78–92.
8. Мусихина Т. А. Искусство народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в современном дизайне. – Новосибирск: Сибирская книга, 2023. – 192 с.
9. Новикова О. В. Художественные экспедиции как метод формирования культурной идентичности у учащихся // Педагогика творчества. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 203–211.
10. Петрова Е. Л. Этнокультурные мотивы в современном художественном образовании: опыт интеграции локальных // Искусство в школе. – 2021. – № 4. – С. 44–49.
11. Смирнова А. С. Современный этнодизайн в России: от традиции к инновации // Дизайн и образование. – 2023. – № 1 (37). – С. 112–125.
12. Тишков В. А. Этнография и национальная идентичность: Россия в поиске себя. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2020. – 312 с.
13. Федеральный институт педагогических измерений. Примерная основная образовательная программа по изобразительному искусству для 5–9 классов: с пояснениями / Федеральный институт педагогических измерений. – М., 2023. – 68 с.
14. Выставка «Народ и стиль»: от Билибина к современности: каталог / Государственный Русский музей. – СПб., 2022. – 176 с.

Сведения об авторе

Богданова Евгения Тагировна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6981-8163, e-mail: severnaya-palmira@yandex.ru

УДК 76.03
ГРНТИ 18.31.51

Степан Эрьзя – русский Роден

С. А. КЛУБНИКИНА

Исследуется биография и творчество художника-скульптора Степана Эрьзи (Степана Нефедова). Отдельное внимание уделяется некоторым скульптурным произведениям мастера.

Ключевые слова: Степан Эрьзя, скульптура, изобразительное искусство.

1 апреля 2026 г. (в год единства народов России) в Русском музее открылась выставка гениального русского мордовского скульптора Степана Эрьзи.

Сын мордовского народа прославился на весь мир своим творчеством. Удивительно эмоциональное, сильное, идущее из глубины народного эпоса, творчество Степана Эрьзи стало общемировым достоянием всего человечества. Глубокий гуманизм, невероятное профессиональное мастерство заставило поставить его в первые ряды мировых мастеров скульптуры.

Степан Нефедов, сын мордовских крестьян, был в семье третьим ребенком. Отец Дмитрий Нефедов рано заметил живой ум и способности сына. Сам познав тяжелый труд землепашца, он отдал сына сначала в церковно-приходскую школу села Алтышево, а затем в иконописную мастерскую в Казани.

В ранней юности Степану Нефедову пришлось много поездить по городам Поволжья, расписывая храмы и небольшие церквушки. Однако жизнь в иконописной артели не понравилась юноше из-за безудержного пьянства среди его членов.

В 1896 г. он попал на выставку М. Врубеля в Нижнем Новгороде, которая проводилась на ежегодной поволжской ярмарке. Работы Врубеля настолько поразили его, что он принял решение получить профессиональное образование, и в 1901 г. приезжает в Москву. Поступает в знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Можно только представить, с какими финансовыми и житейскими трудностями столкнулся молодой художник.

Ему повезло и свой профессиональный путь в училище он начал у таких мастеров как Валентин Серов и Константин Коровин. Нужно сказать, что почти таким же путем прошел и его земляк с Волги Кузьма Петров-Водкин, который учился у этих мастеров и который тоже в дальнейшем нашел свой неповторимый стиль в искусстве. И все же скульптура взяла верх над живописью. Сама натура, темперамент, объемное видение привели молодого художника в скульптурную мастерскую училища, где в то время преподавали Сергей Волнухин и Паоло Трубецкой [1].

Именно тогда Степан Нефедов берет себе творческий псевдоним Эрьзя, созвучное к мордовскому эпосу эрзя [2].

После окончания учебы Степан Эрьзя по приглашению итальянского фотографа, который работал в Бутырской тюрьме, фотографируя осужденных революционеров, уезжает в Италию, где воочию знакомится с творчеством великих итальянских мастеров (в первую очередь, с великим Микеланджело).

В 1909 г. Степан Эрьзя участвует в знаменитой Международной Венецианской выставке скульптурной работой «Последняя ночь осужденного перед казнью». Конечно, эта работа была навеяна ему в бытность присутствия в качестве фотографа в Бутырке. Скульптура заняла первое место на выставке, и произвела сильное впечатление на публику. Неизвестного до сих пор скульптора стали называть «русским Роденом». Через год уезжает во Францию, много и упорно работает и получает призвание. Его работы приобретают крупные музеи и частные коллекционеры. Такие работы, как «Тюремный священник», «Норвежская женщина», «Марта» он высекает из мрамора без предварительных эскизов, благодаря цепкой памяти и, конечно, практическому опыту.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. Степан Эрьзя возвращается на родину в Россию. Его сразу мобилизуют, и он работает санитаром в московском военном госпитале, что тоже оставляет неизгладимый след в мировоззрении художника.

В это время он экспериментирует с различными материалами, новыми для себя (такими как цемент, железобетон, металлы). Так, им создан автопортрет, в котором цемент приобретает необыкновенную фактуру. Здесь он впервые полирует твердый материал. В дальнейшем он перенесет этот прием на твердые породы дерева.

Революцию 1917 г. Степан Эрьзя встретил, как и многие творческие люди, с большим воодушевлением. Он много работает, занимается агитационным искусством, которое было принято советским планом монументального искусства и пропаганды: создает памятники В. Ленину, К. Марксу, оформляет Дом профсоюза горняков в Баку.

Степан Эрьзя много ездил по России с 1918 по 1926 г., жил и работал на Урале и Кавказе. Это были годы тяжелого творческого кризиса. Он писал: «Меня подавила революция. Я согнулся под ее тяжестью» [6]. Не было качественного материала, помещений для работы, оборудования.

И в 1926 г. с одобрения Луначарского Эрьзя уезжает в Европу, в Париж, в командировку для устройства своей персональной выставки. Там остается на полгода и, помимо персональной презентации, участвует в IV выставке «Художественный мир» в «Салоне независимых». Выставки имеют большой успех и приносят скульптуру известность и материальную поддержку. Получив приглашение устроить выставку в Монтевидео, Степан Эрьзя уезжает в Латинскую Америку, где остается на четверть века.

С 1927 по 1950 г. Степан Эрьзя работает и живет в Аргентине. Аргентинское общество принимает его очень радушно. Ведущие газеты, публикуют большие статьи о его творчестве. Подчеркивается его европейская известность и сложности его отношений с новой властью в России.

Аргентинцам нравилась возникшая легенда о скульпторе, который некогда был пастухом. Это вызывало особую симпатию к мастеру как к человеку. Жизнь в Аргентине пришлась на самые активные творческие годы скульптора. Перешагнув порог своего пятидесятилетия, Эрьзя предстал перед публикой во всей полноте своего жизненного опыта.

На персональной выставке 1927 г. в Буэнос-Айросе он показал такие шедевры, как «Ева», «Танец», «Леда и лебедь», невероятные по сложности мастерства и глубине переживаний. Еще на Кавказе скульптор использовал дерево акации для своих произведений. В Аргентине он открыл новый материал для своих работ – «железное дерево». Твердая древесина требовала долгой обработки. Но необыкновенно красивая текстура и причудливые оттенки цвета делали скульптуры необыкновенными.

Степан Эрьзя побывал в лесах Аргентины, называемых сельва, в провинции Мисьонес, где велась разработка особо ценных пород древесин – альгарробо, урундай, кебрачо. В лесах Гран-Чако скульптор нашел материал, который изменил все его искусство скульптора и сделал его единственным и уникальным мастером. Из сельвы он возвращается с целым запасом древесины кебрачо, название которого переводится с испанского как «ломай топор».

Несмотря на большой успех за границей Степан Эрьзя возвращается к своим истокам. В 1950 г. получает разрешение советского руководства на возвращение в СССР и в 1951 г. привозит на родину огромную коллекцию своих работ (общей массой 175 т). Здесь скульпторы из мрамора, бронзы и, конечно, из драгоценной древесины кербачо.

После возвращения скульптора на родину ему пришлось столкнуться со сложностями, но в конце концов правительство СССР выделило ему мастерскую в Москве в районе Сокола-Песчаных улиц в подвале, где Эрьзя работал и устроил выставку своих произведений. Посетители выстраивались в большие очереди, чтобы посмотреть работы легендарного мастера.

Все творчество Степана Эрьзи пронизано чувством глубокого патриотизма. Живя подолгу в разных странах, он всегда помнил свою малую родину в огромной России, помнил свои корни, свой малый народ, горячо любил его. Эта любовь выразилась в его работах, в создании галереи национальных типов «Эрзянка» (1915), «Голова мордовки» (1917), «Крестьянин мордвин» (1937). В них выражены поэтичность, народная сила, нравственная чистота, из которых складывается эрзянский национальный характер.

Скульптурным творениям Степана Эрьзи свойственна большая духовная культура, тонкая интеллектуальность. За годы жизни в России, Европе, Латинской Америки он стал художником, впитавшем в себя богатую мировую культуру. Об этом свидетельствует работы, которые он посвятил великим людям. Мастера восхищают героические характеры, сильные и яркие натуры. Его скульптурные портреты «Сократ» (1940), «Лев Толстой» (1930), «Бетховен» (1929) вызывают глубокие эмоциональные чувства, отражают личное отношение автора к этим вершинам человеческого духа.

Страстные мужественные характеры, высокий дух Степан Эрьзя воплотил в своих произведениях на тему античной, библейской и евангельской мифологии «Голова Медузы» (1938), «Мельпомена» (1939), «Моисей» (1932), «Иоанн Креститель» (1928), «Христос» (1928). Образ Христа занял значительное место в творчестве художника. В его образе мастер передал все напряжение, собранность воли, духовных сил Христа, жертвенность, мужественное преодоление страданий [4].

В произведениях разных лет: «Христос кричащий» (1910), «Голова Христа» (1915), «Христос» (1945) ярко отразились неустанные поиски истины, нравственного идеала художника, которые сопровождали его на протяжении всего творческого пути.

Свое представление о прекрасном Степан Эрьзя воплотил в многочисленных женских образах. Сколько красоты, индивидуальности, поэтичности в его скульптурах «Обнаженная» (1930), «Ева» (1919), «Леда и Лебедь» (1929) [3]. Он создает портретную галерею женских образов разных стран и национальностей, родные русские и мордовские лица, француженки, испанки, женские образы Латинской Америки.

В каждом портрете скульптор передает не только национальные черты, но и раскрывает характер, душевное состояние, используя материал, из которого он создает свои произведения (будь то твердое дерево кебрачо, мрамор, гипс или бронза).

Особая тема в творчестве Эрьзи – женщина-матерь. Тема материнства в мировом искусстве одна из самых значительных и глубоких. К этой теме скульптор обращался многократно «Мать с ребенком» (1929), «Спящая мать» (1939), «Материнство» (1936). В этих работах выражена вся суть материнской любви и заботы о ребенке.

Исповедальные автопортреты мастера созвучны тревожному времени начала и середины XX в., века революций и войн. Это видно в его автопортрете 1947 года, когда он мысленно готовился вернуться на родину.

Огромное количество работ мастера разошлось по музеям мира. Но свои лучшие произведения Степан Эрьзя привез из Америки в Россию. И передал в дар своему народу. Советское правительство по достоинству оценило скульптора, наградив его орденом Трудового Красного Знамени в связи с 80-летием со дня рождения [5].

Многие свои творческие планы Степану Эрьзе не удалось воплотить. Но и то, что подарил миру великий мордовский россиянин, хватило с лихвой, чтобы оставить свой след в истории искусства. Скончался мастер в своей мастерской в Москве. Похоронен на родине в городе Саранске. Автором памятника ему стал великий русский скульптор Сергей Коненков. Достойной памятью Степана Дмитриевича Эрьзи является собрание произведений скульптора в Мордовском республиканском музее, носящем его имя. Музей обладает самой большой и уникальной коллекцией скульптур мастера (более 200 работ).

Скульптор Степан Эрзья входит в созвездие художников, которыми так богата наша многонациональная родина – Россия.

Список источников

1. Аранович Л. А. Письма об Эрьзе. – Н. Новгород: Кварц, 2011. – 111 с.
2. Осянина Н. Десять путешествий скульптора Эрьзи. – Саранск, 2008. – 48 с.
3. Осянина Н. 33 шедевра. – Саранск: МРМИИ им. С. Д. Эрьзи, 2012. – 72 с.
4. Папоров Ю. Н. Великий Эрьзя. Признание и трагедия. – Саранск, 2006. – 423 с.
5. Стрелков В. В. Эрьзя. Возвращение в Мастораву. – М., 2022. – 412 с.
6. Скульптор Эрзя. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2006. – 565 с.

Сведения об авторе

Клубникина Софья Анатольевна – доцент кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: m.v.asalhanova@mail.ru

УДК 75.071.1(47+57)
ГРНТИ 18.31

Тема вечного в пейзажной живописи И. И. Шишкина: образ природы как форма национальной и духовной памяти

Н. Д. ЛУКШИН

В статье рассматривается тема Вечного в пейзажной живописи И. И. Шишкина. Актуальность исследования определяется устойчивым интересом к художественному осмыслению природы как носителя культурной памяти и духовных ценностей. Цель статьи заключается в выявлении способов воплощения идеи Вечного в образной системе произведений художника. В центре внимания находятся такие черты шишкинского пейзажа, как монументальность, пространственная глубина, мотив природной длительности и отсутствие внешней событийности. Анализируется связь между образом природы, национальным самосознанием и духовным содержанием пейзажа. Делается вывод о том, что в творчестве Шишкина природа выступает не только объектом изображения, но и формой выражения устойчивых бытийных и культурных смыслов.

Ключевые слова: И. И. Шишкин, передвижники, пейзаж, Вечное, образ природы, национальная память.

Проблема Вечного принадлежит к числу фундаментальных тем искусства. Она связана с поиском устойчивых смыслов, выходящих за пределы повседневного, исторически преходящего и частного. В русской живописи второй половины XIX в. данная тема получает особую форму выражения не только в историческом и религиозном жанре, но и в пейзаже, где природа начинает восприниматься как пространство бытийной длительности, духовной сосредоточенности и культурной памяти.

В этом отношении творчество И. И. Шишкина представляет особый интерес. Художник, традиционно воспринимаемый как один из крупнейших мастеров русского реалистического пейзажа, создал образ природы, в котором точность наблюдения сочетается с внутренней монументальностью и смысловой обобщенностью. Исследователи неоднократно отмечали, что Шишкин занимает особое место как в развитии русского пейзажа, так и в художественной системе передвижничества [5; 6; 8]. Однако проблема Вечного в его живописи требует отдельного рассмотрения, поскольку позволяет увидеть в его произведениях не только высокий профессионализм и верность натуре, но и глубокое мировоззренческое содержание.

Целью данной статьи является выявление того, каким образом в пейзажной живописи И. И. Шишкина природа становится носителем идеи Вечного. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: определить особенности воплощения темы Вечного в пейзажном наследии художника; проанализировать ключевые природные мотивы в его живописи; показать связь образа природы с национальной идеей и духовно-ценностным содержанием; обозначить практическую значимость исследования для современного искусствоведческого и музейно-просветительского контекста.

Материалом исследования являются произведения И. И. Шишкина, в которых тема природы получает наиболее цельное и выразительное воплощение: «Рожь» (1878), «Лесные дали» (1884), «Среди долины ровныя» (1883), «Корабельная роща» (1898). Выбор этих работ обусловлен тем, что они позволяют проследить разные аспекты художественного решения темы Вечного: мотив бескрайнего пространства, образ леса как символа устойчивости, соотношение конкретного пейзажного впечатления и вневременного содержания.

Методология исследования основана на сочетании искусствоведческого, сравнительно-типологического и семиотического подходов. Искусствоведческий анализ позволяет рассмотреть композиционные, колористические и образные особенности произведений. Сравнительно-типологический метод дает возможность выделить устойчивые мотивы в пейзажной системе художника. Семиотический подход помогает определить, каким образом изображенные природные формы становятся носителями обобщенного смысла и художественной идеи [7]. Кроме того, в работе используются элементы аксиологического анализа, поскольку тема Вечного непосредственно связана с ценностным измерением художественного образа.

И. И. Шишкин принадлежал к числу художников, для которых природа являлась не второстепенным фоном, а самостоятельным предметом художественного и мировоззренческого постижения. В контексте искусства передвижников это имело особое значение. Передвижничество стремилось к правде жизни, к национальной определенности художественного образа, к соединению искусства с внутренним опытом современного общества [5]. В пейзаже данная установка проявилась в поиске такого образа природы, который был бы одновременно достоверным, национально узнаваемым и духовно значимым.

Шишкин реализовал эту задачу с особой последовательностью. Его живопись строится на внимательном изучении натуры, точности рисунка, глубоком знании растительного мира. Однако эта точность не является самоцелью. Природа в его произведениях обретает внутреннюю масштабность, благодаря которой конкретный лес, поле или даль воспринимаются как образы устойчивого миропорядка. Именно поэтому Шишкин оказывается важным не только как мастер реалистического изображения, но и как художник, способный выразить через пейзаж крупные культурные и философские смыслы [1; 6].

Одной из важнейших форм воплощения темы Вечного у Шишкина является монументальность природного образа. Даже в тех случаях, когда художник обращается к вполне конкретному мотиву, он строит композицию так, что изображение выходит за пределы единичного впечатления. Деревья, поля, лесные пространства не просто заполняют холст, они создают ощущения силы, длительности и внутренней собранности мира.

Не менее значим мотив леса. В творчестве Шишкина лес предстает как образ устойчивости, жизненной непрерывности и природной памяти. Он существует вне человеческой суеты и как бы соотносит зрителя с более глубокими

ритмами бытия. Лес у Шишкина не пугает и не подавляет; напротив, он раскрывается как органически упорядоченное пространство, в котором жизнь продолжается независимо от частных обстоятельств.

Еще одной особенностью становится ощущение временной длительности. В произведениях художника почти отсутствует внешняя событийность, резкое действие, сюжетный конфликт. Это отсутствие событийного центра не ослабляет художественный образ, а, напротив, позволяет сосредоточить внимание на самом состоянии мира. Природа у Шишкина предстает как нечто существующее до человека и после него, как форма бытия, связанная с идеей Вечного.

Наконец, важнейшим аспектом является соединение национального и универсального. Русская природа на полотнах Шишкина становится не просто этнографически узнаваемой, а духовно значимой. В этом смысле образ природы превращается в форму национальной памяти: через него раскрывается представление о родной земле как о ценностной основе культурного самосознания.

Картина «Рожь» является одним из наиболее выразительных произведений Шишкина с точки зрения воплощения темы Вечного. Композиция построена на соединении мощного горизонтального развертывания пространства и вертикалей сосен, нарушающих и одновременно организующих зрительный ритм полотна. Дорога, уходящая вдаль, создает не только пространственную, но и смысловую перспективу: она воспринимается как образ жизненного пути, открытого в бесконечность.

Поле ржи в данном случае выступает не просто как сельский мотив, а как символ полноты жизни, зрелости и природного изобилия. Вместе с тем пейзаж лишен бытовой конкретики: здесь нет человека как действующего лица, нет жанровой сцены, которая замыкала бы смысл картины в пределах повседневности. Благодаря этому зритель воспринимает изображенное пространство как более широкую модель мира, где природа предстает в своем устойчивом и непреходящем бытии.

Особое значение имеет состояние воздуха и света. Они не драматизируют картину, а придают ей внутреннюю цельность. На полотне природа не переживает исключительного момента, а раскрывается в своей естественной полноте. Именно эта полнота и позволяет говорить о присутствии темы Вечного.

В картинах «Лесные дали» и «Среди долины ровныя» Шишкин особенно ясно раскрывает мотив пространственной глубины и созерцательности. Для художника важно не только показать природу в ее материальной определенности, но и создать ощущение дальнего, продолжающегося, внутренне бесконечного мира. Панорамность этих произведений формирует особую позицию зрителя: он не просто рассматривает пейзаж, а как бы соотносит себя с его масштабом.

В «Лесных далях» природа предстает как пространство, уходящее за пределы непосредственного зрительного опыта. Лесные массивы, небесная ширь, развернутая даль создают образ мира, в котором человек ощущает не свою власть, а свое сопричастие большему целому. Здесь Вечное проявляется в самой структуре видимого: в повторяемости природных форм, в их устойчивости, в отсутствии случайного и преходящего.

Картина «Среди долины ровныя» усиливает это впечатление за счет особой символической собранности образа. Одинокое дерево, доминирующее в композиции, становится знаком стойкости и внутренней силы. Оно не сводится к натурной детали, а приобретает значение образа, в котором соединяются природное и духовное начала. Подобное художественное решение показывает, что для Шишкина природа является не только предметом наблюдения, но и языком выражения глубинных смыслов.

Поздняя картина «Корабельная роща» может рассматриваться как итоговое произведение Шишкина, в котором тема Вечного получает особенно зрелое воплощение. Здесь с предельной ясностью проявляется стремление художника соединить конкретность натурного впечатления с монументальностью образа. Сосны изображены с большой точностью, но вместе с тем они воспринимаются как величественные формы, в которых заключена идея силы, роста и длительности.

Композиция картины отличается равновесием и внутренней гармонией. Ничто не нарушает естественного порядка мира, но именно в этой естественности раскрывается его глубина. Свет, пространство, ритм стволов, соотношение переднего и дальнего планов создают образ природы, существующей в полноте и самодостаточности.

Важно и то, что в «Корабельной роще» отсутствует эффектность в привычном романтическом смысле. Художник не прибегает к буре, закату или драматическому контрасту, чтобы возвысить образ. Он достигает величия и значительности через саму структуру реального мира. Это делает картину особенно убедительной в контексте заявленной темы: Вечное здесь раскрывается не как отвлеченная идея, а как внутренняя сущность природы, увиденной в ее зрелой, совершенной форме.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что тема Вечного занимает существенное место в пейзажной живописи И. И. Шишкина. Она раскрывается не через прямую символику или сюжетную аллегорию, а через сам способ художественного видения природы. Монументальность композиции, глубина пространства, устойчивость природных форм, отсутствие внешней событийности и акцент на состоянии мира позволяют художнику поднять конкретный пейзажный мотив до уровня обобщенного бытийного образа.

Особое значение в данном контексте имеет связь природы с национальной памятью. Русский пейзаж у Шишкина предстает не просто как географическая или визуальная реальность, а как носитель культурной идентичности. Через изображение леса, поля, дали художник формирует образ родной земли как устойчивой ценностной основы, сохраняющей внутреннюю связь поколений. Именно поэтому его произведения продолжают восприниматься как значимые не только в историко-художественном, но и в культурно-антропологическом плане.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в преподавании истории русского искусства XIX в., музейно-экскурсионной практике, а также в современных просветительских проектах, связанных с интерпретацией классического художественного наследия. Кроме

того, обращение к теме Вечного в живописи Шишкина позволяет актуализировать разговор о природе как носителе культурной памяти и духовного опыта, что делает подобное исследование значимым и в современном гуманитарном контексте.

Таким образом, пейзажная живопись И. И. Шишкина представляет собой не только выдающееся художественное явление русского реализма, но и важную форму выражения темы Вечного. В его произведениях природа становится пространством устойчивого смысла, в котором соединяются национальное, духовное и бытийное измерения художественного образа.

Список литературы

1. Анисов Л. М. Шишкин. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 296 с.
2. Иван Шишкин / науч. рук. Е. Петрова. – СПб.: Palace Editions, 2008. 204 с.
3. Иван Иванович Шишкин. 1832–1898. Картины, рисунки и акварели, гравюры из фондов Русского музея. – СПб.: Palace Editions, 2020. – 156 с.
4. Мир художника. Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / сост. И. Н. Шувалова. – Л.: Искусство, 1984. – 478 с.
5. Рогинская Ф. С. Товарищество передвижных художественных выставок: исторические очерки. - М.: Искусство, 1989. – 429 с.
6. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. – М.: АСТ-Пресс: Галарт, 2001. – 301 с.
7. Шатова Е. Н. Семиотика и искусствоведение: проблема методологических взаимоотношений (по страницам «Трудов по знаковым системам») // XXVI Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 143–146.
8. Шувалова И. Н. Шишкин И. И. – СПб.: Художник России, 1993. – 212 с.

Сведения об авторе

Лукшин Никита Дмитриевич – аспирант кафедры культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: looksheen@gmail.com

УДК 130.2
ГРНТИ 02.15.51

Культурная память как фактор духовного единения советской молодежи (на примере кинофильмов «Я шагаю по Москве» и «Люди и звери»)

Н. А. МИШНЕВА

В статье на основе семиотической методологии анализируется функция мотива культурной памяти в кинокартинах «Люди и звери» (1962, С. Герасимов), «Я шагаю по Москве» (1963, Г. Данелия). Исследование сосредоточено на выявлении роли мотива культурной памяти в конструировании образа молодых героев. В статье обосновано: молодой герой нуждается, способствует сохранению культурной памяти; в то же время он стремится к обновлению духовных основ единения советской молодежи, общества в целом.

Ключевые слова: семиотика культуры, культурная память, советское кино, «Оттепель», молодежь.

Эпоха «Оттепели» – середина 1950-х – 1960-е гг. – сложный, противоречивый, но вместе с тем важный этап развития советской культуры. Рассматриваемый период характеризуется «некоторой либерализацией режима, появлением относительной свободы слова и некоторых элементов демократизации политической и общественной жизни, открытостью западному миру, большей свободой творческой деятельности» [Чикишева, с. 138]. «Оттепельные» реформы – в частности, относительная либерализация и ослабление идеологического контроля – «создавали более благоприятные условия для развития культуры» [Беляева, с. 144]. Вместе с тем, официальный дискурс все еще в значительной степени влиял на облик искусства, в том числе и на кинематограф, одной из главных задач которого обозначалось «формирование мировоззренческо-идеологических представлений граждан, их этических и эстетических идеалов» [Жарикова, с. 40]. Значительное внимание уделялось, в частности, формированию «эстетического сознания советской молодежи» [Александрова, с. 13].

Молодость, главным образом, связывают с «динамичным движением вперед», «поисками самоутверждения», а также со «стремлением к переменам» [Уль, с. 281]. Подобными характеристиками официальный советский дискурс наделяет молодое поколение эпохи «Оттепели». Молодые люди периода 1960-х годов «родились слишком поздно, чтобы (…) участвовать в революционных подвигах», а также чтобы «сражаться в Великой Отечественной войне» [Уль, с. 279], однако совершенно необходимым представляется активное участие «оттепельного» молодого поколения в построении коммунистического общества.

«Оттепельный» кинематограф отражал основные идеологические и мировоззренческие особенности эпохи. Как отмечает Ю. М. Лотман, «кинофильм принадлежит идеологической борьбе, культуре, искусству своей эпохи», что формирует внетекстовые связи и «порождает целый шлейф значений», зачастую «оказывающихся более существенными, чем собственно эстетические проблемы» [Лотман, с. 25].

В центре сюжета кинофильмов эпохи «Оттепели», как правило, оказывается молодой протагонист, бережно хранящий память о значимых событиях советской истории, с теплотой относящийся к культурному наследию страны. Согласно Лотману, культура «представляет собой коллективный интеллект и коллективную память» [Лотман, с. 200] и, тем самым, способствует единению людей, принадлежащих к одной культуре. Молодые протагонисты являются центральными героями кинолент Г. Данелия «Я шагаю по Москве» (1963) и С. Герасимова «Люди и звери» (1962). Возникает вопрос: какую роль культурная память играет в конструировании образа молодого человека эпохи «Оттепели»?

Эмпирической базой исследования являются фильмы эпохи «Оттепели», в центре сюжета которых находятся молодые герои-протагонисты («Я шагаю по Москве», «Люди и звери»). Исследование осуществлено на основе компаративистского анализа и семиотической методологии тартуско-московской школы.

В центре сюжета киноленты «Я шагаю по Москве» находятся несколько молодых героев, радующихся «нормальности беспечного «шагания» по Москве» [Щукин, с. 26]. Володя (Алексей Локтев) приезжает в Москву на один день из небольшого сибирского городка. Спрашивая у прохожих местонахождение нужной улицы, он знакомится с другим молодым человеком – Колей (Никита Михалков). Герои родились в разных точках страны, однако очень быстро находят общий язык – создается впечатление, что они давние друзья. Москва показана городом, в котором «своими могут оказаться и не родные» [Шухер, с. 55], даже незнакомые жители всегда готовы оказать помощь. Коля приглашает Володю в гости, когда оказывается, что родственники, у которых тот должен был остановиться, уехали из Москвы, семья Коли тепло принимает его нового друга. В кинофильме прослеживается мотив духовного единства центра страны и периферии.

Володя оказывается в Москве по приглашению писателя, заинтересованного опубликованным рассказом молодого героя. Место действия повествования – родной город Володи. Задумка писателя – издание сборника сочинений сибирских авторов. Общим лейтмотивом, отголоском общего прошлого, представлена война. Так, на стене в квартире Коли висят фотографии погибших на фронте родственников, о них Володе рассказывает бабушка Коли. Однако в фильме на первый план выведен образ мирной, спокойной жизни. Как отмечается, «режиссеры эпохи оттепели стремились к (…) осмыслению основных морально-этических принципов и ценностей нового послевоенного поколения» [Малышев, с. 11].

Повседневная жизнь молодых людей разворачивается в пределах Москвы – столицы Советского союза, тесно связанной с историей и культурой народа. Заметно, насколько молодые люди близки к культуре своей страны. Так, по соседству с Колей живут родственники Пушкина, чей сын – тоже молодой человек – является другом Коли. Главные достопримечательности Москвы имеют не только историческую значимость, но также важны для каждого москвича по каким-то личным причинам. На Красной площади Коля шутливо пародирует экскурсовода, однако эта шутка – не отрицание исторической значимости места, а, напротив, свидетельство сопричастности личных и всенародных ценностей.

Молодые люди познают пространство города, но также модернизируют его. Обновлению города способствует и Коля, он строит метро. Молодежь ответственна и за сохранение, передачу культурной памяти будущим поколениям, и за ее обогащение на основе достижений, подвигов предшественников. Таким образом, молодой герой фильма Г. Данелия, казалось бы, беззаботен, однако понимает цену мирной, спокойной жизни, завоеванной героическими подвигами прошлых поколений. Он также ощущает свою принадлежность к культуре страны, что позволяет легко находить общий язык с другими людьми.

Намного ярче тема памяти о войне выражена в фильме «Люди и звери». Девушка Таня (Жанна Болотова) вместе с мамой Анной (Тамара Макарова) держит путь на юг. Первоначально Таня предстает героиней со сложным характером – она резко разговаривает с мамой, ей сложно прочувствовать мотивы помощи Алексею (Николай Еременко), спасшему Анну от смерти в блокадном Ленинграде. Таня относится к Алексею с недоверием, однако услышанный ею ночной разговор между ним и Анной меняет отношение молодой героини к новому попутчику. Алексей рассказывает Анне о сражении, после которого он попал в немецкий плен и вынужден был долгое время жить за границей. Средний план беседующих взрослых сменяется общими планами битвы из воспоминаний Алексея, а также крупным планом лица Тани. Очевидно, разговор поразил ее до глубины души. Позже, в пути, Алексей рассказывает Анне и Тане о годах, проведенных за границей. Таня по-настоящему увлекается историей Алексея, однако со временем простое любопытство сменяется искренним уважением. Обращение к воспоминаниям о трагических событиях делает ее серьезнее, но, вместе с тем, открывает стойкую, решительную сторону ее личности.

В советской культуре эпохи «Оттепели» «подача героизма предыдущих поколений служила моделью, с которой молодые люди должны были соотносить свои нравственные суждения и поведенческие модели» [Уль, с. 280]. Поведение девушки меняется: она не протестует против идеи остаться ночевать под открытым небом, а позже соглашается спать на сене, хотя это и удается ей с большим трудом.

В одном из разговоров Алексей говорит о «звере», живущем внутри каждого человека. В случае Тани это еж – он прячется от мира за своими колючками, но никогда не проявляет агрессию к другим. Уважение Тани к Алексею заметно прослеживается в сцене застолья в Запорожье. Гость поднимает тост за людей действия, самостоятельно добивающихся своего счастья. Для всех очевидно, что чтит он при этом себя. Ответ Тани – тост за скромность, которую она разглядела именно в Алексее. Оператор направляет взгляд девушки на человека, героически сражавшегося на фронте, не хвастающимся этим. Застолье в Запорожье объединило героев, связав их нитями культурной памяти. Родственники Анны и Тани знают об Алексее только по рассказам, однако тепло принимают его у себя в гостях, выражая благодарность за спасение жизни Анны. В доме, собравшем людей разных поколений, звучат народные песни, знакомые и молодым героям.

Другой важный молодой герой кинокартины – племянник Алексея Юра. Он, как и Таня, принадлежит к послевоенному поколению. Вместе с тем, именно

Юра и Таня способствуют сохранению правдивой памяти об этом трагическом периоде истории, тогда как родители Юры – представители старшего поколения – правду предают забвению. Письма Алексея из эмиграции не доходили до Петра, их сжигала жена младшего брата, опасаясь утратить покой обеспеченной, комфортной жизни. В первые послевоенные годы солдаты, побывавшие в плену противника, могли быть обвинены в пособничестве оккупантам, что могло повлечь «репрессии в отношении членов семей коллаборационистов» [Фомин, с. 362]. Страх перед репрессиями, испытываемый старшими поколениями, остался даже в период «Оттепели», когда отношение к бывшим военнопленным изменилось. Однако Петр не стремится к возобновлению близкого общения с братом не только из-за страха – за прошедшие годы он свыкся с мыслями о смерти Алексея и никак не мог принять новую действительность. Отказываясь принять правду, Петр соглашается со стиранием памяти об Алексее. Юра, в отличие от отца, готов к встрече с Алексеем, рад общению с ним. Молодой герой, подобно Тане, проявляет смелость. Он не боится идти наперекор мнению родителей, чувствуя, что не должен отказываться от дяди. Интерес Юры к судьбе Алексея, чувство родства и уважение к его военному подвигу вытесняют страх перед правдой. Важно, что весть о приезде Алексея Юре передает Таня. Эта деталь подчеркивает, что именно молодое поколение берет на себя ответственность за сохранение культурной памяти. Режиссер изображает молодого героя смелым, принципиальным, готовым защищать правду о прошлом своей страны.

Кино периода «Оттепели» изображает молодого протагониста, воплощающего в себе черты идеального человека своей эпохи. Рассматриваемый период отдален от событий Великой Отечественной войны, что позволило режиссерам переосмыслить трагические события истории Советского союза, сделать память о них частью образа молодого человека. Молодые протагонисты фильмов Г. Данелии «Я шагаю по Москве» и С. Герасимова «Люди и звери» обладают рядом схожих черт: они смелые, легко находят общий язык с окружающими, глубоко включены в культурную память советского общества.

Культурная память, выступая основой образа молодого героя, является причиной различий в характерах персонажей двух фильмов. В кинокартине «Я шагаю по Москве» память о войне – часть пережитой, переосмысленной культуры. Для молодых героев она выражается в благодарности старшему поколению за возможность мирной, спокойной жизни. Они наследуют культуру, – и всей страны, и Москвы как ее части – взращенную предыдущими поколениями, но, вместе с тем, участвуют в преобразовании пространства, создавая новые культурные смыслы и ценности. Молодые протагонисты кинофильма «Люди и звери» существуют в пространстве иной модели памяти о Великой Отечественной войне. Для старшего поколения – Анны, Алексея, Петра и его жены трагические события прошлого – война – все еще открытая рана, одни «болеют» ее, другие пытаются откреститься, предать забвению. Таня и Юра не являются свидетелями трагических военных событий, но наполнены уважением к героическому прошлому страны, благодарны участникам прошедшей войны. Молодежь становится связующей нитью, медиатором культурной памяти, теми, кто передаст ее будущим поколениям.

Список источников

1. Александрова И. Н. Государственная молодежная политика на рубеже 1950–1960-х годов как фактор формирования эстетического сознания советской молодежи // Манускрипт. – 2017. – № 3-2 (77). – С. 13–15.

2. Беляева К. С. Отечественная культура периода «Оттепели»: историографический аспект // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 1. – С. 143–145.

3. Жарикова В. В. Образ молодежи в отечественных фильмах 1950-х годов // Вестник ВГИК. – 2015. – №3 (25). – С. 40–49.

4. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 56 с.

5. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992–1993. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры, 1992. – С. 200–202.

6. Малышев В. С. Герой, социум и история в отечественном кинематографе 1960–1970-х годов // Вестник ВГИК. – 2022. – № 3 (53). – С. 8–17.

7. Уль Б. Поколение между «Героическим прошлым» и «Светлым будущим»: роль молодежи во время «Оттепели» // Антропологический форум. – № 15. – 2011. – С. 279–326.

8. Фомин А. А. К вопросу о практике применения репрессий в отношении членов семей изменников родине в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 361–369.

9. Чикишева О. В. «Оттепель» как историко-культурный феномен и предмет современного научного осмысления: региональный аспект // Вестник ВятГУ. – 2013. – № 1. – С. 138–142.

10. Шухер О. Б. Шагая по Москве. От «Заставы Ильича» до метро «Университет» // Творчество Геннадия Шпаликова в контексте кинематографа оттепели. К 85-летию со дня рождения. – 2024. – № 1. – С. 42–57.

11. Щукин В. Г. Мифопоэтика города и века (четыре песни о Москве) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 6. – С. 8–38.

Сведения об авторах

Мишнева Надежда Алексеевна – студент факультета философии культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-7128-9466, e-mail: mishneva-n.1864@mail.ru

Научный руководитель Шатова Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация

УДК 94(47).073
ГРНТИ 03.23.55

Немецкая практичность и русская душевность: феномен Ф. К. Сан-Галли в культурном пространстве Петербурга

Н. В. НАУМЕНКО

В статье предпринята попытка осмысления культурной идентичности российских немцев на примере биографии промышленника Ф. К. Сан-Галли. Рассматривается, как западноевропейские традиции трансформировались под влиянием петербургской среды в его архитектурном заказе, производственной философии и социальных практиках. Наследие Сан-Галли интерпретируется как модель органичного соединения культур.

Ключевые слова: Сан-Галли, историзм в архитектуре, российские немцы, чугунное литье, культурная интеграция.

В истории дореволюционного Петербурга фигуры иностранных предпринимателей занимают особое место. Они привносили в российскую действительность не только капиталы и технологии, но и иные культурные коды, которые, взаимодействуя с местной традицией, порождали уникальные явления. К числу таких явлений, без сомнения, относится наследие Франца Карловича Сан-Галли – выходца из Германии, сумевшего стать не просто успешным заводчиком, но и заметной фигурой в общественной жизни столицы. Сегодня его имя известно прежде всего в связи с изобретением радиатора отопления, однако гораздо более значимым представляется тот культурный синтез, который воплотился в его доме на Лиговском проспекте.

Франц Сан-Галли прибыл в Россию молодым человеком и провел здесь большую часть жизни. Это обстоятельство определило двойственность его мировосприятия: с одной стороны, он сохранял приверженность немецкому порядку и трудолюбию, с другой – впитывал русское отношение к жизни как к творчеству. Показательно, что свой знаменитый девиз «Без спешки, без отдыха» он формулирует на родном языке, но реализует его с истинно русским размахом, превращая небольшую мастерскую в гигантское предприятие, работавшее на нужды императорского двора [Очерки истории..., с. 78–82]. Воспитывая детей, он стремился сохранить немецкий язык как домашний, но при этом давал им русское образование, готовя к служению стране, где им предстояло жить.

Наиболее рельефно диалог культур проявился в архитектурном облике особняка, возведенного по проекту Карла Рахау. Выбор архитектора был неслучаен: Рахау, как и его заказчик, принадлежал к числу петербургских немцев, прошедших европейскую выучку, но нашедших себя в России. Спроектированное ими здание демонстрирует удивительную способность к культурному заимствованию без утраты собственного лица. Фасад особняка обращен к Лиговскому проспекту – одной из главных магистралей города, и его облик должен был соответствовать высокому статусу владельца. Архитектор выбирает язык итальянского ренессанса: рустованные стены, строгие оконные проемы, четкость линий. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что этот язык обогащен

местными интонациями. Львиные маски, вплетенные в орнамент фасада, не только напоминают о европейской геральдике, но и перекликаются с традицией петербургского ампира, где лев часто выступал символом государственной мощи [Кириков].

Еще более выразительна ограда сада, отделяющая владение от шумного проспекта. Чугунная решетка, отлитая, разумеется, на заводе самого Сан-Галли, представляет собой причудливое сплетение растительных мотивов, характерных для европейского модерна, с фронтоном, стилизованным под русскую избу. Трехлопастные завершения, напоминающие кокошники, и пирамидальные «шишки» – все это элементы, почерпнутые из арсенала национального зодчества [Векслер]. Трудно сказать, кому именно принадлежала идея такого решения – заказчику или архитектору, но очевидно, что она была созвучна обоим. В середине XIX в., когда в России активно формировалась идеология официальной народности, обращение к национальным формам в искусстве становилось знаком лояльности и укорененности. Сан-Галли, будучи немцем, демонстрировал тем самым свою принадлежность к новой родине.

Интерьеры особняка представляют собой еще более сложную картину культурных взаимодействий. Анфилада парадных залов решена как смена стилистических декораций, каждая из которых отсылает к определенной эпохе или региону. Мавританский кабинет с его богатым орнаментом и камином, декорированным арабской вязью – дань увлечению Востоком, охватившему Европу после наполеоновских походов. Однако этот экзотический антураж наполнен вполне практическим содержанием: именно здесь хозяин вел деловые переговоры, и восточная пышность должна была подчеркивать солидность его предприятия [Барановский].

Иную культурную оптику предлагает дубовая столовая. Пространство, организованное по принципу средневекового зала, украшено витражами, выполненными в Мюнхене по эскизам Владимира Сверчкова. Выбор сюжетов – сказки братьев Гримм – глубоко символичен. Немецкий фольклор, воплощенный в стекле немецкими мастерами, оказывается помещенным в контекст петербургского особняка, где его рассматривают русские гости. Так возникает своеобразный культурный мост: Германия присутствует здесь не как политическая сила, а как источник поэтических образов, понятных без перевода. Надписи готическим шрифтом на камине («Грейся, пока огонь горит») усиливают это ощущение присутствия немецкой стихии, но сама атмосфера зала, его масштаб и монументальность, безусловно, петербургские [Штиглиц].

Примечательно, что при всей стилистической пестроте особняк воспринимается как единое целое. Этому способствует не только мастерство архитектора, но и тот факт, что все детали убранства – от мебели до дверных ручек – были выполнены по рисункам Рахау на заводе Сан-Галли. Хозяин лично контролировал производственные процессы, стремясь к тому, чтобы каждая вещь отвечала его представлениям о красоте и пользе. В этом проявлялась та черта, которую исследователи называют «промышленным искусством»: соединение утилитарной функции с высоким эстетическим качеством [Зодчий..., с. 84–88].

Однако наследие Сан-Галли не ограничивается архитектурой. Не меньшее значение имеет его деятельность как фабриканта, сумевшего создать предприятие, где технические новшества сочетались с заботой о работниках. Еще до постройки собственного дома он возвел для рабочих целый городок с водопроводом, школой и летними дачами. Это было беспрецедентное для того времени начинание, отмеченное на Всероссийской выставке правом использовать государственный герб в качестве торгового знака. В официальной формулировке награды особо подчеркивалось «примерное улучшение быта рабочих» – т. е. социальная составляющая признавалась не менее важной, чем качество продукции [Материалы Всероссийской..., с. 45–47].

В этом поступке сказалась та же черта, что и в архитектурных пристрастиях Сан-Галли: стремление соединить европейский рационализм с патриархальной заботой о ближнем. Для немецкого предпринимателя было естественным организовать производство наилучшим образом, но идея строить для рабочих виллы на острове – это уже нечто выходящее за рамки чистого прагматизма. Здесь можно усмотреть влияние русской традиции купеческой благотворительности, когда богатый человек считал своим долгом делиться с теми, кто на него работает.

В народной памяти имя Сан-Галли сохранилось благодаря не только его заводам, но и легендам, которые складывались вокруг его семьи. Фигурки чугунных мальчиков на воротах, отлитые к юбилею предприятия, в городском фольклоре превратились в изображения внуков, оставшихся сиротами после смерти родителей. Фонтан «Рождение Афродиты» получил прозвище «Венера батарейная», соединив в себе античный сюжет и главное изобретение заводчика. Эти народные этимологии свидетельствуют о том, что деятельность Сан-Галли была органично вписана в контекст петербургской жизни, став ее неотъемлемой частью [Ерофеев].

После революции завод был национализирован и переименован, однако производство продолжалось. В советское время здесь выпускали оборудование для целлюлозно-бумажной промышленности, и даже в названии «Буммаш» сохранялась преемственность с дореволюционным прошлым. Примечательно, что именно на этом заводе в 1970-е гг. был организован участок по ремонту металлического декора, где восстанавливали чугунные решетки Казанского и Исаакиевского соборов – те самые, что некогда были отлиты на предприятии Сан-Галли. Так история замкнула круг: наследники рабочих «Чугунного короля» реставрировали изделия его мастеров [Лелина].

Сегодня особняк на Лиговском проспекте 62 вновь радует глаз своей благородной отделкой. После долгой реставрации он вернул себе облик, задуманный Рахау и его заказчиком. В саду установлена копия знаменитой Афродиты, а чугунные мальчики по-прежнему сторожат ворота. Для современного зрителя этот ансамбль – не просто памятник архитектуры, но и напоминание о том, что культура не знает национальных границ. Немец по рождению, Сан-Галли сумел создать произведение, ставшее неотъемлемой частью русского культурного ландшафта. В этом, пожалуй, и заключается главный урок его жизни: подлинное служение Отечеству измеряется не происхождением, а делами.

Список источников

1. Барановский Г. В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. Т. IV. – СПб., 1904. – С. 9–11.
2. Векслер А. Ф. Лиговский проспект: страницы истории. – М.; СПб., 2013. – С. 156–160.
3. Ерофеев А. Д. Легенды и мифы петербургских садов. – СПб., 2015. – С. 112–115.
4. Зодчий. 1877. № 7. – СПб., 1877. – С. 84–88.
5. Кириков Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома. – СПб., 2003. – С. 134–137.
6. Лелина В. И. Памятники промышленной архитектуры: проблемы сохранения // Петербургские чтения. – СПб., 2003. – С. 33–38.
7. Материалы Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. – М., 1883. – С. 45–47.
8. Очерки истории немецких предпринимателей в России / сост. В. А. Смышляев. – СПб., 2007. – С. 78–82.
9. Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга. – М., 2020. – С. 89–95.

Сведения об авторе

Науменко Надежда Витальевна – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-8669-7122, e-mail: nsirena77@mail.ru

УДК 37.014, 392.9
ГРНТИ 14.01

Формирование этнокультурной толерантности в российском образовании: подходы и проблемы

И. В. ФОТИЕВА

В статье анализируются основные концепции феномена этничности и обосновывается аргументация эссенциалистского подхода, полагающего этнокультурную самоидентификацию важным механизмом формирования личности. С этих позиций дается обзор практик формирования этнокультурной толерантности в российском образовании.

Ключевые слова: этничность, этнокультурная толерантность, российское образование.

Как известно, выделяются три основные концепции этнокультурной идентичности: конструктивизм, инструментализм и эссенциализм. Конструктивизм рассматривает этнические общности как исторически сформировавшиеся социальные конструкты, подчеркивая их лабильность; инструментализм выделяет здесь политический аспект и рассматривает этническую идентичность как инструмент политической борьбы; согласно эссенциализму, напротив, идентичность имеет глубокие корни в комплексе биологических, культурных и исторических факторов [Резвушкина, с. 70].

В связи с этим представителями первых двух направлений понятие этнокультурной идентичности подвергается критике не только с теоретической, но и с социальной, политической позиций. Она, как утверждается, может повлечь за собой пристрастность, интолерантность и даже агрессию. Некоторые основания для подобной критики имеются, на чем мы ниже остановимся.

Но само сведение феномена этничности к социальному конструкту и отрицание его укорененности в биологии и, соответственно, психике индивида вызывает сомнения. Прежде всего, здесь стоит обратить внимание на его устойчивое воспроизведение, несмотря на глобализационные процессы. Как отмечается в работах, посвященных глобализации, в мире активно идут встречные процессы. Еще Дж. Грей подвергал критике «либерально-индивидуалистическую фикцию бестелесного и лишенного места в пространстве субъекта» [Грей, с. 41]. Проанализировав мировые тенденции на большом эмпирическом материале, он пришел к выводу о том, что «…проект общей наднациональной политической культуры… есть чистой воды утопия» [Грей, с. 77]. По мнению С. В. Кортунова, «все нации и народы… отчаянно борются за свою национальную идентичность» [Кортунов, с. 26]. М. А. Михайлова также отмечает: «Этнос в условиях глобализации и модернизации не только не ассимилируется, а наоборот, получает определенные дополнительные импульсы для развития» [Михайлова, с. 191].

Тем не менее, нельзя закрывать глаза на целенаправленное расшатывание механизмов формирования этнокультурной идентичности в современных условиях, особенно в рамках единой информационной среды, учитывая, что формирование психики всегда связано с воздействием социокультурных факторов. Но

такой процесс чреват превращением индивида в современного номада, о чем писал еще Ж. Аттали. В пределе это ведет к утрате самой способности к самоидентификации, к тому, что личность, став внутренне «пустой», сведется к быстро меняющемуся набору социальных ролей. И хотя нередко данная тенденция рассматривается как закономерная, но, по сути, она деструктивна. Важность сохранения стабильного личностного ядра в той или иной форме и, соответственно, способности к самоидентификации отмечалась еще выдающимися психологами XX в.: А. Адлером, Г. Олпортом, А. Маслоу. В частности, Э. Фромм указывал: «Потребность в самотождественности… исходит из самих условий человеческого существования» [Фромм, 2008, с. 477–480].

В то же время, как уже сказано, существуют и определенные проблемы, связанные с самой этнокультурной идентичностью, что позволяет выделить два основных вектора ее формирования: конструктивный и деструктивный, порождающих соответственные типы межкультурной коммуникации. Критериям различения этих типов посвящено много трудов. Так, например, А. Н. Лебедев и О. В. Гордякова отмечают: «Неконструктивный тип… характеризуется… агрессивностью субъекта... нежеланием слушать оппонента и неспособностью его услышать» [Лебедев, Гордякова, с. 31]. С чем связан подобный, «превращенный характер» данного типа? Приведем лишь одно направление решения этого вопроса. Как известно, Э. Фромм уделял особое внимание анализу феномена любви, полагая ее важнейшей формой восстановления единства с миром и другими существами, утраченного человеком в процессе индивидуализации. При этом Фромм также отмечал плодотворные и неплодотворные формы этого процесса. Вторые представляют собой не свободное единение развитых личностей, а социальное (групповое) «слипание» [Фромм, 1990, с. 45], что нередко приводит к отторжению представителей других групп.

Вышеприведенные рассуждения имеют прямое отношение к сегодняшней ситуации. Как верно отмечает С. А. Резвушкина, для России, обладающей уникальным многообразием этнокультурного наследия, вопрос неконфронтационной межэтнической коммуникации становится ключевым элементом стратегии цивилизационного выживания [Резвушкина, с. 73]. Но формирование конструктивного вектора осознания, с одной стороны, своей этничности и, с другой стороны, своей принадлежности к России как цивилизации, объединяющей множество этнических групп, – требует целенаправленных мер и, в первую очередь, в *сфере воспитания и образования*.

Как подчеркивает Д. Баландин, «именно в образовательном учреждении формируется рефлексивное отношение к “своим” и “чужим” этническим группам… и, следовательно, непонимание, часто возникающее в ученической среде» [Баландин, с. 227]. Автор приводит результаты опроса старшеклассников, выявившего достаточно низкий уровень толерантности к этнокультурным различиям, при этом он обусловлен у разных групп разными, даже полярными факторами. С одной стороны, – повышенной гордостью за принадлежность к своему этносу, что нередко влечет за собой нетерпимость к лицам иной культуры, с другой стороны, напротив, у учащихся, относящихся к малым этносам,

возникает чувство ущемленности и, соответственно, неприязнь к представителям иных этносов [Баландин, с. 231]. На наш взгляд, здесь стоит добавить общеизвестный фактор буллинга; так, по результатам ряда исследований «только десятая часть младших школьников никогда не подвергалась виктимизации» [Голенищева, с. 134]. Буллинг отражает общие деконструктивные установки школьников, что, соответственно, усугубляет проблему межэтнической интолерантности.

Решению этой проблемы посвящено достаточно много трудов. Большинство исследователей справедливо напоминает об образовательных и воспитательных практиках, многие из которых формировались еще в советской школе. Это, прежде всего, погружение школьников не только в свою культуру, но и в традиции других культур. Так, М. Х. Калиева с соавторами отмечают, что «на уроках технологии наши дети знакомятся с кухней разных народов…русскоязычные дети с желанием разучивают песни на татарском языке» [Калиева, Файзуллина, с. 15–16]. Л. Ю. Миронова подчеркивает эффективность применения игровых технологий в этнокультурном воспитании, которые «являются эффективными как для обучения школьников, так и для профессиональной подготовки студентов» [Миронова, с. 77]. Особо стоит отметить важность совместных проектов, в реализацию которых должны быть вовлечены школьники разной этнической принадлежности. Как известно, именно в такой коллективной работе происходит максимальное сближение, «притирка»; как справедливо подчеркивает Д. Баландин, «необходимо создать проактивную и продуктивную среду, в которой все дети, сообща, будут работать и творить на общее благо» [Баландин, с. 231].

В то же время здесь необходим ряд государственных мер, которые сегодня активно разрабатываются и принимаются, но в недостаточном объеме. Так, Н. А. Ступникова отмечает, что «национальный состав России подробно изучается в 8 классе в рамках курса “География России”. Однако… на изучение этнического состава России выделяется недостаточно времени… акцент сделан на рассмотрении природных и экономических особенностей региона, а этнические особенности населения затрагиваются достаточно поверхностно» [Ступникова, с. 179]. Необходимы более серьезные дидактические разработки в данном направлении и их внедрение в программы и, в целом, в образовательную систему.

Но, соглашаясь со всем перечисленным, следует обратить внимание на одну достаточно сложную проблему, которая связана со спецификой самих национальных культур. Как известно, любая культура не является «застывшей», в ее рамках происходит динамика ценностей, традиций и установок, ряд которых в данном процессе обнаруживает не только несоответствие сегодняшним реалиям, но и явно негативный характер (традиционные и общеизвестные примеры – бинтование ног у китаянок, обычай «сати», самосожжения вдов; харакири в японской культуре и пр.). Многие из них отошли в прошлое по историческим меркам совсем недавно, что говорит об их «живучести» и сложности изменения этноменталитета.

При этом, как известно, и в сегодняшней ситуации сохраняется ряд установок и традиций, явно противоречащих ценностям современного мира. Сюда относится, например, сохраняющаяся гендерная дискриминация в мусульманских странах. Как известно, 3 сентября 2025 г. в России вступил в силу ГОСТ на школьную форму, в котором, в частности, не предусмотрено ношение девочками хиджаба или никаба. Но вопрос заключается не только во внешнем виде: коллеги автора данной статьи рассказывают о фактах категорического запрета девушкам из мусульманских семей участвовать в любых школьных общественных мероприятиях. Вполне закономерно, что у соучеников этих девушек возникают по меньшей мере вопросы относительно подобных запретов, а еще чаще прямое их неприятие – с переносом негативных оценок на мусульманскую культуру в целом.

Нам уже приходилось писать о том, что толерантность не означает всеядности. Поэтому требовать от учащихся принятия подобных, явно устаревших традиций, не только нецелесообразно, но вряд ли возможно. С другой стороны, прямая и публичная критика здесь точно так же недопустима. Нам представляется, что здесь прежде всего снова необходима разработка соответствующих разделов программ и дидактических рекомендаций, в которых должны быть продуманы и отражены корректные и тактичные объяснения и аргументы учащимся относительно, во-первых, динамики ценностных систем в любой культуре; во-вторых, необходимости всестороннего анализа тех или иных традиций и постепенного вычленения явно отживающих, и, в-третьих, – важности понимания того факта, что впрямую – и тем более агрессивно – «бороться» с отживающими традициями и установками неконструктивно и неэтично. К ним необходимо проявлять терпимость и понимание сложности подобных процессов.

В то же время стоит отметить, что здесь самым слабым звеном является сам анализ традиций, который сегодня ведется явно недостаточно, несмотря на то, что предпосылки для этого давно имеются. В частности, можно вспомнить известную и практически не устаревшую работу К. Лоренца «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», в которой он оценивает многие современные социокультурные тенденции и психологические установки с позиций ученого-естественника. Несмотря на некоторый элемент биологизаторства, ключевые предпосылки здесь, на наш взгляд, совершенно верны. Если же учесть, что за более чем полвека со времени публикации данной работы накопилось множество новых данных, позволяющих проводить подобные оценки более глубоко и комплексно, то слабый интерес авторов к данной теме трудно объяснить, тем более что, повторим, проблема назрела. Исследования в этом направлении могли бы существенно продвинуть развитие научной, теоретической базы, необходимой сегодня для адекватного практического ответа на вызовы времени, связанные с этнокультурными противоречиями и формированием этнокультурной толерантности у подрастающего поколения.

Список источников

1. Баландин Д. Проблемы и противоречия формирования этнокультурной идентичности подростков в поликультурной образовательной среде // Язык и литература в контексте межкультурной коммуникации: материалы VII Международной научной конференции. – Ванадзор, 2024. – С. 225–238.

2. Голенищева Е. Л. Проблема буллинга в начальной школе // Научное мнение. – 2025. – № 4. – С. 132–137.

3. Грей Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. – М.: Праксис, 2003. – 368 с.

4. Калиева М. Х., Файзуллина А. Р. Воспитание толерантности в условиях этнокультурного пространства (из опыта работы лучшей школы с этнокультурным компонентом содержания образования) // Вестник ТОГИРРО. – 2022. – № 1 (48). – С. 14–17.

5. Кортунов С. В. Национальная идентичность: постижение смысла. – М.: Аспект Пресс, 2009. –589 с.

6. Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Социальная и экономическая психология. – 2016. – № 1. – Т. 1. – С. 23–40.

7. Миронова Л. Ю. О технологиях этнокультурного воспитания в современной системе образования // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве: материалы XII Международной научно-практической конференции (Чебоксары, 28 марта 2025 г.) – Чебоксары: ЧГИКИ, 2025. – С. 76–79.

8. Михайлова М. А. Этнокультурная идентичность в условиях культурной глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 191–196.

9. Резвушкина С. А. Нематериальное этнокультурное достояние России как основа цивилизационной идентичности: вызовы конструктивизма и инструментализма // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2025. № 2. – С. 67–76. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-2-67-76.

10. Ступникова Н. А. Формирование этнокультурной компетентности и межэтнической толерантности у обучающихся 8 классов на уроках географии при изучении национального состава России посредством применения интерактивных диалоговых методов обучения // Лучшие научные исследования 2022: сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза, 2022. – С. 178–182.

11. Фромм Э. «Иметь» или «быть»? – М.: АСТ, 2008. – 314 с.

12. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.

Сведения об авторе

Фотиева Ирина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-9918-1635, e-mail: fotieva@bk.ru

УДК 373.2:373.3:37.014.5
ГРНТИ 14.23.05

«Этнокультурное воспитание личности обучающихся воспитанников путем интеграции музейной педагогики в историю краеведения». Старший дошкольный возраст

И. Н. ХМЕЛЕВА

Актуальность темы использования этнокультурного развития обучающегося воспитанника средствами музейной педагогики через историко-краеведческое исследование малой родины обусловлена тем, что в настоящий период образование, наука и искусство нацелены на взаимодействие во всех направлениях своей деятельности. На первый план выдвигается актуальная задача поиска новых форм организации по выстраиванию модели деятельности воспитанников дошкольных организаций. Музейная педагогика создает условия для развития многосторонней личности ребенка в ходе роста и образования. Будучи частью музееведения, легко интегрируется в историю краеведения, позволяя решать задачи этнокультурного самовыражения. Педагог, включая основы музееведения в разнообразную деятельность детской игры и объединив ее с процессом обучения, охватывает эмоциональную, чувственную, интеллектуальную сферы воспитательного процесса, является путеводителем этнокультурного воспитания растущей личности. Все, что дорого памяти любому человеку, что с раннего детства вошло в сердце как самое близкое – семья, родственники, друзья, край, местность, окружающая природа, своеобразный быт и устои, будни и праздники, присущие определенному этносу, непременно важны для воспитания его нравственных и патриотических чувств, расширяет этнокультурное пространство воспитанников. Эти, казалось бы, обыденные вещи, помогают дошкольнику комбинированно решать задачи успешной социализации в детском коллективе, а далее результативно сотрудничать во взрослом обществе.

Ключевые слова: музейная педагогика, историко-краеведческое, нравственно-патриотическое, этнокультурное, обучающиеся воспитанники, духовные ценности, экскурсии.

Ребенок нуждается в познании своего исторического наследия и культурной и этнической принадлежности. Одним из характерных признаков внутренней опустошенности и, как следствие, низкой внутренней культуры является утрачивание своих генеалогических связей, духовных привязанностей внутри семьи и родственных уз. Этнокультурное воспитание в дошкольной организации ставит своей задачей сохранение культурного кода исторического опыта предыдущих поколений, воспитывая толерантность к культуре и традициям малых народов Российской Федерации для полноценного формирования личности ребенка в едином образовательном пространстве страны.

В ФГОС ДО в принципах (п. 1.4.(6), с. 6) четко обозначено «приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства», (п. 1.4(9), с. 7) «учет этнокультурной ситуации развития детей», что накладывает ответственность за воспитание нравственных и патриотических начал у обучающихся воспитанников.

Ст. 63.(1), с. 1 Семейного кодекса гласит: «…родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье,

физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей». Педагоги образовательной организации берут на себя ответственность за синергию образовательных процессов обучающихся воспитанников в отношении этнокультурной подготовки, выстраивая субъект-субъектные взаимоотношения между дошкольником, его родителями (или их законными представителями) и во взаимодействии отвечают за их этнокультурное и духовно-нравственное воспитание. Отбор и систематизация знаний по истории краеведения во взаимодействии с музейной педагогикой проводится педагогами дошкольной организации с учетом возрастных и умственных возможностей дошкольников в процессе сюжетно-ролевых игр и художественно-продуктивной деятельности и является логической взаимосвязью этого процесса, необходимым началом воспитания амплификации (обогащения) этнокультурных чувств воспитанников.

Я. А. Каменский, И. Г. Песталоцци, А. Н. Радищев, Л. Н. Толстой и др. считали первоосновой воспитания привитие чувства любви к Родине и необходимость познания истории своего рода, своей этнической принадлежности к малой родине, взрастившей его и подпитывающей силой и энергией родной земли. Я. А. Каменский писал, что надо «поставить дело так, чтобы при одной работе выполнялось двойное или тройное дело», «чтобы работа приносила больше, чем один результат. Здесь общее состоит в том, чтобы всегда и везде брать вместе то, что связано с другим» [Каменский, с. 377–378]. Интегративный характер музейной педагогики и включение краеведческого элемента в единое образовательное пространство, и изучение «истории ближайшей Родины» обосновывал К. Д. Ушинский [Ушинский, с. 11].

В последние годы многочисленная информация некоторых периодов истории нашей страны переосмысливается, поэтому педагог детского сада должен проявлять корректность в отборе материала, учитывая возрастные особенности восприятия, этнокультурную и социальную подготовленность ребенка.

Этнокультурное воспитание через историко-краеведческое исследование и музейную педагогику включает в себя симбиоз воспитательных задач в разных направлениях образовательного процесса, их активную, разнообразную игровую деятельность. Музейная педагогика позволяет решать основную педагогическую проблему: учить детей сюжетно-ролевой игре, интерактивно взаимодействуя с экспонатами дошкольного музея, тем самым, вызывая у них интерес и желание познавать этнокультурное образовательное пространство своей Родины во всем его ярчайшем проявлении, побуждать к стремлению изучать ее историко-культурное наследие, свои этнические «корни», свой род. Посредством погружения в условия музейных экспонатов мини-музея детского сада воспитанники лучше социализируются, интерактивно взаимодействуя с представленными экземплярами музея, прочувствовав сопричастность к богатому наследию своей большой страны и малой родины, проникаются к ней уважением и гордостью за ее богатую и славную историю. При этом формируются этнокультурные качества гражданина своей страны, патриота родной Отчизны, нравственные начала внутри семейных ценностей. Этнокультурная предметно-пространственная среда в обучении народной игре воспитывает защитника-патриота своей родной земли,

творца своего ближайшего будущего, и культурного образованного человека. Игра, в особенности народная, остается основным видом обучающей деятельности воспитанника, связующим звеном всех образовательных областей Программы образовательной организации, его этнопознаний о малой родине и Отечестве и социокультурных ценностях народов Российской Федерации. Обучающиеся воспитанники не просто пассивные зрители, а «исследователи», «коллекционеры», «экскурсоводы».

Быть образованным в этнокультурном едином образовательном пространстве это не только знать и любить свою малую родину, но и активно действовать на ее благо.

Исследования самобытности родного края и регионов России помогают познать глубину исторических взаимоотношений и традиций своей семьи, малой родины, своеобразия и общности культур разных народностей, расширяют масштаб познаний о неповторимости и многообразии культур народов, населяющих нашу страну. Экскурсионные мероприятия помогают в исследовании культурных начал многонационального народа нашей Родины. Они проводятся в рамках музейной педагогики через организованные экскурсии в мини-музеи нашего ДОУ по таким направлениям как «История куклы в народном костюме», «История куклы в народном костюме ближнего зарубежья», «История куклы в народном костюме дальнего зарубежья».

Экологические познания этнокультурного воспитания приобретаются по таким разделам музейной деятельности как «Насекомые и их знакомые луга, леса, водоемов», полезные ископаемые земли «Кладовая вселенной», «Экологическая тропа нашего детского сада». Они помогают глубже изучить природу и богатства своего родного края и ближайших республик-соседей.

Большой интерес вызывают игры-экскурсии в «поездки» и в «путешествия» «Метеостанция» «Транспорт – ретро и современность», «Транспорт на службе человека». Игры-путешествия способствуют получению новых знаний о людях и стране. Например, в процессе игр-путешествий санкт-петербургские обучающиеся воспитанники стремятся узнать о закавказских республиках, северных народах, жителях центральных российских республик – Татарстане, Башкортостане, Республике Марий Эл. Этому способствуют экскурсионные мероприятия «Горные регионы России». Путешествия в историю своей страны помогают глубже узнать жизнь и быт наших предков. Путешествие-экскурсия «Тверь в Москву дверь» расскажет много интересного о жителях Тверской губернии – ремеслах, одежде, занятиях.

Празднование дня урожая мы обогатим нашей ярмаркой-экскурсией «Кубань-житница России». Путешествие вглубь России к народам Севера мы проведем при помощи путешествия-экскурсии «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз…» и т.д. Но мы путешествуем не только по своей стране, Российской Федерации, но и по ближнему зарубежью. «Путешествие в Белоруссию, сестру – Белую Русь», или встреча восточного нового года «Наурыза» в дружественном Казахстане расскажет нашим воспитанникам о культуре и самобытности народов ближнего зарубежья.

Одним из важнейших факторов этнокультурного воспитания детей является приобщение их к трудовой деятельности. В своих играх-путешествиях и экскурсиях по родному краю мы познаем труд взрослых людей. Это работники сельского труда – животноводы, хлеборобы, растениеводы, трудящиеся легкой и тяжелой промышленности машиностроения и станкостроения, оборонные заводы, выпускающие продукцию для защиты нашей Родины, медицинские работники, педагоги и т.д. В путешествия-экскурсии включается региональный компонент. Экскурсии на Ижорские заводы, учреждения культуры – Ижорский дворец культуры, библиотеки, Политехническую академию обогащают знаниями о малой родине г. Колпино, городе-герое воинской славы, непобедимой ижорской земле. В ходе непринужденной беседы на темы самой интересной и увлекательной деятельности – игры – путешествии в историю краеведения педагогу легче наладить контакт с ребятами вызвать их на откровенные разговоры, включаясь в такие игры, не забирая, однако, у детей инициативы. Чтобы дошкольник понял значение результатов человеческого труда, ему, безусловно, нужно рассказывать и показывать, как, например, выращивают хлеб, но еще в большей степени он должен осознать сложность этого труда. После путешествия – экскурсии «Как хлебушек на стол пришел» воспитанники глубоко осознают, что хлеб «не растет на деревьях», что это нераздельная цепочка трудового цикла работающего человека.

В детском саду на экологической тропе обустроен свой огород, работают с воспитанниками, выращивают томаты, огурцы, кабачки, капусту, зелень и т.д. На огородном участке дети могут посеять озимую пшеницу, вырастить ее, собрать урожай, испечь хлеб, конечно, с помощью взрослых. Процесс выращивания хлеба потребует немало сил, зато и разговор о бережном отношении к хлебу станет понятней и доступней.

Старшие дошкольники способны принимать активное участие в защите природы. Формирование бережного отношения к родной природе сочетается в путешествиях-экскурсиях по музейной педагогике «Насекомые и их знакомые». Включая региональный компонент в воспитательный и образовательный маршрут дошкольников, педагоги организуют экскурсии по экологической тропе территории детского сада, обучают бережному отношению ко всему живому: организуют «зеленый патруль». Энтузиасты своего дела обустраивают альпийские горки, цветочные клумбы, пруд, родители изготавливают кормушки и скворечники для пернатых обитателей на территории детского сада. Педагоги организуют туристические прогулки до ближайших природных достопримечательных мест родного края; в городском парке на острове «Чухонка» прикармливают белок, изучают флору и фауну региона.

Городской сад изобилует разнообразием цветов, там изучают насекомых-обитателей леса, луга, водоемов.

Новизна этнокультурного образования через историко-краеведческие занятия и музейную педагогику состоит в том, что оно выходит за рамки традиционного экскурсионного образования, превращая предметную среду ДОУ в образовательное пространство, обеспечивая прямой контакт с экспонатами

мини-музея, налаживая интерактивное взаимодействие, и, позволяя реализовать игровой подход в учебной деятельности. Обучающиеся воспитанники не просто пассивные зрители, а «исследователи», «коллекционеры», «экскурсоводы». Дети получают знания и главная цель этих знаний – формирование самоидентификации, ранней профориентации и адаптация в окружающем социуме. Педагогу следует продумать форму, структуру занятия, средства и методы, позволяющие реализовать поставленные задачи, использовать специальные приемы, дозируя нагрузку каждого занятия. Комплексно-тематическое планирование с нацеленностью этнокультурного образования реализуется с помощью технологических карт устанавливать логическую связь между различного рода историческими событиями и минимизировать эмоциональные затраты. Этому способствуют такие методические приемы как сравнение – было, есть и будет, индивидуальные задания, игровые приемы и т.д. Эффективным средством по углублению этнокультурных познаний в историко-краеведческом аспекте с помощью музейной педагогики будет полезно включение таких художественных средств, как музыка, стихи и живопись.

Дидактическими условиями по привитию навыков этнокультурного воспитания и погружения в историю краеведения, используя музейную педагогику, являются:

-умение воспитателя ориентироваться в подборе материала для экскурсий обозначенной возрастной группы;

- соблюдение планомерности и последовательности подачи материала по одному из направлений исследования краеведения, доступности его с учетом возрастных особенностей обучающихся воспитанников;

- создание условий предметно-пространственной среды для проведения интерактивных экскурсий в условиях мини-музея детского сада;

- правильное размещение дидактических и наглядных материалов в интерактивной среде группы;

- обеспечение условий для самостоятельной деятельности детей, поощряя инициативу в ролевых играх при проведении исследовательских экскурсий по родному краю.

Цель – воспитание этнокультурных качеств обучающихся-воспитанников через историко-краеведческое исследование, музейную педагогику.

Задачи:

- формировать образ Родины, объединяющей республики с особенностями и своеобразием многонациональных вековых культур и народных традиций;

- способствовать расширению этнокультурного развития через историко-краеведческие исследования и музейную педагогику;

- учить анализировать этнокультурные исторические факты, используя имеющиеся экспонаты, в пространстве мини-музея ДОУ;

- прививать морально-этические качества, такие как эмоциональная отзывчивость, уважение к культуре и традициям других народов;

- воспитывать особенности характера этнокультурного обучающегося воспитанника, такие как гордость за успехи своей малой родины, уважение к историческому наследию своего народа и предков, воинам-защитникам Отечества.

Методы реализации:

- библиографический: перечень литературных источников для изучения проблемы;

- исторический: пополнение предметно-пространственной среды дошкольной организации экспонатами предметами этнокультурных историко-краеведческих исследований;

- краеведческий: организация проектной и исследовательской деятельности в рамках историко-краеведческих исследований и музейной педагогики в этнокультурном пространстве;

- фото и видеосъемка: прослушивание аудиозаписей, просмотр видеофрагментов.

Материально-техническое обеспечение:

- музей кукол в народных костюмах, народов, населяющих Российскую Федерацию;

- музей кукол в народных костюмах, народов ближнего зарубежья;

- музей кукол в народных костюмах, народов дальнего зарубежья;

- музей экспонатов насекомых леса, луга, водоемов;

- музей экспонатов минералов;

- музей экспонатов ретро-машин и современных автомобилей;

- экологическая тропа детского сада;

- дидактические игры на историко-краеведческую тематику;

- картотека народных игр;

- технологические карты на тему экскурсий.

Анализ результатов и оценка достижений:

- познавательные: обучающиеся воспитанники научились сравнивать, народные костюмы различных регионов народов России, выделять отдельные элементы костюмов, различия быта и особенности проживания;

- речевые: существенно обогатился словарь воспитанников в составлении описательных рассказов в подготовке экскурсий;

- социально-коммуникативные: развивались навыки сотрудничества, умение договариваться, распределять роли;

- художественно-эстетические: наметились проявления эстетического вкуса, демонстрировалось умение передавать характерные детали народного костюма.

Итоговыми мероприятиями стали организованные силами педагогов и обучающихся воспитанников экскурсии с музейными экспонатами для воспитанников, родителей и участников открытых районных мероприятий. Обученные умениям выступать в роли экскурсоводов, эмоционально и содержательно доносить информацию об экспонатах, обучающие воспитанники доказали интеграцию музейной педагогики в историю краеведения в этнокультурном пространстве воспитания личности.

Список источников

1. Атамаскина Ю. В. Современные педагогические технологии в ДОО. – СПб.: Детство-Пресс, 2011. – 112 с.

2. Байдина Е. А. Мини-музей в ДОО как средство патриотического воспитания // Справочник старшего воспитателя. – 2013. – № 2. – С. 32–37.

3. Бутенко Н. В. Художественно-эстетическое развитие личности в период детства в условиях реализации ФГОС ДО // Вестник Челябинского ГПУ. – 2014. – № 4. – С. 23–32.

4. Васильцева З. П. Мудрые заповеди народной педагогики. – М., 1983. – С. 13.

5. Воспитание духовности через приобщение дошкольников к традиционной праздничной культуре русского народа / авт.-сост.: Антонова Г. А., Ельцова О. М., Николаева Н. Н. – СПб.: ООО Издательство «Детство-Пресс», 2012. – 336 с.

6. Жукова О. Г., Хмелева И. Н. Музейная педагогика в дошкольной образовательной организации. – М.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. – 120 с.

7. Жуковская Р. И., Виноградова Н. Ф., Козлова С. А. Родной край. – М.: Просвещение, 1990. – 176 с.

8. Каменский Я. А. Великая дидактика. Избр. пед. соч. – М., 1982. Т. 1. – С. 377–378.

9. Радынова О. П., Копцева Т. А. Художественно-эстетическое развитие ребенка в дошкольном возрасте: методические рекомендации. – М.: Дрофа, 2014. – 364 с.

10. Рыжова Н. А. Мини-музей в детском саду. – М.: Линка-Пресс, 2008. – 96 с.

11. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. – М., 1987. – 411 с.

12. Ушинский К. Д. Наше Отечество. – М.: Эксмодетство, 2024. – 99 с.

Сведения об авторе

Хмелева Ирина Николаевна – заведующий, ГБДОУ детский сад № 11 комбинированного вида Колпинского района Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: zavgdou11@yandex.ru

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ИСТОЧНИК УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

УДК 37.022
ГРНТИ 14.15.07

Этнический компонент музыкального образования в многонациональном государстве

ВАН ЦЗЭВЭНЬ, М. Д. КОРНОУХОВ

В статье этнический компонент музыкального образования в многонациональном государстве раскрывается на примере специализированной программы по музыке «Наньинь». В университете города Фуцзянь (КНР) была создана «База профессиональной практики» для обеспечения всестороннего образования своих студентов. Эта база позволяет будущим учителям музыки активно участвовать в сохранении и инновационном продвижении музыки Наньинь как бренда традиционной культуры китайской нации. Кроме того, университет оказывает помощь местным сельским районам в художественном развитии посредством общественных благотворительных занятий и просветительской деятельности. Данный проект соответствует образовательным методам «второй аудитории» – внеклассным художественным мероприятиям в университетах, а также различным программам специальных элективных курсов для будущих учителей. Организация и проведение мероприятий в формате «второй аудитории» позволяет своевременно учитывать многоуровневые и многомерные факторы, актуальные проблемы и стратегии в интеграции этнического компонента в комплексную образовательную систему для студентов университетов.

Ключевые слова: музыкальное образование, этнический компонент, национальное единство, просветительский аспект.

Образование – это основа долгосрочного развития многонационального государства, каким является современный Китай. В стране насчитывается пятьдесят шесть этнических групп. В настоящее время в музыкально-педагогическом сообществе КНР происходит переход от пассивного принятия государственных образовательных стандартов к активному осмыслению её этнического компонента. В этом контексте особое значение придаётся так называемым образовательным методам «второй аудитории» – внеклассным художественным мероприятиям в университетах, а также различным программам специальных элективных курсов для будущих учителей, которые курируют такие университетские подразделения, как Комитет молодежной лиги и Отдел по делам студентов [Лю Цин]. Организация и проведение мероприятий в формате «второй аудитории» позволяет своевременно учитывать многоуровневые и многомерные факторы, актуальные проблемы и стратегии в интеграции этнического компонента в комплексную образовательную систему для студентов университетов.

В октябре 2017 г. Министерство образования КНР издало «Меры по реализации сертификации программ педагогического образования в государственных высших учебных заведениях», в котором призвало учитывать региональный и этнический фактор профессиональной подготовки наряду с такими показате-

лями, как «профессиональная этика», «педагогическое творчество», «предметная грамотность», «педагогические способности» и «коммуникативные навыки» [Фань Цзин]. Этот директивный документ по реформе педагогического образования подчеркивал парадигму мультикультурализма как принцип единства народов в многонациональном и многоконфессиональном государстве.

В этой связи отметим, что наибольшее различие между показателем «комплексное образование» и показателями «предметная грамотность» и «педагогические способности» в разделе «этнический компонент» заключается в том, что последний имеет относительно четкие и измеримые стандарты оценки и методы реализации в рамках учебной программы профессиональной подготовки кадров, в то время как первый лишен этих характеристик [Бабина]. Однако значение этнического компонента гораздо шире, чем просто передача соответствующих знаний и навыков. Он должен быть максимально гармонично интегрирован в общий алгоритм профессиональной подготовки в вузе [Долженкова]. Показатель «комплексное образование», предъявляющий более высокие требования к способностям преподавателей, является важнейшим проявлением дальнейшего углубления реформы музыкального образования в новую эпоху.

Этнический фактор является весьма востребованным и широко применимым в реальной педагогической работе, особенно в таких художественных дисциплинах, как музыка, где произведения регионального фольклора легче интегрировать с особенностями дисциплины для достижения лучших образовательных результатов [Гукаленко, Борисенков]. Тем не менее, большинство университетских программ подготовки учителей в этой области по-прежнему ориентировано на пересмотр «программ подготовки кадров» и изучение практических аспектов «учебных планов и методов обучения», в то время как углубленные тематические исследования этнической музыки, интегрированные в «комплексное образование», встречаются редко.

Кроме того, в настоящее время в Китае наблюдается сокращение числа педагогических вузов, поэтому развитие специализированных этнических программ подготовки учителей музыки, а также способы повышения качества учебных планов и практического обучения в этом важнейшем аспекте формирования педагогических навыков, не получает должного развития. С 2017 г., с внедрением всеобъемлющей аккредитации педагогического образования, появляются новые возможности разработки соответствующих педагогических программ и технологий [Майковская]. Анализируя уже существующие в некоторых университетах элективные курсы, их эффективность, можно утверждать, что существует проблема их оптимального «встраивания» в архитектонику «комплексной подготовки» учителя музыки. В этом смысле интегративные связи все еще находятся на начальной стадии.

В условиях многонационального государства этнический компонент вузовской подготовки учителей музыки может стать эффективным способом всестороннего гарантирования и повышения качества педагогических кадров [Ануфриева]. Однако, на основе реальных примеров из некоторых программ

подготовки учителей музыки наблюдается значительный разрыв между фактическим и идеальным уровнем компетенций и качеств, необходимых для всестороннего развития этнического компонента, среди многих студентов, обучающихся по этой специальности [Шумилова].

По сравнению с другими измеримыми и легко оцениваемыми требованиями к выпуску, этнические программы подготовки учителей музыки сталкиваются с многочисленными практическими проблемами в реализации концепции «всестороннего развития», такими как недостаток внимания со стороны учителей и студентов, отсутствие институциональных механизмов внутри учебных заведений и трудности в оценке эффективности, качество учебного контента, недостаточная презентативность фольклорных произведений [Жиров].

Тем не менее, в качестве положительного примера можно привести специализированную программу по музыке «Наньинь». Это одно из древнейших музыкальных направлений Китая, которое считается основой традиционной музыки, в особенности придворной, императорской. История Наньинь насчитывает более тысячи лет, оно зародилось в эпоху правления династии Тан и получило широкое распространение во время правления династии Сун. В сентябре 2009 г. Наньинь был включён в «Список нематериального культурного наследия Китая». Это округ Цюаньчжоу в южной части китайской провинции Фуцзянь. Мигранты из Центрального Китая принесли в этот регион культуру вокально-инструментального музицирования, которая смешалась с местной народной музыкой, и создала уникальный стиль Наньинь.

Классический вокально-инструментальный состав Наньинь включает певца с пайбань (трещоткой). Слева от него – лютня пипа (старинная горизонтальная с изогнутой шейкой) и лютня саньсянь. Справа располагается продольная флейта дунсяо и эрсянь. В некоторых случаях добавляется обширная группа ударных и айцзы (южная труба сона). Сюжеты этого фольклорного направления обусловлены культурными и внутри-жанровыми связями: это театральные зарисовки, религиозные стихи (буддийские и даосские), лирические песни на основе фуцзяньских народных песен. Вокалист использует традиционный метод пения, то есть натуральный голос, при этом носовой звук занимает особое место в вокализации, что связано с диалектом южной Фуцзяни (языком миннань).

В университете этого города была создана «База профессиональной практики» для обеспечения всестороннего образования студентов. Эта база позволяет будущим преподавателям музыки активно участвовать в сохранении и инновационном продвижении музыки Наньинь как свидетельства превосходной традиционной культуры китайской нации. В ходе этого процесса они развивают характер, оттачивают чувства и совершенствуют свои навыки, приобретая богатый опыт преподавания и наставничества. Кроме того, университет оказывает помощь местным сельским районам в культурном развитии посредством общественных благотворительных занятий и просветительской деятельности. Будущие преподаватели музыки проводят педагогическую и наставническую практику на базе, организуя занятия по Наньпа и Эрсянь (китайские струнные инструменты), Дунсяо (китайская вертикальная флейта) и этнической вокальной

технике. Например, они обучают местных детей использованию «нотации Гунъи» (системы нотации музыки Наньинь) для подготовки нотных партитур и объясняют историю и теорию Наньинь.

В своих музыкальных классах, посвященных Наньинь, они также используют новейшие электронные устройства и информационные технологии, сочетая технологии и музыку для проведения более крупных образовательных мероприятий. Будущие учителя музыки также проводят комплексное обучение местных детей в рамках различных тематических образовательных программ, таких как «Мини-классы по истории региона Наньинь», «Мини-классы по знаниям в области культуры региона» и «Мини-классы по знаниям в области экологии региона».

С 2009 года местный университет инициировал 849 исследовательских проектов с участием почти 5000 человек, многие из которых тесно связаны с концепцией «этнического образования», например: «Исследование по улучшению практических навыков и эстетического восприятия музыкальной культуры Наньинь», «Танцевальные традиции древнего Наньинь», «Внеклассная деятельность учителей музыки в этническом компоненте».

В рамках комплексного подхода к этническому образованию делается упор на развитие эстетических и гуманистических качеств студентов, обучающихся по музыкально- педагогическим специальностям. Университет реализует всестороннее образование с помощью таких методов, как создание кафедры этнической культуры, разработка учебных программ и проведение различных образовательных мероприятий. Это включает в себя постановку масштабных музыкальных и танцевальных проектов, таких как «Сибайпо» и национальная опера «Песнь истины», в рамках акции «Стучась в дверь музыки», проводит различные тематические художественные выставки. Это лишь одно из многих возможных решений проблемы реализации комплексной системы музыкального образования в многонациональном Китае.

Список источников

1. Ануфриева Н. И. Феномен народной художественной культуры в профессиональной подготовке современного музыканта: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. – М., 2012. – 512 с.

2. Бабина Е. Ю. Соотношение понятий «национального» и «этнического» и их место в типологии культуры: автореф. дис. … канд. филос. наук: 24.00.01. – Ростов н/Д., 2005. – 16 с.

3. Бережнова Л. Н. Полиэтническая образовательная среда. – СПб., 2003. – 202, [1] с.: ил., табл.

4. Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Поликультурное образование и вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2018. – № 2. – С. 3–11.

5. Долженкова М. И. Развитие этнохудожественного образования на основе региональных социально-культурных традиций: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.05. – Тамбов, 2000. – 553 с.

6. Жиров М. С. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: дис. … д-ра пед. наук: 13.00. 05. – М., 2001. – 486 с.

7. Лю Цин. Высшее музыкально-педагогическое образование в современном Китае: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – СПб., 2008. – 22 с.

8. Майковская Л. С. Феномен этнокультурной толерантности в музыкальном образовании: дис. … д-ра пед. наук: 13.00. 08. – М., 2009. – 467 с.

9. Фань Цзин. Создание культурных брендов как музыкально-просветительская образовательная модель развития культуры этнических меньшинств в современном Китае // Музыка. Культура. Педагогика: материалы VI международной научно-практической конференции. – СПб., 2019. – С. 145–150.

10. Шумилова Е. Н. Теоретико-методологические основания исследования проблемы профессиональной подготовки учителей музыки в современном заочном музыкально-педагогическом образовании // Человеческий капитал. – 2019. – № 8. – С. 132–139.

Сведения об авторах

Ван Цзэвэнь – аспирант кафедры музыкального воспитания и образования, Институт музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sobaka.mk@mail.ru

Корноухов Михаил Дмитриевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: sobaka.mk@mail.ru

УДК 398
ГРНТИ 18.41.91

Музыкальное сопровождение в семейно-бытовых обрядах народов Дагестана

Д. А. ПАШАЕВА

В статье рассмотрены семейно-бытовые обычаи народов Дагестана. Предметом изучения в ней является традиционное и музыкальное оформление обрядов. Описываются основные ритуалы народов Дагестана, связанные с вехами жизни человека от появления на свет до кончины.

Ключевые слова: семейно-бытовые обряды, традиционная музыкальная культура, обряд рождения, обряд обрезания, свадебный обряд, погребальный обряд, народы Дагестана.

Богатое культурное и музыкальное наследие Дагестана играет ключевую роль в традициях и обычаях народов, населяющих это регион. Важнейшим элементом этих традиций является музыкальное сопровождение, которое у каждой национальной группы индивидуально и необычно.

Данная тема подробно описана в трудах этнографа, доктора исторических наук Б. М. Алимовой [1; 2; 3]; кандидата филологических наук М. В. Мугадовой[1]; фольклориста, музыковеда Х. М. Халилова [4].

Последовательно рассмотрим различные обряды, связанные с жизненным циклом.

Обряд после рождения ребёнка

Рождение ребёнка является главным и важным событием у всех народов. На сороковой день после появления ребенка на свет проводится яркое празднование в честь рождения, именуемое «Есният». Приглашённые гости поздравляют новорожденного, желают здоровья и благополучия. Родители и родственники новоиспеченной матери приносят первую люльку и сладости, также новорожденному дарят разные подарки, одежду, обереги, защищающие малыша. Одним из главных моментов является нарекание имени, которое даёт мулла, зачитывая молитву. После более опытные старшие женщины укладывают ребенка спать, исполняя колыбельную.

Обряд обрезания (суннет)

Один из ключевых исламских религиозных обрядов – обрезание мальчиков. Проведение обряда сопровождается особыми молитвами. По завершению процедуры семья устраивает пышное торжество, накрывается праздничный стол, гости и хозяева обмениваются подарками. На праздник приглашают исключительно близких родственников и друзей. Неотъемлемой частью праздника является музыкальное сопровождение, обычно исполняемое ударными или духовыми инструментами, под которые танцуют различные танцы, в том числе лезгинку.

[1] Мугадова М. В. Традиционный песенный фольклор народов Дагестана в самодеятельном художественном творчестве: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 189 с.

Свадебный обряд

Музыка для всех кавказских народов неотъемлемая часть их жизни, но особое значение она имеет в свадебных традициях. Свадьба – очень важное событие, в котором обряды обязательно сопровождаются музыкой. Традиционная дагестанская свадьба представляет собой яркое и эмоциональное мероприятие, состоящее из множества этапов. Далее будут разобраны самые основные из них.

Утром в день свадьбы в первую очередь приезжает группа музыкантов, которая своей игрой оповещает, что у кого-то из соседей начинается свадьба. Музыка начинается медленно, а затем постепенно ускоряется, создавая атмосферу веселья и радости.

«Югуб лихь» («7 раз играй»)

Перед самым выходом из дома родственники останавливают молодых и проводят своего рода небольшое испытание. Его основная идея состоит в том, что начинает играть музыка, которая постепенно варьируется и видоизменяется, а молодые должны её прослушать семь раз, и только после этого им разрешается переступить порог дома. Чаще всего жениху с невестой разрешается не прослушивать до конца мелодию – их отпускают в целях экономии времени.

«Лалилай»

Когда невесту приводили в дом жениха, перед входом без музыкального сопровождения (только под хлопки родственников) звучала песня «Лалилай». Она пелась исключительно женщинами и девушками. Когда жених и невеста переступали порог дома, остальные родственники оставались танцевать уже под более весёлую и быструю музыку, радуясь замечательному событию.

Погребальный обряд

Погребальный обряд, глубоко укорененный в исламской вере и древних обычаях, является одним из главных аспектов связи поколений и выражения дани уважения к умершим родственникам. Эта церемония включает в себя несколько важных ритуалов:

• Омовение тела («Гусуль»). Сразу после наступления смерти тело покойного подвергается ритуальному омовению водой. Данную процессию проводят специально выделенная группа людей из числа ближайших родственников, мужчин или женщин, в полном соответствии с предписаниями шариата. После омовения тело облачают в саван («кафан») – белую ткань, которая может быть украшена изящной вышивкой.

•Прощальная молитва («Джаназа Намаз»). В момент захоронения все мужчины (преимущественно) собираются для совершения общей молитвы («джаназа»), которая предназначается для духовного очищения и поминовения покойного. В такие моменты все становятся лицом по направлению к Мекке.

•Захоронение («Ташиш»)

Традиционно умершего хоронили в специально подготовленной земле или гробнице. Могила была направлена головой к западу, ногами к востоку и выкладывалась камнями или деревом. Кладбище обычно располагалось на расстоянии от жилых домов для соблюдения санитарных норм, но оставалось в пешей доступности.

•Посещение кладбища («Зиярат»)

Спустя некоторое время после похорон родные и друзья приходят на кладбище, чтобы провести там вечернюю молитву («диярнат») и возложить цветы. Данный визит поддерживает и укрепляет память об умершем.

•Период траура («Алхамадат»)

После похорон начинается период траура, который длится 40 дней. В это время самые близкие родственники покойного стараются не проводить какие-либо праздники, включать или играть музыку, а также не танцевать, таким образом проявляя дань уважения покойному и его семье.

Некоторые народы Дагестана до сих пор соблюдают ритуал чтения поминальных стихов в погребальном обряде. Хотя в каждом регионе данный ритуал проводится по-своему, их объединяют общие языческие корни.

У народов Дагестана похороны и поминки занимают особое место. В обязательном порядке проводятся ритуалы омовения тела, облачение в белый саван и прощание, именуемое «мухалла», на котором все присутствующие читают Коран для поминовения души усопшего. По завершению проведения всех ритуалов через три, а потом через каждые семь дней проходят поминальные обеды. Считается, что через 40 дней после смерти душа покойного отправляется в рай, а близкие принимают и получают успокоение, в связи с этим устраивается масштабный поминально-прощальный обед за усопшего.

Стоит отметить, что народы Дагестана отличаются уникальностью культурных традиций. Многие этические группы Дагестана сохранили общие черты обрядности, что позволяет видеть в этом объединяющее начало, способное воспитывать уважение к истории и традициям родного края.

Список источников

1. Алимова Б. М. Традиционные свадебные песни в современной свадьбе кайтагских кумыков // Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. – Махачкала, 1984. – С. 92–102.

2. Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем: Равнинный Дагестан. – Махачкала, 1989. – 112 с.

3. Алимова Б. М. Народные песни и мелодии в свадебных обрядах южных кумыков // Вестник ИИАЭ. – 2008. – № 3. – С. 64–80.

4. Халилов Х. М. Песенные жанры фольклора народов Дагестана // Жанры фольклора народов Дагестана. – Махачкала, 1979. – С. 4–23.

Сведения об авторе

Пашаева Дуня Али кызы – магистрант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-8229-021X, e-mail: lachinova.dunya@bk.ru

УДК 78.08
ГРНТИ 18.41.09

Тема России в оперном творчестве Р. К. Щедрина

Е. Р. РАУ

Статья посвящена изучению воплощения темы и образа России в оперном творчестве Р. Щедрина. Рассмотрены способы этого воплощения в пяти операх композитора. В результате сделаны выводы об использовании приема обобщения через жанр и его последовательной эволюции в оперной музыке Щедрина.

Ключевые слова: оперы Р. К. Щедрина, тема и образ России в музыке, обобщение через жанр, современная отечественная музыкальная культура, фольклор в оперной музыке.

В 2025 г. завершился долгий жизненный путь Родиона Константиновича Щедрина – одного из композиторов, определивших облик отечественной музыки второй половины XX и начала XXI столетия. Творческое наследие Щедрина огромно: он одинаково успешно работал во многих жанрах, создавая вокальные, хоровые, симфонические, фортепианные, камерно-инструментальные произведения, а также музыку для театра и кино. В любом жанре авторский почерк композитора индивидуален и ярко узнаваем. Творчество Щедрина стало явлением не только музыкальной, но и в целом духовной жизни нашего Отечества. Во многих работах композитор поднимает концептуальные этические и мировоззренческие вопросы: темы любви и судьбы, жизни и смерти, миссии и ответственности художника-творца. Красной нитью через все наследие Щедрина проходит мысль о России, ее неповторимом облике и особой исторической судьбе. Важную роль эта тема играет в таком сложном жанре как опера, где в художественном целом объединяются музыкальное, словесное, драматическое, изобразительное искусства. Цель данной работы – проследить последовательное формирование темы и образа России в оперном творчестве Щедрина.

К жанру оперы композитор обращался на протяжении всего своего творческого пути. Его первая опера была написана в 1961 г., последняя – в 2015 г. Всего Щедриным создано семь опер разных жанровых типов (лирическая опера, оперные сцены, grand opera, хоровая опера, опера-сказ, опера-феерия). Несмотря на различную жанровую природу, оперы Щедрина обладают многими схожими чертами. Большинство были написаны на сюжеты произведений русской литературы: рассказов С. П. Антонова («Не только любовь»), романа В. В. Набокова «Лолита»), поэмы Н. В. Гоголя («Мертвые души»), повестей Н. С. Лескова («Очарованный странник» и «Левша»), «Жития протопопа Аввакума» («Боярыня Морозова»). Единственная опера Щедрина, где сюжет взят не из русской литературы – последняя, «Рождественская сказка», в которой первоисточником стала сказка чешской писательницы Божены Немцовой в переводе Н. С. Лескова – любимого автора Щедрина. Помимо схожих источников сюжетной основы, оперы Щедрина объединены тем, что в большинстве случаев либретто было написано самим композитором (исключением является лишь первая опера «Не только любовь»). Композитор всегда стремился к тому, чтобы слово в его оперной музыке

выступало в единстве с другими средствами создания художественного образа, демонстрируя при этом немалое языковое чутье и литературный дар.

Оперная музыка Щедрина (как и все его творчество в целом) обладает интонационным единством и отличается узнаваемым авторским стилем, для которого было характерно слияние современных техник композиции и опоры на традиционные элементы русской музыкальной культуры [5, с. 74]. Такими элементами национальной традиции для Щедрина стали интонации русского музыкального фольклора и православного богослужения (в том числе колокольные звоны). Именно эта интонационная сфера в операх композитора и служит для воплощения темы России. Более того, рассматривая художественные концепции опер Щедрина, можно проследить как образ России последовательно формируется в них через обращение композитора к определенным музыкальным жанрам.

Самая ранняя опера Щедрина «Не только любовь» (1961) была написана в период, когда композитор, наряду с Г. Свиридовым, В. Гаврилиным, С. Слонимским и другими авторами работал в русле направления, позже названного «Новая фольклорная волна» [7]. В это время меняется отношение композиторов к фольклору: теперь оно строится преимущественно не на цитировании или обработке народных мелодий, а на применении свойственных фольклору принципов (формульная структура, типичные способы интонационного развития, формообразования и т. п.). Зачастую композитор воссоздает какой-либо из народных жанров на собственном авторском материале.

Подобный способ работы с фольклором стал основой композиции оперы «Не только любовь». Автор поднимает в опере глобальные проблемы, размышляя о любви, долге и совести. За жизненной коллизией главной героини встает образ послевоенной России, созданный средствами фольклорного жанра – частушки. Для Щедрина частушка была не просто одним из проявлений народного творчества. Композитор оставил пронзительные воспоминания о поездке в одну из деревень в 1951 году: «…Омужичившиеся, почерневшие на ветрах и стужах женщины вершили матриархат… Хрипло, надсадно, отчаянно, тоскливо голосили они частушки. Хмельные безногие инвалиды ловко сновали по деревенским колдобинам на мастеровито сбитых досчатых самодельных тележках с шарикоподшипниковыми колесиками от детских самокатов, отталкиваясь от земли деревянными рукоятками; задирали свои испитые русые головы вровень твоих колен. …И повсюду была частушка. Частушки пели стар и млад, бабы да мужики на всякой вечеринке, на гулянках, в клубах, застольях. Пели под гармонь, бренчание балалайки, «под язык». …Вдовьи, солдатские, хмельные частушки-страдания…

За этими куцыми, варварскими мотивами для меня стояли еще и застившие глаза зарева мук и счастья, стояла не экранная вовсе, не книжная, не нотная – из музгизовских сборников – залихватская, безудержная жизнь. Так тогда существовала и пела, плясала, топоталась, любила, томилась, ревновала, горюнилась, судачила, ухмылялась, злоязычела, терпела, страдала вся – в основном –

страна»[1]. Частушка стала смысловой, интонационной и композиционной основой оперы «Не только любовь». Щедрин говорил об этой опере: «…я желал, чтобы герои прицельно соотносились с миром частушки, разговаривали между собой на этом языке, в этом интонационном материале» [3, с. 2]. Частушка не только играет огромную роль в текстовой и интонационной составляющих оперы, но и служит для композитора важным средством создания целостной структуры и формы произведения. Принципы формообразования подчинены законам строения частушки: вся опера тяготеет к рондообразной форме и квадратности построений. Частушки «резюмируют каждый более или менее значительный поворот сюжета» [2, с. 50], выступают способом рефлексии или нравственной оценки происходящих событий. Так частушка становится жанром, с помощью которого рисуются не только портреты каждого из действующих лиц, но и создается надличностный, целостный образ России, проступающий сквозь кажущиеся незамысловатыми картины деревенской жизни.

Над следующей оперой «Мертвые души» Щедрин работал более десяти лет, ее первое исполнение состоялось в 1977 году. Как и в литературном первоисточнике – поэме Н. В. Гоголя – тема России играет в опере весьма существенную роль. Новаторской идеей композитора (выступившего и в качестве автора либретто) стала параллельная драматургия оперы. Действие развивается на двух ярусах сценического и философского-художественного пространства. «На нижнем действуют помещики, дворяне и Чичиков, на верхнем – народ русский, символизируемый присутствием сугубо побочных, но важных для идеи оперы персонажей (кучер Селифан, лакей Петрушка, мужики), да катящейся тройки» [6, с. 80]. Два образа, воплощённые на разных уровнях, являются нравственными антагонистами. В нижнем ярусе ярко выражена идея, заключенная в названии оперы, там действуют «мертвые души», олицетворяющие самые разнообразные человеческие пороки, рельефно изображенные Гоголем и перенесенные на оперную сцену Щедриным: пошлость, злоба, лень, лживость, глупость, жадность. Моральным противовесом для этой «галереи гнусностей» служит действие на вернем ярусе, воплощающее собирательный образ Руси. И создавая этот образ, Щедрин вновь обращается к жанру русского фольклора, на этот раз – к лирической протяжной песне. «Через весь спектакль проходит как бы “макротема”, составленная из песен и пения на народные русские тексты с участием народно-вокальных тембров… Русский фольклор Щедрин использует здесь своеобразно – берет только подлинные тексты ряда песен и народные тембры, но не цитирует фольклорных мелодий. Тем самым достигается достоверность как традиционно-народного, так и современно-щедринского» [6, с. 82]. На протяжении всего произведения в оркестре (Щедрин новаторски заменил партии первых и вторых скрипок исполнением хора, поющего в народной манере) многократно звучат песни, созданные Щедриным на народные слова: «Не белы снеги» и «Ты полынь, полынечка-трава», становясь не только лейттемами, скрепляющими

[1] Путь по центру // Музыкальное обозрение. 2025. №10 (547,548) [Электронный ресурс]. URL: https://muzobozrenie.ru/put-po-centru/ (дата обращения: 06.04.2026).

оперную композицию, но и ее нравственной, этической максимой, по выражению В. Холоповой – «музыкой глубокого сострадания», «стоном Руси» [6, с. 83–84].

В следующий раз тема России ярко проявляется в опере Щедрина, созданной уже в начале нового, XXI столетия. Речь идет об «Очарованном страннике» (2002). Уже в «Мертвых душах» образ Руси был символически связан с дорогой. В «Очарованном страннике» сама концепция оперы представляет собой своего рода путешествие, в метафорическом плане – это опера-странствие, воплощающая одновременно духовный путь человека к Богу и сложный путь самой России, так же, как и путь главного героя, идущий через покаяние. Как и в предыдущих операх на русскую тематику, образ России воплощен с помощью обобщения через жанр. В «Очарованном страннике» этим жанром является молитвенное песнопение. Причем это молитвы как на канонические церковные тексты, так и на слова Лескова, представляющие собой образец «народного благочестия». Такова, например, молитва Ивана об его освобождении из татарского плена: «Пресвятая мать Владычица, да укрепиши и благая творити. Умоли Господа Бога избавити мя от мытарств и вечного мучения...<...> Лебедики мое, голубики мое, лебедики мое, голубчики сердешные...помогите...<...> О, Русь святая!..» [1, с. 209]. Молитвы звучат в опере постоянно, как в обусловленных действием моментах, так и в качестве параллельного смыслового ряда, создавая особые моменты духовной рефлексии. Повторение молитвенных фрагментов скрепляет композицию оперы, образуя многочисленные арки. Трижды (в начале, в середине оперы и в финале) звучит песнопение «Бог Господь и явися нам», представляющее собой автоцитату Щедрина из его русской литургии «Запечатленный ангел», написанной также по мотивам произведений Лескова. С точки зрения музыкального языка композитор здесь стилистически воссоздает древний знаменный распев. Трижды повторяется и упомянутая выше молитва Ивана к Богородице. Еще одно концептуально важное песнопение звучит в кульминации оперы, после смерти цыганки Груши. Это молитва «Покаяния отверзи мне двери», которая не просто содержит отсылку к одному из моментов великопостной литургии, но заключает в себе главное смысловое ядро всей оперы, ее сверхидею – путь к Богу лежит через покаяние.

Тему духовного поиска продолжает и следующая опера Щедрина – «Боярыня Морозова» (2006). Посвященная трагической странице русской истории – периоду церковного раскола, эта опера имеет полное название «Житие и страданье боярыни Морозовой и сестры ее княгини Урусовой». На жанровые особенности оперы повлияли несколько факторов, и наиболее сильно – тема изображения страданий праведника за веру, за высшую сакральную идею. Это привело композитора к заметному подражанию традиции жанра пассиона, сложившегося в западноевропейской музыке (особенно «Страстям» И. С. Баха). Как и в пассионах, в «Боярыне Морозовой» противопоставлены две образные сферы: непоколебимо стоящие перед лицом смерти невинные страдальцы и неумолимая враждебная сила, воплощенная в образе царя. Примечательно, что обе сферы

охарактеризованы композитором через обращение к жанрам. Сфера раскольников раскрывается через жанровые интонации плача, лирической протяжной песни и знаменного распева, сфера царя – через интонации марша и ударов набатного колокола. Как и в «Очарованном страннике», в опере значительное место уделено молитвам. Трижды звучит молитва «Пресвятая дева», в кульминационном разделе сюжета есть прямая отсылка к православной литургии – десятикратно повторенная молитва «Сыне Божий, помилуй нас», стилистически оформленная как богослужебная речитация. Однако даже не молитвы становятся в опере наиболее ярким воплощением темы России. Это происходит благодаря использованию жанра хорала, что вновь обусловлено влиянием традиции пассионов, где хорал не просто комментировал события Страстного сюжета, а давал вневременной взгляд над них, из надмирной перспективы Вечности. Дважды в ключевых точках сюжета звучит скорбный хорал на текст «Выпросил у Бога светлую Россию сатона, да очервленит ее кровию мучениской». В эти моменты мы слышим собственный голос автора оперы, выражающий его любовь и сострадание не только к невинным мученикам, но и к бесконечно любимой им Родине.

В 2013 г. Щедрин создает свою вторую оперу на сюжет Н. С. Лескова – «Левша». В ней образ России выражен на наиболее сложном символическом уровне. Многие жанрово-стилистические находки предыдущих опер были синтезированы Щедриным в «Левше». Прежде всего, стоит отметить, что «Левша» продолжает традицию русских классических опер, в которых показано противопоставление двух разных национальных сфер, впервые явленную М. И. Глинкой и «Жизни за царя», и затем продолженную многими авторами (М. П. Мусоргским в «Борисе Годунове», А. П. Бородиным в «Князе Игоре» и т. д.). По этой сложившейся традиции, русская национальная образность раскрывается через вокальные жанры, инонациональная (в «Левше» – английская) – через инструментальные. Эти вокальные жанры, воплощающие образ России, уже встречались в других операх Щедрина – это протяжная лирическая песня и молитва. Символическим выглядит в опере образ Блохи. «В опере “аглицкая” блоха произносит буквы латинского алфавита и танцует придворные танцы, но после того, как механическое насекомое было подвергнуто “русским пересмотрам” и побывало в руках тульских мастеров, оно учит русскую азбуку, начинает говорить по-русски и танцевать “Барыню”. А в финале Блоха убаюкивает умирающего Левшу русской народной колыбельной» [4, с. 78–78]. Есть в опера и отсылка к этическому пафосу жанра пассиона: в заключительной сцене смерть простого тульского мастера перекликается с Голгофой, и Щедрин усиливает эту параллель, включая цитату из заключительного хора «Страстей по Матфею» И. С. Баха. Однако отпевание главного героя возвращает слушателя в сферу русской национальной образности – опера заканчивается православной молитвой «Святый Боже».

Таким образом, тема России становится сквозной в оперном творчестве Р. Щедрина. В большинстве опер композитор обращается не только к воплощению русского сюжета, но и к изображению самой своей Родины, проступающей

сквозь черты других оперных героев Щедрина. Чаще всего он делает это с помощью обращения к тому или иному музыкальному жанру. В ранних операх композитора это жанры фольклора: частушка и лирическая протяжная песня, в более поздних Щедрин обращается к литургическим жанрам молитвенного песнопения и хорала. В поздней опере «Левша» композитор обобщает свои стилистические приемы, используя для создания образа России сразу несколько жанров.

На протяжении всей жизни тема России была одной из центральных, животрепещущих для композитора. Недаром в одном из своих произведений, «Поэтории», композитор вместе с Андреем Вознесенским, одним своих из любимых поэтов, приходит к такому смысловому итогу:

Единственная Россия,
единственная моя,
единственное спасибо,
что ты избрала меня.

Список источников

1. Комарницкая О. В. Русская опера второй половины XX – начла XXI веков: жанр, драматургия, композиция. Аналитические очерки. – М.: ПКЦ «Альтекс», 2011. – 306 с.

2. Краяни Е. О жанре и драматургии оперы Щедрина «Не только любовь» // MUSICUS. – 2019. – № 3. – С. 49–52.

3. Родион Щедрин. Материалы к творческой биографии / ред. Е. С. Власова. – М.: Композитор, 2007. – 488 с.

4. Синельникова О. В. Опера «Левша» Родиона Щедрина: загадка русского гения и высокая «температура» сюжета // Вестник КемГУКИ. – 2019. – № 47. – С. 74–82.

5. Синельникова О. В. Поэтика русских традиций в творчестве Родиона Щедрина // Вестник КемГУКИ. – 2011. – № 17. – С. 73–79.

6. Холопова В. Путь по центру. Композитор Родион Щедрин. – М.: Композитор, 2000. – 310 с.

7. Христиансен Л. Из наблюдений над творчеством «новой фольклорной волны» // Проблемы музыкальной науки. – Вып. 4. – М.: Советский композитор, 1972. – С. 198–218.

Сведения об авторе

Рау Евгения Робертовна – кандидат искусствоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-9279-347X, e-mail: rauevgeniya@mail.ru

УДК 78.071.2
ГРНТИ 18.41.85

Феномен Ларин Параске как символ межкультурного диалога Ингерманландии

В. Я. РОМАНКО, А. И. ПРАВДИНА

В статье исследуется творческий феномен ижорской сказительницы Ларин Параске и её значение для мирового музыкального наследия. Анализируются уникальные особенности ижорских рун (структура, ритмика и ладовое своеобразие), ставшие предвестниками современного минимализма. Особое внимание уделяется историческому диалогу Параске и Яна Сибелиуса, а также влиянию архаичного народного пения на формирование стиля композитора в симфонической поэме «Куллерво». Подчеркивается роль культуры малых народов России как фундаментального источника вдохновения для академического искусства и важного фактора межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: фольклор, Ларин Параске, межкультурное взаимодействие, Ингерманландия, руны, ижора.

Тема дружбы народов в нашей стране часто звучит официально и несколько отстранённо, но что стоит за этим понятием? Какие именно события, люди, явления повлияли на объединение народов в нашей стране? Мы рассмотрим эту проблему с точки зрения развития музыкального искусства: в частности, как народная традиция оказывает влияние на профессиональную деятельность композиторов. Одним из уникальных примеров объединения культур стала жизнь ижорской сказительницы Ларин Параске. Мало кто из современных слушателей знает это имя, хотя в конце XIX в. Параске была настоящей знаменитостью в Северной Европе. Её называли финской Гомершей [2, с. 5], а её память сравнивали с огромной библиотекой. Но больше всего важен факт, что Параске является ярким примером того, как культура маленького коренного народа России (ижоров) смогла вдохновить великих композиторов и стать частью мирового музыкального наследия. В этой статье мы расскажем, как простая крестьянка из Ленинградской области стала посредником между архаичной песней и большой академической сценой.

Параске родилась в Ингерманландии – это старое название земель, которые сейчас входят в состав Ленинградской области. Здесь веками бок о бок жили разные народы: славяне, финны, водь и, конечно, ижоры. Ижоры (или ижора) – это коренной малочисленный народ, который всегда отличался своей песенной культурой [3, с. 112]. Интересно, что, будучи православными и подданными Российской империи, ижоры сумели сохранить древнейшие пласты народной поэзии, которые уходят корнями в дохристианские времена. Для этого этноса песня была краеугольным камнем культурного развития: она была одновременно способом общения, передачи истории и своего рода духовной практикой. Сама Ларин Параске (её настоящее имя – Параскева Никитина) родилась в 1833 г. в маленькой деревне Мискуля (сейчас это Ломоносовский район Ленинградской области). Её

судьба поначалу была типичной для того времени: она родилась в семье крепостных крестьян, рано познала тяжелый труд и нужду. Но именно эта суровая среда стала идеальной почвой для развития её таланта. В те времена песни сопровождали человека везде: от колыбели до похорон. Огромную роль сыграло и то, что Параске жила на самой границе культур. Она родилась в России, но после замужества переехала на Карельский перешеек. Побывав на различных территориях, Параске впитала в себя традиции нескольких культур и освоила разные диалекты местного населения. Псевдоним «Ларин» она получила по названию хутора своего мужа, но в душе она всегда оставалась носительницей древней ижорской традиции, которая объединяла в себе суровость северной природы и глубину народной мудрости. Важно понимать, что Параске не сочиняла музыку в современном смысле слова. Она была хранительницей древнего культурного кода местности, в которой обитала, транслировала невероятных размеров музыкальную сокровищницу северных территорий Российской империи.

Исследователи, которые работали с Параске, зафиксировали в её исполнении более 32 000 стихов [5, с. 12], что составляет около 1340 песен (рун) – это больше, чем объем «Илиады» и «Одиссеи» Гомера вместе взятых. И это удивительно, ведь Ларин Параске была неграмотной крестьянкой, но сумела удержать в голове настолько колоссальный объем информации. А сделать это ей помогло освоение самой структуры народной песни. Параске не запоминала песни механически. Она владела сложнейшим искусством импровизации в рамках канона, что позволяло ей не зазубривать тексты слово в слово. Ижорская песенная традиция строилась на определенных формулах, ритмических клише и повторяющихся образах. Параске знала основу сюжета и обладала огромным запасом поэтических элементов, из которых каждый раз заново выстраивала конструкцию песни. Ее подход был очень похож на джазовую импровизацию: тема и строгий ритм остаются неизменными, но раскраска и подача музыкального материала зависит от мастерства и настроения исполнителя.

Репертуар Параске охватывал абсолютно все стороны жизни. Она исполняла эпические руны о сотворении мира и подвигах героев, лирические песни о любви, сиротстве и тяжелой доле, свадебные обрядовые песни, порой длящиеся часами, и причитания (itkuvirsi) – пожалуй, самый сложный жанр, требующий огромного эмоционального напряжения и особого интонационного строя.

Известно, что Параске была явно художественно одарена. Она не только транслировала тексты предков, но и могла долго обсуждать тонкости того или иного слова, выбирая наиболее точное и звучное, отмечают фольклористы. Она чувствовала ритм и аллитерацию (созвучие согласных) на интуитивном уровне. Ученые узнали о Параске в 1880-х годах, когда пастор Адольф Неовиус впервые услышал её пение. Он был настолько им поражен, что посвятил годы жизни записи песен Параске. Позже исполнительницу пригласили в Хельсинки, где её выступления произвели невероятное впечатление на публику. Простая крестьянка в белом платке выходила на сцену перед профессорами, композиторами и художниками и поражала их своим аутентичным исполнением. Для профессио-

нального музыкального сообщества того времени это явление стало откровением. Они узнали, что совсем рядом, в маленьких селах под Петербургом, где никто и не додумывался раньше искать вдохновения, живут носители культуры, которая не уступает по глубине и сложности академической школе музыки. Параске продемонстрировала глубокую интеллектуальную и духовную систему народного искусства.

Для музыкантов наследие Ларин Параске интересно не столько количеством строк, сколько самой тканью её песен. При разборе ижорской руны с точки зрения теории музыки обнаруживаются удивительные вещи, которые сегодня можно счесть предвестниками современного минимализма. Например, если обратить внимание на метроритмическую основу ижорской песни, то мы обнаружим, что ее скелетом является калевальский метр [2, с. 15–18]. По сути, это строгий хореический четырехстопник. Каждая строка песни содержит восемь слогов, которые складываются в гипнотический, пульсирующий ритм. Гений Параске заключался в том числе в том, как она работала с этим ритмом: она мастерски использовала цезуры (паузы) и аллитерацию (повторение согласных звуков), что создавало особый фонетический «драйв», почти инструментальное звучание голоса[1].

Мелодические же особенности песен, исполненных Параске, заключаются в глубокой архаике их звучания: ижорские руны, как правило, строятся в очень узком диапазоне – часто в пределах кварты или квинты. Это так называемые узкообъемные лады (тетрахорды и пентахорды), вполне типичные для народного пения. Для неподготовленного слушателя такая музыка может показаться монотонной, однако постоянное повторение одной и той же короткой попевки с небольшими вариациями вводит в состояние, близкое к трансу, настраивает на созерцательный и медитативный лад. Благодаря этой особенности фольклор ощущается как связующее звено между человеком и природой, окружающим его естеством.

Любопытны также и вокальные данные исполнительницы: важное место в репертуаре Параске занимали причитания. Причитания – это особый вид исполнения в народной музыке, где интонация человека постоянно балансирует между речью и пением. Для причитаний характерны сложнейшие в освоении микрохроматика, специфические ненотируемые вскрики и нисходящие глиссандо. И Ларин Параске от природы владела этими вокальными приёмами. Она пела очень естественным и сильным открытым звуком, и эта яркая индивидуальная манера также была ее отличительной чертой.

Еще одной особенностью в выступлениях Параске был элемент театральности: в музыкальной традиции народов севера часто практиковалось антифонное пение (перекличка), где запевала произносил строку, а хор её повторял или подхватывал. Хотя Параске часто выступала одна, в её манере чувствовалась эта диалогичность. Она умело владела интонациями голоса, могла добавлять в свое

[1] Метрика эпической народной поэзии Ларин Параске в метре Калевала // Kotikielen Seura URL: https://web.archive.org/web/20160303171414/http://www.kotikielenseura.fi/virittaja/hakemistot/jutut/lauerma1_2001.html (дата обращения: 04.04.2026).

пение то личностную тембровую окраску, то обезличенную хоровую. К тому же повторение одной и той же строчки придавало сакральности и весомости спетому материалу. В каждом таком исполнении чувствовалась исконная передача энергии от одного человека к общине, что было характерной чертой именно народной песни.

Как мы писали выше, такое запоминающееся творческое явление, как певица Ларин Параске, повлияло на развитие мировой культуры, и, пожалуй, самый яркий тому пример – это история творческого взаимодействия Параске и известнейшего финского композитора Яна Сибелиуса. В конце XIX в. музыкальная интеллигенция находилась в активном поиске своих корней, стремясь уйти от доминирования немецких канонов. И Ян Сибелиус не стал исключением. В ходе его творческих поисков ему посчастливилось познакомиться с Ларин Параске в Хельсинки в 1891 г. Он был поражен её феноменальной памятью и уникальным звучанием. Молодого композитора, воспитанного на классических европейских традициях, обезоружила манера исполнения Параскевы Никитиной: он открыл для себя музыку, которая не подчинялась правилам привычного сольфеджио, но при этом обладала бесспорной внутренней логикой и энергией. Главным результатом этого влияния стала симфоническая поэма «Куллерво» [4, с. 132–134]. Именно в этом произведении благодаря пению Ларин Параске Сибелиус окончательно сформировал свой уникальный стиль, включающий специфическую ритмику, интонационные ходы и суровый сдержанный северный характер. Композитор в своем произведении мастерски передал дух ижорского фольклора, переложив его на язык большого симфонического оркестра.

Но Сибелиус был не единственным, на кого Параске произвела глубокое впечатление: певица стала настоящей музой для целого поколения художников и интеллектуалов. Ей восхищались поэты, а её портреты писали известные финские художники, например Альберт Эдельфельт и Ээро Ярнефельт [1, с. 102]. Так, скромная ижорская крестьянка стала источником вдохновения сразу для нескольких направлений искусства, что особенно важно в рамках темы дружбы народов: феномен Ларин Параске своим существованием объединил финно-угорский мир, славянское окружение и европейскую академическую сферу искусства.

Итак, освещение темы Ларин Параске – это напоминание о мощи корней народной музыки, об ее объединяющей силе, о необходимости внимательного и бережного отношения к фольклорным истокам европейского искусства. Параске доказала, что культурный диффузионизм – одно из важнейших условий существования дружбы народов, ее ярчайшая черта, необходимая для скрепления и объединения разных обществ [6, с. 210] – может быть заключён в одном-единственном человеке. Благодаря Параске голос ижорского народа, который сегодня в России является малочисленным, живет и звучит в мировых концертных залах. Нам, представителям петербургской музыкальной школы, важно понимать: ижорский, водский, вепсский пласт культуры – это бесценная кладовая, которая не менее богата, чем привычный нам славянский фольклор. Она не столь популярна и заметна на сегодняшний день, но она создала важный канал связи между

славянской и европейской цивилизациями. Во многом благодаря существованию именно ингерманландской традиции развитие европейской и российской академической музыки идет неотрывно друг от друга.

Список источников

1. Березина В. Н. Финская живопись XIX века. – Л.: Искусство, 1986. – 248 с.
2. Киуру Э. С. Ижорские народные песни. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 352 с.
3. Конькова О. И. Ижора. Очерки истории и культуры. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 248 с.
4. Тавастшерна Э. Сибелиус: в 3 т. Т. 1. – М.: Музыка, 1981. – 279 с.
5. Уотинен М. Ларин Параске: биографический очерк. – Выборг: Выборгская новая типография, 1911. – 38 с.
6. Фольклор финно-угров: Межкультурные связи и общность традиций / под ред. Л. С. Викуловой. – М.: Наука, 2005. – 312 с.

Сведения об авторах

Романко Вячеслав Яковлевич – ассистент кафедры музыкальных дисциплин, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-4145-9072, e-mail: Slawa5f@yandex.ru

Правдина Арина Игоревна – студентка 5 курса факультета философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-9598-0899, e-mail: ariena.pravdina@yandex.ru

УДК 373.2:373.3:37.014.5
ГРНТИ 14.23.05

Музыкальная культура России – ключ к национальному единству в детском саду

А. Г. РУДАКОВА, А. Р. ПЕТРЯХИНА, Н. В. ФАДИНА

Россия обладает уникальной музыкальной традицией, сформированной под влиянием разных культур. Народные песни, передаваемые из поколения в поколение, отражают обряды, ритуалы и повседневную жизнь, создавая чувство принадлежности к общей культуре. Музыка играет важную роль в социализации и сплочении общества, объединяя людей. Музыкальное образование подрастающего поколения играет ключевую роль в развитии национального единства.

Ключевые слова: музыкальная культура, музыкальное воспитание, художественное творчество, единство народов России, музыкальное народное творчество, музыкальные народные инструметы.

Музыкальная культура – довольно сложное и ёмкое понятие. В научной литературе широкое распространение получило определение данного понятия Л. Г. Дмитриевой. Она изучала феномен «музыкальной культуры» и дала определение, которое включает нравственно-эстетические чувства и убеждения, музыкальные вкусы и потребности; знания, умения и навыки, без которых невозможно освоение музыкального искусства (восприятие, исполнение). Неотъемлемой частью музыкальной культуры являются творческие способности, определяющие успех музыкальной деятельности личности [Алиев, с. 9].

Музыкальная культура многими исследователями представлена как система, в которой составляющие элементы связаны между собой. Организация музыкальной деятельности в дошкольном образовательном учреждении, согласно Федеральной образовательной программе дошкольного образования, также представлена как система, включающая в себя: слушание, пение, песенное творчество, музыкально-ритмические движения, музыкальное игровое и танцевальное творчество, игра на музыкальных инструментах. Одной из немаловажных задач педагога является включение музыкальной деятельности в различных ее аспектах в повседневную жизнь детей, в различные виды досуговой деятельности, с целью реализации музыкально-творческих способностей ребенка [ФОП ДО, с. 89].

Ветлугина Н. А. считала, что музыкальное развитие – это результат формирования ребенка в процессе активной музыкальной деятельности, а музыкальное воспитание – это целенаправленное формирование личности ребенка путем воздействия музыкального искусства [Ветлугина, с. 5].

В. М. Бехтерев в работе «О значении музыки в эстетическом воспитании ребенка с первых дней его жизни» отмечал, что музыкальное воспитание с раннего возраста дает основу для эстетического, а, следовательно, нравственного воспитания ребенка [Блонский, с. 2].

Осознавая важность нравственного воспитания подрастающего поколения, учитывая многообразие культур, населяющих нашу страну, мы стремимся воспитывать у детей уважение и интерес к традициям разных народов. Одним из ключевых аспектов нашей работы является знакомство детей с богатой музыкальной культурой России, которая служит мостом между различными этническими группами и способствует ее единению. Тем самым, реализуем такие принципы ФГОС ДО как: учет этнокультурной ситуации развития детей; приобщение детей к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства [ФГОС ДО, с. 6].

Мы гордимся национальным многообразием, которое привносит каждый ребенок, и стараемся создать атмосферу уважения и дружбы. Знакомство с музыкой, танцами и песнями разных народов – это один из способов укрепления взаимопонимания и взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

При знакомстве детей с историей и музыкальными традициями народов России, акцентируем внимание на том, как музыка объединяет людей, независимо от их национальности. Знакомство детей с музыкальными произведениями разных национальностей России находит отклик в сердцах воспитанников, вызывает интерес и яркие эмоциональные впечатления.

Народные инструменты традиционно изготавливались из доступных природных материалов: дерево, глина, тростник, камыш и т.д. Для малышей знакомство с музыкой начинается с приятных тактильных ощущений. Дети с интересом исследуют балалайку, гусли, рожок, свирель, гармонь.

Еще в древности одними из первых детских игрушек были звучащие предметы. Играя с ними, ребенок развивал музыкальные и творческие способности: чувство ритма, интонацию, координацию движений. Такие игрушки помогали малышу познавать и осмысливать окружающий мир.

Яркое оформление и колоритный звук национальных музыкальных инструментов, игра на них вызывает у детей любопытство, радость, желание попробовать. У некоторых ребят наблюдается преодоление скованности, застенчивости. Такие музыкальные инструменты, как башкирский курай, способствуют развитию дыхательного аппарата, силы выдоха. Татарская тальянка стимулирует развитие межполушарных связей. А игра на русских ложках тренирует не только слух, но и мелкую моторику, координацию движений, развивает чувство ритма. В культуре многих народов известны колокольчики. Колокольчики – это не просто игрушка, а многофункциональный инструмент, который способствует комплексному развитию детей. Тем же влиянием обладает и старинный русский народный музыкальный инструмент – бубенцы.

Важно отметить, что игра на музыкальных инструментах не ограничивается только русской народной музыкой. Мы поощряем детей экспериментировать с различными жанрами и стилями, включая классические народные мелодии и музыку других народов. Стараемся создавать развивающую среду, где дети могут свободно выражать свои творческие способности.

Использование русских народных инструментов на музыкальных занятиях как нельзя лучше передает быт русского человека, его любовь к природе. Погружение в мир народных традиций и инструментов закладывает основы национального самосознания, пробуждает интерес к музыке, создавая предпосылки для дальнейших занятий музыкой и формируя интерес к познанию мира музыки в разных его проявлениях.

Знакомство с музыкальными инструментами разных народов – это увлекательный и познавательный процесс, который обогащает детей культурным опытом и развивает их музыкальные таланты [Князева, с. 19].

Область «Художественно-эстетическое развитие», согласно требованиям ФГОС ДО, направлено на формирование у дошкольников творческих умений в различных видах деятельности, включая словесное творчество [ФГОС ДО, с. 12]. Особое внимание уделяется гармоничному сочетанию музыки и слова. Педагоги знакомят воспитанников с увлекательными историями и легендами, которые передавались из поколения в поколение у разных народов нашей страны, сказками народов России, наполненными яркими персонажами, запоминающимися сюжетами, и, конечно, музыкой [Куревина, с. 38]. Каждое произведение сопровождается народной музыкой, что позволяет детям глубже погрузиться в атмосферу культуры и традиций того или иного народа. Звуки и ритмы народных мелодий делают процесс изучения сказок более живым и интересным.

Так, например, при работе над татарской народной сказкой «Коза и овечка» слушали татарские народные мотивы, разучили татарский танец «Шома бас».

Особый восторг вызывает у детей знакомство с костюмами народов России. Дети любят их примерять, перевоплощаясь в тех или иных персонажей национальных сказов или национальных героев. Это помогает лучше понять культуру других народов, их историю и традиции.

Одним из любимых детьми форматов занятий стал познавательный цикл «Путешествие по России». В рамках этого проекта дети виртуально посещают разные уголки нашей страны, знакомятся с их уникальной культурой, поют, играют и танцуют, погружаясь в атмосферу культурного многообразия России.

Т. В. Левченко в своей научной статье подчёркивает, что коллективное художественное творчество дошкольников выступает эффективным средством формирования навыков сотрудничества [Левченко, с. 120]. В ходе совместной деятельности дети учатся взаимодействовать, находить компромиссы, оказывать поддержку, делиться советами, договариваться и планировать работу, а также радоваться достижениям друг друга.

Практика показывает, что активное применение этой формы работы позволяет не только включать детей в совместные музыкальные игры, исполнение народных танцев и игру на инструментах, но и реализовывать масштабные музыкально-творческие проекты. В таких инициативах старшие дошкольники становятся соавторами, а иногда и инициаторами творческих замыслов.

Реализация проектов позволила значительно расширить музыкальный кругозор воспитанников. Так, в рамках проекта «Мелодии русской души» дети познакомились с традициями празднования Коляды и Масленицы, участвовали в народных играх и изучали региональные особенности зимнего фольклора.

Проект «Музыка гор и равнин», инициаторами которого выступили воспитанники с кавказскими и татарскими корнями, познакомил группу с колыбельными и танцами народов Дагестана, Татарстана и Башкирии. Проект «От Волги до Енисея» открыл для детей мир музыки народов Севера и Дальнего Востока. Особое внимание уделялось игре на этнических инструментах, позволяющих создавать имитационные звуки и воспроизводить «голоса природы».

В музыкально-творческих проектах для дошкольников гармонично сочетаются элементы народной музыки, звучание народных инструментов, традиционные костюмы и художественное слово.

Мы уверены, что через музыку и искусство дети учатся ценить разнообразие и богатство культур всего мира. Таким образом, музыкальная культура России является мощным инструментом для укрепления национального единства.

Список источников

1. Алиев Ю. Б. Настольная книга школьного учителя – музыканта. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000 – 336 с.

2. Блонский П. П. Психология и педагогика. Избранные труды / П. П. Блонский. – 2-е изд., стер. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 184 с.

3. Ветлугина Н. А. и др. Методика музыкального воспитания в детском саду. – М.: Просвещение, 1989.

4. Куревина О. А. Синтез искусств в эстетическом воспитании детей дошкольного и школьного возраста. – М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 2023. – 176 с.

5. Князева О. Л. Приобщение детей к истокам русской народной культуры. Детство-Пресс, 2023. – 304 с.

6. Левченко Т. В. Коллективное художественное творчество дошкольника как форма реализации развития сотрудничества у детей дошкольного возраста // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2013. – № 3. – С. 120–123.

7. Федеральная образовательная программа дошкольного образования. – М.: ТЦ Сфера, 2024. – 224 с.

8. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. – М.: ТЦ Сфера, 2024. – 48 с.

Сведения об авторах

Рудакова Алена Григорьевна – заведующий, МБДОУ «Детский сад № 13 г. Выборга», г. Выборг, Российская Федерация

Петряхина Алия Рафиковна – музыкальный руководитель, МБДОУ «Детский сад № 13 г. Выборга», г. Выборг, Российская Федерация

Фадина Надежда Владимировна – старший воспитатель, МБДОУ «Детский сад № 13 г. Выборга», г. Выборг, Российская Федерация

УДК 78.05
ГРНТИ 18.41.91

Музыка как язык единства: диалог культур народов России в музыкальном искусстве

А. А. САНАТКАНОВА

В статье исследуется феномен музыкального искусства как уникального языка, способствующего межкультурному диалогу и укреплению единства народов Российской Федерации. В работе анализируется полиэтнический и поликонфессиональный характер российского общества, в котором музыка выступает не только формой художественного самовыражения, но и мощным инструментом гармонизации межнациональных отношений. На основе анализа теоретических концепций М. М. Бахтина о диалогизме и Ю. М. Лотмана о семиосфере рассматриваются музыкальные традиции народов России как открытые семантические системы, находящиеся в постоянном взаимодействии. В статье предложены и рассмотрены дидактико-методические подходы к изучению народного музыкального творчества в образовательной среде, направленные на формирование этнокультурной компетентности и толерантного сознания обучающихся.

Ключевые слова: музыкальное искусство, диалог культур, народы России, этнокультурное самосознание, музыкальная педагогика, межкультурная коммуникация, народное творчество.

Российская Федерация, в силу своих исторических, географических и геополитических особенностей, представляет собой уникальное полиэтническое и поликультурное пространство, в котором на протяжении веков взаимодействуют сотни народов и этнических групп. Сохранение и укрепление единства этого многообразия является одной из стратегических задач государственной политики[1]. В данном контексте возрастает роль культуры как системообразующего фактора, способствующего гармонизации межнациональных отношений и формированию общероссийской гражданской идентичности. Среди всех видов искусств особое место занимает музыка, обладающая универсальным языком, способным преодолевать вербальные барьеры и обращаться непосредственно к эмоционально-чувственной сфере человека. Музыкальное искусство народов России, во всем его жанровом и стилистическом многообразии, является не просто совокупностью локальных традиций, а сложной, динамичной системой, внутри которой происходит непрерывный диалог культур. Единое музыкальное пространство страны создается благодаря проникновению интонаций, ритмов, ладовых систем и инструментария. Глобализация и унификация культур требуют обращения к уникальным национальным и музыкальным традициям, чтобы сохранить культурный суверенитет и передать ценности будущему поколению. Однако, несмотря на важность культурного многообразия, образовательная и культурная практика часто отличается фрагментарностью, изучая музыкальные культуры народов России изолированно.

[1] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ (дата обращения: 22.03.2026).

Это приводит к формированию у молодежи мозаичного, а не целостного представления о музыкальном наследии страны и препятствует осознанию глубинных связей, объединяющих различные этнокультурные традиции.

Теоретической базой исследования послужили труды в области философии культуры (М. М. Бахтин [2], Ю. М. Лотман [7]), этномузыкологии (И. И. Земцовский [4; 5], Е. В. Гиппиус [3]), музыкальной педагогики (Э. Б. Абдуллин [1], Л. В. Школяр [9]) и этнопсихологии (Г. У. Солдатова [8]). Концепция диалогизма М. М. Бахтина, согласно которой «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [2, с. 334], является ключевой для понимания механизмов межкультурного взаимодействия в музыке. Музыкальная культура любого народа не является замкнутой системой; она развивается через «вопрошание» и «ответы» в диалоге с другими культурами. Идеи Ю. М. Лотмана о «семиосфере» как едином культурном пространстве позволяют рассматривать совокупность музыкальных традиций России как сложный текст, пронизанный общими кодами и смыслами [7]. Этот «текст» не статичен; он постоянно переписывается и дополняется в процессе живого культурного обмена. Именно в этом непрекращающемся диалоге, где татарская пентатоника встречается с русской полифонией, а кавказские лезгинки находят отзвук в творчестве русских композиторов-классиков, и рождается уникальный феномен российской музыкальной культуры – единой в своем многообразии.

Разработка эффективных дидактико-методических подходов к изучению народного музыкального творчества России требует системного пересмотра существующих образовательных парадигм и интеграции новейших достижений этномузыкологии, педагогики и психологии. Традиционные подходы, зачастую основанные на хронологическом или монографическом изучении отдельных композиторов и произведений, оставляют на периферии богатейший пласт народного музыкального искусства, представляя его как некий архаичный и изолированный феномен.

Для преодоления этого разрыва необходимо внедрение взаимосвязанных методических принципов, акцентирующих диалогическую природу музыкальной культуры России. Главным из них является принцип диалогичности, основанный на философии М. М. Бахтина. В педагогике это предполагает преобразование диалога, который может проявляться в сравнении различных музыкальных традиций (например, свадебные песни мордвы и чувашей), в изучении взаимосвязи фольклора и профессиональной музыки (народные мотивы в симфонической музыке Н. А. Римского-Корсакова или А. И. Хачатуряна).

На основе указанных принципов можно выделить несколько методических подходов к изучению музыкальной культуры народов России.

Компаративный подход анализирует музыкальные явления разных культур, выделяя их сходства и различия. Это помогает выявить особенности традиций и их историко-культурное значение.

Проблемно-поисковый подход рассматривает музыку в контексте жизни человека, формируя уважение к культуре различных городов.

Цифровые технологии расширяют образовательные возможности, повышают интерес и делают изучение музыкального наследия более доступным.

Разработка конкретных учебно-методических комплексов (УМК) на основе этих подходов должна предусматривать модульную структуру. Например, модуль «Музыкальное Поволжье», в рамках которого последовательно изучаются и сопоставляются русская, татарская, чувашская, марийская, мордовская музыкальные культуры.

Таким образом, предлагаемая система дидактико-методических подходов является комплексной и многоуровневой. Она направлена не на заучивание фактов, а на формирование у обучающихся исследовательских компетенций, ценностного отношения к культурному наследию и, что самое главное, на развитие способности к межкультурному диалогу через универсальный язык музыки. Реализация этих подходов в широкой образовательной практике способна внести весомый вклад в укрепление единства многонационального народа России.

Оценка эффективности формирующего воздействия предложенных дидактико-методических подходов является ключевым этапом, позволяющим не только проверить их валидность, но и скорректировать образовательные стратегии. Этот процесс должен носить комплексный, многоаспектный характер и опираться на четко определенную систему критериев и адекватный им диагностический инструментарий. Главной целью оценки является не просто фиксация уровня предметных знаний (например, знание названий инструментов или жанров), а измерение глубинных изменений в структуре личности обучающегося, в его ценностных ориентациях и моделях поведения, связанных с этнокультурным взаимодействием.

Анализ показывает, что музыкальное искусство народов России обладает значительным, но недостаточно реализованным потенциалом для укрепления единства многонационального общества. Музыкальное наследие, рассматриваемое с точки зрения диалогизма и семиотики культуры, представлено как динамично развивающаяся семиосфера, пронизанная взаимосвязями. Диалог культур, отраженный в интонациях, ритмах и тембрах, создает уникальное звуковое пространство страны и способствует формированию общегражданской идентичности, которая обогащает, а не устраняет этническую самобытность. Ключевым выводом исследования является утверждение о необходимости смены образовательной парадигмы в сфере музыкального воспитания. Переход от фрагментарного, монокультурного подхода к системному, диалогическому изучению музыкальных традиций народов России является насущной необходимостью. Разработанные и предложенные в статье дидактико-методические подходы – компаративный, проблемно-поисковый и технологический – представляют собой инструментарий для реализации этой новой парадигмы. Их комплексное применение позволяет не просто передавать знания, а формировать у обучающихся метапредметные компетенции: способность к анализу, критическому мышлению, эмпатии и, что самое важное, к ведению конструктивного межкультурного диалога.

Перспективы дальнейшего применения и развития идей, изложенных в статье, видятся в нескольких направлениях. Во-первых, это разработка и апробация

на федеральном уровне модульных учебно-методических комплексов по музыкальной культуре народов России для всех ступеней образования, от дошкольного до высшего. Такие УМК, созданные на основе интегративного и диалогического принципов, должны стать неотъемлемой частью образовательных стандартов. Во-вторых, необходимо усилить подготовку и переподготовку педагогических кадров, способных работать в поликультурной среде и компетентно реализовывать предложенные методики. Требуется включение соответствующих курсов в программы педагогических вузов и институтов повышения квалификации [1]. В-третьих, чрезвычайно важным представляется создание общедоступных цифровых платформ и медиаресурсов, аккумулирующих и популяризирующих музыкальное наследие народов страны. Проекты, подобные «Музыкальной этнографической карте России», должны получать государственную поддержку и широкое информационное освещение.

В стратегической перспективе систематическая и целенаправленная работа по интеграции музыкального диалога культур в образовательное и общекультурное пространство страны способна дать значимый социальный эффект. Она будет способствовать воспитанию поколения, свободного от ксенофобии и этнических предрассудков, гордящегося как своей малой родиной, так и общим достоянием великой страны. Музыка, как универсальный язык души, способна стать тем мостом, который надежно соединяет разные народы, превращая культурное многообразие из потенциального источника напряженности в мощный ресурс развития и залог нерушимого единства России.

Список источников

1. Абдуллин Э. Б. Теория и практика музыкального обучения в общеобразовательной школе: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 2013. – 111 с.

2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

3. Гиппиус Е. В. Общетеоретический взгляд на проблему каталогизации народных мелодий // Актуальные проблемы современной фольклористики. – Л.: Музыка, 1980. – С. 23–36.

4. Земцовский И. И. Музыкальный фольклор народов России: системный анализ. – М.: Музыка, 2018. – 450 с.

5. Земцовский И. И. Фольклор и композитор: теоретические этюды. – Л.-М.: Советский композитор, 1978. – 176 с.

6. Казанцева Е. А. Роль этно-музыки в формировании этнической идентичности молодежи // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 98–101.

7. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.

8. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

9. Школяр Л. В. Музыкальное образование в школе: учебное пособие для студентов муз.-пед. факультетов / Л. В. Школяр, В. А. Школяр, Е. Д. Критская. – М.: Академия, 2001. – 232 с.

Сведения об авторе

Санатканова Айнель Асетовна – магистрант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-4940-1968, e-mail: sanatkanova@mail.ru

УДК 37. 018. 3 (470.223-25).19/20: 355. 317
ГРНТИ 14.09.43
18.41
78.15
78. 21.14

Подготовка музыкантов для военного флота в закрытом музыкальном учреждении: по стопам Н. А. Римского-Корсакова

Л. Н. СЕМЕНОВА

Имя композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова вошло в отечественную музыкальную культуру как одного из выдающихся специалистов в области оркестрового искусства. Получив назначение в 8-й флотский экипаж в Петербурге в должности инспектора военных хоров (оркестров) и создав в 1873 г. специальную Музыкантскую школу для мальчиков – детей-сирот младших морских чинов по подготовке к службе на флоте в качестве музыкантов военных оркестров, за десять лет он приводит в порядок флотские хоры российского военно-морского флота. Воспитанники школы находились на полном содержании Морского ведомства, что было личной заслугой Н. А. Римского-Корсакова. Музыкантская школа Балтийского ВМФ не раз меняла своё название и просуществовала более 100 лет. До 1956 г. это была школа закрытого типа, выпускники которой получали специальное музыкальное и среднее общеобразовательное образование. Часть выпускников школы поступала в консерваторию на военно-морской факультет для получения профессии капельмейстера (дирижёра). Большинство получали назначение в военные оркестры флотов страны.

Ключевые слова: Музыкантская школа Балтийского Военно-морского флота, композитор Н. А. Римский-Корсаков, музыкант, капельмейстер, военный оркестр, инспектор музыкальных хоров морского ведомства.

На протяжении 30 лет Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844–1908) писал летопись своей музыкальной жизни [Римский-Корсаков]. Писал он её порой с большими перерывами и не для знакомства с нею даже самых близких и родных людей. Опубликована «Летопись» была через год после смерти её автора в 1909 г. Несмотря на то, что в период 1873–1882 гг. в своей биографии Римский-Корсаков много места (семь глав) отводит бесплатной музыкальной школе, с деятельностью и концертами которой он был тесно связан, в том числе и как руководитель, незначительную часть своей летописи, всего 12 страниц он посвящает исполнению им учреждённой новой должности, на которую он был назначен в мае 1873 г.

До 1873 г. в системе военно-морских оркестров не существовало лица, выполнявшего надзорные функции. Новая должность инспектора музыкантских хоров Морского ведомства, на которую был назначен морской офицер Н. А. Римский-Корсаков на второй день после её учреждения, позволила композитору бросить своё воинское звание и офицерскую форму и приступить к созданию военных хоров (оркестров), улучшению деятельности имеющихся хоров по всей стране. В обязанности инспектора входило «наблюдение за капельмейстерами, и за назначением оных, за репертуаром, за качеством инструментов…» [Римский-Корсаков, с. 104].

Находясь на службе в 8-м флотском экипаже, расположенном в Петербурге, Николай Андреевич по-новому перестроил имеющуюся школу (существовала с 1833 г.) для подготовки профессиональных музыкантов для строевых и портовых военных оркестров[1]. Работая одновременно и в Консерватории, и в Музыкантской школе, по замечанию самого композитора, он стал «учителем-практиком для своих учеников». Эту свою практику Римский-Корсаков оценивал высоко: «Если впоследствии я и достиг известного успеха в дирижёрстве, … то это благодаря моей последовательной практике с морскими военными оркестрами…» [Римский-Корсаков, с. 95].

Благодаря созданной им Музыкантской школе (8 мая 1873 г.) для мальчиков-сирот 7–14 лет младших морских чинов и практике управления флотскими военными оркестрами, Римский-Корсаков приступил к изучению музыкальных инструментов [Духовой, т. 2, с. 341–343]. День, месяц и год создания Музыкантской школы стали официальной датой начала профессионального военно-музыкального образования в России.

На некоторое время организация школы музыкантов при 8-м флотском экипаже и обучение стипендиатов флота в Петербургской консерватории разрешили проблему подготовки оркестровых кадров для всех военных хоров Морского ведомства. Как специальное военно-музыкальное учебное заведение для детей-сирот младших воинских чинов Музыкантская школа постепенно теряет своё значение. А сразу после увольнения Н. А. Римского-Корсакова с должности инспектора музыкальных хоров Морского ведомства весной 1884 г. была устранена и сама должность. Судьба школы была предопределена. В 1896 г. военный и литературный журнал «Разведчик» неоднократно обращался к проблемам, связанным с трудным положением капельмейстеров, «хоров военной музыки» и отсутствием музыкантов-учеников [Разведчик, с. 948].

В 1901 г. школа была уже Музыкантской школой Балтийского флота. Этапы закрытия и открытия школы чередовались вплоть до 1937 г. Менялись и названия школы. Так, в 1921–1923 гг. школа функционировала как Музыкальная школа Учебного отряда Морских Сил Балтийского моря (МСБМ), хотя одновременно она относилась и к Наркомату просвещения. Школа в эти годы готовила специалистов-музыкантов для всех морей [РГА ВМФ. Ф. Р-309]. Наркомат просвещения закрыл школу в 1923 г. в силу экономических трудностей. В последующем школу переименовали в Трудовую музыкальную школу, но, как и прежде, её целью была «подготовка музыкантских хоров-оркестров армии и флота, а также военных инструкторов и капельмейстеров» [Бронфин, с. 434].

Следует отметить, что по мнению исследователей, это была особая форма детского музыкального образования, на которую уже в середине 1930-х гг. «было обращено серьёзное внимание», как … «закрытых средних учебных заведений, готовящих хорошо обученных музыкантов для военных оркестров» [Там же,

[1] Шванов И. Морское дело в консерватории // Альманах «Малоизвестные страницы Консерватории». Выпуск XI. URL: http://www.conservatory.ru/node/704 С. 29. (дата обращения: 27.03.26).

с. 448]. Выпускники подобных школ становились артистами крупнейших симфонических оркестров или капельмейстерами – дирижёрами оркестров Советской Армии и Флота.

Почти 20 лет с 1937 по 1956 г. школа была связана с именем её начальника Георгия Макаровича Тараянца – интенданта 2-го ранга, который служил в Красной Армии с 1921 г. Имея высшее музыкальное образование, Георгий Макарович был автором многих оркестровых произведений, в том числе маршей. Именно специалисту в области военной музыки предстояло возглавить Музыкантскую школу и обеспечить подготовку профессионалов-музыкантов для оркестров военно-морского флота. Это была школа уже не на 20 мальчиков-сирот 7–14 лет, а в среднем на 200 человек 14–18 лет. Обучение в школе продолжалось шесть лет. С 1948 г. и до конца своего существования (1988) школа носила имя её основателя – Николая Андреевича Римского-Корсакова.

В предвоенные годы Музыкантская школа (Ленинградская морская школа военно-музыкантских воспитанников) официально являлась школой закрытого типа, в которую на конкурсной основе принимали детей из детских домов после 7 класса, проявлявших музыкальные способности и прошедших медицинскую комиссию. Это была специальная средняя военно-морская школа, дающая общеобразовательную и музыкальную подготовку. Как отмечает исследователь детства Смирнова Т. М. в учебных заведениях закрытого типа, «дети выживали, росли, развивались физически, духовно и интеллектуально, приобретали личностные качества и навыки социализации» [Смирнова, с. 16]. Государство брало на себя ответственность за так называемых «государственных детей» в решении следующих вопросов:

– продовольственное обеспечение и режим питания;

– система обеспечения детских учреждений всем необходимым помимо продовольствия (включая одежду и предметы личной гигиены для воспитанников, посуду, мебель, топливо, учебные пособия и т.п.);

– воспитание детей, в том числе: формирование у них навыков самообслуживания, организация досуга и учебного процесса, идеологическое воспитание, воспитательные приемы и система наказаний;

– наличие и действенность системы контроля выполнения в детских учреждениях соответствующих законодательно-правовых норм, норм питания и обеспечения, профессиональной пригодности сотрудников, а также соответствия методов воспитания идеологическим принципам [Там же, с. 17].

Музыкантская школа ВМФ комплектовалась учениками с 8 класса, «с отличной и хорошей успеваемостью, высокими политико-моральными качествами, с отличной дисциплиной, отвечающих по состоянию здоровья требованиям службы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте» [Филиал, ф. 4. оп. 1. д. 280, л. 56]. Школа находилась в ведении двух Наркоматов: Народного Комиссариата Военно-морского флота СССР и Народного Комиссариата просвещения. Перед войной все расходы по содержанию школы производилось по смете Наркомата ВМФ СССР. По окончании школы выпускники получали специальность музыкант.

Мирное время закончилось для школы вместе со страной 22 июня 1941 г. По Ленинградской традиции (конец 1930-х гг.) школьный духовой оркестр выступал в ЦПКО им. Кирова. С началом Великой Отечественной войны появились проблемы у руководства школы в связи с отправкой в эвакуацию. Данный период освещён автором в одной из публикаций [Семенова].

Военный период не прошёл бесследно. Школа жила и развивалась на новом месте при ограниченных возможностях в педагогических кадрах, наличии музыкальных инструментов, материально-техническом и прочем обеспечении. Долгое ожидание реэвакуации и возвращение в Ленинград потребовали особого напряжения сил. Связано это было, в первую очередь, с обживанием на новом месте расположения школы в 1945 г. (ул. Мастерская, д. 2б-4-6). В своих приказах по школе Тараянц Г. М. отмечал «безобразно формально» выполненные работы по остеклению и утеплению здания к зиме, варварское отношение к строительным материалам, воровство: «К вечеру 8-го декабря 6 кубометров дров на утро оказались расхвачены!» [Филиал, оп. 8790. д. 2, л. 237]. А школа особенно остро переживала недостаток в топливе.

В столовой отсутствовало достаточное количество комплектов ножей и чайных ложек. Всюду на стенах были сорваны выключатели, стёкла в окнах выбиты. В школе грязь и беспорядок. «Чердак 2-го этажа загажен воспитанниками» [Там же, л. 253–254].

Проверка личного состава (воспитанников), его внешнего вида свидетельствовала об отсутствии элементарной личной чистоты, подтянутости и аккуратности: рваное обмундирование, грязное тёплое бельё, рваная обувь, не остриженные волосы [Там же, л. 236]. Но эти вопросы дети решали не самостоятельно, а с участием взрослых, которые вовремя не ремонтировали вещи или не имели возможности это делать.

Весной 1946 г. участились случаи «массовой утери обмундирования» [Филиал, ф. 4, оп. 1, л. 285]. Вещи терялись не просто так, а из-за того, что подростки нуждались в хорошем питании, на которое они пытались найти средства любыми способами. Наряду со взрослыми дети испытывали трудности послевоенного времени.

Возвращение к мирной жизни проходило сложно, о чём свидетельствуют приказы начальника школы. В приказе № 32 от 20 февраля 1946 г. по итогам учебно-воспитательной работы школы за первое полугодие 1945–1946 учебного года обстоятельно были отмечены недостатки: плохая организация спецподготовки, низкая успеваемость, внешний вид и строевая выправка воспитанников, небрежное ведение классных журналов, «отсутствие контактов в работе между преподавательским и инструкторским составом» (Филиал, ф. 858, оп. 1632, д. 11, л. 260). Отмечалось, что неудовлетворительная подготовка касается не только отдельных воспитанников, но даже классов в целом (класс флейты, класс гобоя, классы кларнетов). Отсутствие методической работы с преподавателями спеццикла и привела к таким результатам.

Впервые за всё время существования школы неуспевающими был 51 чел., у 86 чел. была снижена дисциплина, только три воспитанника имели отличные и

хорошие показатели [Там же, л. 260–261]. Всё это можно отнести к тем обстоятельствам, которые были связаны с эвакуацией школы: неблагоприятные условия для занятий (отсутствие музыкального оборудования, в том числе для ремонта инструментов, нот, пишущих инструментов и пр.), отсутствие преподавателей общеобразовательных и музыкальных дисциплин, низкий уровень обеспечения школы в целом, в том числе продуктами питания и медицинского обслуживания, отсутствие тесной связи с городом, культурными учреждениями и пр.

Учебный план школы включал специальный инструмент, оркестровый класс, камерный ансамбль, общий курс фортепиано, элементарную теорию музыки, сольфеджио, гармонию, анализ музыкальных произведений, практику работы с оркестром. На госэкзамены были вынесены специальность, камерный ансамбль, техника дирижирования [Филиал, ф. 858, оп. 16325, д. 1, л. 5]. 7 чел. из выпуска не только получили дипломы об окончании школы, но и квалификацию солиста оркестра. Им была дана рекомендация для поступления в Институт военных дирижёров [Там же, л. 1–2].

В 1956 г. школу ожидали радикальные изменения. Официальное сообщение о её ликвидации пришло в августе, когда воспитанники находились в летнем лагере совхоза «Поляны» Рощинского района Ленинградской области. Школа, которая имела более чем 80-летнюю историю, была переведена в ведение Министерства просвещения РСФСР «на правах Областного детского дома художественного воспитания детей» [Там же, л. 242]. В своём приказе № 222 от 13.08.1956 г., который был назван «Особый», начальник школы Тараянц Г. М., обращаясь к воспитанникам отмечал, что школа «дала Военно-Морскому Флоту сотни высококвалифицированных воинов и специалистов музыкантов высокой квалификации…

Бывших выпускников … школы можно встретить в лучших оркестровых коллективах театров и филармоний нашей Родины. В стенах нашей школы учились такие замечательные музыканты, как заслуженные артисты РСФСР Александров Л. К., Кузнецов В. Л., профессора Ленинградской Государственной Консерватории Курилов, Подполковник в отставке Наталенко П. П. и многие другие». В заключении приказа начальник школы выразил уверенность в том, что все воспитанники, «продолжая заниматься в новых условиях, принесут с собой образец высокой дисциплины, воспитанности и вежливости. …принесут с собой любовь к своей специальности, прилежность и трудолюбие» … будут «достойными носителями высоких традиций … школы» [Там же, л. 243].

С сентября 1956 г. школа с новым названием и новым составом (присоединились воспитанники детского дома, в том числе девочки) начала новую штатскую жизнь. Бывший начальник училища, ставший завучем по музыкальной части, вышел в отставку. Директором новой по содержанию и духу школы-детского дома была назначена Житомирская Раиса Иосифовна.

Список источников

1. Бронфин Е. Ф. Музыкальное образование и просвещение / Музыкальная культура Ленинграда за 50 лет. Музыкально-исторические очерки. – Л.: Изд-во «Музыка». – С. 428–462.

2. Духовой оркестр / Музыкальная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1974. – 959 с.

3. Разведчик // Журнал военный и литературный. – 1896. – № 315. – С. 945–948.

4. Римский-Корсаков Н. Летопись моей музыкальной жизни. – М.: Музыка, 1982. – 440 с.

5. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-309. Оп. 1. – Музыкальная школа Учебного отряда Морских Сил Балтийского моря.

6. Семенова Л. Н. Музыкантская школа Балтийского ВМФ в годы военных испытаний 1941-1945 гг. (по архивным материалам) // История повседневности. – 2025. – № 2 (34). – С. 86–104.

7. Смирнова Т. М. Детские дома и трудколонии: жизнь «государственных детей» в Советской России в 1920−1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 3. – С. 16–38.

8. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ). Ф. 4. Оп. 1.

9. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ). Ф. 858. Оп. 1632. Д. 11. Приказы начальника школы (4 янв. 56 – 3 сент. 56).

10. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ). Ф. 858. Оп. 16325. Д. 1. Решение государственной квалификационной комиссии по выпуску воспитанников Подготовительных классов музыкантской школы ВМФ.

Сведения об авторе

Семенова Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9048-7200, e-mail: ln.semenova@mail.ru

УДК 786
ГРНТИ 18.41.09

Музыкальная полифония как модель единства: инвенции и симфонии Иоганна Себастьяна Баха в контексте диалога культур

И. Л. ТАГИРОВА

В статье представлен анализ инвенций и симфоний Иоганна Себастьяна Баха как целостной системы музыкального мышления. Рассматриваются особенности полифонии как взаимодействия самостоятельных голосов, а также педагогический замысел композитора, направленный на развитие исполнительских и аналитических навыков. Полифония интерпретируется как модель диалога, позволяющая раскрыть идею единства в многообразии. Делается вывод об актуальности данного подхода в современном культурном контексте.

Ключевые слова: Иоганн Себастьян Бах, полифония, инвенции, симфонии, музыкальное мышление, педагогика, диалог культур.

Инвенции и симфонии Иоганна Себастьяна Баха – это произведения, которые знакомы почти каждому, кто хотя бы немного занимался музыкой. Это объясняется тем, что они входят в обязательный учебный репертуар на разных ступенях музыкального образования – от начальных классов до средних и даже высших учебных заведений, а также широко исполняются и используются в педагогической практике как образцы полифонического мышления и техники. Однако при более внимательном изучении становится очевидно, что за их внешней простотой скрывается глубокий художественный и педагогический замысел [2]. Инвенции представляют собой двухголосные пьесы, симфонии – трёхголосные. Вместе они образуют цикл из тридцати произведений, окончательно оформленный композитором в 1723 г. На первый взгляд, это небольшой учебный сборник. Но чем глубже в него погружаешься, тем яснее становится, что перед нами не просто упражнения, а целостная система музыкального мышления.

История создания цикла связана с педагогической деятельностью Баха в Кётене [3]. Около 1720 г. он начал вести специальную тетрадь для своего сына Вильгельма Фридемана, в которую включал разнообразные учебные материалы: упражнения, пояснения, таблицы, а также первые версии будущих инвенций и симфоний [1]. Изначально эти пьесы назывались «Преамбулы и фантазии», однако впоследствии композитор многократно перерабатывал их, уточняя форму и содержание, пока не пришёл к окончательному варианту.

Особое значение имеет само название «инвенция». В эпоху барокко этот термин использовался в риторике и обозначал умение находить и развивать мысль. Перенося его в музыку, Бах подчёркивает важность не только звучания, но и логики развития музыкального материала. Таким образом, уже в названии заложена идея осмысленного, последовательного мышления.

Центральным принципом, лежащим в основе инвенций и симфоний, является полифония – искусство ведения нескольких самостоятельных голосов. В двухголосных инвенциях это проявляется особенно ясно: два голоса существуют независимо, но при этом находятся в постоянном взаимодействии. Один из них

проводит тему, другой подхватывает её, развивает, варьирует. Возникает своеобразный музыкальный диалог.

В этом диалоге особенно важно то, что ни один голос не подавляет другой. Они равноправны, каждый сохраняет свою индивидуальность, но при этом вместе создают целостное звучание. Именно здесь можно увидеть важную идею единства в многообразии: разные линии, разные «голоса» объединяются в гармоничное целое.

Симфонии, в которых появляется третий голос, усложняют эту систему. Музыкальная ткань становится более насыщенной, объёмной. Если инвенции можно сравнить с разговором двух собеседников, то симфонии напоминают уже полилог, в котором участвуют трое. Здесь особенно важны внимание, умение слушать и способность соотносить свою партию с другими.

Таким образом, полифония у Баха может рассматриваться не только как способ изложения музыкальной фактуры, но и как своеобразная модель взаимодействия. Каждый голос сохраняет свою самостоятельность, но при этом существует в рамках общего художественного пространства. Это делает возможным провести параллель между музыкальной формой и более широкими культурными процессами.

В этих произведениях Баха особенно важно то, что ни один голос не подчиняет себе остальные. Все линии здесь равноправны, и именно их одновременное движение создаёт цельную музыкальную ткань. Каждый голос сохраняет самостоятельность, но при этом не существует отдельно от других. В этом очень ясно проявляется идея единства в многообразии: разные мелодические линии не сливаются в одно, а соединяются в гармоничное целое.

Разница между двухголосными инвенциями и трёхголосными симфониями становится особенно заметной в тот момент, когда появляется третий голос. Музыкальная фактура сразу становится плотнее, насыщеннее. Если инвенцию ещё можно сравнить с разговором двух собеседников, то симфония напоминает уже более сложный обмен репликами, где участвуют трое. Для исполнителя это означает совершенно иной уровень внимания: важно не только точно вести свою партию, но и всё время слышать общее звучание, не перекрывая другие голоса и оставляя каждому из них своё место.

В полифонии Баха можно увидеть целостную модель взаимодействия, где каждая линия самостоятельна, но в то же время тесно связана с другими. Такая организация музыкальной ткани невольно вызывает ассоциации с человеческим общением, с взаимодействием культур, с поиском согласия между разными точками зрения.

Если соотнести это с темой единства народов, становится особенно заметно, что согласие вовсе не обязательно означает полное совпадение. Напротив, подлинная гармония возможна именно тогда, когда каждый сохраняет свою индивидуальность, но умеет слышать другого. Именно в этом и состоит один из самых глубоких смыслов баховской полифонии.

Если обратиться к самому Баху, то в его предисловии 1723 г. к циклу инвенций и симфоний цели сформулированы очень ясно. Композитор пишет не только

о выработке навыков чистого двух- и трёхголосного письма и исполнения, но и о стремлении к cantabile, то есть к певучей, выразительной манере игры[1]. Это важный момент: Баху было принципиально, чтобы ученик не просто осваивал технику, а развивал вкус, слух и способность мыслить музыкально. Значит, техника для него была не самоцелью, а средством более глубокого понимания музыки.

С педагогической точки зрения инвенции и симфонии действительно можно воспринимать как продуманную ступенчатую систему. Переход от двух независимых голосов к трём становится серьёзным испытанием для слуха, внимания и внутренней собранности ученика. Нужно одновременно контролировать движение каждой линии, распределять внимание между руками и внутренне слышать целое. Именно поэтому этот цикл остаётся уникальной школой полифонического мышления.

Интересно, что со временем инвенции и симфонии давно вышли за рамки обычного учебного материала. Их продолжают изучать в музыкальных школах и училищах по всему миру не только потому, что они полезны для техники. Главное в другом: они развивают музыкальное мышление, учат слышать структуру, логику и находить внутренние связи.

Также представляется важным, что баховская полифония очень точно отражает мировосприятие эпохи барокко. Это было время, когда мир мыслился как сложная, стройная, внутренне организованная система, где каждый элемент имеет своё значение. В музыке Баха эта идея слышится особенно ясно: каждый голос ценен сам по себе, но подлинная гармония возникает только тогда, когда все они существуют в общем порядке.

В этом смысле полифония Баха напоминает модель идеального устройства, в котором разные линии не борются друг с другом, а взаимодействуют и дополняют одна другую. Здесь всё держится на равновесии, внутренней дисциплине и точности.

Именно поэтому работа над этими произведениями так важна в обучении музыканта. Осваивая полифонию, ученик учится не просто координировать движения рук. Он постепенно начинает воспринимать музыку как живой процесс общения, а это требует не только техники, но и особой чуткости, гибкости мышления, умения слышать несколько смысловых линий сразу. В конечном счёте культура барокко учит сочетать, казалось бы, противоположные вещи – свободу и порядок, самостоятельность и подчинение общему целому. В полифонии Баха это проявляется особенно наглядно: каждый голос остаётся самостоятельным, но именно вместе они создают завершённое и прекрасное звучание.

Сегодня эти идеи воспринимаются не менее значимыми, чем в XVIII в. В современном мире, где так важно уметь находить общий язык с людьми разных взглядов и культур, музыка Баха звучит неожиданно актуально. Она как будто напоминает, что единство не требует отказа от собственной индивидуальности.

[1] Лебензон М. С. И. С. Бах. Двухголосные инвенции: методическое пособие [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y-nT6IJk_XE (дата обращения: 10.10.2025).

Напротив, оно возможно только тогда, когда человек сохраняет себя и одновременно умеет внимательно слушать другого.

Именно поэтому наследие Баха не теряет своей ценности. Оно убеждает нас в том, что различия не обязательно ведут к разобщению – напротив, при внутренней культуре и взаимном внимании они могут становиться основой гармонии.

Хочется отдельно отметить и ещё одну особенность этих произведений: при всей сложности их устройство воспринимается удивительно ясно. Внутренняя логика, последовательность развития, точность интонаций делают эту музыку понятной не только профессионалу, но и внимательному слушателю. Здесь действительно нет ничего случайного: каждая интонация, каждая пауза, каждое вступление голоса имеет значение. Поэтому музыка превращается не просто в объект исполнения, а в своеобразный язык общения.

Важно и то, что в этих сочинениях нет стремления к внешнему блеску или эффектности. Бах не старается поразить слушателя одной лишь виртуозностью. Гораздо важнее для него глубина мысли, ясность конструкции, внутренняя убедительность. Такое искусство требует сосредоточенного, вдумчивого восприятия и формирует более серьёзное отношение к музыке.

Если снова вспомнить тему единства, то это особенно существенно. Настоящее взаимодействие рождается не из желания произвести впечатление, а из способности понимать другого и соотносить себя с ним. Поэтому инвенции и симфонии Баха – это не просто упражнения для развития техники. Это пример того, как разные элементы могут существовать рядом, не мешая друг другу, а помогая раскрываться. Именно в этом, на наш взгляд, и заключается их глубокий смысл: каждый голос остаётся самим собой, но вместе они создают единое художественное целое.

Список источников

1. Бах И. С. Двухголосные инвенции: для фортепиано / ред. Ф. Бузони; вступ. ст., коммент., пер. с нем. Н. Копчевского. – М.: Музыка, 1991. – 96 с.

2. Григорович В. Б. Великие музыканты Западной Европы: И. С. Бах, Й. Гайдн, В. А. Моцарт, Л. Бетховен: хрестоматия для учащихся старших классов / сост. В. Б. Григорович. – М.: Просвещение, 1982. – 224 с.

3. Розеншильд К. Иоганн Себастьян Бах: произведения для клавира. – М.: Музыка, 1955. – 11 с.

Сведения об авторе

Тагирова Ирина Леонидовна – студент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-3923-3926, e-mail: irln@mail.ru

УДК 788.43
ГРНТИ 18.41.51

Бах и саксофон: полифония единства

Ю. П. ЧЕРКАСОВА

В статье рассмотрены особенности исполнения музыки И. С. Баха на саксофоне в контексте межкультурного диалога. Особое внимание уделено стилевым и исполнительским особенностям музыки И. С. Баха. Саксофонистам даны рекомендации, позволяющие сохранить характерный стиль Баха и уникальное звучание саксофона. Предложены советы по артикуляции, орнаментике, динамике и другим средствам выразительности.

Ключевые слова: И. С. Бах, саксофон, транскрипции, исполнительская интерпретация, барочная музыка.

Россия – многонациональная и многоконфессиональная страна, где музыке (в том числе и в классе саксофона) учатся студенты самых разных национальностей. Музыка – особый универсальный язык, объединяющий всех. Знание и понимание исполнительских традиций и стилей различных эпох соединяет музыкантов разных национальностей в целостное профессиональное сообщество. Любовь к музыке стирает границы между народностями, позволяет людям разных этнических групп понимать друг друга без слов, а высокий уровень исполнения позволяет говорить на одном языке, формируя единый культурный союз. Музыкальный мир – разнообразный, состоящий из множества национальных красок и голосов – образует своего рода единство, смешение национального многоголосия, сосуществующего в гармонии.

В российских вузах студенты любых национальностей изучают музыкальную культуру России и других стран. Знакомство с композиторами, музыкальными течениями, жанрами и стилями формирует и обогащает общую культуру и творческий кругозор музыканта.

Музыкальная культура России является одной из самых богатых в мире, во многом благодаря синтезу фольклора разных национальностей внутри России и влияния западноевропейского культурного наследия. Русские композиторы: М. И. Глинка, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов – создали величайшие произведения на основе слияния национального фольклора и европейской классической традиции. Михаил Глинка, основоположник русской классической музыки, объединил европейскую музыкальную форму с народной песенностью. «Я почти убежден, что можно связать фугу западную с условиями нашей музыки узами законного брака», – писал Глинка, получив опыт занятий гармонией и полифонией в Берлине [4, с. 636]. Постепенное проникновение западноевропейской гармонической системы повлияло на развитие русской композиторской школы. Появились новые жанры: опера, симфония, соната, полифонические формы. С. И. Танеев, величайший мастер фуги в России, написал первый учебник полифонии «Подвижной контрапункт строгого письма» – фундаментальный труд, уникальный для всего мира.

В начале XX века на волне интереса к классическому наследию происходит сближение стилей, рождаются необарокко, неоклассицизм. Личность И. С. Баха становится культовой, его имя становится синонимом эпохи барокко. Творчество Баха оказывает огромное влияние на весь музыкальный мир. Многие композиторы обращаются к имитационной полифонии и ее высшей форме – фуге. Цикл прелюдий и фуг И. С. Баха вдохновляет современных композиторов на творческий подвиг. Всетональный полифонический цикл «24 прелюдии и фуги» создали Д. Шостакович, Р. Щедрин, С. Слонимский, Н. Капустин и другие.

В современной России музыка является важной частью культуры. Многочисленные региональные, всероссийские, международные конкурсы и фестивали проводятся в крупных городах страны. Молодые музыканты из многочисленных регионов России (и в том числе саксофонисты) участвуют в различных конкурсах. Как правило, престижные музыкальные конкурсы состоят из трех туров, что позволяет всесторонне оценить универсальность и мастерство исполнителя. В первом туре преимущественно исполняется музыка эпохи барокко, во втором туре – крупные камерные сочинения, третий тур – выступление с оркестром.

Для успешного и удачного выступления на конкурсе современному музыканту (наряду с техническим мастерством, воплощением художественного образа, стабильностью исполнения) необходимо разбираться в музыкальных жанрах, стилях и понимать структуру музыкального языка. Часто для саксофонистов музыка эпохи барокко оказывается совершенно неизвестной или малоизученной. Тем не менее, исполнение полифонических сочинений является обязательным условием первых туров крупных конкурсов. Молодым музыкантам совершенно необходимо овладеть навыками исполнения музыки эпохи барокко и лучше сделать это посредством познания музыки И. С. Баха, так как его творчество является квинтэссенцией барокко и служит ключом к пониманию старинной музыки. Наследие Баха обладает универсальной ценностью для всех наций. Не случайно всю историю музыки мы делим на две части: до Баха и после него. Исполнение Баха упростит понимание творчества других барочных композиторов. В связи с этим, будет актуально изложить некоторые особенности исполнения старинной музыки на примере творчества И. С. Баха, являющегося непревзойденной вершиной полифонической музыки.

Музыка И. С. Баха является обязательным требованием, «золотым стандартом» первого тура большинства престижных международных и Всероссийских музыкальных саксофонных конкурсов, таких как:

Международный конкурс имени Адольфа Сакса (Динан, Бельгия).

Международный конкурс саксофонистов имени Жан-Мари Лондейкса (Бангкок, Таиланд).

Международный конкурс имени Йосипа Нохты (Загреб, Хорватия).

Всероссийский конкурс саксофонистов имени М. К. Шапошниковой (Москва, Россия).

Международный конкурс духовной и полифонической музыки «Полифоника» (СПб, Россия)

Онлайн-конкурсы для саксофонистов академической направленности.

На это есть веские, фундаментальные причины:

1. Произведения И. С. Баха являются вершиной барочной музыки, знание которой необходимо профессиональному саксофонисту. Владение баховским стилем – это свидетельство глубокой академической школы саксофониста.

2. Так как Бах не оставлял подробных указаний по динамике, темпу и артикуляции, саксофонист сам находит баланс между исторической точностью и современным звучанием инструмента, что сразу показывает уровень его музыкальной культуры. Исполнитель имеет возможность продемонстрировать свою индивидуальность, манеру исполнения, чувство стиля и знание барочных канонов (умение вести мелодическую линию, понимать мотивную структуру, правильно артикулировать фразы и расставлять акценты, выстраивать сложную полифоническую архитектуру в ансамбле с фортепиано).

3. И. С. Бах – чуть ли не единственный композитор в мире, который одинаково хорошо звучит на всех инструментах. Как сказал Д. Шостакович: «Прекрасную музыку, как ни играть, все равно будет хорошо. Произведения Баха можно играть в любом темпе, с любыми динамическими оттенками или без таковых, и все равно будет прекрасно. Вот как надо писать музыку, чтобы ни одна каналья не могла ее испортить» [2, с. 145].

В программу первого тура, как правило, входят транскрипции:

Партиты для скрипки соло, Партита для флейты соло, Сонаты для скрипки соло, Сюиты для виолончели соло, Концерты для скрипки и клавира, Концерты для флейты и клавира, Сонаты для флейты и клавира, Сонаты для скрипки и клавира, Трио-сонаты для органа.

Саксофон – самый молодой инструмент. Не удивительно, что транскрипции произведений предшествующих периодов составляют основу репертуара классического саксофониста. Во время изучения музыки эпохи барокко формируется вкус, чувство стиля и навыки классического звукоизвлечения. Освоение наследия баховской музыки необходимо современному саксофонисту, отчего выигрывает прежде всего саксофонное искусство, которое не может полностью и гармонично развиваться, если будет лишено старинной музыки.

Многие саксофонисты обращаются к музыке Баха, но не многие понимают, как ее играть. В связи с эти возникает необходимость осветить отдельные моменты исполнительской техники.

Артикуляция

Вопрос об артикуляции приводит к разговору о фразировке, так как эти средства выразительности связаны между собой. Необходимо понять связь между фразировкой и артикуляцией и усвоить четкое разграничение между ними.

Фразировка – разделение музыкальной речи на мотивы, фразы, предложения, иначе говоря – музыкальная пунктуация. Фразировка отражает смену музыкальных мыслей и разделяет мелодию на смысловые отрезки и мотивы. Ключ к исполнению музыки барокко – это осмысленное и выразительное интонирование каждого мотива. Суть музыки Баха – это работа с мотивом.

Артикуляция – способ произношения звуков, связный или расчлененный. Артикуляция соединяет или расчленяет звуки мотивов, отражает приемы произношения (legato, staccato). Искусство артикулирования является одним из основных средств выразительного исполнения. В выборе артикуляции следует исходить из характера пьесы. Например, медленные произведения нужно исполнять в связной, плавной манере. Саксофонисту необходимо научиться исполнять мелодическую линию певуче, гибко и выразительно. В произведениях оживленного, светлого, радостного характера артикуляция должна быть отчетливой, можно применять легкое staccato. При исполнении staccato нельзя укорачивать ноты схематично. Нужно «отскакивать» по-разному и учитывать длительность ноты – является ли она половинной, четвертью или восьмой, а также является ли темп быстрым или медленным. И. А. Браудо сформулировал два правила контрастной артикуляции:

- «Прием восьмушки», согласно которому мелкие длительности (например, шестнадцатые) следует играть legato, а крупные длительности (восьмые, четверти) исполнять несвязно – non legato или staccato.

- «Прием фанфары» подчеркивает «сигнальную» природу мелодических ходов, когда затактовые скачки, ходы по звукам трезвучия и большие интервалы требуется играть расчлененно – non legato [3, с. 40].

Эти правила основаны на контрасте между длительностями, подчеркивают ясность полифонической ткани и являются характерными приемами для исполнения музыки И. С. Баха.

По мнению Н. Арнонкура, в барочной музыке существует иерархия долей, есть звуки «благородные» (хорошие, сильные) и «простые» (плохие, слабые). Иерархия зависит от музыкального размера, а именно:

2/4 (двухдольный размер): первая доля – благородная (nobiles), вторая доля – простая (viles).

3/4 (трехдольный размер): первая доля – благородная, вторая доля – менее благородная, третья доля – простая. Исключением является сарабанда, здесь, как правило, акцент смещается на вторую долю.

4/4 (четырехдольный размер): первая доля – благородная, вторая – простая, третья – менее благородная, четвертая – простая [1, с. 44].

Понятие благородства касается акцентирования. Когда сильные доли акцентируются, а слабые облегчаются, создается характерная барочная пульсация. Но это только верхний слой упорядоченности. Если музыку барокко играть по данной схеме акцентирования, получится утомительно и монотонно. Для Баха механическая равномерность чужда.

Существует еще высшая иерархия – гармония. Диссонанс всегда акцентируется, даже на слабой доле такта. Разрешение не может быть акцентированным, поскольку является спадом напряжения. Диссонанс – боль, разрешение – чувство облегчения. Таким образом, главная иерархия долей непрестанно нарушается акцентами диссонансов.

Существуют еще две вспомогательные иерархии – ритм и эмфазис. Если после короткой ноты следует длинная, она всегда акцентируется, даже если приходится на слабую долю. Таким образом подчеркиваются синкопированные и танцевальные ритмы. Эмфазис – это подчеркивание и удлинение нот, создающие акцент. Эмфатический акцент приходится на высочайшие звуки мелодии. Интонационные вершины темы у Баха приходятся обычно на слабые доли и очень редко совмещаются с сильным временем такта. Рекомендуется акцентировать высокие ноты и дольше на них задерживаться. Баховские тематические акценты часто не совпадают с метрическими, они обусловлены не метром, а внутренней жизнью темы. Итак, мы видим, что на основную иерархию накладываются многочисленные альтернативные иерархии, которые нарушают и варьируют несколько механистичный порядок.

Отсюда следуют вывод: чтобы играть Баха ритмично, надо опираться не только на сильные доли такта, но и учитывать смысловые акценты фразировки.

Динамика

Саксофон обладает богатыми динамическими средствами. Следует найти приемы динамики, необходимые для исполнения произведений Баха: исполнять и ощущать старинную музыку надо непосредственно и эмоционально, как любую другую музыку. Оттенки нужно применять просто, без манерности, без форсированной щедрости. Необходимо найти среднюю силу и сдержанность в звуке, избегая излишнего размаха и избытка.

1. В эпоху барокко главными инструментами были орган и клавесин, не имевшие возможностей для плавного изменения динамики. Культивировалась игра планов, оттенки subito, контрасты forte и piano. Такое исполнение называется регистровой или «террасообразной динамикой». Бах чрезвычайно прост в сменах звучности. Строение его пьес не предполагает мелкой и пестрой динамики. Громкость обычно меняется после кадансов, фермат, пауз, законченных фраз.

2. Существует и другая сторона баховской динамики, а именно: мотивное строение мелодии. Рекомендуется обогащать мотивы тонкой нюансировкой для того, чтобы ясно и отчетливо выразить их идею и развитие. Именно мотивы образуют мелкую интонационную динамику, которая оживляет однообразие «террас».

3. Также существует третий вид баховской динамики: фактурная динамика. В большинстве пьес активное развитие темы идет к концу произведения. При финальном своем проведении тема раскрывается наиболее полно, ярко, мощно и динамично. Саксофонист должен усвоить, что динамическое нарастание Бах выражает уплотнением полифонической фактуры и увеличением числа голосов. Задача исполнителей (если это камерный ансамбль – саксофон и фортепиано) уметь выстраивать динамический баланс на протяжении всей пьесы.

Темп

Вопрос о баховских темпах заслуживает особого разговора. Выбирая темп, следует исходить из специфики жанра и характера произведения. На выбор темпа также влияет музыкальный аффект – эмоциональное состояние (грусть,

радость, печаль, гнев). Грусть ассоциируется с медленным темпом, радость – с быстрым. Умеренность и сдержанность во всём являются основными требованиями. Саксофонист должен твердо усвоить, что быстрые пьесы Баха не содержат в себе той безудержной стремительности, которую мы находим в музыке XX–XXI вв. Следует избегать чрезмерной быстроты. Саксофонист должен брать такой темп, в котором он сможет дать убедительную интерпретацию. Медленные пьесы хорошо играть с движением, так как они заключают в себе активную внутреннюю жизнь. Гибкость, агогические оттенки допустимы в музыке Баха, но в сдержанном и тонком проявлении.

В начале освоения произведения лучше брать темп медленный, учебный, направленный на осознание всех деталей, на извлечение певучего, выразительного звука. Каждая тема, пассаж и орнамент должны исполняться как выразительные мелодические линии. Когда выучены и закреплены все детали пьесы, исполнитель переходит в стадию среднего темпа. При этом достижение более подвижных темпов идет как бы само собой. Окончательным темпом является тот, в котором саксофонист лучше всего может исполнить данное произведение. Как отмечал А. Швейцер: «Правильным темпом будет тот, при котором в одинаковой мере ясны и детали, и целое» [5, с. 263].

Орнаментика

Музыка Баха насыщена всевозможными видами мелизматики. В эпоху барокко орнаментика была важнейшим художественно-выразительным средством. Термин «мелизм» произошел от древнегреческого «melos» – пение, мелодия. Исполнять мелизмы надо осмысленно, певуче, как неотъемлемую часть мелодии. Украшения (мелизмы) укладываются в такт, в характере и темпе исполняемой пьесы.

Обратим внимание на основные правила исполнения украшений:

1. Исполнять мелизмы Бах рекомендует за счет длительности основной ноты.
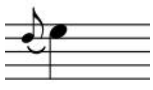
2. Все мелизмы начинаются с верхней вспомогательной ноты.

3. Мелизмы, как правило, исполняются на ступенях диатонической гаммы.

Трель (, , ,) – чередование двух звуков, задержания и разрешения, отделенных друг от друга тоном или полутоном. Трель, как правило, начинается с верхнего вспомогательного звука. Число биений определяется длительностью ноты. Длинные трели с восходящим или нисходящим опеванием (и). Эти трели относятся к более длительным.

Мордент () исполняется с основной ноты и затрагивает нижний вспомогательный звук.

Форшлаг – чаще всего обозначается мелкой нотой, перед крупной основной. Исполняется на сильную долю. Такие форшлаги забирают половину длительности основной ноты в двухдольном размере и две трети – в трехдольном.

Шлейфер ( ) – род форшлага, заполняющий терцию от основной ноты. Шлейфер всегда исполняется на сильную долю.

Группетто ( ) – мелизм, состоящий из нескольких звуков. Исполняется с верхнего вспомогательного звука и заканчивается основным.

Прошло 340 лет со дня рождения Баха, и подробности того, как музицировали триста лет тому назад, никому точно не известны. Поэтому безупречно правильная интерпретация останется недостижимым идеалом. Зачастую исполнители делятся на две группы. Одни считают, что произведения Баха нужно исполнять сухо, без особых чувств, без особой выразительности, чтобы потенциально не нарушить строго выверенную форму. Другие перегружают музыку Баха оттенками, эмоциональными переживаниями, агогикой, романтической динамикой, поскольку им недостаточно скупых указаний в уртексте (от нем. Urtext – оригинальный текст – автограф, рукопись И. С. Баха, в которой отсутствуют редакторские добавления). Существует множество трактовок и направлений, например: аутентичное (историческое) исполнение, романтическая трактовка, символическая (духовная) традиция, современная обработка (джазовые и электронные версии) и многие другие. Такое разнообразие в толкованиях связано с многослойностью музыки и отсутствием указаний в тексте, что оставляет свободу исполнителям находить свой собственный путь и новые смыслы.

Для понимания музыки Баха нужны специальные знания и умения, которые необходимо постоянно приумножать. Успех постижения стиля лежит в изучении и анализе баховского текста, знании исторических условий, при которых создавалось данное произведение, в исследовании барочных трактатов, изучении жанров, инструментов и традиций исполнения музыки эпохи барокко. И это только начало пути, процесс постижения музыки Баха бесконечен.

Автор данной статьи надеется, что его рекомендации, обобщения и советы будут полезны саксофонистам-исполнителям в подготовке к конкурсам, а также послужат стимулом в постижении гениальной, фантастической, космической музыки И. С. Баха.

Список источников

1. Арнонкур Н. Музыка барокко. Путь к новому пониманию / пер. с нем. О. Коваля. – М.: Пальмира, 2019. – 247 с.
2. Барнс Д. Шум времени / пер. с англ. Е. Петровой. – СПб.: Азбука, 2019. – 288 с.
3. Браудо И. А. Артикуляция. – Л.: Гос. муз. изд-во. – 200 с.
4. Глинка М. И. Литературное наследие / под ред. В. Богданова-Березовского. – Т. 2. Письма и документы. – Л.: Гос. муз. изд-во, 1953. – 890 с.
5. Швейцер А. Иоганн Себастьян Бах / пер. с нем. Я. С. Друскина и Х. А. Стрекаловской. – М.: Классика-XXI, 2011. – 816 с.

Сведения об авторе

Черкасова Юлия Петровна – старший преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-3028-2364, e-mail: kwadrium111@gmail.com

УДК 781.6:373.3/.5
ГРНТИ 18.41.19

Использование национально-регионального музыкального материала на уроках музыки в общеобразовательной школе

Ю. Д. ЯРОСЛАВЦЕВА

В статье рассматривается педагогический потенциал национально-регионального музыкального материала в образовательном процессе современной школы. Анализируется взаимосвязь освоения локальных музыкальных традиций и формирования культурной идентичности учащихся, а также методические подходы. Исследуются психологические механизмы восприятия этнической музыки, практические аспекты работы с аутентичным музыкальным материалом, возможности адаптации традиционных музыкальных форм к современным образовательным условиям.

Ключевые слова: национально-региональный компонент, музыкальное образование, фольклорные традиции, культурная идентичность, этнопедагогика, аутентичный музыкальный материал, поликультурное воспитание.

Современная педагогическая наука переживает период переосмысления роли локальных культурных традиций в образовательном процессе. Глобализация актуализировала проблему сохранения уникального музыкального наследия отдельных регионов и этнических групп. Школьный урок музыки становится пространством, где происходит встреча ребенка с музыкальной культурой той территории, на которой он живет [8].

Включение национально-регионального музыкального материала в образовательную программу представляет собой методологически сложную задачу. Педагог сталкивается с необходимостью органично соединить академическую музыкальную традицию, представленную в стандартных учебниках, с живым звучанием местных песен, наигрышей, ритмических формул. Эта задача требует глубокого понимания как музыкальной природы фольклора, так и психологических особенностей восприятия детьми этнической музыки.

Фольклорная традиция любого региона обладает внутренней педагогической логикой. Народная музыкальная культура веками вырабатывала механизмы передачи знаний от поколения к поколению. Детский музыкальный фольклор, представленный колыбельными, потешками, игровыми песнями, изначально ориентирован на естественное музыкальное развитие ребенка. Взрослый фольклор содержит более сложные ладовые структуры, ритмические рисунки, образно-поэтическое содержание. Учитель музыки получает возможность опираться на эту естественную градацию сложности при построении учебной программы.

Психологический аспект работы с региональным музыкальным материалом связан с механизмами культурной идентификации [4]. Ребенок, осваивающий музыкальный язык своего региона, выстраивает связь между собственной личностью и культурным пространством малой родины. Эта связь формируется не через рациональное знание, а через эмоциональное переживание музыки, через

физическое участие в пении и движении. Нейрофизиологические исследования показывают, что музыка активирует глубинные структуры мозга, связанные с эмоциональной памятью и социальными связями. Пение народной песни своего региона становится актом культурного самоопределения.

Методическая работа с национально-региональным материалом начинается с изучения учителем музыкального ландшафта территории [1]. Каждый регион России обладает уникальной палитрой музыкальных традиций. Поволжье сохраняет богатое татарское, чувашское, марийское наследие. Северный Кавказ представляет полифонию кавказских музыкальных культур. Сибирь хранит традиции коренных народов Севера. Даже центральные регионы имеют локальные различия в манере пения, диалектных особенностей текстов, региональных вариантах общерусских песен.

Собирание и систематизация местного музыкального материала составляет первый этап педагогической работы. Учитель обращается к фольклорным архивам, записям этнографических экспедиций, публикациям местных исследователей. Особую ценность представляют живые носители традиции – пожилые жители региона, помнящие песни и наигрыши из детства. Встречи школьников с такими людьми создают особую атмосферу подлинности, делают традицию живой и личностно значимой.

Адаптация аутентичного материала к условиям школьного урока требует деликатности. Фольклорное произведение существует в контексте обряда, праздника, трудового процесса. Перенесение его в класс неизбежно меняет функцию и характер звучания. Задача педагога – сохранить музыкальную и культурную суть произведения, одновременно сделав его доступным для детского восприятия и исполнения [5]. Это достигается через игровые формы освоения материала, через постепенное погружение в контекст бытования песни или наигрыша.

Младший школьный возраст представляет оптимальный период для знакомства с простыми формами детского музыкального фольклора. Дети шести-восьми лет естественно входят в мир считалок, закличек, игровых песен. Эти жанры не требуют сложной музыкальной подготовки, но содержат базовые элементы музыкального языка региона. Ритмическая речитация считалки подготавливает к освоению более сложных ритмических структур. Звукоподражание в закличке развивает интонационный слух. Игровая песня соединяет музыку с движением, активизируя кинестетическую память.

Подростковый возраст открывает возможности для работы с более сложным материалом. Ученики среднего звена способны осмыслить культурный контекст календарной обрядности, понять символику текстов свадебных или исторических песен. Голосовой аппарат подростка позволяет освоить специфические приемы народного пения – открытый звук, диалектное произношение, орнаментику. На этом этапе возможно обращение к инструментальной традиции региона, освоение игры на традиционных музыкальных инструментах.

Старшеклассники получают возможность включиться в исследовательскую работу с музыкальным материалом. Анализ ладовой структуры местных песен, сравнение региональных вариантов одного сюжета, изучение исторического

контекста бытования музыкальных традиций развивают аналитическое мышление. Такая работа соединяет музыкальное образование с историей, литературой, этнографией, создавая целостную картину региональной культуры.

Практическое музицирование остается центральным методом освоения национально-регионального материала [7]. Слушание аутентичных записей дает представление о звучании традиции, но только собственное исполнение позволяет ребенку присвоить музыкальный язык региона. Коллективное пение народных песен создает особое социальное пространство урока, где каждый голос вносит вклад в общее звучание. Хороводные и игровые формы организации музицирования воспроизводят естественный контекст бытования фольклора.

Инструментальное музицирование расширяет палитру работы с региональным материалом. Многие регионы имеют традиционные музыкальные инструменты, которые можно использовать в школьной практике. Шумовые инструменты – трещотки, бубенцы, коробочки – доступны для изготовления и освоения детьми. Духовые инструменты типа свистулек или окарин требуют определенных навыков, но их освоение обогащает музыкальный опыт учащихся. Струнные инструменты – балалайка, домра, гусли – могут стать основой для создания школьного ансамбля народных инструментов.

Интеграция национально-регионального компонента с общей программой музыкального образования требует системного подхода [2]. Фольклорный материал не должен существовать как изолированный блок, оторванный от изучения академической музыки. Плодотворным представляется подход, при котором каждая тема программы раскрывается через сопоставление академической традиции и народной музыки региона. Изучая жанр песни, ученики знакомятся с романсами русских композиторов и одновременно с местными лирическими песнями. Тема танца включает знакомство с балетной музыкой и с танцевальным фольклором своего края.

Современные технологии открывают новые возможности работы с региональным музыкальным материалом. Создание цифровых архивов местного фольклора делает его доступным для школьников. Видеозаписи исполнения песен носителями традиции позволяют увидеть манеру пения, костюм, бытовой контекст. Компьютерные программы дают возможность анализировать звуковую структуру напевов, визуализировать мелодический рисунок. Интернет-ресурсы обеспечивают доступ к материалам музеев, архивов, исследовательских центров.

Проектная деятельность учащихся может быть направлена на изучение и популяризацию музыкального наследия региона. Школьники создают мультимедийные презентации о местных музыкальных традициях, записывают исполнение песен старожилами, организуют фольклорные праздники. Такая работа выводит знакомство с региональной музыкой за пределы урока, делает ее частью жизни школьного сообщества.

Взаимодействие школы с учреждениями культуры обогащает работу с национально-региональным материалом [3]. Посещение концертов фольклорных коллективов, экскурсии в музеи народного искусства, встречи с мастерами традиционных ремесел создают живой культурный контекст. Приглашение носителей традиции на школьные мероприятия превращает урок музыки в событие культурной коммуникации.

Оценка результатов работы с региональным музыкальным материалом не может ограничиваться проверкой знания песен или терминов. Глубинные изменения происходят в сфере культурной идентичности, эмоциональной связи с родным краем, понимания культурного многообразия. Эти изменения проявляются в готовности ребенка участвовать в музицировании, в интересе к местной культуре, в уважительном отношении к традициям других народов.

Перспективы развития работы с национально-региональным музыкальным материалом связаны с подготовкой педагогических кадров. Учитель музыки должен обладать знаниями в области этномузыкологии, владеть методами работы с фольклором, понимать психологические механизмы культурной идентификации [6]. Педагогические вузы включают в программу подготовки курсы по региональной музыкальной культуре, организуют фольклорные практики студентов.

Музыкальное образование, основанное на региональных традициях, формирует у школьников ощущение культурной укорененности в сочетании с открытостью к другим культурам. Познавая музыкальный язык своего региона, ребенок учится ценить и понимать музыку других народов. Эта диалектика локального и универсального составляет основу подлинно гуманистического образования в многонациональном и поликультурном обществе.

Список источников

1. Алябьева А. Г. Национально-региональный компонент в системе музыкального образования: к проблеме содержания // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 1. – С. 76–81.

2. Гаджиева Р. И. Интеграция национально-регионального компонента в содержание музыкально-педагогического образования // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 8. – С. 93–98.

3. Головина Г. В., Кузьмичева М. Д. Сближение интересов школы и учреждений культуры в организации досуга детей младшего школьного возраста // Символ науки. – 2023. – №1-2. – С. 70–71.

4. Кашина Н. И. Идентификация как механизм формирования гражданской идентичности школьников на уроках музыки // Педагогическое образование в России. – 2025. – № 5. – С. 115–121.

5. Рева В. П. Креативная стратегия воспитания культуры музыкального восприятия у младших школьников // Музыкальное искусство и образование. – 2018. – № 2 (22). – С. 47–58.

6. Рейма О. Я. Формирование этномузыкального мышления студентов вуза в процессе освоения локальных музыкально-фольклорных традиций // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – № 86-4. – С. 234–237.

7. Савин А. А., Савина В. А., Соболев М. А. Коллективное музицирование как метод музыкального обучения // Исследования молодых ученых: материалы XIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2020 г.). – Казань: Молодой ученый, 2020. – С. 70–73.

8. Шастина Т. В. Формирование этнопевческой культуры личности в системе современного музыкального образования // Общество: социология, психология, педагогика. – 2025. – № 2. – С. 125–132.

Сведения об авторе

Ярославцева Юлия Дмитриевна – студентка 5 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-3847-4381, e-mail: yulyakozhanova@mail.ru

«СВОИ – ЧУЖИЕ – НАШИ»: НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МЕДИАТЕКСТЕ

УДК 82-1
ГРНТИ 17.09

Оппозиция «свой – чужой» в парижском тексте Саши Черного

М. А. ЖИРКОВА

В статье представлен анализ поэзии Саши Черного парижского периода (1924–1932 гг.) через бинарную оппозицию «свой – чужой». Исследуется, как противоречие между ностальгическим мифом об утраченной России и освоением чужого французского пространства определяет мироощущение лирического героя. Прослеживается эволюция от трагического разлома к постепенному обретению душевного равновесия на чужбине.

Ключевые слова: Саша Черный, литература русской эмиграции, парижский текст, свой-чужой, лирический герой.

Известный в России поэт-сатирик Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) покинул родину в 1918 г. Во Францию вместе с супругой поэт приехал в марте 1924 г., это были шестой год эмиграции и четвертая страна в их беженской одиссее после отъезда из России. Сначала Литва – в прошлом часть Российской империи и ближнее зарубежье в настоящем, затем почти три года жизни в Германии, потом на короткий срок их приютила Италия. Франция стала последней страной, где супруги наконец обрели свой дом.

За прошедшие годы жизни в эмиграции острая боль от расставания с родиной утихла, но не прошла. Забыть родные края не дано, воспоминания все время возвращают в прошлое, которого больше нет. Невозможность вернуться домой, бытовая неустроенность, отсутствие стабильности, временность практически всего: жилья, работы, паспорта – все это сопровождает жизнь любого эмигранта. Противопоставление «свой – чужой», характерное для литературы в эмиграции, у Саши Черного наиболее остро ощутимо в текстах, написанных в первые годы жизни в Париже:

По-русски горлинка урчит,
По-русски дятел в ствол стучит,
По-русски старый парк молчит,
И пес по-русски лает.

А за оградою кольцом
Французская пшеница,
Часовня с серым петухом,
С навозом колесница…
Чужие, редкие леса,
Чужого неба полоса,
Чужие лица, голоса, –
Чужая небылица… («Полустанок» [Черный, с. 136]).

В стихотворениях А. Черного постоянно присутствует оппозиция «русский (российский) – французский (парижский)»: Муза «Упорно русских красок ищет» (Хохлушка» [Черный, с. 144]), «Без газетных русских строк», «Эхо русской переклички», «Словно русский мак в овсе», «И пели песни. Русские слова» («Дом в Монморанси» [Черный, с. 171]), «влетают всплески русской песни» (Завтра» [Черный, с. 175]), «Пусть бурлит российский спор» («Газета» [Черный, с. 150]), «Играют российской палитрой» («Русская лавочка» [Черный, с. 160]), «И зря запутывать российский наш колтун» («Гигиенические советы» [Черный, с. 206]). Часто встречаются упоминания российских реалий: орловская быль («Эмигрантская песня»), орловская купчиха («Камин»); вяземский пряник («Парижское житье»). В тесной и маленькой комнате в отеле эмигрант вспоминает простор орловских полей, «Под Киевом дачу лесную, / Разлив Днепра – простор голубой» («Газета» [Черный, 148]). Таким образом, возникает ностальгический идеал России с ее разливами рек и просторами полей.

Укажем примеры с французскими определениями: «А за оградою кольцом / Французская пшеница» («Полустанок» [Черный, с. 136]), «Французский парк тенист и влажен» (Хохлушка» [Черный, с. 145]); «Сквозь французскую столицу» («Газета» [Черный, с. 149–150]), «В туннелях парижской подземки» («Мелкобуржуазные мечты» [Черный, с. 146]), «В окне – парижская луна» («Эмигрантские сны» [Черный, с. 251]), «В стороне от парижской шумихи» («В Люксембургском саду» [Черный, с. 285]), «Парижский пестрый мир» («Пустырь» [Черный, с. 294]), парижское житье, парижские частушки, парижская площадь, парижский бульвар. Заметим, что Париж – это не только город, в котором живут эмигранты, это и французская столица как олицетворение страны в целом, тогда как «русское» конкретизируется по городам и землям, родным и знакомым. Поэт живет в Париже, но вспоминает Петербург, Псков, Днепр, Киев, Одессу. Россия осталась в памяти в ярких и осязаемых образах, тогда как Франция, Париж – обезличенные декорации, на фоне которых разворачивается жизнь русского эмигранта. Лирический герой находится внутри этого мира, но не является его частью, для него это место выживания, а не жизни.

По нашим подсчетам получилось следующее соотношение определений: 26 «русский», к которому можно добавить еще три примера «российский», против 15 «французский» и 12 «парижский». Не намного, но количественно преобладают «русские» определения. Дело не только в их количестве, а в постоянном сопоставлении родной страны и чужбины, воспоминаниях о прошлом: физически поэт находится во Франции, а душой возвращается в Россию:

Пусть тело умерло в Париже, –
Душа, как гимназист зимой,
Надела легонькие лыжи
И мчится в прошлое – домой! («Эмигрантские сны» [Черный, с. 251]).

Эмиграция стала для Саши Черного и его лирического героя не сменой родины, а существованием в ситуации жизненной трагедии – разрыва естественных

связей, потери отечества. «Чужое» (Париж) становится пристанищем и постепенно осваивается, а «свое» (Россия) превращается в мифологизированный, идеализированный образ, недостижимый и оттого еще более ценный. Подлинная жизнь, душа и память остались в том идеализированном и утраченном пространстве, которое состоит из орловских полей, вяземских пряников, голубого простора Днепра.

Оппозиция «свой – чужой» не статична. Франция – чужая страна, но в ней удалось укрыться, спрятаться на время или навсегда от жизненных невзгод: «Мы все, скользнув в чужие щели, / Под серым западным дождем / На полустанке солнца ждем…» («Хохлушка» [Черный, с. 144]). Щель – многозначное слово, это узкое продолговатое отверстие; узкий глубокий овраг, ущелье, ров, но это и место, служащее укрытием, убежищем кому-либо [Словарь, стлб. 1669–1670]. Отсюда готовность принять новую жизнь в чужой стране: «Не ставь креста на всей чужой стране» («Гигиенические советы» [Черный, с. 207]), признать ее «двоюродной родиной» («Мелкобуржуазные мечты» [Черный, с. 147]).

Правда, пройдет четыре года, а по-прежнему будет звучать: «Мы средь чужих», «В чужих гостиницах» («1928» [Черный, с. 170]), «Без земли и без границ / Мы живем в юдоли этой / Вроде странствующих птиц» («Газета» [Черный, с. 149]). Лирический герой А. Черного остается на экзистенциальном разломе: его душа и память обращены к утраченному идеалу, его историческое сознание – к общей трагедии, а его настоящее физическое бытие – к выживанию в чужой среде. Заметим, что экзистенциальный кризис будет преодолен, это отразится, например, в стихотворении 1931 г. «Семь чудес» [Жиркова 2021, с. 225].

Оппозиция «свой – чужой» проходит в парижском тексте Саши Черного сложную динамику: от болезненного слома к диалогу и принятию нового пространства бытия. «Чужое» пространство перестает быть враждебным фоном и начинает наполняться субъективным смыслом. Парижский текст Саши Черного представляет собой фиксацию медленного и мучительного освоения русским эмигрантом французской столицы. Со временем происходит открытие и освоение незнакомого пространства эмигрантами и прорастание в него. Чужая страна постепенно становится домой: «Где кое-как расцвел наш быт / У очагов чужих и плит» («Деловая ода…» [Черный, с. 158]). С иронией поэт называет французскую столицу «губернией парижской» («Завтра (К балу печати 27 марта)» [Черный, с. 175]), используя русское слово «губерния» для обозначения территориальной единицы французской столицы, а не округ или арондисман. Последнее мелькнет однажды в стихотворении «Петрушка в Париже». Поэт отражает особенности восприятия города эмигрантами, которые наделяют ее своими символами и смыслом, определяют наиболее значимые локусы.

Одной из ключевых локаций русских мест в Париже стала ***Общественная Библиотека имени И. С. Тургенева***. Для русских эмигрантов она превратилась в важный культурный и общественный центр: начиная с 1918 г. здесь ежегодно проходили новогодние елки, балы, концерты, выступления писателей, выставки и т.д. [Лбова, с. 87]. Своеобразным поэтическим объявлением становится стихотворение А. Черного ***«Елка в Тургеневской библиотеке (Вниманию детей и***

взрослых)» (1927). В фантастическом мире сна происходит встреча поэта с И. С. Тургеневым, звучит приглашение русского классика на «чудеснейшую елку для детей» [Черный, с. 168]. Библиотека решала одну из проблем в изгнании – потерю национальной идентичности. С целью сохранения русского языка, воспитания любви к родине, передачи русской культуры детям, в Тургеневской библиотеке был создан детский отдел, регулярно проходили детские представления и новогодние праздники. В 1929 г. при библиотеке был открыт кружок «Рассказ детям». Позднее он сменил свое название: «Кружок рассказчиков и чтецов при Тургеневской библиотеке». На таких собраниях известные писатели читали свои рассказы, в том числе и Саша Черный [Яковлева, с. 238].

Таким же «русским» островом в Париже стал ***отель-ресторан «Лютеция»***, в котором собирались многие творческие люди, в том числе знаменитые писатели. Так, театральная хроника за январь 1927 г. содержит следующее сообщение: «Новогодний бал, организованный 13-го января в залах отеля "Лютеция" в пользу союза русских писателей и журналистов, прошел с блестящим успехом. Публика дружно аплодировала скетчу, в котором приняли участие писатели – Бунин, Дон-Аминадо, Осоргин, Сургучев, Тэффи, Саша Черный, А. Яблоновский и др.» [Иллюстрированная Россия, с. 13].

В стихотворении ***«Размышления у подъезда “Лютеции”»*** поэт с иронией рисует эмигрантскую публику, которую он не первый раз встречает в знаменитом ресторане:

Опять у вешалки, над тем же самым местом,
Увидишь в зеркале знакомый поворот;
Всё та же дама прошлогодним жестом
Всё так же красит прошлогодний рот.

И те же самые у входа контролеры,
В петлицах – бантики, беспомощность в зрачках.
Всё те же смокинги, жилеты и проборы,
Лишь седины прибавилось в висках... [Черный, с. 169].

В ресторане «Лютеция» эмигрантское сообщество собралось на празднование Рождества, светлого праздника с его особым чувство единения и семьи. Поэтому звучат и теплые ноты: лирический герой уютно чувствует себя в привычном мире ему мире, кажется, что «ты опять в родной уезд попал» [Черный, с. 168]. Знакомые лица, повторяющие действия, – замкнутый мирок превращает парижский ресторан в уездный русский городок, а окружающих в родную семью:

Но под жилеткою так сладко ноют кости,
Как будто невзначай под Рождество
К соседям давнишним ты вдруг свалился в гости
Иль на семейное ввалился торжество [Черный, с. 169].

Благотворительные балы в Париже не были редкостью, они способствовали объединению русских за границей и оказывали реальную помощь нуждающимся. Такому писательскому или «балу печати» посвящено стихотворение ***«Завтра (К балу печати 27 марта)» (1930)***. Оно двухчастное: первая часть представляет коллективный портрет эмиграции. В указании гостей бала дан своеобразный социальный срез, фиксируется их точная профессиональная принадлежность: химик, адвокат, шофер, массажистка, врач. Сложно сказать, насколько эти указания совпадают с родом занятий гостей бала в прошлом и настоящем, смог ли ученый-химик найти себя в новом мире, а шофером и массажисткой может оказаться кто угодно, например бывшие офицер и аристократка. В эмиграции произошла вынужденная профессиональная переориентация и изменилось представление о социальном статусе, и каждая из указанных профессий может скрывать драму человеческой жизни. «Оазис-бал» на несколько часов объединил всех и создал иллюзию российской действительности: знакомые лица, дружеское общение, щедрое угощение, русские песни. Во второй части стихотворения поэт иронизирует над гостями и дает практические советы по поведению на балу и облегчению жизни в целом, например, рекомендует взять такси жителям одного района вместе, так дешевле обойдется.

А. Черный упоминает также другое знаковое место для русских эмигрантов – ***кафе «Ротонда»*** на углу бульваров Монпарнас и Распай. В кафе, открытом всю ночь, находила приют зачастую нищая, хоть и богемная публика: художники, артисты, поэты и русские эмигранты. Именно там собираются провести ночь герои небольшой стихотворной пьесы А. Черного «Петрушка в Париже» Петрушка и Матрена Ивановна ввиду отсутствия у них жилья:

Наш приют в кафе «Ротонде», –
В артистическом бомонде,
Средь художников корявых
И поэтов шепелявых…
Бум!
Там, под стол поджавши ножки,
Сядем тихо у окошка
И возьмем на две персоны
Чашку чаю без лимона («Петрушка в Париже» [Черный, с. 211–212]).

Как известно, эмигранты открывали различные рестораны в русском стиле с цыганским хором, балалайкой, самоваром: «Еще одной процветающей коммерческой отраслью стали русские рестораны, которые охотно посещали богатые туристы. "Русь", "Волга", "Хлеб-соль", "Ванька-Танька" заведения с такими вывесками заполонили Монмартр. Тут все выдерживалось в стиле аля рюс: половые в плисовых шароварах, непременные блины с икрой, балалаечники на эстраде, швейцар в галунах и с Георгием на груди» [Зверев, 17]. Среди ***«Эмигрантских объявлений» (1925)*** А. Черного появляется рекламное сообщение о подобном ресторане:

Ресторан «Дар-Валдай на Днепре».
Медвежатина с клюквой и с салом,
Русский хор в мавританском шатре
И лезгинец Печорин с кинжалом («Эмигрантские объявления» [Черный, с. 216]).

Сатирически поэт обыгрывает коммерциализацию русских предпринимателей, доводя ее до абсурда гротескным нагромождением несовместимых реалий, например в названии, соединившем вопреки географии север (Валдай) и юг (Днепр) России. То же наблюдается и в наименовании блюд, которые представляют гастрономические штампы европейцев о русской кухне: экзотическая медвежатина, северная клюква и простонародное сало; в обстановке: русский хор – часто цыганский и роскошный восточный шатер. Возможно, в наделении героя русской классической литературы национальностью – лезгинец Печорин – совместилось ее название и танец, поскольку лезгинка исполняется в национальных костюмах с кинжалом. В целом получился ностальгический кич – нелепая имитация родины в чужой стране.

Рассказывая о жизни русского городка Парижа, Н. Тэффи добавляет: «Даже магазинчики заводили свои» [Тэффи, с. 188]. В стихотворении ***«Русская лавочка» (1931)*** представлен такой магазин. Описание в нем различных щедрых закусок и яств похоже на голландские натюрморты с их обильными и роскошными столами, заваленными различной снедью: «В бочонке селедки / Уютными дремлют рядами…», «Холм яблок на стойке / Круглится румяною митрой», «Вдоль полки настойки / Играют российской палитрой» [Черный, с. 160]. Рассказ поэта лишен сатирического подтекста, здесь, скорее, иронически-юмористическое упоение гастрономическими изысками. Создается почти сказочный образ молочных рек с кисельными берегами, некая ностальгическая мифологизация далекой России, сосредоточенной в русской лавочке. Кусочек родины в чужом мире, правда, сведенный к кулинарным изыскам: балык, икра, кулебяка, кадушка с морошкой. Рождается чувство домашнего тепла и уюта, граница между прошлым и настоящим, реальностью и сохранившимся образом родины в памяти видится очень зыбкой: «Ужель за витриной / Парижская площадь сияет?» [Черный, с. 160].

Кажется, что оба текста об одном и том же: воссоздании мира дореволюционной России в чужой стране. Но можно обратить внимание на разницу в подходе к изображению ресторана и магазина. В первом случае сатира направлена на вульгаризацию русской культуры, превращенную в рыночный товар; во втором поэт с мягким юмором живописует русскую лавочку, сохранившую атмосферу далекой родины на чужбине, передает радость от встречи с гостеприимным магазинчиком. Похожие чувства испытывает не только лирический герой, но и другие ее посетители: над дверью «Звенит колокольчик все чаще» («Русская лавочка» [Черный, с. 161]). Возможно, дело в разнице между текстами в шесть лет: «Эмигрантские объявления» – 1925 г., а «Русская лавочка» – 1931 г. В первые годы жизни в Париже Саша Черный выступает как сатирик, чья сатира звучит резко и зло, но постепенно формируется новое направление его

творчества: начинают доминировать ирония и юмор с утверждающим началом в своей основе [См. подробнее: Жиркова 2015; Жиркова 2021].

В заключение необходимо отметить те изменения, что отразили личный опыт поэта, прожившего во Франции восемь лет (1924–1932). Для ранней поэзии Саши Черного характерно использование литературной маски, тогда как его эмигрантское творчество в большей степени автобиографично, а его лирический герой близок самому автору. Постепенно чужбина становится домом, французские реалии кажутся привычными, а европейская столица видится повседневным урбанистическим окружением человека. Изменения касаются эмоционально-оценочного восприятия эмиграции: поэт переходит от трагического в первые годы жизни к постепенному принятию мира, от тревог и скорби к душевной гармонии, от неустроенности к обжитому пространству, от быта к бытию. Его лирический герой оказывается способен радоваться жизни, может обрести покой и безмятежность, обнаружить удовольствие и тихое счастье в самых простых вещах.

Список источников

1. Жиркова М. А. Один день из жизни русского эмигранта. К проблеме эволюции поэзии Саши Черного в эмиграции // Новый филологический вестник. – 2021. – № 4 (59). – С. 217–229.

2. Жиркова М. А. Саша Черный как редактор и автор отдела сатиры и юмора «Бумеранг» в парижском еженедельном журнале «Иллюстрированная Россия» // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 67–74.

3. Зверев А. М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа, 1920–1940. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 371 с.

4. Иллюстрированная Россия. – 1927. – № 4 (89). – 28 с.

5. Лбова Е. М. Тургеневская Общественная Библиотека как культурный центр парижской русской эмиграции в конце XIX – начале XX вв. // Библиосфера. – 2014. – № 4. – С. 85–87.

6. Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. Х-Я. – М., Л.: Наука, 1965. – 2126 стлб.

7. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3: Все о любви; Городок; Рысь: Сборники рассказов / сост. И. Владимиров. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. – 416 с.

8. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917–1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 2007. – 497 с.

9. Яковлева М. Г. Проблемы идентичности и интеграции русских эмигрантов во французское общество на примере деятельности Русской общественной библиотеки им. И. С. Тургенева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2014. – № 4. – С. 234–240.

Сведения об авторе

Жиркова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, ORCID ID: 0000-0003-4107-6944, SPIN-код: 3152-2678, e-mail: manp@mail.ru

УДК 82
ГРНТИ 17.82.32

Национальный характер как основа мира главного героя в малой прозе XIX столетия

О. Н. КРАСНИКОВА

По материалам сопоставительного анализа романтических рассказов М. Горького «Макар Чудра» и «Старуха Изергиль», а также новеллы «Кармен» П. Мериме исследуется художественное осмысление взаимодействия разных этнических стереотипов. В статье формулируется и доказывается тезис о том, что причиной внутренних и внешних конфликтов героев художественных произведений являются не только особенности их личных психологических портретов, но и характерные черты, присущие им как представителям своего народа. Два художественных направления – романтизм и реализм, в концептуальности которых создавались анализируемые произведения, определили своеобразный набор тех индивидуально-психологических черт, которыми наделили авторы своих героев. Особенности их поведения, мировоззрения, картины мира складывались как из их национальной принадлежности, так и из их индивидуальных черт характера.

Ключевые слова: П. Мериме, М. Горький, национальность, романтизм, свобода, гордость.

Многие важные темы русской литературы – свобода социальная и личная, красота внешняя и внутренняя, поиск правды, честь и справедливость, вера, моральные и нравственные ценности, соборность и индивидуализм – во многом пересекаются с цыганской тематикой, но формулируют при этом особую тему – тему судьбы России. Так, в 1908 г. А. Блок пишет драму «Песня Судьбы», в которой национальный путь России показан через призму мировоззрения цыганки.

Если рассуждать непосредственно о цыганской теме и ее реализации в русской и зарубежной литературе, то неизменно ее видение в наших глазах будет окрашено ореолом романтического художественного метода. И в большей степени это действительно так, поскольку архетипичный образ цыганской национальной составляющей создан в исключительных, ярких, контрастных и выразительных концептах. Однако добавим, что вопрос национальной цыганской психологии исследовался и до романтиков, и после. Это свидетельствует о том, что сегодня общекультурное понимание этой нации шире романтических художественных стереотипов.

Сюжет анализируемой нами новеллы Проспера Мериме «Кармен» (1845) обрамлен рамочной композицией, включающей археологические и этнографические заметки автора. Этот будто бы дополнительный материал составляет второе повествовательное ядро новеллы и придает ей ту достоверность и реалистичность, которые позволяют нам характеризовать главных героев – Кармен и Хосе – не только как исключительных героев в исключительных обстоятельствах (речь об их романтичности с точки зрения художественного метода), но и как типичных представителей своих народов.

О том, что Кармен и Хосе – страстные испанцы, обычному читателю известно довольно хорошо. А вот о рамочной композиции новеллы и национальной принадлежности героев (как ее определил автор, а не дальнейшая популяризация новеллы в искусстве и культуре) помнят далеко не все.

Стоит, однако, уточнить, что в данной статье мы не будем касаться исключительно национальности испанцев или цыган: эти темы в литературоведческих изысканиях не новы. Мы посмотрим на реализацию национальной темы как таковой именно в малой прозе. Акцент делается не столько на описании особенностей конкретных национальностей, сколько на размышлениях о трагических недопониманиях людьми друг друга, столкновении различных систем ценностей из-за принадлежности героев к разным нациям. В этих рассуждениях особую роль приобретает тот факт, что мы наблюдаем за этими конфликтами не в рамках широт пространных романов, а среди четких, конкретных, лаконичных и выразительных сюжетов малой прозы.

В первой части нашего исследования, касающейся новеллы «Кармен» П. Мериме, мы постараемся определить, почему национальный характер Хосе и Кармен стал основой мира героев. Кармен и Хосе для широкой публики являются символами страстей, обуревающих испанцев. Действие новеллы происходит в Андалусии – в южной Испании. «Испанские вкрапления эксплицитно помещают повествование в испанский контекст» [Чеснокова, с. 61]. «Отдельную черту интертекстуальности и эстетики текста составляют комментарии и аллюзии испанской культуры: объяснения рассказчика об андалузском произношении, испанских бытовых традициях, о символике боя быков и др.» [Чеснокова, с. 63].

Однако Кармен – это цыганка, а Хосе – баск, они принадлежат к разным народам, демонстрируют разные культурные парадигмы. Они отличаются от испанцев, а также друг от друга. Герои являются типичными представителями своих народов. «Баскские и цыганские вкрапления соотносят текст с зонами Хосе и Кармен, соответственно» [Там же, с. 61]. Мериме оказался удивительно прозорлив, показав национальную и социально-историческую обусловленность любовного и нравственного конфликта Хосе и Кармен.

«В новелле «Кармен», Мериме открывает особую тему народа басков и цыган, как хранителей жизненной энергии нации, как носителей высоких этических идеалов по отношению к представителям испанского народа. В ряде отрывков новеллы подчеркивается некоторая отчужденность выходцев из баскских земель, например, от андалузцев, их взаимное неприятие особенностей поведения друг друга. Автор обращается к представителям народной среды и показывает особые душевные качества, которые, по его мнению, уже потеряны буржуазными кругами испанцев: цельность характера, страстность натуры, бескорыстие и внутренняя независимость. Например, даже уже став разбойником, главный герой новеллы Хосе не нарушает правил гостеприимства и доброжелательности к чужеземцам, разделившим с ними сигару и кров» [Нужная, с. 44].

«Разница в жизненном укладе басков с их крестьянской, патриархальной моралью и цыган с их природной вольницей настолько велика, что страсть между Хосе и Кармен закономерно должна была завершиться катастрофой. <…> Он сразу понимает, что эту девушку никогда не примут у него на родине, но не может совладать со своей страстью. Думается, что судьба Хосе особенно драматична потому, что унаследованный им от народа страстный темперамент, в

полной мере раскрывающийся в чувствах к Кармен, вступает в конфликт с традиционным для его народа пониманием долга и чести. Что касается цыган, то особое место в их сознании занимает понятие коллективной, таборной свободы, которое, как верно показывает П. Мериме, является неиндивидуальным, а родовым качеством» [Козлова, с. 28]. В исторической справке и сюжете новеллы автор обобщает эти черты в образе Кармен: «Им нужно понравиться, их благосклонность нужно заслужить» [Мериме, с. 385]. «Хосе и Кармен разделены не только традициями, национальностью, но и верой. Героям не суждено быть вместе в силу разницы их религиозных убеждений, потому что воспитанный в христианских традициях баск Хосе, не смирился бы с поведением женщины, от одного взгляда на которую люди на его родине осеняли себя крестным знамением» [Козлова, с. 28]. Мериме-романтик фокусирует свой взгляд на идеалах свободы, выраженных в женском и мужском образах, как реалист Мериме «изображает характерные особенности внутреннего уклада цыган и национальную специфику их быта и нравов» [Там же, с. 28].

Именно этот культурный контраст, противопоставление традиций и обычаев и приводят судьбы героев к драматическому исходу. Таким образом, новелла является ярким примером формирования национальных стереотипов.

Но человеческая драма, которая рассказывается в новелле, не может по-настоящему объяснить поэтическую загадку характера Кармен, поэтому романтическая составляющая произведения конкретизируется реалистическим компонентом, и здесь Мериме объективен: он показывает читателю, что национальная составляющая характера человека также важна для него, как и его личные принципы и жизненные установки. При этом автор не делает выбор в пользу одного из героев или его национальности, он аналитично рассуждает о национальных и культурных особенностях, подводя читателя к мысли о том, что все народы в равной степени достойны уважения. Анализ включенных в текст этнографических заметок позволяет сделать вывод, что интерес к цыганскому народу, с жизнью которого Кармен связана неразрывными узами, пронизывает всю ткань произведения и составляет второй его повествовательный центр. Образ Кармен призван подчеркнуть главные особенности цыган, разгадать загадку этого народа. На примере ее судьбы изображается национальный цыганский колорит, демонстрируется уклад жизни цыган и их менталитет.

Говоря о специфике романтического художественного мировоззрения и внутреннем конфликте национальностей, невозможно не вспомнить образ прекрасной Эсмеральды, созданный В. Гюго («Собор Парижской Богоматери», 1831). Эсмеральда, украденная и воспитанная цыганами, является урожденной француженкой, что, по мнению повествователя, определяет ее характер, который лежит на стыке двух мировоззренческих парадигм.

Почему же Кармен, Эсмеральда, Фаина (у Блока), Алеко и Земфира (у Пушкина), Лойко и Радда (у Горького), а также многие другие герои-цыгане становятся столь удачными художественными образами для раскрытия национальной темы?

Как справедливо замечает Г. А. Козлова, у цыган имеется один очень яркий маркер идентичности, который заключается в противопоставлении себя другим. Для них характерно «психологическое разделение мира на цыган и нецыган» [Козлова, с. 26]. Такая своеобразная национальная черта делает эту нацию столь непохожей на другие и потому яркой для художественного изображения.

Переходя к анализу цыганских образов, созданных М. Горьким, подчеркнем важность некоторых текстовых особенностей новеллы Мериме, чтобы в дальнейшем сопоставить анализируемые тексты.

Для Мериме важно подчеркнуть несоответствие и невозможность любви Хосе и Кармен не только как отдельных сильных и ярких личностей, но и как представителей разных народов.

Важно и то, что образы героев новеллы Мериме даны нам через призму взгляда ученого-археолога, что формирует особую специфику научного подхода и интереса к быту и национальным особенностям (языку, культуре, традициям, верованиям и пр.). Повествователь-исследователь в своей оценке национального мира Кармен вполне объективен. В художественном тексте в образе героини видны не только яркое и свободолюбивое начало, ее неприступность, но и хитрость, коварство, готовность пойти на обман и воровство.

Однако образ Кармен уже очень давно вышел за пределы литературного текста, широкая публика воспринимает его в романтичном ключе. Дальнейшая трансформация образа придала героине более опоэтизированный облик, нежели его создал сам Мериме. Конечно, Кармен привлекает своим характером – она независимая, гордая, красивая. Она цельная натура, любящая свободу и протестующая против всякого угнетения. В ней есть статность, грация и уверенность в себе. Эти качества и привлекают к ней мужчин, в том числе Хосе и рассказчика. «Но, если цивилизованный путешественник ясно видит в этой женщине недостатки, которые могут быть опасными, то Хосе полностью отдается своему чувству и, ослепленный страстью, доходит до преступления. Однако герой готов измениться и начать новую жизнь. Что касается Карменситы, то её вполне устраивает ее преступная жизнь. Она привыкла забирать чужое. Кармен не знает чувства ответственности, верности, заботы, любви. Для неё нормальным считается факт измены» [Дорофеева, с. 2–3]. Таким образом, рассказчик в новелле Мериме, несмотря на романтический канон, в рамках которого описывается Кармен, дает ей довольно правдивое, реалистичное описание.

Разговор о национальном характере героев малой прозы М. Горького хочется начать с интересной идеи о том, что «все цыгане русской классической литературы красивы и благородны» [Сугай, с. 34]. Действительно, в восприятии русских (в дальнейшей интермедиальной судьбе новеллы это перешло и на образ Кармен) с понятием цыгане ассоциировались свобода, воля, красота и страсть.

В таких категориях существуют и герои рассказа «Макар Чудра» (1892) Максима Горького. Охарактеризуем особенности национального менталитета главных героев произведения, сопоставив данный текст с новеллой «Кармен». В первую очередь обращает внимание на себя рамочная композиция рассказа, характерная также для новеллы Мериме, и особенный образ рассказчика, который

своей мудростью и знанием жизни возвышает идейную концепцию рассказа от романтической легенды до псевдореальной были. Схожую функцию приносит в текст и ученый-этнограф – рассказчик истории любви Кармен и Хосе.

Макар Чудра, от имени которого ведется повествование в одноименной повести, старый цыган. Его знание жизни, опытность, философская и житейская мудрость располагают к нему читателя и заставляют верить его словам. Макар Чудра – яркая фигура в галерее национальных цыганских образов русской литературы. Его описание дано на фоне романтизированной и опоэтизированной природы, и он настолько органично входит в этот мир, что его воля, гордость, непоколебимость и уверенность являются не столько чертами характера, сколько естественным природным началом.

«Онтология свободы / природной воли, поэтизируемая писателем, определяет мироощущение и жизнепереживание героя, которое он раскрывает собеседнику, исповедуя перед ним «символ веры», моральное кредо своего народа, выступая его «адвокатом» и его «персонификатором» [Урюпин, с. 66]. Принадлежность к нации как основа картины мира формирует в Макаре Чудре отчужденность от оседлого образа жизни, сельского труда и тяги к земле. Но национальностью обусловлена также свобода героя от власти денег и собственнических претензий [Ширванова, Айгубов, с. 141].

Чтобы подчеркнуть своеобразие образа Макара Чудры М. Горький сопоставляет цыгана и русских. Характеристику им дает сам Чудра, который в своей речи подмечает, что у русских слова расходятся с делом. И настолько Чудре внутренне противоречит это притворство, что заканчивает он свой монолог так: «Он плюнул в костер и замолчал, снова набивая трубку» [Горький, с. 4]. Любопытно, что столкновение взглядов цыгана и «рваного» русского было вызвано разным отношением к Богу и вере. Аналогичный конфликт также формирует противоречивость образов «Кармен», ведь «главный конфликт новеллы П. Мериме усложняется столкновением не только двух сильных и неистовых романтических характеров баска Хосе и цыганки Кармен, но и противостоянием менталитетов, христианского и языческого» [Козлова, с. 28].

Отметим, что контраст, сопоставление и параллелизм являются крайне частотными приемами романтического художественного метода. Вся архитектоника новеллы П. Мериме построена на контрасте художественных образов, традиций, культур, обычаев и верований. Социальный контраст, например, выражен в ярком сравнении жизненных укладов двух центральных героев новеллы: ограниченность и условность требований военной дисциплины сталкивается с динамичностью и свободолюбием цыган и контрабандистов.

Продолжая размышлять о героях рассказа «Макар Чудра» приведем замечание Г. А. Козловой: «Во многих русских и зарубежных произведениях жизнь цыган, как правило, романтизировалась и показывалась излишне красочной, эмоциональной и событийной» [Козлова, с. 26]. Такой невероятной, исключительной и поразительной изображена любовь и губительная страсть Лойко и Радды, двух сильных характеров, о которых рассказывает Макар Чудра. И чем необычнее описываемая ситуация, тем интереснее увидеть точки пересечения

художественных реальностей, созданных в текстах Горького и Мериме. В первую очередь нас привлекает женский образ.

«Образ цыганки, существуя несколько веков и наследуя качества таких романтических героинь, как Земфира А. С. Пушкина и Кармен П. Мериме, и найдя свое воплощение в образе Радды, превратился в символ гордого свободолюбия, страстности, естественности, неординарности личности, ее силы и истинной красоты – в символ романтической мечты о вечной и абсолютной свободе человека» [Волкова, с. 105].

Несмотря на то, что художественные образы были созданы в рамках разных национальных культур (Мериме – француз, Горький – русский), общий абрис характеров героинь повторяется. Радда, как и Кармен, обладает типичными для литературы цыганскими чертами: свободолюбие, притягательная красота, гордость, неукротимый нрав, неприступность чувство собственного достоинства и любовь к воле, которая для нее превыше всего. Образы вербализированы в сходных (а в некоторых фрагментах текста и одинаковых) лексемах: «царственно красивая и гордая фигура Радды» [Горький, с. 13], «сатана девка» [Горький, с. 10], «дьявольская девка» [Горький, с. 12], «такая красивая» [Мериме, с. 374], «цыганка и крестница сатаны» [Мериме, с. 353], «приспешница дьявола» [Мериме, с. 345], «эта женщина была демон (это была не женщина, а дьявол – в др. переводе)» [Мериме, с. 383].

Сопоставить можно и трагическую кончину цыганок. Герои мужчины не смогли вынести того, что гордые женщины им не покорилась. Дважды ножом Кривого ударил Хосе свою Кармен после того, как она сказала, что не может его любить и не хочет с ним жить. Невероятно быстро оказался в груди у Радды кривой нож Зобара, после того, так она заставила Лойко Зобара упасть ей в ноги.

Для женщин любовь к свободе и независимости оказалась сильнее плотской любви, мужчин же уязвленное чувство собственного превосходства привело к преступлению. При этом для них любовь к ярким цыганкам оказалась превыше любви к свободе и воле, что вступило в противоречие с их национальным менталитетом, поэтому привело к трагедии.

«Жажда свободы у героев Горького, особенно у цыган, так сильна, что даже любовь они воспринимают как покушение на нее, как цепи. Их любовь вступает в конфликт с жаждой свободы <…> Конечно, их независимость и гордость восхищают, но одновременно обрекают на одиночество и невозможность счастья. Выходит, что в своем стремлении к свободе любой ценой они становятся рабами этого чувства: они готовы скорее отдать жизнь за свободу, чем пожертвовать чем-то ради любимого» [Ширванова, Айгубов, с. 142].

Конфликт личности с окружающей действительностью становится центральным в ранних рассказах М. Горького. Причем речь идет о сильных личностях – гордых, одиноких, свободолюбивых. В произведениях эти психологические качества оцениваются по-разному, но так или иначе они присущи всем анализируемым нами героям: Радде, Лойко, Чудре, Данко и Ларре.

В галерее художественных образов Горького немало выразительных и самобытных персонажей, изображение которых создано на стыке романтического и реалистического методов. Говоря о значимой функции рассказчика, которую реализовывает Макар Чудра, нужно вспомнить и о Старухе Изергиль из одноименного рассказа («Старуха Изергиль», 1895). Два этих произведения могут быть объединены композиционными особенностями (рассказ в рассказе, как и в новелле «Кармен»), спецификой образа повествователя-рассказчика, его опытностью и мудростью и тем способом, который М. Горький выбирает для отбора житейского материала, чтобы превратить его в художественную реальность.

«Старуха Изергиль» продолжает тему «Макара Чудры». Автор снова задается вопросом: в чем счастье человека – в жизни для людей или в свободе? Истории, рассказанные Изергиль, дают возможность читателю получить ответ на этот вопрос. Но темы свободы и воли, обрамленные в «Макаре Чудре» национальным колоритом, в «Старухе Изергиль» рассматриваются вне его: созданные Горьким образы (Данко, Ларра) не имеют национальной атрибутики. Автору важно было изобразить индивидуальный характер – гордый, самобытный, исключительный, утверждающий свое право на свободу и волю.

Однако и герои рассказа «Макар Чудра» не могут быть охарактеризованы нами как типичные представители своей нации. Ранние рассказы Горького довольно символичны. «Романтическое бунтарство писателя питалось неприятием действительности. Горький мечтал о сильных, волевых натурах, о людях-борцах, но не находил их в реальности. Молодой писатель отрицал безгеройность окружающей его жизни. Серому, обывательскому существованию он противопоставил яркий, экзотический мир своих рассказов» [Аушева, Хадзиева, с. 2]. Следуя канонам романтизма, Горький идеализирует своих героев, а действие рассказов помещает в окружение романтических стихий. «Цыганская мятежная душа, опоэтизированная М. Горьким, оказалась выразительницей возвышенно-героического революционного духа эпохи» [Урюпин, с. 69].

Героев ранних рассказов Горького объединяет то, что «все они – вольные и гордые дети природы, живущие естественной жизнью вдали от цивилизации» [Ширванова, Айгубов, с. 139]. Для описания такого естественного человека как нельзя лучше подходит колорит цыганской нации, но в других текстах Горький отходит от национальной тематики и сосредотачивается на описании характера.

Исключительность изображаемого характера, его индивидуализм и живость являются ключевыми чертами малой прозы XIX в. Тексты вобрали в себя концептуальную идеализацию романтизма и объективную типизацию реализма. Основой мира геров становится совокупность их моральных и нравственных жизненных принципов, которая определяет поступки персонажей в описываемых ситуациях. Чаще всего психология героев объясняется их менталитетом, принадлежность к нации определяет их индивидуальный психологический облик. Но нельзя не отметить, что существуют также произведения, к которых индивидуально-личностные психологические черты настолько гипертрофированы, что национальность характера героя уходит на второй план и интересует автора в меньшей степени.

Список источников

1. Аушева А. Б. Восприятие художественного мира ранних рассказов М. Горького современниками / А. Б. Аушева, А. А. Хадзиева // Вестник науки и образования. – 2017. – № 2(26). – С. 57–59.
2. Волкова А. А. Образ цыганки Радды в рассказе М. Горького «Макар Чудра» // Художественное образование и наука. – 2018. – № 2. – С. 101–105.
3. Горький М. Макар Чудра. Ранние произведения. – М.: Сов. Россия. – 1984. – 64 с.
4. Дорофеева Н. В. «Губительные страсти» главных героев в произведениях П. Мериме «Кармен» и Ф. Стандаля «Красное и черное» / Н. В. Дорофеева, Г. А. Козлова // Colloquium-Journal. – 2019. – № 3-3(27). – С. 67–68.
5. Козлова Г. А. «Цыганская тема» в контексте диалога русской и зарубежной литератур // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 7-3(76). – С. 25–28.
6. Мериме П. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2: Повести и новеллы. – М.: Правда, 1963. – 519 с.
7. Нужная Т. В. Специфика образов главных героев в новелле П. Мериме «Кармен»: имагологический аспект / Т. В. Нужная, Э. А. Сафиуллина // Филология. – 2020. – № 5(29). – С. 42–46.
8. Сугай Л. А. Цыганский топос в русской художественной культуре XVIII – начала XX века // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2016. – № 3-4. – С. 24–37.
9. Урюпин И. С. Пушкинские «Цыганы»: об одном сюжетном прецеденте в рассказах М. Горького и И. А. Бунина // Сибирский филологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 63–72.
10. Чеснокова О. С. «Кармен» П. Мериме в парадигме интертекстуальности // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2013. – № 3(3). – С. 59–68.
11. Ширванова Э. Н. Образы героев-бунтарей в романтико-реалистических рассказах М. Горького / Э. Н. Ширванова, А. Б. Айгубов // Филологические этюды: сборник научных работ молодых ученых, аспирантов и студентов. Том Вып. 7. – Махачкала: Общество с ограниченной ответственностью "АЛЕФ", 2019. – С. 139–143.

Сведения об авторе

Красникова Олеся Николаевна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5660-524X, e-mail: oln.krasnikova@gmail.com

УДК 070 : 004.738.5 (075.8)
ГРНТИ 19.31

Этнический маркер в заголовках новостного текста (по материалам интернет-СМИ)

Л. В. КУДРИНА

В данной работе анализируется практика применения журналистами этнических маркеров в заголовках новостных материалов. Отмечается, что правовое регулирование и современные кодексы журналистской этики содержат строгие ограничения на использование этнических маркеров, рассматривая их как потенциально дискриминационные. В контексте российской медиасреды наблюдается стремление к достижению баланса между правом на получение информации и ответственностью за создание конструктивного межнационального диалога. Данный подход позволяет минимизировать риски эскалации межэтнической напряженности и способствует формированию более толерантного общественного сознания.

Ключевые слова: этнический маркер, интернет-СМИ, заголовок, этноним, новостной текст.

В условиях информационной перегрузки современного медиапространства заголовок новостного текста выполняет ключевую коммуникативную функцию. Название журналистского материала выступает первичным когнитивным стимулом, определяющим решение читателя о целесообразности ознакомления с полным текстом сообщения. Кроме того, заголовки представляют собой неотъемлемый компонент стратегии продвижения сетевых медиа в поисковых системах. Результаты исследований доказывают, что за два последних десятилетия заголовки онлайн-новостей стали более длинными, эмоциональными и негативными [Nickl, Moussaïd, Lorenz-Spreen][1]. Этнические маркеры выполняют в СМИ функцию «якоря», мгновенно привлекающего внимание читателя.

К лингвистическим этническим маркерам относятся собственно этнонимы, прилагательные от этнонимов (таджикский, белорусский), этнотопонимы (Калмыцкий поворот, Турецкая гора), этнофолизмы (этнические прозвища) и другие этноспецифические обозначения. Этноним представляет собой лингвистический элемент текста, указывающий на этническую принадлежность участников события, группы или территории. Ограничимся в данной работе этнонимами и прилагательными, образованными от них, как самыми частотными лексическим единицами в сетевых изданиях.

По результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. национальный состав России определен следующим образом: *русские, татары, чеченцы, башкиры, чуваши, аварцы, армяне, украинцы, даргинцы, казахи, кумыки, кабардинцы, ингуши, лезгины, осетины, мордва, якуты (саха), азербайджанцы,*

[1] Nickl, P., Moussaïd, M. & Lorenz-Spreen, P (2025). Эволюция заголовков онлайн-новостей // Humanit Soc Sci Commun 12, 364. Available at: https://doi.org/10.1057/s41599-025-04514-7 (accessed 9 February 2026).

буряты, марийцы[1]. По мнению этносоциологов, более 6% населения страны составляют народы ближнего зарубежья, таким образом как единицы контент-анализа в анализ включены такие лексемы, как *белорусы, молдаване, таджики, грузины, узбеки, киргизы, туркмены, эстонцы, латвийцы, литовцы* [Богоявленский, с. 88]. «В качестве эталона выступает человек славянско-европейской наружности, россиянин, русский, чаще москвич, христианин, коренной житель. Все отличия от данного эталона получают в языке СМИ трактовку как этнические» [Жуковская Н. В., Нужнова Е. Е., с. 74]. Из анализа исключаются лексемы, связанные со словом «украинец», «украинский», как не имеющие отношение к теме исследования, поскольку они используются в контексте Специальной военной операции.

В рамках данного исследования проанализируем пять самых популярных интернет-ресурсов СМИ по статистике Liveinternet: РБК – РосБизнесКонсалтинг, Городские медиа Shkulev Holding, РИА.Новости, Комсомольская правда-Digital, Lenta.Ru[2]. Отметим также, что в подборку вошли разные по типологии ресурсы, среди них деловое издание РБК, новостное агентство РИА.Новости, общественно-политические СМИ, Комсомольская правда-Digital и Lenta.Ru, а также сеть городских сайтов Shkulev Holding, из которой предполагается рассмотреть Фонтанку.ру. Методология анализа основана на контент-анализе новостной ленты вышеуказанных ресурсов с 1 по 28 февраля 2026 г.

Рассматривая тексты СМИ с этнической лексикой, следует также определить понятие «стереотип». Широкое распространение получило определение Липпмана социальных стереотипов как «упорядоченных, детерминированных культурой "картинок мира" в голове человека, которые оптимизируют его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [Липпман, с. 27]. Медиасреда выступает не просто каналом трансляции этнических стереотипов, но и активным агентом их конструирования в общественном сознании. Об этом пишут такие российские ученые, как Жуковская Н. В., Нужнова Е. Е., Таганова Т. А., Кряклина Т. Ф., Хантаев С. Н. и др. Этнонимы, используемые в средствах массовой информации, отражают культурные особенности, исторические события и взаимоотношения между регионами, что способствует формированию стереотипных представлений.

В новостном интернет-издании Лента.ру за указанный период обнаруживается только один материал: *Напавший на ребенка в российском аэропорту избежал тюрьмы* с подзаголовком *В отношении белоруса возбудили уголовное дело о покушении на расправу*[3]. В целом в данной публикации этническая принадлеж-

[1] Росстат Всероссийская перепись населения 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Рейтинг сайтов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.liveinternet.ru/rating/ru/media/ (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Напавший на ребенка в российском аэропорту избежал тюрьмы. [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru/news/2026/02/05/napavshiy-na-rebenka-v-rossiyskom-aeroportu-izbezhal-tyurmy/ (дата обращения: 11.02.2026).

ность «белорус» используется еще раз в бэкграунде новости *В отношении белоруса возбудили уголовное дело о покушении на расправу.* Также редакция Ленты.ру указывает на гражданство главного героя публикации в лиде новостного текста *Химкинский суд Московской области отправил на принудительное лечение гражданина Белоруссии Владимира Витикова, который бросил ребенка об пол в аэропорту Шереметьево.* В свете повышенного общественного резонанса, вызываемого подобными инцидентами, необходимо акцентировать внимание на его юридическом аспекте, который включает в себя гражданство правонарушителя. Упоминание гражданства героя публикации служат в данном тексте также для передачи полной картины происшествия. При этом в заголовке новостного текста не содержится никаких этнических маркеров.

Также в выборку попал новостной текст *В России начались акции армян в защиту Армянской Апостольской церкви,* в котором встречается прилагательное *армянский*[1]. Данный заголовок фактологический, он информирует о событии, следовательно, использование слова «армянский» мотивированно. Таким же фактологическим является заголовок РБК: *Скрябин: белорусы хотят перенимать у Ростова-на-Дону опыт по работе ТЦ*, в котором речь идет об обмене опытом в практике успешных торгово-развлекательных центров[2]. Анализ новостных текстов издания РБК показал, что в заголовках за указанный период не используются другие этнонимы и производные от них. В интернет-издании Фонтанка.ру найдены всего два заголовка новостных текстов: *Азербайджанский суд отправил на пожизненное бывшего президента и министра обороны Нагорного Карабаха, Кадыров сообщил о возвращении чеченских военнослужащих из украинского плена*[3]. В РИА Новости выявлены следующие заголовки с этнонимическими прилагательными: *Грузинский оппозиционер заявил о важности диалога с Россией, "Спартак" обыграл армянский "Пюник" в товарищеском матче в ОАЭ, "Ростов" разгромил армянский "Ноа" в товарищеском матче, Армянского архиепископа Микаэла перевели под домашний арест, Армянский скрипач рассказал о предоставлении своей музыки для Гуменника, "Локомотив" обыграл армянский "Урарту" в контрольном матче, Одной из целей "Маршрута Трампа" является армянский уран, считает эксперт, Армянский скрипач поблагодарил Гуменника за выбор музыки для проката, Футболист азербайджанского клуба получил ранение при нападении в Гяндже, "Крылья Советов" разгромили киргизский клуб в товарищеском матче, СМИ: эстонские перевозчики пострадают от ограничений на границе с Россией, "Эстонский гений": слова Каллас о России поразили журналиста*[4]. Отметим также, что в заголовках сайта информационного

[1] В России начались акции армян в защиту Армянской Апостольской церкви [Электронный ресурс]. URL: https://lenta.ru (дата обращения: 11.02.2026).

[2] Скрябин: белорусы хотят перенимать у Ростова-на-Дону опыт по работе ТЦ. [Электронный ресурс]. URL: https://rostov.rbc.ru/rostov/freenews/6984a2509a7947dcd47704bb (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Фонтанка.ру. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fontanka.ru (дата обращения: 14.02.2026).

[4] РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

агентства РИА.Новости за анализируемый период не нашлось ни одного этнонима, а этнонимические прилагательные *армянский, киргизский, эстонский* не несут эмоциональной нагрузки. Они обеспечивают точность сообщения и задают географический контекст, выполняя информационную функцию СМИ.

Сравним с архивом публикаций за 2001–2023 гг. тех же самых интернет-СМИ, которые участвуют в выборке. Среди типичных фактологических заголовков встречаются следующие: *Гуляющего по московскому пляжу чеченца с пистолетом сняли на видео* (Лента.ру, 05.08.2022 г.), *Расстрелявший 39 человек в клубе Стамбула узбек получил 40 пожизненных сроков* (Лента.ру, 08.09.2020), *Пьяные белорус и россиянин подрались с охранниками храма в Сочи* (Лента.ру, 12.06.2023), *Молдавских нищих завозят в Петербург оптом* (Фонтанка.ру, 30.05.2001), *Грузин с затянувшимся частным визитом оставил жителя Ленобласти без машины в Петербурге* (Фонтанка.ру, 12.05.2021), *Таджики едва не замуровали писательницу Шилову в ее же квартире* (РБК.ру, 12.02.2013) и др.

Таким образом, в рамках исследования самых читаемых российских интернет-ресурсов за февраль 2026 г. не обнаружено ни одного этнонима. Тогда как еще десять-двадцать лет назад в общественной дискуссии вокруг СМИ обсуждались постоянные упоминания этнической принадлежности героев публикации в новостной событийной ленте, особенно в криминальной сфере. Так, жительница Санкт-Петербурга Светлана Васильева обратилась в Общественную коллегию с жалобой на материал *В деле чеченского Rolls-Royce нашлась женщина*, опубликованный на сайте «Фонтанка.Ру». Коллегия материал оправдала, указывая, что «… в тексте материала, ставшего причиной информационного спора, национальный признак как некий ярлык использован не был»[1]. Существует Гильдия межэтнической журналистики России, которая регулярно проводит круглые столы, лекции и семинары-тренинги для журналистов, этноактивистов и представителей разных уровней власти по грамотному освещению межнациональной тематики в СМИ.

В 2022 г. парламент Чеченской Республики внес в Госдуму законопроект о запрете на распространение в СМИ сведений о национальной принадлежности и вероисповедании лиц, причастных к совершению преступлений. Правительство России отклонило законопроект, поскольку существующая ст. 51 Закона РФ о СМИ запрещает журналистам «распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан исключительно по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии». Кроме того, закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещает распространение информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды. Действующих законодательных норм вполне хватает для того, чтобы гарантировать справедливое и беспристрастное освещение событий в средствах массовой информации.

[1] Общественная коллегия по жалобам на прессу. [Электронный ресурс]. URL: https://presscouncil.ru/ (дата обращения: 15.02.2026).

Среди норм, ограничивающих использование этнических маркеров в деструктивных целях, следует вспомнить также ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды», которая запрещает язык вражды, связанный с этническими признаками. Международный кодекс журналистской этики 1954 г., Кодекс профессиональной этики российского журналиста 1994 г. и многие другие рекомендуют избегать дискриминационных формулировок. Оптимальная стратегия для журналиста во все времена заключается в сохранении баланса между правом на информацию и ответственностью за формирование межнационального диалога.

Список источников

1. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. – М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.

2. Богоявленский Д. Д. Этнический состав населения России // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 88–93.

3. Жуковская Н. В., Нужнова Е. Е. Языковые средства отражения этнических стереотипов в современных СМИ // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – №1. – С. 74–81.

Сведения об авторе

Кудрина Лада Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-6717-5057, e-mail: gorodkommunar@yandex.ru

УДК 821.111.09
ГРНТИ 16.41.21, 16.21.27

Кодовое переключение как маркер «своего» и «чужого» в романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта»

Ю. И. ЛАПИНА

В статье анализируется кодовое переключение в романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» как средство маркирования границ между «своим» и «чужим». На материале оригинала рассматриваются функции латинских, французских и итальянских вкраплений. Выбор языка определяет статус, образование, степень интимности и служит исключением нежелательных слушателей.

Ключевые слова: кодовое переключение, билингвизм, Джон Фаулз, «свой/чужой», социолингвистика, художественный текст, идентичность.

В современном мире, где межкультурные контакты становятся повседневностью, проблема конструирования идентичности через язык приобретает особую актуальность. Художественная литература, созданная писателями-полилингвами, предоставляет уникальный материал для наблюдения за тем, как языковой выбор автора и персонажей превращается в инструмент маркирования «своего» и «чужого». Роман Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (1969) представляет собой яркий пример такого рода: будучи сам полилингвом (автор владел английским, французским, немецким, латынью), Фаулз насыщает текст случаями кодового переключения между этими языками, делая языковую игру важнейшей характеристикой идиостиля.

Современные исследования подтверждают, что кодовое переключение в художественной литературе перестало восприниматься как погрешность или неумение обходиться ресурсами одного языка; напротив, оно трактуется как сложный процесс, требующий мастерства исполнения, и рассматривается как эффективный способ передачи имплицитной информации о происхождении героя, его социальном статусе и эмоциональном состоянии [Цыганкова, 2023, с. 137]. Как отмечает Н. В. Кондратьева, в рамках антропоцентрической парадигмы развития современной гуманитарной науки проблема кодового переключения является одним из актуальных и широко обсуждаемых вопросов как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике последних десятилетий [Кондратьева, 2023].

Цель данной статьи – выявить, как феномен кодового переключения в романе Фаулза служит маркером оппозиции «свой/чужой» и раскрывает динамику идентичности персонажей в контексте викторианской Англии.

1. Кодовое переключение как социолингвистический феномен: современные подходы

Под кодовым переключением (code-switching) в современной лингвистике понимается переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (или языкового варианта) на другой в зависимости от условий коммуникации [Беликов, Крысин, 2201, с. 28]. Это явление неотделимо от билингвизма и поли-

лингвизма: оно возникает там, где индивид или сообщество использует более одного языкового кода. Как отмечает К. Доран, кодовое переключение представляет собой «действие переключения между языками для более эффективной передачи информации реципиенту» [Doran, p. 2].

Исследователи выделяют ряд функций кодового переключения: выражение солидарности с определенной социальной группой, исключение из разговора нежелательных слушателей, смена темы или роли говорящего, цитирование, восполнение лексической лакуны, а также создание стилистического эффекта [Багана, Блажевич, 2010, с. 64–66; Gardner-Chloros, 2010, p. 102]. В художественной литературе эти функции приобретают особую значимость, так как они напрямую работают на характеристику персонажей и воссоздание историко-культурного контекста.

Согласно современным классификациям, в художественных текстах кодовое переключение может выполнять референциальную функцию (обозначение понятий, отсутствующих в языке-реципиенте), текстообразующую (заполнение лексических лакун), контекстуализирующую (более подробное описание ситуации или характеристики), интертекстуальную (связь с другими текстами) и дискурсивную (выделение фрагмента текста) [Жиганова, 2014, с. 3–5]. В романе Фаулза можно обнаружить все перечисленные функции.

Произведение Дж. Фаулза интересно тем, что действие происходит в викторианской Англии, где владение латынью и французским языком было маркером образования, социального статуса и профессии. Герои – палеонтолог Чарльз Смитсон, гувернантка Сара Вудраф, доктор Гроган – используют переключение кода в соответствии со своей социальной ролью, коммуникативным намерением и ситуацией. Языковой выбор здесь никогда не случаен: он всегда мотивирован и служит для проведения границ между «своими» и «чужими».

2. Латынь как язык «своих»: наука, статус, солидарность

В романе латынь выступает, прежде всего, как язык науки и образования. Чарльз Смитсон, талантливый палеонтолог, в своих размышлениях и диалогах использует латинские названия ископаемых организмов: *Ichthyosaurus platyodon* (плоскозубый ихтиозавр), *Echinodermia* (иглокожие), *Isocrina* (группа морских лилий), *testa* (панцирь) [Fowles, 2004, p. 45]. Эти термины не только точно обозначают объекты его научного интереса, но и подчёркивают его принадлежность к миру учёных – сообществу, которое в викторианской Англии было немногочисленным и элитарным. Для тех, кто не владеет латынью (слуги, Эрнестина, обыватели), эти слова остаются «чужими», непроницаемыми.

Особенно показателен диалог Чарльза с доктором Гроганом. Доктор, обсуждая поведение Сары, цитирует Горация: «Dulce est desipere in loco» («Сладко подурачиться в нужном месте»), сокращая и перефразируя стих [Fowles, 2004, p. 240]. Это переключение на латынь выполняет функцию выражения солидарности – оба собеседника образованы и понимают язык, недоступный большинству. Латынь становится кодом, объединяющим двух джентльменов, создающим интеллектуальное пространство «своих», куда не допускаются посторонние.

В той же беседе доктор Гроган использует целую серию латинских выражений, описывая внутренний мир Сары Вудраф: «And then, in extremis and de profundis – or rather de altis – I cry to my savior for help» [Fowles, 2004, p. 245]. Здесь in extremis («на краю гибели»), de profundis («из глубин») и de altis («с высот», созданный доктором антоним к de profundis) выполняют контекстуализирующую функцию, позволяя более точно и ёмко описать противоречивое состояние героини. Доктор Гроган как бы примеряет на себя язык Сары, используя латынь для передачи её эмоциональных качелей. Одновременно это переключение демонстрирует его собственную образованность и право говорить о душевных состояниях – прерогативу, которую в викторианском обществе имели только представители высших сословий и интеллектуальных профессий.

Ещё один значимый пример – фраза Чарльза в разговоре с поверенным: «My guess is that you will be asked to make a confessio delicti» [Fowles, 2004, p. 315]. Поверенный, в свою очередь, переводит: «A statement of guilt?». Здесь латинский юридический термин *confessio delicti* («признание вины») используется в диалоге двух образованных людей, владеющих латынью. Чарльз без труда понимает значение, но перевод для читателя даётся через реплику поверенного, что также является своеобразным педагогическим приёмом автора.

Аналогичную функцию выполняет и выражение *infra dig* (сокращение от *infra dignitatem* – «ниже достоинства»), которое автор использует, характеризуя отношение Чарльза к написанию книги о путешествиях: «...there seemed to Charles something rather infra dig» [Fowles, 2004, p. 102]. Здесь латинское вкрапление подчёркивает, что для аристократа-джентльмена литературный труд ради заработка – занятие «недостойное», выходящее за рамки его социального круга. Таким образом, латынь маркирует не только образованность, но и сословные границы.

3. Французский язык: интимность, тайна, исключение

Французский язык в романе связан прежде всего с фигурой Сары Вудраф – «любовницы французского лейтенанта». Её прозвище уже маркирует её как «чужую» в глазах викторианского общества. Однако именно французский становится для неё инструментом создания интимного пространства с Чарльзом.

Самый яркий пример – письмо Сары, написанное по-французски:

«Je vous ai attendu toute la journee. Je vous prie --- une femme a genoux vous supplie de l'aider dans son desespoir. Je passerai la nuit en prieres pour votre venue. Je serai des l'aube a la petite grange pres de la mer atteinte par le premier sentier a gauche apres la ferme» [Fowles, 2004, p. 352].

Это письмо было передано открытым (не запечатанным воском), и его мог прочитать любой. Французский язык здесь выполняет функцию исключения нежелательных слушателей – Сара рассчитывает, что только Чарльз сможет его прочесть, а случайные свидетели (слуги, тётка Трэнтер) останутся в неведении. Таким образом, французский становится языком «своих» для двоих, создавая тайное пространство, скрытое от враждебного общества.

Показательно, что предыдущее письмо Сары, содержавшее только просьбу о встрече без указания места и времени, было написано по-английски и запечатано воском. Переключение на французский во втором письме – осознанная стратегия, демонстрирующая рост доверия к Чарльзу и одновременно необходимость защитить информацию от посторонних.

В диалогах Сары и Чарльза французские вкрапления также подчёркивают особый характер их отношений. Когда Чарльз, раздражённый новой встречей, говорит: «…я могу догадаться, почему меня теперь вызывают, чтобы нанести coup de grâce» [Fowles, 2004, p. 401], он использует французский военный термин «добивающий удар». Это переключение кода придаёт его словам особую драматичность и одновременно указывает на то, что Сара, будучи гувернанткой, владеет французским и поймёт эту метафору.

4. Переключение как игра с границами: ирония и иерархия

Кодовое переключение может служить и инструментом иронического дистанцирования. В диалоге Чарльза со своим слугой Сэмом, который говорит на диалекте кокни, возникает эпизод, когда Сэм произносит: «Er, sir». Чарльз немедленно откликается: «Ursa? Are you speaking Latin now?» [Fowles, 2004, p. 156], обыгрывая омонимию (лат. *ursa* – «медведица»). Этот каламбур, основанный на переключении кода, подчёркивает пропасть между образованным аристократом и необразованным слугой. Для Сэма латынь – абсолютно «чужой» язык, и шутка Чарльза одновременно демонстрирует его собственное превосходство и высмеивает Сэма. Здесь граница «свой/чужой» проходит по социально-классовому признаку.

В разговоре с тем же Сэмом Чарльз допускает и другой каламбур, связанный с произношением слуги. Не слишком грамотный Сэм произносит: «We're not 'orses. We're 'ooman beings» [Fowles, 2004, p. 163], путая слово «horse» (лошадь) с «hours» (часы) в предыдущей реплике хозяина. Чарльз, понимая эту ошибку, не поправляет слугу, но автор даёт читателю возможность оценить комизм ситуации. Это пример языковой игры, где диалектное произношение служит маркером социальной иерархии, а молчаливое понимание Чарльза подчёркивает его статус.

Таким образом, роман Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» представляет собой образец полилингвальной литературы, где кодовое переключение становится не стилистическим украшением, а мощным инструментом конструирования идентичности и проведения границ между «своим» и «чужим». Анализ, проведенный с опорой на современные исследования, показал, что выбор языка (английский, французский, латынь, итальянский) в речи персонажей и автора маркирует:

• социальный статус и образование (латынь – язык элиты, доступный только образованным джентльменам);

• степень интимности и доверия (французский – язык тайного пространства, создаваемого Сарой и Чарльзом);

• иерархические отношения (ироническое переключение в диалоге господина и слуги);

• принадлежность к профессиональному сообществу (научная и юридическая латынь);

• эмоциональное состояние и коммуникативные интенции (латинские восклицания, французские метафоры).

Таким образом, полилингвизм Фаулза оказывается не просто биографической чертой, а осознанным художественным приёмом, позволяющим моделировать сложную динамику межкультурных и межличностных отношений в условиях жёсткой социальной стратификации викторианской Англии. Как справедливо отмечает Н. В. Кондратьева, «использование явления кодового переключения как стилистического приёма в художественных текстах позволяет выявить дополнительную смысловую нагрузку текста, определить тип его модально-эмоциональных смыслов, а также способствует репрезентации системы ценностей автора» [Кондратьева, 2023].

Список источников

1. Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 12. – Т. 6. – С. 63–67.

2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социолингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.

3. Жиганова А. В. О функциональной специфике переключения кода в рекламном дискурсе // Universum: филология и искусствоведение. – 2014. – № 3 (5). – С. 1–8.

4. Кондратьева Н. В. Кодовое переключение как стилистический прием (на материале современной удмуртской литературы) // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой: материалы конф. – СПб., 2023.

5. Цыганкова А. А. Переключение кодов как маркер идиостиля Умберто Эко // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3. – № 4. – С. 137–142.

6. Doran C. Us vs them: Tribalism, selective exposure & how non-partisan online news media engagement can be facilitated: MA Thesis. – Victoria University of Wellington, 2019.

7. Fowles J. The French Lieutenant’s Woman. – London: Vintage, 2004. – 445 p.

8. Gardner-Chloros P. Sociolinguistic factors in code-switching // The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching: сб. науч. ст. / B. E. Bullock and A. J. Toribio (eds.). – Cambridge University Press, 2010. – P. 97–113.

Сведения об авторе

Лапина Юлия Ивановна – ассистент кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-6832-2316, e-mail: lapina.yulya@gmail.com

УДК 070:821.161.1.0(09)
ГРНТИ 19.41.41

Образы Европы и России в очерке С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы»

Я. О. САВИНА

В статье определяются концептуальные доминанты образов Европы и России в очерке С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» (1841). Делается вывод о том, что очерк представляет одну из попыток формирования модели самобытного развития российского общества в рамках национальной парадигмы с опорой на европейский культурно-исторический опыт.

Ключевые слова: образ Европы; образ России; журнал «Москвитянин»; национальная самобытность.

Эпоху 40-х гг. XIX в. можно охарактеризовать как один из самых динамичных периодов интеллектуальных и мировоззренческих поисков столетия. Они отразились прежде всего в «напряженной теоретической борьбе за народность» [Соколова, с. 128], в нарастающей на этом фоне дискуссии славянофилов и западников, что определенным образом повлияло на специфику формирования историко-литературного процесса. Одну из ключевых линий в художественной литературе и публицистике десятилетия составило осмысление образов России и Европы.

В связи с этим представляется важным изучение очерка С. П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы», опубликованного в первом номере журнала «Москвитянин» за 1841 г. Журнал активно участвовал в разворачивающейся дискуссии, одновременно тяготея к теории официальной народности и поднимая «все основные проблемы, разрабатываемые славянофильством» [Беленчук, с. 148].

Интерес самого С. П. Шевырева был обусловлен фактами его биографии. Будучи студентом Московского университета, он увлекался немецкой философией, в частности, работами Шеллинга, был членом «Общества любомудров», которое делало одним из ведущих положений «развитие самобытной русской культуры» [Каменский, с. 176].

На фоне этих обстоятельств происходит знакомство молодого Шевырева с Европой: в 1829 г. он на несколько лет уезжает в Рим, спустя десятилетие путешествует и по другим странам Европы.

На протяжении всего этого времени им делается попытка осмыслить сущность и соотношение русской и европейской культур, что тщательно фиксируется в дневнике: «Теперь можно бы так историю Европы превратить в легенду. У Европы было пять дочерей: Италия, Германия, Франция, Англия и Россия. Италия взяла искусство, Германия – науку, Франция – политику в высшем смысле, Англия – торговлю, машины, словом, жизнь практическую. Россия,

меньшая дочь, от отца Азиатского, с гибким характером, со свежими силами, соберет воедино дары сестер, усвоит их у себя и их усовершенствует. Россия совокупит в сумму все бытие европейского человечества»[1].

Несколько позднее появится переработанная версия в сказочной форме: «Напишу сказку о бездарной (или бесприданной) дочери. Вот содержание: жил-был царь; у него было пять дочерей: старшая – Италия, вторая – Англия, третья – Франция, четвертая – Германия, меньшая – Россия. Первой дано в приданое искусство, второй – промышленность, третьей – [жизнь] гражданская, четвертой – наука, пятой – ничего, но дан сундук, в который можно уложить все четыре приданные и дана мощь перенять их у сестер своих» [Шевырев, 2006, с. 187].

Такое распределение ролей в аллегорической форме твердо закрепится в сознании Шевырева и во многом станет основой его «Взгляда на современное образование Европы».

Шевырев, в частности, продолжает идею о полицентричности европейского мира, дробя его на четыре части. Из четырех частей возникают два парных полюса. С одной стороны, располагаются Италия и Англия, с другой – Франция и Германия. Современное состояние Европы рассматривается сквозь призму образованности, образования, которое возможно обозначить как ключевой концепт. В концептуальное ядро помимо этого входят четыре дополнительных концепта – «Религия», «Наука», «Искусство» и отдельно «Словесность». Последней придается особенное значение, так как она служит «самым полным выражением всей человеческой жизни народа» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 221].

Италия и Англия. Обратимся к первой из выделенных групп стран, представлявших собой «две крайние противоположности Европы» [Там же] и оказавших наименьшее влияние на русскую культуру.

Наиболее всего Шевыреву знакома Италия. Глубокое знание итальянской литературы и истории отразилось в диссертации «Данте и его век» (1833) и позднее закрепилось во время заграничных поездок, воспоминания о которых хранят его путевые очерки и дневниковые записи.

В очерке страна показана в качестве европейского культурного ориентира. Ее изначальная персонификация в образе «южной красавицы» [Там же, с. 221] рождает культурно-мифологический архетип, в котором географически-этническая полярность «юг/север» наделяется ценностно-символическим смыслом и утверждает в Италии женское начало. Подобная репрезентация итальянского мира во многом объясняет идеалистическую, чувственную стихию южной страны, которая получила конкретное назначение – «переносить нас из мира корыстной существенности в мир наслаждений чистых» [Там же, с. 221]. Это же определяет преобладание в образе Италии концепта «Искусство», интерес к которому превратил страну в «мастерскую всего мира» [Там же, с. 223].

Кроме того, положительным аспектом восприятия образа Италии становится отношение к словесности. Особо выделяется литература, имеющая существенное преимущество: она сумела преодолеть «развращенное влияние

[1] ОР РНБ. Ф. 850. Дневник С. П. Шевырева. Ед. хр. 14. Л. 127.

Франции» [Там же, с. 228], особенно – французской драмы, характеризующейся как «исчадие» [Там же, с. 228]. Этот метафорический образ контрастирует с итальянской «неприкосновенной непорочностью». Включение христианской лексики обусловлено тональностью нарратива, подводящего нас к причине отсутствия в итальянцах «разврата нравов» [Там же, с. 229] – вечное, не умирающее религиозное чувство. Из него следует неотделимое чувство эстетического. Суть его состоит в том, что «безнравственное в поэзии противно <…> потому, что оно безобразно» [Там же, с. 229].

Подобная интерпретация в эстетических трактатах Шевырева связывается с понятием «изящество», в котором он последовательно соединял религию и эстетику: «Истина, добродетель и, следовательно, изящество едины и нераздельны; ибо они проистекают от единого начала – от Бога»[1]. Важно, что эпитет «изящный» неоднократно фигурирует при построении образа Италии.

Эстетически и религиозно развитое культурное наследие – единственное подлинное богатство Италии, которая «в жарком рубище нищеты сверкает своими огненными глазами…» [Там же, с. 221]. О материальном положении, о бедности красноречиво говорят детали внешнего облика: «Ее виноградники цветут на развалинах городов погибших; ее плющ обвивает памятники величия древние; ее лавры – не для живых, а для мертвых» [Там же, с. 222].

Однако обозначенные концептуальные конструкции усложнены важным замечанием: «Под миром живым тлеет мир другой, мир отживший, но вечный» [Там же]. Первоначально заявленный мотив смерти трансформируется в мотив бессмертия. Особенно ярко это раскрывается в образе Рима, который выстроен в рамках распространенной в русской литературе и культуре мифологемы «вечный город» (лат. Roma Aeterna, Urbs Aeterna).

По замечанию А. С. Янушкевича, именно Шевырев «актуализировал интерес к Риму как феномену культуры и Вечному городу» [Янушкевич, с. 110] после первой поездки в Италию в 1829 г., что в символической форме выразилось в поэзии Шевырева. Так, вторая строфа «Послания к А. С. Пушкину» становится «своеобразной реконструкцией Вечного Рима» [Там же, с. 110].

Таким образом, в осмыслении образа Италии С. П. Шевырев утверждает единство эстетического и религиозного чувств, что во многом определяет «вечное», непоколебимое существование Италии.

Из этой идеи исходит все последующее рассуждение, в том числе, касающееся конструирования образа Англии. Английская модель религиозности, определяемая как «сухость безобрядной религии» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 234], существенно уступает в эмоциональной выразительности итальянским религиозным процессиям.

Однако концепты «Религия» и «Искусство» вытесняются автором на периферию. Вместо выраженного религиозного чувства и внешней изящности, присущей итальянскому искусству, доминируют английские черты – «могущая воля» [Там же, с. 235] и «всемирная сила» [Там же, с. 235]. Последняя находит

[1] Вестник Европы. 1823. Кн. 128. № 8. С. 250.

выход в двух онтологически разнородных силах: с одной стороны, это «ненасытимая сила колониальная» [Там же, с. 235], т. е. внешняя, экспансивная, бунтарская, которая «жаждет обнять весь мир» [Там же, с. 235], с другой – внутренняя, охранительная сила, опирающаяся на традицию.

Яркие национальные черты обнаруживают себя в литературном творчестве, что выражено в концепте «Словесность». Воплощением первой силы стала поэзия Байрона, который выразил в себе английскую «неистощимую гордость духа неукротимого» [Там же, с. 236]. Вторая сила связана с романами В. Скотта, ставшими «художественным апофеозом истории» [Там же, с. 236], и это обнажило английскую «неизменную веру в прошедшее» [Там же, с. 236].

Вышеизложенные рассуждения позволяют выделить три ключевых концепта в образе Англии – «Традиция», «Сила» и связанный с ней концепт «Воля». В таком сочетании образ Англии становится выражением мотива бессмертия, что коррелирует с мотивной структурой образа Италии. Две страны сближены в сознании Шевырева, и итальянский и английский культурно-исторический опыт в большой степени приветствуется им.

Франция и Германия. Обзор итальянской и английской культурных ситуаций подводит к осознанию более серьезных европейских проблем – во Франции и в Германии. Обе страны, по мнению Шевырева, находятся в состоянии крайней степени кризиса, но сохраняют свое влияние на Россию, что становится для нее настоящим вызовом. Русская интеллигенция в соответствии с этим многолетним воздействием ранжируется автором на два разряда – французскую и немецкую. Последняя, в частности, активно завладела умами современников.

Концептом, движущим последовательный анализ Шевырева, становится концепт «Религия», выполняющий функцию своеобразной призмы. Все установленные нами ранее концептуальные компоненты: «Искусство», «Наука», «Словесность» – так или иначе преломляются в религиозном отношении.

Образ Франции заключает в себе в основном концепт «Свобода». Именно стремление к ней вызвало одно из знаковых исторических событий в мировой истории – Великую французскую революцию.

Так, изначально обретенная политическая свобода, с точки зрения Шевырева, разобщила религиозную однородность, что выразилось как во внутреннем, обрядовом устройстве церкви, так и во внешнем ее облике. Произошло извращение форм религиозности и смещение в языческую парадигму, что видно в экстерьере церкви Магдалины – «храма христианского в языческих формах» – и храма с языческим названием «Пантеон» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 250].

Это же отразилось в репрезентации концептов «Искусство» и «Словесность»: «Ужасное и отвратительное в большой моде. Соревнуют не о красоте, но о том, кто кого пересилит эффектом страшного впечатления» [Там же, с. 255], – что порождает «бездушие» во всех сферах французской жизни, а вслед за ним и апатию, ставшую своеобразной модой, и неприкрытую безнравственность. Последнее Шевырев четко обозначит в очерке «Визит к Бальзаку» (1841), указывая на излишнюю откровенность французского общества: «Что не публично, что не

открыто во Франции? Политика, суд, наука, разврат – всё на белом дне, всё на глазах у народа» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 2, с. 358].

Образ Германии строится ровно по той же схеме. Однако отличие состоит в том, что причиной духовного разобщения немцев становится «разврат мысли», вызванный реформацией. Внешнее устройство жизни явно привлекает автора своей системностью: «Какой порядок! Какая стройность! Удивляешься благоразумно Немецкому…» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 268]. Однако благополучие немцев омрачается ее главным недугом – философией, – «…там, в этом отвлеченном мире, не имеющем никакого соприкосновения с ее политическими и гражданским устройством» [Там же, с. 269].

Именно доминирование философии делает немецкое общество двойственным и противоречивым. Ее проникновение во все сферы жизни Шевырев отмечает в путевом очерке «Дорожные эскизы на пути из Франкфурта в Берлин» (1839), указывая на то, что «купец Берлина скажет вам, говоря о какой-нибудь модной материи: Das ist ein superbes, ein concretes Zeug (Это превосходная, это конкретная материя)» [Шевырев, 1839, с. 109]. Между тем, возведение в культ философии и категории разума исключило искреннюю религиозность, что сказалось на концепте «Искусство»: «Преобладание Гегелевой философии, в которой отсутствует живое чувство природы, – вот причины, почему искусство не нашло приюта в Берлине» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 271].

Важно отметить, что актуализация подобного подхода свидетельствует об углублении религиозно-философского аспекта мировоззрения С. П. Шевырева после второго заграничного периода. На это повлияло знакомство и сближение с философом Баадером, который, по замечанию Шевырева, сочувствовал «учению Восточной Церкви» [Шевырев, 1841, ч. 3, № 6, с. 379].

Изучение святоотеческой литературы и трудов Баадера (и близкого к нему Беме), по мнению Н. В. Цветковой, «помогает Шевыреву разрешить важнейший вопрос примирения философии и религии» [Цветкова, с. 236]. Так, он начинает критиковать близкую ему изначально немецкую философию – гегельянство и даже шеллингианство.

Кроме того, в кружке любомудров делали попытки соединить эстетику с немецкой философией. Характеризуя других членов кружка – Д. Веневитинова и И. Киреевского, – Зеньковский отмечал, что в них «философия возбуждала надежды, далеко выходящие за пределы ее возможностей» [Зеньковский, т. 1, ч. 1, с. 118–119]. По мнению исследователя, они ожидали не абстрактные ответы, а конкретные указания, что объяснялось потребностью в «целостном синтезе, аналогичного тому, какой дает религия» [Там же, с. 118–119]. С этой точки зрения философия понималась как «секулярная замена церковного мировоззрения» [Там же, с. 118–119]. Эта мысль справедлива и по отношению к Шевыреву, который впоследствии от попытки синтеза эстетики и философии перешел к синтезу эстетики и религии.

Именно на основании этого в построении образов Франции и Германии у Шевырева рождается метафора болезни, прежде всего духовной, следствием которой стала религиозная неопределенность: «Мы не замечаем скрытого яда в беспечном общении нашем, не чуем в потехе пира будущего трупа, которыми он уже пахнет!» [Шевырев, 1841, ч. 1, № 1, с. 247].

Для усиления аргументации своей позиции автор прибегает к цитированию литературного обзора французского критика Филарета Шаля. Стратегический выбор цитаты европейца позволяет Шевыреву минимизировать риск восприятия его суждений как субъективных: «Все видят, что мы, народы европейские, как будто с единодушного согласия, нисходим до какого-то ничтожества полу-китайского, до какой-то слабости всеобщей и неизбежной» [Там же, с. 242].

Кульминацией суждений становится драматический вывод французского критика, намеренно выделенный Шевыревым курсивом: «*Европа умирает!*» [Там же, с. 245]. Этот тезис подводит нас к ключевому умозаключению автора «Взгляда…»: «Призывая нас к наследию жизни европейской, они могли бы льстить нашему самолюбию…» [Там же, с. 245]. При этом Шевырев сохраняет этическую позицию, избегает злорадства по поводу кризисного состояния Европы. Вместо этого он призывает к благоразумию, предлагая рассматривать наблюдаемую картину не как повод для торжества, а как значимое предостережение для России, прежде идущей по европейскому пути.

Россия. Долгие размышления о современном состоянии Европы закономерно подводят автора к образу России и помогают найти ответ на один из главных вопросов, заданных им в самом начале: «Увлечёт ли нас он [прим.: Запад] в своём всемирном стремлении <…> Или устоим мы в своей самобытности?» [Там же, с. 220].

В некоторой степени автор признает, что европейская болезнь под маской «магического обаяния» [Там же, с. 289] проникла в сознание русской интеллигенции и породила тем самым и явные недостатки в русской литературе, что выражено в концептах «Сомнение» («нерешимость», «недоверие к собственным силам») и «Русская апатия». Последний концепт связан с его концептуальным компонентом «Разочарование», влекущим за собой концепт «Лень».

При этом признание явных недостатков русского общества не исключает возможности их исправления. В связи с этим автором предлагается своеобразная модель развития в рамках национальной парадигмы. Основной концептуальной рамкой данной модели выступает концепт «Религия», так как, по мнению автора, вопреки отрицательному внешнему влиянию в русской среде сохранилось «наше древнее чувство религиозное» [Там же, с. 292], а назначение России и ее судьбу определяет только Бог, что закрепляется в концепте «Провидение».

Для обоснования своей позиции автор включает в повествовательную канву очерка текст, который условно можно назвать «Притчей об отроке». В качестве основных образов выступают отрок, родительский дом, седовласый отец, икона.

Так, весь духовный путь русского человека в притче представляет некий цикл. Детство и юность проникнуты духовной чистотой и близостью к Богу, проходят среди отеческой молитвы и родительского благословения, следом за ними идет период испытаний, выраженный в уходе из родного дома. Уход вынуждает отрока столкнуться с западной культурой, которая заставляет испытать духовное охлаждение и выход из религиозной традиции. Заключительным этапом в любом случае становится возвращение к вере. Благотворное влияние также оказывает создание семьи, так как рождение детей пробуждает детские воспоминания.

Весь сюжет можно резюмировать в нескольких концептах: «Вера», «Православие», «Семья», «Традиция». В дальнейшем рассуждении метафоричное послание читателю усложняется концептами «Самодержавие» и «Народность», что коррелирует с уваровской триадой и утверждает мысль о том, что все это – «коренные чувства» [Там же, с. 292] русского народа.

Таким образом, в противовес опытной, но болезненной Европе Шевырев конструирует образ и путь молодой России как наследницы и хранительницы здоровых традиционных начал человеческого развития. Не случайно Н. А. Карпов отмечает явное эволюционное движение в мировоззрении Шевырева: «Если во время своей первой поездки в Италию он выступает как сторонник приобщения России к европейской цивилизации, плодотворного для них обеих сосуществования, а славянофильские мотивы в его творчестве весьма умеренны и окрашиваются в «либеральные тона», то к концу 1830-х Шевырев – уже убежденный славянофил, который скоро выдвинет тезис о «гниющем Западе» и станет апологетом теории официальной народности» [Карпов, с. 36].

Однако риторика Шевырева в данном очерке лишена, с нашей точки зрения, разоблачительности. Задача состоит не в отрицании, а в критическом отборе ценностей. Важно принять лучшее, но сохранить основы русского бытия согласно трем чувствам, созвучным триаде теории «официальной народности», и положиться на силу Провидения.

Список источников

1. Беленчук Л. Н. Взгляд русского на современное образование Европы. С. П. Шевырев // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2007. – № 6. – С. 147–167.

2. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. и 4 ч. – Т. 1. Ч. 1. – Л.: Эго, 1991. – 220 с.

3. Каменский З. А. Московский кружок любомудров – М.: Наука, 1980. – 327 с.

4. Карпов Н. А. Петербург в жизни и творчестве С. П. Шевырева // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2008. – № 4-2. – С. 33–38.

5. Соколова В. Ф. Роль журналов «Москвитянин» и «Отечественные записки» в научном и художественном исследовании русской национальной жизни // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. – 2007. – № 4 (28). – С. 128–134.

6. Цветкова Н. В. Христианская эстетика С. П. Шевырева и Ф. М. Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. – 2019. – Т. 22. – С. 233–244. DOI 10.31860/978-5-4469-1628-3-233-244.

7. Шевырев С. П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. – 1841. – Ч. 1. №1. – С. 3–29.

8. Шевырев С. П. Визит к Бальзаку // Москвитянин. – 1841. – Ч. 1. № 2. – С. 357–383.

9. Шевырев С. П. Дорожные эскизы на пути из Франкфурта в Берлин // Отечественные записки. – 1839. – т. III., отд. III. – С. 101–130.

10. Шевырев С. П. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. – 1841. – Ч. 3. – № 6. – С. 378–437.

11. Шевырев С. П. Итальянские впечатления / вступ. ст., подгот. текста, сост. и примеч. М. И. Медового. – СПб.: Акад. проект, 2006. – С. 187.

12. Янушкевич А. С. «Прочтение» и изображение мирообраза Рима в русской поэзии 1800–1840-х гг. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2013. – № 5 (25). – С. 98–115.

Сведения об авторе

Савина Яна Олеговна – магистрант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-0783-5879, e-mail: savvinay@yandex.ru

Научный руководитель Башкеева Вера Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Российская Федерация

УДК 821.161.1–31:159.9
ГРНТИ 17.07.65

Психологические основы изображения социальных и нравственных проблем в творчестве М. Горького

М. М. САТЫБАЛДИЕВ, Э. Т. ТУРДУБЕКОВА

В статье рассматриваются психологические основы изображения социальных и нравственных проблем в творчестве Максима Горького. Проанализированы психологические состояния и внутренний мир героев, влияние социальной среды на формирование их моральных ценностей, поиски смысла жизни, нравственного идеала и самосовершенствования. Особое внимание уделяется методам Горького: глубокому внутреннему монологу, диалогам, символическим образам и реалистическому изображению жизненных обстоятельств. Выявлено, что сочетание психологического анализа и реализма позволяет автору достоверно передавать внутренние переживания персонажей и социальные конфликты своего времени.

Ключевые слова: социальные проблемы, нравственные ценности, внутренняя психология героев, моральный идеал, поиск смысла жизни, самосовершенствование, символические образы, внутренний монолог, реализм диалоги.

М. Горький изображает человека как продукт социальной среды. Бедность, бесправие и угнетение формируют психологию героев, их поведение и жизненные установки. Пример: в пьесе на дне персонажи живут в условиях нищеты, что приводит к утрате надежды, веры и самоуважения. В творчестве Максима Горького тема влияния социальной среды на личность занимает центральное место. Писатель рассматривал человека не изолированно, а как продукт исторических, экономических и социальных условий. Социальная среда определяет взгляды, ценности и жизненные ориентиры личности. Люди, выросшие в условиях бедности и несправедливости, часто воспринимают мир как враждебный и жестокий. Пример: в пьесе на дне герои утрачивают веру в будущее, поскольку общество отвергло их и лишило возможности достойной жизни [1, с. 79]. Чувство унижения как психологическое состояние. В произведениях Максима Горького чувство унижения выступает важным психологическим последствием социальной несправедливости и бедности. Оно возникает тогда, когда человек ощущает свою бесправность, ненужность и потерю человеческого достоинства. В произведениях Максим Горький бедность и социальная зависимость рассматриваются как мощные факторы, влияющие на психологическое состояние человека и его жизненные установки. Писатель показывает, что материальная нужда и бесправное положение лишают человека возможности свободно распоряжаться своей судьбой. В произведениях Максима Горького безработица и бесправное положение человека рассматриваются как важные причины социальной нестабильности и внутреннего кризиса личности. Отсутствие работы лишает человека не только средств к существованию, но и чувства значимости и уверенности в будущем. Презрение и социальное отторжение рассматриваются как сильное психологическое испытание для человека. Когда общество отвергает личность, лишая её уважения и признания, это глубоко ранит внутренний мир человека и разрушает

чувство собственного достоинства, а отсутствие жизненных перспектив и невозможность изменить своё положение рассматриваются как один из наиболее тяжёлых факторов психологического давления на личность. Когда человек не видит выхода из сложившихся обстоятельств, это приводит к ощущению безысходности и утрате жизненного смысла.

Потеря самоуважения – это психологическое состояние, при котором человек теряет чувство собственного достоинства, уверенность в себе и способность ценить свои действия и достижения. В социально-психологической теории это рассматривается как результат неблагоприятного влияния внешних условий, особенно социальной несправедливости, унижения или ограниченных возможностей. Чувство стыда и беспомощности – это эмоциональное состояние, которое возникает, когда человек ощущает свою неспособность контролировать обстоятельства или соответствовать социальным нормам и ожиданиям. В психологии оно рассматривается как результат неблагоприятного влияния социальной среды и внутренних конфликтов личности. Замкнутость и отчуждение – это состояние, при котором человек ограничивает своё общение с окружающими, испытывает эмоциональную отстранённость и ощущает себя отдельным или ненужным в обществе. В психологии такие состояния часто связаны с социальной изоляцией, чувством унижения, стыда или беспомощности. Утрата веры в собственные силы – это психологическое состояние, при котором человек сомневается в своих способностях справляться с жизненными трудностями, принимать решения и достигать целей. В психологии это состояние часто связано с социальной несправедливостью, унижением, бедностью и отсутствием перспектив.

Длительное переживание унижения может привести к пассивности и апатии – это состояния, при которых человек теряет инициативу, снижает активность и интерес к происходящему. В психологии они часто связаны с негативным влиянием социальной среды, чувством беспомощности, унижения и отсутствием перспектив. Агрессия и озлобленность – это эмоциональные реакции человека на длительное давление социальной среды, несправедливость, унижение или чувство беспомощности. В психологии такие состояния рассматриваются как защитный механизм личности, когда внутреннее напряжение и фрустрация не находят конструктивного выхода. Нравственное падение – это процесс утраты человеком моральных ориентиров, принципов и ценностей под влиянием неблагоприятных социальных условий. В психологии оно рассматривается как результат давления внешней среды, длительного стресса, унижения, бедности и чувства беспомощности. Отказ от борьбы за достойную жизнь – это состояние, при котором человек теряет стремление улучшать своё положение, утрачивает инициативу и внутреннюю мотивацию действовать. В психологии оно часто возникает под влиянием неблагоприятной социальной среды, чувства беспомощности, унижения и безысходности.

В пьесе. На дне герои испытывают унижение из-за нищеты и социального отторжения. Осознание своей бесправности лишает их надежды, но у некоторых сохраняется стремление сохранить человеческое достоинство. В произведениях Максима Горького отказ от борьбы за достойную жизнь характерен для героев,

оказавшихся на «дне» общества. Они смиряются с обстоятельствами и теряют активную жизненную позицию. При этом Горький подчёркивает, что даже такие персонажи способны на проявление внутренней стойкости, духовной силы и сострадания к другим. Апатия и равнодушие – это состояния, при которых человек теряет эмоциональный отклик на происходящее, утрачивает интерес к жизни и инициативу. В психологии они часто развиваются под влиянием социальной несправедливости, бедности, унижения и чувства беспомощности. Утрата жизненных целей – это состояние, при котором человек теряет стремление к развитию, мотивацию достигать результатов и ориентиры в жизни. В психологии оно часто возникает под влиянием неблагоприятной социальной среды, чувства беспомощности, унижения и безысходности. Такие состояния формируют пассивную жизненную позицию и внутреннюю сломленность. Когда человек осознаёт несправедливость окружающего мира, возникает внутренний конфликт: протест против условий жизни – это психологическая реакция личности на несправедливость, угнетение, бедность или невозможность реализовать себя. Он проявляется как внутреннее сопротивление обстоятельствам, попытка сохранить достоинство и стремление к изменению своей судьбы. Стремление к свободе – это внутренняя потребность личности действовать независимо, принимать решения и реализовывать свои возможности. В психологии оно рассматривается как естественный механизм противостояния ограничивающим и угнетающим условиям жизни. Поиск правды и справедливости – это внутренняя потребность личности осознавать реальное положение вещей, оценивать события и поступки с точки зрения моральных и этических норм. В психологии он рассматривается как способ адаптации к социальной среде и механизм противостояния несправедливости. Некоторые герои принимают судьбу, другие – сопротивляются системе. Горький показывает, что неблагоприятная среда может привести к нравственной деградации: человек утрачивает моральные ориентиры, прибегает ко лжи, насилию или пьянству как способу ухода от реальности. Несмотря на разрушительное влияние среды, писатель подчёркивает, что человек способен сохранить достоинство и внутреннюю свободу. В тяжёлых условиях проявляются: стойкость характера – это качество личности, проявляющееся в способности сохранять внутреннюю силу, моральные принципы и активную жизненную позицию, несмотря на трудности, социальное давление или неблагоприятные обстоятельства. В психологии стойкость рассматривается как ключевой фактор адаптации и сопротивления стрессу. Гуманизм – это мировоззрение и внутреннее качество личности, проявляющееся в уважении к человеку, заботе о его достоинстве, сострадании и стремлении к справедливости. В психологии гуманизм рассматривается как основа нравственного развития, моральных ценностей и межличностных отношений. Сострадание к другим – это способность личности сопереживать чужим страданиям, проявлять заботу, помощь и эмоциональную поддержку. В психологии оно рассматривается как важный компонент эмоционального интеллекта, морального развития и социального взаимодействия. Писатель показывает, как социальное давление вызывает чувство униженности, но одновременно пробуждает стремление сохранить человеческое достоинство. Герои часто находятся между

отчаянием и внутренней силой сопротивления. Горький раскрывает внутренний конфликт человека, который не принимает несправедливость общества. Этот конфликт выражается в протест – это реакция личности на несправедливость, ограничение свободы или неблагоприятные жизненные обстоятельства. Он проявляется как внутреннее сопротивление давлению среды, стремление отстоять свои права, моральные принципы и человеческое достоинство. Стремление к свободе – это внутренняя потребность личности действовать независимо, принимать собственные решения и реализовывать свои возможности. В психологии оно рассматривается как естественная реакция на ограничения и давление со стороны социальной среды. Поиск смысла жизни – это стремление личности понять цель своего существования, определить ценности и направить свои действия в соответствии с внутренними убеждениями. В психологии он рассматривается как ключевой аспект самореализации и внутренней мотивации человека.

Герои Горького часто стремятся к истине, справедливости и духовной чистоте. Даже в тяжелых условиях они ищут моральную опору. Поиск нравственного идеала – это стремление личности определить и реализовать высшие моральные ценности, соответствующие её убеждениям, внутреннему сознанию и этическим нормам общества. В психологии это считается важным аспектом нравственного развития и самореализации. Эрик Эриксон (психосоциальное развитие): Поиск нравственного идеала связан с формированием личностной идентичности и моральной зрелости. Личность стремится действовать в соответствии с внутренними принципами и высокими ценностями. Альфред Адлер (индивидуальная психология): Стремление к нравственному идеалу помогает компенсировать чувство неполноценности и направляет личность на социально полезные и конструктивные действия. Современные исследования: Наличие нравственного идеала способствует развитию самоконтроля, социальной ответственности, эмпатии и внутренней гармонии личности. Воспитание и моральные ценности общества – это процесс формирования личности через передачу норм, правил и этических ориентиров, принятых в сообществе [7, с. 93]. В психологии считается, что социальная среда и воспитание напрямую влияют на развитие моральных качеств, поведения и жизненных принципов человека. Осознание собственной социальной и личной ответственности – это понимание человеком своей роли в обществе и влияние своих действий на окружающих, а также готовность отвечать за свои поступки. В психологии это рассматривается как ключевой элемент зрелой личности и нравственного развития. Влияние неблагоприятной социальной среды, вызывающее стремление к моральной устойчивости – это процесс, при котором трудные условия жизни, несправедливость, бедность или давление общества формируют у личности способность сохранять внутренние моральные ориентиры и принципы. Личностная потребность соответствовать высоким этическим нормам – это стремление человека действовать согласно моральным принципам, поддерживать честность, справедливость и внутреннюю гармонию. В психологии это считается важным аспектом нравственного развития и самореализации личности.

Сохранение моральных ориентиров и ценностей – это способность личности сохранять внутренние принципы, нормы поведения и этические стандарты даже в сложных и неблагоприятных жизненных условиях. В психологии это рассматривается как ключевой компонент нравственного и личностного развития. Развитие социальной ответственности и эмпатии – это формирование у личности способности учитывать интересы других людей, сопереживать их чувствам и действовать во благо общества. В психологии это считается ключевым компонентом нравственного и социального развития. Стремление к самосовершенствованию – это внутренняя потребность личности развивать свои способности, знания, моральные качества и духовные ценности. В психологии оно рассматривается как важнейший фактор личностного роста, самореализации и формирования зрелой личности. Способность противостоять несправедливости и давлению среды – это умение личности сохранять внутренние принципы, моральные ориентиры и активную жизненную позицию даже в условиях неблагоприятной социальной среды, давления или несправедливости [4, с. 73]. В произведениях Максима Горького поиск нравственного идеала проявляется у героев, сталкивающихся с бедностью, унижением и социальной несправедливостью. Они стремятся сохранить моральные принципы и высокие ценности даже в тяжёлых условиях жизни. Горький показывает, что стремление к нравственному идеалу помогает человеку сохранять достоинство, внутреннюю силу и человечность. Писатель показывает, что нравственный выбор происходит, прежде всего во внутреннем мире человека. Персонажи могут колебаться между эгоизмом и состраданием, ложью и правдой. Горький подчёркивает значение гуманизма и сочувствия. Персонажи, способные на сострадание, изображаются как духовно сильные [8, с. 34].

Глубокий внутренний монолог героев – это психологический приём, который отражает мысли, переживания, сомнения и внутренние конфликты персонажей. В психологии и литературоведении внутренний монолог рассматривается, как способ показать внутренний мир человека, его эмоциональное состояние и мотивацию поведения контраст характеров и мировоззрений; Символические образы – это художественные средства, с помощью которых автор выражает внутренние переживания героев, социальные и моральные проблемы через метафоры, знаки и символы [5, с. 74]. В психологии и литературоведении символические образы помогают понять эмоциональное состояние, ценности и мировоззрение персонажей [6, с. 82]. Реалистическое изображение жизненных обстоятельств – это художественный приём, с помощью которого автор достоверно и подробно показывает условия жизни персонажей, их быт, трудности, социальные и экономические проблемы. В психологии и литературоведении такой подход помогает понять влияние среды на личность и формирование её внутреннего мира. Диалоги, раскрывающие философские и нравственные идеи – это художественный приём, при котором персонажи через разговоры выражают свои взгляды на жизнь, мораль, справедливость и социальные проблемы [2, с. 110]. В психологии и литературоведении такие диалоги помогают понять внутренний

мир героев, их ценности и жизненные позиции. Психологизм творчества Максима Горького заключается в раскрытии внутреннего мира человека, формируемого социальными условиями. Через судьбы своих героев писатель показывает борьбу личности за достоинство, нравственный выбор и духовное возрождение. Его произведения утверждают гуманизм, веру в человека и возможность нравственного обновления общества [3, с. 48]. Чувство унижения разрушает внутренний мир человека, подавляет инициативу и веру в себя. Однако Максим Горький показывает, что даже в условиях социального унижения человек может сохранить внутреннее достоинство и стремление к духовной свободе. По мнению Максима Горького, социальная среда играет решающую роль в формировании личности. Она может, как разрушать человека, так и закалять его характер. Через судьбы героев писатель показывает, что даже в условиях несправедливости человек способен сохранить человеческое достоинство и стремление к духовной свободе.

Список литературы

1. Александрова Н. А. Психологические аспекты персонажей русской литературы. – СПб.: [Б. и.], 2008. – 256 с.

2. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 1999. – 1136 с.

3. Горький М. О литературе и обществе: статьи, доклады, письма. – М.: Искусство, 1972. – 432 с.

4. Горький М. Собрание сочинений: в 18 т. – М.: Художественная литература, 1960–1965.

5. Кузнецова Е. В. Психологический портрет героев Горького: внутренний мир и моральные ориентиры // Русская литература и психология. – 2018. – № 2. – С. 15–28.

6. Лебедева Т. А. Реализм и символизм в произведениях М. Горького // Сборник научных трудов. – 2016. – Вып. 5. – С. 112–124.

7. Смирнов П. П. Социальные и нравственные проблемы в творчестве М. Горького // Вестник литературы. – 2015. – № 4. – С. 40–47.

8. Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник / пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 2000. – 368 с.

Сведения об авторах

Сатыбалдиев Мусабек Маматович – старший преподаватель, Ошский государственный педагогический университет, г. Ош, Кыргызстан, ORCID ID: 0009-0007-6326-4184, e-mail: michurinsk59@inbox.ru

Турдубекова Эльвира Турдубековна – преподаватель, Ошский государственный педагогический университет, г. Ош, Кыргызстан, ORCID ID: 0009-0004-5422-7988, e-mail: e-turdubekova@mail.ru

УДК 291.11
ГРНТИ 21.31.35

«Родное – чуждое» в отечественных видеоиграх, опыт междисциплинарного исследования

А. И. ФЕДОСКИН

В статье проведен анализ и сравнение новейшей историографии по тематике репрезентации неоязыческих элементов в российских видеоиграх. Рассмотрены дисциплинарные различия текстов в рамках междисциплинарной области видеоигровых исследований.

Ключевые слова: видеоигры, неоязычество, родноверие, историография, междисциплинарность, фольклор.

Видеоигры занимают значительное место среди новых проявлений цифровизации. При том, что эта форма медиа становится всё более популярной, можно отметить недостаточность изученности видеоигр. Также в последние годы в видеоиграх отмечается интерес к славянской мифологии, которая, в свою очередь, является источником вдохновения для нового славянского язычества. Помимо прочего, к созданию отечественных видеоигр, популяризирующих национальное наследие, начинает проявлять интерес и правительство, а в обществе всё больше возникает запрос на определение образа чуждого через выделение своего.

На сегодняшний день можно считать, что единственной фундаментальной работой по религиоведению, особенно в области язычества, где исследование видеоигры представляется частью общей структуры исследования можно считать монографию «Неоязычество в культурных практиках современной России». Этому объекту посвящена вторая половина раздела «техно-художественные гибриды», где, опираясь на работу Дмитрия Галкина [Иващенко, Иванов, с. 83], видеоигры относятся к техно-художественным гибридам третьего порядка, в рамках которого игрок взаимодействует с реальностью внутри виртуального пространства.

Дальнейший текст [Там же, с. 104–108] посвящен рассуждению о природе взаимодействия игроков с религиозными мотивами в видеоиграх. В первую очередь упоминаются не сами игры, а компании-разработчики, классифицируемые по этнической мифологии, лежащей в основе их творчества. Выдвигается предположение о том, что приобщение играющих к религиозному гораздо проще именно из-за игровой формы этой деятельности. Справедливо замечается, что большинство современных язычников признаёт сконструированную природу реальности и поэтому для них граница между реальным и виртуальным размыта.

Таким образом достигается суждение о том, что игра, в силу часто даже неумышленного вдохновения разработчиков этническими мотивами и стремлением игроков к социализации, может становиться не просто источником новой, более легкомысленной формы религиозности, но и местом этой религиозности. Очевидно, эта часть главы не занимает большого места в общей структуре работы, потому рассуждения в ней носят больше общефилософский характер,

лишь частично описывающий ситуацию с опорой в этом в значительной части на работу Кочегановой.

Работа Кочегановой представляет из себя обширный обзор с качественной попыткой осмысления места видеоигр в структуре современной религиозности, в частности современного язычества. Концепция, [Кочеганова, с. 56–60] выдвигаемая автором на проверку, подразумевает, что стремление современного индивида к локализации нарративов в мире, наполненном симулякрами, приводит к формированию особой виртуальной религиозности. Спорно утверждение, что с точки зрения играющего его участие в виртуальном мире видеоигры является для него демиургическим процессом, хотя, конечно, поддерживаемый тезис о религиозном наполнении процесса созидания виртуального мира кажется достаточно интересным. Тем не менее это скорее методологический вопрос взаимодействия разработчика, виртуального мира видеоигры и игрока, который в данном тексте не рассматривается. Автор довольно подробно рассматривает целый ряд видеоигр, описывая их сеттинг, сюжет и игровой процесс в рамках единого нарратива, уделяя большее внимание сюжету, однако это несет своей целью дать контекст, чтобы обратить внимание на конкретные, интересующие автора детали. Так, например, автор уделяет внимание целому ряду небольших игр от студии «Creepy Brothers» [Там же, с. 60–66]. Рассматривая их в совокупности и обращая внимание на то, что, несмотря на то, что виртуальный мир и сюжеты этих игр скорее описываются как «страшная сказка», опирающаяся в основном на классические произведения мировой детской литературы, разработчиками умело и со знанием используются фольклорные мотивы и напрямую языческие символы. Большую часть текста автор уделяет и «Чёрной Книге», и богатству, и точности её наполнения, однако нас больше интересует комментарий другого отечественного разработчика видеоигр и прослеживаемая в дальнейших обзорах тенденция. А. Голубева в своём комментарии отзывается о работе студии «Мортёшка» как об игре, наполненной скучным фольклором, но стремящейся им заинтересовать, причиной этого называется личная увлеченность авторов [Там же, с. 67–72]. Дальнейшие обзоры могут послужить отражением этого суждения, и особенно раскрыться при наложении на общие хронологические тренды отечественной игровой индустрии. Выражено это в том, что наиболее качественно имплементированными народные, а порой и языческие мотивы прослеживаются в первую очередь в тех играх куда они были добавлены не с коммерческими, а творческими целями.

По тексту видно, что с точки зрения автора большая часть игр, где антураж народной культуры в качестве наиболее поверхностного эстетического решения не заслуживает подробного описание, хотя в отдельных случаях с этим можно не согласиться. В заключение [Там же, с. 76–77] автор прослеживает обозначенные выше тенденции хронологически, разделяя качество имплементации славянской тематики в видеоиграх на раннем и среднем этапах, а также отмечает современную тенденцию и её более качественный подход, согласующийся с выдвинутым ранее положением.

Следующий автор [Коновалова] в своей работе стремилась рассмотреть тренд на славянскую тематику в игровой индустрии с точки зрения общественного заказа на развитие патриотизма. Автором заявляется необходимость привлечения комплексной методологии, включающей помимо привычных для исследования видеоигр нарратологического, людологического, и аудиовизаульного, а также институционального анализов. В рамках институционального подхода автор опирается на анализ рынка видеоигр для подтверждения существования «славянского тренда» в игровой индустрии и тем самым подкрепления позиции о положительной роли государственной политики России в области развития патриотизма, в переходе разработчиков, работающих со славянской тематикой от стилизации к актуализации культурного кода. Автор не погружается в описание отдельных отечественных проектов, а проводит их сравнение. Так, сравнивая проекты «Чёрная Книга» и «Бессмертный. Сказки старой Руси», автор подчеркивает разные стратегии этих проектов. В первом случае игра представляет собой практически учебник по русской мифологии, глубоко погружающий играющего в него и позволяющий чувствовать свою сопричастность. Во втором случае разработчиками использовалась стратегия упрощения в пользу зрелищности и привлечения внимания к материалу национальной культуры, ведущему к развитию патриотизма узнавания, а не сопереживания. Особое место в тексте занимает крайняя с точки зрения стилизации в использовании славянского культурного материала игра «Русы против Ящеров». Автор справедливо отмечает, что проект являясь эксплуатацией интернет-мемов и «патриотического кича», возводящей идею противостояния «своих» и «чужих» в степень гротеска, тем не менее оказывается также легитимной стратегией развития патриотизма. В первую очередь такая стратегия, с точки зрения автора, должна оказывать воздействие на младшее поколение, воспринимающее патриотизм через иронию и гиперболу как форму игры. Автором справедливо отмечается, что ситуация с наличием на российском видеоигровом рынке различных успешных форм репрезентации патриотизма является сочетанием таких факторов, как государственный заказ, рыночная конъюнктура и творческий поиск разработчиков. В заключение автор призывает к вдумчивому анализу видеоигр как фактора формирования современной коллективной идентичности россиян. С этими выводами становится невозможно не согласиться, особенно учитывая далеко не первое место государственного заказа в формировании «славянского тренда», а значит его сложность как любого социокультурного процесса, требующего подлинного научного анализа и осмысления.

Следующая статья [Будко] обращает на себя внимание тем, что объединяется с другими работами в журнале под тематикой «политическое игроведение», что определило специфику большей части труда. Работа фактически представляет обзор реализации государственных проектов, направленных на развитие патриотичных игровых продуктов. Особое внимание уделяется проектам, напрямую финансируемым из государственного бюджета, а также критике отдельных моментов с точки зрения законодательства. Автор разделяет для себя проекты, репрезентирующие историческое и культурное наследие, в случае со

вторыми в рамках ретроспективы им упоминаются достаточно представительный ряд проектов, выходивших с 90-х по конец 2000-х, а также справедливо отмечается превалирование жанров квест и аркада. Среди следующих далее по тексту описаний автором более современных игр, среди которых, разумеется, и «Чёрная Книга», стоит отметить признание автором в «Русах против Ящеров» наличие патриотического посыла, несмотря на пародийный характер, а также положительно окрашенное описание проекта «Гардарики», на момент написания данной статьи еще не вышедшего.

Историография, исследующая репрезентации этнорелигиозных компонентов в отечественных видеоиграх, особенно пополняется в последний год. Также можно отметить, что действительно активно исследования видеоигр стали развиваться примерно в последние пять лет, скорее всего, этому способствовало множество факторов, к которым мы склонны относить также и выход книги «Видеоигры: введение в исследования» [Ветушинский, Салин, Галанина].

Тем не менее, несмотря на существование отечественных работ, предлагающих подходы, позволяющие упорядочить анализ видеоигр, а также выделить их сущностные элементы, авторы чаще всего идут собственным путём, приходя к той или иной форме нарратологической методологии. Современные авторы применяют разные подходы и выявляют в ходе анализа разное, тем не менее иногда приходя к схожим выводам, чаще поверхностным, как видно на примере работ по репрезентации нового славянского язычества. Большинство отличий в анализе одних и тех же видеоигр разными авторами продиктовано профессиональной спецификой. Так, авторам-культурологам, например, свойственен уклон в нарратологический анализ, а авторам-религиоведам анализ видеоигр как набора религиозных инвариантов.

На основании анализа представленных работ можно констатировать существование как общественной и государственной тенденции к развитию национальной идентичности через неоязыческие образы, вдохновленные стариной, так и формирование на их основе последовательного образа родного и чуждого, а также формы их противостояния. Вероятно, выбор славянской эстетики и концентрации на противостоянии родного-чуждого обусловлен совпадением ценностного спроса общества и общества на традиционные ценности с неоязыческими ценностными доминантами [Федоскин]. Видеоигровые исследования как область междисциплинарности современного российского гуманитарного знания нуждается как в интеграции общей методологии, так и в дальнейшем развитии подходов отдельных дисциплин.

Список источников

1. Будко Д. А. Российские компьютерные игры и государственная культурная политика: цифровизация и традиционные ценности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27. – № 2. – С. 214–226.

2. Видеоигры: введение в исследования / А. С. Ветушинский, А. С. Салин, Е. В. Галанина, Е. О. Самойлова, Ю. М. Шаев, Е.О. Акчелов, Д. В. Галкин, Л. В. Мойжес, М. А. Подвальный, Д. А. Батурин, К. С. Никитина; под ред. Е. В. Галаниной. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. – 396 с.

3. Иващенко Я. С., Иванов А. А. Неоязычество в культурных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания: монография Я. С. Иващенко А. А. Иванов. – СПб.: РХГА. 2023. – 192 с.

4. Коновалова А. В. Патриотизм в цифровую эпоху: репрезентация культурного кода и исторической памяти в российских видеоиграх // Культура и цивилизация. – 2025. – Т. 15. – № 10А. – С. 81–88.

5. Кочеганова П. П. Языческие и фольклорные мотивы в российских компьютерных играх // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Т. 2. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. – С. 56–80.

6. Федоскин А. И. Новые религиозные движения в цивилизационном процессе на примере нового славянского язычества в России // Актуальные вопросы локальной и региональной истории: сборник статей по материалам II Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Н. Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина 2024. – С. 209–213.

Сведения об авторе

Федоскин Алексей Игоревич – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-4754-663X, e-mail: mayritso2001@yandex.ru

УДК 82-31
ГРНТИ 17.82.30

Русский национальный характер в деревенской прозе Ивана Бунина

Л. ЧЖАН

В статье анализируется репрезентация русского национального характера в деревенской прозе И. А. Бунина. Выявляются ключевые черты народного характера. Обосновывается, что обращение к деревенской теме позволяет раскрыть внутренние противоречия национального сознания и формирование коллективной идентичности «мы».

Ключевые слова: И. А. Бунин, деревенская проза, русский национальный характер, национальное сознание.

Вопрос о русском национальном характере занимает важное место в современной гуманитарной науке, поскольку он непосредственно связан с проблемами национальной идентичности и самоопределения. Особую роль в осмыслении этих процессов играет художественная литература, в которой формируются и закрепляются представления о «своём» и «чужом», а также о границах коллективного «мы». В этом отношении проза Ивана Бунина представляет собой значимый материал для анализа, поскольку в ней отражены не только социальные изменения рубежа XIX–XX вв., но и глубинные черты национального сознания.

Творчество Ивана Бунина отличается строгим художественным подходом и достоверным изображением состояния русской деревни начала XX в. Глубокое и точное раскрытие черт национального характера, проявляющихся в русском крестьянстве, имеет под собой жизненную основу и внутренний опыт писателя. В своей автобиографии Бунин писал: «Детство и юность почти целиком провел в деревне» [Бунин, 1936, с. 9]. В последующие годы, уже покинув деревню, писатель продолжал внимательно следить за состоянием русской деревни. В 1897 г. в письме к М. Белоусову Бунин писал: «Всё учусь, – по книгам и по жизни: шатаюсь по деревням, по ярмаркам, – уже на трёх был, – завёл знакомства со слепыми, дурачками и нищими, слушал их песнопения» [Померанцева, с. 139]. В интервью газете «Московские ведомости» Бунин отмечал: «Я не стремлюсь описывать деревню в ее пестрой и текущей повседневности. Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина» [Мальцев, с. 161].

Повесть «Деревня», опубликованная в 1910 г., а также последующие произведения на деревенскую тему, включая «Весёлый двор», «Худая трава», «Ночной разговор», «Иоанн Рыдалец», «Игнат», представляют собой результат длительных и всесторонних наблюдений, и осмысления писателем русской жизни. Эти произведения через изображение различных типов сельского общества на рубеже веков, таких как «старые хозяева», представленные семьёй Хрущёвых, «новые хозяева», представленные Тихоном, «лишние люди» нового времени, представленные Кузьмой, а также крестьяне, погружённые в фантазии, представленные Серым, исследуют проявления русского национального характера. В то

же время различия и противостояния между этими персонажами в определённой степени отражают внутреннюю напряжённость категорий «свои», «чужие» и «мы». Эти произведения отражают трудности, возникающие в процессе социально-исторического развития России, исследуют причины общественного кризиса, тем самым поднимая проблему судьбы отдельного человека на уровень судьбы всей нации.

По мнению Бунина, русский народ представляет собой единое целое, в котором отсутствует различие между дворянством и крестьянством. Это обусловлено тем, что их образ жизни, психологическое состояние и даже кровные связи тесно взаимосвязаны и обладают единой русской душой. Различие заключается лишь в лучших условиях жизни дворянства. Так, в повести «Суходол», где речь идет об упадке дворянского рода, незаконнорожденный сын деда Петра Кирилловича Герваська является побратимом отца и обменивается крестами; служанка Наталья и хозяйка дома тётка Дуня сходят с ума из-за любви. Эти описания раскрывают структуру отношений, в которой «каждый содержит в себе другого», и отражают сложность коллективной идентичности «мы».

Писатель, далекий от идеализации народа, обнаживший самые отрицательные его черты, тем не менее как никто другой любил и остро чувствовал его [Фиш, с. 116]. Прежде всего Бунин считает, что русскому человеку присуща неизбывная тоска. Многие русские писатели обращались к осмыслению данного феномена. Типичным примером является герой романа Александра Пушкина «Евгений Онегин» Онегин. С раннего возраста он получал воспитание в высшем обществе, однако жизнь, наполненная развлечениями, не приносила ему радости, а лишь усиливала ощущение пустоты и скуки. «Короче: русская хандра / Им овладела понемногу ... Ничто не трогало его, / Не замечал он ничего» [Пушкин, с. 24]. Он стремился к деятельности и самореализации, но не находил своего места в обществе. В итоге он завершает жизнь в бесцельном странствии. Состояние внутреннего противоречия, выражающееся в неудовлетворённости реальностью и невозможности её изменить, ярко проявляется в персонажах деревенской прозы Бунина. Повесть «Деревня» изображает жителей села Дурновка как людей, охваченных духовным кризисом. «Чудной мы народ! Пестрая душа! То чистая собака человек, то грустит, жалкует, нежничает, сам над собою плачет» [Бунин, 1965, с. 63]. Каждый герой несёт в себе собственную форму страдания. Кузьма является крестьянином-самоучкой с ярко выраженными идеалистическими устремлениями. Он стремится изменить общество, однако не находит путей для реализации своих идей. Повседневная бедная и однообразная жизнь постепенно разрушает его стремления, превращая его в «уродливого человека». Он не в состоянии противостоять реальности и вынужден с ней смириться.

Тихон, будучи потомком крепостных, самостоятельно добивается положения и становится хозяином имения Дурновка. Он является расчётливым и хозяйственным человеком. Однако, несмотря на его усилия, деревня приходит в упадок. Его жизнь лишена радости, отношения с окружающими лишены тепла. «Народу на свете – как звёзд на небе; но так коротка жизнь, так быстро растут, мужают и умирают люди, так мало знают друг друга и так быстро забывают всё

пережитое, что с ума сойдёшь, если вдумаешься хорошенько!» [Бунин, 1965, с. 53]. Осознание краткости жизни и невозможности взаимопонимания приводит его к ощущению бессмысленности существования. В конечном итоге он, как и всё созданное им, оказывается обречённым на забвение.

В рассказе «Весёлый двор» герой Егор испытывает постоянную тоску, связанную с невозможностью найти своё место в жизни. Он стыдится своей бедной семьи и покидает её. Его мать Анисья жертвует всем ради сына, однако он отдаляется от неё. После её смерти он ощущает одновременно свободу и пустоту, что приводит его к самоубийству.

Во-вторых, беспричинная тоска, свойственная героям Бунина, сопряжена с неосуществимыми мечтами о повседневной жизни, с надеждой на то, что все проблемы могут быть решены раз и навсегда. В «Деревне» Серый живёт в ожидании лучшей жизни, не предпринимая активных действий. Его существование становится символом пассивного ожидания.

В-третьих, еще одной характерной чертой героев Бунина является неспособность к нормальной жизни, проявляющаяся в отвращении к повседневному быту. Они не любят работать и не умеют работать. Повседневный труд воспринимается ими как лишённый смысла. Ни в «Деревне», ни в «Суходоле» Бунин не уделяет большого внимания изображению повседневного крестьянского труда; его герои постоянно пребывают в мире несбыточных грез. В «Деревне» Серый работает спустя рукава, постоянно ожидая, что ему подвернется легкое и хорошее занятие. Егор в «Весёлом дворе» ведет праздную жизнь, и когда ему наконец удается получить место лесника, поначалу он доволен этим обеспеченным существованием, но со временем однообразие и бессмысленность повторяющихся дней становятся ему невыносимы, и он начинает пьянствовать. Его друг, кузнец, думает не о том, как лучше выполнить свою работу, а предается фантазиям о далекой и нелепой русско-японской войне.

Кроме того, еще одну черту национального характера составляет присущая русским людям нелогичность поведения и противоречие между словом и делом. Кузьма замечает: «Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово – одно, а дело – другое! Русская, брат, музыка: жить по-свинячьи скверно, а всё-таки живу и буду жить по-свинячьи!» [Бунин, 1965, с. 35]. В своих произведениях Бунин безжалостно обнажает эти роковые слабости русского национального характера.

Вместе с тем Бунин показывает и положительные стороны национального характера. Таковы, например, старик Иванушка в «Деревне», олицетворяющий собой древнюю, патриархальную Русь; смиренный и благочестивый стражник Митрофан в «Соснах»; крестьянин Аверкий в «Худой траве»», спокойно ожидающий своей кончины. Эти образы в определенной степени представляют собой альтернативную модель «идеального мы».

В целом дореволюционные произведения Бунина демонстрируют переход от изображения отдельных социальных групп к осмыслению судьбы всей России и русского народа. Социальный кризис рассматривается им на философском уровне. По мнению писателя, причины упадка русской деревни связаны не

столько с внешними условиями, сколько с внутренними противоречиями национального характера. Эти противоречия одновременно формируют национальную идентичность и становятся источником кризиса. С точки зрения национального характера деревенская проза Бунина не только отражает реальность начала XX в., но и участвует в формировании представлений о русской идентичности. Через изображение психологии и поведение персонажей формируются границы категории «мы», а также выявляются внутренние противоречия в системе «свои» и «чужие».

Список источников

1. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. – М.: Посев, 1994. – 432 с.
2. Померанцева Э. В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. – 1973. – Т. 84, – № 2. – С. 139–152.
3. Бунин И. А. Собр. соч. Т. 1. – Берлин: Петрополис, 1936. – С. 9–12.
4. Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1965. – 508 с.
5. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Изд-во Public Domain, 1833. – 198 с.
6. Фиш М. Ю. «Русь» и «чудь» Ивана Бунина (к проблеме русского национального характера в восприятии писателя) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 116–120.

Сведения об авторе

Чжан Лу – аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-3021-7183, e-mail: chzhan.lu@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

УДК 81`37
ГРНТИ 16.01

Безэквивалентные русские фразеологизмы в коммуникативной практике студентов-филологов

Е. Н. АБРАШИНА

В статье рассматриваются актуальные проблемы выявления культурно-национальной информации в безэквивалентных русских фразеологизмах. Особое внимание уделено особенностям использования фразеологических единиц с культурным компонентом в речи студентов-филологов.

Ключевые слова: безэквивалентные фразеологизмы, русские фразеологизмы, национально-культурный компонент, коммуникативная практика, студенты-филологи.

В культурно-национальной картине мира всякого языка отражаются мировоззрение носителей данного языка, их поведение, взаимоотношения, особенности быта, отношение людей к труду, оценка человеческих качеств – в виде обычаев, стереотипов, символов и т. д. В создании национальной, своеобразной картины мира ключевую роль играют безэквивалентные слова и фразеологизмы, которые невозможно буквально перевести на другой язык, поскольку именно их лексическим понятиям присущ уникальный культурный компонент, и их содержание невозможно сопоставить с понятием какого-либо иноязычного слова или фразеологизма.

Задаваясь вопросом об объеме фразеологического материала, мы придерживаемся «широкого» подхода к изучению фразеологических единиц и разделяем точку зрения Н. М. Шанского: «фразеологический оборот – это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Шанский, с. 169–170].

Фразеологизмы – одно из средств обогащения как речи, так и культуры конкретного индивида – как правило, незнакомы молодому поколению. В коммуникативной практике студентов, по нашим наблюдениям, используются главным образом разговорные и межстилевые фразеологические обороты, чаще всего образованные на базе свободных сочетаний слов: *так себе, во всяком случае, в конце концов, сойти с ума, губа не дура* и др. Значительное место во фразеологическом запасе современных студентов занимают мемы и «присказки» – короткие рифмованные фразы.

Несмотря на уникальность русских фразеологизмов с культурным компонентом, позволяющих лучше понять «душу народа», современные носители русского языка редко используют в своей речи подобные фразеологизмы, не испытывают необходимости в них. Отчасти это можно объяснить тем, что

многие безэквивалентные фразеологизмы являются фразеологическими сращениями и обладают цельным значением (*лясы точить, играть в бирюльки* и др.), а также наличием в их составе устаревших слов (*притча во языцех, во время оно, воздать сторицей* и др.).

Безэквивалентные русские фразеологизмы изучаются магистрантами Московского городского педагогического университета направления обучения «Филология», программа подготовки «Русский язык в полиэтническом культурном пространстве». Ознакомившись с группами безэквивалентной лексики по генетической классификации В. Г. Костомарова и Е. М. Верещагина [Верещагин, Костомаров, с. 45–51], студенты получают задание найти примеры русских фразеологизмов с национально-культурным компонентом и обосновать свой выбор данных фразеологизмов, попытаться их сгруппировать.

В первую очередь студенты выбирают широко распространённые фразеологические единицы с денотативным компонентом, выраженным конкретно-предметной лексикой – в названиях предметов традиционного русского быта, предметов национальной культуры: *бить баклуши, тертый калач, ни на грош, лыка не вяжет, отложить в долгий ящик, от горшка два вершка, как аршин проглотил, косая сажень в плечах, выносить сор из избы, проще пареной репы, с три короба* и т. п. Также легко выделяется национально-культурный компонент во фразеологизмах, запечатлевших яркие события русской истории: *как швед под Полтавой; вот тебе, бабушка, и Юрьев день, Мамай прошел* и т. п., национальные имена собственные: *во всю ивановскую, казанская сирота, филькина грамота* и т. д. По замечанию М. Л. Ковшовой, «собственное имя в составе идиом и паремий интерпретируется как значимый компонент, который несет дополнительную информацию о происхождении фразеологизма или проясняет смысл пословицы» [Ковшова, с. 144]. Хотя фразеологических единиц с именем собственным около 2–3% от общего количества, однако часто студенты-филологи не знают значение и происхождение таких фразеологизмов, как, например, *коломенская верста, тришкин кафтан, демьянова уха.*

Сложнее выявить своеобразие культурной информации в тех фразеологических оборотах, где она выражается через соотнесенность скрытого во фразеологизме образа с типовыми ситуациями и эталонными представлениями, стереотипами, символами национальной культуры. Так, например, фразеологизмы *ни кола ни двора, как воды в рот набравши, пошевелить мозгами, за тридевять земель,* образно выражая соответствующие понятия («ничего», «молчит», «подумать», «далеко»), «транслируют» слушателям национально-культурное своеобразие русских фразеологизмов.

С целью выявления понятийного содержания русских фразеологизмов с культурным компонентом нами было проведено специальное исследование с применением одного из видов лингвистического интервьюирования – метода письменной рефлексии. Данный метод позволяет «выявить наиболее яркие компоненты значения в их возрастной, гендерной и региональной специфике» [Виноградова, Стернин, с. 41].

В исследовании приняли участие 46 студентов первого курса магистратуры: 8 юношей и 36 девушек, возраст участников – двадцать один-тридцать лет. Из всех участников четыре иностранца – из Узбекистана, Турции, Китая и Сирии. Студентам были розданы анкеты, на выполнение задания потребовалось до десяти-двенадцати минут. Анкета выглядела следующим образом:

Уважаемые участники анкетирования, объясните, как Вы понимаете значение фразеологизмов:

Тянуть лямку;

Печки-лавочки;

Медвежий угол;

От доски до доски;

Зелёная улица;

Перековать мечи на орала.

Приведем ответы участников анкетирования.

Тянуть лямку – значение фразеологизма не знают 10 % студентов (не дали никакого ответа), ещё 14 % дали ответ «тяжело работать», «выполнять тяжёлую работу». 27 % студентов дали верное толкование данного фразеологизма, сходное с его толкованием во «Фразеологическом словаре» под редакцией А. И. Молоткова: «ТЯНУТЬ ЛЯМКУ. Заниматься тяжёлым, неприятным, чаще однообразным делом» [Фразеологический словарь, с. 465] – «выполнять тяжёлую, муторную работу»; «выполнять неприятную, сложную работу»; «делать что-то тяжелое, обременяющее»; «тяжкий труд (бурлаки?)»; «трудиться усердно, делать что-то с усилием, но однообразно»; «заниматься чем-то нудным, тяжёлым, долгим». Другие ответы: «выполнять большую часть работы»; «перетягивать внимание на себя»; «лениться»; «то же, что и «тянуть кота за хвост» – долго что-то делать или решаться»; «медлить с чем-то»; «делать что-то очень долго»; «тянуть время, оттягивать дело»; «делать что-то нежелательное (изматывающее) долгое время»; «нести службу, терпеть»; «отлынивать»; «выживать на МРОТ».

Печки-лавочки – 40 % магистрантов не дали никакого ответа о значении данного фразеологизма; варианты ответов: «обычная бытовая жизнь»; «что-то традиционное»; «обычный уклад жизни»; «что-то базовое, неважное»; «место, где спят»; «бессмысленность или привычный уклад жизни (в доме только печки и лавочки)»; «то да сё, повседневные вещи»; «исконно»; «интерьер, разг.»; «болтушки на лавочках»; «ну всё как бы, приехали»; «множество чего-либо»; «желание отдыхать, бездельничать». Как видим, ни один студент не дал верное объяснение значения фразеологизма: «ПЕЧКИ-ЛАВОЧКИ *у кого с кем*. Прост. Близкое, короткое знакомство» [Фразеологический словарь, с. 306].

Медвежий угол – данный фразеологизм неизвестен 40 % магистрантов (не дали ответа); варианты ответов: «глухое, отдаленное место»; «глухое место»; «далеко (находится)»; «отдалённое укромное место»; «отдалённое место»; «какая-то берлога, укрытие»; «своё место»; «место, где ничего нет, глухое место»; «запущенное, отдалённое место»; «грязное, тёмное помещение»; «тёмное теплое место»; «непопулярное место»; «провинция». Правильно приводят значение фразеологизма *медвежий угол*, по нашим данным, лишь 27 % студентов. Ср.:

«МЕДВЕЖИЙ УГОЛ. Отдалённое, глухое малонаселённое место; захолустье» [Фразеологический словарь, с. 467].

От доски до доски – не знают 25 %, неправильно понимают данный фразеологизм 27 % студентов. Наиболее частотные ответы: «от начала до конца» – 32 % опрашиваемых студентов, «полностью» – 10 %. Другие ответы: «от и до, полностью»; «от А до Я»; «от края до края»; «все, целиком»; «от звонка до звонка»; «от рождения до смерти»; «от одного периода жизни до другого»; «от одного уровня образования до другого»; «до какой? – гробовой»; «жить очень скучную, однообразную жизнь»; «честно, по правилам». Ср.: «ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ. От начала до конца, целиком, полностью, ничего не пропуская (прочитать, выучить и т. п.») [Фразеологический словарь, с. 139].

Зелёная улица – не дали ответа 40 % студентов. Частотные ответы: «озеленённая, засаженная деревьями»; «улица, на которой посадили деревья, цветы и т.д.»; «улица полная растений»; «улица, на которой много деревьев»; единичные ответы: «новая улица»; «облагороженная улица»; «чистое место, в котором много растительности»; «эко-город»; «зеленый свет»; «хорошее место»; «безопасность». Ср.: ЗЕЛЁНАЯ УЛИЦА. 1. Свободный путь, без препятствий и задержек, обычно для движения железнодорожного транспорта. 2. Устар. Наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России [Фразеологический словарь, с. 470–471]. Таким образом, никто из русских студентов не дал правильного ответа.

Неожиданными стали ответы двух студентов-иностранцев: *зеленая улица* – «открытый путь, также природный (экологический) путь» – ответ китайского студента, который в анкете показал знание только этого фразеологизма; «улица, по которой проходит преступник перед его казнью» – ответ сирийского студента с пояснением: зелёный цвет в арабском языке обозначает «весну и новое рождение», «щедрость» (*зелёные руки*), «о человеке, который принесёт добро» (*зеленые ноги*).

Перековать мечи на орала – не знают 32 % магистрантов; 36 % респондентов правильно понимают значение фразеологизма, причем 2 человека посчитали нужным письменно разъяснить значение слова *орало* («орало – соха, то, чем вспахивают землю»; «орала – инструменты для пахоты»); оставшиеся 32 % понимают фразеологизм неверно. Мы получили следующие ответы: *перековать мечи на орала* – «перейти от войны к мирным действиям»; «сложить оружие, то есть от военных действий перейти к мирным переговорам»; «от боевых действий перейти к переговорам»; «сменить военную риторику на мирную»; «прекратить спорить, помириться / изменить подход к делу»; «перейти от вражды к миру»; «перестать враждовать, заключить мир»; «заключить мир, начать вести мирную жизнь»; «что-то кардинально изменить»; «изменить состояние предмета, отказ от военных действий»; «обезоружить»; «что-то про конфликт»; «переделать что-то ценное на не очень ценное»; «променять что-то дорогое на бесполезное»; «переродиться».

Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что в целом понятийное содержание русских безэквивалентных фразеологизмов известно примерно 23 % магистрантов. Выявленное смысловое несовпадение словарных дефиниций и толкование значений фразеологизмов, данное студентами, объясняется тем, что постоянные изменения в языке и культуре наложили отпечаток и на языковую картину мира современных молодых россиян. Если не семантизировать национально-культурный компонент, то безэквивалентные фразеологизмы ложно отождествляются (по нашим данным, в 42 % случаев), отсюда необходима постоянная работа по семантизации безэквивалентных фразеологических оборотов на всех этапах обучения.

Список источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.

2. Виноградова О. Е., Стернин И. А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. – Воронеж: издательство «Истоки», 2016. – 157 с.

3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.

4. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. 7-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 524 с.

5. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 2-е изд., испр. – М.: Просвещение, 1972. – 328 с.

Сведения об авторе

Абрашина Екатерина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-3572-1725, e-mail: abrashinae@mail.ru

УДК 81'373
ГРНТИ 16.21.33

Лингвокультурологический анализ ключевых концептов (гора, река, конь) в алтайских сказаниях

А. Н. АГАПОВА

В статье исследуются ключевые концепты алтайских сказаний – «гора», «река» и «конь». Рассматривается мифопоэтическая картина мира алтайцев. Отмечается, что эти природные образы являются не просто фоном повествования, а служат сакральными ориентирами, предстают как одушевленные персонажи и выступают критериями социальной значимости богатыря. В заключение обосновывается значимость перевода и интерпретации данных текстов на русский язык для межкультурного диалога народов России.

Ключевые слова: алтайские сказания, концепт, картина мира, лингвокультурология.

Алтайский фольклор включает в себя множество жанров, среди которых сказка выделяется своей оригинальностью и ярко выраженным национальным колоритом. Алтайские сказания являются концентрированным выражением мифопоэтического сознания алтайцев, где природа, животные и сверхъестественные сущности наполнены глубоким символическим смыслом.

Анализ ключевых концептов «гора», «река» и «конь» позволяет не только понять ценностные ориентиры и особенности мировосприятия, зашифрованные в этом фольклоре, но и проследить, как эти архетипы формируют структуру мифологического текста. Особый интерес представляет то, как эти смыслы интерпретируются с помощью русского языка, который выступает инструментом межкультурного диалога, знакомя разные народы России с уникальной культурой алтайцев.

Алтайский фольклор формировался в тесной связи с природой Горного Алтая, что сделало ее элементы не просто фоном, а активным участником и символом повествования. Как отмечает лингвокультурология, в устойчивых фольклорных формулах, эпитетах и сравнениях наиболее прочно закрепляются культурные смыслы, что позволяет рассматривать сказания как ключ к пониманию традиционной картины мира [Воробьев, 1997, с. 137]. Сказания – это произведения фольклора, отличающиеся глубокой мифологичностью, где реальный мир неразрывно переплетен с миром сверхъестественных сил, а окружающая природа наделена символическим и сакральным смыслом. Создателем сказаний является народ, поэтому они не имеют конкретного автора, в отличие от произведений художественной литературы.

Для выяснения наиболее полного и точного определения базовых концептов «гора», «река» и «конь» в тексте алтайского сказания, обратимся к лексикографическим источникам и данным алтайской мифологии.

В словарях алтайского языка и этнографических описаниях значение слова «гора» (Туу, Таг) представлено не только как форма рельефа, но и как мировая ось, связующая три мира: верхний (небесный), средний (земной) и нижний (подземный).

Бурая гора, от солнца не выгорающая,
Под солнцем извиваясь,
Глаз солнца закрывая, стояла
[Алтайские героические сказания, 1997, с. 87] –

гора здесь настолько высока, что способна заслонить солнце. Это указывает на ее функцию мировой оси, соединяющей землю и небо.

Ярким проявлением культа гор является древнейший обычай сооружения каменных насыпей – обоо, распространенный у алтайцев. Путники на перевалах и вершинах складывают камни в горку, отдавая дань уважения «Хозяину» горы. Эта традиция, сохранившаяся на Алтае до наших дней, служит маркером как материальной, так и духовной культуры. Такое почитание «Хозяина горы» и сакральное восприятие ландшафта нашли отражение не только в обрядах, но и в устном народном творчестве. Так, например, родина эпического героя в сказаниях Н. У. Улагашева и А. Г. Калкина – образ земли Алтай-Буучай – строится на традиционной для алтайского фольклора оппозиции «*тайга – талай*» (гора и река) [Конунов, 2014, с. 21].

В текстах гора часто описывается формулой «недосягаемо высокая гора – тайга»:

Направился к лопаткам больших-пребольших гор,
Вскакивал на плечи высоких-превысоких гор
[Алтайские героические сказания, 1997, с. 96] –

для алтайской мифологии характерно представление о горе как о живом великане (легенды о превращении богатырей в горы, например, Бабырган). Женщина-богатырь не просто поднимается на гору, а «вскакивает на плечи» – это акт получения от нее силы и разрешения на дальнейший путь. Гора выступает местом испытания, которое героиня со своим сыном должны преодолеть, чтобы доказать свою мощь и право на подвиг.

Очень распространенный пример того, как богатство и могущество героя сравниваются именно с горой: «Богатство мое с гору накопленное». Это прямо противопоставляется иным культурным кодам, где для обозначения изобилия могла бы использоваться «река».

В «Маадай-Каре» богатырь описывается через его владение горами:

Он владеет семью островерхими богатыми горами Черет-Чемет,
Он владеет девятью островерхими краснокаменными горами Чеметен-Туу
[Маадай-Кара. Алтайский героический эпос, 1973, с. 36] –

горы выступают не просто ландшафтом, а маркером могущества и богатства героя.

Как отмечает З. С. Казагачева, в алтайском сказании «все ... по величине сравнивается с недосягаемо высокой горой – тайгой, а не с рекой» [Казагачева, 2002, с. 145]. Гора является эталоном величия и устойчивости.

Таким образом, независимо от того, идет ли речь о сказительской традиции или повседневной ритуальной практике, гора неизменно выступает в роли сакрального центра. При этом в сказаниях образ родовой горы в алтайском эпосе

двуедин: это и охотничьи угодья богатыря, и природный предел, за которым лежит чужая земля.

Концепт «река» (Суу) в алтайском мировидении осмысляется как граница между мирами и источник жизни, имеющий собственного духа-хозяина (Суу ээзи). В народных представлениях река – это не просто географический объект, а одушевленная сущность, способная испытывать целый спектр чувств. Например, в сказании о Сартакпае: *«Днем и ночью слышал он плач зажатых камнями алтайских рек. Напрасно бросались они с камня на камень. Не под силу было им одолеть твердые горные кряжи. Брызги воды висели на камнях, как слезы. Горько было Сартакпаю смотреть на слезы алтайских рек, устал он слушать их немолчный стон»* [Гарф, Кучияк, 1939, с. 1]. Или, напротив: *«С веселой песней побежали к Чулышману все попутные ручейки и речки... Засмеялась река, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с водой и старик Сартакпай»* (из сказания «Сартакпай» – о богатыре, прокладывавшем путь рекам) [Там же, с. 1].

Более того, реки способны не только чувствовать, но и вступать в сложные социальные отношения. Об этом свидетельствует, например, сказание о реках Алей и Безымянная, которые *«счастливо зажили семейной жизнью»*, а их союз принес изобилие окрестным землям: *«каждый год поили разнотравье, проделывая большие разливы весною, для людей давали много рыбы и питьевой воды»* [Гарф, Кучияк, 1939, с. 8].

Эта одушевленность и сакральный статус реки определяют ее ключевую роль в эпических сюжетах, где она символизирует поток жизни и течение времени. В сказаниях река часто выступает границей между мирами – средним и нижним, миром людей и миром духов, или важным этапом на пути героя, его испытанием. В сказании «Шелковая Кисточка – Торко-Чачак» река является именно таким рубежом: *«Семь дней, семь ночей с девочкой прощались. На восьмой посадили Шелковую кисточку в деревянную бочку, стянули бочку девятью железными обручами, забили дно медными гвоздями и бросили в бурную реку»* [Гарф, Кучияк, 1939, с. 4]. Река здесь – рубеж между жизнью и смертью, старым миром и новым. Героиня проходит через воду как через испытание, чтобы обрести новую судьбу.

Конь в алтайском сказании – это не просто домашнее животное, а божественный спутник богатыря, его проводник в иной мир и важнейший элемент эпической картины мира. Без него богатырь немыслим: конь выступает верным спутником, мудрым советчиком и спасителем. Через отношение к коню в сказаниях определяется нравственная ценность персонажа. Герой бережет и почитает своего коня, прислушивается к его словам.

В сказании «Алтай Бучай» после гибели богатыря его чудесный конь Темичи-ерен отправляется в опасное путешествие, чтобы отыскать место, *«где Алтай Бучай зародился»* [Гарф, Кучияк, 1939, с. 10]. Цель этого пути – восстановить связь с сакральными истоками героя и обрести силу, способную вернуть его к жизни. Описание этого пути поражает своей символичностью. Конь выступает не просто средством передвижения, но активным проводником между миром живых и миром духов, обладающим знанием о том, куда и к кому

следует обращаться. Темичи-ерен находит мать богатыря – Белую старуху (Ак-Эмеген), духа белой тайги. Выслушав коня, она открывает, что только дочь небесного Белого Бурхана способна оживить Алтай-Бучая. И здесь происходит удивительное: сама Ак-Эмеген решает отправиться в верхний мир (устуги орон), и конь становится тем, кто доставляет ее к небесному божеству.

Таким образом, Темичи-ерен в полной мере реализует мифологическую функцию: конь не просто находит путь к истокам хозяина, но и обеспечивает возможность диалога между мирами, необходимого для возвращения богатыря к жизни.

В сказании «Алып-Манаш» конь предупреждает героя об опасности: *«Много к стойбищу следов идет, обратного следа не вижу»* [Гарф, Кучияк, 1939, с. 12]. Богатырь в гневе не слушает совет коня, но вскоре засыпает мертвым сном, а конь оборачивается белой звездой и поднимается на небо. Этот эпизод ярко иллюстрирует, как конь выполняет пророческую функцию и связан с небесной сферой.

В языковом воплощении концепта ключевую роль играют устойчивые сочетания, которые всегда подчеркивают не только внешние качества *(«небесный», «игреневый», «крылатый», «бело-серый»*), но и разумность, преданность, способность к предвидению. Речь коня насыщена мудрыми наставлениями, игнорирование которых ведет героя к испытаниям.

Таким образом, чтобы понять алтайские сказания, нужно вслушаться в их язык. Такие слова, как «гора», «река» и «конь», значат для алтайцев гораздо больше, чем просто предметы. Эти слова хранят в себе древние мифы и верования этого народа, поэтому их невозможно заменить одним точным словом из другого языка. Их передача на русский язык требует от переводчика выработки особого подхода, позволяющего сохранить этнокультурную специфику и избежать смысловых потерь. Опыт первых переводчиков (П. В. Кучияка и А. Л. Гарф) доказал: чтобы точно передать смысл алтайских сказаний, нужно сочетать два способа. Во-первых, сохранять в тексте исконные названия и понятия. Во-вторых, пояснять их или адаптировать для читателя. Благодаря этому тексты становятся понятными, но не теряют своей самобытности. Поэтому изучение и научно обоснованный перевод алтайских сказаний на русский язык представляют собой важнейшую научную и культурную задачу. Ее решение способствует не только сохранению уникального наследия, но и его органичному вхождению в поликультурное пространство России, где русский язык выступает связующим звеном, обеспечивающим межкультурный диалог.

Список источников

1. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск, Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 668 с.

2. Воробьев В. В. Лингвокультурология (Теория и методы). – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.

3. Гарф А. Л., Кучияк П. В. Алтайские сказки. – М.: Детиздат, 1939. – 47 с.

4. Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода: дис. … д-ра филол. наук: 10.01.09. – М., 2002. – 353 с.

5. Конунов А. А. Стилевые приемы в героическом эпосе «Алтай-Буучай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2014. – № 1(26). – С. 20–27.

6. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. – 474 с.

7. Суразаков С. С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1961. – 179 с.

Сведения об авторе

Агапова Анастасия Николаевна – кандидат филологических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCIDID: 0009-0007-9558-4748, e-mail: agapovaan@inbox.ru

УДК 811.161.1
ГРНТИ 16.41.21

Концепт «помощь» как константа русской ментальности (на примере отдельных рассказов повести «Последний поклон» В. П. Астафьева)

Е. Л. КАЛИНИНА

В статье представлено исследование языковой репрезентации концепта «Помощь» в рассказах В. П. Астафьева «Далекая и близкая сказка», «Деревья растут для всех», «Гуси в полынье», «Запах сена», «Осенние грусти и радости». С помощью методов когнитивной лингвистики анализируется содержание концепта в различных текстах, а также средства его вербализации.

Ключевые слова: лингвопоэтический анализ, концепт, помощь, ядро концепта, вербализация, репрезентация.

Виктор Петрович Астафьев – автор, заслуженно входящий в авангард русской советской прозы, в чьем творчестве отразились ключевые константы народной, прежде всего крестьянской ментальности. Повесть «Последний поклон», над которой писатель работал всю свою творческую жизнь, включает как ранние рассказы «детского» цикла (шестидесятые годы двадцатого столетия), так и поздние произведения, написанные спустя десятилетия. Предметом анализа в предпринятом исследовании стали отдельные автобиографические рассказы, посвященные деревенскому детству Астафьева: «Деревья растут для всех», «Гуси в полынье», «Запах сена», «Осенние грусти и радости» [Астафьев]. В данных произведениях запечатлен мир сибирских крестьян первой половины прошлого века. Анализ концепта «помощь» в данных рассказах обусловлен желанием показать многомерность концепта «помощь» в ментальном пространстве. Анализ концепта основан на методике М. В. Пименовой [Пименова] и включает в себя последовательное раскрытие языковых средств репрезентации указанного концепта с применением приемов лингвистического анализа. Актуальность работы обусловлена применением когнитивного подхода к исследованию творческого наследия В. П. Астафьева.

Сюжетная канва рассказа «Деревья растут для всех» строится следующим образом. Главный герой – Витя Потылицын, мальчик-сирота, который временно оглох после болезни, сочувствует птичке, мухоловке. Ее птенцов погубила кошка, и Витя решает вырастить из ростка дерево, на котором птичка и ее будущие птенцы были бы в безопасности. Однако растение оказалось не деревом, а дикой гречкой, и тут на помощь приходит бабушка: ближе к осени она приносит из лесу лапку лиственницы для посадки.

Концепт «помощь» в данном произведении реализован в сценариях заботы о птице, дереве со стороны мальчика и помощи бабушки в осуществлении планов Вити.

Приведем в качестве примера один из эпизодов рассказа. «В один жаркий, солнечный день, когда болезнь моя утихла и мне даже стало тепло, я пошел за

баню и нашел там росточек с коричневым стебельком и двумя блестящими листками. Я решил, что это боярка, выкопал и посадил за сараем. У меня появилась забота и работа. Ковшиком носил я воду из кадки и поливал саженец. Он держался хорошо, нашел силы отшатнуться от тени сеновала к свету» [Астафьев, с. 27].

В языковом отношении концепт «Помощь» репрезентирован лексемами: «забота», «работа», «вырастить», что реализуется и на уровне идеи рассказа: помощь другому живому существу лечит, дает силы самому помогающему. Забота, опека, помощь важны как для того, кто их получает, так и для того, кто их проявляет, оказывает. В мире все взаимосвязано и все взаимосвязаны, прежде всего добротой.

В основе сюжета рассказа «Гуси в полынье» лежит эпизод из детства автора. Основную часть рассказа составляет история о том, как дети спасли диких гусей, которые не успели вовремя улететь во время осеннего ледостава на Енисее и были заперты в полынье, обречены на гибель.

Сценарий реализации концепта «Помощь» здесь связан с кульминационной сценой спасения птиц. Приведем в качестве примера начало данной сцены. «Гусыня кричала долго и с таким, душу рвущим, горьким отчаянием, что коробило спины.

– Пропадут гуси. Все пропадут. Спасти бы их, – сказал мой двоюродный брат Кеша.

– А как?

Мы задумались. Ребятишки-ребятишки, но понимали, что с Енисеем шутить нельзя, к полынье подобраться невозможно. <...>

Я ползу по доске. Она кажется мне горячей. Под доской трещит и прогибается лед.

– Гусоньки, гусоньки... – шепчу я, глядя на сбившихся в кучу гусей, которые отплыли к противоположному краю полыньи и встревоженно, с недоумением погагакивают.

– Гусоньки, гусоньки!.. – умоляю их, зову и не могу дальше ползти: страшно.<...>

Мать-гусыня поглядела на меня и, недоверчиво гагакая, поплыла к доске. Все семейство двинулось за ней» [Астафьев, с. 33–36].

Ключевыми лексемами, с помощью которых репрезентирован в данном рассказе концепт «Помощь», являются дериваты от корня «спас»: глагол «спасти бы», «спасение», «спасли».

Автор, таким образом, высвечивает одно из важнейших качеств человеческой души: сострадание. Детская душа отзывчива от природы, она еще не огрубела под воздействием жизненных испытаний, поэтому дети первые приходят на помощь попавшим в беду птицам. Есть и еще одна важная мысль: человек должен не только пользоваться дарами природы, но и помогать животным, растениям, беречь все живое.

Сюжетное начало в рассказе «Запах сена» связано с эпизодом зимней перевозки сена в семье главного героя – Вити Потылицына. Часть заготовленного

на зиму сена оставляют на дальнем покосе, а затем перевозят в освободившийся к середине зимы сенник. Мальчики Витя и Алешка собирались поехать вместе со взрослыми, но рано утром их не разбудили, чтобы уберечь от опасной поездки по сибирскому морозу. Мужчины возвращаются очень поздно и тут нужна помощь всей семьи, чтобы закончить работу на сеновале.

Таким образом сценарий реализации концепта «Помощь» связан с эпизодом совместной работы. «Пришли дядя Иван и его сыновья, сродные братья нам, Ваня и Миша, да еще тетка Апроня. И началась шумная работа. Отвязали бастриг на первом возу. Он спружинил, подскочил и уцепился в луну, будто пушка. Воз темным потоком хлынул на снег и занял половину двора. Второй воз свален, третий свален. Сена – гора! …

Нам дали самую главную работу – утаптывать сено. Мы топтали, падали, барахтались. Мужики бросали огромные навильники в темный сеновал и ровно бы ненароком заваливали нас. Глухо, душно станет, когда ухнет на тебя навильник. Рванешься, словно из воды, наверх и поплывешь; поплывешь, но еще не успеешь отплеваться от сенного крошева, забившего рот, – снова ух на тебя шумный навильник. Держись, ребята, не тони!» [Астафьев, с. 46].

Ключевыми лексемами для репрезентации концепта «Помощь» выступают слова лексико-семантического поля «Работа»: свалить (сено), утаптывать, бросать. Идейный план реализации концепта в рассказе связан с мыслью, что человек воспитывается трудом: помощь взрослым в повседневном труде является важной частью взросления человека, его нравственного, интеллектуального и физического развития.

Композиция рассказа «Осенние грусти и радости» строится вокруг одного из видов крестьянского труда – заготовки капусты на зиму, которая подается в произведении глазами ребенка.

Сценарий реализации концепта «Помощь» многоступенчатый. Первым шагом являлась подготовка емкостей и инструментов. Бочки выбучивались – подвергались кипячению в щелоке для обеззараживания. Главный герой так рисует этот процесс: «По кути пробирался ощупью. Везде тут кадки, бочонки, ушаты, накрытые половиками. В них отдаленно, рокотно гремит и бурлит. Горячие камни брошены в воду, запертые стихии бушуют в бочках. Тянет из них смородинником, вереском, травою мятой и банным жаром» [Астафьев, с. 131].

Для рубки капусты нужны были хорошо наточенные инструменты – топоры, ножи, сечки, их подготовка лежала на мужской части семьи: «Под навесом дедушка в старых бахилах стоял у точила и одной рукой крутил колесо, другой острил топор <…> Я поспешил под навес, дед без разговоров передал мне железную кривую ручку <…> Но скоро пыл мой ослабел, все чаще менял я руку и с неудовольствием замечал – точить сегодня много есть чего: штук пять железных сечек да еще ножи для резки капусты…» [Астафьев, с. 131].

В этот же подготовительный день убирали с огорода урожай капусты. Если урожай был значительным, а силы семьи недостаточными, то уже в этот день могли прийти на помощь односельчане. «Приглашенные девушки – «капуст-

ницы» – приходили со своими тяпками, – пишет М. М. Громыко. – Парни являлись незваными и развлекали помочанок шутками, прибаутками, игрой на гармошке и других музыкальных инструментах»[1]. В рассказе помощником становится соседский мальчик Санька.

«Бабушка добавила ему вилок-другой и подтолкнула в спину:

– Ступай, ступай! Будет.

Санька игогокнул, взглянул и помчался с огорода во двор. На крыльцо он взлетел рысаком и, раскатившись в сенках, с грохотом вывалил вилки. Я мчался следом за ним с двумя вилками под мышками, и мне тоже было весело» [Астафьев, с. 133].

На этом предварительная подготовка к засолке капусты обычно заканчивалась. На следующий день приходили на помочь односельчанки, если объемы заготовок были не слишком большие, то обычно это были родственницы и ближайшие соседки.

В рассказе описание помощи составляет самый яркий, кульминационный момент, дополняемый по-детски непосредственным восприятием главного героя: «Утром я убежал в школу, с трудом дождался конца уроков и помчался домой. Я знал, что в нашем доме сейчас делается, что полна горница вольной вольницы, мне там быть позарез необходимо <…> В два прыжка вымахнул я на крыльцо, распахнул дверь в куть. Батюшки-светы, что тут делается! Народу полна изба! Стукоток стоит невообразимый! Бабушка и женщины постарее мнут капусту руками на длинном кухонном столе. Скрипит капуста, будто перемерзлый снег под сапогами. Руки у этих женщин до локтей в капустном крошеве, в красном свекольном соку» [Астафьев, с. 134].

В. П. Астафьев описывает в рассказе такие важные элементы помочи, как угощение, песни и заговор: «Еще с улицы услышал я стук сечек, звон пестика о чугунную ступу и песню собравшихся на помочь женщин:

Злые люди, ненавистные

Да хочут с милым ра-а-азлучи-ить...»,

и далее: «Никакая помочь без выпивки не бывает. Оттого и поют так слаженно и громко женщины – дернули по маленькой, чтобы радостней трудилось и пелось» [Астафьев, с. 134].

Элементы заговора в рассказе «Осенние грусти и радости» представлены в фрагменте угощения «по маленькой» работниц:

«– А ну, бабоньки, а ну, подруженьки! Людям чтоб тын да помеха, нам чтоб смех да потеха!

Одна сечка перестала стучать, другая, третья.

– Штабы кисла, не перекисла, штабы на зубе хрустела!

– Штабы капуста была не пуста, штабы, как эта рюмочка, сама летела в уста!» [Астафьев, с. 136].

Завершалась помочь также особым обрядом прощания и взаимного благодарения: «– Благодарствуем, Катерина Петровна, за угошшэние, за приятну

[1] Громыко М. М. Мир русской деревни [Электронный ресурс]. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/gro/myko/3.htm#14 (дата обращения: 22.03.2026).

беседу. Просим к нам бывать! – кланялись женщины. Бабушка, в свою очередь, благодарила подружек за помощь и обещала быть, где и когда потребуется делу» [Астафьев, с. 138]. На этом помочь заканчивалась, однако финал процесса заготовки этого важного овоща наступал примерно через неделю, когда мужская половина семьи снимала пробу с готовой, заквасившейся капусты: «бабушка подтирала пол и приносила в эмалированной чашке розоватый, мокрый пласт капусты <…> Кольча-младший хрустко жевал минуту-другую. Я жевал. Дедушка жевал. Бабушка напряженно стояла в отдалении, терпеливо ожидала приговору.

– Ельник, березник – чем не дрова? Хрен да капуста – чем не еда? Закуска – я те дам! – заключал Кольча-младший и, крякнув, цеплял на вилку кус побольше и хрустел вкусно, с удовольствием. Дед говорил просто:

– Ничего. Ести можно» [Астафьев, с. 140].

Ключевой лексемой для репрезентации концепта «Помочь» является лексема «помочь». Указанное значение существительного «помочь» с пометами «северное и восточное» (т.е. встречающееся в северных и восточных диалектах русского языка) зафиксировано в словаре В. И. Даля: «Собирать помочь или делать помочь: созывать на помочь, сбирать окольных крестьян на уборку хлеба, покос, молотьбу и пр. местами собирают помочь и на уборку капусты, это капустки» [Даль, с. 282].

В работе «Мир сибирской семьи» отмечается: «Исключительно важную роль в Сибири играли родственные отношения. Даже в третьем-пятом поколении потомки продолжали поддерживать тесные связи, помогать друг другу. Это обусловливалось традициями «помочей», совместного подъема пашни, общими праздниками. Родственники встречались в «съезжие праздники, на свадьбах, крестинах, «проводинах» в «рекруты», а впоследствии при призывах в армию. Родственники собирались вместе провожать в последний путь усопшего…»[1]. Таким образом, традиции сибирских старожилов основываются на ключевых русских крестьянских принципах: жизнь в семье и жизнь в общине. Важной особенностью русской общины, в том числе и сибирской, являлась трудовая поддержка – помощь годовом обороте крестьянской жизни.

Список источников

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 4. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 1, 2. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – 464 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: P-V. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. – 1096 с.

3. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – 2 (54). – С. 127–131.

Сведения об авторе

Калинина Елена Леонидовна – кандидат педагогических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-6358-5595, e-mail: K5822022@mail.ru

[1] Андюсев Б. Е. Мир сибирской семьи // Альманах «Мой Алтай» [Электронный ресурс]. URL: http://myaltai.ru/history/mir-sibiri-semya (дата обращения: 22.03.2026).

УДК 81-112.2
ГРНТИ 16.21.43

Причастие в русской агиографии конца XVI–XVII в.: традиции книжного языка в условиях полиэтнического пространства (на примере житий святых Русского Севера)

А. В. НИКОЛАЕВА

В статье на материале трёх севернорусских житий XVI–XVII вв. анализируются причастные формы. Все конструкции соответствуют церковнославянской норме. Полиэтнический контекст грамматически нейтрален. Подтверждена консервативность традиции.

Ключевые слова: причастие, русский язык конца XVI–XVII в., агиография, Русский Север, дательный самостоятельный, полиэтническое пространство, книжная традиция.

Конец XVI–XVII в. занимает особое место в истории русского литературного языка. Это время активного взаимодействия традиционного книжного (церковнославянского) языка с элементами живой народной речи и постепенного формирования общерусской языковой нормы. Однако агиографическая традиция Русского Севера долгое время оставалась консервативной, ориентированной на архаичность. В то же время Север был зоной активных славяно-финских и славяно-балтских контактов, что ставит вопрос: отразилась ли полиэтническая среда на грамматический строй житийных текстов?

Материалом исследования послужили тексты рукописей конца XVI–XVII в. следующих житий: «Житие Кирилла Новоезерского», «Житие Никандра Псковского»; «Житие Иринарха Ростовского». Все тексты бытовали в севернорусской рукописной традиции.

В древнерусском языке атрибутивная функция является одной из древнейших и наиболее распространённых. Причастия, выступая в роли определения, согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже [Живов]. Данная функция реализуется преимущественно полными (членными) формами причастий, которые принадлежат к книжной традиции. Все примеры, найденные в анализируемых житиях, представляют собой полные действительные причастия настоящего времени, образованные с помощью старославянских формообразующих суффиксов *-ущ-/-ющ-, -ащ-/-ящ-*.

В тексте «Жития Кирилла Новоезерского» зафиксирована серия однотипных конструкций, где причастие в полной форме выполняет функцию определения: «Игуменъ же Корнилий видѣв блаженнаго юношу на земли **лежаща** и слезы многи **проливающа** и проразумѣ **хотящую** благодать явитися на нем, и начат глаголати к нему...» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 356].

Здесь действительные причастия настоящего времени *лежаща* и *проливающа* согласованы с существительным *юношу* в винительном падеже единственного числа. Форма *хотящую* (вин. пад., ед. ч., ж. р.) относится *к благодать*. Все причастия имеют книжные суффиксы *-ащ- и -ющ-* (после основы на гласный). Никаких диалектных отклонений не фиксируется.

Те же закономерности демонстрируют и примеры из «Жития Никандра Псковского» и «Жития Иринарха Ростовского». Единственным элементом полиэтнической среды, зафиксированным с помощью причастной формы, является фрагмент из «Жития Никандра Псковского», где описываются литовские люди.

В этом фрагменте употреблено причастие *воююще*: «…занеже в то время литовские люди **воююще** около града Пскова и Порхова...» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 626]. Грамматическая форма действительного причастия настоящего времени *воююще* ничем не отличается от книжной нормы и соответствует церковнославянской традиции. Однако показательным является сам факт употребления данной причастной конструкции именно в контексте, когда речь заходит о «чужих» – литовских людях, воспринимаемых как враги и иноверцы. Употребление данного причастия отражает восприятие инородцев как активной, враждебной силы, что является косвенным, но важным свидетельством полиэтнической среды и подчёркивает дихотомию «свои-чужие» через синтаксис.

Обстоятельственная функция – наиболее динамичная область, где книжная норма активно взаимодействует с разговорной речью. Но при этих условиях, жития не отходят от агиографических канонов и демонстрируют полную книжную традицию. В исследуемых житиях обстоятельственная функция реализуется краткими действительными причастиями. Они обозначают предшествование (формы на -въ-, -вши-, -ше-) или одновременность (формы на -а-, -я-) [Борковский].

В тексте «Жития Иринарха Ростовского» было зафиксировано наиболее частое употребление данных конструкций. К примеру: «Иоаннъ блаженный, **благословя** и прощение **получивъ**, и нача глаголати...» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 476]. В данном предложении демонстрируется одновременное употребление кратких действительных причастий *благословя* (одновременность действий) и *получивъ* (предшествование действия), что показывает регулярность и частотность использования данных конструкций, так как в одном контексте автор употребляет причастия с разными формообразующими суффиксами. «Житие Никандра Псковского» и «Житие Кирилла Новоезерского» также демонстрируют эту закономерность.

Одним из наиболее ярких признаков книжной традиции является дательный самостоятельный оборот, конструкция церковнославянского синтаксиса, которая выражается сочетанием имени, т. е. существительного или местоимения, в дательном падеже и причастия, которое полностью согласуется с этим именем в роде, числе и падеже.

К концу XVI–XVII в. данная конструкция практически утратила свое употребление в памятниках древнерусской литературы. По мнению И. И. Срезневского, конструкция использовалась до XIV в. [Срезневский], но именно тексты севернорусских житий сохраняли эту традицию дольше всего, что является их характерной особенностью. При этом показательно, что сохранение дательного самостоятельного не было связано с влиянием полиэтнического пространства,

поскольку эта конструкция является сугубо книжной, церковнославянской по происхождению и никогда не проникала в разговорную речь.

В «Житие Никандра Псковского» и «Житие Кирилла Новоезерского» дательный самостоятельный оборот является наиболее частотным. К примеру: «**Сему же старцу Никандру** еще нѣколи **бесѣдующу** с нѣкоимъ крестьянином, окрестъ живущим, именем Симеономъ, и прореченому Никандра смерть, коли умрети, еже и збысться по словеси святаго» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 624]; «Еще **ему** во утробѣ **нерождену бывшу**, во время божественаго пѣния вопиялъ три краты» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 360]. Оба контекста демонстрируют функцию придаточного времени, наиболее употребляемую в севернорусских житиях.

В исследуемых житиях предикативная функция реализуется двумя типами страдательных причастий: настоящего времени на *-мъ-* и, значительно чаще, прошедшего времени на *-нъ-/-тъ-*.

Причастия на *-мъ-* встречаются преимущественно в «Житии Кирилла Новоезерского» и всегда строго соответствуют церковнославянской норме. Пример: «…яко Богомъ **наставляемъ** бѣ юноша сей прииде и хощетъ Богу сосуд избранъ быти...» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 356].

Причастия прошедшего времени на *-нъ-/-тъ-* широко представлены во всех трёх текстах. Они выступают в роли именной части составного сказуемого, чаще без связки (аористное значение: «**поставленъ** игуменомъ» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 466], «**раззорены** стѣны» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 471]), реже со связкой *бысть* (плюсквамперфект: «**невидимъ** бысть» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 356], «**услышан** бысть» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 13, с. 624]). Во всех случаях грамматическая форма полностью соответствует книжной традиции.

Полиэтнический контекст (описания действий литовских людей, панов, разбойников) никак не повлиял на грамматику предикативных причастий: формы, фиксирующие насилие или разорение со стороны инородцев («град посѣчену от литвы» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 482], «братию **побитъ»** [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 488]), идентичны тем, что используются для русских персонажей («И за то панъ Сушинской **повѣшенъ**» [Библиотека литературы Древней Руси, т. 14, с. 488]).

Таким образом, предикативная функция в севернорусских житиях конца XVI – начала XVII в. остаётся консервативной и не обнаруживает значимых региональных или диалектных изменений.

Жития Кирилла Новоезерского, Никандра Псковского и Иринарха Ростовского представляют собой образцы агиографической традиции, в которой причастия выполняют свои функции в строгом соответствии с церковнославянским каноном. Полиэтническое пространство Русского Севера практически не повлияло на грамматику причастных форм, что подтверждает высокую степень автономности книжного языка от разговорной и диалектной стихии в агиографическом жанре.

Список источников

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2005. Т. 13. – 864 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2005. Т. 14. – 758 с.
3. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка: в 2 кн. / В. И. Борковский. Кн. 1. Синтаксис. – М.: Наука, 1978–1979. – 464 с.
4. Живов В. М. История языка русской письменности в 2 т. Т. I / Утверждено к печати Ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 816 с.
5. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский; под ред. Н. Г. Чернышевского. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 143 с.

Сведения об авторе

Николаева Александра Владиславовна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-8688-4341, e-mail: aleksandra.nickolaeva88@yandex.ru

УДК 372.881.161.1
ГРНТИ 14.35.09

Формирование креативного мышления у иностранных студентов в полиэтнической образовательной среде России: историко-педагогический аспект

Е. П. СПИРИДОНОВА

В статье рассматривается актуальная проблема развития креативного мышления у иностранных студентов в полиэтнической образовательной среде России. Историко-концептуальный анализ взглядов отечественных и зарубежных ученых на феномен креативности выявляет потенциал классических педагогических идей для современной методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Особое внимание уделяется условиям, методам и приёмам, способствующим формированию креативного мышления, лингвокультурологической мотивации и профессиональной компетентности иностранных студентов. Статья адресована преподавателям РКИ, работающим в поликультурной аудитории.

Ключевые слова: креативное мышление, русский как иностранный (РКИ), полиэтническая образовательная среда, лингвокультурология, профессиональная подготовка, инновационные методы обучения.

Методика преподавания русского как иностранного (РКИ) в России XXI в. претерпевает изменения, синхронные с трансформацией системы высшего образования в целом. Дискуссии в научно-педагогическом сообществе концентрируются на вопросах целеполагания в подготовке качественных кадров, включая развитие востребованных на рынке труда профессиональных навыков, среди которых все большую значимость приобретает креативное мышление. Качественное владение иностранными студентами русским языком как языком профессионального общения является императивом для достижения высоких показателей их профессиональной подготовки.

Актуальность исследования подтверждается устойчивым ростом числа иностранных студентов в России. С 2013 г. их численность в российских вузах ежегодно увеличивается в среднем на 13,7 %. Если в 2019 г. в России обучалась 241 тыс. иностранных студентов[1], то к 2025 г. их количество достигло 415 тыс.[2] Ключевыми странами-поставщиками образовательных услуг являются Казахстан, Китай, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Индия, Туркменистан. Доля иностранных студентов от общего контингента обучающихся в вузах России составляет в среднем 9,02 %, что обусловливает необходимость учета специфики в их профессиональной подготовке.

[1] Обучение иностранных граждан: сборник материалов // ФГАНУ «Центр социологических исследований». М., 2020. 84 с. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/783615127.pdf (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования [сайт]: ГИВЦ, 2025. URL: monitoring.miccedu.ru (дата обращения: 01.03.2026).

Формирование навыков креативного мышления у данной категории обучающихся рассматривается как ключевой фактор развития не только языковых умений, но и профессиональных компетенций, являющихся конкурентными преимуществами на современном рынке труда. Данная задача согласуется с национальными целями развития России[1], включая достижение промышленного суверенитета, поиск прорывных технологий и развитие креативных индустрий в экономике страны.

Преобладающий контингент иностранных студентов в России – граждане стран Центральной Азии, чьи социокультурный опыт и уровень владения русским языком могут существенно варьироваться. В этой связи реализация занятий по РКИ с применением новаторских и традиционных подходов служит решению комплекса задач: развитию языковых навыков, формированию лингвокультурологической компетенции, освоению профессиональной лексики и развитию «мягких навыков» (soft skills), среди которых креативное мышление занимает центральное место.

Цель исследования – провести историко-концептуальный анализ эволюции взглядов на креативное мышление в трудах отечественных и зарубежных ученых (педагогов, психологов, методистов) XX–XXI вв. в контексте развития методики обучения РКИ.

В основе исследования – историко-теоретический анализ и сравнительно-сопоставительный метод, позволившие систематизировать ключевые концепции креативного мышления в отечественной и зарубежной педагогике, выявить их потенциал для методики РКИ.

Формирование представлений о развитии креативного мышления в отечественной педагогической традиции имеет глубокие историко-гносеологические корни. Его генезис связан с идеями педагогов-мыслителей XVII в., таких как Я. А. Коменский и Симеон Полоцкий, чьи дидактические труды содержали зачатки проблемно-деятельностного подхода, акцентирующего важность стимулирования познавательной мотивации и внутренней активности обучающегося. Вместе с тем концептуализация креативности как целостного психолого-педагогического феномена и предмета целенаправленного формирования произошла значительно позднее – в рамках отечественной науки в середине XX в., где она получила систематическое теоретическое осмысление и экспериментальную разработку[2].

В табл. 1 представлены ключевые этапы в изучении креативного мышления российскими учеными, в том числе имеющие значение для методики преподавания языков иностранным студентам.

---

[1] Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986 (дата обращения: 01.03.2026).

[2] Алешина А. Б. Креативные технологии в обучении говорению на русском языке как иностранном: начальный этап: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 32 с.

Таблица 1

Основные исследования креативного мышления в отечественной педагогике (XX – первая четверть XXI в.)

Год	Исследователь	Название труда	Основные результаты/вклад
1922	С. Л. Рубинштейн	«Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики)»	Обоснование принципа творческой самодеятельности в обучении, «процесса, в котором человек не просто решает задачу, но и сам ставит её, выходя за рамки заданных условий» [11, с. 250]
1934	Л. С. Выготский	«Мышление и речь»	Исследование творческого воображения как психологической системы, производной от всей сознательной жизни человека. Зарождение в отечественной педагогике понятия «зона ближайшего развития», определяющего, что творческие способности формируются в совместной, социально опосредованной деятельности индивида [5]
1959	А. Н. Леонтьев	«Развитие психики»	Проведение анализа связей творчества с мотивационно-смысловой сферой личности [9]
1961	Г. С. Альтшуллер	«Как научиться изобретать»	Разработка, обоснование и апробирование новой технологии ТРИЗ (теория решения изобретательских задач через систему алгоритмов и приёмов), способствующей развитию гибкости и оригинальности технического мышления [2]. Технология получила широкое распространение в 90-е гг. XX в.
1972	М. И. Махмутов	«Теория и практика проблемного обучения»	Рассмотрение диалектики проблемного обучения и ее внутренних закономерностей. Проблемное обучение использует систему проблемных ситуаций, в которых обучающийся выступает как субъект, открывающий новое знание, что моделирует структуру творческого акта [10]

Продолжение табл. 1

1986	Ш. А. Амонашвили, Е. Н. Ильин, С. Н. Лысенкова, В. Ф. Шаталов и др.	«Педагогика сотрудничества»	Описание учебного процесса как духовной общности, доверительного общения преподавателя и обучаемых, которые учатся друг и друга, способствуя развитию творческой личности [3]
1989	А. Г. Алейников	«О креативной педагогике»	Проведение концептуального анализа креативной педагогики и метапедагогики [1]
1996	В. В. Давыдов	«Теория развивающего обучения»	Развитие теории развивающего обучения, ориентированной на формирование у учащихся теоретического мышления и способности к содержательному обобщению [6]
2009	Н. Г. Кизрина	«Обучение студентов третьего курса языкового вуза креативному письму»	Разработка эвристических технологий обучения креативному письму на иностранном языке[1]
2024	М. С. Жукова, Г. В. Сорокоумова	«Искусственный интеллект как инструмент стимуляции критического мышления в процессе обучения иностранному языку...»	Исследование потенциала искусственного интеллекта для стимуляции критического и креативного мышления при обучении языку [7]
2025	Л. А. Константинова	«Взаимосвязь языковых и культурных процессов, или культуроведческая направленность в преподавании РКИ»	Разработка инновационных приемов в методике подготовки иностранцев к межкультурному диалогу [8]

Методические основы обучения иностранным языкам, заложенные выдающимися российскими и советскими учеными Б. В. Беляевым, И. Л. Бим, Е. И. Пассовым, А. Н. Щукиным и другими, создали фундамент для современных инновационно-креативных подходов[2]. Инновационно-креативный подход в обучении РКИ является антропоцентричным и профессионально ориентированным, что подтверждается исследованиями Э. Г. Азимова, Ю. Н. Караулова, А. Н. Щукина и других[3]. Е. М. Верещагин подчеркивал, что обучение РКИ предполагает не только формирование речевых навыков, но и профессиональное и лингвокультурологическое развитие студента.

[1] Кизрина Н. Г. Обучение студентов третьего курса языкового вуза креативному письму (на материале английского языка): автореф. дис. … канд. пед. наук. Н. Новгород, 2009. 22 с.

[2] Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа; 2003. 333 с.

[3] Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы; 2018. 496 с. ISBN 978-5-88337-701-2.

В отечественной традиции понятия «креативное мышление» и «творческое мышление» часто используются как синонимы (П. И. Пидкасистый). В современной российской педагогике креативность рассматривается через призму активного субъект-субъектного взаимодействия, проблемного обучения, диалога культур и рефлексии. Эти идеи легли в основу методов, ориентированных на развитие креативного мышления студентов.

Российскими методистами разработаны разнообразные креативные методики обучения РКИ: работа с художественными текстами, развитие языковой догадки, обучение говорению, креативно-функциональное обучение письму и т.д. Значительную роль в стимулировании креативного мышления на занятиях по РКИ педагоги отводят наглядности и использованию цифровых технологий [12].

Эволюция ключевых направлений в изучении креативного мышления зарубежными учеными и их связь с методикой РКИ отражены в табл. 2.

Таблица 2

Ключевые концепции креативного мышления в зарубежной педагогике и перспективы их использования в современной методике РКИ

Год	Исследователь	Название труда	Основные результаты/вклад	Интерпретация в контексте современной методики РКИ
1903	А. Бине	«Экспериментальное изучение интеллекта»	Разработка методики «измерения креативного мышления» [4]	Акцент на использование дифференцированного и диагностического подхода к оценке уровня языковой и креативной подготовки иностранных студентов
1926	Г. Уоллес	«Искусство мыслить»	Описание модели стадий креативного процесса: подготовка, инкубация, озарение, проверка [18]	Предложенная Г. Уоллесом модель соотносится с этапами формирования речевых навыков, в том числе в диалогической речи, где требуется быстрая генерация и реализация идей
1950	Дж. Гилфорд	«Креативность»	Обоснование сущности дивергентного и конвергентного мышления [15]	Теория применима при выполнении коммуникативных и проблемных заданий, стимулирующих дивергентное мышление и поиск множества решений на изучаемом языке
1962	Э. П. Торренс	«Теория интеллектуального порога»	Разработка тестов изучения креативного мышления [17]	Оценка уровня развития навыков креативного мышления помогает активизировать творческие ресурсы учащегося при изучении языка

Продолжение табл. 2

1988	Т. А. Амабайл	«Социальные среды, убивающие креативность»	Анализ роли среды для развития креативности [13]	Обоснована такая образовательная среда, свободная от излишнего контроля, которая помогает реализовать личностно-деятельностный подход в обучении языку и снизить языковой барьер
2010	Л. Габора	«Месть «ботаников»	Выявлена связь дивергентного мышления с расфокусированным вниманием [14]	Предлагаемые техники снижают психологическую напряженность в процессе формирования языковых навыков (суггестопедия, игровые методы) и запускают внутреннюю мотивацию обучающихся и креативное мышление при изучении языка
2024	Р. Ф. Дж. Хаан и др.	«Иностранный язык: свобода или границы для креативности»	Исследование влияния иностранного языка на развитие креативности в рабочих процессах [16]	Обоснована взаимосвязь между освоением нового языкового кода (в т.ч. русского) и развитием когнитивной гибкости и креативного потенциала обучающегося, что отвечает задачам языковой и профессиональной подготовки

Интерпретация научно-методических идей ученых – педагогов, психологов, методистов – показывает, что и в отечественной, и в зарубежной парадигме определены ключевые психолого-педагогические компоненты креативного процесса, разработаны методы оценки и развития навыков креативного мышления в контексте современной методики РКИ. Само же креативное мышление понимается как способность индивида генерировать оригинальные и актуальные решения поставленных задач.

С дидактической точки зрения для целей обучения РКИ наиболее продуктивны технологии, стимулирующие дивергентное мышление. Среди них:

- методика ТРИЗ (теория решения изобретательских задач), адаптированная для языкового обучения;

- синергия человека и современных технологий (интеграция IT-инструментов в обучении русскому языку);

- дизайн-методы: «мозговой штурм», интеллект- и ментальные карты, диаграммы идей, метод «6 шляп»;

- игровые и симуляционные технологии (моделирование ситуаций), проектная деятельность;

- тренинги и мастер-классы от экспертов в профессии, хакатоны (упражнение, в ходе которого команды участников за ограниченное время разрабатывают новые продукты, решения);

- работа с мультимедийным (в том числе в формате инфографики) содержанием, посвященным профессионально-культурологическим темам.

Данные приемы эффективны в обучении РКИ, так как благодаря своей инновационности, антропоцентричности и вовлекающему характеру способствуют созданию благоприятной образовательной среды, минимизации психологических и суггестопедических барьеров и, как следствие, более прочному усвоению языкового материала и развитию не только всех видов речевой деятельности, но и формированию устойчивых «мягких навыков», например креативного мышления, для будущей профессиональной деятельности иностранного студента.

Общей чертой взглядов на феномен является акцент на роли среды, условий обучения и мотивации. Если в зарубежных исследованиях педагоги часто фокусируются на технологических инструментах и конкретных методиках стимуляции нестандартного мышления, то в отечественной педагогической традиции подчеркивается важность системных изменений в образовательном процессе, развитии межкультурного диалога, проблематизации и создании развивающей атмосферы. Оба подхода взаимодополняющие.

Проведённый историко-концептуальный анализ демонстрирует богатую и многогранную эволюцию взглядов на креативное мышление в мировой педагогике. Интеграция проверенных временем инновационных методов, предложенных как отечественными, так и зарубежными исследователями, в современную практику преподавания РКИ является ответом на актуальные вызовы времени, особенно в условиях полиэтнической образовательной среды России.

Формирование креативного мышления у иностранных студентов становится необходимым условием их успешной языковой, профессиональной и социокультурной адаптации в России, что напрямую соответствует стратегическим целям развития российского высшего образования и экспорта образовательных услуг. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных диагностических инструментов для оценки уровня развития креативного мышления в языковом и профессиональном образовании, а также на создание комплексных методических рекомендаций для преподавателей РКИ, работающих в полиэтнических группах.

Список литературы

1. Алейников А. Г. О креативной педагогике // Вестник высшей школы. – 1989. – № 12. – С. 29–34.

2. Альтшуллер Г. С. Как научиться изобретать. – Тамбов: Кн. изд-во, 1961. 128 с.

3. Амонашвили Ш. А., Ильин Е. Н., Лысенкова С. Н. [и др.] Педагогика сотрудничества // Учительская газета. – 1986. – 18 октября. – С. 2–3.

4. Бине А. Измерение умственных способностей / пер. с фр. – СПб.: Союз, 1999. – 432 с.

5. Выготский Л. С. Мышление и речь. Электронная библиотека МГППУ. URL: https://psychlib.ru/mgppu/VMr-1934/VMR-001.HTM#$pI (дата обращения: 29.03.2026).

6. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.

7. Жукова М. С., Сорокоумова Г.В. Искусственный интеллект как инструмент стимуляции критического мышления в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 3 (106). – С. 154–157.

8. Константинова Л. А., Тарасова Е. Н., Прокопьева Т. А. Взаимосвязь языковых и культурных процессов, или культуроведческая направленность в преподавании РКИ // Наука и школа. – 2025. – № 2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-yazykovyh-i-kulturnyh-protsessov-ili-kulturovedcheskaya-napravlennost-v-prepodavanii-rki (дата обращения: 12.04.2026).

9. Леонтьев А. Н. Развитие психики. – М.: Изд-во АПН РСФСР. 1959. – 495 с.

10. Махмутов М. И. Теория и практика проблемного обучения. – Казань: Таткнигоиздат, 1972. – 551 с.

11. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Методологические основы психологии: хрестоматия / сост. Д. В. Лубовский. – М.: АНО «Психологическая электронная библиотека», 2008. – С. 248–258.

12. Шоканова Р. Д., Тарасова Е. Н. Репродуктивный метод в обучении иностранных студентов русскому языку и его инновационные аспекты // Российский технологический журнал. – 2021. 9(3). – С. 98−107.

13. Amabile T. M. A Model of Creativity and Innovation in Organizations // Research in Organizational Behavior / ed. by B. M. Staw, L. L. Cummings. Greenwich, CT: JAI Press, 1988. Vol. 10. P. 123–167.

14. Gabora L. Revenge of the “Neurds”: Characterizing Creative Thought in Terms of the Structure and Dynamics of Memory // Creativity Research Journal. 2010. 22, No. 1. P. 1–13.

15. Guilford J. P. Creativity // American Psychologist. 1950. Vol. 5, No. 9. P. 444–454.

16. Richard F. J. Haans, Arjen van Witteloostuijn, Does foreign language liberate or limit creativity? Three experiments on foreign language anxiety and use, and divergent and convergent thinking // International Business Review. 2024. Vol. 33, Iss. 4, Art. 102305.

17. Torrance E. P. Guiding Creative Talent. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1962. 278 p.

18. Wallas G. The Art of Thought. London: Jonathan Cape, 1926. 320 p.

Сведения об авторе

Спиридонова Елена Петровна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Тульский филиал Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, г. Тула, Российская Федерация, SPIN-код: 5484-4354, e-mail: yesp@mail.ru

УДК 372.881.161.1
ГРНТИ 14.35.07

Типология китайских обучающихся по особенностям усвоения русских падежей (на основе кластерного анализа)

ЦЗИ ВЭЙДИ

В статье представлены результаты эмпирического исследования индивидуальных различий китайских студентов в усвоении падежной системы русского языка. В результате применения диагностического теста, анализа спонтанной устной речи и анкетирования для оценки учебных стратегий и мотивации выявлены и описаны четыре типа китайских обучающихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, система падежей русского языка, типология, кластерный анализ, индивидуальные различия.

Усвоение падежной системы представляет собой одну из ключевых трудностей для китайских студентов, изучающих русский язык [Иванова, 2020]. Большинство существующих исследований направлено на выявление общих закономерностей и типичных ошибок, однако педагогическая практика показывает, что студенты одного уровня владения языком могут существенно различаться по характеру и причинам своих затруднений. Настоящее исследование направлено на преодоление фрагментарного понимания этих трудностей. Его цель – выявление и описание целостных индивидуально-типологических профилей обучающихся, интегрирующих объективные показатели языковой компетенции, речевого поведения и ключевые психологические факторы. Данный подход, опирающийся на традицию исследований индивидуальных различий в усвоении второго языка [Dörnyei, 2005; Ellis, 2008], позволяет перейти от описания изолированных ошибок к построению многомерной модели, объясняющей разнообразие учебных траекторий.

В исследовании приняли участие 53 китайских студента подготовительного факультета российского вуза, чей уровень владения русским языком соответствовал уровням A1–A2 (CEFR). Все участники начали изучение русского языка с нуля в российской языковой среде. Для обеспечения конфиденциальности каждый студент был идентифицирован уникальным кодом (P01–P53).

Для оценки объективной языковой компетенции использовался диагностический тест, включающий 15 заданий на контролируемое употребление падежных форм (часть 2). Результат этой части (макс. 15 баллов) служил основным показателем уровня сформированности навыка.

Наряду с тестированием, для измерения субъективных факторов применялась анкета, включающая: (1) шкалу коммуникативной тревожности (пять пунктов, адаптированная FLCAS); (2) опросник учебных стратегий в устной речи (десять пунктов); (3) блок самооценки и учебных привычек; (4) вопрос об «идеальном образе себя» как изучающего язык [Dörnyei, 2005]. Уровень тревожности (T) рассчитывался как среднее по пятибалльной шкале Ликерта.

Третьим инструментом сбора данных стал анализ устной речи с помощью индивидуального монолога (продолжение истории с использованием шести заданных глаголов). Все высказывания транскрибировались и анализировались. Рассчитывались два показателя: общее количество слов (индикатор беглости) и процент падежных ошибок (ПКО = количество ошибок / общее число падежных контекстов × 100%).

Для статистической проверки типологии использовался кластерный анализ методом K-средних (K-means) в программе SPSS. Кластеризация проводилась по пяти ключевым переменным: результат части 2 теста, продуктивность устной речи (0–1), уровень тревожности (T), частота стратегий избегания и объём устной речи. Количество кластеров (k = 4) определялось на основе теоретической интерпретируемости. Для проверки значимости различий между кластерами был проведён однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), который подтвердил статистическую значимость различий по всем переменным ($p < 0,01$).

В результате кластеризации 53 студентов методом K-средних было выделено четыре устойчивых кластера. В таблице представлены средние значения ключевых переменных по каждому кластеру.

Таблица

Средние значения ключевых переменных по кластерам (N = 53)

Кластер	1	2	3	4
n	19	14	8	12
Тест (часть 2)	11,66	6,79	3,50	8,33
Продуктивность	0,728	0,485	0,000	0,000
Тревога T	2,65	3,31	4,23	3,13
Стратегии избегания	3,03	4,00	4,13	3,33
Объём устной речи (слова)	35,4	32,9	6,5	4,9
Интерпретация	Высокая компетенция, высокая готовность	Средняя компетенция, умеренная готовность	Крайне низкая компетенция, нулевая готовность	Средняя компетенция, нулевая готовность

Примечание: тест (часть 2) – результат диагностического теста (макс. 15 баллов). Продуктивность рассчитана по формуле: 1 – ПКО (процент падежных ошибок) при наличии речи, 0 – при отсутствии речи.

Кластер 1 объединяет студентов с наиболее высокими показателями как языковой компетенции (средний балл 11,66 из 15, т.е. 77,7 %), так и коммуникативной готовности (продуктивность 0,728, низкая тревожность, самый большой объём устной речи). Данный кластер интерпретируется как «Уверенный / Беглый» и соответствует гипотетическому типу III.

Кластер 2 характеризуется средними значениями теста (6,79; 45,3 %), умеренной продуктивностью (0,485), повышенной тревожностью (3,31) и высокими показателями избегания (4,00). Эти студенты сохраняют некоторую речевую активность (32,9 слов), но их грамматическая компетенция недостаточна. Данный профиль соответствует умеренной форме Типа I («Пассивный / Отстающий»).

Кластер 3 – самая проблемная группа: крайне низкие результаты теста (3,50; 23,3 %), нулевая продуктивность устной речи (0,000), экстремально высокая тревожность (4,23) и избегание (4,13). Эти студенты практически не продуцируют связную речь. Это критическая форма типа I.

Кластер 4 обнаруживает парадоксальное сочетание: относительно высокие результаты теста (8,33; 55,5 %) при полном отсутствии устной продукции (0,000) и небольшом объёме речи (4,9 слов, у многих – 0). Тревожность (3,13) и избегание (3,33) выражены, но не максимально. Данная позиция «знаю, но молчу» является прямым операциональным признаком типа II («Тревожно-избегающий»).

Приведём типичные примеры, иллюстрирующие каждый из выделенных типов.

Тип I (критическая форма). Студент P06 демонстрирует полное отсутствие навыков владения грамматической системой: результат части 2 теста составляет всего три балла из 15 (20 %), при этом он полностью отказался от выполнения устного монолога (0 слов). Уровень тревожности экстремально высок (4,4), стратегии избегания максимальны (4,0). Это случай «дна» языковой компетенции, где любые продуктивные задачи вызывают коммуникативный коллапс.

Тип I (умеренная форма). Студент P41 характеризуется системными пробелами в знаниях при сохранении некоторой речевой активности. Результат теста – пять баллов из 15 (33,3 %), в монологе он продуцирует 25 слов, но с высоким процентом падежных ошибок (60 %). Тревожность (3,2) и избегание (3,5) выражены умеренно. Его речь фрагментарна и ошибочна, однако в структурированной ролевой игре (диалог «в магазине») он способен к элементарному общению.

Тип II («Тревожно-избегающий»). Студент P02 при безупречных метаязыковых знаниях (часть 1: 10/10) и достаточно высоком результате части 2 (8,5/15, 56,7 %) не способен реализовать их в спонтанной речи: процент падежных ошибок в монологе составляет 40%, речь характеризуется длинными паузами, самокоррекцией и видимым напряжением. Тревожность (2,0) не является экстремально высокой, однако перфекционистская установка блокирует свободное порождение речи, что иллюстрирует феномен «парализующего перфекционизма» [Gregersen & Horwitz, 2002].

Тип III («Уверенный / Беглый»). Студент P22 демонстрирует сбалансированное развитие грамматических навыков и коммуникативной смелости. Результат теста – 13 баллов из 15 (86,7 %), в монологе он продуцирует развёрнутое, связное высказывание (62 слова) с минимальным количеством падежных ошибок (12 %). Уровень тревожности низкий (2,2), стратегии избегания не выражены. Этот профиль является целевым для обучения.

Тип IV («Рискующий / Некорректный»). Студент P01 демонстрирует экстремально низкую тревожность (1,6) и высокую речевую активность (45 слов в монологе), однако тест выявил глубокий провал в применении падежных правил

(четыре балла из 15, 26,7%), а спонтанная речь изобилует систематическими ошибками (55,6%). Это яркий представитель типа, где коммуникативная цель доминирует над грамматической точностью, а смелость выступает компенсаторным механизмом при недостаточной языковой компетенции.

Выделенные четыре типа обучающихся во многом согласуются с наблюдениями других исследователей, отмечавших неоднородность студенческой аудитории [Смирнова, 2021; Zhang, 2022]. Однако, в отличие от работ, где типология строилась на основе одного критерия (например, уровня знаний), наше исследование предлагает многомерную классификацию, учитывающую как продуктивные, так и аффективные характеристики. Важно подчеркнуть, что полученная типология представляет собой не жёстко разделённые категории, а континуум, в котором выделяются четыре основных профиля, связанные переходными зонами.

Особого внимания заслуживает наличие двух форм типа I – критической (кластер 3) и умеренной (кластер 2). Критическая форма типа I (кластер 3) характеризуется полным отсутствием грамматической системы, нулевой спонтанной речью, экстремально высокой тревожностью и тотальным избеганием. Эти студенты находятся на «дне» языковой компетенции: любые продуктивные задачи вызывают у них коммуникативный коллапс. Их главная проблема – не столько аффективный барьер, сколько отсутствие самих языковых средств, необходимых для порождения речи. Умеренная форма типа I (кластер 2), напротив, сохраняет некоторую речевую активность. У этих студентов есть системные пробелы в знаниях, их речь фрагментарна и ошибочна, но они способны к элементарному общению в структурированных ситуациях. Тревожность и стратегии избегания у них выражены, однако не блокируют речь полностью. Это различие имеет принципиальное методическое значение: для студентов критической формы первоочередной задачей является формирование базового грамматического каркаса и преодоление аффективного барьера через многократное прослушивание и хоровое проговаривание элементарных фраз-моделей. Для студентов умеренной формы необходим акцент на автоматизации простейших моделей в строго структурированных упражнениях с постепенным переходом к полуавтономной речи.

Тип II («тревожно-избегающий») представляет собой наиболее яркое подтверждение теории «аффективного фильтра» С. Крашена [Krashen, 1982]. Высокий уровень декларативных знаний (подтверждённый частью 1 теста у таких студентов, как P02) при нулевой или крайне низкой спонтанной речи свидетельствует о том, что доступ к этим знаниям блокируется в условиях реальной коммуникации. Данный феномен, известный в литературе как «перфекционистский паралич» [Gregersen & Horwitz, 2002], требует специальных методических решений, направленных на снижение тревожности и постепенное «растормаживание» речи.

Тип III («Уверенный / Беглый») представляет собой целевой профиль, к которому следует стремиться в процессе обучения. Студенты этого типа демонстрируют не только высокие результаты тестирования, но и способность успешно применять знания в спонтанной речи. Характерная для них низкая тревожность и сбалансированное использование учебных стратегий подтверждают,

что эффективное овладение грамматикой возможно лишь при гармоничном развитии как когнитивных, так и аффективных компонентов языковой личности, что полностью соответствует модели «идеального языкового Я» [Dörnyei, 2005].

Тип IV («Рискующий / Некорректный») занимает особое место в типологии. Он не образует статистически однородного кластера, а распределяется между типом III и типом I. Это распределение отражает недискретный характер данного профиля: его объединяет общая стратегия – приоритет коммуникативной цели над грамматической точностью, однако количественные параметры могут сильно варьироваться. Важно подчеркнуть, что наличие типа IV эмпирически подтверждает существование студентов, для которых коммуникативная смелость выступает компенсаторным механизмом при недостаточной языковой компетенции. С точки зрения теории межъязыка [Selinker, 1972] их систематические ошибки – не просто «недостаток», а свидетельство активного конструирования языковой системы. Следовательно, в обучении таких студентов не следует жестко пресекать ошибки, но важно постепенно подводить их к осознанию неточностей через специальные приёмы, например «отсроченное исправление» или упражнения на «замечание» (noticing) расхождений между собственной речью и эталоном.

Полученные данные имеют прямое методическое значение. Понимание генезиса трудностей для каждого типа позволяет перейти от универсальных методов обучения к дифференцированному подходу. Для типа I (критическая форма) первоочередной задачей является преодоление аффективного барьера и формирование базового грамматического каркаса. Для типа I (умеренная форма) необходим акцент на автоматизацию простейших моделей в строго структурированных упражнениях. Для типа II центральной становится работа по снижению перфекционизма и развитию стратегий преодоления «процедурного блока». Для типа III требуется доведение до автоматизма и рефлексия над остаточными ошибками. Для типа IV важно сохранение коммуникативной мотивации при параллельном развитии навыков грамматического мониторинга и самокоррекции.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, не отражает динамику изменения типов обучающихся в процессе обучения. Во-вторых, использованные инструменты (тест, анкета, устный монолог) могут не полностью охватывать все аспекты компетенции китайских обучающихся в области падежной системы русского языка. Учёт этих ограничений открывает перспективы для дальнейших исследований.

Проведённое исследование позволило выделить четыре устойчивых типа китайских обучающихся по их профилям усвоения русских падежей: «пассивный/отстающий» (тип I, две формы), «тревожно-избегающий» (тип II), «уверенный/беглый» (тип III) и «рискующий/некорректный» (тип IV). Каждый тип характеризуется специфическим сочетанием уровня языковой компетенции, речевой активности, эмоционального состояния и учебных стратегий. Полученные данные обосновывают необходимость дифференцированного подхода в препо-

давании грамматики и могут служить основой для разработки адаптивных методических материалов, учитывающих не только объективные знания студентов, но и их психологические особенности. Перспективой дальнейшего исследования является разработка и апробация дифференцированных методических материалов, учитывающих выявленные типы обучающихся, а также изучение динамики перехода студентов из одного типа в другой в процессе обучения.

Список источников

1. Иванова Т. А. Трудности усвоения падежей китайскими студентами // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 3. – С. 45–52.

2. Носенко И. Г. Кластерный анализ в лингводидактических исследованиях // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 4. – С. 112–125.

3. Смирнова О. В. Индивидуальные различия в овладении грамматикой РКИ // Вестник МГУ. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – № 2. – С. 88–97.

4. Dörnyei Z. The Psychology of the Language Learner: Individual Differences in Second Language Acquisition. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. – 270 p.

5. Ellis R. The Study of Second Language Acquisition. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 1142 p.

6. Gregersen T., Horwitz E. K. Language Learning and Perfectionism: Anxious and Non-Anxious Language Learners' Reactions to Their Own Oral Performance // The Modern Language Journal. – 2002. – Vol. 86. – No. 4. – Pp. 562–570.

7. Krashen S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition. – Oxford: Pergamon Press, 1982. – 202 p.

8. Oxford R. L. Language Learning Strategies: What Every Teacher Should Know. – Boston: Heinle & Heinle, 1990. – 342 p.

9. Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching (IRAL). – 1972. – Vol. 10. – No. 1–4. – Pp. 209–232.

10. Zhang L. Interlanguage pragmatics and grammar acquisition // Journal of Slavic Linguistics. – 2022. – Vol. 30. – No. 1. – Pp. 45–68.

Сведение об авторе

Цзи Вэйди – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Институт русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕКЛАМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО МНОГООБРАЗИЯ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 659.443
ГРНТИ 49.01.14

Этнические и культурные особенности в айдентике российских брендов (пилотное исследование территориальных знаков добровольной сертификации товаров и услуг)

В. А. МЕСЯЦ

Администрации территориальных образований Российской Федерации осуществляют комплекс мер по улучшению имиджа и привлекательности региона (территории). Одной из форм работы является внедрение практики добровольной сертификации для товаров и услуг региональных предпринимателей. Гарантом качества и узнаваемости становится знак «Сделано в…» Айдентика указанных знаков очень разнообразна. Некоторые знаки «Сделано в …» имеют национальные и культурные элементы, отражающие аутентичность территории. Однако информация о знаках «Сделано в …» не имеет системного описания и мало структурирована.

Ключевые слова: айдентика территориального бренда, знак добровольной сертификации, культурные элементы айдентики, национальные элементы айдентики.

Общероссийское движение по повышению узнаваемости территории с каждым годом набирает обороты. Например, в рамках Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» Министерством экономического развития РФ и Центром стратегических разработок в 2025 г. была проведена номинация «Повышение узнаваемости муниципальных образований «Бренд территории»», в которой приняли участие 183 проекта из 46 регионов[1]. Над привлекательностью места работают на разных уровнях: муниципальном, городском, региональном, всероссийском и международном. Разработка и продвижение территориального бренда является многогранной и многовекторной задачей с множеством стратегий и тактик.

Исследователь М. М. Маслов, изучая российские и мировые практические подходы, применяемые к созданию территориальной айдентики, выделяет четыре их разновидности: синтезирующий подход (абстрактно-графический), исторический подход (официально-символический), природно-климатический подход (ландшафтный, географический), национально-культурный подход (конфессиональный). В случаях, когда при разработке айдентики региона используют синтезирующий подход, происходит становление нового смысла и нового

[1] Всероссийский конкурс «Лучшая муниципальная практика» 2025 год. Номинация «Повышение узнаваемости муниципальных образований «Бренд территории» // Министерство экономического развития Российской Федерации. Центр стратегических разработок [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/materia/file/dfb7c2a0ba65122353179f1d8708731f/sbornik_brend_territorii_2025.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

символа, формирование нового значения. Разработка айдентики в парадигме исторического подхода предполагает обращение к официальной символике как источнику идей. Следуя логике природно-климатического подхода, в айдентике используются уникальные природные, климатические, ландшафтные и географические особенности. Когда разработчики следуют логике национально-культурного подхода, то используют в айдентике символику национальных, конфессиональных и локальных культурных особенностей [Маслов].

Одним из элементов формирования позитивного образа территории для внутренней (население) и внешней (туристы, инвесторы, потребители из других регионов) целевой аудитории является знак «Сделано в…», который используют и коммерческие, и некоммерческие, и государственные организации, осуществляющие свою деятельность на конкретной территории. Айдентика территориального бренда может включать в себя один или несколько элементов: национальную идентичность, природу (географические и экологические особенности территории), историю и мифологию (исторические события, легенды и пр.), архитектуру (знаковые достопримечательности, здания и сооружения), продукты (производимые на территории, прославившие ее и ассоциирующиеся с ней), амбассадоров (личность основателя, социальное окружение)[1].

В Реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации на сайте Росстандарта[2] посредством опции поиска можно найти соответствующие этим системам знаки «Сделано в …» В ходе беглого неструктурированного анализа региональных знаков «Сделано в …» их легко можно объединить в условные группы. Так, на знаках добровольной сертификации качества товаров встречаются различные символы:

- географические объекты (горы, степи, реки, озера), например, «Сделано в Самарской области», «Сделано в Ленинградской области»;
- обитатели природы (медведь, амурский тигр, птицы), например, «Сделано в Карелии», «Сделано в Хабаровском крае», «Сделано на Курской земле»;
- архитектурные объекты и сооружения (Крымский мост, промышленные предприятия Тульской области), например, «Сделано в Крыму», «Сделано в Тульской области»;
- официально-символические элементы (использование форм геральдического щита), например, «Сделано на Алтае»;
- культурные и национальные символические элементы (необычные предметы быта, орнаменты, легенды).

[1] Смирнов В. Территориальный брендинг // Брендинговое агентство OTVETDESIGN – 08.02.24. [Электронный ресурс]. URL: https://otvetdesign.ru/blog/chto-takoe-territorialnyj-brending (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Реестр зарегистрированных систем добровольной сертификации // Росстандарт. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии [Электронный ресурс]. URL: https://www.gost.ru/portal/gost/home/activity/compliance/VoluntaryAcknowledgement/reestr (дата обращения: 10.04.2026).

Анализ географических, природных и архитектурных элементов в айдентике знака «Сделано в …» может стать предметом самостоятельных исследований.

Объект исследования – знаки добровольной сертификации товаров и услуг «Сделано в …», используемые территориальными органами управления.

Предметом рассмотрения в данной работе выбраны именно элементы, отражающие культурную и национальную специфику территории.

Используя аутентичные элементы айдентики, администрации (правительства) территориальных образований формулируют уникальные торговые предложения (УТП) бренда территории. В результате такой работы увеличивается потенциал региона: имиджевый, инвестиционный, кадровый, туристический и предпринимательский.

Цель научного исследования состоит в пилотном выявлении знаков добровольной сертификации «Сделано в …», имеющих в айдентике национальные и культурные элементы и их описание.

Из представленного на сайте Росстандарта списка только часть территорий и регионов имеют визуальные стилизации под национальные и культурные традиции региона. В качестве примера можно обратить внимание на следующее.

На знаке «Сделано в Адыгее» (зарегистрирован в реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации Росстандарта 02.07.2025 г.) 12 звезд символизируют 12 адыгских (черкесских) племён.

На знаке «Сделано в Башкортостане» (зарегистрирован в реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации Росстандарта 26.08.2022 г.) присутствует схематическое изображение цветка курая – символа дружбы семи народов-родов Башкирии.

На знаке «Сделано в Бурятии» (зарегистрирован в Роспатенте в 2018 г.) использованы цвета национального флага (желтый, зеленый, голубой)[1].

Знак «Сделано в Марий Эл» (зарегистрирован в Роспатенте в 2018 г., срок действия права на товарный знак – до октября 2027 г.) – это стилизованный национальный орнамент, в котором одновременно просматривается солярный знак (солнце)[2].

В знак «Сделано в Якутии» (зарегистрирован в реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации Росстандарта 03.04.2018 г.) включены элементы: стилизованный древний всадник со знаменем (с наскальных рисунков у реки Лены) и кристаллы алмаза – символ единства народов Якутии и ценного природного ресурса.

---

[1] Мэрдыгеева С., Чойдопов В. Знак качества «Сделано в Бурятии» получил патент // Телерадиокомпания «Ариг Ус» – 11.12.18. [Электронный ресурс]. URL: https://arigus.tv/news/society/58796-znak-kachestva-sdelano-v-buryatii-poluchil-patent (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Богданова Д. В Минэкономразвития республики обсудили продвижение товарного знака «Сделано в Марий Эл» // Общественно-политическое сетевое издание «Марийская правда». Новости республики Марий Эл – 30.07.24. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/v-minekonomrazvitiya-respubliki-obsudili-prodvizhenie-tovarnogo-znaka-sdelano-v-mariy-el (дата обращения: 10.04.2026).

Знак «Сделано в Удмуртии»[1] выполнен как минималистичное графическое изображение «Шудо кизили» – «счастливой звезды», восьмиконечного солярного знака-оберега от жизненных невзгод и несчастий.

Ссылок на прямые указания о регистрации знака «Сделано в Хакасии» в Роспатенте не найдено. Однако есть косвенные доказательства применения такого знака. Так, в документе «Реестр юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», производителей продукции (товаров), которым предоставлено право использования логотипа "Сделано в Хакасии"» содержится информация о праве использования с сентября 2022 г.[2] Кроме того, есть сведения о разработке логотипа для туристического бренда республики в 2020 году «Хакасия: земля пяти стихий». Этот логотип очень быстро стал известен путешественникам.[3] Идею знака «Хакасия: земля пяти стихий» описывают так: четыре легко узнаваемых стихии – земля, вода, воздух, огонь (эзотерика, шаманизм) и пятая стихия – история (культурное наследие, петроглифы, курганы). Центральный элемент также можно интерпретировать как солярный знак, древний символ истории Хакасии на протяжении более 3500 лет.

Знак «Сделано в Архангельской области» – это графическая стилизация традиционного северного символа – щепной птицы счастья (зарегистрирован в Роспатенте 24.10.23 г., срок действия права на товарный знак – до февраля 2032 г.)

В знаке «Сделано на Вологодчине» (зарегистрирован в Роспатенте в декабре 2022, срок действия права на товарный знак – до 4 июня 2031 г.) за основу взят традиционный мотив вологодского кружева чудо-птица, на знаке – символическое изображение хвоста кружевной чудо-птицы.

Знак «Сделано в Югре» (зарегистрирован в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации 19 января 2015 г.) сочетает в себе пятиугольный знак качества времен СССР, хантыйские орнаменты и снежинку, лучи которой симметричны во всех направлениях[4].

---

[1] Как получить знак «Сделано в Удмуртии» // Оф. сайт Корпорации развития Удмуртской Республики. [Электронный ресурс]. URL: https://madeinudmurtia.ru/lp/znak/ (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Реестр юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», производителей продукции (товаров), которым предоставлено право использования логотипа "Сделано в Хакасии" // Официальный логотип для продукции из Хакасии. Официальный знак качества для продукции, произведенной в Республике Хакасия. Фонд развития Республики Хакасия. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--19-9kcqjffxnf3b.xn--p1ai/assets/files/reestr-poluchatelej-logotipa-sdelano-v-hakasii-na-01.04.2026.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

[3] Авраменко А. Магия пяти стихий: Хакасия отметила пятилетие бренда // RUSSPASS журнал – 07.11.25. [Электронный ресурс]. URL: https://mag.russpass.ru/business/rubric/biznes/turizm-hakasiya-brend-pyati-stihiy (дата обращения: 10.04.2026).

[4] Знак качества «Сделано в Югре» // Студия Константина Зернаева. [Электронный ресурс]. URL: https:// zernaev.com/projects/ugra/ (дата обращения: 10.04.2026).

Таким образом, на малой выборке была изучена национальная и культурная специфика, один из аспектов айдентики территориальных знаков добровольной сертификации «Сделано в …»

Пилотное исследование айдентики лишь десяти знаков добровольной сертификации «Сделано в …» позволило выявить значимые для всестороннего описания маркеры:

- организация, зарегистрировавшая знак;
- дата регистрации знака и срок его действия;
- брендбук или описание символических элементов и цветовой гаммы.

За рамками проведенного исследования остались несколько аспектов, которые могут дополнить понимание специфики функционирующих знаков «Сделано в …», а именно: сведения о национальном составе населения региона (территории) и численности коренных народов, а также данные о правообладателе.

В дальнейшем предполагается углубленное и более масштабное изучение специфики региональных брендов «Сделано в …» и дальнейшая их каталогизация.

Список источников

1. Маслов М. М. Типологические признаки и классификация территориальной айдентики с позиции содержания и формы. Подходы к формированию и алгоритм проектирования бренд-дизайна территорий // Культура и искусство. – 2024. – № 4. – С. 139–155. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.4.70493. EDN: VCEDWK URL.

Сведения об авторе

Месяц Вера Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4634-9326, e-mail: verames@mail.ru

УДК 659.11
ГРНТИ 49.01.14

Русский культурный код в современном рекламном пространстве

М. В. ЯГОДКИНА

В статье рассматривается роль рекламы в формировании и трансляции национальной идентичности через призму культурного кода. Основное внимание уделяется тому, как современные рекламные кампании используют элементы культурного кода для формирования устойчивой лояльности у целевой аудитории. Реклама работает не только с поверхностными культурными символами, но и с глубинными смыслами. Особое внимание уделяется исследованию влияния рекламы на формирование национальной идентичности. Подчеркивается двойственная роль рекламы: с одной стороны, она использует существующие культурные коды, с другой - активно участвует в их формировании и распространении. При этом реклама становится не просто инструментом продвижения товаров, но и важным элементом социализации, транслирующим социальные нормы, ценности и стандарты поведения.

Ключевые слова: русский культурный код, реклама.

Сохранение самобытности народа неразрывно связано с пониманием собственной идентичности и так называемого «культурного кода». Уникальные черты нации раскрываются в медийном пространстве и, в частности, в рекламе, которая ориентирована на определённую целевую аудиторию. Акцент на «русскость» в рекламе фокусируется на глубинных смыслах с целью поддержания устойчивой лояльности у адресата, при этом авторы рекламных сообщений стараются избегать стандартных клише: танцующий вприсядку медведь с балалайкой в шапке-ушанке и т.п. Поскольку реклама является неотъемлемой частью современного медиаполя, то можно говорить не только об обращении рекламы к использованию культурного кода, но и о формировании национальной идентичности в том числе через рекламу.

Например, широко известным и повсеместно празднуемым в России праздником является Масленица, что обусловлено «с одной стороны, социокультурной практикой, а с другой - почти двухвековой историографической традицией, широко транслируемой сегодня в образовательном и медийном пространстве, а также целенаправленным воздействием государственных учреждений культуры в XX в. на этнокультурную идентичность» [Крапчунов, с. 803].

Бренд «Простоквашино» выпустил к Масленице рекламный ролик, в котором тема праздника обыгрывается через блины, домашний вкус и подготовку к масленичным гуляниям (https://m.ok.ru/video/6772124879451). Шарик говорит, что «Лучше масленицы может быть только масленица с блинами», а кот Матроскин в свою очередь утверждает: «Масленицы без блинов не бывает! И без родственников»; за выпечкой блинов собирается вся семья, приходит в гости даже почтальон Печкин.

Под брендом «Простоквашино» выпускается молочная продукция, что позволило весьма успешно использовать её в ролике о Масленице: блины пекутся на молоке, подаются к столу со сметаной, маслом, молоком и кефиром – задействована широкая часть линейки товаров. С точки зрения истории праздника,

блины – это важный символ масленицы, круглая форма и золотистый цвет ассоциировались с солнцем, теплом и жизнью. Даже после крещения Руси Масленица была интегрирована в христианский календарь. Всю масленичную неделю необходимо было ходить в гости к родственникам и приглашать их к себе, угощать блинами. Церковь сдержанно относилась к языческим элементам праздника, но искоренить сжигание чучела не смогла. И сейчас Масленица сохраняет элементы культурного кода, хотя многие обряды и утратили свой сакральный смысл. Праздник остаётся символом встречи весны, семейного объединения и прощания с зимой. Не только в сельской местности, но и в городах по-прежнему устраивают гуляния, пекут блины, сжигают чучело, хотя сейчас это уже и воспринимается в большей степени как развлечение, нежели ритуал. Связь поколений через сложное переплетение аграрных, семейных, религиозных и культурных традиций, отражающее мировоззрение русского народа, его связь с природой и стремлением к обновлению сохраняется.

Культура «представляет собой не только склад информации, но и механизм, который определяет способы хранения этой информации» [Лотман, с.201]. Таким образом, на формирование культурного кода в медийном пространстве оказывают влияние история, территориальные и языковые особенности. Язык медиасферы позволяет формировать представление о культурных концептах и кодах, распространяя и сохраняя культурные смыслы.

Можно говорить о том, что ещё одна особенность национального русского культурного кода заключается в активном использовании образов природы. При этом каждый объект природы выступает в роли носителя устойчивых характеристик и особенностей русского менталитета. Так образы природы в рекламе могут подчеркнуть не только экологичность и натуральность, но и послужить основой для создания романтической атмосферы или атмосферы приключений, энергии. Выбор конкретного образа зависит от цели рекламной кампании и особенностей целевой аудитории.

Например, при построении рекламной кампании жилищного комплекса «Норвежский лес» были использованы персонажи, характерные для русских сказок: «Богатырь. Типичный представитель целевой аудитории: мужчина 25–35 лет. Характер общительный. В активном поиске»; «Волк. Типичный представитель целевой аудитории: мужчина 35–45 лет. Характер занудный. Не женат»; «Медведь. Типичный представитель целевой аудитории: мужчина 40–50 лет. Характер добрый. Женат»; «Маша. Типичный представитель детской целевой аудитории. Характер неусидчивый. Не замужем».

Интересно, что основная часть женских персонажей в рекламе представлена образами из европейских сказок: «Рапунцель. Типичный представитель целевой аудитории: девушка 20–25 лет. Характер терпеливый. Не замужем»; «Красная Шапочка. Типичный представитель целевой аудитории: женщина 25–30 лет. Характер сегодня один, завтра другой. Не замужем. Или замужем»; «Снежная Королева. Типичный представитель целевой аудитории: женщина 30–40 лет. Характер нордический стойкий. Замужем» (https://andva.ru/cases/nl-11-12-advertising).

В данной рекламной кампании делается акцент на семейных ценностях, мужские персонажи подчёркивают связь с национальной идентичностью, преемственность традиций и представляют узнаваемые образы: богатырь – сила, медведь – доброта и мощь, волк – одиночество. Каждый из этих образов несёт имплицитную информацию: «Здесь ты сможешь стать настоящим богатырём – сильным, успешным, создающим семью»; «Даже волк может найти свой дом и покой в этом лесу»; «Твой дом – твоя крепость, где тепло и надёжно».

Женские образы отсылают к смысловому ряду, связанному с красотой, европейским стилем: сказка начнётся здесь, можно быть разной и править своим королевством. Рапунцель – мечтательница, ждущая принца; любопытная и переменчивая Красная Шапочка; успешная Снежная Королева – хозяйка, которая ценит комфорт и статус. Типичный представитель детской аудитории содержит отсылку к неусидчивой, любопытной и непослушной Маше – персонажу популярного в России мультсериала «Маша и медведь».

Использование указанных образов позволило не только подчеркнуть национальную идентичность, близость условий проживания к природе, но и построить визуальный ряд с учётом общей концепции русского культурного кода, несмотря на то, что в названии жилищного комплекса присутствует слово «норвежский» – отсылка на европейское качество. Сочетание «дикости» (лес, звери) и цивилизованности (современный жилищный комплекс) подчёркивает идею гармонии с природой без отказа от комфорта, связь с национальной идентичностью и преемственность традиций.

Культурный код закладывается в раннем детстве под влиянием окружения, прочитанных сказок, просмотренных мультфильмов. Яркие впечатления формируют систему ценностей и запечатлевают базовые представления о явлениях и предметах. Для повышения интереса к продукту реклама обращается к этим культурным кодам. За счёт этого обращения реклама активирует глубинные эмоциональные ассоциации, связанные с психоэмоциональной сферой, а не с рациональным анализом, усиливая спрос через позитивные эмоции. Так окрашенные положительными эмоциями воспоминания об услышанной на ночь в детстве сказки, связываются с теплом семейных отношений и комфортом, который человек испытывал в детстве. Именно поэтому сказочные персонажи хорошо работают не только в рекламе детских товаров.

Интересным представляется кейс «Культурный код в аудиобрендинге Сбера» (https://vimeo.com/1106057629?fl=pl&fe=cm), где к основным визуальным элементам кода, матрёшке и кукле-неваляшке, подобраны ассоциативные аудиальные соответствия, сопровождающиеся фоновыми звуками ветра, дождя, шелеста колосьев; всё это сопровождается несколько изменённой мелодией Гимна России. Формирование звуковой идентичности с ориентацией на традиции и национальный культурный код позволяет укрепить эмоциональную связь с аудиторией.

Компания «Сбер» использует в рекламе своих продуктов культурные коды, которые помогают не только транслировать ценности бренда, часто присутствует обращение к историческим мотивам и связи современного технологического подхода с культурным наследием. Однако, не обходится и без спорных моментов: реклама услуг Сбербанка с использованием технологий дип-фейка и синтезирования речи позволила перенестись герою художественного фильма «Иван Васильевич меняет профессию», Жоржу Милославскому, из 1973 года в наше время (https://vkvideo.ru/video-66394742_456239117). Фраза «Граждане! Храните деньги в сберегательной кассе!» – действительно узнаваема для очень большой части целевой аудитории, но необходимо помнить, что Жорж был мошенником и это в свою очередь привносит в рекламу оттенок негативного значения, которого было бы лучше избежать.

Культурный код представляет собой «совокупность знаков и их комбинаций внутри историко-культурного периода, получившую вербальное и (или) невербальное выражение в текстах культуры, обладающую интерпретативной устойчивостью в пространственно-временном континууме и сохраняющую коммуникативный потенциал на уровне личностного восприятия и социально-культурных практик» [Симбирцева, с. 157]. Современная молодёжная аудитория может и не вспомнить о «профессии» главного героя рекламного ролика, но значительная часть клиентов «Сбербанка» много раз в своей жизни видела фильм, помнит его на уровне цитат и поэтому способна связать ассоциативным образом мошенника с рекламируемым банком.

Реклама представляет собой особую область массовой культуры и массовой коммуникации, доступной широкой аудитории. Реклама не только использует уже существующие культурные коды, но позволяет распространять широчайшим образом культурные смыслы и значения, влияющие на формирование культурного кода. В некотором смысле реклама становится инструментом социализации, транслируя социальные нормы и ценности, стандарты поведения и потребления. Реклама сама по себе становится частью культурного кода.

Список источников

1. Крапчунов Д. Е. Масленица как составляющая русской идентичности (по материалам опросов 2010–2023 гг.) // Журнал «Мир науки, культуры, образования». – 2025. – Т. 18. Вып. 2. С. 779–805. DOI: 10.30853/mns20250113

2. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992.

3. Симбирцева Н. А. Код культуры как культурологическая категория // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 157–167.

Сведения об авторе

Ягодкина Марьяна Валериевна – доктор филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4244-4166, e-mail: kafreklama@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НОВОМ МИРОПОРЯДКЕ

УДК 811.111
ГРНТИ 14.25.09

Использование игровых технологий для совершенствования межкультурной компетенции на уроках английского языка в старшей школе

Е. И. КИРИЛЛОВА

В статье рассматривается применение игровых технологий в процессе совершенствования межкультурной компетенции обучающихся старшей школы на уроках английского языка. Игровые технологии способствуют повышению мотивации обучающихся, освоению культурных норм и традиций своей страны и других стран. В статье описаны разработанные игры для уроков английского языка в старшей школе.

Ключевые слова: игровые технологии, межкультурная компетенция, старшая школа.

Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2025 г. 2026 год объявлен Годом единства народов России в целях укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) направлен на обеспечение «языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, возможности получения основного общего образования на родном языке, овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России» [1]. В системе образования в РФ особое внимание уделяется сохранению единства народов России, изучению традиций, приобщению подрастающего поколения к культурному наследию страны.

Учебный предмет «Иностранный (английский) язык» занимает ключевое место в системе среднего общего образования и воспитания обучающихся в постоянно изменяющихся условиях поликультурного мира. В Федеральной рабочей программе по предмету «Иностранный (английский) язык» для 10–11 классов (базовый уровень) закреплены положения о необходимости формирования коммуникативной культуры обучающихся, осознании ими роли иностранного языка как инструмента межличностного и межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется речевому развитию, воспитанию гражданской идентичности обучающихся, расширению их кругозора в отношении традиций и культур других народов и стран. В результатах освоения программы по английскому языку в разделе «Патриотическое воспитание» выделены следующие положения: «сформированность российской гражданской идентичности, патриотизма, уважения к своему народу, чувства ответственности перед Родиной, гордости за свой край, свою Родину, свой язык и культуру, прошлое и настоящее многонационального народа России» [2].

Целью изучения иностранного языка на уровне среднего общего образования провозглашено развитие и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, сформированной на предыдущих уровнях общего образования. Е. Н. Соловова под иноязычной коммуникативной компетенцией (ИКК) понимает «необходимый и достаточный для определённого возраста уровень владения языковыми навыками, речевыми умениями и социокультурными знаниями, позволяющими обучающимся быть способными и готовыми коммуникативно целесообразно и успешно осуществлять своё речевое поведение» [5].

В ФОП СОО по предмету «Иностранный (английский) язык» представлены следующие составляющие ИКК: речевая, языковая, социокультурная или межкультурная, компенсаторная, метапредметная или учебно-познавательная компетенции. Под социокультурной или межкультурной компетенцией понимается «приобщение к культуре, традициям англоговорящих стран в рамках тем и ситуаций общения, отвечающих опыту, интересам, психологическим особенностям учащихся на уровне среднего общего образования, формирование умения представлять свою страну, её культуру в условиях межкультурного общения» [2].

Для формирования и совершенствования межкультурной компетенции обучающихся учитель на уроках применяет различные образовательные технологии, в том числе и игровые. Игровая технология и её применение на уроках иностранного языка становились предметом многочисленных исследований. Игра, её функции и виды были описаны в работах Н. Д. Гальсковой, Н. И. Гез, И. А. Зимней, А. И. Иванченко, А. В. Конышевой, М. В. Салтыковой и Г. Е. Поторочиной, Е. Н. Солововой, М. Ф. Стронина, Д. Халдфилда и др.

М. В. Салтыкова и Г. Е. Поторочина [4] в зависимости от целей и задач обучения подразделяют игры на языковые или аспектные игры (связаны с отработкой того или иного аспекта языка), речевые или видо-речевые игры (связаны с отработкой речевых умений и навыков), игры для обучения общению (коммуникативные игры). Языковые игры, в свою очередь, подразделяются на фонетические, лексические, грамматические и стилистические.

В работе мы также опирались на классификацию игр, предложенную Джилом Халдфилдом [6], которая включает в себя сортировочные игры (Sorting games), информационный пробел (Information gap), «Угадай-ка» (Guessing games), поиск и обмен информацией (Search games), головоломки (Jigsaw or fitting together principle), настольные игры (Board games) и ролевые игры (Role play games).

Методисты сходятся во мнении, что игра способствует повышению мотивации обучающихся к изучению иностранного языка, а также предоставляет широкое поле для познавательной и творческой деятельности, развития и самоопределения обучающихся. Кроме того, игра способствует повышению образовательных результатов обучающихся, в том числе формированию и совершенствованию межкультурной компетенции.

В ходе работы был проведён анализ УМК “Spotlight” для 10 и 11 классов на предмет наличия и использования в нём игр. Было выявлено, что в УМК содержится недостаточное количество игр, которые могут способствовать совершенствованию межкультурной компетенции обучающихся. В каждом из модулей было обнаружено по 1–2 игры, в некоторых модулях игры вовсе отсутствовали. В связи с этим было принято решение разработать собственные игры в соответствии с тематическим планированием УМК для 10 и 11 классов. К каждому УМК было разработано по 8 игр, всего было разработано 16 игр. В статье будут описаны две из них.

К УМК для 10 класса к модулю 5 “Holidays” была разработана игра “Travel Agency”. Перед началом игры обучающимся предлагается ознакомиться с открытками из разных уголков России, а также из других стран. Обучающиеся определяют, откуда каждая из открыток. Затем обучающиеся выбирают роли. Одна группа обучающихся становится путешественниками, которые собираются отправиться в отпуск, они получают карточки игроков, на которых написаны их предпочтения. Каждый турист подкидывает монету: если выпадает «орёл», то турист имеет право выбрать тур с услугами «все включено», если выпадет «решка», то ему будут доступны туры с ограниченным бюджетом. Вторая группа обучающихся объединяется и становится агентством по подбору туров для путешественников. У них имеются карточки с подробным описанием туров в каждую из локаций с открыток. Туры поделены на две категории: с неограниченным бюджетом (для той категории туристов, которым выпадает «орёл») и с ограниченным бюджетом (для тех, у кого выпала «решка»). Желающие приобрести тур отправляются в туристическое агентство и общаются с его работниками, совместно подбирая подходящий тур, уточняют детали поездки, планируют маршрут и активности. В конце игры можно провести конкурс по различным номинациям, например, «Самый живописный тур», «Самый впечатляющий тур», «Самый роскошный тур», «Самый весёлый тур» и т.д. Затем обучающимся предстоит совместно обсудить, как следует подготовиться к путешествию, какие нормы и обычаи стран или регионов нашей страны следует учесть, чтобы путешествие прошло комфортно.

К УМК для 11 класса к модулю 6 “Communication” была разработана грамматическая игра, направленная на совершенствование грамматического навыка построения предложений с использованием правила согласования времён в косвенной речи. Обучающиеся делятся на команды. Команда по очереди выбирает категорию на экране, их задача – передать предложение, которое представлено на экране в прямой речи, в косвенной речи. Побеждает та команда, которая наберёт большее количество баллов (правильных ответов). На экране для выбора обучающимся будут предложены несколько категорий: высказывания известных людей, высказывания общественных деятелей, строки из песен, реплики из фильмов. Переводя предложения в косвенную речь, обучающимся предстоит учитывать не только грамматические тонкости перевода предложений из прямой речи в косвенную, но также и особенности передачи смысла и определённых реалий, отражающих культурные особенности стран.

На базе ГБОУ СОШ № 301 Фрунзенского района г. Санкт-Петербург было проведено опытное обучение в 10 и 11 классах. В ходе него на уроках английского языка применялись разработанные игры. По завершении опытного обучения обучающимся было предложено пройти опрос об эффективности использования игровых технологий на уроках английского языка с целью совершенствования межкультурной компетенции.

Все обучающиеся положительно отнеслись к внедрению игровых технологий в процесс обучения английскому языку. 95 % обучающихся отметили, что применяемые на уроках игры способствовали лучшему пониманию того, как следует выстраивать коммуникацию со сверстниками, а также с представителями других культур и стран. 88 % обучающихся отметили, что игры помогли им осознать важность изучения иностранного языка для возможности представления себя, своего народа и своей страны во время коммуникации с представителями других культур и стран. Все обучающиеся отметили, что были активно включены в ход урока, заинтересованы в том, чтобы узнать новые факты о других культурах и народах. Также они выразили желание продолжить совершенствование межкультурной компетенции в урочной и внеурочной деятельности.

В статье «Игровые технологии в обучении говорению на уроках английского языка в средней школе» [3] также описаны некоторые игры, которые могут быть применены на уроках английского языка с целью совершенствования грамматических и лексических навыков обучающихся средней школы. Апробация материалов исследования также проводилась в ГБОУ СОШ № 301 Фрунзенского района Санкт-Петербурга.

Изучение английского языка в школе напрямую связано с формированием гражданской идентичности обучающихся, их личностным самоопределением, а также формированием межкультурной компетенции. Применение на уроках английского языка игровых технологий способствует лучшему усвоению учебного материала, а также стимулирует обучающихся к усвоению культурных норм и традиций своей страны и других народов и стран.

Материалы исследования могут быть применены учителями английского языка на уроках английского языка в 10–11 классах. Разработанные игры можно использовать на уроках обобщения и систематизации знаний в соответствии с темами. Также на основе предложенных игр учитель может создать собственные игры и применять их в соответствии с целью урока и потребностями конкретной группы обучающихся.

Список источников

1. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс] fgos.ru. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/, свободный (дата обращения: 20.02.2026).

2. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Иностранный (английский) язык (базовый уровень) для 10–11 классов образовательных организаций. [Электронный ресурс]. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/4_frp-angl-yaz_10-11-klassy_baza.pdf?ysclid=mnf8o7fkxc408630217, свободный (дата обращения: 20.02.2026).

3. Кириллова Е. И., Малышева Е. В. Игровые технологии на уроках английского языка в школе // Перевод. Язык. Культура: материалы XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции 17–18 мая 2024 г. / отв. ред. И. Л. Гарбар. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024.

4. Салтыкова М. В. Методика преподавания и технологии обучения иностранному языку в образовательной организации: учебно-методическое пособие для студентов направления подготовки: «44.03.05 – Педагогическое образование», профиля: Иностранные языки (английский и немецкий языки). – Глазов: Глазовский государственный педагогический институт, 2016. – 90 с.

5. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение. 2002. – 239 с.

6. Hadfield Jill. A Collection of Games and Activities for Low to Mid Intermediate students of English. Intermediate Communication Games. Hong Kong: Nelson and Sons Ltd. 1990. 128 p.

Сведения об авторе

Кириллова Екатерина Игоревна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-3399-6502, e-mail: katyusha.kirillova.00@bk.ru

УДК 371.8
ГРНТИ 14.25.19

Из опыта взаимодействия школы и вуза

Е. А. ЛИСТРАТКИНА

В статье описан опыт сетевого взаимодействия школы и вуза во внеучебной деятельности. Автор подчеркивает, что практическая деятельность в общеобразовательных организациях является важной частью формирования универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций будущих учителей. Подобное взаимодействие способствует не только профессиональному становлению обучающихся вузов, но и развитию толерантности и гражданско-патриотическому воспитанию школьников.

Ключевые слова: внеучебная деятельность, толерантность, взаимодействие, культура, компетенции.

Одна из главных задач модернизации образования – повышение качества образования в современных условиях. Современные подходы к формированию содержания образования требуют создания принципиально новых организационных форм учебной и внеучебной деятельности, новой образовательной среды, ориентированной на востребованные современным обществом образовательные результаты. Это связано с особой ролью образования в передаче социально-культурного опыта новому поколению и в его адаптации к современным жизненным реалиям.

Цель работы – описание опыта проведения внеучебных мероприятий в средней общеобразовательной школе на немецком и английском языках, подготовленных и проведенных обучающимися факультета иностранных языков.

На сегодняшний день новые образовательные стандарты базируются на компетентностном подходе, а качество образования связывают с формированием ключевых компетенций. В российском образовании компетентностный подход определяется переходом от стандартного усвоения знаний, умений и навыков к формированию компетенций, означающих способности и готовность выпускника школы и молодого специалиста к эффективной работе в различных сферах деятельности.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования утверждает, что «достижение образовательных целей более не ограничивается только уроками. На сегодняшний день внеурочная деятельность является значимой частью образовательного процесса. В деятельность следует включать мероприятия, направленные на социальное, интеллектуальное, творческое и гражданско-патриотическое развитие учеников. Школы должны стремиться создать условия для детей, которые помогут раскрывать свой потенциал и получать поддержку в случае затруднений при обучении»[1].

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/ (дата обращения: 25.03.2026).

На основании договора № 17/ 12-05-25 от 19 сентября 2025 г. о сетевой форме реализации образовательной программы студенты факультета иностранных языков имеют возможность посещать и проводить внеучебные мероприятия в ГБОУ СОШ № 303 имени Фридриха Шиллера. Данный вид деятельности является неотъемлемой частью образовательного процесса в вузе, так как мы не просто работаем с обучающимися и даем им знания, умения и навыки, но и формируем определённые универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Формирование компетенций осуществляется не только в рамках лекционных занятий и в процессе выполнения лабораторных работ, но и при помощи практической подготовки, которая, как правило, проходит в общеобразовательных учреждениях Ленинградской области и Санкт-Петербурга. Практическая подготовка осуществляется в образовательных учреждениях в соответствии с утвержденными программами, а также в рамках внеучебной деятельности обучающихся. В данном контексте обучающиеся разрабатывают определенные материалы по запросу школы, которые затем используют в образовательных учреждениях в дополнение к учебным занятиям и внеучебной деятельности.

Современная школа формирует комплекс компетенций, ориентированных на ФГОС (личностные, метапредметные, предметные, коммуникативные, информационные, социально-трудовые) и навыки XXI века, включая способность применять знания в реальной жизни[1].

Внеурочная деятельность, как и деятельность обучающихся в рамках уроков, направлена на достижение результатов освоения основной образовательной программы. Главной целью внеурочной деятельности является решение задач воспитания и социализации детей. В процессе внеурочной деятельности формируются нравственные черты личности, школьник учится коммуникации не только в школьном коллективе, но и вне его. В ходе внеурочной деятельности обучающийся должен научиться действовать, чувствовать, принимать решения. Результатом внеурочной деятельности в школе является увеличение численности детей, охваченных организованным досугом, формирование социальной культуры школьников, чувства патриотизма и гражданственности, предрасположенности к здоровому образу жизни, воспитание толерантности, уважительного отношения к окружающему миру[2].

---

[1] Универсальные учебные действия (УУД) по ФГОС: виды, функции, примеры, характеристики/Skillbox Media [Электронный ресурс]. URL: https://skillbox.ru/media/education/universalnye-uchebnye-deystviya-uud-po-fgos-vidy-funkcii-primery-harakteristiki/?ysclid=mndetlt58x58761325 (дата обращения: 26.03.2026).

[2] Информационно-методическое письмо об организации внеурочной деятельности в рамках реализации обновленных Федеральных государственных образовательных стандартов начального общего и основного общего образования. [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=428314&ysclid=mndeg7yrmy843792745 (дата обращения: 25.03.2026).

Обучающиеся в школе, так же, как и обучающиеся в университете в ходе процесса обучения иностранным языкам и воспитания приобретают определенные знания, умения и навыки, которые способствуют формированию толерантности к иному и чуждому, что в свою очередь, является центральным элементом в межкультурной коммуникации. Обучение в данном контексте не ограничивается лишь приобретением информации о других культурах, но также включает развитие навыков представления своей собственной культуры.

Культура России – это многогранное и многослойное явление, которое включает в себя искусство, музыку, литературу, архитектуру, народные традиции и многое другое. Россия отличается богатым историческим наследием, разнообразием этнических групп и культурных влияний. Сегодня культура России продолжает развиваться, сочетая традиции и инновации. Указом Президента Российской Федерации 2026 год в России объявлен Годом народного единства, что сопровождается различными мероприятиями и инициативами, которые направлены на укрепление сплоченности, патриотизма и национального сознания. Можно сказать, что взаимодействие между школьным и высшим образованием ориентировано на развитие толерантности не только в рамках собственной страны, но и в контексте страны, язык которой изучается.

Далее будет описан опыт разработки и проведения студентами факультета иностранных языков внеучебных мероприятий, посвященных празднованию Рождества в России и в Германии в ГБОУ СОШ № 303 имени Фридриха Шиллера. Под руководством преподавателей немецкого и английского языков обучающиеся по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) направленность «Иностранный язык (английский) и иностранный язык» разработали и провели внеурочное мероприятие. В рамках этого внеурочного занятия обучающиеся 6-го класса смотрели фрагменты фильма «Гринч-похититель Рождества». По завершении просмотра была организована викторина. Также студенты разыграли сценку на немецком языке на тему «Рождество в России и Германии», после которой в интерактивной форме школьники ответили на вопросы, тем самым сравнив традиции празднования Рождества в своей стране и стране изучаемого языка. В завершении занятия участникам было предложено задание на соответствие (соотнеси изображение и слово).

На занятии по английскому языку в 5 классе обучающимся были продемонстрированы фрагменты новогодней рекламы на русском языке, после чего участники создали постер и ответили на вопросы в формате командной игры.

Проведенные мероприятия получили высокую оценку руководства школы, что свидетельствует об их актуальности. Как школьники, так и студенты были максимально вовлечены в процесс, а по окончании мероприятий дали положительную обратную связь. Разработанные сценарии мероприятий, которые были созданы студентами, получили рекомендацию руководства школы на тиражирование. Школа планирует использовать эти сценарии в будущем, что позволит повторять успешные форматы и организовывать подобные события на регулярной основе.

В заключение можно сказать, что изучение иностранных языков как в учебной, так и во внеучебной деятельности способствует формированию толерантности, которая в свою очередь играет ключевую роль в построении единства между народами. Она способствует пониманию и принятию многообразия культур, традиций, взглядов, способствует взаимопониманию и культурному обмену между различными народами.

Список источников

1. Ахтырская Е.Н. Универсальные учебные действия в системе начального образования в рамках реализации ФГОС НОО. https://cyberleninka.ru/article/n/universalnye-uchebnye-deystviya-v-sisteme-nachalnogo-obrazovaniya-v-ramkah-realizatsii-fgos-noo?ysclid=mndh73dnum3792817 (дата обращения: 28.03.2026).

2. Полокайнен А. П. Межкультурная коммуникация в современном мире: преимущества и вызовы // Актуальные исследования. – 2023. – № 50 (180). – Ч. II. – С. 27–29. URL: https://apni.ru/article/7802-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom (дата обращения: 27.03.2026).

3. Сытина Н. С., Хабибова Н. Е. Феномен «Внеурочная деятельность»: Ключевые смыслы, проблемы организации и реализации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vneurochnaya-deyatelnost-klyuchevye-smysly-problemy-organizatsii-i-realizatsii (дата обращения: 28.03.2026).

Сведения об авторе

Листраткина Елена Анатольевна – старший преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5013-1805

УДК 94(575)“1906/1917”:070.481
ГРНТИ 03.23.55
10.09
19.41
19.51.51

Освещение проблем Туркестанского генерал-губернаторства в Государственной думе на страницах газеты «Речь» (1906–1917 гг.)

В. А. МАСЛОВА

В статье анализируется отражение проблем Туркестанского генерал-губернаторства либеральной газетой «Речь» в ходе деятельности Государственной Думы. Газета начала издаваться в 1906 г., в канун открытия I Думы. Формально оставаясь частным и независимым изданием, она фактически выражала интересы кадетской партии. За время работы Думы всех созывов в большинстве выпусков «Речи» присутствовала информация о парламентской жизни: от выборов и их перипетий до итогов голосования и будней депутатского корпуса, затрагивались и вопросы представительства Туркестанского генерал-губернаторства в Думе.

Ключевые слова: периодическая печать, Туркестанское генерал-губернаторство, либеральная пресса, газета «Речь», Государственная Дума.

В российской прессе начала XX в. особое место занимала газета «Речь», выходившая в Санкт-Петербурге и являющаяся изданием партии кадетов. Этот печатный орган стал главным рупором либеральной мысли накануне мировой войны. Замысел создания политического издания созрел у лидера кадетов Павла Николаевича Милюкова еще осенью 1905 г., когда революционная волна фактически привела к отмене цензурных запретов для многих столичных газет. В феврале 1906 г. замысел обрел форму: был подписан договор с издателем Ю. В. Баком, и 23 числа свет увидел дебютный номер «Речи». К 1908 г. управление газетой перешло в руки авторитетных членов партии – И. И. Петрункевича и В. Д. Набокова, оформивших Товарищество по изданию «Речи». Финансовую опору изданию обеспечивали как состоятельные партийные функционеры, так и представители правления Азовско-Донского коммерческого банка [Боханов, с. 67]. Исследователь Б. С. Котов отмечает: «Речь» была «главным рупором кадетской партии, наиболее последовательно отражавшим её политическую линию и взгляды П. Н. Милюкова» [Котов, с. 10].

На протяжении 1906–1908 гг. содержание газеты «Речь» определяла думская повестка: от выборов до ежедневной работы народных представителей, однако на её страницах находили отражение и темы культуры, литературы, внешней политики. Наибольший интерес среди окраин Российской империи для газеты представляли западные губернии: Польша, Украина, Финляндия и Балтийский регион. Центральным нарративом либеральной прессы в этом контексте являлось требование самоопределения для Польши. В то же время на страницах издания находили отражение и проблемы восточных окраин – Сибири, Туркестанского генерал-губернаторства и Степного края. В настоящей статье рассматривается

отражение проблем Туркестанского края на страницах газеты «Речь» с 1906 по 1917 г.

«Речь» играла активную роль в политической борьбе, развернувшейся вокруг Думы, формируя её повестку и критикуя оппонентов. Она полемизировала с проправительственной «Россией» и октябристским «Голосом Москвы», отстаивая либеральный взгляд на думскую работу[1]. В. И. Ленин, критикуя думские публикации «Речи», и споря с ней как с главным выразителем кадетской стратегии «бережения Думы», тем самым признавал её влиятельность. Он посвятил её позиции отдельные статьи: «Торжествующая пошлость и кадетствующие эсеры» [Ленин, т. 15, с. 213–221], впервые опубликованную в газете «Наше эхо» 07 апреля 1907, «Среди газет и журналов» [Ленин, т. 13, с. 188–189], напечатанную в «Эхе» 24 июня 1906 г.

10 мая 1906 г. начала свою работу I Государственная Дума Российской Империи. В 1906–1907 гг. думская тематика, включающая в себя освещение выборов и деятельность Государственной думы, была одним из приоритетов «Речи». В рамках этой работы газета регулярно информировала читателей и об участии туркестанских депутатов, а также об обсуждении в Думе проблем губернаторства. «Уже в начале работы I Думы большинство мусульманских депутатов присоединилось к фракции кадетов, однако, впоследствии было принято решение о создании собственной депутатской группы на платформе политической программы кадетов» [Исрапов, с. 15], поэтому мусульманская фракция попала в поле зрения думских обозревателей газеты.

Исследователь Туркестанского направления думской политики Т. В. Котюкова наличие особых правил для выбора в Государственную думу I созыва для окраинных территорий (Туркестана, Степного края, Кавказа и Польши) объясняет боязнью правительства непредсказуемости национальных политических элит «в своих политических устремлениях» [Котюкова, с. 38]. Утвержденные 23 апреля 1906 г. правила для выборов в Думу на окраинах были составлены исходя из приоритета русского населения над местным. В результате их реализации «один депутат от пришлого населения края приходился, в среднем, на каждые 46 тыс. человек этого населения, а от коренного – на каждые 896 тыс., то есть в 20 раз меньше» [Пясковский, с. 526]. Газета 30 марта 1906 г. [Речь. 30.03.1906, с. 4] сообщила о проекте выборов в Думу, составленным П. Дурново, с нейтральной позиции, без акцента на предлагаемые министром меры по сокращению представителей коренного населения, но сосредоточилась на технических деталях будущего процесса. Через месяц (26 апреля [Речь. 26.04.1906, с. 4]) в газете сообщают об утверждённом количестве представителей от Туркестанских областей. I Государственная Дума просуществовала 72 дня, туркестанские депутаты

[1] Рябухин И. В. Отражение запросной деятельности депутатов Государственной Думы Российской империи в либеральных и проправительственных периодических изданиях того времени (на примере второго созыва народного представительства). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=92 (дата обращения: 19.03.2026).

в ней не успели принять участие, так как на момент роспуска Думы избирательная кампания не была окончена [Котюкова, с. 55].

С осени 1906 г. по весну 1907 г. по всей империи проходила избирательная кампания во II Государственную Думу, которая проработала с 20 февраля по 3 июня 1907 г. Т. В. Котюкова пишет о многочисленных нарушениях в Туркестанском крае при проведении избирательной кампании. Об этих нарушениях «Речь» не сообщает. Редакция обращает внимание на процедуру утверждения выборов, проводимую Думой: «Четвертый отдел не нашел неправильностей в выборах по губ. Ковенской, от русского населения г. Ташкента» [Речь. 27.02.1907, с. 2]; подобную процедуру газета освещает и применительно к местному населению в мае 1907 г.: В докладе IV отдела по выборам в Ташкенте докладчик Леонас указал, что жалоба на незнание депутатом Бариевым русского языка после проверки оказалась необоснованной. Отдел предложил утвердить выборы, что и было сделано Думой [Речь. 19.05.1907, с. 7].

От русского населения г. Ташкента был выбран бывший военный администратор края, общественный деятель и учёный В. П. Наливкин, на сотрудничество с которым возлагала надежды кадетская партия со времен I Думы. «Речь» обращает внимание на пристальное внимание со стороны полиции к Наливкину по пути его следования из Ташкента в Петербург. Этот эпизод отражала саркастическая публикация: «Депутата города Ташкента г. Наливкина, проехавшего 12 февраля через Асхабад, от самого Ташкента сопровождают несколько жандармов, которые, как тень, всё время следуют по пятам г. Наливкина, наблюдая, что он ест, что пьёт, как спит, с кем разговаривает» [Речь. 01.03.1907, с. 5]. Этот депутат, представляющий русское население, но хорошо знакомый с проблемами коренных жителей, «на выборах объявив себя беспартийным, в Думе примкнул к социал-демократам» [Котюкова, с. 65], поэтому дальнейшие упоминания в «Речи» В. П. Наливкина являются более формальными. Одно из них описывает состав фракции социал-демократов [Речь. 31.03.1907, с. 8], другая – о вызове Наливкина на дуэль «от тов. прокурора петербургского окружного суда г. Рубана» [Речь. 06.04.1907, с. 7], произошедшем из-за отзыва о русском суде во время думского выступления ташкентского депутата, который Рубан посчитал оскорбительным.

В статья от 6 апреля 1907 г. освещалось заседание бюджетной комиссии Думы, которая обсуждала наложение на Туркестанское генерал-губернаторство денежной воинской повинности, подобно взимаемой в Кавказском крае. Автор статьи, скрывающийся за псевдонимом А. Р., пишет о тяжёлом финансовом бремени содержания военного присутствия в крае, а также о попытках разрешения этого вопроса с 1904 г. В рассуждениях публициста проводится мысль о том, что огромные затраты на Туркестан неоправданны вдвойне, поскольку местные жители, которых опасаются призывать в армию из-за риска панисламизма, не несут воинской повинности. Логичным выходом из этого положения, по мнению автора, было бы введение для них денежного налога вместо службы.

В стенограмме думского совещания, опубликованного 4 апреля 1908 г. [Речь. 04.04.1908, с. 3], сообщается о том, что Дума приняла без прений в первом и втором чтениях внесенный министром финансов законопроект о продлении на 1908 г. ему полномочий об определении размера и сборе налога на богарные необработанные земли Туркестанского края.

В газете за 2 мая 1908 г. [Речь. 02.05.1908, с. 3] освещено думское заседание по обсуждению предложенного министром финансов бюджета. В ходе заседания были подняты вопросы финансирования окраин, религии, а также проблемы Польши, Армении и неправославных конфессий. Выступление депутата Кутлу-Мухаммеда Батыргиреевича Тевкелева, стенограмма которого была напечатана в этом номере, касалось отсутствия в финансовой смете расходов на духовные нужды мусульман. Тевкелев был избран от общего состава выборщиков Уфимского губернского избирательного собрания, в Думе представлял мусульманскую фракцию. В своей речи он рассуждает о 20-миллионном населении страны, исповедующем ислам, на чьё духовенство средств выделяется гораздо меньше, чем на их коллег из других конфессий. Обращался Тевкелев к депутатам с призывом создать центральное духовное управление, а также орган содействия получению мусульманского религиозного образования.

В годы войны газета активно продолжала публиковать стенограммы думских заседаний, в которых присутствуют высказывания представителей фракции мусульман, главным образом Тевкелева. Так, на заседании Думы 28 января 1915 г. он заявил: «Чувства и мысли мусульман не могут быть настроены иначе, как только в один тон с чувствами и мыслями всех российских граждан» [Речь. 22.05.1915, с. 5], отметив, что при поддержке войны сохраняется недоверие к мусульманам со стороны властей.

Можно сделать вывод, что в целом представительству Туркестана в Думе газета уделяла мало внимания, больше интересуясь западными окраинами страны. Партия кадетов изначально возлагала определенные надежды на представительство Туркестанского края в Думе. Поэтому известие об избрании В. П. Наливкина, а также сообщения о его преследовании со стороны полиции были восприняты с воодушевлением. Однако впоследствии деятельность этого депутата в составе социал-демократической фракции не вызвала интереса у кадетской прессы.

В вопросах финансирования края и введения воинской повинности для местного населения «Речь» придерживалась консервативно-охранительной линии. Аналогичную позицию газета занимала и по проблемам налогообложения. С 1908 г. на страницах «Речи» внимание смещается с конкретных проблем Туркестана на положение всего мусульманского населения империи, интересы которого представляла мусульманская фракция, тесно сотрудничавшая с кадетами в Думе.

С началом войны партия заняла патриотическую позицию, поддерживая вступление страны в военный конфликт, что делало особенно важным освещение вопросов поддержки мусульманского населения.

Список источников

1. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. 1914 г. – М.: Наука, 1984. – С. 67.
2. Государственная Дума. Утреннее заседание // Речь. – 19.05.1907. – № 116. – С. 7.
3. Государственная Дума. Парламентские заметки // Речь. – 04.04.1908. – № 78. – С. 3.
4. Государственная Дума. Парламентские заметки // Речь. – 02.05.1908. – № 104. – С. 3.
5. Государственная Дума. Парламентские заметки // Речь. – 28.01.1915. – № 27. – С. 5.
6. Дума. Проверка положения в отделах // Речь. – 27.02.1907. – № 48. – С. 2.
7. Думская хроника // Речь. – 31.03.1907. – № 76. – С. 8.
8. Думская хроника // Речь. – 06.04.1907. – № 81. – С. 7.
9. Исрапов А. А. Мусульманская фракция в первой Государственной Думе Российской империи и национальный вопрос // Приоритетные направления развития науки и образования. – 2016. – № 3(10). – С. 14–17.
10. К выборам в Государственную Думу // Речь. – 30.03.1906. – № 35. – С. 4.
11. Котов Б. С. Газета «Речь» в дни июльского кризиса 1914 г. // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 4(37). – С. 9–16.
12. Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). – М.: Энтер-Графико, 2008. – С. 38.
13. Ленин В. И. Торжествующая пошлость и кадетствующие эсеры // Полное собрание сочинений в 55 томах. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 15. – 560 с.
14. Ленин В. И. Среди газет и журналов // Полное собрание сочинений в 55 томах. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 13. – 579 с.
15. Провинциальная хроника. Депутатская неприкосновенность // Речь. – 01.03.1907. – № 50. – С. 5.
16. Пясковский А. В. Революция 1905–1907 годов в Туркестане. – М., 1958. – С. 526.
17. Рябухин И. В. Отражение запросной деятельности депутатов Государственной Думы Российской империи в либеральных и проправительственных периодических изданиях того времени (на примере второго созыва народного представительства). [Электронный ресурс]. URL: http://www.mkonf.iriran.ru/papers.php?id=92 (дата обращения: 19.03.2026).
18. Хроника // Речь. – 26.04.1906. – № 58. – С. 4.

Сведения об авторе

Маслова Вера Анатольевна – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-5340-3254, e-mail: mhtrade@inbox.ru

УДК 81’253:811.111
ГРНТИ 16.31.41

Передача лингвокультурной специфики комического при синхронном переводе политического дискурса

Л. В. СТАХОВА, Г. В. ХАУСТОВ

Статья посвящена проблеме передачи комического при синхронном переводе выступлений политических лидеров. Анализируются лингвистические и лингвокультурные механизмы комического, представляющие трудности при синхронном переводе.

Ключевые слова: синхронный перевод, политический дискурс, комическое, лингвокультурный механизм комического.

Синхронный перевод – один из самых востребованных видов перевода на современном рынке переводческих услуг. Несмотря на постоянное обновление, оптимизацию и расширение функционала информационных технологий, прогнозы относительно их активного внедрения в переводческую сферу и, как следствие, замены человека в области синхронного перевода оказываются несостоятельными, поскольку исходный текст включает комплекс взаимосвязанных смыслов лингвистической и экстралингвистической природы, требующих передачи средствами переводящего языка.

Смысл имеет экстралингвистический, внешний характер по отношению к тексту, «поскольку связан с актуализацией прошлого опыта, знания, оценочно-эмоциональных компонентов сознания личности». Смысл представляет собой не сумму значений языковых единиц, требующих репрезентации на языке перевода, а «является производным от процесса понимания» [Новиков, с. 143].

Именно поэтому, в отличие от человека-синхрониста, машинный перевод сталкивается с рядом ограничений при распознавании и адекватной контекстуальной интерпретации смысла исходного текста, а также при выборе оптимального переводческого решения.

К сложным аспектам синхронного перевода можно отнести передачу комического. Формы создания комического в устных выступлениях разнообразны, но все они выстраиваются на основе общего механизма создания комического эффекта[1].

Природа комического, психологические и лингвистические механизмы, лежащие в его основе, его аллюзивный характер, эстетическая, эмоциональная и оценочная функции делают комическое, с одной стороны, прекрасным инструментом оратора, с другой стороны, почти не имеющей решения при синхронном переводе задачей, которая в ряде случаев еще осложняется культурной маркированностью.

Так, например, результаты анализа стенограмм выступлений президентов США Билла Клинтона и Джорджа Буша, размещенных в цифровом архиве «The

[1] Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. … д-ра культуролог. наук. М., 2000. С. 9.

American Presidency Project»[1], показывают, что американские политики охотно используют самые разные средства создания комического, которое у названных политиков встречается во всех видах публичных выступлений, варьирующихся от наиболее официальных, например ежегодных посланий Конгрессу США «О положении страны» («State of the Union address»), инаугурационных речей, выступлений в рамках предвыборных кампаний, интервью с отечественными и международными СМИ, еженедельных радиообращений, индивидуальных пресс-конференций и совместных пресс-конференций с высокопоставленными представителями иностранных государств, выступлений по случаю подписаний законодательных актов, до менее официальных, таких как речи на выпускных, выступления на митингах, ужинах и встречах с избирателями, а также ежегодных ужинах Ассоциации корреспондентов Белого дома (White House Correspondents), ужинах «Gridiron Club» и ужинах Ассоциации корреспондентов радио и телевидения (Radio and Television Correspondents' Association).

В рамках настоящего исследования основным индикатором успешного использования комического компонента в президентских выступлениях является смех аудитории. Такой подход соответствует устоявшейся в исследованиях юмора практике, в которой реакция аудитории служит эмпирическим показателем, позволяющим отделить успешные комические дискурсивные приемы от неудачных попыток в частности или неюмористического дискурса в общем. Как отмечает С. Аттардо, смех является прототипическим перлокутивным эффектом юмора и наблюдаемым доказательством того, что коммуникативно-прагматический замысел достиг поставленной цели [Attardo, p. 41].

В стенограммах, подготовленных в рамках проекта «The American Presidency Project», реакция аудитории в виде смеха фиксируется с помощью пометы [laughter], которая указывает на то, что в соответствующем месте речи был слышен смех аудитории. Данная помета, последовательно используемая во всех стенограммах архива, обеспечивает единообразный подход, позволяющий провести как количественный анализ, так и диахроническое сравнение выступлений, относящихся к разным временным периодам.

Анализ транскриптов показывает, что, с точки зрения языковых средств, используемых ораторами, все выявленные фрагменты комического можно разделить на две группы – комическое, построенное с использованием собственно лингвистических механизмов и комическое культурно-лингвистической природы. В политическом дискурсе комическое первого типа встречается редко, что обусловлено специфической коммуникативной задачей оратора – осветить в выступлении значимые для аудитории социально-экономические проблемы. В комическом второго типа можно выделить случаи, когда ключевую роль в создании комического играют лингвистические средства, и случаи, когда эта функция реализуется за счет отсылки к культурному компоненту.

[1] Woolley, J. T., Peters, G. (1999 – present) The American Presidency Project. Santa Barbara, CA: University of California, Santa Barbara. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/ (accessed 30.03.2026).

Рассмотрим пример комического с доминирующей функцией лингвистического механизма. Во время выступления 26 августа 1995 года в штате Вайоминг на курорте Джексон-Хоул с речью «Remarks on the 75th Anniversary of Women's Suffrage» Билл Клинтон произносит следующую фразу:

...if anybody had ever told me that within the space of about 8 minutes I would be feeding bison to wolves and then would be hailed on in August – [Laughter] – or as one of the park rangers said, this is "hail on the Chief" – [Laughter] – I would never have believed it[1].

Комический эффект в этом фрагменте создается за счет несоответствия в словах оратора, которое становится причиной когнитивного диссонанса, возникающего у слушателей. Несоответствие реализуется на макроуровне, включающем весь фрагмент, и трех микроуровнях – отдельных компонентах высказывания.

На макроуровне оратор сопоставляет абсурдную ситуацию (град в августе, кормление волков бизонами) с отсылкой к торжественному официальному президентскому гимну. На микроуровнях абсурдность ситуации создается за счет:

- несоответствия указанного отрезка времени в 8 минут количеству событий, случившихся за этот период,
- несоответствия описанного поведения оратора (кормление волков бизонами) правилам поведения в национальном парке, известных всем слушателям,
- несоответствия вероятного социального статуса описываемого собеседника (смотритель национального парка, не имеющий лингвистического образования) его лингвистической ремарке, которую пересказывает оратор.

Комическое в данном фрагменте репрезентируется и на фонологическом уровне, что передается графически в транскрипте. Конструкция включает в себя эмфатическую паузу, обозначенную длинными тире. Согласно Chicago Manual of Style (CMOS)[2] этот знак указывает на эмфатическую паузу, которая разделяет высказывание на два семантических блока и дает аудитории время для восприятия и оценки первой части фразы, содержащей единицу *hailed on*, и подготовиться к подаче панчлайна or *as one of the park rangers said, this is "hail on the Chief"*.

Лингвистическим средством создания комического на макроуровне выступает механизм омонимии, позволяющий реализовать два разных значения единицы *hail*. Если остальные средства создания комического на макро- и микроуровнях не представляют дополнительной сложности при синхронном переводе, то собственно лингвистический прием в условиях синхронного перевода невозможно передать аналогичными средствами русского языка. Ситуация осложняется восприятием на слух предлогов *on* и *to*, стоящих в безударной позиции, а также спецификой их употребления с единицей *hail*.

---

[1] Clinton W. J. (1995) Remarks on the 75th Anniversary of Women's Suffrage, Jackson Hole, Wyoming, 26 August // The American Presidency Project. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-75th-anniversary-womens-suffrage-jackson-hole-wyoming (accessed 25.03.2026).

[2] Chicago Manual of Style (2017) Available at: https://www.chicagomanualofstyle.org/book/ed17/part2/ch06/toc.html (accessed 01.04.2026).

Помимо собственно лингвистических трудностей, возникает ряд проблем экстралингвистического характера, обусловленных, во-первых, особенностями индивидуальной психологической реакции реципиента на комическое, во-вторых, спецификой восприятия «чужого» комического представителями другой культуры, в-третьих, непониманием иноязычным реципиентом собственно культурных коннотаций и отсылок.

В данном случае оратор использует отсылку к названию президентского гимна «Hail to the Chief», что представляет еще одну сложность для передачи при синхронном переводе, заключающуюся в прагматической адаптации исходной безэквивалентной единицы. Контекстуальный анализ фрагмента показывает, что нейтрализация комического невозможна, поскольку, во-первых, есть объективная реакция реципиента исходного текста, во-вторых, комическое вводится оратором намеренно, т.е. является одной из функциональных доминант оригинала. Это своеобразная самохарактеристика президента, позиционирующего себя как человека демократичного и способного оценить остроумный лингвистический юмор, т.е. синхронист оказывается в ситуации, при которой в условиях жестких временных ограничений и отсутствия эквивалента в переводящем языке, необходимо подобрать вариант, реализующий коммуникативную функцию оригинала и прагматически адаптированный для реципиента перевода.

При синхронном переводе контекстов, в которых комический эффект реализуется в первую очередь за счет культурного компонента, также возникает ряд проблем. Рассмотрим фрагмент выступления Джорджа Буша на встрече с представителями СМИ (Radio and Television Correspondents Association Dinner) 29 марта 2001:

I appreciate the members of the press. I think you serve a very useful purpose, especially tonight. As you know, we're studying safe levels for arsenic in drinking water. [Laughter] To base our decision on sound science, the scientists told us we needed to test the water glasses of about 3,000 people. [Laughter] Thank you for participating. [Laughter][1].

Прием создания комического - отвлечение внимания. Этот прием ретроспективно заставляет аудиторию переосмыслить зачин шутки. Лингвистическим механизмом создания комического эффекта является полисемия. Использование лексемы *purpose* во фразе *you serve a very useful purpose* предполагает первоначальное толкование фразы аудиторией как высокую оценку президентом заслуг работников СМИ, их социально значимую функцию, работу на благо общества, при котором реализуется абстрактное значение «the feeling of being determined to do or achieve something»[2]. Однако фраза ретроспективно переосмысливается после второй части зачина шутки *especially tonight.* Отметим, что это уточнение не вызывает смеха у аудитории, поскольку несоответствие между глобальной соци-

[1] Bush G. W. (2001) Remarks at the Radio and Television Correspondents' Association Dinner, 29 March // The American Presidency Project. Available at: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-radio-and-television-correspondents-association-dinner-6 (accessed: 25.03.2026).

[2] Purpose // Merriam-Webster Dictionary. Available at: https://www.merriam-webster.com/dictionary/purpose (accessed: 26.03.2026).

ально значимой целью и указанием на конкретный вечер недостаточно для порождения комического. Комический компонент получает свое развитие в следующей фразе *As you know, we're studying safe levels for arsenic in drinking water,* после которой реализуется буквальное, инструментальное значение лексемы «purpose the reason something is done or used»[1]. Аудитория наделяется социальной маской невольных подопытных лаборатории. Эта ретроспективная переоценка составляет фундамент комического, который создается с помощью отсылки к известным для носителей языка фактам.

Выражение *Thank you for participating* тоже подвергается семантической переоценке в данном контексте. Благодарность за участие предполагает, что участие добровольное, однако, в монологе Буша *participating* становится эвфемизмом для обозначения вынужденного участия в токсикологическом эксперименте.

На синтаксическом уровне в этом отрывке используется парцелляция – преднамеренное разделение сложного синтаксического целого на несколько частей, которые интонационно, семантически и грамматически связаны друг с другом для контроля за умозаключением слушателя. Связь между исследованием содержания мышьяка и аудиторией остается имплицитной до последнего предложения *Thank you for participating*, которое представляет собой синтаксически независимую единицу, чья краткость и клишированная структура *thank you for - ing* усиливает комический эффект. Такая сдержанная, шаблонная вежливость резко контрастирует с комическим, и одновременно несколько зловещим подтекстом, создавая эффект несоответствия.

На фразеологическом уровне наблюдается нарушение идиоматичности клише традиционного выражения благодарности президентом присутствующим журналистам, которое является ритуальным элементом риторики на ужине корреспондентов. Соблюдая ожидаемую форму при изъявлении благодарности журналистов, оратор наполняет обычную формулу иным, исключительно утилитарным содержанием.

Несмотря на разнообразие используемых лингвистических средств, их передача при синхронном переводе не представляет особых проблем, поскольку все эти средства имеют соответствующие эквиваленты в языке перевода.

Сложность представляет передача культурного компонента, который заключается в отсылке к реальной полемике вокруг решения администрации Буша в марте 2001 года отменить принятые в эпоху Клинтона нормы по снижению допустимого уровня мышьяка в питьевой воде. Это решение широко критиковали экологические активисты и СМИ.

Проблема передачи комического такого плана заключается в том, что, с одной стороны, синхронист может не знать все нюансы, с другой стороны, даже при наличии соответствующих экстралингвистических знаний, очень сложно включить дополнительные сведения в перевод при условии жесткого ограничения во времени, и сохранить при этом комический эффект оригинала.

---

[1] Purpose // Merriam-Webster Dictionary. Available at: https://www.merriam-webster.com/dictionary/purpose (accessed: 26.03.2026).

Также необходимо отметить, что если для перевода первого фрагмента синхронисту необходимо владеть общекультурной, фоновой информацией, то для передачи второго фрагмента нужны сведения о социально-культурных явлениях текущего периода.

Таким образом, передача комического при синхронном переводе представляет собой одну из самых нетривиальных задач, стоящих перед синхронистом, требующих не только виртуозного владения лингвистическим инвентарем, но и обширных и глубоких экстралингвистических знаний.

Список источников

1. Новиков А. И. Текст и его смысловые доминанты. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

2. Attardo S. The Linguistics of Humor: An Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2020. – 496 p.

Сведения об авторах

Стахова Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0473-9967, e-mail: larisastakhova@gmail.com

Хаустов Григорий Вадимович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-4746-7600, e-mail: grigory.khaustov@gmail.com

УДК 325
ГРНТИ 21.41.41

Религиозная идентичность молодого поколения (им)мигрантов в контексте миграционной политики*

Е. Ю. ТАЛАЛАЕВА

Анализируется роль религиозного фактора в различных аспектах интеграционных процессов и миграционной политики. Особое внимание уделяется причинам и последствиям религиозной самоидентификации молодого поколения (им)мигрантов, имеющих иную культурную, религиозную или этническую принадлежность. В исследовании делается вывод о необходимости поддержания баланса между сохранением собственной культурной и религиозной идентичности детей (им)мигрантов и усвоением ими традиционных российских духовно-нравственных ценностей, что является важным элементом межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе.

Ключевые слова: религиозная идентичность, миграционная политика, интеграционные процессы, народное единство.

Современная миграционная политика России является одним из ключевых элементов гармоничного развития российского общества. Эффективная реализация миграционных и интеграционных государственных стратегий позволяет поддерживать баланс между устойчивым экономическим развитием страны, обеспечением национальной безопасности и социальной стабильности населения. Значительный интерес в этом плане приобретают вопросы сохранения народного единства в стране и интеграции в общество (им)мигрантов с иной культурной, религиозной и этнической принадлежностью.

Одним из ключевых факторов, во многом определяющим успешность адаптации инокультурных мигрантов к традициям и условиям жизни принимающей страны, является их религиозная идентичность. Особую актуальность в данной связи обретает религиозная самоидентификация молодого поколения мигрантов, ее влияние на их социокультурную интеграцию и взаимодействие с окружающим обществом.

Прежде всего, для молодежи иммигрантского происхождения религия может выступать в качестве маркера идентичности. В этом случае религиозный фактор не является основой мировоззрения или руководством в повседневной жизни, он скорее формирует социальную принадлежность и чувство сопричастности к определенному сообществу людей. Для иммигрантов во втором и третьем поколениях религиозная принадлежность может иметь особое значение. Л. Платт в исследовании идентичности этнических и религиозных меньшинств указывает, что дети иммигрантов зачастую отказываются от отождествления себя с этнической принадлежностью родителей в пользу альтернативных путей самоидентификации [Platt, p. 47]. Стремлению молодого поколения мигрантов

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 26-18-00202 «„Homo post-Sovieticus“ в поисках себя: религия в системе гражданской идентичности».

идентифицировать себя при помощи религии во многом способствует дискриминация этнорелигиозных меньшинств со стороны большинства населения страны. При этом их религиозная идентичность не наследуется от родителей, но формируется в контексте той социальной действительности, которой они принадлежат или которой вынуждены противостоять. Например, в исследовании причин выбора молодыми мусульманами в европейских странах фундаменталистской версии ислама отмечается, что представители второго и третьего поколения мигрантов-мусульман переживают «возвращение в мечеть», изобретая свою версию ислама [Пронина, Талалаева, с. 160]. Формирование подобной модели идентичности является своеобразным социально-политическим протестом молодежи против сложившейся общественной системы ценностей, которая по тем или иным причинам может восприниматься ими враждебно.

Религия влияет на формирование культурных ценностей и мировоззренческих установок. В целом мировые религии обладают схожими базовыми моральными принципами и ценностями, однако их последователи могут расходиться во мнении относительно строгости соблюдения этих принципов и мер наказания за их нарушение. В зависимости от религиозной принадлежности, социальная интеграция и адаптация этнических и религиозных меньшинств может быть значительно затруднена, например, в отношении их восприятия гендерных ролей в принимающем обществе.

Принадлежность к определенной религии может быть выгодна ее последователям благодаря различным преимуществам, предоставляемым религиозными организациями. Выступая в качестве коммуникационной площадки, они обеспечивают мигрантам возможность общения с единоверцами и психологическую защиту от предрассудков и дискриминации со стороны местного населения, с которыми они могут столкнуться. В исследованиях по данной теме отмечается, что религиозные организации «предоставляют возможность для товарищества и дружбы в привычной культурной среде, они служат источником утешения и защиты от стрессов, неудач и трудностей, связанных с адаптацией к жизни в новой стране» [Foner, Alba, p. 362]. Кроме того, религиозные организации предлагают своим прихожанам различные социальные услуги, такие как языковые курсы, присмотр и уход за детьми, консультирование по юридическим вопросам, информацию о возможностях трудоустройства и получения временного жилья.

Религиозная принадлежность также может спровоцировать появление или активизацию социальных стереотипов. Например, традиционные для ислама головные уборы прямо указывают на религиозную принадлежность и демонстрируют религиозную идентичность человека для окружающего общества. Подобные сигналы могут привести как к положительному эффекту в рамках социального взаимодействия между представителями одной веры, так и существенно снизить перспективы успешной интеграции мигрантов в общество с другой культурой. К примеру, потенциальные работодатели могут отказать кандидату, указавшему в резюме, что он мусульманин, если они полагают, что соблюдающие религиозные обряды мусульмане менее продуктивны, могут часто молиться в течение рабочего дня или соблюдать пост в Рамадан [Kogan, p. 3548].

Таким образом, в секуляризованных западных обществах представители определенных религиозных групп могут быть подвержены субъективной дискриминации из-за демонстрации своей религиозной идентичности.

Интеграционная политика многих европейских стран рассматривает образование в качестве важного элемента интеграции детей мигрантов. Особое значение придается изучению религий в светских школах, особенно в странах, где социальная идентичность граждан основана на культурно-религиозном наследии. В этом плане интересен опыт Финляндии [Талалаева, Пронина, с. 93–94]. До недавнего времени финское общество являлось преимущественно однородным в плане культуры, религиозной и этнической принадлежности его граждан. Однако европейские миграционные кризисы последнего десятилетия поставили государственные власти перед проблемой национального масштаба – необходимостью принять и интегрировать в стране значительный поток мигрантов с иной этнической и религиозной принадлежностью.

Именно религия выступает одним из важнейших аспектов финской иммиграционной и интеграционной политики и ложится в основу формирования религиозной идентичности молодого поколения в рамках школьного образования. Несмотря на то, что финская Евангелическая лютеранская церковь не оказывает значительного влияния на повседневные практики своих прихожан, большинство финнов (65,2%) по-прежнему официально числятся ее членами[1]. Лютеранские традиции, как один из основных элементов финской культуры, стали неотъемлемой частью системы образования. Данное обстоятельство способствовало их обязательному изучению для всех школьников на уроках религии, при этом предоставляя выбор для тех, кто придерживается иных убеждений, посещать альтернативные занятия [Korpela, p. 4]. Таким образом, дети в рамках одного класса разделяются на отдельные группы, в которых по выбору их семей преподают учения доминирующих религиозных учений в стране – христианства (преимущественно лютеранства), ислама или светской этики. В результате такой подход имеет не только положительный эффект, позволяя финнам сохранить и передать последующим поколениям культурное наследие страны, но и негативные последствия, вызванные акцентированием и противопоставлением религиозных идентичностей разных групп школьников. Складывается ситуация, при которой дети в школьной среде условно разделены на «лютеран» и противопоставляемых им «других». Разделение общества на категории «мы» и «другие» имеет отрицательное воздействие на интеграционные процессы в стране и способствует социальной напряженности среди населения.

Очевидно, что в современном обществе религиозный фактор является важным элементом миграционной политики, обладающим двойственным потенциалом влияния на интеграцию и адаптацию молодежи. Формирование религиозной идентичности у детей и подростков может стать как эффективным инструментом

[1] Population structure on 31 December 2022 // Statistics Finland, 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#Applicants%20for%20asylum (дата обращения: 09.04.2026).

их социализации, так и причиной конфликтов между разными группами населения. Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»[1], одним из главных приоритетов российской миграционной политики является привлечение иностранных граждан, разделяющих традиционные российские духовно-нравственные ценности. В числе основных мер по содействию адаптации мигрантов отмечены программы по освоению русского языка и усвоение общепризнанных в российском обществе норм поведения. Однако дополнительное внимание также следует уделять развитию инициатив по сохранению культурной и религиозной идентичности детей мигрантов наравне с налаживанием эффективного межкультурного диалога. Создание такого баланса необходимо для поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе.

Список источников

1. Platt L. Is There Assimilation in Minority Groups' National, Ethnic and Religious Identity? // Ethnic and Racial Studies. – 2014. – № 37(1). – Pp. 46–70. DOI 10.1080/01419870.2013.808756.

2. Пронина Т. С., Талалаева Е. Ю. Миграция и исламский фундаментализм в контексте постмодернистского дискурса // Современная Европа. – 2023. – № 3(117). – С. 152–163. DOI: 10.31857/S0201708323030130.

3. Foner N., Alba R. Immigrant Religion in the U. S. and Western Europe: Bridge or Barrier to Inclusion? // International Migration Review. – 2008. – № 42(2). – Pp. 360–392. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2008.00128.x.

4. Kogan I., Fong E., Reitz J. G. Religion and integration among immigrant and minority youth // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2020. – № 46(17). – Pp. 3543–3743. DOI: 10.1080/1369183X.2019.1620408.

5. Талалаева Е. Ю., Пронина Т. С. Этнический и религиозный аспекты иммиграционных процессов в Финляндии // Балтийский регион. – 2025. – Т. 17. – № 1. – С. 82–98. DOI: 10.5922/2079-8555-2025-1-5.

6. Korpela M. 'Where Should the Orthodox Christian Go?' Distinctions Based on Religion and Language in a Finnish International School // Nordic Journal of Migration Research. – 2024. – Vol. 14. – № 4. – Pp. 1–17. DOI: 10.33134/njmr.607.

Сведения об авторе

Талалаева Екатерина Юрьевна – кандидат философских наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6007-5202, e-mail: aikatarin@mail.ru

[1] Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (дата обращения: 09.04.2026).

УДК 314.74
ГРНТИ 05.41.05

Армянская диаспора в регионе Приангарья в 1990–2010-е гг.

Т. П. УРОЖАЕВА

В статье проведен анализ формирования и развития диаспоры армян в Иркутской области после распада СССР. Общины армянской диаспоры проводили культурно-просветительскую и религиозную деятельность, а также поддерживали культурные связи с Республикой Армения. В статье повествуется о создании и деятельности общественной организации «Иркутское армянское культурное общество» (ИАКО), возникшее в 1992 г. Главной задачей стала пропаганда культурных и духовных ценностей армянского народа и развитие дружественных связей между народами Прибайкалья.

Ключевые слова: диаспора, мигранты, иммиграция, адаптация, национально-культурные общества.

Армянская диаспора стала одной из многочисленных и влиятельных диаспор, вовлеченных в политический процесс в России. В особенности это проявляется в местах наибольшей концентрации армянского населения и его компактного проживания. Внутриполитическим ресурсом армянской диаспоры в России является ее институционализация, представительство армян в органах власти, СМИ, науке, образовании, искусстве, бизнесе.

Ежегодно 24 апреля отмечается день памяти геноцида армянского народа со стороны Османской империи. Это был день скорби для армян всего мира [К единению и сплоченности…, с. 3].

Армяне в регионе Приангарья активно занимались предпринимательством в сфере торговли и общепита. Так, например, с 1992 г. в Иркутске проживал армянин *Р. Карапетян*. Благодаря ему в городе появились ресторан и кафе с красивыми интерьерами, доступной по цене вкусной кухней («Кристина» и «Волна»), а еще – бары и магазины.

В октябре 2000 г. «за достижения и значительный вклад в развитие ресторанного бизнеса и общественного питания России» *Р. Карапетян* был удостоен уже в Москве, на Всероссийском конгрессе лучших ресторанов, диплома за подписью министра труда *А. Починка* и значка национальной премии «Золотой журавль». Бизнесмена чествовали и в Иркутске: ему вручили диплом городского фестиваля «Звезды кулинарии – третьему тысячелетию» [Роберт Карапетян…, с. 2].

Кафе «Кристина» зазывало посетителей яркими огнями. В зале было уютно. На сцене эстрадная группа «Великолепная семерка». Звучали «Чардаш» Монти, композиция из «Титаника», соло на саксофоне, а также армянский шлягер «Че-че-че». В «Кристину» специально приезжали послушать хорошую музыку. Как в концертный зал. И как на концерте, здесь звучали аплодисменты [Мазурова, с. 3].

В декабре 2000 г. в Иркутском музыкальном театре прошел концерт армянской эстрадной группы «Великолепная семерка», а свой первый большой концерт для иркутян группа дала в апреле 2000 г. в ККЗ «Баргузин». Работали они в

кафе «Кристина», которое принадлежало бизнесмену *Р. Карапетяну*, ставшему спонсором концертов группы [А у вас есть…, с. 3].

В декабре 2001 г. в концертном зале филармонии состоялся вечер памяти заслуженного артиста России, скрипача армянского происхождения *Л. Касабова*. Организовали его *К. Балян*, представитель армянского культурного центра, главный режиссер музыкального театра *Н. Печерская*, художественный руководитель филармонии *М. Токарская*, педагоги музыкального факультета педагогического университета [Жартун, с. 4].

Публика собралась не только для того, чтобы почтить память выдающегося музыканта, но и с благотворительной целью: все средства от концерта, а также пожертвования пошли в помощь детям Ивано-Матрёнинской больницы Иркутска. Такая вдвойне благородная акция была задумана поэтом *К. Баляном* и осуществлена при поддержке художественного руководителя Иркутской филармонии кандидата искусствоведения *М. Токарской* [Ясникова, с. 2].

В мае 2002 г. трагически оборвалась жизнь *М. Мелконяна*, руководителя ЧП «Мелконян». Администрацией округа *Мамикон Торгомович* был представлен к высокому званию: зслуженный строитель РФ. Он не дожил до этого торжественного дня. Однако на земле округа остались творения его рук: светлые просторные школы в поселках Нукуты, Новонукутске, Ирхидее и Бахтае, больница в Нукутском районе. В стадии строительства под его руководством находились еще три школы [Мелконян Мамикон…, с. 3].

В сентябре 2004 г. в иркутском Доме дружбы прошло собрание, связанное с событиями в г. Беслане. Сюда пришли руководители многих национально-культурных центров, действующих на территории Иркутской области, и представители основных конфессий. Все они собрались для того, чтобы, независимо от нации и вероисповедания, высказать свое возмущение и категорический протест против действий террористов.

В итоге участники собрания приняли единодушное решение всем вместе, после небольших дополнений и редакционных поправок, подписаться под обращением, подготовленным армянским обществом. Одновременно все интересовались адресами и реквизитами Красного Креста, через который были готовы передать гуманитарную помощь пострадавшим в Беслане [Петрова, с. 4].

В мае 2004 г. проходил Международный день музеев. В канун профессионального праздника на III фестиваль музеев области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа «Маевка-2004» собрались сотрудники 24 музеев из 18 территорий области. В день открытия фестиваля в отделе истории краеведческого музея состоялась презентация выставки, составленной из экспонатов национальных центров и обществ. Армянское общество украсило свою экспозицию национальным ковром работы XIX в. [Уважать чужие обычаи…, с. 3].

По результатам Всероссийской переписи населения 2002 г., в области официально проживало более 6,4 тыс. армян. Самым эффективным способом у региональных властей стала работа с авторитетными представителями сообществ – национально-культурными объединениями. Их в 2005 г. насчитывалось более

60. Это автономии, общества, центры, товарищества, общины. Среди активистов можно было отметить Армянский культурный центр [Бешнова, с. 4].

По данным управления по делам миграции ГУВД Иркутской области, в 2005 г. на территории региона было зарегистрировано более 51 тыс. иностранных граждан. К этой цифре можно было добавить ещё 29 тыс. зарубежных гостей, которые посетили область в 2005 г., останавливаясь в гостиницах. Армяне среди мигрантов составили около 2 тыс. чел. [Из «объятий» милиции…, с. 3].

В 2007 г. розничная торговля приобрела гражданство: с российских рынков должны были исчезнуть иностранцы. В Иркутске это стало наиболее очевидным в местах уличной торговли. С 1 апреля 2007 г. начал действовать запрет нанимать иностранцев в качестве продавцов магазинов и палаток, работников рынков и уличной торговли. Лидерами по количеству армян на рынках стали Иркутск – 263 чел. и Усть-Илимск – 105 [Арбузова, с. 1].

Роль национально-культурных центров в Иркутске была очень велика. Их руководители – это люди, которые реально работали над снижением напряжённости. Сколько раз пытались «столкнуть лбами»? Дважды поджигали здание армянского общества, и уже говорили: вот, это разборки шли между армянами и азербайджанцами. А не было никаких разборок, потому что руководители центров встретились и сказали: нет, главное, не дать себя спровоцировать, не поддаваться [Молчать, нельзя замалчивать…, с. 3].

В Иркутске были широко известны армянские художники и скульпторы. Армянин *С. Элоян* – стал одним из самых востребованных художников. Вместе с *Д. Егиазаряном* они стали авторами скульптуры бобра в Иркутске [Сергеева, с. 2].

В 2007 г. в области проживало 5 556 чел., имеющих разрешение на временное проживание. Среди представителей стран ближнего зарубежья были выходцы из Армении (677 чел.) [Число работающих…, с. 3].

В апреле 2009 г. известному иркутскому балетмейстеру и солисту балета Иркутского музыкального театра *О. Кешишьянцу* исполнилось 70 лет. Сибирский армянин, он вырос среди снегов и морозов, а родился в южном благодатном крае под Феодосией в Крыму [Негода, с. 3].

24 апреля 2009 г. широко отмечалась трагическая годовщина в истории армянского народа. В этот день Армянская церковь молилась о жертвах геноцида. В национально-культурных общинах Приангарья – в Иркутске, Братске, Черемхове – также прошли памятные мероприятия. Армяне зажгли поминальные свечи и тихо помянули жертв геноцида [Адилханян, с. 4].

С 1 июля 2010 г. УФМС России по Иркутской области приняло около 2,5 тыс. заявлений от иностранных граждан на приобретение патента на трудовую деятельность. Анализ документов, принятых к оформлению патентов, указывал, что 1,7 % заявлений подали граждане Армении [2,5 тыс. иностранцев…, с. 2].

Армянские фамилии зачастую фигурировали в криминальных хрониках. Так, в марте 2011 г. Иркутский областной суд вынес обвинительный приговор армянскому предпринимателю *А. Данеляну* – главе банды, совершившей в 2006 г.

на территории региона несколько десятков преступлений корыстно-насильственного характера. Группировка, в которую входили около десятка молодых людей в возрасте 20–25 лет, не походила ни на одно криминальное формирование того времени: её члены получили высшее образование, были не судимы, имели семьи – признать в них уголовников было невозможно [Бегагоина, с. 3].

Прибывающие из ближнего зарубежья мигранты должны были представить документы, подтверждающие владение русским языком, в отдел по вопросам трудовой миграции УФМС России по Иркутской области. Согласно изменениям в законодательстве, вступившим в силу с 1 декабря 2012 г., при обращении за получением разрешения на работу в сфере жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли или бытового обслуживания иностранный гражданин должен был подтвердить владение русским языком документально. Сертификаты в числе других мигрантов предоставили восемь граждан Армении [987 иностранных граждан…, с. 3].

В 2015 г. 61,2 % составил поток иностранных граждан, въезжающих на территорию Иркутской области из Средней Азии. На западное направление – Украина, Армения, Азербайджан – приходилось 13,7 %. По гендерному признаку среди приезжающих преобладали мужчины (83,2 % от общего числа въехавших на территорию Иркутской области), женщины – 14,1 %, дети – 2,7 %. В общем миграционном потоке основную долю въехавших занимали лица в трудоспособном возрасте от 18 до 39 лет – 35 % [61,2 % составляет поток …, с. 2].

Трудовые мигранты в Иркутской области за восемь месяцев 2015 г. оформили 27 395 патентов. Всего было принято 28,336 тыс. заявлений, выдано 26,840 тыс. патентов. В Иркутскую область среди прочих приезжали работать граждане Армении (4,3 %) [27395 патентов…, с. 4]. На миграционный учёт было поставлено всего 2,2 % мигрантов из Армении.

Как правило, международные мигранты не составляли конкуренции российским гражданам, не создавали напряжённости на рынке труда, поскольку занимали неквалифицированные, низкооплачиваемые, малопривлекательные рабочие места, на которые не претендовали россияне, – подчеркнула *А. Моткова* [Миграционные «доноры» …, с. 3].

Внутреннее стремление к единству стало объективным желанием армян, вызванное их непростой исторической судьбой. Известно, что армяне издавна были расселены во многих регионах России и г. Иркутск стал одним из центров их проживания. Армяне, особенно уроженцы и старожилы, активно занимались политикой, наукой, культурой, бизнесом, коммерцией.

Список источников

1. А у вас есть фотография жены? // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 29 дек. – С. 3.
2. Адилханян И. Преступление без наказания // Ирк. репортер. – 2009. – 23 апр. – С. 4.
3. Арбузова Е. Торговля меняется в лице // Конкурент. – 2006. – 25 нояб. – С. 1.
4. Бегагоина Л. Криминальный подряд: разбойники приговорены к длительным срокам заключения // Конкурент. – 2011. – 15 марта. – С. 3.
5. Бешнова Е. Приангарье – территория согласия // Вост.-Сиб. правда. – 2005. – 25 мая. – С. 4.

6. Жартун С. Памяти музыканта и друга // СМ-номер один. – 2001. – 1 дек. – С. 4.
7. Из «объятий» милиции // Конкурент. – 2006. – 29 июня. – С. 3.
8. К единению и сплоченности // Вост.-Сиб. правда. – 2000. – 25 апр. – С. 3.
9. Мазурова С. «Кристина» – это «маленькая Армения» // СМ-номер один. – 2000. – 22 апр. – С. 3.
10. Мелконян Мамикон Торгомович // Вост.-Сиб. правда. – 2002. – 15 мая. – С. 3.
11. Миграционные «доноры» // Иркутский репортер. – 2017. – 28 февр. – С. 3.
12. Молчать, но не замалчивать: есть ли в регионе национальная напряжённость? // Конкурент. – 2007. – 5 июля. – С. 3.
13. Негода Л. «И друзей соберу…» // Ирк. репортер. – 2009. – 28 апр. – С. 3.
14. Петрова Е. У бандитов нет национальности // СМ-номер один. – 2004. – 12 сент. – С. 4.
15. Роберт Карапетян: «Это только начало в моем бизнесе» // Губерния. – 2000. – 23 дек. – С. 2.
16. Сергеева Ю. Формула случая Сергея Элояна // Конкурент. – 2007. – 7 июля. – С. 2.
17. Уважать чужие обычаи, сохранять свои // Губерния. – 2004. – 18 мая. – С. 3.
18. Число работающих иностранцев увеличилось в 4,5 раза // Ирк. репортер. – 2008. – 22 февр. – С. 3.
19. Ясникова Т. Памяти музыканта // Губерния. – 2002. – 30 окт. – С. 2.
20. 2,5 тыс. иностранцев захотели работать в Приангарье // Конкурент. – 2010. – 12 авг. – С. 2.
21. 27 395 патентов оформили мигранты в Иркутской области // Конкурент. – 2015. – 22 сент. – С. 4.
22. 61,2 % составляет поток иностранных граждан // Конкурент. – 2015. – 28 июля. – С. 2.
23. 987 иностранных граждан // Конкурент. – 2013. – 9 дек. – С. 3.

Сведения об авторе

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1334-6932, e-mail: olgoy@ya.ru

УДК 159.923.2
ГРНТИ 15.31.35

Теоретическая модель процесса переживания

В. В. ШАПОВАЛОВ

В статье представлен анализ теоретических исследований отечественных и зарубежных авторов на тему переживания нормативного и ненормативного кризисов в условиях современности. Уточнено определение переживания, рассмотрен механизм переживания нормативного кризиса, который разделен на несколько планов, являющихся взаимодополняемыми компонентами, обусловливающими успешное переживание нормативного и ненормативного кризисов. На основе теоретического анализа сформирована авторская модель пространственной организации планов переживания, в которой наглядно демонстрируется взаимосвязь каждого из планов переживания.

Ключевые слова: переживание, нормативный кризис, ненормативный кризис, стресс, критическая ситуация.

Процессы, при которых человек преодолевает критические жизненные ситуации, анализируются в различных направлениях современной психологии: в психологической теории деятельности, компенсаторного и совладающего поведения, психологической защиты. Другими словами, нет единого понятия, что такое переживание в рамках психологического кризиса.

В ранних работах Л. С. Выготского (1924–1928) термин «переживание» служит для обозначения элементарной формы репрезентации действительности в сознании [5].

Б. Г. Ананьев считал, что переживание есть ключевой элемент в формировании личности человека, связующее звено между психическими процессами и реальной жизнью человека, формирующее его индивидуальность. И действительно, неспособность переживать кризис влечет за собой остановку в критическом для человека периоде жизни. Логично будет утверждать, что мы не знаем людей, которые бы не пережили кризис, ведь это бы означало смерть в обыденном понимании. Однако с точки зрения психологических защитных средств мы можем вспомнить механизм регресса, изоляцию аффекта, вытеснения и, наконец, отбрасывания как способов защитить психику от невыносимости критической ситуации. Тем не менее понятие «переживание» несколько шире, чем связующее звено.

Чтобы точнее уяснить смысл «переживания», необходимо рассмотреть переживание в его отношении к сознанию. Обширные исследования переживания как процесса деятельности можно обнаружить в трудах Ф. Е. Василюка, внесшего наибольший вклад в развитие данной темы. На его труды мы и будем опираться в нашем исследовании.

Ф. Е. Василюк, считает, что переживание – это любое эмоционально-окрашенное состояние, непосредственно представленное в сознании субъекта и являющееся событием его собственной жизни. Это процесс осознания индивидом определенного аспекта реальности как части его жизненного пути, за которым следует отражение в сознании. Ф. Е. Василюк рассматривает переживание как

деятельность, особый внутренний процесс, с помощью которого человек пытается справиться с жизненными трудностями и сохранить осмысленность существования [4, с. 97].

Главная проблема, которая стоит за этим понятием, заключается в выявлении смысла переживания. Другими словами, возникает следующий вопрос: «Я прохожу данный период, но зачем, для чего я его преодолеваю?»

Ф. Е. Василюк, отвечая на этот вопрос, предлагает ввести отдельную категорию – категорию переживания. Таким образом, переживание понимается не как пассивный процесс преодоления внутренних состояний, но как процесс преобразования психологического мира, направленный на преодоление жизненного кризиса, своего рода «окукливание пространства психического для превращения в нечто иное». Как особая деятельность, имеющая, с одной стороны, осмысленность, с другой – особенности ситуации, создающие необходимость для такой деятельности.

Если попытаться раскрыть понятие переживания Б. Г. Ананьева как ключевой элемент формирования личности субъекта, то имеет смысл рассмотреть переживание как особый вид деятельности. В таком случае переживание приобретает вид деятельности и воспринимается не как эмоция – «испытание чего-либо и определяющая субъективную реальность индивидуума в данный момент на определенном жизненном промежутке времени», но как вид деятельности, «подхватывающий» деятельность субъекта в докризисный этап и продолжающий ее.

И в самом деле, поскольку наша жизнь протекает в непрерывной смене деятельностей, она может представляться не как деятельность – отсутствие деятельности (переживание), но как отдельная форма деятельности. Здесь можно задаться вопросом, переживание представляет собой реактивный вид деятельности, представляющий собой реакцию психики на происходящие внутренние и внешние перемены субъекта, либо же проактивный, как предзнаменование предстоящих изменений психологического мира субъекта и «подготовку» психики для совладания с предстоящими переменами. С обыденной точки зрения это может представляться таким образом: субъект начинает переживать по поводу достигнутого – своего места в мире, своих ценностей и своего опыта не потому что он «достиг какой-то ощутимой точки невозврата: начало пубертата, достижение определенной даты возраста как линии подведения итогов достигнутого, выхода на пенсию и пр.». Безусловно, данные события могут в каждом отдельном случае иметь значимость для субъекта, но лишь в разрезе означаемого для него, исходя из того поля культуры, в котором он существует[1].

[1] Безусловно, можно утверждать, что достижение 18-летия воспринимается для современного русского человека, как символ совершеннолетия, большей ответственности, завершения юношеской поры. Однако, здесь мы не можем игнорировать социокультурный аспект. Что есть 18-летие для субъекта, живущего в стране, в которой совершеннолетними считаются люди, достигшие 21 года?

Можно предположить, что в кризисных ситуациях переживание – деятельность становится ключевой в жизни индивидуума, определяя основное направление развития личности.

Ф. Е. Василюк в своих трудах развивает идеи Л. С. Выготского об опосредованности переживания культурными средствами. Автор приводит на своих страницах следующий пример: «Почему именно свободная форма деятельности является…психологически более приемлемой и переживание стремится всякую другую форму деятельности изобразить как (или преобразовать в) свободную?...Для античного раба, подобная ситуация не требовала бы никакого переживания…Раб смог смириться со своим жизненным положением…потому что в его сознании действовали выросшие на основе рабовладельческой формации объективные и в то же время обладающие для него непосредственной феноменологической очевидностью "схематизмы"» [5].

Расшифровывая психоаналитический контекст «схематизмов», обозначим их как культурно-историческую структуру общественного сознания в каждый отдельный момент времени. Так, пример рабовладельческого труда, относящийся к Античности не является чем-то выходящим за рамки общественного уклада античного общества, тогда как в настоящее время, ценность человеческой жизни ставится превыше всего остального [2].

Другими словами, мы не можем говорить о процессе переживания отдельного субъекта либо группы лиц независимо от культуры. В. Т. Кудрявцев, опираясь на идеи Выготского, вводит понятие «культурное опосредование»

Булгаков А. В. расширяет эту формулировку введя три аспекта «культурного опосредования» [1]:

- культура как среда («среда, растящая и питающая личность» по П. А. Флоренскому, «целостная среда», по Д. С. Лихачеву) [6];

- культура как опосредование – инструментарий человеческой жизнедеятельности (по Л. С. Выготскому). Основные средства опосредования человеческой деятельности, вне которых невозможно понять развитие человека, есть знак, слово, символ, миф, история;

- культура как посредничество людей и их общностей в жизни друг друга. У Л. С. Выготского – это тема «зоны ближайшего развития», продолженная Д. Б. Элькониным и Б. Д. Элькониным. Посредничество выступает как поиск способа инициации поиска [5].

Ф. Е. Василюк предлагает разделять процесс переживания на три отдельных плана: непосредственного переживания, выражения и осмысления.

Эти планы не являются отдельно стоящими друг от друга, скорее, сосуществующими вместе, где на первое место поочередно выходит один из них. Так, общеизвестно, что у субъектов в периоды внутриличностного кризиса доминантой может становиться попытка выразить свои переживания путем вербальной коммуникации, творческого самовыражения, либо же иными средствами.

В другие периоды главенствующей становится концентрация на своих чувствах и состояниях, так называемое переживание-созерцание (что допустимо приравнять к переживанию-эмоции) [4, с. 159].

И наконец возникают периоды, когда на первое место выходит переживание-процесс, который можно обозначить как переживание-рефлексия, как процесс осознавания истоков данного состояния и поиск смыслообразующей побудительной силы для нее.

В плане непосредственного переживания субъект чувственно испытывает всю полноту выпавшей на него доли реальности; в плане выражения – выразить, что он переживает, как он переживает в той или иной форме; в плане осмысления – решить задачу на смысл данного переживания[1].

Согласно Василюку Ф. Е., именно процесс осмысления переживания решает главную целевую установку, в подчинении которого, другие планы и процессы могут осуществлять свои особые цели [4, с. 97].

Автор, утверждая, что данные три плана согласуются и активно взаимодействуют друг с другом, имеют конкретную роль в целостной работе переживания, открывает поле для дискуссии: возможно ли переживание без каких-либо компонентов? Действительно, неспособность осмыслить переживания приводит к бессмысленности переживания как отсутствию смыслообразующих компонентов, побудительной силы самого переживания: из-за чего происходит данное переживание? Для чего оно происходит? Каков путь преодоления данного переживания? Что произойдет с психологическим миром субъекта в процессе переживания? Как он [мир] трансформируется?

Но можем ли мы утверждать, что лишь осмысление переживания, без возможности его непосредственного созерцания, а также выражения будет иметь тот же смысловой компонент самого переживания, как и с оными?

Ф. Е. Василюк, отвечая на этот вопрос, сообщает, что в таком случае внутренний мир субъекта представляется простым, это бытие, без ощущений, внимания, памяти [4].

Исследуя переживание индивидуума, мы приходим к тому, что компоненты переживания не имеют равной значимости между собой, но имеют равную необходимость в своем наличии.

Обращение к проблеме субъектности в онтогенетическом плане субъектно-личностного развития (Б. Д. Эльконин, В. А. Петровский), а также позаимствованная модель из психоаналитических направлений (Jacques-Marie-Émile Lacan) позволяют смоделировать образец пространственной организации планов переживания (рисунок). Предполагается, что спроектированная модель послужит ориентиром для лучшего понимания переживания субъекта.

[1] Поиск смысла в переживании решает сразу две задачи: объясняет причину почему это происходит, предполагает следствие – зачем мне это нужно. Уж не поэтому ли в нашей православной культуре при свалившихся тяготах на человека находится элегантное объяснение высшей силы, которая послала данное испытание как испытание веры? [11].

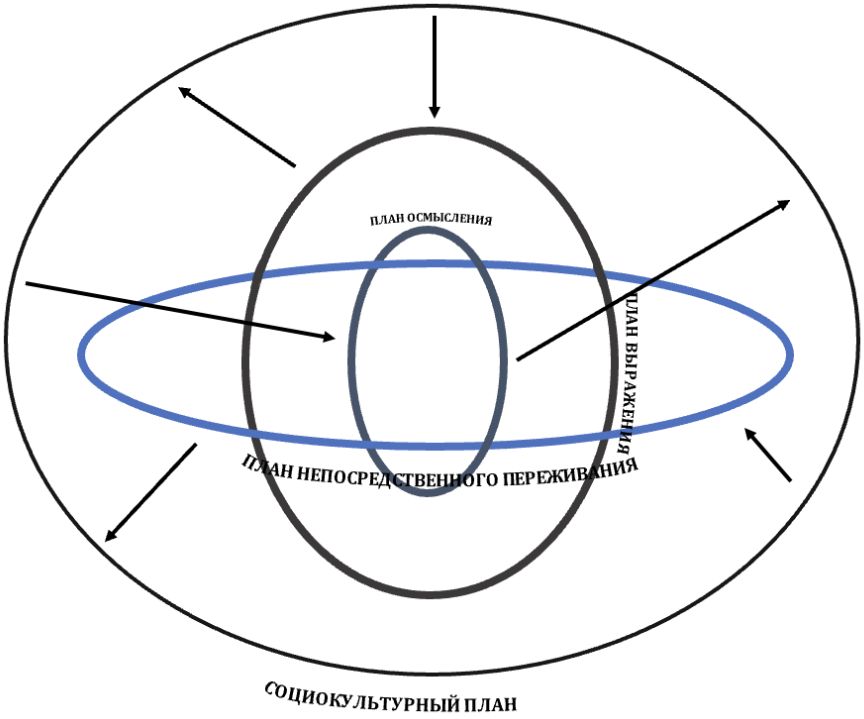

Рис. 1. Пространственная организация планов переживания

Переживание является важным параметром формирования образа мира. В реальной деятельности переживания сплетаются объективные и субъективные параметры, дающие возможность субъекта сравнить оба плана (субъективный и объективный). Предполагается, что объективный, он же социокультурный план являет собой обобщающую реальность, формирующую образ конкретной ситуации, которая всегда является социальной [11, с. 31]. Данную ситуацию можно рассматривать в социальном, культурном контексте, но суть ее в том, что она является обобщенным представлением о переживании каждой конкретной ситуации. Так, например, исследователи возрастной психологии сходятся во мнении, что кризис середины жизни обозначает осознание утраты молодости [7]. Субъект, находящийся в социокультурном поле (плане), может иметь представление о том, что данный кризис в целом общеизвестен и относительно схож в переживании у прочих субъектов [8]. Важно отметить, что переживает не переживание, а личность. Переживание есть деятельность личности. Ф. Е. Василюк подчеркивает, что, видя переживание ребенка, мы «знаем», что происходит с ним в настоящий момент. Сказать о неком субъекте «он переживает» – значит, признать за ним достоинство личности, которая не просто «эмоционально реагирует», «претерпевает страдание», а активно участвует в переживании [4, с. 97]. Мы видим, что «кто-то переживает», так как субъект, испытывающий переживание, отражает свое субъективное переживание в социокультурном плане. Но вместе с

этим социокультурный план не просто отражает переживание обратно на субъекта, но и привносит в него что-то иное, обогащая смысловую компоненту переживания[1].

Вернемся непосредственно к самому процессу переживания. Разделяя его на три отдельных плана и выявив, что каждый из них опосредован с другим, можно прийти к выводу об их равной необходимости. Но как отразить в пространстве данную необходимость? Обратимся к основателю лакановской школы психоанализа Жаку-Мари-Эмилю Лакану, который предлагает элегантный концептуальный аппарат структурного психоанализа в виде топологической фигуры «Кольца Борромео» [4].

Лакан утверждает, что узлы «с их сложной конструкцией позволяют нам показать относительность пресловутых трех измерений, которые мы приписываем пространству лишь постольку, поскольку рассматриваем свое тело как объемную геометрическую фигуру». Особенность узла в том, что каждое из колец не закреплено с другим, но они сцеплены все между собой. Убрав хотя бы одно кольцо, два оставшихся также расцепятся, поскольку существует координация трех неотделимых, но отличных друг от друга полей переживания.

Таким образом, все поля взаимодействуют друг с другом и образуют целостность переживания внутри социокультурного плана, формируя переживание внутри психологического мира субъекта.

Список источников

1. Булгаков А. В. Принцип культурного опосредования как основа сравнительного анализа результатов исследований межгрупповой адаптации в организациях // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2015. – № 10(153). – С. 37–59. EDN: TYFWIL.

2. Варежкина Е. С., Шеметов Г. А. Фигура Борромеева узла в структурном психоанализе Жака Лакана // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных и студентов, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, 90-летию УГМУ и 100-летию медицинского образования на Урале, Екатеринбург, 09–10 апреля 2020 г. Т. 3. – Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2020. – С. 829–833. EDN: BBFXNB

3. Василюк Ф. Е. Переживание и рефлексия // Рефлексия в науке и обучении: сб. науч. тр. / под ред. И. С. Ладенко и др. – Новосибирск, 1984. – С. 124–125.

4. Василюк Ф. Е. Психология переживания. – М.: МГУ, 1984. – 240 с.

5. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3.

6. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый Мир. – 1994. – № 8.

7. Марцинковская Т. Д. Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования. – 2009. – № 3(5). – С. 1. EDN: KYTSMB

[1] Можно привести здесь умозрительный пример, который в той или иной степени мог возникнуть у каждого человека: один субъект испытывает страдание и отражает его другому, в то время как другой ассоциируя отраженное с чем-то значимым, отражает его обратно на субъекта, привнося в его переживание что-то новое.

8. Михайлов И. А. Переживание и познание: позиция В. Дильтея // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 53–64. – DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-0-5. – EDN: MYBMBD

9. Руслина А. О. Периодизация процесса переживания горя в психологии в сопоставлении с некоторыми положениями православного богословия // Консультативная психология и психотерапия. – 2012. – 20(3). С. 185–212.

10. Сент-Экзюпери А. Ночной полет / пер. с фр. – М.: АСТ, 2019. – 310 с.

11. Шихи Гейл. Возрастные кризисы. Ступени личностного роста / пер. с англ. – СПб.: Ювента, 1999. – С. 30–43.

12. Эльконин Б. Д. Психология развития: учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. – С. 53–54.

Сведения об авторе

Шаповалов Вадим Владимирович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3283-4793, e-mail: shapvadim@mail.ru

ЭТНИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН

УДК 314.04
ГРНТИ 39.21.21

Расселение бесермян в XVII–XXI вв.: историко-географический анализ

Б. А. ВЛАДЫКИН

В статье на основе данных переписей населения, исторических документов и этнографических исследований проведён анализ расселения бесермян – одного из коренных малочисленных народов России. Выявлены основные ареалы проживания бесермян на северо-западе Удмуртии и в сопредельных районах Кировской области, прослежена динамика численности с 1897 по 2020 г. Особое внимание уделено факторам, повлиявшим на формирование современной структуры расселения: историческому переселению из Волго-Камья, административным реформам советского периода и процессам этнической идентификации. Сделан вывод о компактном характере расселения бесермян в бассейне реки Чепцы при значительном сокращении численности, обусловленном длительным периодом официального непризнания этноса.

Ключевые слова: бесермяне, расселение, этническая география, Удмуртия, Чепца, демография, коренные малочисленные народы.

Изучение расселения малочисленных этнических групп является важной задачей этнической географии. В условиях глобализации и унификации культур особенно остро стоит проблема сохранения малых народов, их идентичности и традиционного образа жизни. Одним из наиболее интересных и одновременно сложных объектов такого исследования выступают бесермяне – финно-угорский народ, исторически проживающий на северо-западе Удмуртии в бассейне реки Чепцы [Пислегин, 2024, с. 257].

Специфика этнической истории бесермян, их происхождение, культурные и языковые особенности на протяжении более ста лет привлекают внимание исследователей – этнографов, историков, лингвистов и географов. Долгое время бесермяне не признавались самостоятельным народом, что привело к их частичной ассимиляции и утрате ряда элементов традиционной культуры. Лишь в постсоветский период начался процесс восстановления их этнического статуса.

Цель данной статьи – на основе анализа переписных данных, исторических источников и этнографических материалов выявить основные закономерности расселения бесермян в XVII–XXI вв., проследить динамику их численности и охарактеризовать современную структуру расселения. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) реконструировать исторический ареал расселения бесермян на основе писцовых книг и ревизских сказок XVII–XIX вв.; 2) проанализировать динамику численности бесермян по данным пере-

писей населения 1897–2020 гг.; 3) выявить факторы, влиявшие на изменение границ расселения и численности этноса; 4) охарактеризовать современную структуру расселения бесермян.

Исследование базируется на принципах историзма, системного подхода и картографического метода. Принцип историзма позволяет рассматривать расселение бесермян как динамический процесс, изменявшийся под влиянием различных факторов на протяжении нескольких столетий. Системный подход даёт возможность учитывать взаимосвязь демографических, этнических, социально-экономических и политических процессов, влиявших на формирование ареала расселения.

В работе использованы данные переписей населения 1897, 1926, 2002, 2010 и 2020 гг., материалы писцовых книг и ревизских сказок XVI–XIX вв., а также результаты этнографических исследований бесермян, проведённых в советский и постсоветский периоды [Пислегин, 2024; Тепляшина, 1970; Попова, 2011; Владыкин, 2019].

Вопрос о происхождении бесермян и формировании их ареала расселения остаётся дискуссионным в исторической науке. Выделяются три основные гипотезы их происхождения: тюркская (от волжских булгар), финно-угорская (одна из групп удмуртов) и смешанная (тюрко-угорский синтез). Согласно наиболее обоснованной гипотезе, предки бесермян проживали на территории Волжской Булгарии, в низовьях рек Вятки и Камы [Пислегин, 2024, с. 258]. В пользу гипотезы о расположении исторической родины бесермян значительно южнее современного проживания – в Волго-Камье – служит традиционный костюм, сформировавшийся в пределах Волжско-Камской Булгарии, что объясняет его сходство с одеждой и украшениями ряда других народов, ранее населявших эту территорию.

Первые письменные упоминания о бесермянах на территории Вятского края появляются в документах XVI – начала XVII в. Дозорная книга 1615 г. отмечает бесермян в трёх населённых пунктах. В источниках они иногда указаны под названием «чуваш», с середины XVII в. за ними окончательно закрепляется этноним «бесермяне». Переписная книга 1646 г. фиксирует бесермян в 9 селениях в 27 дворах в количестве 98 душ мужского пола, но этот перечень, как полагают исследователи, нельзя считать полным, так как документ охватывает не всю территорию расселения бесермян [Пислегин, 2024, с. 260].

Н. В. Пислегин на основе анализа писцовых описаний, подворных переписей и ревизских сказок установил динамику появления и исчезновения бесермянских населённых пунктов. В начале XVII в. бесермяне фиксировались в шести погостах и начинали осваивать ещё один починок. К середине XVII в. появились первые деревни и починки на территории современной Удмуртской Республики. Наибольший рост численности бесермянских поселений наблюдался во второй половине XVIII – начале XIX в. Более четверти из них достаточно быстро забрасывалось, иногда в последующем бесермяне вновь появлялись на ранее покинутых местах [Пислегин, 2024, с. 263].

Исследователи предполагают, что бесермяне появились на Вятке, в низовьях и затем в среднем течении и бассейне Чепцы в XVI – начале XVII в. после разгрома Волжской Булгарии, некоторые относят этот процесс и к более раннему периоду – XIV–XVI вв. Переселение носило постепенный характер и было связано с поиском новых территорий для земледелия и скотоводства, а также с необходимостью ухода от политической нестабильности в Волго-Камье.

Заселение бесермянами бассейна Чепцы и формирование современного ареала расселения в основном завершилось к концу XIX в. Исторически сложились две локальные группы бесермян: юндинско-гординская и лекминско-юкаменская. Они имеют незначительные различия в говоре, материальной культуре и обрядах, что свидетельствует о разных путях миграции предков бесермян на территорию современного расселения [Пислегин, 2024, с. 264].

Современный ареал расселения бесермян охватывает Юкаменский, Глазовский, Балезинский, Ярский районы Удмуртской Республики, а также восточные районы Кировской области (Слободской и Омутнинский уезды по дореволюционному административному делению). Бесермяне живут среди удмуртского, татарского и русского населения. Характерной особенностью с самого начала было совместное проживание с представителями соседних народов (татар, удмуртов, русских). Уже на ранних этапах наблюдались ассимиляционные процессы, связанные с этнически смешанными браками и языковым влиянием соседей [Пислегин, 2024, с. 265].

В. Е. Владыкин, анализируя материалы этнографической экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института 1970 г., отмечал, что к концу 1960-х гг. бесермянские деревни сохраняли традиционную планировку и структуру расселения, однако уже тогда наблюдался отток молодёжи в города – прежде всего в Глазов и Ижевск. Это привело к началу депопуляции сельских бесермянских населённых пунктов [Владыкин, 2019, с. 478].

Динамика численности бесермян представляет собой уникальный феномен, обусловленный не столько естественными демографическими процессами, сколько изменениями в официальной этнической политике Российского государства – сначала имперского, затем советского.

Перепись 1897 г. зафиксировала 10 800 бесермян. По данным учёта 1717 г., насчитывалось 18 бесермянских деревень со 100 дворами и 432 душами мужского пола. По переписи 1926 г. численность составляла 10 034 человека. Основная часть (91,7 %) проживала на территории Вотской автономной области (предшественницы современной Удмуртии) в 65 населённых пунктах, преимущественно в Юкаменской и Ежевской волостях; небольшая группа (834 человека) – в Вятской губернии в 11 селениях Слободского и Омутнинского уездов [Пислегин, 2024, с. 266].

Начиная с 1930-х гг. и вплоть до распада Советского Союза бесермян официально причисляли к удмуртам как при указании национальности в паспорте, так и во всесоюзных переписях. В переписях 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. бесермяне отдельно не учитывались, включаясь в состав удмуртов. Это привело

к формальному исчезновению бесермян из официальной статистики и затруднило изучение их демографической динамики в советский период.

Лишь в июне 1992 г. Президиум Верховного Совета Удмуртской Республики принял постановление «О восстановлении исторического имени бесермянского народа». В 2000 г. постановлением Правительства Российской Федерации бесермяне были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Это решение открыло возможности для государственной поддержки бесермянского языка и культуры.

Перепись 2002 г. впервые после 1926 г. зафиксировала бесермян как самостоятельную этническую общность – 3 122 человека, из них 2 998 проживали в Удмуртской Республике. Перепись 2010 г. зафиксировала 2 200 бесермян. По данным переписи 2020 г., численность бесермян составила 2 036 человек. Сокращение численности с 2002 по 2020 г. (почти на 35 %) связано как с естественной убылью (высокая доля пожилого населения, низкая рождаемость), так и с продолжением ассимиляционных процессов [Пислегин, 2024, с. 268].

По данным на 2002 год, наиболее крупные группы бесермян проживали в городе Глазове (404 человека), селе Юкаменское (292), селе Ёжево (235), деревне Шамардан (217), деревне Ворца (198), селе Юнда (188), деревне Турчино (128). Таким образом, бесермяне сохраняют компактное расселение в сельской местности, но значительная их часть уже урбанизирована и проживает в городе Глазове.

Вопрос о языке бесермян также остаётся предметом научных дискуссий. Бесермяне отнесены к малочисленным финно-угорским группам, и в качестве основного субстрата бесермянского диалекта рассматривается удмуртский язык. При этом не остаётся без внимания также вопрос о тюркских субстратных явлениях в языке бесермян, особенно древнебулгарский пласт заимствований [Робустова, Люкина, 2021, с. 78].

Е. В. Робустова и Н. М. Люкина в своём исследовании показывают, что бесермянский язык сохранил архаичные черты, утраченные в литературном удмуртском языке. В то же время в нём присутствуют значительные тюркские заимствования, что подтверждает гипотезу о тюркском компоненте в этногенезе бесермян. Языковая ситуация среди бесермян характеризуется постепенным переходом на русский язык, особенно среди молодёжи и городских жителей [Робустова, Люкина, 2021, с. 82].

В 2022 г. бесермянский язык как отдельный внесён в перечень языков Российской Федерации. Основанием послужили научные экспертные заключения с учётом состояния языка и языковой идентичности бесермян. В 2021 г. в Ижевске вышла первая книга на бесермянском языке «Вортча мадъёс» В. Ар-Серги и Р. Дюкина. В 2022 г. опубликован перевод на бесермянский язык книги Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» («Пичи принц»). Эти события стали важными вехами в сохранении и развитии бесермянского языка и литературы.

Е. В. Попова в своей монографии, посвящённой культовым памятникам и сакральным объектам бесермян, отмечает, что традиционные верования и обряды бесермян сохранялись дольше, чем у соседних удмуртов, что также способствовало поддержанию этнической идентичности. Священные рощи (луды),

молитвенные дома и кладбища бесермян остаются важными маркерами этнической территории и сакрального пространства [Попова, 2011, с. 115].

Современные исследования бесермян не ограничиваются традиционной этнографией. С. Ю. Белоруссова применяет инструменты геоинформационного картографирования для изучения киберэтничности бесермян – их присутствия и активности в социальных сетях. На примере сообществ бесермян в сети «ВКонтакте» автор показывает динамику создания сообществ, тематическое содержание и «географию подписчиков» [Белоруссова, 2024, с. 382].

Анализ подписчиков бесермянских сообществ в социальных сетях позволяет выявить расселение бесермян за пределами традиционного ареала – в Ижевске, Кирове, Перми, Екатеринбурге, Москве и Санкт-Петербурге. Это свидетельствует о формировании бесермянской диаспоры в крупных городах России, что является новым этапом в эволюции расселения этноса. Виртуальные сообщества выступают важным инструментом поддержания этнической идентичности для урбанизированных бесермян, оторванных от традиционной культуры [Белоруссова, 2024, с. 385].

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Ареал расселения бесермян сформировался в XVI–XVII вв. в результате переселения из Волго-Камья в бассейн реки Чепцы и с тех пор сохраняет компактный характер. Основной территорией проживания остаются северо-западные районы Удмуртии (Юкаменский, Глазовский, Балезинский, Ярский) и сопредельные районы Кировской области.

Численность бесермян, составлявшая в конце XIX – начале XX в. около 10,8 тыс. человек, к 2020 г. сократилась до 2 тыс. Это сокращение обусловлено не столько демографическими факторами, сколько длительным периодом официального непризнания этноса в советский период, когда бесермян включали в состав удмуртов при переписях населения. После восстановления исторического имени в 1992 г. и включения в перечень коренных малочисленных народов в 2000 г. численность бесермян в переписях стабилизировалась на уровне примерно 2–3 тыс. человек.

Современные процессы, такие как урбанизация, этнически смешанные браки и языковой сдвиг, создают риски для дальнейшего сохранения бесермян как самостоятельного этноса. В то же время активное национальное движение, издание литературы на бесермянском языке и включение бесермянского языка в перечень языков Российской Федерации создают предпосылки для сохранения и развития бесермянской идентичности в XXI в.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: 1) создание подробных карт расселения бесермян на основе данных переписей 2002, 2010 и 2020 гг. с использованием ГИС-технологий; 2) изучение современных миграционных потоков бесермян и формирование диаспор в крупных городах России; 3) мониторинг языковой ситуации и факторов сохранения бесермянского языка; 4) анализ эффективности мер государственной поддержки коренных малочисленных народов на примере бесермян.

Список источников

1. Белоруссова С. Ю. Бесермянская идентичность: между реальностью и виртуальностью // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – № 3. – С. 380–392.

2. Владыкин В. Е. Этнографическая экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института (ЭЭ УдНИИ-70) // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2019. – № 4. – С. 476–484.

3. Луппов П. Н. О бесермянах // О бесермянах: сб. ст. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. – С. 19–49.

4. Пислегин Н. В. Населенные пункты бесермян в XVII – середине XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2024. – № 3 (51). – С. 257–273. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.15.

5. Робустова Е. В., Люкина Н. М. Язык бесермян в свете исторических процессов коммуникации народов Урало-Поволжья // Язык и текст. – 2021. – Т. 8. – № 2. – С. 77–85. DOI: 10.17759/langt.2021080208.

6. Попова Е. В. Культовые памятники и сакральные объекты бесермян. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2011. – 320 с.

7. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

Сведения об авторе

Владыкин Богдан Алексеевич – аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-7959-3503, e-mail: vladykinbogdan1927@yandex.ru

УДК 37.017.925
ГРНТИ 14.07.09

Этнокультурное развитие школьника в условиях единого образовательного пространства России

В. И. КОЛЕСОВ

В статье рассматривается этнокультурное развитие личности в едином образовательном пространстве России. Автор обосновывает интеграцию этнокультурного компонента в учебно-воспитательный процесс. Утверждается, что успешная социализация и гражданская идентичность невозможны без учёта языка, традиций и ценностей народов России. Выделены основные факторы: мотивация, учебная среда, семья, профессиональная компетентность педагога.

Ключевые слова: этнокультурное развитие, личность, единое образовательное пространство, поликультурное образование, гражданская идентичность, ситуация успеха.

Современная образовательная политика России направлена одновременно на сохранение и укрепление единого образовательного пространства, на учёт этнокультурного многообразия страны. Согласно Б. Г. Ананьеву, личность формируется в конкретной социально-исторической среде, которая включает не только общественные отношения, но и национально-культурные традиции [Ананьев, с. 223–225][1]. В этой связи этнокультурное развитие личности становится одной из ключевых задач школы, призванной воспитывать уважение к культуре своего и других народов, формировать гражданскую идентичность без утраты связи с родными корнями.

Актуальность темы обусловлена рядом противоречий: между необходимостью сохранения культурного многообразия и унифицирующим влиянием глобализации; между потребностью в формировании общероссийской гражданской идентичности и стремлением этнических групп к сохранению своей уникальности; между декларируемыми целями поликультурного образования и недостаточной методической подготовкой педагогов к их реализации. Разрешение этих противоречий требует глубокого научного осмысления этнокультурного развития школьника как целостного процесса.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать основные факторы этнокультурного развития личности в едином образовательном пространстве России, а также предложить практические рекомендации по созданию условий для успешной социализации школьников с учётом их этнокультурной принадлежности.

Этнокультурное развитие предполагает присвоение ребенком ценностей, норм и образцов поведения, характерных для его этнической общности, а также развитие способности к межкультурному диалогу. В психолого-педагогической науке это понятие трактуется как двуединый процесс: с одной стороны, интериоризация родной культуры, с другой – формирование толерантного отношения к иным культурам. В работах В. В. Колесова подчеркивается, что ментальность как

[1] Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 282 с.

«глубинный корень народной жизни» определяет особенности восприятия, мышления и поведения человека, поэтому образовательный процесс не может игнорировать этнокультурную составляющую [Маслова, с. 31–33]. В то же время единое образовательное пространство России предполагает общие стандарты, цели и ценности, среди которых важнейшее место занимает формирование российской гражданской идентичности.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют культурно-историческая концепция Л. С. Выготского [Выготский, т. 4, с. 5–15][1], идеи Б. Г. Ананьева о комплексном изучении человека, а также современные подходы к поликультурному образованию (В. А. Тишков, В. В. Степанов). Важным для нашей работы является понятие «ситуации успеха», разработанное А. С. Белкиным и Е. В. Коротаевой. Оно позволяет соединить этнокультурное содержание с эмоционально положительным переживанием, что особенно значимо для детей школьного возраста.

Исследование факторов, влияющих на этнокультурное развитие школьника, позволяет выделить несколько ключевых групп. Первая группа – мотивационные факторы. Интерес ребенка к своей культуре, языку, истории народа возникает при условии положительного эмоционального подкрепления. А. С. Белкин указывал, что переживание успеха в учебной деятельности, в том числе связанной с этнокультурной тематикой, укрепляет самооценку и мотивирует к дальнейшему познанию [Белкин, с. 45–48][2]. Ситуация успеха, создаваемая педагогом на уроках родного языка, литературы, истории и культуры, способствует формированию позитивной этнической идентичности. При этом важно различать внешнюю мотивацию (похвала, отметка) и внутреннюю (интерес к самому содержанию культуры). Долгосрочный эффект даёт именно внутренняя мотивация, поэтому педагог должен строить обучение через эмоционально-ценностное переживание культурных феноменов.

Вторая группа факторов – учебная среда и качество преподавания. Компетентность учителя в вопросах этнокультурного образования, его умение использовать материалы по традициям, фольклору, народным промыслам, а также владение методиками поликультурного воспитания напрямую влияют на результаты этнокультурного развития. Е. В. Коротаева определяет ситуацию успеха как комплекс приемов, включающих каждого ученика в активную деятельность на уровне его потенциальных возможностей [Коротаева, с. 38–40]. Применительно к этнокультурному образованию это означает, что ребенок должен иметь возможность проявить себя в проектах, связанных с его культурой, получить признание со стороны одноклассников и учителя.

---

[1] Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т / сост. М Г. Ярошевский; вступ. ст. А. Н. Леонтьев; АПН СССР. М.: Педагогика, 1982–1984. Т. 4: Детская психология. Т. 4 / под ред., [с послесл., с. 386–403, и коммент.] Д. Б. Эльконина, 1984. 432 с.

[2] Белкин А. С. Ситуация успеха. Как её создать: книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 176 с.

Особого внимания заслуживает такой компонент учебной среды, как этнокультурная насыщенность школы. Она выражается в наличии тематических уголков, стендов, библиотеки национальной литературы, проведении праздников народного календаря, организации встреч с носителями традиций. Как показывают исследования, визуальная и событийная среда оказывает мощное влияние на формирование этнической идентичности младших школьников, тогда как у подростков большее значение приобретает содержательное обсуждение культурных различий.

Третья группа факторов – поддержка семьи. Как справедливо отмечал Э. Ш. Натанзон, успех в деятельности воодушевляет и окрыляет человека, усиливает интерес к ней [Натанзон, с. 54][1]. Родители, транслирующие детям уважение к родному языку, обычаям, праздникам, создают основу для устойчивого этнокультурного развития. Взаимодействие семьи и школы в этом направлении должно быть системным: совместные мероприятия, национальные праздники, выставки семейного творчества. К сожалению, в ряде семей наблюдается разрыв межпоколенной трансляции культуры, особенно в городской среде [Колесов]. В таких случаях школа берёт на себя компенсаторную функцию, что требует специально разработанных программ этнокультурного просвещения родителей.

Четвёртая группа факторов – возрастные и индивидуальные особенности школьников. Этнокультурное развитие имеет свою динамику на разных этапах взросления. У детей младшего школьного возраста, по наблюдению А. С. Белкина, ожидание успеха связано прежде всего с одобрением взрослых – учителей и родителей [Белкин, с. 67][2]. Поэтому в начальной школе этнокультурное развитие эффективно через игровые формы, знакомство с народными сказками, песнями, ремеслами. В этом возрасте закладывается первичный эмоционально-ценностный образ своего народа. У подростков возрастает значимость мнения сверстников, что требует организации групповых проектов, дискуссий о культуре разных народов. Подростковый возраст сензитивен для формирования критического отношения к стереотипам и предрассудкам, поэтому важно включать в учебный процесс задания на сравнение культур, анализ конфликтных ситуаций. Старшие школьники способны к рефлексии собственной этнической идентичности, участию в исследовательской работе. На этом этапе актуальны проекты по устной истории, этнографические экспедиции, волонтёрство в национально-культурных центрах.

Пятая группа факторов – региональные и социокультурные условия. Россия – страна с огромным разнообразием природных, исторических и этнических ландшафтов. В республиках Северного Кавказа, Поволжья, Сибири этнокультурный компонент традиционно силён и подкреплён языковой политикой. В то же время в регионах с преимущественно русским населением этнокультурное развитие школьников нередко сводится к формальному знакомству с «культурой народов

[1] Натанзон Э. Ш. Приемы педагогического воздействия [Текст]: учеб. пособие для пед. ин-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1972. 215 с.

[2] Белкин А. С. Ситуация успеха. Как её создать: книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 176 с.

России» без глубокого погружения. Это создаёт риск формирования поверхностных, стереотипных представлений. Поэтому необходима дифференциация подходов с учётом реальной этнокультурной ситуации в регионе.

В едином образовательном пространстве России важно избегать двух крайностей: с одной стороны, нивелирования этнокультурных особенностей в угоду унификации, с другой – изоляционизма, противопоставления одной культуры другим. Как показано в коллективном исследовании под редакцией В. А. Тишкова и В. В. Степанова, этническое и религиозное многообразие России является не препятствием, а ресурсом развития, при условии грамотной образовательной политики [Тишков, Степанов, с. 78–82]. Школа должна стать местом, где каждый ребенок, независимо от национальности, чувствует себя успешным и уважаемым, а его культура - частью общего достояния.

Чтобы этнокультурное развитие действительно работало, недостаточно отдельных уроков – надо, чтобы этнокультурный компонент пронизывал все образовательные области. Вот как это выглядит на практике. На математике можно решать задачи, завязанные на этнокультурном материале: подсчитывать предметы народного быта, строить задачи по мотивам национальных орнаментов. На биологии – разбирать, как люди издавна пользовались природными ресурсами с учётом местных традиций. На физкультуре – вместо скучных упражнений запускать народные игры и состязания. И ещё нужны особые педагогические приёмы: «снятие страха» (ребёнок не боится ошибиться, рассказывая о своей культуре), «авансирование успеха» (учитель заранее говорит, что верит в ученика – тот сможет достойно представить свой народ), «персональная исключительность» (подчёркивается, что вклад каждого уникален) [Коротаева, с. 41–42]. И конечно, этнокультурный компонент обязательно «вплетать» в историю, географию, литературу, музыку, изобразительное искусство.

Очень неплохо зарекомендовали себя этнокультурные клубы и кружки во внеурочной деятельности. Там школьники не просто слушают о традициях, а сами осваивают ремёсла, поют народные песни, танцуют, даже готовят национальные блюда. Такой подход – «через дело» – здорово подстёгивает внутреннюю мотивацию и создаёт надёжную ситуацию успеха. Особенно ценны проекты, где вместе работают представители разных этносов, живущие в одном районе или обучающиеся в одной школе. Это настоящий межкультурный диалог, он ломает бытовые предрассудки.

Какие же трудности подстерегают школу на этом пути? По нашему мнению, их три. Первая: острая нехватка методичек и учебных пособий, которые бы учитывали местный, региональный контекст. Вторая: учителей слабо готовят к поликультурному образованию – в педвузах эта тема идёт по большей части как факультатив. Третья: родители иногда упираются – боятся, что увлечение этнокультурной тематикой «отвлечёт» детей от зубрёжки к экзаменам. Чтобы это переломить, нужны системные вещи: создавать региональные программы повышения квалификации, включить этнокультурный компонент в вариативную часть ВПР, ОГЭ и ЕГЭ, плюс вести просветительно-разъяснительную работу с родителями – через управляющие советы и собрания.

Ещё одно перспективное направление – цифра. Виртуальные экскурсии по музеям, онлайн-встречи с представителями разных народов, свои мультимедийные проекты о родной культуре – всё это интересует современных школьников. Но тут важно не переборщить: цифровая среда не должна вытеснять живое общение и реальный опыт. Лучше всего – смешанный формат, где традиционные методы работают вместе с цифровыми.

Итак, этнокультурное развитие личности в едином образовательном пространстве России требует системного подхода, когда школа, семья и общество действуют заодно. Это не отдельные уроки и не разовые мероприятия – это сквозная линия, которая проходит через всё: и уроки, и внеурочную деятельность, и содержание всех предметов, и воспитательные практики. Опора на ситуацию успеха, учёт возраста и индивидуальных особенностей, собственная профессиональная компетентность педагога в вопросах поликультурного образования – без этого гармоничную личность не сформировать. Такую, которая умеет вести диалог культур и осознаёт себя частью многонационального российского народа. Если эти условия соблюсти, этнокультурное многообразие перестанет быть яблоком раздора и превратится в ресурс развития и взаимного обогащения. А в будущем исследования могут пойти дальше: разрабатывать конкретные методики и инструменты для оценки этнокультурного развития школьников, а также изучать, какие долгосрочные последствия дают разные модели этнокультурного образования.

Список источников

1. Колесов В. И. Роль отрицательных ошибок в семейном воспитании // Научное обозрение: теория и практика. – 2025. – Т. 15, № 6(118). – С. 784–791.

2. Коротаева Е. В. Ситуация успеха: психолого-педагогические механизмы и этапы организации // Директор школы. – 2002. – № 2. – С. 38–44. – EDN: VQLQIU

3. Маслова В. А. Ментальность как «глубинный корень народной жизни» (по В. В. Колесову) // Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке: материалы XXXXIII Осенней Международной научной школы «Основы мироосознания в когнитивном аспекте» и XXXXIII Международной научной конференции «Лингвокультурология и прикладные аспекты современной лингвистики в XXI веке», Иркутск, 11–14 сентября 2023 г. – Иркутск: Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2024. – С. 30–40.

4. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 561 с.

Сведения об авторе

Колесов Владимир Иванович – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Лужский институт (филиал) Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, Заслуженный деятель науки и образования РАЕ, академик РАЕ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5539-5853, e-mail: vi_kolesov@mail.ru

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА В РЕГИОНАХ

УДК 338.48
ГРНТИ 71.37.00

Трансформация культурно-исторического наследия в развитии сектора туризма: на примере западных регионов Азербайджана

Т. Т. АЛАКБАРОВ, С. Н. ГАСАНОВА, Т. А. АББАСЗАДЕ

В статье исследуется стратегическая роль культурно-исторического и природного наследия в развитии туристского сектора на примере Западного и Карабахского регионов Азербайджана. Проведен сравнительный анализ традиционной архитектуры и лечебно-оздоровительных ресурсов Гянджа-Дашкесанского экономического района с потенциалом «зеленого» туризма Карабахского региона в постконфликтный период. На основе анализа статистических данных за 2023–2025 гг. выявлена динамика рекордного роста туристского потока в Карабахе (на 450 %) и изменения в межрегиональном распределении долей рынка. Выдвигаются конкретные предложения по интеграции исторического наследия с современными технологическими решениями и моделями «креативного города» для повышения конкурентоспособности регионов.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, туристский сектор, Гянджа-Дашкесан, стратегическое развитие, гостеприимство, статистический анализ.

В современных условиях социально-экономическая динамика регионов определяется не только индустриальными и аграрными показателями, но и эффективностью интеграции локальных ресурсов, в частности культурно-исторического и природного наследия, в туристский оборот. Уникальный этнокультурный облик, аутентичные исторические памятники и неповторимые природные ландшафты выступают фундаментальными факторами аттрактивности дестинаций в условиях глобальной конкуренции. В данном контексте экономические районы Азербайджана, прежде всего Гянджа-Дашкесанский и Карабахский регионы, обладают значительным стратегическим потенциалом.

Если Гянджа-Дашкесанский экономический район позиционируется как второй по значимости центр страны благодаря самобытной архитектурной традиции и бальнеологическим ресурсам, то Карабахский экономический район в постконфликтный период проходит стадию масштабной ревитализации на принципах «зеленой экономики» и восстановления исторического наследия [Ахмедов, с. 156]. Реставрация культурных объектов и регенерация экосистемы на освобожденных территориях являются определяющими факторами трансформации региона в международную туристскую дестинацию в краткосрочной перспективе. На примере вышеуказанных регионов анализируется стратегическая значимость симбиоза культурно-исторического и природного наследия в контексте интенсификации развития индустрии гостеприимства [Аббасова, с. 160].

Гянджа-Дашкесанский экономический регион, расположенный в западной части Азербайджана, включает в себя города Гянджа и Нафталан, а также Дашкесанский, Гейгельский, Самухский и Геранбойский административные районы. Географическое положение региона характеризуется его нахождением на пересечении стратегически важных железнодорожных и автомобильных магистралей, соединяющих Азербайджан с Грузией и побережьем Черного моря. По своему социально-экономическому потенциалу данный регион занимает второе место в стране после Абшеронского экономического района. Природно-рекреационные ресурсы региона – уникальная лечебная нефть Нафталана, минеральные источники, северные склоны Муровдага и туристская зона Гейгель-Гаджикенд – позволяют квалифицировать его как одно из ключевых курортных направлений республики.

Город Гянджа выделяется богатейшим историко-культурным наследием, специфическим архитектурным стилем и эстетическими градостроительными особенностями. Большинство памятников древнего зодчества, возведенных из традиционного красного кирпича, сохранились до наших дней, что придает историческому силуэту города особый облик. В формировании культурного и экотуристического потенциала города важную роль играют такие объекты, как Мавзолей Низами Гянджеви, парковый комплекс имени Гейдара Алиева, археолого-этнографический музей «Гянджинские крепостные ворота», религиозный комплекс «Имамзаде», мечеть Шаха Аббаса, баня Чекяк, а также природные памятники Гейгель и Маралгель.

Карабахский экономический район охватывает территории Тертерского, Физулинского, Агдамского, Ходжалинского, Шушинского, Ходжавендского, Агджабединского и Бардинского административных районов, включая город Ханкенди. Обладая исторически богатой природой и культурным наследием, регион на протяжении долгих лет подвергался внешней военной агрессии, что привело к серьезной деградации его экологической и экономической структуры. Вследствие расхищения природных богатств, выжигания лесных массивов и разрушения памятников природы в период оккупации был нанесен колоссальный ущерб флоре, фауне и экологическому равновесию региона. В этой связи проведение экологических восстановительных работ, подготовка земельных и водных ресурсов к рекультивации, а также возрождение туристской инфраструктуры являются приоритетными направлениями государственной политики [Мамедов].

Благодаря выгодному географическому положению в предгорьях Малого Кавказа, Карабахский экономический район обладает колоссальным потенциалом для диверсификации туристской индустрии. В долгосрочной перспективе доходы региона от туризма могут составить существенную долю в общереспубликанском показателе. Для реализации этих целей ключевое значение имеет реставрация исторических объектов, сохранение природных богатств и создание современной инфраструктуры, соответствующей международным стандартам. Карабах располагает уникальными природно-географическими и культурными ресурсами для развития следующих видов туризма:

Термальный туризм – регион славится своими лечебными минеральными источниками, такими как Туршсу, Черектар, Коталаг, Ширлан и др., которые создают благоприятную базу для оздоровительного отдыха.

Пещерный туризм – пещеры Азых, Таглар, Зар и Шушинские пещеры признаны одними из древнейших стоянок человека в мире. Обнаружение здесь остатков археологических культур (Гуручай, Лейлатепе, Ходжалы-Гедабек и др.) подтверждает высокий потенциал развития археотуризма в регионе.

Горный туризм – специфический рельеф Карабаха открывает возможности для альпинизма и экстремальных видов отдыха, которые могут быть интегрированы в программы экотуризма, включая горные походы и горнолыжный спорт.

Ботанический и экологический туризм – богатое биоразнообразие, наличие эндемичных видов растений и благоприятный климат делают регион идеальным для любителей природы. В данное направление также могут быть интегрированы конные прогулки, паломнические туры и велотуризм [Байдур].

Трекинг и спортивный туризм – групповые пешие маршруты и горные туры способствуют популяризации экотуризма Карабаха среди широкой международной аудитории.

Агротуризм – данное направление нацелено на повышение социального благосостояния местного населения, сохранение традиций сельского хозяйства и интеграцию локальных обычаев в туристический сектор.

Особое место в туристской карте региона занимает город Шуша. Его рельеф оптимален для развития зимних видов спорта, таких как лыжи и сноуборд, а отвесные скалы создают условия для экстремальных активностей, например банджи-джампинга. Восстановление музыкальных школ, консерваторий и проведение культурных мероприятий, таких как международный фестиваль «Хары Бюльбюль», способствуют возрождению культурного облика города.

Карабах по праву считается колыбелью древней истории и этнокультурного наследия Азербайджана. Шедевры архитектуры – «Дворец ханской дочери», «Дворец Карабахских ханов», мечеть «Говхар ага» – демонстрируют богатый культурный ресурс региона. В целях восстановления и развития территорий указом Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 4 января 2021 г. был создан «Фонд возрождения Карабаха». Деятельность фонда направлена на обеспечение социально-экономического прогресса региона, реконструкцию туристской инфраструктуры и его продвижение на международной арене [Мусаев].

Таблица

Динамика туристских показателей по экономическим районам (2023–2025 гг.)

Экономический регион	2023 г., ед.	2024 г., ед.	2025 г., ед.
Гянджа-Дашкесанский	277 258	327 654	350 586
Карабахский	142 718	198 207	643 986

Источник: Составлено авторами на основе данных Государственного комитета по статистике Азербайджанской Республики.

Интерпретация представленных статистических показателей позволяет сформулировать ряд значимых выводов относительно эффективности использования туристского потенциала рассматриваемых территорий.

Показатели Карабахского экономического района продемонстрировали стремительный рост – со 142 718 ед. в 2023 г. до 643 986 ед. в 2025 г. Данная динамика эквивалентна увеличению показателей примерно на 450 %. Столь резкий подъем является прямой детерминантой реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов после освобождения региона, ускоренной реставрации историко-культурных и природных памятников, а также активной интеграции зоны в туристский оборот в рамках государственной программы «Великое возвращение».

Несмотря на умеренный рост в 2023–2024 гг. (с 277 до 327 тыс. ед.), в 2025 г. в Гянджа-Дашкесанском регионе зафиксировано определенное снижение показателей. Это свидетельствует о наличии уже сформированного туристского рынка, который, однако, нуждается в инновационных методах презентации существующих ресурсов наследия (традиционная архитектура из красного кирпича, бальнеологический потенциал Нафталана и др.) для поддержания конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Если в 2023 г. Гянджа-Дашкесанский регион опережал Карабах по показателям почти вдвое, то по итогам 2025 г. Карабах превзошел Гянджа-Дашкесан более чем в 2,5 раза. Подобная инверсия подтверждает переориентацию интереса как внутренних, так и иностранных туристов в сторону вновь восстанавливаемых объектов этнокультурного и природного наследия.

В заключение отметим, что в ходе проведенного исследования потенциала культурно-исторического и природного наследия Гянджа-Дашкесанского и Карабахского экономических районов, а также анализа статистических показателей последних лет, было установлено, что социально-экономический прогресс регионов находится в прямой зависимости от степени сохранности их этнокультурного облика и природных ландшафтов. Статистический анализ подтвердил, что благодаря масштабным восстановительным работам в постконфликтный период Карабахский экономический район продемонстрировал рекордный 450-процентный рост туристского потока, в то время как в Гянджа-Дашкесанском регионе сохранилась относительная стабильность. Данная тенденция доказывает, что синергия принципов «зеленой экономики» и ревитализации наследия приносит высокие экономические дивиденды. Тем не менее традиционные туристские центры для поддержания конкурентоспособности должны интегрировать имеющиеся ресурсы наследия с современными технологическими решениями.

С точки зрения долгосрочных перспектив развития интеграция пещерного и паломнического туризма в единый кластер в Карабахе, а также внедрение в Шуше модели «Креативного города», основанной на музыкальном наследии, позволит минимизировать фактор сезонности в туризме. Параллельно с этим внедрение многоязычных цифровых гид-систем на исторических объектах Гянджи и в комплексе «Имамзаде» станет важным фактором повышения удовлетворенности иностранных туристов. Расширение концепции «фермерских домов» в направлениях Дашкесана и Кельбаджар-Лачина будет способствовать вовлечению местного населения в сектор гостеприимства. Разработка общих культурных маршрутов в контексте «Древнего Шелкового пути», объединяющих Западный и Карабахский регионы, позволит увеличить продолжительность пре-

бывания туристов в стране. Таким образом, соблюдение баланса между сохранением наследия и модернизацией туристской инфраструктуры является ключевым залогом долгосрочной экономической устойчивости обоих регионов.

Список источников

1. Аббасова А. Роль государственных программ в развитии аграрного хозяйства в Гянджа-Дашкесанском и Газах-Товузском экономических районах // Научные труды Нахчыванского государственного университета. – Нахчыван, 2024. – № 1(126). – С. 154–166.

2. Мамедов Н. Богатый туристический потенциал на освобожденных от оккупации территориях Азербайджана [Məmmədov, N. Azərbaycanın İşğaldan Azad Edilmiş Ərazilərində Zəngin Turizm Potensialı] // Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi. – 2023. – № 12.1. – С. 167–179.

3. Мусаев А. Перспективные инвестиционные возможности туризма в Карабахском и Восточно-Зангезурском экономических районах [Musayev, A. Qarabağ və Şərqi Zəngəzur iqtisadi rayonlarında turizmin perspektivli investisiya imkanları] // Journal of Science & Innovative Technologies. – Баку, 2022. – № 20. – С. 58–66.

4. Ahmadov F., Mirzayeva G., Mammadov İ. Competitiveness analysis of the tourism sector in Azerbaijan and the clustering problem // Bakı: Journal of Environmental Management & Tourism. – 2021. №12.8, – P. 2240–2250.

5. Baydur I. Sustainable development of regional tourism for economic resilience in Azerbaijan // – London: Journal of Business and Economic Options, – 2024. №7.3. – P. 10–18.

6. Mikayılov E., Elxan N. Gəncə şəhərində turizm xidmətində dövlət siyasəti istiqamətləri // Proceedings of the 10th International Scientific Conference «Academics and Science Reviews Materials». – Helsinki, Finland, – 2025 (26-27 iyun), – P. 130.

7. Tahır Tural Alakbarov. "Features of manifestation of political legitimacy in central european countries."Baltic Journal of Legal and Social Sciences 1 (2025): 108–119. DOİ 10.33864/2617-751X.2025.v8.i1.141-153

Сведения об авторах

Алакбаров Турал Тахир – ассистент, Азербайджанский технологический университет, г. Гянджа, Азербайджан, ORCID ID: 0009-0002-7524-3886, e-mail: turalekbarov@gmail.com

Гасанова Сабина Намиг – ассистент, Азербайджанский технологический университет, г. Гянджа, Азербайджан, e-mail: s.hesenova@atu.edu.az

Аббасзаде Тахимне Адалат – ассистент, Азербайджанский технологический университет, г. Гянджа, Азербайджан, e-mail: abbaszde.tehmine98@gmail.com

УДК 338.48
ГРНТИ 71.37.75

Значение народных художественных промыслов для развития туристской привлекательности региона

И. В. ЗЕМЦОВА

В статье рассмотрены перспективы и возможности включения народных художественных промыслов в национальные туристские маршруты, а также использования их продукции и «культурных брендов» для формирования туристской привлекательности территорий.

Ключевые слова: народные художественные промыслы, туризм, сувенир, идентичность, бренд, музей.

Развитие внутреннего туризма выявило необходимость более активного поиска объектов, событий, явлений, местной специфики, усиливающих туристскую привлекательность региона. Культурная, этническая, бытовая специфика, сохранившаяся живая культурная традиция не только помогают создать образ места, но и выявить всю его символическую систему, формирующую региональную идентичность. «Наличие регионального самосознания и региональной идентичности является форматирующим признаком региона как субкультурного локуса» [Казакова, с. 144]. Продукция народных художественных промыслов (НХП), даже в виде массово производимой сувенирной продукции, сохраняет функцию носителя культурной идентичности, как региональной, так и более широкой, транслирует семиотически значимую информацию. Именно в сохраняющихся традициях народных художественных промыслов, передаваемых мастерами из рук в руки, этничность выступает не как музейный экспонат, а как живая культурная традиция.

Во многом усталость от реплик, раскрученных и слишком ориентированных на туристов промыслов связана с тем, что они утрачивают уникальность и связь с местом и контекстом, превращаются из многозначного и многослойного, символически осмысленного объекта в плоский и стандартизированный, т. е. фактически в симулякр. Использование креативными индустриями форм и образов изделий известных промыслов для промышленного производства дешёвых массовых псевдосувениров, не связанных ни с мастерством, ни с технологией и материалом, ни с местом производства, разрушает бренд и фактически обесценивает подлинные вещи. Такое беспринципное коммерческое тиражирование специалисты называют хищничеством. Сотрудничество народных мастеров и современных художников-дизайнеров должно строится на уважении и сохранении источника такого «культурного бренда». «Коллаборация дизайна с народным искусством может выразиться в сочетании элементов ручной работы как композиционных доминант в модных промышленных изделиях» [Ковычева, с. 28].

В последние десятилетия, на смену упадку комбинатов народных промыслов в 1990-е гг., пришёл тренд на возрождение местных региональных кустарных

промыслов и использование их для брендирования территории и создания её туристской привлекательности. В качестве компонента, обеспечивающего узнаваемость такого бренда, выступает сувенир НХП. Формирование туристического интереса к местам традиционного бытования «культурных брендов» и уникальным технологиям производства втягивает в туристическую сферу Дома творчества, Дома ремесел, краеведческие музеи и т. п. Так постепенно появилось понятие крафт-туризма с «hand made» товарами и продуктами. Предложенная этими культурными институтами возможность личного контакта в процессе знакомства с производством предметов промысла сформировала тренд на персонализацию сувенира через создание своего варианта в мастер-классе и, следовательно, персональной связи с местом и его мемориями. «Трофейность» туристского сувенира делает притягательным посещение определенного места, насыщает его личной событийностью.

Многие средовые музеи объединяют свою деятельность с мастерскими, возрождающими народные ремёсла и брендовые для региона промыслы. Так экономузеи совмещают роль музея и небольшой ремесленной мастерской. Этномузеи и экомузеи музеефицируют ушедшие или уходящие культуры в местах памяти определённого народа, включая и определённые ремесленные и кустарные культурные практики. Таким образом через подобный музей осуществляется ревитализация нематериальных традиций [Земцова, с. 368]. Примером может служить деятельность «Музея ижорской культуры» в деревне Вистино, где в сотрудничестве с мастерской «Сойка» и клубом «Сударушка» возрождают технологии Ямбургской керамики, реконструируют орнаменты ижор Сойкинского края, успешно работают над созданием регионального сувенира и реализуют популяризацию этих традиций в работе с туристами и ярмарках художественного творчества.

Возрождаемые промыслы нередко встраиваются в работу маленьких так называемых партиципаторных (музеев участия), интерактивный формат которых даёт туристу возможность под руководством мастера внести творческий вклад в музейный проект, а личностное общение создаёт эмоциональную связь с местом посещения [Земцова, с. 365]. Такой музей «получает статус так называемого «третьего места», т.е. организационного и коммуникативного центра местного сообщества, символизируя его общее прошлое, актуализируя его локальную идентичность как в сознании самих жителей, так и в глазах туристов» [Земцова, с. 365].

Однако активному продвижению региональных художественных промыслов как культурных брендов препятствует два фактора. С одной стороны, это их малая известность, обусловленная ограниченностью каналов распространения информации о них. В широком доступе «информация о малопосещаемых населенных пунктах, их культурных, исторических и природных особенностях либо отсутствует в широком доступе, либо фрагментирована и неорганизованна, что

затрудняет популяризацию таких мест среди потенциальных туристов» [Привалова, с. 179]. С другой стороны, даже у уже известных народных художественных промыслов существуют выраженные «трудности в налаживании системной дистрибуции уникальной сувенирной продукции, отражающей локальную идентичность этих мест» [Привалова, с. 179].

Сувенирная продукция, выполненная в традициях НХП, выполняет коммуникативные функции между туристом и местом: она уникальна и личностна, сохраняет функциональность, обладает символическим капиталом. Поэтому стратегия развития и возрождения промыслов должна не только включать воссоздание форм и технологий, но и использовать творческий потенциал профессиональных художников для популяризации малоизвестных образов и создании тренда на их уникальность и возможность приобретения только на месте. Возможными методами использования НХП как инструмента маркетинга малых городов, привлечения внимания к их культурному наследию, могли бы быть следующие:

1) создание событийных коллекционных линеек памятной сувенирной продукции, как в дорогом сегменте “Hand made”, так и в массовой продукции от дизайнеров, обыгрывающей паттерны, элементы, формы в образах современности (аппликации и печать на предметах, наборы бытовые, деловые, для путешественников, для участников праздника, фестиваля и т. д.);

2) развитие заказной продукции разных ценовых категорий, позволяющей персонализировать её (от оформления конкретных предметов до индивидуальных заказных форм), что снимает проблему неподходящей формы или размера изделия, его бесполезности в использовании и обеспечивает работой мастеров;

3) оформление события, формирование его персонализированного узнаваемого лица и привязка его к продукции НХП, выпуск сувенирной продукции к значимым событиям (юбилейные даты, мероприятия, посвящённые историческим, культурным, спортивным событиям и т. д.);

4) формирование моды на включение элементов продукции НХП в современную дизайнерскую продукцию, возвращение функциональности, в частности текстильной продукции НХП в виде возрождения идеи текстильного памятного подарка;

5) создание утилитарных сувениров, получающих добавленную стоимость в виде практической функции, расширение ассортимента и обновление утилитарных свойств предметов (многие предметы быта, связанные с промыслом, ушли из обихода, например, сохранение традиции Волховской росписи, связанной с прялочным промыслом, породило символический сувенир в виде маленьких сувенирных прялок, а мотивы Тёсовской прялочной росписи местные мастера используют в создании украшений и предметов быта);

Рис. 1. Мотивы Тёсовской росписи на деревянных серьгах и часах

6) маркирование знаковых культурных объектов и отдельных населённых пунктов элементами местного промысла в качестве культурно-символического кода региона;

7) встраивание ярмарок НХП в событийный туризм.

Частично эти методы начинают использоваться. Например, повышение ценности сувенирной продукции НХП за счёт связи с уникальным событием или фактором его получения. В качестве примера можно привести лимитированные выпуски продукции фабрики НХП «Узор» из поселка Вырица, приуроченные к памятным датам. Н. А. Шурпо отмечает: «Популярными становятся сувениры, которые не просто выпускаются ограниченными тиражами, но и, главное, отсутствуют в продаже. Их ключевая ценность может заключаться в условиях их получения, предполагающих приложение определенных усилий. Распространяться такая продукция может в том числе в ходе конкурсов и соревнований (они могут следовать имиджевым целям туроператора или быть инструментом досуга)» [Шурпо, с. 92]. Такая ситуационность мифологизирует сувенир, наделяет его дополнительным сопровождающим текстом.

Рис. 2. Памятная коллекционная серия продукции фабрики «Узор»

Попытки совместить продукцию НХП и современные практики текстильного дизайна, придав утончённость и актуальность вкупе с утилитарностью традиционной продукции промысла продемонстрировали в своём проекте студенты СПбГУ ДПИ в работе с традиционными мотивами киришского кружева [Попова]. Такое сочетание современных технологий и традиционных форм, использование условного языка традиционного орнамента как основы для художественного решения арт-объекта или создание текстильных сувениров, основанных на традиционных орнаментах получило название этнофутуризм, и стало одним из заметных явлений современной культуры.

Рис. 3. Киришское (захожское) кружево и его мотивы в новых формах [Попова, с. 172]

С 2018 г. в Ленинградской области можно говорить о постепенном встраивании НХП в национальные туристские маршруты как обязательного элемента. Из десяти НХП шесть уже начали активно сотрудничать с туристскими компаниями. В планах появились и идеи развития межрегиональных маршрутов, так как часть промыслов, относившихся к Петербургской губернии, сейчас находится на территории Псковской и Новгородской областей, в том числе и потому, что промысел мог быть связан с разными населёнными пунктами. Очевидно, что назрел вопрос о создании единого портала, объединяющего художественные промыслы Ленинградской области с интерактивной картой мест традиционного бытования национальных ремесел, вариантами имеющихся туристских маршрутов, кнопкой перехода на сайт фирм, предлагающих маршруты с посещением таких мест. Очевидно востребованным будет раздел народных художественных промыслов на Национальном туристическом портале (www.russia.travel), а также «поддержание в актуальном состоянии Общероссийского классификатора народных художественных промыслов и мест их традиционного бытования» [Ковычева, с. 26].

Таким образом, комплекс мер по возрождению и поддержке НХП в местах их традиционного бытования даст мощный импульс развитию внутреннего туризма в целом и малым областным историческим городам и поселениям, возможностям включения их в национальные маршруты.

Список источников

1. Земцова И. В. Музей как туристский ресурс территории // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы VIII Международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 11 декабря 2025 г. / под ред. А. С. Минина. Т. 1. – СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2025. – С. 364–371.

2. Казакова Г. М. Регион как пространство-время идентичности. Топохрон и хронотоп региональной идентичности // Культура культуры. – 2018. – № 1 (17). – С. 144–153.

3. Ковычева Е. И. Произведения народного декоративно-прикладного искусства как сувениры. места традиционного бытования народных ремесел как объекты туризма // Образ, знак и символ сувенира: материалы VII всероссийской национальной научно-практической конференции, 18 ноября 2021 г.: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; науч. ред. А. М. Фатеева. – СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2021. – С. 25–34.

4. Попова Е. А. Проектирование сувенира в учебном процессе на примере студенческого проекта Санкт-Петербургского государственного университета «Захожское кружево. Сплетение времен» // Образ, знак и символ сувенира: материалы X Всероссийской национальной научно-практической конференции, 14 ноября 2024 г.: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; науч. ред. Н. Н. Цветкова; сост. А. М. Фатеева, Д. В. Романов, Е. П. Сталинская. – СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2024. – С. 166–173.

5. Привалова А. В. Популяризация малоизвестных территорий России посредством дизайна сувенирной продукции // Образ, знак и символ сувенира: материалы X Всероссийской национальной научно-практической конференции, 14 ноября 2024 г.: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; науч. ред. Н. Н. Цветкова; сост. А. М. Фатеева, Д. В. Романов, Е. П. Сталинская. – СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2024. – С. 174–182.

6. Шурпо Н. А. Современная сувенирная продукция фабрики «Крестецкая строчка» // Образ, знак и символ сувенира: материалы VII всероссийской национальной научно-практической конференции, 18 ноября 2021 г.: сб. науч. ст. / Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица; науч. ред. А. М. Фатеева. – СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2021. – С. 148–153.

Сведения об авторе

Земцова Ирина Валерьевна – кандидат искусствоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 3215-7007, AuthorID: 1069189, e-mail: irina-zemtcova@yandex.ru

УДК 338.48
ГРНТИ 71.37

Развитие Всеволожского района Ленинградской области через призму гастрономии

И. В. ЗЕМЦОВА, В. Р. ЗАСЕДАТЕЛЕВА

В статье представлен анализ гастрономического туризма во Всеволожском районе Ленинградской области. Авторы рассматривают понятие «гастрономическая культура», анализируют специфику региона и сложившиеся формы туристических предложений (сыроварни, рыбные хозяйства, гастрофестивали) в Ленинградской области. В качестве альтернативы массовым маршрутам представлен авторский тур «Деревенский вкус. Молоко: история и традиции», ориентированный на аутентичность, личное участие туриста и погружение в локальную молочную традицию.

Ключевые слова: гастрономический туризм, Ленинградская область, Всеволожский район, гастрономический маршрут, гастрономическая культура.

Гастрономический туризм – это вид туризма, основная цель которого знакомство с той или иной страной через призму национальной гастрономии. Для гастрономического туриста еда – в первую очередь категория культуры. С такой позиции традиционная кухня воспринимается в связи с историей, религией, экономикой, политикой, обычаями, легендами и другими факторами, формирующими уникальную идентичность страны или региона [Миронова].

Гастрономическая культура – это система, в которой можно выделить три элемента, такие как культура приготовления пищи, культура принятия пищи, а также то, что можно назвать рефлексией в отношении еды, выражающейся в создании текстов или произведений искусства, посвящённых еде [Капкан, Лихачева, с. 37–38]. Гастрономическую культуру также нередко понимают как национальную кулинарную традицию, сформировавшуюся в процессе жизни данного народа. В последнее время использование понятие «гастрономическая культура» всё чаще связывается с оценочной характеристикой развития общества или даже человека. Капкан Мария и Лихачева Лилия в своей статье «Гастрономическая культура: понятие, функции и факторы формирования» приводят такую трактовку: «Гастрономическая культура – это система правил, предписаний и образцов, определяющих: а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), а также г) рефлексию над вышеперечисленными феноменами и процессами» [Капкан, Лихачева, с. 42]. Туристам обычно предлагают уже готовые гастрономические программы, дополненные множеством интересных мероприятий от дегустаций до творческой активности. Такие туры позволяют познакомиться с уникальными гастрономическими особенностями региона или конкретного места, которые почти невозможно найти и оценить самостоятельно.

Особенный отпечаток на сельскохозяйственную продукцию Санкт-Петербурга и Ленинградской области накладывает именно её географическая специфика, и прежде всего особенности природно-климатических условий, влияющих на выбор продуктов для развития гастрономического туризма. В регионах отсутвуют уникальные продукты, которые могли бы стать основой для гастрономического бренда территории. Исходя из этого локальная кухня не смогла сформировать яркого облика, поэтому в Ленинградской области первостепенную роль в развитии туристической активности гастрономической направленности могут сыграть только историко-культурные и этнические особенности региона. Исследования подтверждают, что традиционная этническая кухня является наиболее популярным направлением знакомства с малыми народами [Морозова, Козырева, Белая, Морозов].

Сегодня в Ленинградской области стал гораздо активнее развиваться гастрономический туризм. В 2025 г. был реализован проект по созданию второго туристического гастрономического гида «География на вкус. Ленинградская область – Рыбный край». Первый выпуск презентовали в 2023 г. в Выборге и на страницы путеводителя вошли лучшие блюда и продукты региональной кухни. В гиде можно найти рецепты от местных шеф-поваров, адреса более 50 аутентичных ресторанов и кафе, где можно попробовать выборгский крендель, тосненский сидр или копорский чай, а также ладожскую корюшку и фермерских цыплят-корнишонов.

Во втором обновлённом гиде отметили места, где можно попробовать/продегустировать/купить местную рыбу, показали лучшие рестораны с локальными блюдами: «Коллекция», «Крендель и Ко», «Ладога», а также презентовали лучшие сидры Ленинградской области: «Русская Нормандия», «Токсовская сидрерия», Bullevie Cidre, Derevo Cider House.

Активное развитие рыбных хозяйств и растущий интерес к этому виду туризма предопределили ведущую тему нового авторского путеводителя по Ленинградской области – это явный акцент на рыбные рестораны и производства. В путеводитель включена информация о ресторанах и кафе, фермерских хозяйствах с рецептами от местных шеф-поваров и, конечно, рассказ о богатой истории и культуре, достопримечательностях и популярных туристических маршрутах[1].

Ленинградская область славится популярностью сельского гастрономического туризма. Здесь проживали народы вепсы, ингерманландцы и ижора, каждый из которых внес вклад в местную кухню. Так, ижорский стол украшают традиционные свадебные печенья и праздничные хлеба. Влияние вепсской кухни проявляется в тонких блинах, ароматном овсяном киселе и популярном рыбнике – пироге с рыбой. Водская кухня знаменита своими закрытыми пирогами с различными начинками.

[1] Ленинградская область – рыбный край! / Комитет по культуре и туризму Ленинградской области: сайт. 1 октября 2025. URL: rhttps://kit.lenobl.ru/ru/news/87344/ (дата обращения: 09.04.2026).

Так же в 2025 г. прошел первый гастрофестиваль «Балтика Фест» – его организовал концерн «Балтика», крупнейший в стране производитель пива. На фестивали посетители знакомились с традиционной кухней разных регионов России. Данное мероприятие охватывало гастрономическую культуру приготовления блюд от Калининграда до Камчатки. Каждому региону соответствовало свое уникальные сочетание блюд и напитков, специально разработанных шеф-поварами[1], проводились кулинарные мастер-классы и гастро-шоу. Например, были представлены северные морепродукты (балтийские креветки, беломорские мидии, карельские раки), мясные деликатесы из средней полосы и с Кавказа, плов с Поволжья, черноморские закуски. Повара рассказывали, как приготовить бутерброд с грудинкой от «Балтийского берега», пита с рваной говядиной и томлёной грудинкой и ростбиф. В Киришах 2 августа 2025 г. с большим размахом прошёл девятый гастрономический фестиваль «Калейдоскоп вкуса». Гостей фестиваля познакомили с богатыми кулинарными традициями региона благодаря местным деликатесам и увлекательным мастер-классам.

Анализ гастрономического потенциала Ленинградской области показывает, что, несмотря на наличие определённого числа туристических предложений, они во многом повторяют структуру и содержание маршрутов, характерных и для других регионов России. В основном гастрономическая составляющая в таких турах занимает подчинённое, дополнительное значение по отношению к экскурсионной программе. Блюда и продукты, предлагаемые туристам, чаще всего представлены выпечкой и вареньем, которые, хотя и отражают быт народов, исторически населяющих данную территорию, отличаются лишь незначительными локальными особенностями и не формируют яркого, узнаваемого гастрономического образа региона. Особенно это заметно на фоне общероссийского тренда на сыроварни, которые в Ленинградской области организуются преимущественно при фермерских хозяйствах и ориентированы на погружение горожан в среду сельского производства – с возможностью покормить животных, продегустировать продукт и приобрести его в фирменном магазине. Параллельно с сырным направлением развиваются и другие формы агро- и гастрономического туризма, прежде всего связанные с рыбными хозяйствами. Здесь ключевой акцент делается не столько на дегустацию, сколько на сам процесс: туристам предлагают возможность самостоятельно выловить рыбу, а затем приготовить её, например, на Пастерском озере, где разные виды ухи становятся центральным элементом трапезы. Такая модель интересна именно своей интерактивностью, однако она пока слабо интегрирована в комплексные гастрономические маршруты.

Во Всеволожском районе Ленинградской области этот вид туризма набирает популярность благодаря уникальному сочетанию природных условий, богатой истории и высококлассных производств сельскохозяйственной продукции. Сегодня в районах Петербурга и Ленинградской области приобретает все больше

[1] В Ленинградской области в начале осени пройдет первый гастрофестиваль «Балтика Фест» / Известия: сайт. 23 августа 2025 г. URL: https://iz.ru/1940753/2025-08-23/v-leningradskoi-oblasti-v-nacale-oseni-proidet-pervyi-gastrofestival-baltika-fest (дата обращения: 06.04.2026).

значения новый тренд – гастрономические пространства на первых этажах жилых домов, и во Всеволожском районе планируют воплотить такой проект. Он будет расположен на территории жилого района «А101 Всеволожск» на основном променаде, в нем будет находиться кафе на 50 мест, несколько пекарен и большой ресторан на 60–80 мест. Также в данном районе расположена семейная ферма «Континент», в которой осуществляется производство мяса, яиц, молочной продукции, а также выпуск домашних глазированных сырков, мороженого и шоколадно-ореховой пасты. Помимо этого на ферме присутствуют более 20 видов животных, в том числе необычных для региона пород, которых можно покормить и потрогать[1]. Другим значимым объектом является ферма-сыроварня «Деревня» в деревне Матокса, здесь производится более 20 видов сыра от бураты до пармезана, а фирменная розничная точка расположена на проспекте Оптиков. Завершает инфраструктуру загородный ресторан «Хвой», размещённый в хвойном лесу у черничных полей, с панорамной террасой на берегу Медного озера. Концепция заведения ориентирована на приготовление блюд на открытом огне и использование фермерских продуктов.

Разработанный гастрономический тур «Деревенский вкус. Молоко: история и традиции» построен на принципиальном отказе от экзотики: в Ленинградской области нет уникальных редких продуктов, поэтому ставка сделана на подлинность, тактильность и медленное погружение в аутентичную среду. Философия тура – релакс-путешествие во вкус деревни, где традиции живы. Эксклюзивность и высокая цена обоснованы малыми группами до 12 человек, двумя мастер-классами от фермеров и обедом только из локальных продуктов. В первый день туристы погружаются в молочную тему через экскурсию «Молоко от Европы до России» – рассказ пойдет о том, как искусство работы с молоком зародилось в Альпах и Франции, пришло через Прибалтику и финнов в русскую усадьбу, адаптировалось в Ленинградской области и превратилось в уникальные деревенские блюда. В деревне Матокса на ферме-сыроварне «деревня» экскурсия и дегустация сыров местного производства, по желанию можно добавить мастер-класс по приготовлению сыра. Дегустация сыров: сет из 8–10 сортов. Затем следует мастер-класс по приготовлению домашнего сыра – каждый участник готовит сам, а не наблюдает. На Эко-ферме «Лес» можно купить свежее фермерское молоко, яйца и натуральное варенье. В меню ужина сырная тарелка из продукции фермы «Деревня». На завтрак различная кисломолочная продукция, произведенная на ферме: молоко фермерское/ кофе/ чай, омлет/творог/сырники, варенье по желанию. В этнографическом парке в усадьбе Богословка на экскурсии можно узнать, как в домашних условиях русской усадьбы реально были внедрены молочные традиции. Мастер-класс по приготовлению русских традиционных блюд, включающих в себя молоко, сырники по-домашнему, ватрушки с творогом, блины с

[1] Экофермы в Ленинградской области: куда поехать на выходные / Портал «Поехали!». URL: https://www.poehali.tv/adventures/11622 (дата обращения: 06.04.2026).

сыром. Турист платит не за экзотику, а за доступ к живой традиции, личное участие, культурный контекст и полную перезагрузку от городской суеты, что и делает тур исключительным для Всеволожского района.

Разработанный маршрут объединяет агрономический и гастрономический виды туризма и помогает открыть для туристов Всеволожский район с совершенно новой стороны.

Список источников

1. Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 Гуманитарные науки. – 2008. – № 55. Вып. 15. – С. 34–43.

2. Миронова М. Еда без границ. Правила вкусных путешествий. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 224 с.

3. Морозова Т. В., Козырева Г. Б., Белая Р. В., Морозов А. А. Проблемы и перспективы развития этнокультурного туризма на территориях приграничья // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11. – № 11. – С. 2565–2574.

Сведения об авторах

Земцова Ирина Валерьевна – кандидат искусствоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, SPIN-код: 3215-7007, AuthorID: 1069189, e-mail: irina-zemtcova@yandex.ru

Заседателева Владислава Романовна – студентка, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vladazas@mai.ru

УДК 338.48-6:379.85
ГРНТИ 06.71.57

Экодуховное ожерелье рек Южного Приладожья: новый туристский маршрут

Д. М. ЗЮКИНА, П. В. ЖУКОВ

В статье представлена концепция туристского маршрута. Актуальность проекта связана с популяризацией духовного наследия среди молодёжи через современные формы туризма. Цель работы – описание методологии формирования маршрута, объединяющего православную культуру, природные ландшафты и речную систему региона. Проект основан на идее связи православия и истории страны. Разработана структура маршрута, включающего 4 монастыря, более 15 храмов, экотропы и объекты наследия. Сделан вывод о возможности адаптации модели в других регионах России.

Ключевые слова: Южное Приладожье, туризм, событийный туризм, культурный код, православное наследие, креативные индустрии.

Актуальность проекта обусловлена высокой культурно-исторической значимостью Южного Приладожья, выделяющегося среди других районов Ленинградской области особой концентрацией духовного наследия. Это связано с тем, что на данной территории на протяжении веков формировались ключевые элементы православной истории страны. В то же время, на сегодняшний день, наблюдается разрыв между поколениями 1990–2000-х гг. и историей родного края.

Одним из эффективных способов решения данного разрыва выступает природно-ориентированный туризм, предполагающий использование рек и памятников природы в целях популяризации объектов православной культуры и истории летописной Руси.

Проект ставит целью показать красоту православных храмов, органично вписанных в речные ландшафты, раскрыть роль православия в развитии государства, а также создать новый, иммерсивный и визуально привлекательный формат знакомства молодежи (20+) с историко-культурным и духовным наследием Южного Приладожья, связав воедино природную красоту рек, величие архитектуры и современные digital-инструменты.

Задачами проекта являются:

- популяризация православных сооружений (монастырей, церквей, соборов, часовен) для широкой аудитории как объектов истории, культуры и духовности;
- привлечение внимания к ветхим и рафинированным духовным объектам для их последующей консервации и восстановления;
- развитие частного предпринимательства (фермерства) через продажу локальных продуктов питания туристам;
- развитие малых форм средств размещения – гостевых домов, вписанных в природный исторический ландшафт территорий на фоне храмовой архитектуры.

Основная целевая аудитория турпродукта включает в себя:

- туристов возраста 20+, живущих в Санкт-Петербурге и Ленобласти (на выходные дни, 5-дневный вариант маршрута);

- жителей Московской агломерации в рамках как автотуров, так и пакетных туров (продолжительность 1-2 дня).

В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, исторических источников и краеведческих материалов, посвященных развитию Южного Приладожья, православному наследию и туристскому потенциалу региона; сравнительный и описательный методы для характеристики объектов маршрута и выявления их туристской привлекательности; картографический метод для определения пространственного расположения объектов; метод системного анализа для объединения природных, культурных и исторических ресурсов в единую концепцию туристского продукта; метод туристско-рекреационного проектирования при разработке структуры маршрута.

Название проекта – «Экодуховное ожерелье рек Южного Приладожья» – отражает три ключевых точки туристского интереса: православную культуру, природу и реки. Именно объекты православной веры являются «скрепами» территорий, основой для развития туризма и возрождения сельских поселений, многие из которых ведут своё начало с 1500-х гг. и впервые упоминаются в «Переписной окладной книге Водской пятины 1500 года» [Переписная окладная книга Водской пятины 7008 (1500) года].

Маршрут объединяет не только православные святыни, но и реки, которые формируют аттрактивность территории и служат естественными дорогами средневековой Руси. Именно по реке Волхов и Ладожскому озеру, пролегал важный торговый путь «Из варяг в греки», здесь возникли первые каменные славянские поселения – Любша и Старая Ладога, а вслед за крепостями появлялись церкви и монастыри, становившиеся центрами культуры, образования и духовного сплочения населения.

Исторический контекст проекта связан с формированием древнерусской государственности. В 862 г. был призван Рюрик, и согласно Ипатьевскому списку «Повести временных лет», первоначально он княжил в Ладоге и лишь затем основал Новгород. Археологические данные в целом подтверждают эту версию: Ладога возникла около 753 г., тогда как самые ранние постройки Новгорода относятся к X в. К моменту призвания варягов Ладога уже являлась развитым торговым центром.

Вблизи Ладоги, у впадения реки Любши в Волхов, располагалась более древняя крепость – Любшанское городище, одно из первых укреплений на территории Руси, построенных с использованием камня. По данным археологов, оно было возведено в VIII в. и является как минимум на сто лет старше первых укреплений Ладоги, появившихся лишь на рубеже IX–X вв.

Крепость представляла собой укреплённое поселение площадью около 1800 м² с прилегающими хозяйственными территориями и, вероятно, выполняла функции форпоста Ладоги. Раскопки показали, что данная территория была заселена на протяжении почти тысячи лет – с VII–V вв. до н. э. Среди находок – предметы

раннего железного века, что свидетельствует о присутствии здесь древнего населения, предположительно финно-угорского происхождения.

Любшанская крепость прекратила своё существование во второй половине IX в. Причины её разрушения точно не установлены. Найденные наконечники стрел могут свидетельствовать о вооружённом конфликте, связанном либо с междоусобицами, либо с приходом варягов и установлением власти Рюрика[1].

Концепция проекта строится на трех взаимосвязанных аспектах: православная культура, природа и реки.

1. Речной аспект: Реки, через которые проходит маршрут окаймляют Ладожское озеро с юга (Южное Приладожье) как часть Кировского, Волховского и Лодейнопольских районов Ленинградской области, от Невы до устья Свири. Мы рассматриваем реки не только как географические объекты, но и как самостоятельные точки притяжения. Важно учитывать и оздоровительный эффект: созерцание водоемов, успокаивающий шум волн и свежий воздух благотворно влияют на нервную систему, нормализуют сон и повышают настроение.

В маршрут включены следующие водные объекты: Нева, Назия, Лава, Сарья, Кобона, Волхов, Сясь, Воронежка, Паша, Оять, Свирь, а также Ладожское озеро, как место впадения данных рек.

2. Природный аспект проекта заключается в осмотре двух памятников природы Ленобласти – «Каньона реки Лава» и «Староладожского».

3. Православная культура: Православные памятники являются основой проекта и ключевыми точками туристского и духовного интереса. Маршрут включает посещение четырех монастырей:

- Введено-Оятский монастырь на реке Оять;
- Староладожский Свято-Успенский девичий монастырь на реке Волхов;
- Никольский мужской монастырь и бывший Николо-Медведский мужской монастырь на реке Волхов;
- Киприано-Стороженский Никольский мужской монастырь на Ладожском озере.

В расширенном варианте тура запланировано посещение Свято-Троицкий Александра Свирского мужского монастыря и Подворье Покрово-Тервенического монастыря. Помимо этого, маршрут охватывает другие памятники православной архитектуры, расположенные на берегах рек области.

Важной частью проекта является нацеленность на молодежную аудиторию, поэтому в маршрут включены природные аттрактивные панорамные точки для создания фотоконтента. Также считаем важной частью маршрута гастрономию региона с покупкой локальный продуктов питания как в монастырях, так и у местных жителей и фермерских хозяйств.

В данном контексте еда рассматривается не только как средство удовлетворения базовых потребностей, но и как мощный инструмент погружения в культуру и создания эмоциональной связи с местом. Объекты питания в проекте

[1] РИА Новости. Наука: Древнейшая каменная крепость славян найдена в Ленобласти. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20230206/nauka-1849268049.html (дата обращения: 05.03.2026).

становятся не просто остановками, а локациями для визуального сторителлинга о путешествии, где культура Южного Приладожья раскрывается для молодежи через язык вкусов, эстетики и осознанного потребления.

Проект также является площадкой для социальных проб молодежи: в программу туров будут включены элементы волонтерских акций. Например, участники смогут помочь в уборке территории на «Каньоне реки Лава», принять участие в субботнике у руинированной церкви или в обустройстве «народной» тропы. Это превращает поездку из потребления в созидание и придает проекту измеримый социальный эффект.

Таким образом, разработанный туристский продукт «Экодуховное ожерелье рек Южного Приладожья» представляет собой туристский продукт, объединяющий более 20 объектов показа, включающих как духовные, так и природные объекты. Использование природно-ориентированного подхода, включающего панорамные видовые точки и гастрономические особенности территории, способствует повышению привлекательности маршрута для молодёжной аудитории и формированию устойчивого интереса к историко-культурному наследию.

Реализация проекта позволяет не только познакомить туристов с уникальными памятниками православной архитектуры и природными ландшафтами, но и способствует преодолению разрыва между молодым поколением и историей родного края.

Предложенная модель туристского продукта обладает универсальным характером и может быть адаптирована для других регионов России. В рамках данной модели реки могут выступать не просто элементами транспортной инфраструктуры или зонами пляжного отдыха, а ключевыми объектами туристского притяжения – благодаря своим визуальным и панорамным качествам, а также связи с историческими событиями, происходившими на их берегах. Такой подход позволяет формировать маршруты, сочетающие природную эстетику, духовное наследие и историческую память.

Список источников

1. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 г. Ч. 2 / под ред. И. Д. Беляева. – М.: Университетская типография, 1868. – Л. 1–735. – (Новгородские писцовые книги. Т. 3).

Сведения об авторах

Жуков Павел Викторович – старший преподаватель, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4790-2680, e-mail: spb1979@yandex.ru

Зюкина Дарья Михайловна – студентка 3 курса факультета естествознания географии и туризма, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-1742-4493, e-mail: henituse38@gmail.com

УДК 379.85
ГРНТИ 71.37.00

Формирование субъектности российского туризма: история и современность

О. В. МИРОНОВА, Л. В. ЯРЧИКОВСКАЯ, В. И. ГРИГОРЬЕВ, А. В. ШАРОНОВА

В материалах статьи проанализированы движущие силы и ключевые факторы, формирующие субъектность туризма на разных этапах общественно-исторического развития. Результаты анализа доказывают связь туризма с воспитанием человека в единстве с природой, историей и культурой.

Ключевые слова: антропоцентризм, инфраструктура, сингулярность, туристская дестинация.

Попытки сущностного описания движущих сил, регуляторной среды и констант субъектности российского туризма предпринимались неоднократно. К настоящему времени сложилась система взглядов, отражающая структуру, функции, понятийный аппарат и ресурсный потенциал туризма [Григорьев; Захарова; Карпова, 2017; Коваль, 2023; Коваль, 2024; Онучин, 2019]. Вместе с тем анализ онтологических конструктов туризма требует более глубокого осмысления факторов, формирующих его субъектность.

Таким образом, цель исследования заключается в оценке движущих сил и пороговых значений изменения условий, формирующих субъектность туризма на разных этапах общественно-исторического развития.

Научно-методологическую платформу проведенного исследования составляют: теория систем (П. Анохин), теория культуры (В. Межуев), теория активности и потребностей человека (А. Леонтьев), теория фракталов (Б. Мандельброт). Инструментальное поле работы включает контент-анализ литературы, публикаций экспертных форумов, статистических данных Федеральной государственной статистики России (ФСГС, Росстат).

Как вид культуры туризм (от фр. *tour* – путешествия) выдвигается на историческую авансцену после выхода в свет «Всеобщего словаря XIX столетия» в 1876 г. В литературе, образовании и науке, его сущностная характеристика отражает синтетический характер активности, связанной с освоением человеком природных ресурсов и новых территорий [Захарова].

Туризм, появившийся в Британии, начала XIX в., – продукт промышленной революции, нацеленной на поиск ресурсов, обеспечивающих достижение максимальной производительности труда [Карпова, 2017; Карпова, 2023]. На этом этапе просматриваются признаки структурности туризма, ядро которого составляют горный, морской, рекреационный виды.

В российском туризме начала XIX в. формируется фрактальная структура, выраженная антиномией двух полюсов (Б. Мандельброт). Имперская политика России начала века задает стратегические направления, связанные с освоением

новых территорий, развитием морского флота, железных дорог и воздухоплавания. Ключевое значение для развития туризма обретает создание в 1905 г. Транссибирской железнодорожной магистрали («Великой российской стены»), соединяющей Европейскую часть, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Особую роль выполняют экспедиции И. Крузенштерна, Н. Резанова (1803–1806), антарктические экспедиции Ф. Беллинсгаузена, Ю. Лисянского (1819–1821).

Отдельный вопрос – оценка гедонистической составляющей первого (сословного) полюса, которая выражается в логических предикатах развития туризма России. Динамика развития полюса подвержена влиянию внешних факторов: организационных, финансовых и ресурсных. Гедонистический утилитаризм определяет сферу услуг, адекватных потребностям дворянского сословия, царствующих особ и культурной богемы. Критическими факторами являются безвозвратные потери человеческих ресурсов в Крымскую (1853–1856), Русско-японскую (1904–1905), Первую мировую войну (1914–1917), Гражданскую войну в России (1917–1922).

Методологической платформой развития второго полюса выступает Русская цивилизация (П. Сорокин). Приняв христианство от Византийской империи, Русь наследовала идеи русского Космизма (В. Вернадский), предельного смысла жизни (А. Лосев). Органичность развития проявляется в культуре («коллективной памяти») народов России. Хранителями идентичности выступают: первопроходчество, казачество, странничество, монашество. Структура полюса коррелирует с природными, национальными, религиозными и мировоззренческими компонентами.

Идеология построения советского государства 1922 г., нацеленная на перспективы мировой революции, связана с культивированием высших идеалов развития, социального творчества на платформе общества созидания. Туризм формирует «зону притяжения» к пролетарской культуре, которая снижает уровень радикализации многомиллионных масс крестьян, пришедших в города. Занятия различными видами туризма обеспечивают развитие способностей к локациям на местности, освоение техники альпинизма, лыжной подготовки, преодоления водных преград.

Для 1930-х гг. показателен пиковый тренд развития туризма, достигаемый на основе концентрации ресурсов Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), Всевобуча и оборонно-спортивного общества ОСОАВИАХИМ. Это объективный тренд, инициированный императивами «шести условий повышения производительности труда». На изменение функциональных позиций указывают экспедиции Н. Рериха (1923–1928), лыжные переходы Архангельск-Москва, велопробеги Хабаровск-Москва (1934).

Масштабные проекты по освоению новых территорий дают стимулы для развития туризма. На первых позициях Беломорско-Балтийский канал (1933), соединяющий Белое море с Онежским озером и Балтийским морем. Другой проект – строительство Байкало-Амурской магистрали протяженностью 4324 км (БАМ), запущенный в 1936 г., для освоения ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Военная доктрина развития СССР начала 1940-х годов изменила качественное состояние сферы туризма, которое неизбежно выводит её на новый уровень. Следует отметить, что мобилизационный вектор, реализуемый в границах национальной безопасности и патриотического воспитания молодежи, оправдан ростом геополитической напряженности. В числе достижений отметим беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Ванкувер (США), совершенный В. Чкаловым, Г. Байдуковым, А. Беляковым в 1937 г.

Верификация военно-прикладных функций туризма проведена в годы вооруженного конфликта с Финляндией (1939–1940) и Великой Отечественной войны (1941–1945), когда из числа туристов формировались отряды специального назначения. В этот период был достигнут пик турбулентности, связанный с потерей населения СССР более 20 млн чел, разрушением 1710 городов и посёлков.

Для послевоенного этапа в развитии туризма характерны волновые процессы функциональных изменений, продиктованные восстановлением экономики, человеческих ресурсов, инфраструктуры в условиях «Железного занавеса». Действительно, функциональные изменения внутреннего кода развития объясняют достижение предельных функций туризма, развитие научно-технического потенциала. Обратим внимание, что для 10,4 млн советских граждан, вовлеченных в туристскую деятельность, – это «окно в мир».

В эпоху «Железного занавеса» (1950) система проявляет высокую адаптивность к влиянию политических и социально-культурных факторов. Стратегия развития нацелена на финансовый сегмент, подготовку кадров, транспортный комплекс. Выездной зарубежный туризм сфокусирован на странах военно-политического блока Варшавского договора: Албанию, Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию, Чехословакию.

В годы «развитого» социализма 1960-х гг. туриндустрия стремится к достижению предельных состояний, развитию человеческого капитала – главной движущей силы развития СССР. Очевидно, что туризм развивается как антропоцентричная система в границах максимальной интенсивности и минимальной энтропии.

Пиковый уровень характеризуется первым в мире космическим полётом Ю. Гагарина (1961), экспедицией Ю. Сенкевича через Атлантический океан на папирусной лодке «Ра», предпринятой в составе международной команды (1969). В арсенале спортивного туризма выделяется практика проведения сборов в Центрах олимпийской подготовки Абхазии, Азербайджана, Грузии, Ленинграда, Москвы, Прибалтики, Украины [Григорьев; Захарова; Онучин].

Историческая дестабилизация, вызванная вводом советского контингента в Чехословакию (1968) и Афганистан (1979), обострила противоречия советской и западной модели туризма.

Доктрина рыночного фундаментализма, нацеленная на демонтаж базисных констант СССР (1991), привела к взлому национальных суверенитетов и распаду страны. Сужение ресурсной базы при выходе из постсоветского пространства прибалтийских республик (Латвии, Литвы, Эстонии), Кавказа (Армении, Азер-

байджана, Грузии), Белоруссии, Молдавии, Украины, Средней Азии (Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана). Новое состояние, зависящее от рыночной конъюнктуры, продиктовано корпоративной культурой, «зелеными» проектами ESG [Григорьев; Карпова, 2017].

На выходе из политического кризиса, международных санкций, «железного занавеса», Россия выдвигает мобилизационный проект развития, ориентированный на многообразие форм собственности и многоукладности экономики [10]. Экономической основой проекта выступает кооперация госкорпораций и частных структур (ГЧП). Данный подход предусматривает многократное увеличение объёма ресурсов, направляемых на развитие культурно-познавательного, медицинского, спортивного, рекреационного, сельского и экологического видов туризма. Эффективность подхода доказывается достижениями Ф. Конюхова, совершившего экспедицию к Северному полюсу (1990), восхождение на Эверест (1992), поход на верблюдах «шелковый путь» (2002), кругосветный перелёт на воздушном шаре (2016), пересечение Тихого океана на лодке (2019).

Возможности для решения задач, связанных с оптимизацией структуры потребительского рынка, внедрением цифровых технологий, искусственного интеллекта, расширяются при использовании ресурсов стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Включение Российского союза туриндустрии в реализацию нацпроектов «Здравоохранение», «Туризм и гостеприимство» соответствует историко-культурному базису и общественным идеалам развития [Захарова; Карпова, 2023]. Для повышения системных ресурсов используется механизм «тройной спирали» (Г. Ицковиц). Вице-премьер Д. Чернышенко указывая на рост числа туристов до 92 млн чел. в 2024 г., отмечает увеличение доли валовой добавленной стоимости туриндустрии до 3,6 трлн руб.

Таким образом, анализ научных концепций, моделей развития российского туризма на разных онтологических этапах доказывает волновой характер обретения субъектности. Как социокультурное явление, туризм является продуктом исторического развития, связанного с российской идентичностью, развитием сущностных сил и способностей человека. Эта связь наполняет практики туризма социальными смыслами и ценностями. В них выражена цивилизационная целостность Русского мира, где сконцентрированы идеология, политика, общественные идеалы.

Россия обладает гигантскими природными и человеческими ресурсами, научно-техническим потенциалом, кадрами, достаточными для устойчивого развития. В них сохраняются традиции, смыслы, потребности, ценностные ориентиры на уровне этноса, нации, народа.

Список источников

1. Григорьев В. И. Развитие студенческого спорта на платформе Содружества Независимых Государств / В. И. Григорьев, И. И. Кипрушина, И. С. Москаленко, О. В. Миронова, А. В. Шаронова, Л. С. Розанова, А. А. Пуальс, В. А. Чистяков // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2022. – № 10 (212). – С. 111–115.

2. Захарова Л. Н. Туризм как социокультурное явление: монография / Л. Н. Захарова, Е. М. Кузьмина, И. Г. Морозова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. – 123 с.

3. Карпова Г.А. Перспективные модели организации спортивного туризма / Г. А. Карпова, О. О. Сиренко // Туризм и образовательные технологии в цифровой экономике: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12 октября 2023 г.). – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. – С. 81–84.

4. Карпова Г. А. Управление туристскими дестинациями на принципах кластеризации: монография / Г. А. Карпова, Е. В. Песоцкая, С. Ю. Гришин, В. А. Ткачев. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – 153 с.

5. Коваль Т. Е. Спортивные дисциплины по северной ходьбе в международных правилах по спортивному туризму / Т. Е. Коваль, Л. В. Ярчиковская, С. М. Лукина // Актуальные вопросы физического воспитания и адаптивной физической культуры в системе образования: сборник материалов VI Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Волгоград, 2024. – С. 139–142.

6. Коваль Т. Е. Особенности использования скалолазания и спортивного туризма в создании многофункционального молодёжного комплекса в системе подростково-молодёжных центров Санкт-Петербурга / Т. Е. Коваль, Л. В. Ярчиковская, А. С. Яковис // Актуальные вопросы развития спорта, физического воспитания, рекреации и оздоровительного туризм: материалы XIV международной научно-практической конференции. – СПб., 2024. – С. 371–374.

7. Коваль Т. Е. Особенности профессионально-прикладной подготовки на занятиях спортивным туризмом в студенческой среде / Т. Е. Коваль, Л. В. Ярчиковская, С. М. Лукина // Спорт, Человек, Здоровье: материалы XI Международного Конгресса / под ред. С. И. Петрова. – СПб., 2023. – С. 649–650.

8. Онучин Л.А. Спортивно-оздоровительная направленность занятий в профессионально-прикладной физической культуре студентов: учеб. пособие / Л. А. Онучин, К. Н. Дементьев, Ю. А. Архипова, Н. С. Лешева, А. В. Шаронова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2019. – 99 с.

Сведения об авторах

Григорьев Валерий Иванович – доктор педагогических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-002-9643-238X, e-mail: gr-finec2010@yandex.ru

Шаронова Александра Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3918-2596, e-mail: sasha_vgafk@mail.ru

Миронова Ольга Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7055-4944, e-mail: mironova.olga2014@gmail.com

Ярчиковская Людмила Вячеславовна – кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9855-8544, e-mail: ludayarchi9913@mail.ru

УДК 338.48
ГРНТИ 71.37.05

Историко-краеведческое изучение географического центра: «Объект туристского интереса "Остров Новая Голландия"»

А. А. ФОМИН, Д. Д. КУЛЕШОВА

В статье обосновывается необходимость историко-краеведческого изучения острова Новая Голландия как ключевого географического центра, способствующего комплексному освоению туристского пространства одного из районов Санкт-Петербурга. В статье анализируются этапы формирования культурного слоя территории, архитектурно-историческое наследие и современные подходы к ревитализации объекта в рамках концепции креативного пространства.

Ключевые слова: Новая Голландия, Санкт-Петербург, историко-культурное наследие, туристско-рекреационный потенциал, памятник культуры.

Актуальность исследования обусловлена растущим спросом на качественные туристско-краеведческие продукты регионального уровня, позволяющие глубже раскрыть историко-культурный потенциал города. Существует потребность в изучении историко-культурных достопримечательностей методами краеведческого исследования, раскрывающими их происхождение, эволюцию и значение в формировании городской среды. Данная работа отвечает этой потребности, предлагая научное обоснование туристско-краеведческой деятельности.

В современном туризме важное значение имеют географические центры, они могут играть ключевую роль как опорные точки при освоения туристского пространства. Эти центры представляют собой уникальные природные, исторические и культурные объекты, обладающие высоким туристским потенциалом. Перспективы и черты, характеризующие развитие индустрии туризма Санкт-Петербурга можно определить рядом факторов, ключевыми среди которых выступают политические и культурно-исторические, а также географические и социально-экономические. Основные туристские ресурсы имеют социокультурное и историческое содержание. Составляющие их объекты и явления удовлетворяют потребности людей в отдыхе и саморазвитии. Ресурсы развития туризма по своему значению по праву относят к национальному достоянию страны. Важным и необходимым элементом ресурсов туризма является историко-культурное наследие [Биржаков].

Целью работы является научное обоснование туристско-краеведческого изучения достопримечательностей, направленного на комплексное освоение историко-культурного наследия острова Новая Голландия и прилегающих к нему территорий как центра освоения туристского пространства.

Проведённый анализ научной литературы показывает наличие существующего исследовательского интереса к изучаемой проблематике. В работе Лавровой Т. А. и Николаевой Т. П. отмечается, что возможности функционирования туризма обусловлены географическими, историко-культурными и рядом других

факторов развития Санкт-Петербурга. В статье Михайловой Е.Р. показано значение комплекса историко-культурных ресурсов как фактора формирования достопримечательностей городской среды. Лесман Ю. М. даёт научно обоснованное заключение, отражающее состояние культурного слоя и археологического наследия в целом на острове Новая Голландия. Вопросы разработки концепции «креативного пространства» отражены в статье Пронина А. А. Научное описание историко-культурного потенциала городского пространства, прилегающего к острову Новая Голландия приведено в работах Полян П. М., Смирнов А. С., Ерофеевой Г. И., Зуева Г. И.

Для достижения поставленной цели применялся комплекс методов, соответствующих задачам туристско-краеведческой деятельности, где ведущее значение имеет историко-краеведческий анализ, который использовался для реконструкции истории объектов и территории прилегающего пространства как географического центра туристского освоения территории.

Среди крупнейших городов мира Санкт-Петербург представляет собой масштабный памятник, с сохранённым в основном историческим центром и целй группой ансамблей пригородов, в настоящее время административно входящих в черту города. Привлекательный для жителей и гостей города образ города формируют не только отдельные архитектурные ансамбли, но и вся окружающая их пространственная среда. Высокая степень сохранности памятников архитектуры и историческая подлинность достопримечательностей стали важным обоснованием выдвижения Санкт-Петербурга с его историческим центром и пригородами, с имеющимся там комплексом памятников и памятных мест в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [Лаврова, Николаева, с. 147].

В значительной степени повышает привлекательность исторической застройки города единство открытых пространств с их площадями и набережными многочисленных рек, бульварам, садами и парками. Особый и неповторимый облик имеет плотная историческая внутриквартальная застройка. Панорамы открытых водных пространств также являются частью архитектурного облика города. Если центр исторического Петербурга хорошо освоен индустрией туризм, то его периферийные зоны требуют поиска новых сегментов туристского рынка и проектирования туристско-экскурсионных продуктов, учитывающих их запросы. Представленные проекты должны способствовать развитию современных туристских направлений: созданию новых маршрутов. Развитие может идти через развитие определённых территорий вокруг географических центров, трансформирующихся в комплексные туристические объекты [Лаврова, Николаева, с. 149].

В связи с туристским освоением городского пространства возникает необходимость создания новых точек притяжения для гостей и жителей города. Проект «Новая туристская география» активно развивает такие точки, превращая их в географические центры будущих туристических кластеров. Их развитие идёт через создание новых общественных центров.

На территории острова Новая Голландия был реализован масштабный проект по восстановлению и обновлению исторических зданий в центре Санкт-Петербурга. Этот проект получил название «Новая Голландия: культурная урбанизация». Перед разработчиками стояла сложная задача – органично вписать объект в инфраструктуру исторического Санкт-Петербурга, сохранив при этом его культурную значимость. И это удалось сделать. Разработка плана формирования культурного пространства «Новая Голландия» включала в себя проведение масштабных исторических исследований. На его территории размещаются не только коммерческих объекты. Здесь обустроены парк и досуговая зона для детей, сформирована социокультурная инфраструктура. Для этих целей был проведена реставрация исторических зданий «Кузня», «Дом коменданта», «Бутылка», «Дом 12». «Новая Голландия» уже завоевала популярность как у жителей города, так и его гостей[1].

Территория острова в постсоветское время была отдана в ведение города: в 1990-х годах оттуда выехал институт кораблестроения, а в 2005 г. были переданы здания Ленинградской военно-морской базы. Планировочные решения на острове достаточны просты и понятны. В его центральной части располагается водоем, его историческое название Ковш, каналами он соединяется с рекой Мойкой и Крюковым каналом. Искусственные гидротехнические объекты были построены в 1765–1767 гг. для загрузки и хранения на складах корабельного леса. На южной стороне острова по берегу реки Мойки высятся здания этих лесных складов из темно-красного кирпича, строительство которых велось в 1765–1788 гг. Корабельный лес здесь хранился по оригинальному методу, стволы вывешивались вертикально. Этот способ хранения предложил архитектор С. И. Чевакинским. Такие же склады были построены по восточному берегу острова, вдоль Крюкова канала в 1847–1850 гг. Автором проекта, который перекликается с постройками конца XVIII в. был военный инженер М. А. Пасыпкин. В западной части острова, на стрелке между рекой Мойкой и Адмиралтейского каналом, находится за высокой каменной оградой здание тюрьмы, построенной в1828–1829 гг. по проекту архитектора А. Е. Штауберта. Это морская тюрьма, в центре которой находилась трёхэтажную Арестантская башня, а вокруг нее дом коменданта, и хозяйственные постройки разного предназначения. Это и кузница с тюремными мастерскими, и другие строения[Михайлова].

В 2006 здесь были проведены археологические раскопки, для этих целей было проложено 13 траншей. Комплексное обследование включало также геологическое изучение, для чего были пробурены 32 скважины и прорыты инженерно-геологических шурфы. Всё это позволило получить ответы на возникшие в связи с археологическим изучением территории вопросы. Главные этапы развития культурного слоя острова были предопределены его застройкой и планировки: 1 этап – 1710–1720-е гг.; 2 этап 1732–1765 гг.; 3 этап – 1765–1784 гг.; 4 этап – 1784 г. – н. XX в.; 5 этап – 192–1950-е гг.;6 этап – 1950–1970-е гг. В конце

[1] Официальный сайт проекта «Новая Голландия: культурная урбанизация» [Электронный ресурс]. URL: https://www.newhollandsp.ru/information/about-the-project

XX в. значительных изменений как планировка, так и культурного слоя не было. В 2006 г. проводились работы по сносу части построек, не представлявших исторической ценности. В результате проведения раскопок были получены ответы на поставленные перед археологическими исследованиями вопросы [Лесман, с. 27–30].

Чтобы придать территории больший вес в индустрии туризма в Новой Голландии как историко-культурном объекте реализуется концепция так называемого «креативного пространства». Данная концепция может рассматриваться в различных предметных областях. Исследователи, занимающиеся изучением исторических и современных пространств города, ставят цель, достижение которой помогает ответить на вопрос, чем же является креативный продукт, который должен быть разработан на территории изучаемого пространства. Для формирования и последующего развития креативного пространства необходимы не только достопримечательности, но и особый вес имеет высокий уровень комфорта и удобства. Создание заявленных условий позволяет совмещать образовательной деятельность с комфортным проведением свободного времени. «Наличие или создание разнородных объектов для творческих и культурных инициатив[Пронин]» выступает как фактор стратегии развития креативных пространств.

Новая Голландия должна нести также и функцию географического центра, как организатора туристской деятельности на прилегающей территории через организацию пешеходных туристских маршрутов, начинающихся и заканчивающихся здесь. Городское пространство на соседствующих территориях обладает значительным историко-культурным потенциалом. Например, дворец графов Бобринских, во второй половине XVIII в. на месте, где сейчас находится дворец, была усадьба, владельцем которой был А. В. Храповицкий, секретарь Екатерины II, сын генерал-аншефа В. И. Храповицкого. В 1790 г. дом был выкуплен сенатором П. В. Мятлевым. Дворец строился по проекту архитектора Луиджи Руска, это была первая самостоятельная работа известного зодчего. В ходе перестройки в 1792–1796 гг. в усадебный ансамбль вошёл бывший дом архитектора Саввы Чевакинского, находившемся на соседнем участке. В 1796 г. внебрачный сын императрицы Екатерины II и Григория Орлова – Алексей Григорьевич Бобринский был возведен в графское достоинство Павлом I. В 1798 г. императрица Мария Фёдоровна подарила А. Г. Бобринскому усадьбу на Галерной улице. В послереволюционный период дворец был национализирован, с 1929 г. в нём размещался Центральный географический музей, организатором которого был В. П. Семёнов-Тян-Шанский. Затем здание было передано Научно-исследовательскому институту комплексных социальных исследований СПБГУ [Полян]. До современности почти в полной сохранности находятся интерьеры: Красной гостиной, Танцевального и белого залов и ряд других помещений своими окнами выходящие на Ново-Адмиралтейский канал. В связи с аварийным состоянием стен в 2003 г. во дворце начались ремонтно-реставрационные работы, которые длились почти восемь лет. В 2011 г. состоялось открытие дворца Бобринских по-

сле реставрации. В настоящее время дворец используется для проведения конференций, занятий и исследовательской деятельности, а также ведётся реализация арт-проектов преподавателей и обучающихся [Смирнов, с. 305].

Один из тридцати императорских дворцов в Петербурге, дворец Михаила Александровича Романова на Английской набережной. Здание было построено в XVIII в., затем реконструировано в XIX в. по проекту К. К. Рахау. До наших дней оно дошло практически неизменным с начала XX в., когда архитектор Роберт Фридрих Мельцер придал облику здания вид, характерный для модерна (растительный лепной декор, облицовка гранитом и английской плиткой по фасаду). В 1918 г. здание было передано Всероссийскому обществу глухих, которому оно принадлежит и по настоящий момент [Ерофеева].

В непосредственной близости расположены значимые историко-культурные объекты, такие как дом Я. А. Потёмкина и особняк Н. А. Макарова, в котором размещается Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Особняки Румянцева, фон Дервиза и Н. Н. Теплова создают необходимую историко-культурную среду для организации городских экскурсионных маршрутов. Центральный военно-морской музей, являющийся старейшим музеем России и одним из крупнейших морских музеев мира, располагается в историческом здании. Крюковские склады, также известные как Крюковские морские (флотские) казармы, выполнены в стиле ранней эклектики. В 1750–1760-е гг. они функционировали как Крюковские государственные склады. В 1830–1833 гг. архитекторы И. Г. Гомзин и Э. Х. Анерт перестроили здание в Крюковские морские казармы. В период с 1844 по 1855 г. М. А. Пасыпкин возвел новые корпуса. Реконструкцию корпуса вдоль канала провел А. С. Кудинов. В 1898–1900 гг. была проведена надстройка над третьим этажом, а также реконструированы крылья корпуса вдоль Крюкова канала и корпус на Благовещенской площади. В 1914 г. проводился ремонт, а в 1973 г. – реконструкция и капитальный ремонт. Морские казармы (Крюковские) представляют собой единый архитектурный комплекс в форме сильно вытянутой трапеции, занимающий квартал между площадью Труда, Крюковым каналом, набережной Мойки и улицей Труда [Зуев]. Туристская привлекательность этого музейного комплекса может быть повышена за счет тесного взаимодействия с туристическим пространством Новая Голландия.

В результате проведенного исследования была достигнута поставленная цель – дано научно-краеведческое обоснование достопримечательности «Остров Новая Голландия». Работа демонстрирует эффективный подход к освоению культурного наследия, при котором историко-краеведческий материал становится основой для создания востребованного туристского продукта. Практическая значимость работы заключается в том, что она предлагает готовое решение для развития туристско-краеведческой деятельности в Санкт-Петербурге. Проведенное исследование подтверждает, что интеграция краеведческого подхода в туристскую практику является перспективным направлением для создания конкурентоспособных региональных турпродуктов, способствующих углубленному пониманию истории и культуры Санкт-Петербурга.

Список источников

1. Биржаков М. Б. Введение в туризм. 6-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2004. – С. 180.
2. Зуев Г. И. Там, где Крюков канал... – М.: Центрполиграф, 2012. – 510 с.
3. Лаврова Т. А., Николаева Т. П. Туристско-рекреационный потенциал Санкт-Петербурга и направления его развития // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 38. – С. 145–155.
4. Лесман Ю. М. Заключение о степени сохранности культурного слоя и объектов археологического наследия на острове Новая Голландия // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 5. – С. 26–31.
5. Михайлова Е. Р. На острове Новая Голландия // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 5. – С. 24–25.
6. Полян П. М. «Любимое детище» В. П. Семенова-Тян-Шанского // Природа. – 1989. – № 3. – С. 83–90.
7. Смирнов А. С. Граф Алексей Александрович Бобринский и новая власть // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 2. – С. 300–307.
8. Ерофеева Г. И. Документальное наследие Великого Князя Михаила Александровича в зарубежных архивах // Вестник БГУ. – 2024. – № 2 (60). – С. 61–77. DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-61-78
9. Пронин А. А. В поиске новых культурных городских смыслов и практик // Культура открытого города: новые смыслы и практики: материалы V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Екатеринбург, 30 нояб. – 2 дек. 2017 г.) / науч. ред. А. А. Пронин; Л. Е. Петрова, И. А. Ахьямова. – Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. – С. 4–9.

Сведения об авторах

Фомин Александр Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры туризма, гостеприимства и сферы обслуживания, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-1306452X, e-mail: sgp@yandex.ru

Кулешова Диана Денисовна – студентка 4 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-4808-2496, e-mail: st000044772@lgumail.ru

УДК 159.9.072
ГРНТИ 15.81.21

Ценностно-мотивационные детерминанты предпринимательского самоопределения в поликультурном российском обществе: теория и эмпирика

Е. А. АНТИПОВ

В статье представлен анализ ценностно-мотивационных детерминант предпринимательского самоопределения в условиях этнокультурного многообразия российского общества. На основе сопоставления теоретических концепций (теория базовых ценностей Ш. Шварца, концепция терминальных ценностей И. Г. Сенина, теория мотивации достижения Д. Макклелланда) и эмпирических данных, полученных на российской выборке (N = 87), рассматриваются специфические паттерны ценностной и мотивационной организации личности, предрасполагающие к выбору предпринимательского пути. Показано, что в условиях поликультурного общества ценностные ориентации опосредуются как индивидуально-психологическими, так и этнокультурными факторами, что требует дифференцированного подхода к пониманию мотивационных основ предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательское самоопределение, ценностные ориентации, мотивация достижения, терминальные ценности, поликультурное общество, этнокультурный контекст, российская выборка.

Выбор предпринимательского пути как формы профессионального самоопределения представляет собой один из наиболее сложных психологических феноменов в пространстве современного российского общества. В отличие от традиционного карьерного выбора, предпринимательское самоопределение предполагает не просто выбор профессии, но принятие принципиально иной позиции субъекта деятельности – позиции, сопряжённой с личной ответственностью за результат, принятием неопределённости и готовностью к систематическому риску [Журавлёв, Позняков].

Этот выбор осуществляется в конкретном социокультурном и этнокультурном контексте, который в России характеризуется значительным региональным и межэтническим многообразием. Единое образовательное и экономическое пространство страны объединяет представителей различных этнокультурных групп, демонстрирующих неодинаковые паттерны ценностных ориентаций, отношения к риску и понимания жизненного успеха. Это обстоятельство принципиально важно для понимания психологических механизмов предпринимательского самоопределения: ценности и мотивация, предрасполагающие к предпринимательству, не существуют в культурном вакууме, а формируются в конкретных этнокультурных условиях и несут их отпечаток.

Настоящая статья направлена на анализ ценностно-мотивационных детерминант предпринимательского самоопределения с учётом российской социокультурной специфики. В качестве теоретической основы используются концепции Ш. Шварца, И. Г. Сенина и Д. Макклелланда; эмпирическую опору составляют данные исследования, проведённого на российской выборке (предприниматели и наёмные работники, N = 87).

Мотивация достижения в структуре предпринимательского самоопределения

Исследование мотивационных оснований предпринимательского выбора традиционно обращается к концепции потребности в достижении, предложенной Д. Макклелландом. Вместе с тем механистическое перенесение классической теории на российский материал сопряжено с рядом методологических рисков. Макклелланд описывал потребность в достижении как универсальный мотивационный конструкт, однако её конкретное содержание и способы проявления варьируют в зависимости от культурного контекста [Макклелланд].

В российской экономической психологии накоплен ряд данных, свидетельствующих о специфике мотивации достижения у отечественных предпринимателей. В условиях институциональной нестабильности, характерной для российской экономики, достижительная мотивация нередко трансформируется: стремление к результату смещается в сторону материальных индикаторов успеха и социального признания, тогда как внутреннее удовлетворение от процесса достижения отступает на второй план [Позняков]. Кроме того, в этнокультурно разнородных регионах России паттерны достижительной мотивации могут отличаться: в культурах с выраженной коллективистской ориентацией достижение нередко осмысляется как благо для семьи или общины, а не исключительно как индивидуальный успех.

В проведённом нами сравнительном исследовании (предприниматели, N = 44; наёмные работники, N = 43) мотивация достижения обнаружила значимые межгрупповые различия (U Манна–Уитни, $p < 0,05$, d Коэна = 0,72). Предприниматели демонстрировали более высокие показатели по данному конструкту, что согласуется с международными мета-аналитическими данными [Collins et al.]. Принципиально важно, однако, что в дискриминантном анализе мотивация достижения вошла в состав шестипредикторной модели (Уилкса $\lambda = 0,545$, точность классификации 85,1%), выступая не изолированным, а системным предиктором – в связке с показателями интернальности, самоэффективности и ценностных ориентаций.

Ценностные ориентации как детерминанта предпринимательского выбора

Среди инструментов измерения ценностных ориентаций в российских исследованиях особую методологическую позицию занимает опросник терминальных ценностей И. Г. Сенина (ОТеЦ). В отличие от универсалистских методик Ш. Шварца, ОТеЦ разрабатывался с учётом российской культурной специфики и позволяет дифференцировать жизненные ценности не только по содержанию (восемь ценностных типов), но и по сферам жизнедеятельности – профессиональной, семейной, образовательной и др. [Сенин]. Это делает его особенно

чувствительным инструментом при изучении ценностного профиля предпринимателей.

В нашем исследовании анализ с использованием ОТеЦ выявил следующую картину. По шкале «Креативность» (сфера профессиональной жизни) предприниматели значимо превосходили наёмных работников ($p < 0,01$, $d = 0,89$), что указывает на устойчивую ориентацию на создание нового и оригинального в профессиональной деятельности как терминальную ценность, а не только как инструментальный ресурс. По шкале «Саморазвитие» (сферы обучения и семейной жизни) наёмные работники, напротив, демонстрировали более высокие показатели, что может свидетельствовать об иной структуре смысловых приоритетов: для них самосовершенствование является самостоятельной ценностью, тогда как для предпринимателей оно, по-видимому, подчинено ценности достижения результата.

В контексте теории базовых ценностей Ш. Шварца полученные данные согласуются с представлениями об особой роли ценностей «самостоятельность» и «достижение» в предпринимательском профиле. Вместе с тем российская специфика вносит существенные коррективы: высокая значимость материального положения в российском контексте нередко выполняет не столько экспансивную, сколько компенсаторную функцию – стремление к экономической предсказуемости в условиях макроэкономической нестабильности [Шварц].

Этнокультурное измерение ценностных ориентаций проявляется в том, что в поликультурных российских регионах одни и те же ценностные конфигурации могут иметь различное поведенческое выражение. Представители этнических групп с более выраженной коллективистской традицией могут демонстрировать высокую мотивацию к предпринимательству при доминировании семейно-ориентированных, а не индивидуалистических ценностных паттернов. Это означает, что универсальные психологические предикторы предпринимательства должны интерпретироваться с учётом этнокультурного контекста их носителей.

Интегративная модель: ценности, мотивация и этнокультурный контекст

Теоретически обоснованная и эмпирически подтверждённая интегративная модель предполагает, что предпринимательское самоопределение детерминируется не отдельными психологическими переменными, а их системной конфигурацией. В нашем исследовании дискриминантная функция, разграничивающая предпринимателей и наёмных работников с точностью 85,1%, включала шесть предикторов: мотивацию достижения, интернальность в семейной сфере, самоэффективность, автономную каузальную ориентацию, толерантность к неопределённости и ценность креативности. Интегральный индекс предпринимательской направленности (z-композит) обнаружил эффект размером $d = 1,758$, что соответствует очень высокому уровню дифференциации групп.

Этнокультурный контекст предпринимательского самоопределения в России образует своеобразный «ценностный фон», на котором разворачивается этот процесс. Единое образовательное и правовое пространство страны формирует

общероссийские нормы и ориентиры, тогда как этнокультурное разнообразие создаёт региональную вариативность в том, какие именно ценностные конфигурации оказываются «пусковыми» для предпринимательского выбора. В культурах с традицией семейного предпринимательства ценность креативности может сочетаться с высокой семейной интернальностью; в культурах с индивидуалистическими ориентациями на первый план выходит самоэффективность и автономная каузальная ориентация. Понимание этой вариативности необходимо как для психологической диагностики предпринимательского потенциала, так и для разработки дифференцированных программ поддержки предпринимательства в многонациональном российском обществе [Журавлёв, Позняков].

Принципиально важно, что мотивация достижения и ценностные ориентации не являются конкурирующими объяснительными конструктами, а выполняют взаимодополняющие функции в системе детерминации предпринимательского самоопределения. Ценностные ориентации задают направление – они определяют, какие сферы жизни воспринимаются как значимые арены для реализации достижительных стремлений. Мотивация достижения обеспечивает энергетику – настойчивость, готовность к риску и преодолению препятствий. Результирующая конфигурация «высокая мотивация достижения + ценность креативности + интернальность + самоэффективность» образует, судя по полученным данным, наиболее устойчивый психологический профиль российского предпринимателя.

Таким образом, предпринимательское самоопределение в поликультурном российском обществе представляет собой психологически сложный процесс, не сводимый ни к набору личностных черт, ни к единственной доминирующей ценности. Теоретический анализ и эмпирические данные, полученные на российской выборке, указывают на то, что психологическим ядром предпринимательского выбора является конфигурация мотивационных и ценностных характеристик: высокая мотивация достижения, ценность креативности в профессиональной сфере, интернальный локус контроля и самоэффективность.

Этнокультурный контекст не отменяет эти универсальные психологические закономерности, но существенно модифицирует их конкретное воплощение. В условиях этнокультурного многообразия России одни и те же предпринимательски релевантные ценности могут иметь разную культурную «окраску» и разные поведенческие выражения. Это требует от исследователей и практиков использования культурно-чувствительных диагностических инструментов – в частности, опросника терминальных ценностей И. Г. Сенина, учитывающего российскую специфику понимания жизненного успеха и профессиональной самореализации.

Дальнейшие исследования в данном направлении целесообразно ориентировать на сравнительный анализ ценностно-мотивационных профилей предпринимателей в различных этнокультурных регионах России, что позволит уточнить как универсальные, так и культурно-специфические детерминанты предпринимательского самоопределения.

Список источников

1. Журавлёв А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – 480 с.

2. Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб.: Питер, 2007. – 672 с.

3. Позняков В. П. Психология российского предпринимательства. – М.: Институт психологии РАН, 2019. – 400 с.

4. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1991. – 19 с.

5. Collins C. J., Hanges P. J., Locke E. A. The relationship of achievement motivation to entrepreneurial behavior: A meta-analysis // Human Performance. 2004. Vol. 17. No. 1. P. 95–117.

6. Schwartz S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2. No. 1. P. 1–20.

7. Sharma A., Leung R., Rajaram S. Motivation and entrepreneurial intent: A cross-cultural meta-analysis // Journal of Business Venturing. 2024. Vol. 39. No. 2. P. 1–21.

Сведения об авторе

Антипов Егор Александрович – аспирант, Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-9826-9723, e-mail: f-heads@mail.ru

УДК 9.433.
ГРНТИ 03.09.41

Материалы русских летописей XVII–XVIII вв. как источник сведений о характере русско-польских отношений того же периода

И. А. ВЛАСОВ

В статье выполнена комплексная оценка русских летописных документов XVII–XVIII вв. с точки зрения их значения как источника ценной информации об эволюции русско-польских отношений того периода в контексте историко-генетического метода исследования, как свидетельства современников о различных обстоятельствах, повлиявших на ситуацию, сложившуюся в сфере европейской политики в целом. Сделан вывод о том, что данный тип источников исторических сведений позволяет рассмотреть не только фактологию русско-польских отношений, но и позицию самих авторов летописей по отношению к описываемым событиям.

Ключевые слова: русско-польские отношения, летописи, XVII в., Мазуринский летописец, Вологодская летопись.

В условиях активизации в научной среде полемики относительно обстоятельств вхождения украинских территорий в состав России в XVII в. небезынтересно обратиться к содержанию русских летописей того периода, достаточно много внимания уделивших этим событиям. С одной стороны, летописи описывают ряд ключевых эпизодов развернувшегося противостояния между Речью Посполитой и Русским государством, а также роль в них конкретных исторических персонажей и общую социально-политическую обстановку в обоих государствах как в период, предшествовавший русско-польской войне, так и в ходе военных действий. С другой стороны, ценность летописей XVII–XVIII вв., в том числе городских (провинциальных) памятников летописной литературы, состоит в их ценности как источника разнородной исторической информации о том времени.

Актуальность тематики исследования обусловлена необходимостью осмысления всего комплекса социально-экономических, а также внутри- и внешнеполитических вопросов, обозначившихся в русско-польских отношениях в рассматриваемый период. Очевидно, что и в нынешних непростых геополитических обстоятельствах Польша по-прежнему остается одним из ближайших славянских стран – соседей России. Именно поэтому исследование проблемы внешней политики Русского государства, преодоление стереотипов и предрассудков – наследия прошлого, являются крайне важной задачей научного поиска и в наши дни.

Один из наиболее известных летописных памятников, относящихся к интересующему нас времени, – т. н. Мазуринский летописец (датирован концом XVII в.), который известен в настоящее время в составе одного списка, хранящегося в Мазуринском собрании (ЦГАДА, Мазур., № 522). Документ поименован

следующим образом: «Книга, глаголемая летописец великия земли Росиския, великаго языка словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити».

Отправной точкой его содержания стало легендарное событие – известие о Словене и Русе, «начале» Русской земли. Автор повествует о мучениках первых веков христианства, затем приводит, сопровождая свой рассказ рядом хронологических и фактических ошибок, данные по всеобщей, в том числе русской, истории. В дальнейшем события из русской истории становятся преобладающими в его изложении. Завершается летописец пространной повестью о Московском восстании 1682 г., опубликованной М. Н. Тихомировым, который и выступил инициатором включения данного документа в Полное собрание русских летописей.

Летописец в красках и по годам – с 1654 по 1667 гг. – описывает события русско-польской войны, начиная со смотра войск русским царем Алексеем Михайловичем на Девичьем поле: *«Того же году государь изволил собрать рать и построити, и учинил государь смотр на Девичье поле, и изволил государь смотритя сам походу на польского короля, чтоб ему неправду ево отмстить»* [1, с. 160]. Из приведенной выше цитаты очевидно, что автор считает данную военную кампанию справедливой с русской стороны, своеобразным ответным шагом на агрессивную политику Речи Посполитой. Рассматривая цели Русского государства в этой войне, летописец указывает на стремление России вернуть под свой контроль исконно русские земли, утраченные в период Смутного времени, и, прежде всего, Смоленщину: *«Лета 7162 го году изволил государь за неправду полського короля идти доступать вечной своей вотчиноы Смоленские и иныех городов и доступил Смоленск и много городов…»* [1, с. 169]. С таких же позиций дана характеристика и целей войны со Швецией: *«Лета 7164 го году изволил государь идти за неправду на свицкого короля до Риги и много градов взял: и во все тепоходы у государя были дворовые воеводы баярин Барис Иванович Морозов да Илья Данилович Милославский. В разрядах многие многие полки, а воедводы с полки были баяре и кольничие. В большом полку баярин князь Яков Куденотович Черкаской и все полки с ним»* [1, с. 169].

Другим значимым приоритетом войны, по мнению автора летописи, является объединение под властью московского царя всех земель, ранее относившихся к территории Киевской Руси: *«Лета от создания миру 7162-го, а от рождества Христова 1662-го поручи бог великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великая и Малыя и Белая Росии самодержцу град Киев, мати градов русских»* [1, с. 170].

Завершает Мазуринский список сообщение о подписании мирного договора в Андрусове [1, с. 170].

Таким образом, изучив текст Мазуринского летописца, можно сделать вывод: данный документ в хронологической последовательности описывает события русско-польской войны. Автор летописи с политической точки зрения занимает прорусские позиции – он разделяет идеологическое обоснование военных действий против Речи Посполитой как установки на возвращение законных владений московского царя. Подобное отношение летописца вполне объяснимо,

однако особый интерес вызывает стремление автора Мазуринской летописи избегать описания трудностей военной поры и тягот населения территорий, охваченных военными действиями. В этой связи летописец ограничился лишь внушительным списком побед русского войска и достижений внешней политики Русского государства.

Другим не менее значимым источником исторических сведений о рассматриваемом периоде является Вологодская летопись. Она датирована 1760 г. Данная летопись написана келарем Спасо-Прилуцкого монастыря и представляет собой рассказ об основных событиях политической и церковной истории России XVII в.

Летописец начинает повествование с момента проведения первого Вселенского собора, а заканчивает – сообщением о пожаре в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре 9 апреля 1700 г. По своему жанру Вологодская летопись также относится к провинциальным летописям, сочетающим описание местных событий с известиями общегосударственного значения. При изложении событий вплоть до конца XV в. эта летопись близка сокращенному летописному своду 1493 года, а по содержанию некоторых фрагментов схожа с Лаврентьевской, Ермолинской, Вологодско-Пермской, Уваровской и Устюжской летописями. Ряд событий, относящихся к XVI–XVIII вв., описаны аналогично Новому летописцу, Мазуринскому летописцу, а также летописцу 1619–1691 гг.

Однако, хотя Вологодская летопись и относится к числу провинциальных общерусских, события русско-польской войны 1654–1667 гг. в ней описаны достаточно подробно и панорамно. Так же, как и Мазуринский летописец, Вологодская летопись представляет известную ценность в плане своей информативности.

В Вологодском летописце ярко выражен именно провинциально-общерусский характер летописного стиля. Погодные записи о главных событиях истории Русского государства перекликаются здесь с событиями местного значения, причем эти сообщения могут содержаться даже в рамках одной погодной записи – к примеру: *«В Лето 7163-го. Октября в 18 день на память святаго апостола и евангелиста Луки поставили единодневной храм во имя всемилостиваго Спаса Смоленского на Вологде, на старой площаде, а почели рубить против 18 го числа октября в нощи в 6-м часу, в клади светочи и, зажигав скалы на батогех, светило светило, а срубили на 2 часа до дни, а сомнили в два часа, А святитить почели в 5-м часу дн, а осветили на последнем часу дни. И виде бог веру и моление раб свои, и покаяние слепное о своих согрешениях, и той великий гнев свой на милость приложи и моровую язву утоли. От того дня мор на Вологде престал бысть. Того же лета указал великий государь рубленки серебренные делать с намерениями против весу мелких серебряных. Того же лета указал великий государь делати для посвешения ратным людям четверти рубля серебряные противу вес мелких серебряных денег»* [2, с. 176].

Под другим годом эта летопись в одной и той же записи отражает и разгром русских войск под Конотоплем, и цену на хлеб и пшеницу в Вологде в 7168 г.: *«Лето 7168 го. Крымский хан с татары авшел, и польский король, и польской*

король и черкаской гетман изменил великому Государю, к ним отдожися. В киевских странах взяли в полон воевод боярина Василия Васильевича Шереметьева и всю силу его весь полк в полон взяли, того же лета на Вологде в сентябре и в октябре, и в ноябре четверть ржи покупали по 6 рублев, и по 7 рублев, и по 8 рублев, а пшеницу по 7 рублев, а соль феврале продавали на дворах по 2 рубля с четвертью, а в ряду продаваил по 2 рубля по 13 алтын 2 деньги, а маёе рожь продовали по 25 рублев, а овес по 10 рублев на медные деньги» [2, с. 176].

Таким образом, данная летопись отражает интересы и взгляды русского общества не только на внешнеполитическую сферу, но и на динамику повседневной жизнь местного региона. В отличие от остальных изученных нами летописей, Вологодская летопись концентрирует внимание не только на победах московского царя в русско-польской войне, но и на внутренней повестке государства, а также тяжелом положении населения страны.

Повествование о русско-польских отношениях начинается с сообщения о посольстве в Польшу и воцарении Алексея Михайловича.

Отметим: это единственная летопись, которая сообщает не только о Смоленском походе, но и приводит факт присяги казачества во главе с Богданом Хмельницким русскому царю. В этой же записи содержится сообщение об отъезде патриарха Никона с царем из Москвы после начавшегося там мора. Автор не расценивает этот отъезд как бегство, но именует его «выездом». В отличие от других северорусских летописей, автор упоминает имя царя и патриарха только в соседстве с положительными эпитетами [2, с. 180]. Из этого можно предположить, что летописец занимал позицию, в целом лояльную официальному политическому курсу, а сама летопись носит, в первую очередь, характер прогосударственной пропаганды. В ней, в частности, говорится: *«В лето 7162 го, Благочестивый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея и Малыя и Белые Росии самодержец ходил под Смоленск и Смоленск град взял и иныея многие грады и веси взял. Того ж Лета генваря в 10 день гетман Богдан Хмельницкой Зиновой веру дал под десную руку великого государя быть вечно в потжанстве со всем войском Запорожским. Того ж лета генваряв 9 день в 6 м часу дня быть знамение велие на небеси явися солънъцу светлолунно. По обе страны 2 луча крестообразно, неподалеку, подобны солнце же, в верх во всех сих дугою, подобны холству, яко амфор, а концы вниз. Того ж лета в ыюле и в августе на Москве был мор великой зело, московских людей не осталось трехсот доли. И в те поры государыня царица Мария Ильинична гп Москвы выежжали в Кашин в Калязин монастырь и патриарх Никон. И как великий государь из литовских городов выехал во 163-м году в Вязму, и цырица государыня к нему, государю, и патриарх Никон пришли в Вязму, покамест на Москве мор не унялся. А мор был на Москву и по городам по три года»* [2, с. 177].

Вологодскую летопись из массива других подобных работ выделяет также то обстоятельство, что она достаточно подробно описывает состав русских войск, их дислокацию, планы русского командования, а также успехи русского войска в военных действиях в Белоруссии и на Украине [2, с. 178]. Из всех севе-

рорусских летописей лишь в ней одной уделено столько внимания именно малороссийскому вопросу. Летописец делает акцент на добровольном вхождении Украины под «десную руку великого государя»: *«Того ж Лета генваря в 10 день гетман Богдан Хмельницкой Зиновой веру дал под десную руку великого государя быть вечно в потжанстве со всем войском Запорожжским»* [2, с. 179].

Летопись, кроме того, характеризует Выговского изменником и виновником в разгроме русских войск под Конотоплем: *«В лето 7168- го Крымский хан с татары вышел, и польской король и черкасеой гетман изменили великому государю, к ними отложися. В киевских странах взяли в полон воевод боярина Василия Борисовича Шелеметова и всю силу его, весь полк в полон взяли»* [2, с. 179].

Много внимания летописец уделяет следующему после Выговского гетману – Ивану Брюховецкому. Брюховецкий в летописи показан изменником, который, несмотря на милость царя (на помощь Русского государства в борьбе за гетманскую власть, женитьбу на княжне Долгорукой, пожалования в Москве боярским титулом), поднял антимосковское восстание на Левобережной Украине. Эти действия Брюховецкого летописец считает тягчайшим преступлением, причем к изменнику Выговскому такие уничижительные эпитеты, как к Брюховецкому, не применяются, Автор называет Ивана Брюховецкого только «Ивашкой», показывает всё свое презрение к человеку, который, несмотря на расположение к нему царского двора, пошел на предательство [2 с. 180]. Повествование завершается записью о подписании между Русским царством и Речью Посполитой «вечного» мира в Андрусове [2, с. 181].

Таким образом, Вологодская летопись является важным источником исторических сведений об истории России XVII столетия, хотя – повторимся – русская традиция летописания в этот период уже приходит в упадок. Летопись повествует о событиях русско-польской войны с точки зрения официального политического курса Русского государства. Однако характер повествования свидетельствует о том, что описание побед московских войск носило скорее формально-пропагандистский характер, возможно, с целью демонстрации лояльности автора летописи к московскому государю.

На основании исследованных материалов можно сделать определенные выводы о специфике отражения в русских летописях характера русско-польских отношений в XVII–XVIII вв. Качество изложения исторических событий и структура текста указывают на то, что русское летописание как историко-литературная практика постепенно угасает, его авторы располагаются на периферии Московского царства. В связи с этим в научных кругах сложилось мнение о том, что летописи в это время уже утратили свое значение как источник официальных, достоверных сведений. Думается, что с подобной точкой зрения нельзя согласиться. Дело в том, что русские летописи XVII–XVIII вв., как следует из анализа их содержания, приведенного, в том числе, в данной работе, содержали обзор не только ситуации внутри Московского государства, но и на его внешнем контуре, в том числе и в части русско-польских отношений. Таким образом, летописание в рассматриваемый исторический период отражало положение и

взгляды не только на повседневную жизнь русских земель, но и анализ международной повестки дня (прежде всего, это относится к землям русского севера, где было распространено старообрядчество).

Необходимо признать и тот факт, что различные летописи по-разному освещают сложные аспекты русско-польских отношений. Так, некоторые списки весьма скудно отражают ход конфликта России с Польшей в третьей четверти XVII в. Можно предположить, что для внутренних уездов и городов Московии война с Речью Посполитой была каким-то малоактуальным событием. Возможно, также, что демонстративное игнорирование событий войны и лаконичность при описании некоторых вопросов внешней политики Москвы служило со стороны ряда летописцев способом выказать свое недовольство политикой государя и его усилий по реформированию православной церкви. В любом случае, на наш взгляд, очевидно, что степень внимания авторов летописей к русско-польскому дискурсу находилась в определенной зависимости от их местонахождения и эта тематика была вторичной по отношению к ситуации непосредственно в регионе летописца и близлежащих территориях.

При этом русские летописи, несомненно, были и остаются ценным историческим источником в части изучения истории русской внешней политики Российского государства второй половины XVII в. Характер подбора описываемых фактов и стиль изложения в них свидетельствуют о том, что всеобщая «патриотическая» поддержка русским населением войн, которые русские цари вел на западных рубежах государства во многом является историографическим мифом. В реальности же часть населения, прежде всего на севере России, весьма сдержанно относилась к военным проектам московского государя и его противоборству с европейскими монархами, отдавая приоритет местной повестке дня.

Список источников

1. Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. – Т. 31. Мазуринский летописец / отв. ред. акад. В. А. Рыбаков, ред. тома В. И. Буганов; Академия наук СССР, Институт истории. – М.: Наука, 1968. – 264 с.
2. Полное собрание русских летописей. Вологодская летопись. – Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина; Академия наук СССР, Институт истории СССР (Ленингр. отделение). – Л.: Наука, 1982. – 235 с.

Сведения об авторе

Власов Иван Александрович – аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-5082-4619, e-mail: Lout4812@mail.ru

УДК 332.142.4
ГРНТИ 06.61.33

Системный подход к пониманию устойчивости региональных экономических систем

Н. П. ЕМЕЛЬЯНОВ

В работе исследуется устойчивость региональных экономических систем как многокомпонентная категория, отражающая согласованное развитие экономических, социальных и экологических процессов. Подчеркивается значимость применения системного подхода, при котором управленческое воздействие на отдельные элементы способствует достижению комплексного эффекта на уровне всей региональной системы. Рассматривается влияние синергетических и эмерджентных эффектов, а также механизмов формирования «точек роста» на выравнивание территориального развития. Обосновывается, что социальная сфера выступает ключевым фактором устойчивости, обеспечивая повышение качества жизни населения и снижение региональных диспропорций.

Ключевые слова: устойчивость региональных систем; системный подход; точки роста; синергетический эффект; социально-экономическое развитие.

Оптимальным подходом к пониманию устойчивости региональных экономических систем является широкое понимание устойчивости региональных экономических систем и тогда их устойчивость можно охарактеризовать как «стабильность и равномерность устойчивого развития, обеспечивающая сокращение территориальных расхождений и выстраивание эффективного взаимодействия между властью, бизнесом и населением». В этом случае в региональных экономических системах происходит планомерное и равномерное развитие трех секторов (экономики, социальной сферы, экологии), а при этом в каждом секторе происходит плавное и поступательное развитие в условиях общественно-государственного консенсуса, обеспечивающее сокращение территориальных экономических диспропорций и развитие системы в целом.

Как сложная система регион отличается наличием разнообразных связей между подсистемами и элементами подсистем. При этом внутрирегиональные процессы являются частью более крупных процессов макроуровня, а те в свою очередь – частью процессов мировой экономической системы.

В качестве примера можно привести Сахалинскую область, экономика которой демонстрирует тесную и наглядную взаимосвязь региональных, национальных и глобальных процессов. Реализация крупных нефтегазовых проектов, таких как «Сахалин-1» и «Сахалин-2», при участии международных компаний, включая ONGC Videsh (Индия), отражает включённость региона в мировую энергетическую систему. Добыча углеводородного сырья ориентирована прежде всего на зарубежные рынки, главным образом государства Азиатско-Тихоокеанского региона, что позволяет региону быть активно включенным в мировые хозяйственные процессы. Социально-экономическое развитие Сахалинской области формируется под воздействием разнообразных мировых факторов, среди которых и динамика цен на энергоносители на мировых рынках, и международные инвестиционные потоки.

Социально-экономические процессы внутри региона, такие как развитие инфраструктуры, уровень занятости и бюджетные поступления, также существенным образом формируются под воздействием федеральной (национальной) экономической политики.

Так, изменения в федеральной бюджетной политике напрямую отражаются на доходах региона и его возможностях финансирования развития. Например, перераспределение налоговых поступлений от проекта «Сахалин-2» в пользу федерального бюджета привело к снижению региональных доходов, что ограничивает возможности финансирования инфраструктуры и социальной сферы. По итогам 2024 г. из бюджета Сахалинской область в федеральный бюджет было перечислено около 220 млрд рублей налоговых доходов [Объем налоговых доходов…, 2025]. Одновременно часть средств возвращается в регион в форме межбюджетных трансфертов и федерального финансирования (например, на инфраструктурные и социальные проекты), однако их объем и направления зависят от решений федеральных органов власти.

Кроме того, федеральные решения по бюджетному регулированию могут изменять статус региона и его финансовые обязательства. В частности, в 2025 г. Сахалинская область была включена в перечень субъектов, участвующих в софинансировании федеральных проектов, что означает перераспределение части региональных ресурсов на общегосударственные задачи [Строева В., 2025].

Таким образом, пример Сахалинской области показывает, что региональная экономика функционирует как часть национальной системы и одновременно встроена в глобальное экономическое пространство, находясь под влиянием процессов разного уровня.

Применение положений системного подхода дает возможность эффективно управлять процессами устойчивости региональных экономических систем, когда при обеспечении целенаправленного влияния на отдельные компоненты-составляющие результат распространяется на всю систему в целом.

В качестве примера можно рассмотреть развитие Республика Татарстан, где принципы системного подхода реализуются через взаимодействие промышленного и инновационного секторов.

Системообразующую роль в регионе играет ПАО «Татнефть», деятельность которой оказывает влияние не только на добычу нефти, но и на перерабатывающую промышленность, транспорт, рынок труда и бюджетную обеспеченность территории. Развитие нефтехимического кластера, в частности в городе Нижнекамск, способствовало формированию устойчивых производственных и кооперационных связей, а также росту сопутствующих отраслей.

Параллельно создание инновационной среды, включая особую экономическую зону Иннополис, обеспечило приток инвестиций в высокотехнологичные направления и расширение экономической структуры региона. В результате воздействие на отдельные элементы региональной системы обусловило комплексные изменения, проявляющиеся в повышении экономической устойчивости, развитии инфраструктуры и улучшении социально-экономических показателей.

В частности, речь идет о применении синергетического эффекта (когда в результате относительно незначительного изменения итогом управленческого воздействия становиться более значительный результат) или эмерджентного эффекта (когда в результате целенаправленного управленческого воздействия на элемент системы получается принципиально отличающийся и качественно новый результат во всей системе). Показательным примером здесь может выступить успешный территориальный маркетинговый проект в региональной экономике – создание официальной резиденции русского Деда Мороза в Вологодской области, включающего лесную резиденцию сказочного персонажа, историческую городскую среду, туристическую инфраструктуру. Этот туристический центр ежегодно привлекает сотни тысяч туристов (если в 2000 г. количество туристов, приезжающих на территорию, составляло порядка 2 тыс. человек в год, то в 2024 г. поток туристический достиг рекордного показателя в 620 тыс. человек в год), эксперты отмечают что «фактор Деда Мороза» привел и увеличению общего туристического потока по Вологодской области за этот же период: с 1 млн человек до 3 млн человек в год. Общий объем инвестиций в территорию Великого Устюга составил порядка 4 млрд рублей, которые позволили развить необходимую городскую и туристическую инфраструктуру, это привело к синергетическому эффекту: значительному росту количества гостиниц в городе за указанный период (с 1 до 40), а также предприятий общественного питания – с 6 до 80. В результате предпринятых мер в экономике Великого Устюга было создано около 6000 рабочих мест [Новомлинская Е., 2025].

Аналогичный подход может быть применен и в территориальном разрезе, когда корректное целенаправленное воздействие на какую-либо территорию (муниципалитет) внутри региона может оказать положительное воздействие на развитие иных, главным образом соседних, или связанных кооперационными связями муниципалитетов.

В качестве иллюстрации можно привести опыт Калужской области, где развитие отдельных муниципальных образований стало источником роста для соседних территорий.

Целенаправленное формирование индустриальных площадок в городе Калуга и прилегающих районах позволило сконцентрировать инвестиции и создать современные производственные мощности. Размещение крупных промышленных компаний, таких как Volkswagen Group и Peugeot Citroën (до 2023 г., после ухода западных компаний предприятия были перезапущены с участием российских инвесторов и новых зарубежных партнёров), что обеспечило рост занятости и развитие инженерной и транспортной инфраструктуры.

Полученный экономический импульс распространился за пределы локальных зон: активизировалось развитие малого бизнеса, логистики, строительного сектора и социальной инфраструктуры в соседних муниципалитетах. Усилились кооперационные связи между предприятиями различных территорий региона.

Тем самым адресное воздействие на отдельные муниципалитеты привело к формированию устойчивого межтерриториального эффекта, подтверждая, что

развитие одной локальной территории может выступать драйвером роста для более широкого регионального пространства.

Идея поступательного развития территорий за счет развития «точек роста» не новая для региональной экономики: в 50-х гг. XX в. в Перру Ф. [Перру Ф., 2025] сделал вывод, что на основе «диффузии инновации» «точки роста» отдельных территорий способствуют развитию иных производств и этим обеспечивают сбалансированное развитие региона, ликвидируя причины внтурирегиональной асимметрии.

В последующих исследованиях также изучались вопросы развития расширяющихся производств, которые расположены в городской местности и способствуют развитию на свей территории региона [Будевиль Ж. Р., 1993].

Подобные концепции разрабатывались и для российских реалий, так еще в 1993 г. была опубликована Концепция поляризованного развития Пермской области [Сапиро Е. С., Пыткин А. Н., 1993], в которой изложено практическое применение принципа «поляризованного развития», базирующегося на том, что рост производства происходит не повсеместно, а в отдельных «точках роста» («пропульсивных» предприятиях) и потом распространяется на прилегающую территорию. Подобные предприятия должны иметь достаточный масштаб деятельности, быть прогрессивными и принадлежать к быстроразвивающейся отрасли, обладая при этом разветвленными кооперационными связями с другими предприятиями региона. Эксперты отмечают, что некоторые идеи, высказанные в Концепции, получили свое развитие в современной хозяйственной деятельности региона (например, проект территории опережающего социально-экономического развития «Чусовой», интеграция новых современных производств в ПАО «Метафракс» и др.) [Блусь П. И., 2020, с. 656–677].

В качестве иллюстрации реализации принципа «поляризованного развития» в современных условиях можно привести пример формирования территории опережающего социально-экономического развития «Чусовой» в Пермском крае. В рамках данной территории осуществляется онцентрированное развитие производственного развития территории, происходит активизация инновационного и инвестиционного потенциала, активизируются процессы модернизации основных фондов. По состоянию на 2025 г. территория опережающего социально-экономического развития «Чусовой» демонстрирует устойчивую положительную динамику. В 2025 г. статус резидентов территории имеют 17 организаций, которыми создано более 1600 рабочих мест в рамках реализуемых инвестиционных проектов [ТОР «Чусовой», 2025]. Территория опережающего социально-экономического развития «Чусовой» функционирует как эффективная «точка роста», обеспечивая локальное развитие и формируя мультипликативный эффект для экономики всего региона.

Таким образом, оказывая влияние на один фактор в региональной экономической системе появляется возможность осуществлять воздействие на все остальные системные элементы даже если такое влияние осуществляется на от-

дельно взятой территории, что позволяет с максимальной эффективностью достигать поставленных перед региональной экономической системой ключевых целей.

Список источников

1. Boudeville J. Problems of regional economic planning. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966. 192 p.

2. Блусь П. И., Ганин О. Б. Пространственные аспекты и предпосылки агломерирования старопромышленных территорий Западного Урала // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2020. – Т. 12. – № 4. – С. 656–677.

3. Гарипова В. В. Цифровая трансформация муниципалитетов на основе реализации концепции «точки роста» // Технологическое предпринимательство: пространство высших компетенций: сб. материалов XVIII Российского венчурного форума, Казань, 25–26 апреля 2024 г. – Казань: Научный центр безопасности жизнедеятельности АН РТ, 2024. – С. 158–171.

4. Концепция поляризованного развития Пермской области / под общ. ред. Е. С. Сапиро. Пермь: [б. и.], 1993. – 62 с.

5. Новомлинская Е. Секреты Великого Устюга. Как город научился зарабатывать на Деде Морозе // Среда для жизни. URL: https://средадляжизни.рф/journal/articles/sekrety-velikogo-ustyuga-kak-gorod-nauchilsya-zarabatyvat-na-dede-moroze/ (дата обращения: 02.04.2026).

6. Строева В. Сахалин и новые обязательства: поправки в федбюджет сделают регион донором? [Электронный ресурс]. URL: https://dvobozrenie.ru/news/bjudzhet-sahalina (дата обращения: 02.04.2026).

7. Объем налоговых доходов регионов Дальнего Востока за год вырос на 11% [Электронный ресурс]. URL: https://vostokgosplan.ru/obem-nalogovyh-dohodov-regionov-dalnego-vostoka-za-god-vyros-na-11 (дата обращения: 02.04.2026).

8. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения / пер. с англ. А. П. Горюнова // Пространственная экономика. – 2007. – № 2. – С. 77–93.

9. ТОР «Чусовой» [Электронный ресурс]. URL: https://news.chustoser.ru/toser (дата обращения: 02.04.2026).

Сведения об авторе

Емельянов Николай Петрович – врио ректора, Гатчинский государственный университет, г. Гатчина, Российская Федерация, e-mail: mail@gief.ru

УДК 332.1
ГРНТИ 06.61

Роль консалтинговых услуг в современном развитии регионов

М. С. ЗВЕРЕВА

В исследовании дан анализ роли консалтинговых услуг в современном развитии регионов. В работе рассматривается значение консалтинга как инструмента повышения эффективности управления территориальным развитием, стимулирования инвестиционной активности и внедрения инновационных решений на региональном уровне. В статье даётся общая характеристика консалтинговой деятельности, её ключевых направлений и вклада в социально-экономическое развитие территорий. Приводятся актуальные данные о количестве консалтинговых фирм в России в 2025 г., анализируется динамика их развития и географическое распределение по регионам. Особое внимание уделяется выявлению ключевых проблем, сдерживающих развитие консалтинговых услуг в современном мире: дефицит квалифицированных кадров, высокая стоимость услуг для малого и среднего бизнеса, недостаточная осведомлённость региональных заказчиков о возможностях консалтинга, низкий уровень доверия к консультантам, фрагментарность рынка и отсутствие единых стандартов качества. Результаты исследования могут быть полезны для представителей органов власти, ответственных за региональное развитие, руководителей консалтинговых компаний, предпринимателей, а также специалистов в области образования и управления.

Ключевые слова: консалтинговые услуги, развитие регионов, региональное управление, инвестиционная активность, рынок консалтинга.

Деятельность по оказанию консалтинговых услуг регулируется лишь главой 39 «Возмездное оказание услуг» Гражданского кодекса Российской Федерации. Больше никаких прямых законодательных актов, законов, рекомендаций не существует в области финансового консалтинга, да и консалтинга в целом.

На наш взгляд, большим упущением является тот факт, что деятельность по оказанию консалтинговых услуг никак не регулируется федеральными законодательными актами.

Многие путают аудиторскую деятельность с консалтинговыми услугами. Отличие есть не только в самой специфике, но и в регулировании данной деятельности. Аудиторская деятельность регулируется как федеральным законом России, так и международными стандартами аудита.

На сегодняшний день рынок консалтинговых услуг в России сформировался довольно неплохо, услуги оказывают не только отечественные компании, но и зарубежные. Преимущество первых заключается в том, что они знают специфику национальной экономики, основы законодательного права и существенных положений российского законодательства. Государство неоднократно отмечало важность развития финансового консалтинга в России, поддержке бизнеса в этом направлении и стимулировании инвестиций. Но вот о нормативном регулировании разговоры ходят довольно долго и давно, а результата так и не наблюдается.

В 1996 г. был издан акт об утверждении Квалификационного минимума по специализированному экзамену для специалистов по корпоративным финансам. Данный документ включал в себя пункты про основы деятельности финансовых

консультантов на рынке ценных бумаг: государственное регулирование деятельности, гражданско-правовые основы деятельности финансовых консультантов, этические вопросы по деятельности консультантов в области финансов [4, с. 65–67]. А уже в 2003 г. оно утратило силу на основании распоряжения федеральной комиссии по рынку ценных бумаг.

После событий февраля 2022 г. многие иностранные компании ушли с российского рынка вовсе, либо продали свой бизнес отечественным компаниям или отдельным гражданам. Многие аналитики давали довольно пессимистические оценки дальнейшего положения всего рынка консалтинговых услуг и финансового консалтинга, в частности. Тем не менее рынок не то, что не рухнул, он еще и хорошие показатели роста демонстрирует.

На сегодняшний день большая востребованность в квалифицированных кадрах, а поэтому и большая надежда возлагается на университеты, готовящие таковых специалистов. Многие аналитики говорят о том, что рынок финансового консалтинга в 2022 г. сократился по крайней мере в два, а то и больше, раза. Большинство компаний начали уходить с рынка, боятся ограничений со стороны правительства страны юридической регистрации, многие начали менять правила организации своей деятельности и поэтому потеряли должную привлекательность. Также, стоит отметить, что масштаб компании влиял на ее восприимчивость рисков, поэтому принимать решение об уходе с российского рынка было проще.

Еще в 2000-х гг. установилась определенная иерархия на российском рынке финансового консалтинга. Он был разделен на верхний и второй эшелон компаний. В верхнюю нишу входили такие компании как McKinsey, BCG и Bain, которые еще именовались компаниями большой тройки, а сейчас объединились в одну – Яков и партнеры, в честь генерального директора Якова Сергиенко.

В России нет консалтинговых компаний, оказывающих конкретно финансовые консультации и услуги в области финансов, поэтому логичнее рассматривать рынок консалтинговых услуг в целом, но выделяя из него финансовый [3, с. 233–237].

На рынке консалтинговых услуг за последние два года ожидалось сильное повышение спроса на разработку стратегического развития компаний, разработку логистических стратегий и даже стратегий возможного импортозамещения. Но ожидания высоких спросов так и не оправдались: компании самостоятельно справились со всеми трудностями и смогли преодолеть данный этап.

Наоборот, эксперты многих консалтинговых компаний России говорят о повышении спроса на разработку и ведения бизнес-планов, ведение бухгалтерской отчетности, консультационных услуг в области инвестиционных проектов компании.

Также множество запросов и на консультационные услуги в области управления компанией, отдельными подразделениями. На сегодняшний день многие компании, да и население страны, не знает, что будет дальше, а предугадать и разработать при этом действенную стратегию удается не всем [1, с. 17–18]. По-

этому, многие обращаются за консультациями в области антикризисного управления, в области дальнейших изменений стратегии организации, дальнейшего осуществления своей деятельности и основ, на которые можно опереться.

С появлением новых организаций повышается спрос на разработку маркетинговых стратегий, ведения отчетности, бизнес-планов для еще не созданных организаций и предприятий, а также в обычных консультациях по новым проектам и финансовым инвестициям. Со стороны населения также повышается спрос на услуги финансового консалтинга. В 2025 г. появился ИИС третьего, нового типа, к которому у граждан повышенный интерес. А если введут дополнительное страхование вложенных средств, то спрос увеличится в несколько раз.

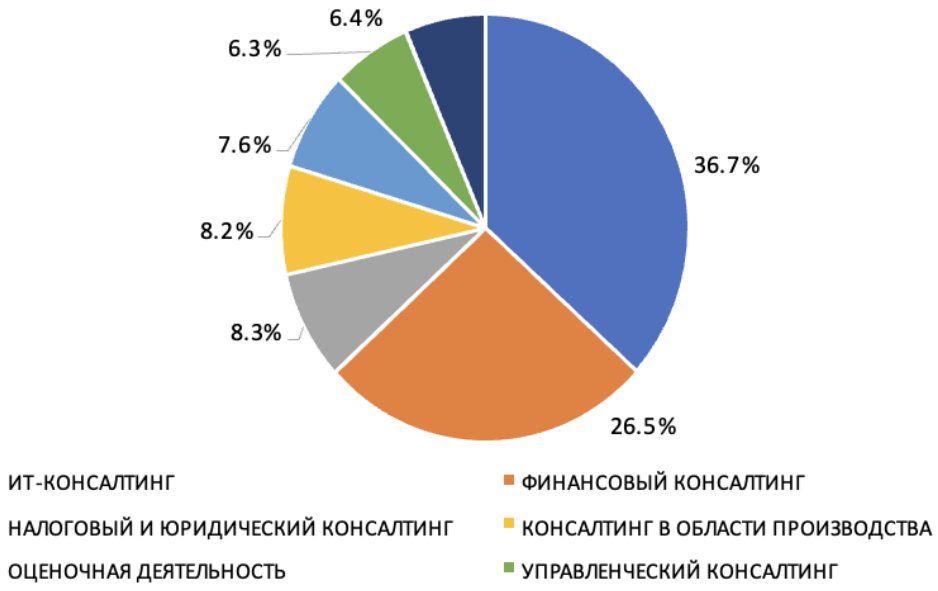

Рис. 1. Распределение выручки консалтинговых компаний России в 2025 г. по направлениям деятельности

Интересным фактом является и то, что ведущие специалисты и эксперты российских консалтинговых компаний отмечают, что за антикризисным управлением, повышением эффективности производства чаще всего обращаются дочерние компании иностранных организаций. Также, отмечается, что такие компании остались без должного управляющего воздействия со стороны зарубежных материнских компаний.

По рис. 1 можно заметить, что финансовый консалтинг занимает вторую позицию по уровню востребованности и выручке. Эта информация говорит нам о том, что компании стремятся наладить устойчивое развитие своего бизнеса в кризисные периоды и подготовить его к определенным изменениям и геополитической напряжённости. Также, в рамках последних событий не у каждого бизнеса есть собственные трудовые ресурсы для определения специфичных и сложных задач, а значит, есть необходимость в консалтинговых услугах.

Стоит отметить, что кризисные ситуации за последние годы дали некий толчок российским компаниям на развитие отечественного рынка консалтинговых

услуг. Санкционные ограничения также дают новые возможности для развития цифровых продуктов отечественных банков.

Многие компании также утверждают о развитии своей деятельности на территории дружественных стран, что довольно положительно скажется на экономическом росте и развитии нашей страны. Возможно, и государству стоит рассмотреть стратегию или политику по мотивации отечественных компаний выходить на новые территории и рынки.

Как физические, так и юридические лица довольно часто в последнее время начали увлекаться инвестициями и рассматривать их как альтернативный метод получения дохода [2, с. 133]. На сегодняшний день отсутствует полноценная и бесплатная площадка для реализации своих инвестиционных идей. Полноценной называется та площадка, где бесплатно и без чьей-либо помощи можно пройти и обучение, повысить свои знания, правильно сформировать свою финансовую цель, обозначить доступные инструменты в так называемой точке «А», а также определить свой риск-профиль и собрать под него инвестиционный портфель.

На просторах консалтинговых компаний России все-таки нашлась компания, которая имеет целый блок услуг по финансовому консультированию физических лиц.

BRP ADVICE – консалтинговая компания под управлением индивидуального предпринимателя Виктора Рыбцева. Основана компания в 2012 году, имеет на сегодняшний день более 20 тысяч пользователей своих финансовых моделей, а также более 500 учеников, которые прослушали онлайн курсы компании. Клиентами являются такие крупные компании как Газпром, Евраз, Магнитогорский металлургический комбинат и другие.

Компания занимается распространением мифов и донесением информации в области вложения денег, закрытия кредитов, оформления КАСКО, ДМС и страховании недвижимости, а также как получить налоговые вычеты, использовать различного рода льготы и другие области, в которых осуществляются действия с денежными средствами.

Среди услуг в области финансового консалтинга можно выделить:

– составление инвестиционной стратегии индивидуально для каждого клиента и помощь в юридическом оформлении инвестиционных решений;

– подготовку личного финансового плана под каждую конкретную цель клиента;

– разработку карьерного плана в области финансов и организация консультационной встречи.

Также компания занимается обучением и просвещением в области финансов и финансовой грамотности по конкретным направлениям – финансовое моделирование, финансовый анализ, финансовый менеджмент. Обучение в среднем длится от 21 академического часа до одной недели. Стоимость обучения варьируется от 7 000 рублей до 60 тысяч рублей.

Также, довольно часто в обычной жизни хочется с кем-то посоревноваться, поделиться своими успехами или просто обсудить что будет дальше на рынке, а сделать это с финансовым консультантом не представляется возможным.

Необходимо создать платформу или отечественное программное обеспечение, которое будет эффективно в применении. Включать она будет: тест на определение риск-профиля, котировки акций, облигаций, валюты и других финансовых инструментов, прогноз и данные технического и фундаментального анализа, конструктор финансовой цели по принципу SMART, место для комментариев и обсуждения, сравнение своих активов, демо-счет, модельные портфели, обучающие курсы. Так как это будет отечественная разработка, то Банку России и другим государственным органам будет выгодно сотрудничество с ней. Это предоставляет возможность подключить обучающие курсы с государственных платформ по повышению финансовой грамотности населения нашей страны.

Рис. 2. Примерное изображение начальной страницы отечественной разработки, предлагаемой автором

На рис. 2 можно увидеть примерное расположение каждого блока, необходимого при разработке. В каждом разделе должен быть представлен материал-наполнение, соответствующее наименованию.

С помощью реализации данного проекта можно не только привлечь население к инвестиционным процессам, накоплениям на свои цели и мечты, ранний выход на пенсию, но и повысить уровень благосостояния и финансовой грамотности. К тому же, если это поможет привлечь должный интерес, то возможно и государство заинтересуется в спонсировании данных идей, а в особенности, если будет возможно привлечение студентов для реализации данной идеи, так как практический опыт как никогда важен.

Список источников

1. Макарова М. В. Управленческий консалтинг в сфере образования: учеб. пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 79 с.
2. Нешитой А. С. Финансы: учебник. – 12-е изд., стер. – М.: Дашков и К°, 2020. – 352 с.

3. Финансовый консалтинг: учебник / Л. И. Юзвович, М. И. Львова, Н. Н. Мокеева [и др.]; под ред. проф. Л. И. Юзвович, доц. М. И. Львовой; М-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 532 с.

4. Финансовый консалтинг: учеб. пособие / В. Ю. Цибульникова; под ред. доц. В. Ю. Цибульниковой; М-во науки и высшего образования РФ. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2018. – 128 с.

Сведения об авторе

Зверева Мария Сергеевна – аспирант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0000-5005-1023, e-mail: m.zvereva@lengu.ru

УДК 338.242
ГРНТИ 06.54.51

Цифровой сдвиг: как онлайн-инструменты стали ключевым фактором конкурентоспособности

Л. И. КОНОВ

В статье представлен анализ влияния цифровых инструментов на конкурентоспособность современных компаний в условиях цифровой трансформации экономики. В работе рассматриваются ключевые категории онлайн-инструментов (CRM- и ERP-системы, Big Data и аналитика, платформы для удалённой работы), их роль в оптимизации бизнес-процессов и повышении эффективности деятельности организаций. На конкретных примерах российских и международных компаний демонстрируются количественные результаты внедрения цифровых решений: рост прибыли, повышение конверсии и среднего чека, сокращение издержек, ускорение обработки заказов и другие показатели. Отдельно анализируются вызовы и риски, связанные с цифровой трансформацией: высокие начальные затраты, проблемы кибербезопасности, сопротивление персонала изменениям, сложности интеграции новых систем с существующей инфраструктурой.

Ключевые слова: цифровой сдвиг, цифровая трансформация, конкурентоспособность бизнеса, онлайн-инструменты, оптимизация бизнес-процессов, внедрение цифровых технологий, риски цифровизации.

В условиях глобальной цифровизации онлайн-инструменты перестали быть вспомогательным элементом бизнес-процессов – они превратились в ключевой фактор конкурентоспособности. Компании, интегрирующие цифровые решения, получают преимущества в скорости реагирования на изменения рынка, качестве обслуживания клиентов и эффективности внутренних операций.

Цель данного исследования заключается в анализе влияния цифровых инструментов на конкурентоспособность бизнеса и определении наиболее эффективных решений для разных сфер деятельности.

Цифровой сдвиг (digital shift) – это процесс трансформации бизнес-моделей и операционных процессов под влиянием цифровых технологий. Он затрагивает способы взаимодействия с клиентами, методы сбора и анализа данных, организацию внутренних коммуникаций, подходы к управлению ресурсами. Ключевая особенность цифрового сдвига – не просто внедрение отдельных технологий, а комплексное изменение всей бизнес-экосистемы [1, с. 24–25].

К современным онлайн-инструментам, влияющим на конкурентоспособность, обычно относят CRM-системы, с помощью которых бизнес автоматизирует продажи и маркетинг и персонализирует свои предложения на основе данных о клиентах, что приводит к повышению лояльности последних за счет качественного сервиса. Помимо таких систем, существуют еще ERP-системы, способные интегрировать все бизнес-процессы в единую систему, оптимизировать управление запасами и финансами, что позволяет снижать операционные издержки [5, с. 87–89]. Для прогнозирования спроса, выявления скрытых закономерностей в поведении клиентов и принятия решений на основе объективных

данных, бизнес часто приходят за помощью к различным инструментам аналитики и Big Data.

В современном мире среди актуальных и популярных инструментов цифровизации бизнеса можно найти различные платформы для удаленной работы, которые появляются довольно часто и в разном масштабе: многие предприниматели создают собственные платформы, включая туда те функции и качества, которые необходимо именно в их сфере деятельности. Это помогает обеспечить бесперебойную работу, ускорить процессы согласования и принятия решений, а также снизить затраты на офисное пространство.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение онлайн-инструментов сопряжено с рядом серьёзных вызовов и рисков, которые компаниям необходимо учитывать при планировании цифровой трансформации. Прежде всего, это высокие первоначальные затраты: инвестиции требуются не только на приобретение и развёртывание самих технологий, но и на обучение персонала, который должен освоить новые инструменты и адаптироваться к изменившимся процессам работы. Не менее актуальной проблемой выступает вопрос кибербезопасности: по мере того как компания наращивает свой цифровой след, расширяя использование онлайн-сервисов и накапливая массивы данных, растёт и число потенциальных уязвимостей – увеличивается риск кибератак, утечек конфиденциальной информации и других инцидентов, способных нанести серьёзный ущерб репутации и финансам организации.

Дополнительным барьером становится сопротивление изменениям со стороны сотрудников: многие работники, особенно те, кто долгое время применял традиционные методы работы, воспринимают нововведения настороженно – им сложно перестроиться, освоить непривычные инструменты и принять новые регламенты, что может замедлить процесс внедрения и снизить общую эффективность трансформации. Эту проблему нужно решать уже на этапе образования, в том числе дополнительного [6, с. 205–206].

К этому добавляется зависимость от поставщиков IT-решений и облачных сервисов: выбирая сторонние платформы, компания во многом делегирует контроль над критически важными процессами внешним подрядчикам, что создаёт риски в случае сбоев в работе сервиса, изменения ценовой политики поставщика или прекращения поддержки продукта.

Наконец, нельзя игнорировать и сложности интеграции новых цифровых систем с уже существующими бизнес-процессами и ИТ-инфраструктурой. Нередко оказывается, что современные онлайн-инструменты плохо совместимы с устаревшими корпоративными системами, требуют доработки или глубокой перенастройки, что влечёт дополнительные затраты времени и ресурсов, а также может временно нарушить стабильность работы отдельных подразделений [3, с. 54]. Все эти факторы в совокупности требуют от бизнеса взвешенного подхода: тщательной оценки рисков, продуманного планирования этапов внедрения и разработки стратегий минимизации потенциальных негативных последствий цифровой трансформации.

Тем не менее, поскольку цифровые инструменты всё активнее проникают в бизнес-процессы, и реальные примеры компаний наглядно показывают, как внедрение таких решений влияет на конкурентоспособность, целесообразно выявить сложности, которые могут возникнуть на этом пути.

Возьмём, к примеру, CRM-системы. Компания «СпецГрузТранс», работающая в сфере B2B-логистики, внедрила CRM для автоматизации рутинных задач и улучшения управления клиентами. Результат за год впечатлил: прибыль выросла на 40 % – с 150 млн в 2018 г. до 210 млн рублей к началу 2025 г., конверсия сделок поднялась с 20 до 45 %, а расходы на привлечение клиента снизились на 30 %. Всё это стало возможным благодаря точной аналитике и повышению эффективности работы менеджеров.

Не менее показателен опыт стоматологической клиники «ДентТайм». Она интегрировала CRM с медицинской картой пациента, настроила автоматические напоминания о профилактических осмотрах, днях рождения и окончании гарантийного срока на процедуры. Дополнительно была запущена программа лояльности с накопительными скидками. В итоге количество повторных визитов выросло на 52 %, средний чек увеличился на 29 % за счёт рекомендаций дополнительных процедур, а время записи на приём сократилось с 5 до 2 минут.

Однако внедрение CRM не лишено сложностей. Компании сталкиваются с высокими начальными инвестициями в покупку системы, обучение персонала и интеграцию с существующими процессами. Нередко возникает сопротивление со стороны сотрудников, не готовых к изменениям, а также необходимость постоянной поддержки и обновления системы.

Перейдём к ERP-системам. «Себряковцемент», предприятие по производству цемента, внедрила 1С:ERP для создания единой информационной системы учёта и управления. Это позволило снизить производственные издержки на 7 %, сократить операционные и административные расходы на 15 %, а также ускорить обработку заказов на 13 %.

Девелоперская компания «ЛенРусСтрой» также внедрила ERP-систему для оптимизации управления проектами. Благодаря этому удалось автоматизировать планирование сроков выполнения, контролировать строительство в режиме реального времени, анализировать рабочие процессы онлайн и повысить исполнительскую дисциплину. Но процесс внедрения оказался длительным и сложным: потребовалась тщательная координация между отделами, значительные затраты на настройку системы под специфику компании и переподготовку персонала. На этапе запуска возникали сбои, которые могли приводить к временным простоям.

Работа с Big Data и аналитикой тоже даёт впечатляющие результаты. Procter & Gamble использовала Big Data и машинное обучение для оптимизации цепочек поставок. В результате складские запасы сократились на 25 %, что сэкономило десятки миллионов долларов, повысилась точность прогнозирования спроса и улучшилась координация между подразделениями и поставщиками.

Walmart создала гибридную облачную инфраструктуру, обрабатывающую до 5 петабайт данных ежедневно. Это помогло прогнозировать спрос и оптимизировать запасы, сократив случаи отсутствия товара на полках на 30 %, улучшить

управление запасами по всей сети магазинов и повысить удовлетворённость клиентов. Однако работа с большими данными потребовала серьёзных инвестиций в инфраструктуру и специалистов, а также породила вопросы конфиденциальности и защиты персональных данных.

Инструменты для удалённой работы тоже доказали свою эффективность. Airbnb, перейдя на удалёнку, внедрила онлайн-сессии с психологами и виртуальные «кофейные перерывы» для снижения стресса и выгорания сотрудников. В результате выросла производительность команды и снизилась текучесть кадров. Следует отметить, что сейчас достаточно внушительное количество компаний внедряет совместные практики с психологами, занатия йогой и другой досуг в онлайн-взаимодействие между коллектив, улучшая тем самым корпоративную культуру.

«Билайн» с 2016 г. развивает проект BeFree, в рамках которого 70 % сотрудников работают удалённо. Компания внедрила гибкую систему компенсаций за использование личного оборудования и ввела правило «право на оффлайн» для борьбы с выгоранием. Это повысило продуктивность команды, снизило уровень стресса и улучшило баланс между работой и личной жизнью. Но вместе с тем возникли и сложности: изоляция сотрудников, размывание границ между работой и отдыхом, риски безопасности данных при использовании личных устройств и трудности адаптации новых сотрудников в удалённом формате.

Анализируя примеры внедрения цифровых инструментов в бизнес-процессы, можно сказать, что они действительно способны кардинально повысить конкурентоспособность компаний. Они помогают повышать прибыль и эффективность бизнес-процессов, улучшать клиентский сервис и масштабировать бизнес без пропорционального роста затрат.

Однако успех зависит от взвешенного подхода: важно грамотно выбирать инструменты под конкретные задачи, внедрять их поэтапно, инвестировать в обучение персонала и постоянно отслеживать результаты. При этом необходимо учитывать и риски – высокие начальные затраты, сложности интеграции, угрозы кибербезопасности и сопротивление изменениям со стороны команды. Только комплексный подход позволит извлечь максимальную выгоду из цифровой трансформации и сделать её по-настоящему эффективной.

Таким образом, чтобы минимизировать риски и максимизировать эффект от внедрения цифровых инструментов, компаниям стоит придерживаться комплексного подхода, основанного на нескольких ключевых принципах. Прежде всего – постепенность: не стоит пытаться охватить всё сразу, лучше начинать с пилотных проектов и тестировать новые решения на отдельных подразделениях. Это позволит оценить реальную пользу технологии в конкретных условиях, выявить потенциальные сложности и внести необходимые корректировки до полномасштабного внедрения.

Не менее важно уделять пристальное внимание обучению персонала: инвестиции в повышение цифровой грамотности сотрудников – не расход, а стратегическое вложение. Когда команда понимает логику новых инструментов и умеет эффективно их использовать, переход проходит гладко, а отдачу от технологий удаётся ощутить гораздо быстрее.

Следующий значимый принцип – фокус на данных. На каждом этапе внедрения необходимо собирать и анализировать метрики эффективности: сколько времени экономит новый инструмент, как меняется конверсия или производительность, насколько сокращаются издержки. Объективные данные помогают принимать взвешенные решения – вовремя масштабировать успешные решения или оперативно корректировать те, что не оправдывают ожиданий [4, с. 152].

Гибкость – ещё один критически важный аспект. Выбирать стоит масштабируемые решения, которые можно адаптировать под меняющиеся условия рынка и растущие потребности бизнеса. Система, которая хорошо работает сегодня, завтра может оказаться недостаточно функциональной, поэтому важно заранее предусмотреть возможность расширения функционала и интеграции с другими сервисами.

Наконец, нельзя пренебрегать безопасностью. Внедрение многоуровневой защиты данных и регулярный аудит IT-систем должны стать неотъемлемой частью цифровой стратегии [2, с. 204]. Это не только снижает риски кибератак и утечек информации, но и укрепляет доверие клиентов и партнёров к компании.

Подводя итог, отметим: цифровой сдвиг – не временная тенденция, а фундаментальное изменение бизнес-ландшафта. Онлайн-инструменты больше не являются роскошью – они стали обязательным условием выживания и роста в условиях жёсткой конкуренции. Компании, которые успешно интегрируют цифровые решения в свои процессы, получают сразу несколько весомых преимуществ: преимущество в скорости принятия решений, более глубокое понимание потребностей клиентов, оптимизацию затрат и возможность масштабирования без пропорционального роста издержек. В ближайшие годы роль онлайн-инструментов будет только усиливаться, и бизнесу необходимо не просто реагировать на изменения, а предвосхищать их, инвестируя в цифровые технологии уже сегодня.

Список источников

1. Акиндинов К. В. Цифровая трансформация российских организаций: тенденции за 2020–2024 годы / К. В. Акиндинов, А. С. Лосева, В. Б. Попова, В. В. Акиндинов // КиберЛенинка. – 2026.

2. Билык Т. Х. Цифровизация экономики России: проблемы и перспективы // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 6. – С. 199–210.

3. Портер М. Конкурентное преимущество. – М.: Альпина Паблишер, 2016.

4. Соколова А. П. Перспективы развития цифровой экономики в России / А. П. Соколова, О. С. Сухарева, Н. А. Медведев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2024. – № 1. – С. 149–156.

5. Тапскотт Д. Цифровая экономика. – М.: Эксмо, 2020.

6. Черкасская Г. В. Цифровизация экономического послевысшего образования: возможности образовательного стандарта и технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11-2. – С. 202–206. – DOI 10.23672/c1591-5906-1682-c.

Сведения об авторе

Конов Леонид Игоревич – аспирант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-1721-3341, e-mail: alesha-2012@list.ru.

УДК 332
ГРНТИ 06.56.21

Инновационная активность МСП как фактор экономического развития региона

Н. М. КОСМАЧЕВА

В статье рассматривается роль МСБ в контексте современного подхода к бизнес-инновациям, месте этого бизнеса в национальном и региональном инновационном процессе, системе сетевого взаимодействия.

Сделан вывод о необходимости повышения действенности региональной политики для развития инновационных «нишевых» зон малого бизнеса.

Ключевые слова: бизнес-инновации, глобальный инновационный индекс, микробизнес, ограничения.

МСБ является необходимым элементом, обеспечивающим определенную стабильность развития общества в турбулентных макроэкономических условиях посредством прямого воздействия на экономическую, социальную, экологическую сферы. Именно данный вид предпринимательства влияет на уровень качества жизни наиболее многочисленных слоев населения: базового и среднего; его масштабы определяют воздействие и на качество окружающей природной среды.

В соответствии с международным мнением, подкрепленным рядом документов[1] и статистикой отдельных стран, считается, что МСБ неразрывен с бизнес-инновациями и имеет большой потенциал укрепления этой взаимосвязи. За последние годы первоначальное понятие инноваций претерпело значительные изменения. Согласно четвертой редакции Руководства Осло, вышедшей в 2018 году: «Бизнес-инновация – это новый или улучшенный продукт, или процесс (или их комбинация), который существенно отличается от предыдущих продуктов или процессов организации и который стал доступен потенциальным пользователям или был внедрен в (процесс)» [1]. Такая позиция соответствует современному концепту определения инноваций и отражает смещение инновационного акцента со сферы НИОКР в технологические составляющие и их комбинации, при этом цифровизация является драйвером этого процесса.

Одним из общепризнанных измерителей инновационного потенциала страны сегодня является Глобальный инновационный индекс (GII) и его компоненты, где акцент делается на способности использования технологических инноваций. Фактически этот индекс отражает современный подход с новому пониманию инвестиций, их принципов, закрепленных в Руководстве Осло, разработанном совместно Евростатом и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Данные по позиции России в этом индексе представлены в таблице.

[1] Oslo Manual. URL: https://tubitak.gov.tr/sites/default/files/289/oslo2018.pdf; Исполнительное агентство Европейского совета по инновациям и малого и среднего бизнеса (EISMEA). URL: https://tubitak.gov.tr/sites/default/files/289/oslo2018.pdf (дата обращения: 25.03.2026).

Таблица

*Позиции России по основным направлениям измерения глобального инновационного индекса (GII) в 2020–2025 гг.**

Год	Место в GII	Условия, рейтинг					Результаты, рейтинг	
		Институциональные и правовые	Человеческий капитал и исследования	Инфраструктура	Прозрачность рынка	Развитие бизнеса	Развитие технологий и эк-ки знаний	Креативная деятельность
2020	47	71	42	60	55	42	50	60
2021	45	67	29	63	61	44	48	56
2022	47	89	27	62	48	44	51	48
2023	51	110	26	72	56	44	54	53
2024	59	126	39	76	57	53	52	53
2025	60	131	28	76	76	46	62	55

Источник: составлено по https://www.wipo.int

* в 2024 году в инновационное исследование входило 133 стран; в 2025 г. – 139 стран, рейтинг устанавливался из 78 показателей-индикаторов 53 отражают субъиндекс входов и характеризуют ресурсную составляющую и 25 – субъиндекс выходов, характеризующих полученный результат[1].

Из таблицы следует, что позиция России в данном индексе ухудшается (смещение с 45 места в 2021 г. на 60 в 2025 г.). По международным оценкам усложняются Российские условия инновационной активности, и как следствие – экономического роста, но способность прироста знаний остается достаточно высокой.

Поскольку МСБ занимает небольшой процент в структуре институтов, занимающихся фундаментальными и прикладными исследованиями, то актуально определять и место МСП в национальном инновационном процессе.

В 2025 г. доля МСБ в Российском ВВП несколько выросла и находилась в пределах 22 %[2], что по-прежнему, существенно ниже этой доли в развитых странах. Так, для сравнения, этот показатель в Европейских странах был следующим в 2022 г.: во Франции составлял более 42 %, в Германии превышал 46 %, Италии приближался к 63 %. В Китае МСБ признается драйвером развития экономики, и в 2025 г. его доля составляла 60 % ВВП, обеспечивая большую занятость городского населения (80 %) [2]. Косвенной причиной такой значительной разницы могут быть и страновые отличия критериев отнесения предприятий к МСБ, которые могут варьироваться в соответствии с отраслевой принадлежностью, как в

[1] Глобальный инновационный индекс – 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1085304545.html (дата обращения: 17.03.2026).

[2] URL: https://ko.ru/news/reshetnikov-dolya-msp-v-vvp-rossii-sostavlyaet-21-7 (дата обращения: 19.03.2026).

КНР. Китайская специфика такова, что именно МСП является основой экономического роста, базирующего на инновационных и высокотехнологичных достижениях.

За последние годы численность российская организаций МСП неуклонно растет и на начало 2026 г. лидерами по количеству субъектов МСП являлись: Центральный федеральный округ (31 %), Приволжский федеральный округ (17 %), Северо-Западный и Южный федеральный округа (11 %)[1].

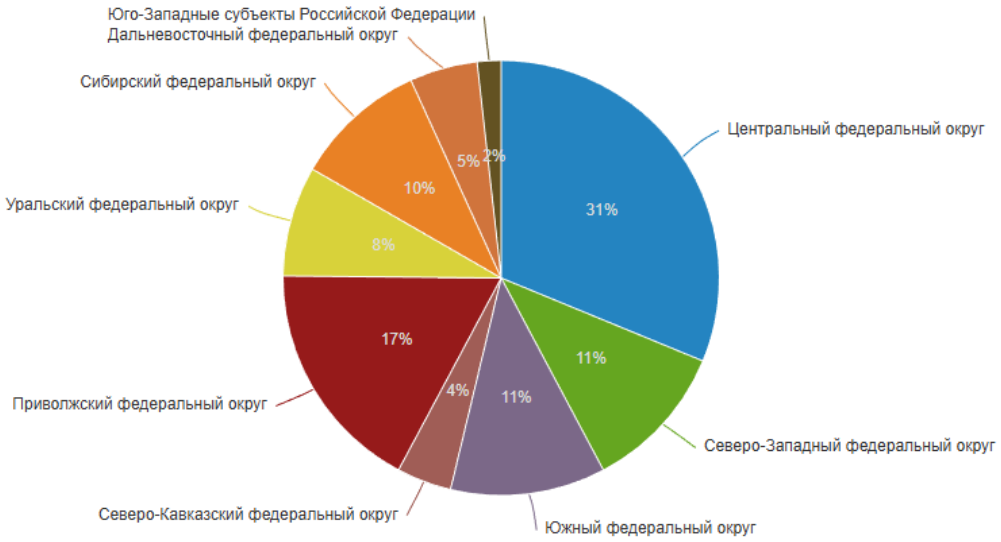

Рис 1. Процентное соотношение количества субъектов МСП
по регионам Российской Федерации по состоянию на 10.02.2026

Мы можем наблюдать положительную динамику численности субъектов МСП и трудоустроенных как в целом в России, а также на примере отдельных Федеральных Округов. Обратимся к Северо-Западному Федеральному округу и входящему региону (СЗФО) – Ленинградской области (ЛО), которая характеризуется наиболее действенной и разнообразной государственной поддержкой малого бизнеса[2].

На рис. 2, 3 представлена динамика субъектов МСБ как в целом по РФ, так и по СЗФО и входящей в него Ленинградской области.

[1] Составлено автором на основе Единого реестра субъектов МСП. URL: https://rmsp.nalog.ru/

[2] Ленобласть обошла регионы СЗФО – Rodionoff Group. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8608364

Рис. 2. Динамика численности субъектов МСБ в целом по РФ, СЗФО и Ленинградской области в 2023–2025 гг.

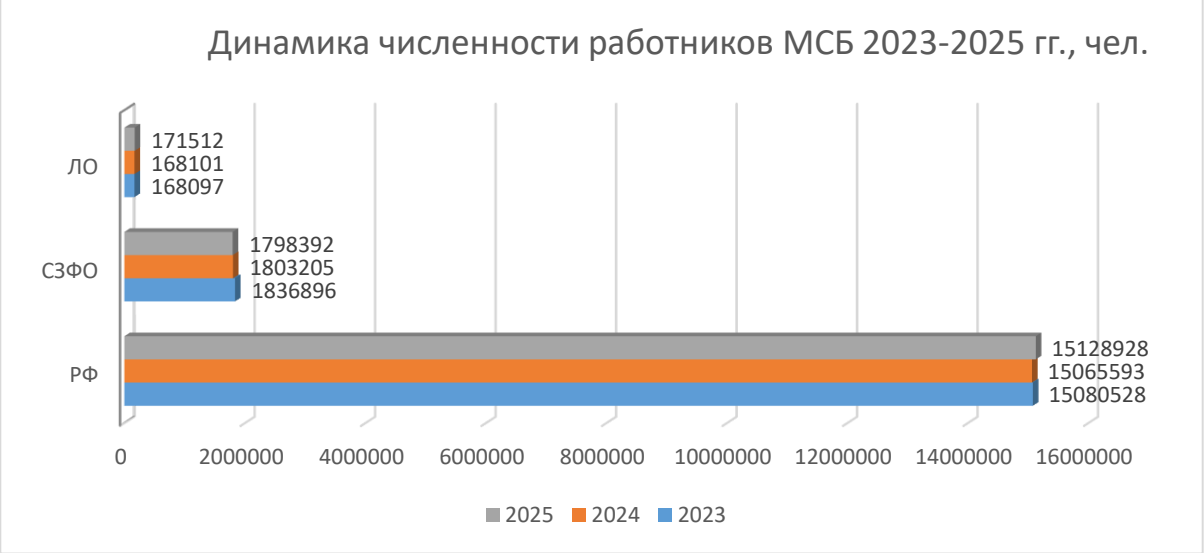

Рис. 3. Динамика численности занятых в субъектах МСБ по РФ, СЗФО и Ленинградской области в 2023–2025 гг.

Устойчивое увеличение показателей во многом связано с ростом микробизнеса при одновременном снижении числа непосредственно малых и средних предприятий. При этом, наиболее популярными видами деятельности при регистрации в соответствии с ОКВЭД являются:

47.91 – торговля розничная по почте или через Интернет – 20 %;

49.41 – деятельность автомобильного грузового транспорта – 15%;

41.20 – строительство жилых и нежилых зданий – 13%.

На 62.01 – разработку компьютерного программного обеспечения приходится только 6 %, а данные по классу 72 «Научные исследования и разработки»

и 74 «Деятельность профессиональная научная и техническая прочая» – отсутствуют.

Очевидно, что в области технологического развития и прироста знаний, учитываемых в GII, Российский МСБ занимает очень незначительную долю.

В СЗФО численность занятых в МСП за последние два года сохранялась на уровне 11 % от общей численности работников, при этом почти 50 % трудятся на микропредприятиях, а этот сектор занимает почти 90 % в численности организаций МСБ. Поскольку СЗФО относится к промышленно-развитому региону, то объективно, основная численность трудоспособного населения занята в производственной сфере крупного бизнеса, с частной и государственной собственностью. При этом, деятельность отдельных организаций обеспечивает государственную безопасность, что особенно актуально в современной геополитической ситуации, и МСБ может обеспечивать только вспомогательную роль.

Несмотря на то, что МСБ обладает способностью быстрой перенастройки в соответствии с изменяющейся конъюнктурой, высоким потенциалом к инновационным изменениям, ему присущи ресурсные ограничения, в то время как крупный и транснациональный бизнес, генерирующий огромные финансовые ресурсы, имеет стратегическое преимущество для проведения модернизации в своих целях. Процесс цифровизации в глобальном и национальном пространстве усиливает преимущественную рыночную позицию крупных корпораций за счет быстрой интеграции в оптимизированный процесс от создания до поставки потребителям продуктов и услуг, встраивания инновационных идей, продуктов в свои автоматизированные экосистемы, использующие преимущества Big Data, искусственного интеллекта, машинного обучения.

Российская практика в соответствии с мировыми тенденциями, демонстрирующая усиление процесса концентрации капитала на уровне крупного бизнеса, не может подтвердить существенной доли МСБ и инновациях, особенно когда технологические новации, использование ИИ стало повседневной реальностью, а санкционное давление, продолжающееся уже более 10 лет, является существенным системным ограничением для большинства видов бизнеса.

Несомненно, МСП потенциально имеет перспективы роста, но вероятность достижения статуса крупного бизнеса сейчас ничтожно мала и адаптационные преимущества, которые традиционно приписывались малому и среднему бизнесу, сегодня становятся стратегическим элементом развития крупного бизнеса.

Малый бизнес сегодня должен искать инновационные нишевые зоны, не выгодные крупному бизнесу. Но если эти направления станут достаточно прибыльными со временем, то без действенного антимонопольного контроля, этот бизнес быстро окажется в сфере интересов крупных игроков и перейдет в их собственность.

Несмотря на значительную государственную поддержку отдельных инновационных видов МСБ, чтобы грамотно воспользоваться льготами нужно иметь не только хорошую экономическую подготовку, предпринимательские способности, но и наиболее сложное – иметь много времени для формирования документации при оформлении, получении гарантийной поддержки и подготовки

отчетной документации, постоянной вовлеченности в работу консультационных структур региональных и муниципальных фондов. Все эти сложные временеемкие дополнительные обязанности отвлекают от творческой и инновационной деятельности.

Также, проводимые институциональные реформы, учитывающие требования глобальных технологических, управленческих, производственных стандартов, не всегда благоприятно сказываются на функционировании этого бизнеса в регионах. Так, например, сегодня фактически идет «двойное» налогообложение: государственное и «экосистемно-платформенное, когда значительная часть доходов «оседает» у владельцев электронных торговых платформ.

Таким образом, инновационность МСП сегодня находится в прямой зависимости от места в системе сетевого взаимодействия от зарождения идеи до доставки продукта или услуги целевому потребителю. При этом перемещение инноваций в технологическую сферу приводит к тому, что инновации быстрее всего внедряются не в производство, а в процесс формирования потребительских потребностей (рыночного спроса) и технологии доведения услуги потребителю. ИИ интеллект усилил значимость анализа средовых изменений, а значит и конкурентных преимуществ крупного бизнеса, что ослабляет большинство видов МСБ.

Поэтому для устойчивого развития региона, сохранения сбалансированности экономических и социальных процессов, необходимо повышать доступность финансовых, технологических, производственных ресурсов и увеличивать разнообразие стимулирующих инструментов МСБ. Соответственно, государственная региональная политика, становится определяющей.

Список источников

1. OECD/Eurostat (2018), Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition, The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities, OECD Publishing, Paris/Eurostat, Luxembourg. URL: https://doi.org/10.1787/9789264304604-en

2. Малый и средний бизнес – движущая сила инноваций и экономики Китая. URL: https://prc.today/malyj-i-srednij-biznes-dvizhushhaya-sila-innovaczij-i-ekonomiki-kitaya/

Сведения об авторе

Космачева Надежда Михайловна – доктор экономических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3229-8054, e-mail: n.kosmacheva@lengu.ru

УДК 332.1
ГРНТИ 06.61

Подходы к рассмотрению экономического пространства: возможности и ограничения

В. П. КУДРЯШОВ

В рамках данной статьи рассматриваются научные подходы к определению экономического пространства, а также компонентам, формирующим его внутреннее строение. Кроме того, обращается внимание на возможности и ограничения различных точек зрения при попытке определить многогранный термин «экономическое пространство».

Ключевые слова: экономическое пространство, системный подход, территория, единство экономического пространства, институционализм.

На современном этапе траектория развития экономического пространства характеризуется аккумулированием всех видов ресурсов, при этом пространственный потенциал определяется как один из важнейших факторов, задействованных в обеспечении устойчивости экономического роста страны. Генезис теоретических концепций экономического пространства отличается неравномерностью: в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий появляются возможности для выработки инновационных моделей его оценки, способных наиболее адекватно и комплексно отразить существующий пространственный потенциал и обеспечить гибкое использование его конкурентных преимуществ [Положенцева, с. 58].

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции РФ, «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности»[1]. Единство экономического пространства означает применение однотипных механизмов регулирования экономической деятельности, выработанных и применяемых в контексте рыночных принципов с согласованными налогово-бюджетной и денежно-кредитной политиками при учитывании правовых норм, единой инфраструктуры и т.д. В рамках федеративного устройства Российской Федерации такой подход обеспечивает право субъектов на равномерное пространственное экономическое развитие, недискриминацию при осуществлении экономической деятельности, отсутствие барьеров и обеспечение равенства при взаимодействии с федеральным центром. Это позволяет сохранить целостность и гармоничное развитие как отдельных регионов, так и страны в целом, предотвращая разрывы и минимизируя социально-экономический дисбаланс.

Несмотря на довольно широкий семантический потенциал терминов «единство экономического пространства» / «экономическое пространство», они уже прочно вошли в экономический лексикон и институциональную практику. Хотя,

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобр. общерос. голосованием 1 июля 2020 г. М.: АСТ, 2020. Ст. 8.

как отмечает профессор А. В. Виленский, нормативное закрепление таких понятий вызвало озадаченность и сомнение у экономистов, политологов и исследователей в целом, так как ранее в этой сфере доминировало понятие «регионы», а советские ученые привыкли к изучению социально-экономической регионалистики и понимали под этим «преимущественно макроэкономический аспект изучения общественных отношений, размещения производительных сил, хозяйственной деятельности, особенности государственного и муниципального управления, развития социума в регионе в его разных исследовательских определениях, изучение межрегиональных отношений» [Виленский, с. 48].

В отличие от макроэкономического подхода советских экономистов, пространственная экономика первоначально уделяла внимание микроэкономическому измерению. Таким образом, фокус был на хозяйствующих субъектах как фундаменте экономического пространства. Необходимо обратить внимание на подход А. Геттнера [Геттнер] и К. Риттера [Риттер], которые ввели понятие «пространственная экономика» в середине XIX столетия. Их понимание выстраивается вокруг такой базовой категории, как «территория». Такой подход можно отнести к широким, ведь под пространственной экономикой здесь понимается совокупность явлений и процессов, происходящих в рамках социальной и экономической сферы и очерченных определенной ограниченной территорией. К таким явлениям можно отнести людей, проживающих на этой территории, инфраструктуру, механизмы государственного и муниципального администрирования, а также элементы, формирующие качество жизни.

В рамках данной работы представляется важным проанализировать подходы к понятию «экономическое пространство», опираясь на классификацию А. А. Песоцкого [Песоцкий, с. 41–42]:

1. Территориальный подход. В рамках него экономическое пространство рассматривается как территория с некоторым внутренним наполнением в виде человеческого капитала, зданий, сооружений, транспорта, дорог, управленческого звена и т.д. Все, что не входит в данную территорию, не рассматривается уже как экономическое пространство. Данный подход актуален и имеет свои преимущества при расширении территорий государства или более частных хозяйствующих субъектов.

2. Ресурсный подход. Отправной точкой развития данного подхода считается определение, сформулированное В. Чекмаревым [Чекмарев]. Экономическое пространство формируется за счет материальных и нематериальных объектов, являющихся источниками экономического интереса, который, в свою очередь, формируется ресурсами. По такой логике в процесс пространственного развития включены не только корпоративные структуры (юридические лица), но и физические лица, предлагающие свои трудовые ресурсы на соответствующем рынке. Критический анализ этого подхода позволяет выявить один существенный изъян, а именно отсутствие направленности на конечный результат, поскольку сам по себе процесс использования ресурсов не может выступать в качестве цели развития. Для нивелирования недостатка сторонники ресурсной концепции интегрируют элементы системного подхода.

3. Процессный подход. В рамках него экономическое пространство понимается как взаимодействие экономических субъектов в рамках институционально выстроенного экономического процесса.

4. Информационный подход. Довольно новый подход, возникший в XXI в., что соответствует усиленной цифровизации всех сфер общественной жизни. В рамках него исследователи делают акцент на информации, по поводу которой и с помощью которой экономические субъекты выстраивают свое взаимодействие. Сама же среда выстилается информационными потоками и сигналами, которые хозяйствующие субъекты посылают при поиске или использовании информации. Некогда введенный географами термин «экономики пространства» с центральной категорией в виде территории подрывается данной логикой, нарушая преемственность научного знания, ведь теперь информация как фактор производства может быть использована без ограничения или без привязки к конкретной территории в ее административных границах. По мнению Шибусава, «экономическое пространство может интерпретироваться как некоторая коммерческая часть Интернета, посредством которой осуществляется управление потоками произведенных товаров» [Shibusawa, с. 254].

5. Институциональный подход. Данный подход довольно схож с процессным подходом, однако институциональное рассмотрение экономического пространства апеллирует к тому, что деятельность экономических агентов, функционирующих в институциональной среде, имеет свои пределы и ограничения в виде социально-экономических, правовых, административных и иных аспектов.

Как любая система, экономическое пространство имеет свою структуру: определенную совокупность элементов, которые пребывают в упорядоченности с вертикальными и горизонтальными связями и которые обеспечивают интенсивные социально-экономические связи с целью формирования единого экономического пространства.

Таким образом, в структуре экономического пространства можно выделить следующие группы элементов [Виленский, с. 50–51]:

1. Производственно-хозяйственная группа. В рамках нее экономические субъекты разделены по типу производства, отрасли, сектору, производственной функции.

2. Транспортно-коммуникационная группа. Сюда включены объекты инженерно-технической инфраструктуры, коммунальных сетей и транспортных сетей.

3. Природно-ресурсная группа. Под этим подразумевают природные ресурсы, которые размещены на конкретной территории и которые определяют специализацию как труда местных жителей, так и отраслевое разнообразие компаний. Данный компонент существенным образом влияет на значимость и потенциал экономического пространства.

4. Демографическая группа. Население определенной территории представляет собой как трудовой ресурс, так и потребительский функционал. При этом внимание уделяется составу и дифференциальным характеристикам внутри самого населения: пол, возраст, религия, образование, профессия, предпочтения людей и т.д.

Исходя из всего вышеперечисленного, представляется важным отдать предпочтение системному подходу. Многие авторы в ряде социально-гуманитарных дисциплин отдают предпочтение более холистическим концепциям, ведь такой взгляд на комплексные и сложные понятия помогает одновременно сфокусироваться на многих аспектах и учесть как его преимущества, так и недостатки. За основу системного подхода, по традиции, следует взять более осязаемое понятие территории, хотя, как было показано ранее, новые информационные технологии выступают своего рода ограничением, ведь при оценке экономического пространства сложно отделить те информационные связи и сигналы, которые относятся лишь к определенной территории. Таким образом, экономическое пространство необходимо мыслить через призму подсистем, входящих в него, чтобы не упустить значимые на практике элементы в процессе гонки за методологическим инструментарием, относящимся лишь к одному или нескольким подходам.

Список источников

1. Виленский А. В. Единство национального экономического пространства и преференциальные экономические зоны // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 5. – С. 46–64.

2. Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1930.

3. Песоцкий А. А. Теоретические подходы к определению понятия «экономическое пространство» // Экономика и управление. – 2015. – № 82. – С. 41–44.

4. Положенцева Ю. С. Экономическое пространство: теоретические подходы к изучению и методы анализа // Экономика и управление. – 2016. – № 12. – С. 58–69.

5. Риттер К. Землеведение Азии: география стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, то есть Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири / [соч.] Карла Риттера; Пер. по поручению Русского географического о-ва с доп., служащими продолжением Риттерова труда для материалов, обнародов. с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Русского геогр. о-ва. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1856–1874.

6. Чекмарев В. В. К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2001. – № 3. – С. 25–38.

7. Shibusawa H. Cyberspace and physical space in an urban economy // Papers in Regional Science. 2000. Vol. 79. P. 253–270.

Сведения об авторе

Кудряшов Владислав Павлович – аспирант 2 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-4995-1033, e-mail: vladkudryashovofficial@gmail.com

УДК 338.14
ГРНТИ 06.52.17

Приоритетные направления развития культуры: государственные механизмы реализации

Н. М. ПУРИНА, А. В. ЧЕРЯПИНА

Актуальность исследования обусловлена тем, что государственная политика в сфере культуры в последние годы развивается как комплексное направление, влияющее не только на сохранение наследия и поддержку искусства, но и на качество жизни, социальную сплочённость, воспитание и формирование гражданской идентичности. В условиях роста запросов населения на доступные культурно-досуговые проекты, расширения цифровых каналов потребления контента и необходимости модернизации культурной инфраструктуры особенно важно оценивать, насколько конкретные государственные учреждения культуры реально реализуют стратегические приоритеты государства и региона в повседневную практику программ, услуг и проектов.

Ключевые слова: государственная политика, сфера культуры, приоритеты культурной политики, механизмы реализации, развитие культуры.

Период 2020–2025 гг. для государственной политики в сфере культуры характеризуется одновременным решением трёх взаимосвязанных задач: поддержание доступности культуры и сохранение сети учреждений на фоне экономических и внешнеполитических ограничений; модернизация инфраструктуры и управленческих моделей с учётом цифровой трансформации; укрепление ценностно-смыслового измерения культурной политики (историческая память, традиционные духовно-нравственные ориентиры, межпоколенческая преемственность) при сохранении условий для профессионального творчества и культурного разнообразия народов России.

Приоритеты в этот период обычно группируются вокруг нескольких устойчивых направлений. Первое направление – инфраструктурное обновление и территориальная доступность. Оно включает капитальные ремонты и строительство культурных объектов, модернизацию домов культуры, детских школ искусств, библиотек и музеев, развитие гастрольной деятельности и мобильных форматов (передвижные выставки, выездные концерты), а также обеспечение доступной среды для людей с инвалидностью. Здесь важен принцип «культура рядом с домом»: качество культурной жизни не должно быть привилегией крупных городов [Горбова, Тарновский].

Второе направление – сохранение культурного наследия: выявление, учёт, реставрация и приспособление объектов культурного наследия, развитие музейного дела, сохранение архивных материалов, поддержка традиционных ремёсел и нематериального наследия, работа с исторической памятью через выставочные, образовательные и медиапроекты.

Третье направление – человеческий капитал в культуре: кадровое обеспечение (подготовка, повышение квалификации, привлечение молодых специалистов

в регионы), повышение престижа профессий, развитие системы поддержки творческих работников и коллективов, создание возможностей для профессионального роста, а также модернизация управленческих компетенций руководителей учреждений.

Четвёртое направление – цифровая трансформация и доступ к культурному контенту: оцифровка фондов, создание цифровых каталогов, развитие онлайн-форматов, электронных билетов и сервисов, внедрение современных средств экспонирования, развитие медиаграмотности и правовой грамотности в части авторских прав.

Пятое направление – поддержка творческих индустрий и культурных инициатив: грантовая поддержка проектов, развитие креативной экономики на стыке культуры, дизайна, медиа и туризма, поддержка отечественного контента и новых форм культурного предпринимательства при сохранении роли государства как гаранта доступности базовых культурных благ [Серова].

Шестое направление – межведомственные и социальные эффекты культуры: включение культуры в программы воспитания и образования, развитие культурных практик для семей и детей, культурная реабилитация и социальная инклюзия, развитие культурного волонтёрства, укрепление локальных сообществ через культурные события и общественные пространства.

Государственные механизмы реализации этих приоритетов в 2022–2026 гг. можно представить как сочетание бюджетных, административных, проектных и партнёрских инструментов.

Бюджетные механизмы включают финансирование через госпрограммы, субсидии на выполнение государственного задания учреждениями, целевые межбюджетные трансферты регионам на инфраструктурные проекты, грантовые конкурсы и субсидии НКО, а также поддержку через специальные фонды и институты развития (в части проектной деятельности) [Румянцева].

Административные механизмы – это установление стандартов и требований (например, к сохранности фондов, безопасности объектов, качеству реставрации), развитие системы мониторинга показателей, методическое сопровождение регионов, формирование отраслевых планов, а также контроль целевого использования средств.

Проектные механизмы предполагают ориентацию на конкретный измеримый результат в заданный срок: от создания модельной библиотеки или модернизации ДШИ до запуска цифровой витрины коллекций и серии гастрольных мероприятий.

Партнёрские механизмы включают государственно-частное партнёрство, меценатство и благотворительность, соглашения с бизнесом и застройщиками в части сохранения исторической среды, а также сотрудничество с образовательными учреждениями, медиа и общественными организациями.

Один из механизмов, являющихся поддержкой инициативных граждан, через грантовые программы: они дают возможность тиражировать успешные практики, вовлекать в деятельность жителей конкретных территорий и способствовать росту разнообразия культурной жизни [Силина].

Вместе с этим государство стремится к достижению нескольких задач, в том числе: обеспечение широкой доступности культурных благ и поддержания высоких стандартов качества. При организации массовых форматов культурных мероприятий необходимо придерживаться принципов содержательности и профессионализма, в то время как элитарные формы искусства, выполняя свою просветительскую функцию, должны стремиться к расширению своей аудитории [Румянцева].

Далее рассмотрим приоритеты государственной политики в сфере культуры (таблица).

Таблица

Приоритеты государственной политики в сфере культуры

Приоритет (2022–2026)	Основные госмеханизмы реализации	Типовые результаты/эффекты
Доступность и инфраструктура	Госпрограммы, межбюджетные трансферты, капремонт/ строительство, стандарты доступной среды	Обновление учреждений, рост культурного участия в регионах и малых городах
Наследие и историко-культурная среда	Правовой режим охраны, реставрационные программы, экспертизы, контроль, софинансирование	Снижение утрат, ввод объектов после реставрации, развитие культурного туризма
Кадры и качество управления	Целевое обучение, повышение квалификации, меры поддержки специалистов, методическое сопровождение	Укомплектованность кадрами, повышение качества услуг и проектов
Цифровизация культуры	Оцифровка фондов, платформенные решения, электронные сервисы, обучение цифровым компетенциям	Расширение онлайн-доступа, прозрачность учёта фондов, новые аудитории
Поддержка инициатив и творческих индустрий	Гранты, субсидии НКО, конкурсы проектов, партнёрства с бизнесом	Новые культурные продукты, развитие креативного предпринимательства, событийность

Источник: собственная разработка автора.

Период 2020–2025 гг. характеризуется повышенной потребностью в обеспечении устойчивости культурных учреждений и их контента, обусловленной ограничениями на международное сотрудничество, поставки оборудования и технологий. В связи с чем повышается спрос на отечественные разработки для оснащения музеев и театров, программное обеспечение для продажи билетов и систем учета фондов, тем самым укрепляя позиции российских производителей и разработчиков. Одновременно меняется логика международного культурного

сотрудничества: большее значение приобретают форматы взаимодействия с дружественными странами, региональные гуманитарные инициативы, обменные проекты, фестивали, выставки и образовательные программы, которые укрепляют культурное присутствие России без критической зависимости от отдельных внешних рынков [Захарова, Медведева].

Внутри страны возрастает роль культуры как пространства общественного диалога и консолидации: культурные проекты всё чаще направлены на работу с исторической памятью, поддержание межпоколенческой связи, укрепление локальной идентичности и гражданской солидарности. При этом эффективность механизмов реализации зависит от качества проектной подготовки на местах: дефицит компетенций в проектировании, сметном планировании, закупках и сопровождении реставраций может замедлять реализацию даже при наличии финансирования.

Список источников

1. Горбова И. Н., Тарновский В. В. Особенности управления в рамках государственной культурной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 4. – С. 51–58.

2. Захарова Д. А., Медведева Н. В. // Проблемы муниципального управления в сфере культуры // Материалы ивановских чтений. – 2024. – № 4 (22). – С. 55–58.

3. Румянцева С. Т. Сфера культуры в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона // Управленческое консультирование. – 2024. – № 6 (186). – С. 73–86.

4. Серова Н. В. Формирование модели государственной культурной политики в рамках реализации стратегии государственной политики: перспективы культурного развития // Вестник науки. – 2024. – № 2 (71). – С. 788–795.

5. Силина Л. В. Модернизация учреждений культуры с учетом стратегического развития муниципальных образований // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по материалам XXXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 1(36). 2020. – С. 234–239.

Сведения об авторах

Пурина Надежда Медетбаевна – старший преподаватель кафедры сервиса и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5904-9875, e-mail: t000003601@lgumail.ru

Черяпина Анастасия Викторовна – старший преподаватель кафедры сервиса и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-0168-397X, e-mail: t000012104@lgumail.ru

УДК 351
ГРНТИ 06.01.29

Реализация государственной национальной политики: информационный аспект

Ю. Н. СТЕЦЮНИЧ, Ю. И. БУШЕНЕВА

В статье рассматривается роль информационного фактора в сфере межнациональных отношений как системообразующего элемента государственного управления в условиях цифровизации. Показано, что информационная среда выступает не только инструментом принятия управленческих решений, но и пространством формирования этнокультурной идентичности. На примере деятельности Федерального агентства по делам национальностей и ФГБУ «Дом народов России» выявлены проблемы фрагментарности и неравномерности цифрового присутствия этнокультурных организаций. Анализ сайта Общественной палаты Российской Федерации показал недостаточную актуализацию информации по реализуемым проектам, что снижает прозрачность их осуществления и аналитическую ценность сведений о них. Сделан вывод о разрыве между формальным включением институтов в систему национальной политики и их фактическим информационным присутствием, обусловленном недостатками организации информационных потоков и коммуникации.

Ключевые слова: государственная национальная политика, информационный фактор, государственное управление, информационное пространство, этнокультурная идентичность, информационно-коммуникационные механизмы.

Государственная национальная политика отражает систему приоритетов и мер развития Российской Федерации, реализуемых органами власти и институтами гражданского общества, носит межотраслевой характер. Для решения задач по обеспечению реализации приоритетных направлений развития страны по укреплению единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), перечисленных в Указе Президента России от 25 ноября 2025 г. № 858 «О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года» [1], функционирует система органов власти, участвующих в управлении национальной политикой России.

Реализация государственной национальной политики осуществляется по целому ряду направлений: нормативно-правовому, организационно-управленческому, социально-экономическому, культурно-гуманитарному, образовательному и просветительскому, а также информационно-коммуникационному [6, с. 58].

В современных условиях информационный фактор в обеспечении деятельности государственного управления теряет статус фактора второстепенного и превращается в фактор системообразующий. Такая смена статуса обуславливается тем, что сегодня активно продвигаются цифровые формы взаимодействия между государством и обществом, а также между подсистемами государственного управления [2, с. 836].

В настоящее время своевременная и полная информация выступает основой для принятия управленческих решений, в том числе и в сфере межнациональных

отношений. Аналитические данные дают возможность производить прогнозирование межнационального напряжения в обществе, своевременно корректировать управленческие воздействия, отслеживать активность деятельности национальных общественных организаций.

С другой стороны, информационная среда становится пространством формирования идентичности, включая этническую. Через информационные массивы данных передаются такие элементы национально идентичности как язык, историческая память, традиции, образы «своего» и «чужого». Национальные общественные организации получают возможность активно конструировать и транслировать собственную этнокультурную повестку.

Центральное место в системе органов государственного управления национальной политикой занимает федерального уровня занимает Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) [5]. В содержательном плане информационная политика ФАДН представляет собой совокупность мер по сбору, анализу, интерпретации и распространению информации, необходимых для поддержания межнационального и межконфессионального согласия в стране в целом.

Подведомственной организацией ФАДН является ФГБУ «Дом народов России» [3]. Информационная функция ФГБУ «Дом народов России» призвана обеспечивать связность между государством, этнокультурными организациями и обществом в рамках реализации государственной национальной политики. «Дом народов России» формирует представление об этнокультурном пространстве страны, выступая агрегатором данных о субъектах национальной политики.

Проведенный анализ данных, представленных на официальном ресурсе ФГБУ «Дом народов России», свидетельствует, что размещение сведений об автономиях, домах дружбы народов и иных этнокультурных институтах позволяет формировать их частичную «цифровую видимость».

На сайте организации [5] размещены сведения о 47 таких организациях, осуществляющих взаимодействие с ФГБУ «Дом народов России» в области укрепления национального единства и стабильности в российском обществе, ведущих свою деятельность в различных форматах и организационно-правовых формах.

Общественные организации и федеральные национально-культурные автономии разных народов главным образом функционируют с целью представления интересов различных этнических групп, способствующих сохранению и развитию культурных традиций и обычаев народов России. На сайте ФГБУ «Дом народов России» представлены сведения о 21 такой организации, среди которых Общественная организация «Федеральная национально-культурная автономия Белорусов России», Общероссийская общественная организация «Федеральная Грузинская национально-культурная автономия в России», Общественная организация «Федеральная национально-культурная автономия греков России» и др.

Анализ сайта ФГБУ «Дом народов России» показал, что цифровая видимость рассматриваемых организаций имеет фрагментарный характер, так отсутствуют прямые ссылки на сайт и описание деятельности 6 из указанных

21 организации (например, общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия марийцев России», общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия ногайцев России», общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия чувашей России» и др.). Недостаток актуальной и легко доступной информации о деятельности данных организаций (ограничение «цифровой видимости») осложняет поиск пользователем информации о роли данных акторов в вопросах сохранения культурного наследия своего народа, популяризации национальной культуры.

Анализ цифрового представления о деятельности иного типа организаций, функционирующих в этнокультурной сфере, – домов национальностей (дружбы народов) показал, что из 39 действующих в России подобных организаций, на сайте ФГБУ «Дом народов России» представлены актуальные сведения о 21 организации. Сайт ФГБУ «Дом народов России» дает возможность наглядно увидеть информацию о ГБУ «Московский дом национальностей», ГКУ Ленинградской области «Дом Дружбы Ленинградской области», СПбГКУ «Санкт-Петербургский Дом национальностей», ГБУ Республики Дагестан «Дом дружбы» и др. Но, например, данные о таких домах дружбы как Белгородская региональная общественная организация содействия развитию культуры «Дом дружбы», региональная общественная организация межнационального сотрудничества «Дом дружбы народов Республики Марий Эл» не представлены на Интернет-портале учреждения.

На сайте ФГБУ «Дом народов России» имеются сведения о пяти организациях, функционирующих в форме союзов, объединений, ассоциаций разных народов. Сведения о четырех из них (общероссийском общественном движении «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», межрегиональной общественной организации «Информационно-образовательная сеть коренных народов «Лльоравэтльан», общероссийской общественной организации «Общероссийское объединение корейцев») представлены на исследуемом сайте достаточно полно. Но информационное присутствие общероссийской общественной организации «Союз армян России» имеет частичный характер, поскольку отсутствует актуальная ссылка на официальный ресурс организации.

Приведенные примеры свидетельствуют о выпадении части организаций из единого публичного пространства, формируемого ФГБУ «Дом народов России», о фрагментарности и неравномерности цифрового присутствия организаций. В результате у пользователя не создается представление о всей совокупности этнокультурных организаций и сообществ, функционирующих на территории страны и мероприятиях, осуществляемых в рамках региональной национальной политики.

Кроме того, различия в формате и содержании размещаемых сведений показывают отсутствие единых требований или методических рекомендаций к цифровому присутствию организаций.

Другим институтом, обеспечивающим взаимодействие органов власти и общества в сфере этнокультурных отношений, является Общественная палата Российской Федерации. Ключевой целью организации является обеспечение учета потребностей и интересов граждан России при формировании и реализации государственной политики, в том числе и национальной.

На сайте Общественной палаты Российской Федерации [4] имеются сведения о реализующихся в настоящее время 38 проектах в сфере национальной политики. Но релевантность представленных данных вызывает вопросы. Так, только по 17 проектам на сайте Общественной палаты Российской Федерации представлены актуализированные сведения. Следовательно, сведения о более, чем половине проектов, реализуемых с участием организации, фрагментарно представлены на сайте. Так, в частности, последние данные о проекте «Общественные поправки в ПДД» приведены за 2024 г.; о проекте «Премия «Своих не бросаем» – за 2022 г.; о проекте «Я прививки не боюсь» – также за 2022 г. и др.

При этом многие из указанных проектов активно реализуются. Об этом свидетельствует цифровая активность на Интернет-порталах, посвященных их функционированию, на которых содержится полная и актуальная информация об их осуществлении вплоть до настоящего времени (апрель 2026 г.). Например, проект «Международное наблюдение за выборами», цифровые сервисы для пациентов и общественный контроль здравоохранения «Здравконтроль», социальный проект «#Расскажи про добро» и др.). Но сайт Общественной палаты фрагментарно отражает реализацию указанных проектов.

Сложившаяся ситуация свидетельствует о наличии информационных разрывов в представлении информации на сайте Общественной палаты по имеющимся проектам.

Таким образом, эффективная реализация государственной национальной политики, позволяющая осуществлять плодотворное взаимодействие государства и общества, в том числе через взаимодействие с этнокультурными сообществами и организациями, требует преодоления выявленных информационных пробелов и разрывов, она должна быть основана на системной информационной политике и широком оповещении общественности о принимаемых мерах и проводимых мероприятиях.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 года № 858 «О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-858-25112025/

2. Красавина В. А., Скрынченко Б. Л. Цифровизация государственного и муниципального управления в условиях цифрового суверенитета России: вызовы, эффекты, перспективы // Образование и право. – 2026. – № 2. – С. 835–841.

3. Официальный сайт Дом народов России [Электронный ресурс]. URL: https://domnarodov.ru/

4. Официальный сайт Общественной платы Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https: www.oprf.ru

5. Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей России [Электронный ресурс]. URL: https:fadn.gov.ru

6. Стецюнич Ю.Н. Государственная политика развития системы образования: региональные аспекты // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: материалы II Всероссийской научной конференции (с международным участием). – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 58–67.

Сведения об авторах

Стецюнич Юлия Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5400-0573, e-mail: yulia.stetsyunitch@yandex.ru

Бушенева Юлия Ивановна – доктор экономических наук, доцент, заведующая научным отделом, профессор кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4628-5190, e-mail: busheneva@yandex.ru

УДК 332.122
ГРНТИ 06.61.33

Роль социальной сферы в обеспечении конкурентоспособности региона: постановка проблемы

Г. В. ЧЕРКАССКАЯ

В статье рассмотрены вопросы сущности понятия «конкурентоспособность» применительно к регионам / субъектам РФ на примере ряда авторских подходов, выделены их методологические и смысловые проблемы. Предложен подход к рассмотрению социальной сферы региона в контексте конкурентности регионов как комплекса, аналогичного иным социально-экономическим комплексам народного хозяйства, с учетом современных особенностей его оптимального состояния и общей целевой функции. На основании проведенного анализа установлено, что при определении роли социальной сферы в обеспечении конкурентоспособности региона возникает управленческая методолого-методическая проблема, требующая научного решения.

Ключевые слова: региональная экономика, государственное управление, фактор конкурентоспособности региона, конкурентоспособность региона, социальная сфера региона.

Единство социально-экономического пространства регионов России в современных условиях смешанно-рыночной экономики предполагает определенную свободу перемещений товаров, ресурсов, капиталов и людей по всей территории страны. В свою очередь, свобода перемещения чего-либо из перечисленного означает свободу выбора его владельца, а выбор, как известно, определяется рисками и преимуществами альтернативных вариантов. Соответственно, если как варианты места размещения / базирования рассматривать конкретные регионы / субъекты РФ, то естественной характеристикой региона в таком контексте должна быть его конкурентоспособность. Что же включает это понятие и какую роль может играть в достижении конкурентоспособности региона / субъекта РФ его социальная сфера?

Во-первых, на наш взгляд, существующие в отечественной науке толкования понятия «конкурентоспособность региона» недостаточно точно отражают его сущность, в том числе в корреляции с потребностями населения.

Так, анализ ряда авторских определений конкурентоспособности региона, приведенных в обзорных частях работ [Кутырев; Скреблов; Чайникова] показывает, что большинство из них не опирается на смысл первичного понятия «конкурентоспособность», подразумевающий наличие состязания, а их авторы, включая делающих обзор для формирования своей точки зрения, по-разному видят целеполагание деятельности региона как результата реализации конкурентоспособности (либо устойчивое развитие, либо успешный бизнес / торговля, либо качество жизни населения). Например, Скреблов Н. И. видит конкурентоспособность региона как «способность региона эффективно использовать свои ресурсы и факторы производства для обеспечения устойчивого социально-экономического развития за счет торговли внутри страны» [Скреблов, с. 10]. А Чайникова Л. Н., наоборот, понимает конкурентоспособность региона как «способность обеспе-

чить высокий уровень и качество жизни его населения, соответствующий национальным и мировым стандартам, на основе инновационного подхода к использованию имеющихся к формированию и развитию с опережающей конкурентов скоростью нового ресурсного потенциала, адекватного современной экономике и его эффективной реализации с помощью современных рыночных механизмов для создания устойчивых долгосрочных конкурентных преимуществ во всех сферах деятельности» [Чайникова, с. 8]. Смешанная точка зрения: «конкурентоспособность региона определяется как способность территории обеспечивать более высокое качество жизни населения и условий для ведения бизнеса по сравнению с другими регионами» [Спиридонов, Маслов, Наш, с. 52]. Наиболее верным с методологической точки зрения является на наш взгляд, подход С. А. Головихина и Е. А. Неживенко, который базируется на раскрытии «понятия путем его определения через родовое понятие «конкурентоспособность», которое выражает общие существенные признаки конкурентоспособность различных экономических субъектов и подчиняет ему меньшие по объему видовые понятия конкурентоспособности национальной экономики, региона, отрасли, предприятия, товара и пр.», понимании существенного признака конкурентоспособности, связанного с «ее природой, заключающейся в способности соперничать, состязаться», понимании недопустимости «отождествления конкурентоспособности региона с его социально-экономическим потенциалом, продуктивностью и результатом конкурентной борьбы» [Головихин, Неживенко]. И, соответственно, понимают конкурентоспособность региона как «определяемую конкурентными преимуществами реальную и потенциальную способность региона соперничать с другими регионами при решении идентичных задач, порождаемых стремлением обладать теми же ресурсами, благами, занимать положение на национальном и (или) мировом рынке в борьбе за наивысший по сравнению с другими регионами уровень социально-экономического развития» [Головихин, Неживенко]. Однако, как видим, в такой формулировке правильность методологии не отменяет спорности целеполагания региональных социально-экономических систем (***борьба*** *за? не сам уровень социально-экономического развития*?). Соответственно, ученым нужно предложить не только более строго осмысленное определение конкурентоспособности региона, но и определить контекст его корректного использования для целей государственного управления.

Во-вторых, термин социальная сфера в настоящее время не является строго упорядоченным (см. подробный анализ в [Вопросы социально-экономического развития…, с. 205–213]). Поэтому под социальной сферой региона ранее мы предложили понимать часть «региональной социально-экономической системы как особый «комплекс социальной сферы» (КСС – по аналогии с АПК и ВПК), охватывающий совокупность отраслей, видов деятельности, лиц и организаций, связанных системой технологических связей и регулируемых территориальными и отраслевыми органами государственного управления для выполнения общей целевой функции по непосредственному жизнеобеспечению и удовлетворению законных потребностей населения страны или региона» [Черкасская, 2023, 1,

с. 212]. Часть такого комплекса носит чисто экономический, часть – социально-экономический, часть – чисто социальный характер, однако все они подлежат государственному контролю и регулированию в рамках, ограниченных законодательством.

По нашему мнению, КСС региона в современных условиях естественным образом должен сочетать возможности комфорта технократической «западной» цивилизации и природо-этнические основы жизнедеятельности коренного и иного длительно и сезонно проживающего населения региона [Черкасская, 2025]. Кроме того, при анализе социальной сферы региона следует учитывать, что соизмерение затрат и результатов в ней не может проводиться только в стоимостном выражении без учёта: долговременных интересов страны в целом, социальных ценностей страны и конкретного региона, а также значимых социальных последствий принимаемых управленческих решений. И безусловно это задача государственного управления не только на уровне региона [Черкасская, 2023, 2], но и федерации.

В-третьих, в каком разрезе все-таки следует рассматривать социальную сферу – как фактор, преимущество или результат конкурентной борьбы?

Так, если рассматривать в составе ресурсов региона человеческие ресурсы (но не население) как первично необходимые, поскольку «на региональном уровне человеческие ресурсы определяют кадровый потенциал предприятий региона и, следовательно, их стратегические возможности, а также характеристики потребительского рынка. … от качества человеческих ресурсов региона зависит его экономический потенциал» [Пашкус, с. 44], то авторы предлагают рассматривать социальную сферу региона, целиком или в составе ряда элементов как важный фактор конкурентоспособности и одновременно конкурентное преимущество [Биушкин, Гусев, Юрканова; Кутырев; Пашкус].

Если же рассматривать население региона самостоятельно, в контексте известных ключевых факторов конкурентоспособности региона (экономическое развитие территории, состояние рынка труда, уровень бедности и социальная интеграция населения, доступность и качество медицинских услуг, развитие образовательной инфраструктуры, экологическая обстановка, транспортная доступность и инфраструктура, научно-технический потенциал, развитие высокотехнологичных производств, инновационная активность региона» [Опанасенко]), то из них треть прямо относится к отраслям социальной сферы (медицина, образование, транспорт), а часть характеризует ее качество (рынок труда, уровень бедности и социальная интеграция населения). Интересно, что практически все субъекты РФ в своих стратегических документах ставят своей целью повышение уровня и качества жизни населения, что означает совершенствование в первую очередь социальной сферы в регионе [Черкасская, 2023, 1, с. 225–226].

Значит, целиком или частично, но социальная сфера так или иначе: 1) определяет уровень конкурентоспособности региона (как фактор), 2) понимается и как основа и как результат конкурентной борьбы (как преимущество или недостаток).

Таким образом, следует признать, что при определении роли социальной сферы в обеспечении конкурентоспособности региона возникает методолого-методическая проблема, а ее решение есть актуальная научная задача.

Список источников

1. Биушкин И. В., Гусев Д. А., Юрканова И. Д. Роль и значение социальной инфраструктуры в развитии социально-экономической системы территории // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 5(55). – С. 484–487.

2. Вопросы социально-экономического развития регионов Северо-Запада России: стратегии и реальность: монография / Т. М. Белова, Ю. И. Бушенева, Г. А. Ефимова [и др.]; под ред. Н. М. Космачевой. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – 280 с.

3. Головихин С. А., Неживенко Е. А. Формирование теоретических подходов к региональным экономическим исследованиям на основе выявления содержания понятия «конкурентоспособность региона» // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id =7101.

4. Кутырев А. О. Развитие социальной сферы как фактор конкурентоспособности российских регионов // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 9(48). – С. 12–15.

5. Опанасенко П. В. Факторы, определяющие конкурентоспособность регионов в современных реалиях // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 8. – С. 375–379.

6. Пашкус В. Ю. Социально-культурная сфера как фактор повышения конкурентоспособности региона (на примере Санкт-Петербурга) // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 10. – С. 44–49.

7. Скреблов Н. И. Развитие экономики региона на основе концепции глобальной конкурентоспособности: автореф. дис. … канд. экон. наук. – Самара, 2025. – 26 с.

8. Спиридонов Г. Д., Маслов Д. А., Наш Р. А. Конкурентоспособность региона: оценка, индикаторы, стратегическое управление // Прикладные экономические исследования. – 2025. – № 5. – С. 47–54. – DOI 10.47576/2949-1908.2025.5.5.005.

9. Чайникова Л. Н. Методологические и практические аспекты оценки конкурентоспособности региона: монография. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008. – 148 с.

10. Черкасская Г. В. Глава 12. Проблема анализа состояния и развития социальной сферы как части региональной экономической системы на примере регионов Северо-Западного федерального округа // Вопросы социально-экономического развития регионов Северо-Запада России: стратегии и реальность: монография / под ред. Н. М. Космачевой. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. – С. 205–225.

11. Черкасская Г. В. Качество региональной элиты как фактор устойчивости региональной экономической системы // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2023. – № 5(151). – С. 31–39. – DOI 10.26726/1812-7096-2023-5-31-39.

12. Черкасская Г. В. Региональные социально-экономические системы и национальное единство в контексте экономики взаимоотношений // XXIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции: в 2 т., 22–23 апреля 2025 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2025. – С. 447–454.

Сведения об авторе

Черкасская Галина Викторовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3510-1103, e-mail: t000011552@lgumail.ru

РУССКИЙ НАРОД КАК ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ НАРОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 343.3/.7
ГРНТИ 10.77.01

Трансформация понятия «насилие» в уголовном праве: от физического воздействия к психологическому и цифровому (кибербуллинг, киберсталкинг)

Д. В. АКСЕНОВ, А. А. КАРАВАЕВА

В данной статье раскрываются актуальные вопросы, связанные с проблемой кибербуллинга и киберсталкинга в цифровом пространстве и их правовыми аспектами. Рассматриваются современные реалии вреда, причиняемого психике человека посредством систематических оскорблений, угроз, распространения порочащих сведений или вторжения в частную жизнь с использованием цифровых средств. Особое внимание уделяется законодательным инициативам, направленным на защиту прав граждан и предотвращение негативных последствий преступлений в цифровой среде.

Ключевые слова: социальные сети, кибербуллинг, цифровая среда, психическое насилие, уголовное право.

Современный этап развития общественных отношений характеризуется стремительной цифровизацией, которая затронула все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности. Социальные сети, мессенджеры и иные онлайн-платформы трансформировались из вспомогательных средств коммуникации в полноценную среду обитания, где формируются межличностные связи, реализуются профессиональные и образовательные практики. Однако наряду с позитивными эффектами цифровая трансформация породила новые формы девиантного поведения, среди которых особое место занимают кибербуллинг и киберсталкинг – систематическое агрессивное воздействие на личность, осуществляемое с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Эмпирические данные свидетельствуют о широкой распространенности указанных явлений: с онлайн-травлей сталкивается значительная часть молодежи, более 65 % обучающихся в школах сталкивались с кибербуллингом, что превращает данное явление в массовую социальную проблему, требующую адекватного правового реагирования. Ключевая трудность заключается в фундаментальном несоответствии между природой новых форм агрессии и инструментарием традиционного уголовного права, исторически ориентированного на защиту от физического насилия. Причинение вреда здоровью, побои, ограничение свободы – именно эти деяния долгое время составляли ядро уголовно-правовой охраны личности. Однако современные реалии демонстрируют, что вред, причиняемый психике человека посредством систематических оскорблений, угроз, распространения порочащих сведений или вторжения в частную жизнь с использованием цифровых средств, может быть не менее (а в ряде случаев – более) тяжким, чем последствия физического насилия. Кибербуллинг способен приводить к суицидальным

исходам, а длительное интернет-преследование – к развитию тяжелых психических расстройств. При этом существующий уголовно-правовой инструментарий зачастую оказывается недостаточным для эффективного противодействия указанным явлениям в силу их специфических свойств: анонимности агрессора, трансграничности цифровой среды, сложности доказывания факта причинения вреда и, что особенно важно, отсутствия специальных составов преступлений. Как справедливо отмечают Грек В. П. и Кертбиева С. М., среди преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет, необходимо выделять кибербуллинг и его частное проявление – сталкинг, однако российское уголовное законодательство до настоящего времени не содержит самостоятельных норм, прямо предусматривающих ответственность за данные деяния [2]. В результате правоприменитель вынужден прибегать к квалификации по смежным составам (клевета, угроза, нарушение неприкосновенности частной жизни и др.), что не позволяет в полной мере охватить специфику систематического психического насилия в цифровой среде. Указанное обстоятельство порождает ситуацию правовой неопределенности, при которой жертвы кибербуллинга и киберсталкинга не получают адекватной защиты со стороны государства, а агрессоры остаются безнаказанными либо несут ответственность лишь за отдельные эпизоды своей противоправной деятельности. Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью научного осмысления процесса трансформации понятия «насилие» в уголовном праве, включения в него психологических и цифровых компонентов, а также выработки теоретически обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия кибербуллингу и киберсталкингу.

В исторической ретроспективе уголовное законодательство понимало под насилием преимущественно физическое принуждение, однако советский период ознаменовался выделением двух форм насилия: физического (воздействие на организм) и психического (воздействие на психику – угрозы, запугивание). Принципиальное изменение подхода произошло, когда законодатель и судебная практика признали, что психическое воздействие способно причинить вред здоровью не в меньшей степени, чем физическое насилие. Психическое насилие определяется как информационное воздействие на сознание и волю потерпевшего с целью подавления его способности к самостоятельному волеизъявлению, при этом ключевыми характеристиками выступают интенсивность и реальность угрозы. Показательным примером признания самостоятельности психического насилия является криминализация истязания (ст. 117 УК РФ), где систематические действия, причиняющие психические страдания, уравниваются в общественной опасности с физическим насилием. Наиболее ярким проявлением трансформации насилия является возникновение его цифровых форм. Кибербуллинг представляет собой систематическое агрессивное поведение в цифровом пространстве, направленное на унижение, запугивание или дискредитацию человека. Как отмечают Айнутдинова К. А. и Айнутдинова И. Н., существуют более жестокие формы кибербуллинга: дискредитация жертвы (аутинг –

публикация личной информации без согласия, диссинг – распространение непроверенных слухов, диффамация – разглашение порочащих сведений, хейтинг – систематическое выражение ненависти); обман жертвы (кетфишинг – создание поддельного профиля жертвы, фрейпинг – получение контроля над чужой учетной записью); угрозы жертве (анонимные угрозы, домогательство, преследование, кибersталкинг); сексуальное насилие (киберхарассмент, секстинг, кибергруминг, сексторшен); психологическое насилие (хеппислепинг – видеоролики с реальными сценами насилия, киберсуицид – самоубийство в реальном времени перед камерой) [1]. При этом роль жертвы часто бывает решающей в ситуации кибербуллинга, а ее виктимное поведение в Сети может быть провокационным, самоповреждающим, гиперсоциальным или, напротив, пассивным и беспомощным, что также привлекает агрессоров и требует дальнейшего изучения. На наш взгляд, существенное отличие сталкинга от кибербуллинга состоит в том, что кибербуллинг – это прежде всего травля и психологическое давление с целью унижения или изоляции от социума, а сталкинг практически всегда проявляется в преследовании и вторжением в личное пространство вызывает у жертвы обоснованное опасение за свою неприкосновенность и безопасность. Сталкинг может включать элементы кибербуллинга, но не всякий кибербуллинг является сталкингом. В Российской Федерации указанное противоправное деяние до настоящего времени не криминализировано законодателем как самостоятельное общественно опасное деяние, официально не рассматривается в качестве преступления, и пока пострадавший не предоставит доказательства реальной опасности угроз либо ему не будет причинен фактический вред здоровью, реакция правоохранительных органов не последует. Законопроект № 105789-8 «О противодействии кибербуллингу» ещё в 2023 г. вносился на рассмотрение в Госдуму, однако до настоящего времени решение не принято. Вместе с тем нельзя не отметить и положительные моменты противодействия в данной сфере. В декабре 2022 г. Верховный суд РФ опубликовал постановление № 37, уточняющее вопросы судебной практики по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, что позволяет более точно квалифицировать преступные деяния в киберсфере[1]. 30 декабря 2024 г. Правительство РФ утвердило Распоряжение № 4154-р «Концепцию государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий», в которой официально признана проблема отсутствия необходимого уровня информационной безопасности и обозначена цель защиты граждан от противоправных действий в цифровом пространстве[2]. Проблема сталкинга не находит достаточного освещения в российском информационном поле, что создает иллюзию ее незначительности: петиция о введении в УК РФ

[1] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: vsrf.ru (дата обращения: 25.03.2026).

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru/document/0001202501090003 (дата опубликования: 09.01.2025).

статьи о сталкинге, созданная еще в декабре 2016 г., на момент написания исследования набрала только 81 тыс. подписей из 150 тыс. необходимых.

К числу норм, наиболее часто применяемых в контексте противодействия кибersталкингу, относятся: ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства), ст. 110.1 (склонение к самоубийству), ст. 119 (угроза убийством), ст. 128.1 (клевета), ст. 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 163 (вымогательство), а также административные составы – мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), оскорбление (ст. 5.61), клевета (ст. 5.61.1). Как обоснованно указывают Гуляев Д. Е. и Клюева П. И., отсутствие единого состава кибersталкинга порождает проблемы квалификации: вымогательство отличается корыстной целью и отсутствием систематичности, доведение до самоубийства трудно доказывается, а угроза по ст. 119 УК РФ требует реальных оснований опасаться ее осуществления[1]. Вопрос о применении ст. 151.2 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в опасные для жизни действия) возможен лишь в ограниченных пределах – когда кибербуллинг направлен на вовлечение в «группы смерти» или склонение к суициду, но для квалификации обычной травли данная норма неприменима. Трансформация понятия «насилие» в уголовном праве представляет собой объективный процесс приспособления правовой системы к изменяющейся социальной реальности. Эволюция прошла путь от признания только физического воздействия к включению в орбиту уголовно-правовой охраны психической безопасности, а в последние годы – и безопасности личности в цифровом пространстве. Криминализация сталкинга и расширение практики привлечения к ответственности за кибербуллинг через механизмы доведения до самоубийства и клеветы подтверждают, что законодатель воспринимает цифровое пространство не как виртуальную «игру», а как реальную среду обитания, где насилие приобретает новые формы. Вместе с тем отсутствие специальных уголовно-правовых норм о кибербуллинге и кибersталкинге в особенной части УК РФ остается дискуссионной проблемой, требующей законодательного разрешения. Для решения выявленных проблем представляется необходимым введение в Уголовный кодекс РФ самостоятельных составов преступлений, предусматривающих ответственность за кибербуллинг и кибersталкинг, с одновременной дифференциацией квалифицирующих признаков, таких как совершение деяния в отношении несовершеннолетних, группой лиц, с использованием поддельных профилей или с распространением интимных материалов без согласия потерпевшего. Целесообразно также изменить подсудность дел о кибersталкинге, переведя их из категории частного обвинения в категорию частно-публичного или публичного обвинения, чтобы бремя сбора доказательств не лежало исключительно на потерпевшем, находящемся в состоянии психологического давления. Необходимо развивать институт судебно-психологической экспертизы, разработав унифици-

[1] Гуляев Д. Е., Клюева П. И. Противодействие угрозе кибersталкинга (интернет-слежки) в России и за рубежом: информационно-аналитическая справка // Consortium.MSAL.RU. URL: https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2025/04/Protivodejstvie-kiberstalkingu.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

рованные методики определения степени тяжести вреда, причиненного психическим и цифровым насилием, и обеспечить доступность таких экспертиз на стадии предварительного расследования. В рамках реализации Концепции, утвержденной распоряжением Правительства РФ № 4154-р, следует создать специализированные подразделения в правоохранительных органах по противодействию кибersталкингу и кибербуллингу, укомплектованные специалистами в области цифровых расследований и психологии. Кроме того, необходимо внедрить виктимологические профилактические программы в школах и вузах, направленные на повышение цифровой грамотности и безопасного поведения в Сети, что уже частично предусмотрено Приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 17.03.2025 № 209 «Об утверждении федеральной программы воспитательной работы для организаций отдыха детей и их оздоровления и календарного плана воспитательной работы», где указывается на профилактику травли в детской и подростковой среде и вовлечения в деструктивные группы в социальных сетях[1]. Законодательно закрепить для социальных сетей и мессенджеров обязанность оперативно блокировать аккаунты кибербуллеров и сохранять доказательства по заявлениям жертв.

Только комплексное применение этих мер позволит уголовному праву адекватно реагировать на трансформацию насилия и обеспечивать защиту личности в условиях физической, психологической и цифровой реальности.

Список источников

1. Айнутдинова К. А. Виктимологические аспекты кибербуллинга: жертвы и агрессоры сетевого взаимодействия // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 г. / под ред. Р. Ф. Степаненко, А. Б. Мезяева, С. Н. Тагаевой, С. М. Аламовой. – Казань: Университет управления "ТИСБИ", 2023. – С. 9–16. EDN KDRFXT.

2. Греку В. П. Борьба с кибербуллингом: уголовно-правовое регулирование и профилактика по российскому праву // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 8. – С. 398–401. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_8_398. EDN QMVFHA.

Сведения об авторах

Аксенов Дмитрий Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5397-3170, e-mail: dima6022738@gmail.com

Караваева Арианна Андреевна – студентка 3 курса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: arianna.karavaeva.666@mail.ru

[1] Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 17.03.2025 № 209 «Об утверждении федеральной программы воспитательной работы для организаций отдыха детей и их оздоровления и календарного плана воспитательной работы». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202503310005

УДК 340.158
ГРНТИ 10.09.91

Советский народ как квазисубъектное формирование в социалистической правовой системе

Н. Г. ДАШКЕВИЧ

В статье рассматриваются вопросы субъектности советского народа как ведущей силы социалистического общества. Закрепленное в Конституции 1977 г. определение «советский народ» стало выражением концепции народного суверенитета «по-советски», а также символом единства личности, общества, партии и государства. В ходе исследования проводится историко-правовой обзор конституирования политической характеристики советского народа как отдельного квазисубъектного формирования, а также анализируется его роль в правовой реальности той эпохи.

Ключевые слова: социалистическая правовая система, социалистическое право, советский народ, Конституция 1977 г., развитой социализм.

Широко известная концепция «личность – общество – государство» имеет самые разнообразные формы выражения, одной из которых является реализация и защита публичного интереса со стороны государства. Аристотель писал: «всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого либо блага… это общение и называется государством или общением политическим» [1, с. 12]. В свою очередь, Г.В.Ф. Гегель подчёркивал, что абсолютно каждому необходимо существовать в государстве [2, с. 143].

Общество должно рассматриваться не просто как статистический показатель, т. е. совокупность людей, проживающих на определенной территории, а как объединенная общими культурно-духовными скрепами (мораль, язык, история и т.д.) форма общежития людей. Помимо выше перечисленных скреп, можно еще назвать и единство общества не только в прошлом, но и в созидании будущего.

Несмотря на ускоренное развитие мирового сообщества, вопрос народного единства остаётся одним из самых злободневных в сфере государственной политики. Российская Федерация является полиэтничным государством, в состав которого входит более 190 национальностей[1]. В период распада СССР Б.Н. Ельцин ввел в информационное пространство неформальный термин «россияне», как антитеза понятию «советский народ»; в Конституции 1993 г. фигурирует словосочетание «многонациональный народ Российской Федерации»; уже по итогам конституционной реформы 2020 г. в Основном документе страны появился новое понятие «государствообразующий народ». Указом Президента РФ от 2022 г.

[1] Интернет-портал РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/68d8678a9a794764f813352a (дата обращения 05.04.2026).

в качестве одной из традиционной духовно-нравственных ценностей провозглашено единство народов России[1]. В условиях проводимой специальной военной операции как никогда остро стоит вопрос сплочения и сплоченности населения России перед лицом неофашизма.

В соответствии со ст. 67.1 Конституции Россия позиционирует себя как правопреемник Союза ССР по внутренним вопросам и правопродолжатель в сфере внешней политики[2], в связи с чем тема исследования представляется актуальной – Россия должна учитывать правовой, экономический и идеологический опыт своего «предшественника» [4, с. 117].

Итак, после Великой Октябрьской социалистической революции население Российской республики пребывало в ожидании множества изменений, которые не заставили себя ждать. Еще в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс предложили по-другому взглянуть на мир – не с позиции деления людей по национальному, религиозному и т.д. признаку, а исходя из экономических и классовых начал. Вследствие этого Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г.[3] обозначилась общность населения не по признаку единства наций в пределах одного государства, а исходя из классового подхода – «трудящийся и эксплуатируемый народ» – без этнического межевания.

Однако советская власть учитывала национально-культурные особенности населения республики. Декларация прав народов России стала одним из первых документов советской власти, где провозглашалось свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России[4]. В Конституции 1918 г. подтверждалась классовая характеристика свободного социалистического общества всех трудящихся России[5]. Вместе с тем реализовывалась политика диктатуры пролетариата, согласно которой «бывшие люди», будучи социально-опасными элементами, поражались в избирательных правах.

Уже в Договоре об образовании СССР говорилось: «Новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов… и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»[6].

Появление качественного нового социального устройства требовало изменения сознания населения. Трудности формирования человека «новой формации» сопровождались особенностями экономического развития Советского

---

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

[2] Конституция РФ от 12.12.1993 г.

[3] Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пос. М.: Проспект, 1997. 472 с.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

государства (индустриализация в городе и коллективизация в деревне). Однако в 1936 г. было формально закреплено очередное значимое достижение – построение социализма [5]. Говоря о конституционном развитии страны в период с 1924 по 1936 г., И. В. Сталин подчеркивал, что в 20-е гг. XX в. существовали трудности в национально-государственном строительстве ввиду пережитков прошлого и действия центробежных сил, однако с течением времени после победы над эксплуататорами произошел расцвет национальной культуры народов СССР – национальной по форме, социалистической по содержанию[1].

Конституцией 1936 г. обозначалось, что Советский Союз есть социалистическое государство рабочих и крестьян[2]. В соответствии с принятой конституцией допускалась возможность социальной реабилитации «бывших людей», которым была предоставлена возможность стать полноправными членами советского общества, несмотря на свое социальное происхождение.

Полагаем, что именно с момента юридического закрепления равенства можно говорить о трансформации народа трудящихся в «советский народ». «Реабилитированные» в глазах общественности граждане влились в советское общество и содействовали в деле строительства коммунизма. Собственно говоря, Великая Отечественная война показала сплоченность советского народа, невзирая на разность социального и национального происхождения в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками [6].

В 1961 г. принимается Моральный кодекс строителя коммунизма, предусматривавший положения о дружбе и братстве всех народов СССР, нетерпимости к национальной и расовой неприязни, а также о братской солидарности с трудящимися всех стран и со всеми народами. В официальном учебнике по истории КПСС под ред. Б. Н. Пономарёва говорилось: «Советский народ под руководством Коммунистической партии проложил всему миру столбовую дорогу к социализму. По ней идут многие народы и рано или поздно пойдут все народы мира»[3].

В 1977 г. была принята «брежневская» конституция, в рамках которой был официально введен в оборот термин «советский народ». Отмечалось, что в ходе успешного строительства социализма в стране «сложилось социально-политическое и идейное единство советского общества, ведущей силой которого выступает рабочий класс… в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей – советский народ».

Таким образом, говоря о сущностной характеристике, можно сказать, что в рамках государственного строительства был смещен акцент сплочения людей с

[1] Правда. 1936. 26 ноября.

[2] Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособие. М.: Проспект, 1997. 472 с.

[3] Пономарев Б. Н. История КПСС. М.: Госполитиздат, 1963. С. 6.

национально-религиозного фактора (великороссы, православные и т.д.) на социально-мировоззренческий (единство в деле строительства нового гуманного общества – коммунистического).

Стоит отметить, что субъектность советского народа носила специфический характер.

Во-первых, развитие идеи существования советского народа в целом не отрицало возможность параллельного бытия народов союзных республик, которые имели право на выход из состава государства и право на национально-культурную автономию.

Во-вторых, действовали институты представительной демократии «по-советски». В состав советов различных уровней входили не профессиональные политики, а простые граждане, которые трудились наравне с остальным населением. В свою очередь, народ делегировал данным делегатам полномочия (мандат) на решение вопросов. К слову сказать, в случае неисполнения наказов избирателей депутаты подлежали отзыву. К сожалению, на сегодняшний день такой механизм взаимодействия власти и общества упразднен, что является политико-правовым упущением [3].

В-третьих, вопрос о наличии у советского народа правосубъектности вызывает множество споров в науке. А. Е. Мицкевич полагал, что правосубъектность придается людям и организациям законом в соответствии с потребностями развития общественных отношений, а народ выступает не в качестве непосредственного субъекта права, а как создатель, творец новых общественных отношений. «Народ», «классы», «нация» – это категории политики, а не права [8, с. 143, 171]. По словам Е. В. Пономаревой: «Ни один из советских правоведов так и не смог обосновать организационное единство народа и нации, их дееспособность, деликтоспособность и общую волю» [9, с. 20]. Хотя О. Е. Кутафин отмечал: «Имея как субъект конституционно-правовых отношений права, народ вместе с тем несет и обязанности. Он обязан укреплять свое государство и всячески содействовать его развитию, защищать суверенитет и территориальную целостность государства, обеспечивать его единство» [7, с. 325].

Итак, правоспособность и дееспособность советского народа выражалась в деятельности граждан Советского Союза, органов государственной власти, партии и гражданского общества. В Конституции 1977 г. употребляется словосочетание «граждане СССР», что свидетельствует возможности каждого гражданина реализовывать свои права и исполнять обязанности. А. В. Мицкевич подчеркивал, что участие советского народа на выборах юридически оформляется в правах каждого отдельного гражданина, в правах и обязанностях собраний граждан, избирательных комиссий и т. п. [8, с. 171].

При этом можно сказать, что советский народ формально был источником власти, принял последнюю конституцию, а также выразил свое мнение на референдуме 17 марта 1991 г. Презюмировалось, что политически активные граждане выражают мнение народа, остальные пассивно согласны, если не заявят протест. Нет необходимости противопоставлять личное – общественному, еще Н. С. Хрущев говорил, что «империалисты измеряют понятия на свой лад и видят свободу

личности в анархическом противопоставлении личного общественному, личности коллективу»[1].

Таким образом, можно заключить, что советский народ не был отдельным субъектом социалистического права, однако удовлетворение его интересов происходило за счет правореализаторской политики Советского государства.

Список источников

1. Аристотель. Политика. – М.: Изд-во АСТ, 2024. – 288 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Изд-во АСТ, 2023. – 544 с.
3. Дашкевич Н. Г. Императивный (полусвободный) мандат депутата Государственной Думы РФ: практическое значение // Новеллы права, экономики и управления 2019: материалы V междунар. науч.-практ. конф. – Гатчина: ГИЭФПТ, 2019. – С. 32–35.
4. Дашкевич Н. Г. К вопросу об актуальности изучения семьи социалистического права // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIX междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – С. 113–117.
5. Дашкевич Н. Г. Конституция СССР 1936 г. Основной закон «победившего социализма» // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 4(78). – С. 28–49. DOI 10.35231/18136230_2024_4_28.
6. Дашкевич Н. Г. Особенности государственно-правовой системы СССР в начальный период Великой Отечественной войны // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 2(80). – С. 46–61. DOI 10.35231/18136230_2025_2_46.
7. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – 444 с.
8. Мицкевич А. В. Избранное. – М.: ИЗиСП при Правительстве РФ, 2010. – 304 с.
9. Пономарева Е. В. Нации и народы как субъекты права: теоретико-правовой анализ // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 16–23.

Сведения об авторе

Дашкевич Никита Германович – аспирант кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-6642-9728, e-mail: dashkevich0801@gmail.com

[1] Хрущев Н. С. Отчет Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии. М., 1961. С. 103.

УДК 340.1
ГРНТИ 10.07.61

Русский язык как консолидирующий фактор современной России (правовые аспекты)

А. В. ЕВСЕЕВ

В работе вводится понятие «функция консолидации» применительно к государственному языку Российской Федерации. Рассматриваются доктринальные и законодательные новации, направленные на реализацию этой функции русского языка в современной России.

Ключевые слова: русский язык, государственный язык, функция, консолидация, меры обеспечения, реализация функции, показатели реализации функции.

Русский язык – один из самых влиятельных языков в мире, на котором разговаривают более 158 млн людей. Практически для каждого русского человека (и не только русского) он является родным. До недавнего времени он пребывал и развивался в весьма стихийном режиме, зачастую подвергаясь воздействию как внешних, так и внутренних деструктивных сил. Однако за последние 20 лет Российское государство, осознавая негативные последствия такого рода влияния, стало предпринимать значительные усилия для придания русскому языку большего значения по сравнению с прежними декларативными утверждениями и заявлениями, что он является государственным языком Российской Федерации[1] и т.п. На сегодня складывается устойчивая тенденция, реализуемая и в теоретическом плане, и в законодательстве, и в реальной политике Российского государства и направленная на повышение правового статуса русского языка, его внутренней нормативности и защищенности от враждебных и девиантных актов. Между тем в связи с обострением международной обстановки за последние годы, включая усиление политики стран Запада, направленной на дестабилизацию Российского государства и общества, роль русского языка в этом контексте становится всё более актуальной.

Согласно традиционной точки зрения, восходящей к идеям Ф. Энгельса (1820–1893), язык – это средство общественных взаимодействий и коммуникаций, складывающихся на основе производства орудий труда и иных материальных благ [1[2]]. Если говорить о сущности языка, то помимо марксистского подхода (согласно которому, труд как основной стимул антропогенеза, в том числе сознания и языка), популярными остаются и иные философические подходы, например, учение А. Шлейхера (1821–1868), согласно которому, язык как особый социально-природный организм, подчинённый своим внутренним законам морфологии и развития, и концепция В. фон Гумбольта (1767–1835) по которой язык есть внешняя форма проявлений духа народа.

[1] Далее сокращенно – РФ.

[2] Ради справедливости, заметим, что в советское время в нашей стране были предложены и альтернативные определения языка, основанные на данных современной палеонтологии и археологии [См.: 2].

Современная философия и социология и политология, рассматривая язык как универсальную и весьма гибкую информационно-знаковую систему, отмечает, что язык выполняет (должен выполнять) множество функций в отношении общества и личности, таких как:

1) коммуникативная,
2) праксиологическая,
3) познавательная,
4) политическая,
5) нормативная,
6) аксиологическая (ценностно-воспитательная),
7) социальная память,
8) идеологическая,
9) и др.

В настоящее время актуализируются другие функции и подфункции языка. Одна из них – интегративная функция (консолидация), особо востребованная в России с началом СВО.

Консолидация (от позднелат. *consolidatio* – укреплять) – это придание устойчивости целому за счёт усиления единства и сплочённости его составных частей. Консолидация актуальна при возникновении противодействующих факторов и процессов, которые могут привести к распаду целого и разрушению его частей. Консолидация обычно возникает как реакция целого (системы) на действие факторов, негативно влияющих на его целостность и единство[1]. Такая реакция зависит, естественно, от природы этих факторов. Прежде всего надо различать внешние и внутренние факторы, нарушающие единство данного целого.

Реакция (для сохранения и усиления целого) сводится, по сути, к двум типам реагирования:

(1) непосредственное противодействие негативным факторам[2],

(2) создание и усиление позитивных мер (механизмов) интеграции[3].

На современном этапе весьма перспективным средством консолидации российского общества и государства может (и должен) стать русский язык, на котором говорит (и мыслит) практически всё население России.

---

[1] Под единством целого мы понимаем его новое качество, обусловленное возникновением особых (дополнительных) условий, укрепляющих связи между частями такого целого.

[2] Что касается противодействия негативным факторам, то оно обычно происходит в виде принятия таких мер, как мониторинг за обстановкой, прогнозирование, подготовка и размещение сил и средств, предупреждение, пресечение, противоборство, преследование и т.п.

[3] Что касается создания и усиления позитивных мер (механизмов), то противодействие им обычно происходит в виде усиления прежних мер (механизмов) и создания дополнительных мер, таких как нивелирование явных (антагонистических) конфликтов, укрепления мирного (не конфронтационного) режима сосуществования, развития взаимодействия различных частей целого, усиления охраны и защиты целостности от иных угроз и рисков (например третьих сил), создание новых форм и механизмов сотрудничества и взаимовыгодных обменов и т.п.

В ряде официально заявленных в нашей стране доктрин, касающихся использования русского языка для консолидации российского общества и государства[1], формулируются несколько основных направлений государственной политики, в рамках которой должна быть реализована интегративная функция этого языка:

1) развитие единообразного исторического образования на русском языке и иных языках народов РФ, формирование на этой основе общей исторической памяти у различных социальных слоев, народов и иных этносов, поколений людей (осознание ими «общей исторической судьбы»);

2) повышение правового статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации;

3) обеспечение защиты, поддержки и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации, как языка государствообразующего народа и как родного языка;

4) повышение качества владения русским языком всеми гражданами России;

5) нормативно-правовое обеспечение равной доступности изучения и освоения русского языка всеми гражданами Российской Федерации, повышение качества преподавания русского языка;

6) расширение областей использования русского языка как языка межнационального, межкультурного и политического общения;

7) формирование у граждан РФ общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) с использованием русского языка (например, таких выражений, как «Конституция РФ», «общее законодательство», «единое гражданство РФ», «признание суверенитета государства, его государственной и территориальной целостности», «равные права и свободы граждан РФ» и подобных маркеров, способствующих выработке такой гражданской идентичности);

8) формирование у граждан РФ общероссийской культурной идентичности с использованием русского языка (например, таких выражений, как «русский мир», «русская цивилизация», «русские духовно-нравственные традиции и ценности» и подобных маркеров, способствующих выработке такой общей культурной идентичности);

9) содействие разнообразным СМИ и другим общественным организациям в создании общегосударственного информационно-коммуникативного про-

[1] Среди них:

1) Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

2) Указ Президента РФ от 11 июля 2025 г. № 474 «Основы государственной языковой политики российской федерации».

3) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858.

4) Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 17.07.2025) «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

странства (в частности, через регламентирование рекламы на русском языке, использование русского литературного языка, расширение присутствия русского языка в сети Интернет);

10) создание условий для обязательного применения государственного языка РФ в деятельности органов публичной власти в РФ;

11) содействие росту экономических взаимосвязей (с использованием русского языка в соответствующем законодательстве и документообороте);

12) содействие росту социальной мобильности и конкуренции (с использованием русского языка в качестве чьего-либо преимущества);

13) др.

В некоторых доктринах приводятся и более конкретные цели и задачи по реализации интегративной функции русского языка в России. В частности, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации говорится: «К 2036 г. уровень общероссийской гражданской идентичности должен составить не менее 95 %, доля россиян, положительно оценивающих отношения между представителями различных национальностей, – не менее 85 %, отмечающих отсутствие в отношении себя дискриминации по национальному или языковому признаку, – не менее 90 %»[1].

В научной юридической литературе поднятая в данной статье тема освещается лишь частично [3].

Законодательное обеспечение русского языка в качестве консолидирующего фактора в Российской Федерации за прошедшие годы весьма интенсивно развивается и основывается на ст. 68 Конституции Российской Федерации, п. 1 которой гласит: «Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»[2]. Наиболее значимым в этой области стал Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»[3] и дополняющий его Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.06.2025 № 168-ФЗ[4]. Однако роль русского языка в качестве консолидирующего фактора в этих законах не получила своего особого нормативно-правового

[1] Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024 (дата обращения: 12.04.2026).

[2] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12.12.1993, вступила в силу 25.12.1993, в ред. 04.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (дата обращения: 12.04.2026).

[3] Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102012883&backlink=1&nd=102092715 (дата обращения: 12.04.2026).

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.06.2025 № 168-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой

урегулирования, если не считать начальных двух статьей Федерального закона № 168-ФЗ:

«4. Государственный язык Российской Федерации является языком, способствующим взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации в едином многонациональном государстве.

5. Защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации»[1].

Косвенно консолидирующая роль русского языка просматривается в ст. 3 этого закона, где перечислены сферы использования государственного языка Российской Федерации. В ст. 4 отмечается, что «федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции… осуществляют контроль за соблюдением законодательства Российской Федерации о государственном языке Российской Федерации, в том числе за использованием слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, путем организации проведения независимой экспертизы»[2].

Обобщая юридическую практику использования русского языка в качестве консолидирующего фактора, можно прийти к некоторым выводам, указывающим на проблемный характер российского законодательства в этой области.

Во-первых, консолидирующая роль русского языка как государственного языка РФ представлена в российском законодательстве не в полной мере и в основном декларативно – в виде неких стратегических целей и задач, которые по сути повторяют концептуальные положения официально утверждённых доктрин (Стратегии, Основы политики и др.). Лишь некоторые нормативные положения вышеуказанных законов и соответствующих подзаконных актов непосредственно служат достижению функции консолидации российского общества и государства.

Во-вторых, в некоторых положениях законодательства дело доходит до коллизий. Например, получение учеником образования (на ступенях начального и основного общего образования) на нерусском языке не предполагает обязательности для него изучения русского языка; в то же время сдача ЕГЭ с 2018 г. проводится у нас только на русском языке

В-третьих, принятие в 2025 г. Федерального закона № 168-ФЗ определяет довольно короткий срок вступления в силу его новаций (промульгация до 1 марта 2026 г.), которые потребуют от предприятий и иных организаций значительных материальных потерь и финансовых затрат (перевод иностранных текстов и наименований на русский язык, демонтаж публичных информационных

информации. URL: https://clck.ru/3TFRLE (дата обращения: 12.04.2026). Данный закон получил в народе своё неофициальное название – «закон о защите русского языка».

[1] Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102012883&backlink=1&nd=102092715 (дата обращения: 12.04.2026).

[2] Там же.

вывесок и рекламных стендов, перерегистрация уставов (с уплатой госпошлины), расторжение соответствующих договоров и т.д. – всё это слабо согласуется к консолидирующей ролью русского языка в этой области.

В-четвертых, многие нормативные требования последних законов в области использования русского языка выглядят нереалистичными, особенно с учётом большого объёма англицизмов в таких сферах, как программирование и цифровые технологии.

Список источников

1. Энгельс Ф. О роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. – М.: Политиздат, 1986. – 23 с.

2. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

3. Землянинова Е. А. Интегративная функция права: история исследования, понятие и особенности // Молодёжь в науке – 2009: приложение к журналу Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Ч. 2: Серия гуманитарных наук. – С. 161–167.

Сведения об авторе

Евсеев Алексей Викторович – кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

УДК 314.93
ГРНТИ 05.01.11

Русский народ как основа населения мегаполиса

М. А. КУРБАЦКАЯ

В статье исследуется роль русского народа как демографической и социокультурной основы населения современных российских мегаполисов. Рассматриваются исторические предпосылки формирования крупных городов России, анализируются данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг., выявляются динамика этнической структуры и миграционные процессы. Представлен эмпирический анализ демографических показателей Москвы и Санкт-Петербурга как крупнейших урбанистических центров страны. Делается вывод о сохранении русскими статуса демографического ядра мегаполиса при одновременной трансформации этнокультурной структуры городской среды.

Ключевые слова: русский народ, мегаполис, урбанизация, демографическая структура, этничность, миграция, Москва, Санкт-Петербург, социокультурная интеграция.

Современный мегаполис представляет собой сложную, иерархически организованную социальную систему, функционирование которой определяется взаимодействием демографических, экономических, культурных и институциональных факторов. Высокая плотность населения, развитая инфраструктура, интенсивные миграционные потоки и многообразие социальных практик формируют особую урбанистическую среду, в рамках которой происходит не только воспроизводство населения, но и трансформация социальных связей, норм и идентичностей. В отличие от традиционных форм расселения, мегаполис выступает пространством ускоренных социальных изменений, где усиливаются процессы социальной дифференциации, мобильности и культурной гибридизации.

В российском контексте формирование и развитие крупнейших городов исторически было тесно связано с ролью русского народа как государствообразующего этноса. Данная роль проявлялась не только в количественном доминировании, но и в способности обеспечивать институциональную устойчивость общества, формировать систему управления, поддерживать единство культурного и языкового пространства. Русский народ выступал ключевым носителем базовых социальных норм, ценностей и моделей поведения, которые закреплялись в городской среде и воспроизводились через образовательные, административные и культурные институты.

Особое значение в этом процессе имели крупнейшие мегаполисы страны – Москва и Санкт-Петербург, которые исторически выполняли функции центров политической власти, экономической концентрации и культурного развития. Их становление происходило в рамках централизованной государственности, где русский народ играл роль демографического и социокультурного ядра. Именно через эти города происходила институционализация общенациональных практик, формирование управленческих элит и распространение культурных стандартов, определяющих специфику российского общества в целом.

Русское население мегаполисов обеспечивало воспроизводство городской культуры, включая язык, повседневные нормы, формы социальной коммуникации и символические структуры. Русский язык, в частности, выступал не только средством общения, но и важнейшим инструментом социальной интеграции, позволяющим включать представителей различных этнических групп в единое социокультурное пространство. Таким образом, русский народ выполнял функцию своеобразного «интеграционного каркаса», вокруг которого формировалась многонациональная структура городского населения.

Вместе с тем в условиях современной глобализации, усиления внутренних и внешних миграционных процессов, а также роста межрегиональной мобильности населения наблюдаются существенные изменения в этносоциальной структуре мегаполисов. Увеличение доли населения иного этнического происхождения приводит к усложнению культурного ландшафта города, формированию новых форм межэтнического взаимодействия и трансформации механизмов социальной интеграции. В этих условиях роль русского народа претерпевает определённую эволюцию: от статуса безусловного доминирующего большинства к позиции системообразующего, но уже не единственного центра городской социальной структуры.

Данный процесс сопровождается изменением характера идентичности. Наряду с этнической идентичностью усиливается значение гражданской и городской идентичности, основанной на принадлежности к мегаполису как особому социальному пространству. Формируется новая модель социокультурной интеграции, в которой русский народ сохраняет ключевую роль, однако функционирует в условиях многообразия культурных влияний и практик.

Таким образом, современный мегаполис в России представляет собой динамичную систему, в которой русский народ продолжает выступать важнейшим структурообразующим элементом, обеспечивающим преемственность институциональных и культурных основ. Вместе с тем происходящие трансформации требуют более глубокого научного осмысления роли титульного населения в условиях усложнения социальной структуры и усиления межкультурного взаимодействия.

Цель исследования – выявить роль русского народа как основы населения мегаполиса на основе статистического и социологического анализа.

Задачи исследования:

- Проанализировать исторические предпосылки формирования мегаполисов.
- Исследовать динамику этнической структуры населения крупнейших городов.
- Оценить миграционные процессы и их влияние на этнодемографический баланс.

Методы исследования: анализ данных переписей населения, сравнительный статистический анализ, структурно-функциональный подход.

Теоретико-методологическая база исследования опирается на классические и современные социологические концепции города, этничности и социальной

интеграции. В рамках классической социологии город рассматривается как специфическая форма социальной организации, обладающая собственной структурой, нормами и механизмами воспроизводства. Так, Макс Вебер определял город как автономное социальное образование, характеризующееся наличием развитых экономических связей, политической организации и особого типа социальной стратификации. Веберовский подход позволяет рассматривать мегаполис не только как пространственную концентрацию населения, но и как институционально оформленную систему социальных отношений.

Дополнение к этому подходу представлено в работах представителей российской социологической и этнологической традиции, в частности Лев Гумилёв и Юрий Арутюнян акцентируют внимание на роли этноса как устойчивой культурно-исторической общности. В рамках данной парадигмы этнос рассматривается как система, обладающая внутренней целостностью, механизмами саморегуляции и способностью к воспроизводству в различных социальных условиях, включая урбанизированную среду. Особое значение имеет идея о том, что этнические общности выполняют функцию носителей культурных норм, ценностей и моделей поведения, обеспечивая преемственность общественного развития.

В современных исследованиях мегаполис трактуется как пространство интенсивного этнокультурного взаимодействия, формирующееся под воздействием глобализационных процессов. Усиление миграционных потоков, развитие коммуникационных технологий и расширение экономических связей приводят к росту культурного разнообразия городского населения. В этой связи мегаполис выступает не только как центр концентрации ресурсов, но и как среда, в которой происходит постоянное взаимодействие и взаимовлияние различных этнических групп.

Вместе с тем, несмотря на усложнение этносоциальной структуры, устойчивость мегаполиса как социальной системы во многом определяется наличием демографического ядра, выполняющего интеграционную функцию. Под демографическим ядром понимается количественно и культурно доминирующая группа населения, обеспечивающая функционирование ключевых социальных институтов, поддержание языкового единства и воспроизводство базовых норм социальной жизни. В российском контексте такую роль традиционно выполняет русский народ, который обеспечивает институциональную и культурную целостность городской среды.

С позиций структурно-функционального анализа данная группа выступает как системообразующий элемент, способствующий интеграции различных социальных и этнических компонентов мегаполиса. Она задаёт нормативные рамки взаимодействия, формирует культурный код городской жизни и обеспечивает включение новых групп населения в существующую социальную структуру. При этом важно подчеркнуть, что интеграционная функция не исключает процессов трансформации: под воздействием глобализации и миграции само демографическое ядро претерпевает изменения, адаптируясь к новым условиям.

Таким образом, теоретические подходы, объединяющие классические социологические концепции города и современные представления об этничности, позволяют рассматривать мегаполис как динамичную систему, в которой ключевую роль играет взаимодействие культурного многообразия и структурообразующего демографического ядра. Это создаёт основу для анализа специфики русского народа как базового элемента социальной структуры современного российского мегаполиса.

Эмпирическая часть

1. Динамика этнической структуры населения

На основе данных Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг. проведён сравнительный анализ.

Таблица 1

Доля русских в структуре населения крупнейших мегаполисов, %

Год	Москва	Санкт-Петербург
2002	84,8	89,2
2010	86,0	92,5
2021	85,0	90,4

Источник: расчёты автора по данным Росстата.

Анализ показывает, что русские сохраняют абсолютное большинство в структуре населения мегаполисов. Наблюдаются незначительные колебания, связанные с миграционными процессами и изменением методики учёта.

2. Миграционные процессы

Таблица 2

Миграционный прирост населения (чел.)

Год	Москва	Санкт-Петербург
2010	192 000	78 000
2015	211 000	94 000
2021	145 000	63 000

Рост миграционного притока в 2010–2015 гг. сопровождался увеличением этнического разнообразия. Однако основная часть внутренней миграции представлена русским населением из регионов РФ.

3. Возрастная структура русского населения

Таблица 3

Возрастная структура русских в мегаполисах (2021 г., %)

Возрастная группа	Москва	Санкт-Петербург
0–17	17,4	15,9
18–59	60,2	58,7
60+	22,4	25,4

Наблюдается тенденция к старению населения, особенно выраженная в Санкт-Петербурге. Это создаёт долгосрочные демографические вызовы.

Статистический анализ

Для оценки устойчивости демографического доминирования русских был рассчитан коэффициент этнической концентрации (доля крупнейшей этнической группы в общей численности населения).

Среднее значение коэффициента за 2002–2021 гг.:

Москва – 85,3 %

Санкт-Петербург – 90,7 %

Показатели свидетельствуют о высокой степени этнической концентрации, что позволяет говорить о сохранении статуса русских как демографического ядра.

Корреляционный анализ показал умеренную отрицательную связь ($r = -0,42$) между уровнем миграционного притока и долей русских в структуре населения, что отражает влияние внешней миграции на этнический баланс.

Обсуждение результатов

Русский народ в настоящее время сохраняет количественное доминирование в крупнейших мегаполисах России, выступая основной демографической группой, определяющей базовые параметры воспроизводства городского населения. Несмотря на значительные миграционные потоки, как внутренние, так и внешние, доля русских остаётся определяющей в структуре населения таких городов, как Москва и Санкт-Петербург. Это доминирование проявляется не только в численности, но и в устойчивости демографического присутствия, закреплённого историческими и институциональными факторами развития городов.

Вместе с тем современный мегаполис характеризуется возрастающей этнокультурной диверсификацией. Увеличение доли населения, принадлежащего к различным этническим группам, связано с интенсификацией миграционных процессов, обусловленных экономическими, социальными и геополитическими факторами. Формируется сложная полиэтничная структура, в рамках которой усиливается взаимодействие различных культурных традиций, языков и социальных практик. Однако данная диверсификация не приводит к утрате системообразующей роли русского населения, а скорее, трансформирует формы её реализации.

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на социальную динамику мегаполиса, способствуя обновлению трудовых ресурсов, изменению социальной структуры и расширению культурного пространства. В то же время они усиливают нагрузку на механизмы социальной интеграции и требуют адаптации институциональной среды. В этих условиях именно русское население продолжает выполнять функцию интеграционного центра, обеспечивая включение новых групп в существующую систему социальных отношений посредством языка, образовательных институтов и культурных норм.

Особое значение в анализе демографической роли русского народа имеет проблема старения населения. Как показывают современные исследования, для русских в мегаполисах характерно увеличение доли старших возрастных групп, что связано с общенациональными демографическими тенденциями: снижением рождаемости, увеличением продолжительности жизни и изменением возрастной структуры. Данный процесс формирует долгосрочные вызовы для развития городов, включая нагрузку на систему социального обеспечения, здравоохранения и рынка труда. В то же время миграционные потоки частично компенсируют демографические потери, однако не изменяют базовой роли русского населения в структуре мегаполиса.

Таким образом, русский народ продолжает выполнять комплексную функцию в развитии современного мегаполиса, выступая одновременно демографическим, культурным и институциональным основанием городской системы. Его количественное преобладание, роль носителя доминирующего языка и культурных норм, а также участие в функционировании ключевых социальных институтов обеспечивают устойчивость и воспроизводство городской среды. При этом происходящие демографические и социокультурные трансформации требуют дальнейшего научного осмысления, поскольку именно от способности адаптации данного ядра зависит стабильность и интеграционный потенциал мегаполиса в условиях глобальных изменений.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что русский народ сыграл ключевую роль в историческом формировании крупнейших российских мегаполисов, выступив их демографическим, культурным и институциональным основанием. На протяжении длительного периода именно русское население обеспечивало устойчивость городской среды, формирование системы социальных институтов и воспроизводство базовых норм общественной жизни. Данная роль сохраняется и в современных условиях, несмотря на значительные трансформации, обусловленные процессами урбанизации и глобализации.

Современные мегаполисы России характеризуются ростом этнокультурного разнообразия, обусловленного интенсификацией миграционных процессов и расширением межрегиональных связей. В результате формируется сложная полиэтничная структура населения, в рамках которой усиливается взаимодействие различных культурных и социальных практик. Тем не менее сохраняется высокая степень этнической концентрации русского населения, что позволяет ему продолжать выполнять функции системообразующего ядра, обеспечивающего целостность и устойчивость городской социальной системы.

Важным фактором, определяющим перспективы развития мегаполисов, является необходимость поддержания баланса между процессами интеграции мигрантов и сохранением демографической устойчивости русского населения. Эффективная интеграция предполагает включение новых групп в существующее социокультурное пространство через язык, образовательные и институциональные механизмы, при одновременном сохранении базовых ценностных и культурных ориентиров. В то же время демографические вызовы, включая старение населения и изменение его возрастной структуры, требуют разработки долгосрочных стратегий, направленных на поддержание воспроизводственного потенциала.

Таким образом, дальнейшее развитие российских мегаполисов будет во многом зависеть от способности обеспечивать устойчивое взаимодействие между культурным многообразием и сохраняющимся демографическим ядром. Русский народ в данном контексте продолжает играть ключевую интеграционную роль, выступая фактором стабильности и преемственности в условиях усложняющейся социальной структуры. Это определяет необходимость дальнейших исследований, направленных на изучение механизмов адаптации и трансформации этносоциальных процессов в современной городской среде.

Список источников

1. Вебер М. Город. – М.: Strelka Press, 2017. – 252 с.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-Пресс, 2007. – 560 с.
3. Арутюнян Ю. В. Этносоциология. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 320 с.
4. Росстат. Всероссийская перепись населения 2002 года: Итоги. – М., 2004.
5. Росстат. Всероссийская перепись населения 2010 года: Итоги. – М., 2012.
6. Росстат. Всероссийская перепись населения 2021 года: Основные результаты. – М., 2023.
7. Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества. – М.: Наука, 2005. – 384 с.

Сведения об авторе

Курбацкая Мария Александровна – аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: kurbazkaja.m@yandex.ru

УДК 34
ГРНТИ 10.09.09

Особенности политической борьбы в многонациональном государстве на примере Византийской империи

Д. А. МАКАРОВ, О. С. МАКАРОВА

В статье рассматриваются особенности повседневной политической жизни в Византийской империи в аспекте нестабильности её системы престолонаследия. Исследуются основные закономерности в мятежах и политическом противостоянии различных социальных групп в Византийской империи. Изучается практика применения права на восстание против узурпатора в правовой системе Византийской империи.

Ключевые слова: Василевс, Византия, государство, закон, император, мятеж, политическая повседневность, право на восстание, ромеи.

Определяющей составляющей политической повседневности Византии были многочисленные бунты и мятежи против верховной власти. По сути, империя жила в условиях перманентного мятежа. Принципиальным моментом является не факт, что представители различных социальных групп боролись за свои права. Бунты и мятежи являются атрибутом существования практически любого государства. Специфика Византии заключалась в том, что они были практически непрекращающимися и по сути в обыденных, и в профессиональных представлениях ромеев законными.

Признавалось право на восстание против узурпатора, которым могли посчитать любого человека с позиции той или иной социальной группы как недостойного на занятие престола. В государствах Европы, в арабском мире и др. смена династии была достаточно сложным процессом. Восстание могло увенчаться успехом при стечении многих обстоятельств, определяющим из которых, как правило, являлась благородность происхождения нового претендента на престол. В Византии требование к благородности как основанию занятия престола, как фундаментальный принцип, несмотря на принятый императором Константином Великим Закон «О багрянородных», изначально в повседневных представлениях ромеев не предполагалась. Но на завершающем этапе существования Византии в процессе ее варваризации подобное требование стало важным. Например, династия Великих Комнинов в Трапезунде опиралась в своих претензиях на престол именно в силу своего происхождения [1].

Можно отметить в качестве примера повседневной политической практики ромеев ряд наиболее значимых восстаний. Данные события показывают динамику повседневной политической жизни империи. Они неразрывно связаны с рядом процессов, происходивших в государстве. Без изучения политической практики, повседневной политической жизни невозможно дать оценку в целом повседневным взглядам ромеев на природу государственной власти. В подобных

как народных, так и аристократических восстаниях, против императорской власти во многом отражался ее республиканский характер: возможность свержения узурпатора не просто как догма в политическом произведении или в законе, а как часть реальной повседневной политической жизни в государстве.

Восстание Алариха против власти империи в 395–398 гг. Он стал одним из первых королей Вестготов. Мятеж командующего Тригибигильда против императора Аркадия. С большим трудом оно было подавлено. Мятеж узурпатора магистра Гайнса против Аркадия и Феодосия I в 400 г. Оно было подавлено, но стало знаковым, войска федератов были подчинены командующим армиями изначально не варварского, а ромейского происхождения [2].

Мятеж представителя фракийской династии Марциана против императора Зенона в 479 г. организован солдатами и частью жителей Константинополя. Был подвален. Затем посредством Илла временно занял престол и был им свергнут в 484 г. В 484-573 гг. серия восстаний самаритян на религиозной почве. Все завершилось сокращением их численности и победой христиан. Исаврийская война 492-497 гг. Она была связана с борьбой представителей исаврийцев занимавших высшие государственные посты против политиков выходцев из иных этнических групп. Большую роль в восстании сыграли цирковые партии в Константинополе, которые выступили против преобладания исаврийцев. К власти пришел император Анастасий, исаврийцы были разбиты.

В 513–*515 гг. восстание командующего армией Виталиана, которое было поддержано населением Фракии против императора Анастасия I. Было подавлено. В 532 г. произошло восстание цирковых партий в Константинополе – «Ника» протии императора Юстиниана. Флавий Ипатий, командующий группой армий на границе с Персией, провозгласил себя императором, но мятеж не удался, и он был казнен. 536–537 гг. Восстание магистра Стотца в Африке с провозглашением его народом и армией императором и попытка сепаратизма с отделением провинции от Византии. Было подавлено, узурпатор казнен.

В 602 г. знаковое в истории Византии восстание, свержение императора Маврикия и провозглашение Василевсом командующего одной из схол Фоки. Император Маврийкий совершил серьезную политическую ошибку. Он попытался придать Византии характер патримониального государства. Попытка передачи власти по наследству, минуя акт избрания армией, народом и Сенатом. Маврикий был убит вместе со своими сыновьями, при сохранении жизни дочерям, чтобы не дать даже тени возможности распоряжения императорами государством как собственниками частной недвижимости. 603-604 мятеж магистра Нарссеса, командующего группой армий в Сирии против императора Фоки. Был подавлен императором. 608–610 гг. Восстание магистра Ираклия против императора Фоки. Завершилось успехом. Фока был свергнут, и на троне воцарилась Ираклейская династия. В 610–611 гг. восстание магистра Коментиола, брата свергнутого Фоки, против Ираклия Младшего. Было подавлено. В 613–628 гг.

восстание иудеев против Ираклейской династии. Краткая реставрация еврейского государства. Восстание было подавлено. В 607 г. Иоанн Конза захватывает Неаполь и провозглашает себя герцогом. Мятеж подавлен экзархом Равенского экзархата Элефрентием. В 640 г. Восстание магистра Тита, было подавлено. В 644 г. попытка дворцового переворота Валентина (был регентом и сам имел царское происхождение с правом носить пурпурные одежды) против Константина II. Валентина, заявившего права на престол, линчевал плебс Константинополя как узурпатора. В 646–647 гг. мятеж, экзарха Григория Патриция Африки. Провозгласил себя императором, выступил против монофизитства. Поддержан армией и плебсом, но разбит арабами. В 650–652 гг. восстание экзарха Равенны Олимпия. Получил поддержку Папы Мартина I и народа. Провозгласил себя императором. Был разбит арабами. В 651 г. переход на сторону арабов армянского военного предводителя Теодора Ршутни. Был разбит Константом II. Борьба сопровождалась религиозным противостоянием с монофилитами. В 667 г. восстание Сабириоса армянского военачальника персидского происхождения. Было подавлено. В 669 г. убийство Константа II и неудачная узурпация магистра Миция в Сицилии. В 680 г. восстание народа Анатолийской фемы против императора Константина IV. Было подавлено. 692 г. переход на сторону арабов магистра Смбата. 695 г. удачное восстание Льва против Юстинина II. 698 г. свержение императора Льва армией.

В 705 г. свержение императора Тиберпия Юстинианом II, который вернул себе трон. 709 г. мятеж Георгия в Равенском экзархате. 711 г. при поддержке армии и населения Херсонеса Филипп Вардан свергает императора Юстиниана II. В 715 г. гражданская война, отречение императора Анастасия II в пользу Феодосия II. В 717 г. узурпация власти Львом Исавром. 717 г. восстание на Сицилии и провозглашение Василия Ономагула императором. Лев Исавр сохранил власть. 726 г. восстание против иконоборцев в Венеции, Орсо Ипато избран дожем Венеции. В том же году восстание турмарха Агалианна и Эладской фемы против иконоборцев. 741–743 гг.. узурпация власти Артабасом против Константина V. В 780 г. неудачный переворот Никифора против Льва IV. Виновный был ослеплен. В 790 г. удачный мятеж против регентши Ирины Афинской по пользу Константина VI. 792–793 гг. восстание знати армянского происхождения в пользу Ирины.

В 800 г. восстание в Каппадокии под предводительством евнуха и царедворца Старакия в пользу императрицы Ирины. В 803 г. восстание магистра Вардана Турка против Никифора I. Было подавлено. В 821–823 гг. восстание магистра Фоки Славянина против Михаила II. Было с большим трудом подавлено. Ослабление империи, кризис иконоборчества, народное недовольство военными неудачами подрывали легитимность правящих династий. В 827 г. восстание провозгласившего себя императором турмарха Евфемия на Сицилии. Было подавлено. В 837 г. восстание смолян на Балканах. В 838 г. восстание

хурраммитов, провозгласивших императором Феофила. Он подчинился правящему императору, но был казнен. В 866 г. восстание патрикия и логофета дрома Симбатия Армянина против Василия Македонянина. Было подавлено.

Захват власти регентом Романом Лакапином и коронация его сыновей привели к недовольству и восстанию доместика схол Львы Фоки Старшего в 919 г. Было подавлено. В 921 г. восстание славян на Пелопонессе. 922 г. мятеж стратега Халдии против Романа Лакопина. Было подавленно. 930 г. народное восстание в Опсиндоне. В 970 г. мятеж полководца Варды Фоки против императора Иоанна I Цимисхия. В 976-979 гг. неудачный мятеж полководца Варды Склира против императора Василия II. В 987–989 гг. мятеж Варды Фоки против Василия II [3].

В 1022 г. мятеж Никифора Ксифиаса и Никифора Фоки Баритрахела против Василия II. В 1026–1027 гг. династические распри в императорском доме, мятеж Василия Склироса. В 1034 г. гражданская война, народное восстание в Антиохи. Было с большим трудом подавлено. В 1034–1039 гг. сепаратизм, восстание сербов во главе с наместником Стефаном Вислава. Было успешным, Сербия получила независимость. В 1040 мятеж магистра Григория Таронита во Фригии. Было подавленно. В 1040–1041 гг. восстание болгар под предводительством Петра Деляна. Оно было с большим трудом подавленно Михаилом IV. В 1042 г. династические распри. Народ сверг Михаила V Калафата, восстановление в правах императриц Зои и Феодоры. В 1047 г. мятеж полководца Льва Торникия против своего двоюродного брата Константина IX. В 1057 г. мятеж франкского наемника магистра Эрве Франкопулоса с попыткой основания своего государства. Он подчинился императору и был прощен. В этом же году успешный мятеж Иссака Комнина ставшего императором.

В 1071–1072 гг. династическая война в Византии. Свержение императора Романа IV Диоген после поражения при Манцикерте. Возведение армией и знатью на престол Михаила VII Дуки в 1071 г. В 1073–1074 гг. провозглашение узурпатора цезаря Иоанна Дуки императором. Мятеж не удался, цезарь был пострижен в монахи. В 1077–1078 гг. мятеж узурпация власти Никифором III Вотаниатом. В 1077–1078 гг. Восстание Никифора Вриенния против Михаила VII Дуки и Никифора III. Оно было подавленно. Далее серия мятежей: 1078 г. Филарета Брахима против императора Михаила VII Дуки; 1078 г Никифора Вотаниата против Никифора III; 1080–1081 гг. Никифора Мелиссина против Никифора III; 1081 г. успешный захват власти императором Алексеем I Комнином. Затем серия сепаратистских восстаний в Сербии в 1091–1092 гг., в 1092 г. на Крите и Кипре. В 1095 г. половцы оказывают поддержку Константину Диогену. В 1095–1098 гг. Восстание Феодора Габраса, правителя Халдии признан православный церковью мучеником, против императора Алексея I Комнина.

Серия сепаратистских восстаний в Сербии в 1102, 1149 и 1166 гг. В 1181 г. восстание плебса Константинополя за Марию Комнин и против Алексея Комнина. В 1182 г. патриотический мятеж, массовое убийство латинян и приход к власти Андронника I Комнина. В 1083 г. неудачный мятеж магистра Андроника

Лапарды. В 1183 г. мятеж стратега Фракийской фемы Иоанна Комнина Ватаца, против регентства Андроника I Комнина. В 1184 г. мятеж Феодора Кантакузина, наместника Пруссы. В 1184–1191 гг. успешный сепаратистский Исаака Комнина на Кипре. В 1185 г. успешный сепаратистский мятеж Асена и Петра, основание – возрождение Болгарского царства. В 1185 г. успешный мятеж и приход к власти Исаака II Ангела. В 1187 г. неудачный мятеж Алексия Бранаса против Исаака II Ангела. В 1188–1189 гг. успешный сепаратисткий мятеж Феодора Мангафа в Филадельфии. В 1190–1204 гг. успешный сепаратисткий мятеж. Восстание и создание отколовшегося государства Василия Кантакузина в Тарсии. В 1192 г. неудачный мятеж Псевдо-Алексия II [4].

В 1200–1206 гг. успешный сепаратисткий мятеж Лео Хамаретосом в Лаконии. В 1200–1208 гг. успешный мятеж Льва Сгуроса и создание сепаратистского государства на Пелопоннесе. В 1201 г. неудачный переворот Иоанна Комнина Толстого против императора Алексея III Ангела в Константинополе. В 1201 г. неудачное восстание Иоанна Спиридонакиса в Македонии. В 1201–1202 гг. неудачный мятеж Мануила Камцита и Добромира Хрисоса в Фессалии и Македонии. В 1202–1204 гг. латиняне вмешиваются в споры о престолонаследии после свержения Исаака II Ангела. В 1204–1205 гг. успешный спепаратиский мятеж Мануила Мавpозомом во Фригии, Сабаса Асиденоса в низовьях Меандра, Иоанном Кантакузином в Мессении и др. В 1222–1225 гг. после падения Константинополя вмешательства латинян в престолонаследие в «Никейской» империи.

В 1321–1328 гг. гражданская война в Византии. Противостояние между Андроником II Палеологом и его внуком Андроником III Палеологом. В 1341–1347 гг., 1352–1357 гг. и 1373–1379 гг. новые гражданские войны. Аристократические противостояния знатных семей, народные крестьянские восстания и массовые эпидемии окончательно подорвали возможность существования Византии как государства [5]. В 1342–1350 гг. успешный сепаратистский мятеж феократа Фессалоник. В 1453–1454 гг. крестьянские восстания в Деспотате Морея, были подавлены уже османами [6].

Был приведен далеко не полный перечень гражданских беспорядков в империи и практически не были упомянуты сугубо дворцовые перевороты, не затронувшие широкие массы населения Византии. Но уже упоминаемые мятежи достаточно красноречивы как в своем количестве, так и по сути, в непрерывности протекавших повседневных политических процессов.

На основании анализа приведенных примеров можно сделать следующие основные выводы. Политическая повседневность Византии отличалась исключительно высокой степенью динамизма. Возможность прихода к власти любого успешного царедворца или командующего войсками никогда не подвергалась сомнению. Занятие власти Василевсом само по себе не означало ни безопасности его правления, ни самой жизни. Непрерывные военные мятежи сопровождали правление практически всех императоров.

Народные выступления развивались по следующим направлениям. Изначально успешные полководцы, поддержанные своими войсками и населением, вверенных в управление провинций, провозглашались императорами и военным путем пытались свергнуть правящего Василевса. Это им удавалось с различной степенью вероятности. Но постепенно нарастает тенденция к расколу государства. Провозглашенные узурпаторы не стремятся в Константинополь, они пытаются основать незавсисимое государство в контролируемых провинциях. В течение IV–X вв. подобные попытки кончались крахом. Единство правового поля, правосознания ромеев не позволяли допустить мысль о распаде страны. Император мог править Римской империей, Романией, а не, например, Равенским экзархатом или Фракией. Население поддерживало карательные войска, которые выступали в поход против неудачливого узурпатора. Провозглашенный император должен был либо войти в Константинополь, доказав свое превосходство, или умереть в бою или на плахе. Но были и случаи компромисса, когда неудачливый император каялся и получал прощение с последующей ссылкой. Но такие случаи были редки.

Начиная с XI в. ситуация меняется. Государство слабеет, оно не может удерживать периферийные провинции, и узурпаторы закрепляются как национальные вожди и основывают свои династии. Империя сжимается до своего, по преимуществу, греческого этнического ядра. Она начинает восприниматься греческим населением как греческое государство. Сепаратизм XIV–XV вв. уже принимает формы национально-освободительной борьбы православного населения от латинян и мусульман. Имперский центр уже не может оказать помощь своим провинциям, и они вынуждены выживать, опираясь на свои ресурсы. Трапезунд, Морея и другие территории воспринимались населением как осколки рухнувшей империи. Их правители были деспотами, стремившими сохранить православную культуру.

Важно отметить элементы этнического противостояния. Отдельные провинции выдвигали на правление империей своих выходцев и на престол выходили династии исаврийцев, армян, фригийцев и др. Данное обстоятельство в условиях политической нестабильности наоборот сплачивало империю, в которой изначально не было доминирующего этноса. Но религиозное противостояние тоже имело место. В этой связи борьба за ту или иную особенность вероучения в отдельных провинциях наоборот раскалывала общество.

Нельзя забывать и о росте влияния династичности в повседневном сознании ромеев. Начиная с IX в. политическая борьба, по сути, свелась к борьбе за престол нескольких знатных династий. Успешный, но не знатный полководец не мог удержать власть. Представители знатных семей становились знаменем в руках тех или иных социальных групп.

Список литературы

1. Михаил Панарет. Трапезундская хроника / подг. А. Хаханова // Труды по востоковедению Лазаревского ин-та вост. языков. Вып. 23. – М.: Изд-во Гацук, 1905. – 51 с.
2. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. статья, пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. – СПб.: Алетейя, 2000. – 512 с.
3. Лев Диакон. История / пер. М. М. Кириленко; ст. М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1988. – 239 с.
4. Никита Хониат. Никиты Хониата история, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина: в 2 т. / пер. под ред. В. И. Долоцкого (1 т.) и И. В. Чельцова: (2 т.). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 1860–1862.
5. Никифор Григора. История ромеев / пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб.: Квадривиум, 2014–2016 / Т. 1: Книги I-X. 2017. – 433 с.
6. Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства / под общ. ред. М. А. Морозова. – СПб., 2003. – 448 с.

Сведения об авторах

Макаров Дмитрий Андреевич – кандидат юридических наук, преподаватель колледжа, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3484-4637, e-mail: Dim36817245@yandex.ru

Макарова Олеся Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-8515-3345, e-mail: m9843711@yandex.ru

Электронное научное издание

XXX Царскосельские чтения

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ 1

Материалы международной научной конференции

21–22 апреля 2026 г.

Редакторы: *Е. С. Дмитриева,Т. Г. Захарова,*
В. А. Паршутина, Е. Н. Куликовская
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Техническая обработка *Н. П. Никитина*

Подписано к использованию: 14.09.2026
Заказ № 2123
Тираж 100 экз.
Объем издания: 4 Мб
1 CD-ROM

Минимальные системные требования
ПК (AMD, Intel, 1,5 Ггц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM;
Adobe Acrobat Reader

Программное обеспечение, использованное для подготовки издания:
MS Office, Adobe Acrobat DC

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
www.lengu.ru; pushkin@lengu.ru: тел. +7 (812) 451-91-76